

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОМАН

Лесли
Уоллс

БАНКИР

Лесли Уоллер

Банкир

*Нью-йоркским журналистам,
которые изо дня в день
пытаются
придать какой-то смысл тому,
что происходит*

Глава первая

К исходу дня солнце подернулось красноватой дымкой, будто опаленное.

Казалось, сейчас оно запылывает и сожжет себя в собственном пламени. Быстро клонясь к горизонту, оно пронзало янтарными лучами пенные барашки на гребнях волн, бегущих вперегонки вдоль Лонг-Айленд-Саунд.

— А ветер-то крепчает, — сказал Палмер и взглянул на старого яхтсмена.

— Пустяки, — ответил тот и, передав управление Палмеру, проворным кошачьим движением подтянул риф на грот-мачте.

Палмер наблюдал, как старик выпрямился и, чуть отклонив голову, зорко глянул мимо вздувшегося кливера в сторону берега. Его крепкое сухопарое тело на широко расставленных ногах в белых потертых кедах, будто вросших в днище яхты, уверенно покачивалось вместе с ней в такт набегавшим волнам.

— Право руля, — бросил он Палмеру. — Курс на береговую вышку. Позабыв, что Бэркхардт вовсе не смотрит в его сторону, Палмер кивнул головой.

За весь день старик ничем не дал почувствовать, что наблюдает за ним, отметил про себя Палмер. А ведь Бэркхардт пригласил его на этот уик-энд с единственной целью — самолично проверить Палмера, заглянуть в самые сокровенные тайники его характера.

— Устье канала — справа от вышки, — проговорил Бэркхардт.

Он обернулся, и взгляд его мутно-голубых глаз скользнул по лицу Палмера. — Заводи к причалу, — закончил он, снова отворачиваясь. Теперь Бэркхардт уселся в тени, под кливером, и принялся спокойно набивать свою трубку, будто больше ничего на свете его не интересовало.

А ветер с берега все усиливался. Палмер почувствовал, как яхту рвануло и накренило вперед. Он поспешно ослабил румпель, и мачта стала медленно возвращаться в вертикальное положение.

Нет, решил Палмер, затопить яхту в какой-нибудь миле от берега едва ли будет самым удачным финалом их уик-энда. Если Бэркхардту не терпится поплавать, в его распоряжении весь завтрашний день. Впрочем, старик, кажется, не склонен нарушать свой субботний отдых.

— Теперь не зевай, гляди в оба, — крикнул Бэркхардт. — Держи право руля и — полный ход.

Палмер утвердительно кивнул головой, сознавая, что для него наступает самый критический момент этой прогулки. Он не сомневался в том, что состояние его дел было тщательно проверено аппаратом Бэркхардта в Чикаго. Его семейное положение также было хорошо известно старику, а миссис Бэркхардт за завтраком постаралась уточнить еще кое-какие детали. Однако именно теперь, в эту минуту, изучаются уже его личные свойства.

— Давай выравнивай! — крикнул Бэркхардт.

Палмер открыл рот, чтобы саркастически ответить: «Есть, сэр», но передумал и смолчал. Он налег на румпель и выровнял курс на порт. Парус на грот-мачте

набрал полный ветер, и Палмер услышал, как забурлили волны, рассекаемые стремительным ходом яхты.

Очертания берега становились все отчетливей. Палмер уже видел фигуру матроса в красных трусах на наблюдательной вышке. Яхта неслась к берегу. Палмер разглядел два полосатых зонта и надувной плот, но все еще не мог обнаружить входного устья канала.

— Устье справа от вышки? — крикнул Палмер. Свист ветра заглушал его голос.

— По правому борту! — откликнулся Бэркхардт.

Палмер стиснул зубы. Старик, несомненно, уже начал проставлять отметки в моем экзаменационном листке, подумал он. И отметки, как видно, неважные.

Берег с угрожающей быстротой надвигался на Палмера. Он слышал тревожный, аритмичный стук собственного сердца. Вышка, дети, зонтики, кабинки купальни, плоскодонные рыбацьи лодки — все было как на ладони. Не было только устья канала. На Мичиганском озере, на своем одномачтовом паруснике или сорокаметровой яхте своих родителей, Палмер чувствовал себя совершенно уверенно, знакомые ориентиры и расстояния: причаливать там, даже на таком стремительном ходу, было делом привычным и приятным. Здесь же, в незнакомых водах, это становилось просто пыткой.

— Так держать! — крикнул Бэркхардт.

Палмер отпустил румпель, лодка стала медленно поворачиваться, и вздутые ветром паруса начали опадать. Во внезапно наступившей тишине перед

Палмером возникло устье входного канала, ранее скрывавшегося за скалой.

— Заводи ее в канал, — сказал Бэркхардт.

Но яхта уже потеряла направление. Палмер опять натянул слегка паруса и, постепенно выравнивая курс, провел ее через каменистое устье в длинное русло спокойных прибрежных вод. Справа, в нескольких сотнях ярдов, виднелся лодочный сарай Бэркхардта — небольшое аккуратное строение с красным вымпелом, трепещущим под порывами ветра. Этот сарай напоминал чем-то коттеджи Кейп Кода в миниатюре. Бэркхардт, наверно, заговорит сейчас об этом домике, подумал Палмер, но тут же сообразил, что старик предоставил ему все заботы о яхте, а сам преспокойно занимается своей трубкой, защищая ладонями пламя спички от ветра.

С внезапной решимостью Палмер снова подставил паруса порывистым ударам ветра. Частоколом замелькали мимо сваи причалов. Ну уж если он испытывает меня таким образом, со злостью подумал Палмер, тогда пусть не пеняет, если у него к концу прогулки прихватит сердце.

Яхта неслась прямо на причал, очертания которого с каждым мгновением росли и неумолимо надвигались. И лишь в самый последний момент Палмер рванул румпель, резко развернул лодку на правый борт и с облегчением увидел, как она с опавшими парусами, быстро теряя скорость, слегка изменила курс.

Уже совсем было остановившись, она вдруг едва заметным грациозным движением обогнула причал и стала нежно тереться о его сваи. — Недурно справился, — сказал старик. Он поднялся, держа в руках

канат, и быстро шагнул к причальному столбу. — Точно таким образом делаю это и я, — добавил он, спрыгивая на доски причала. — А ну-ка, кинь мне конец, Вуди.

Потом они медленно поднимались по длинной, усыпанной гравием дороге, ведущей к главному зданию. Бэркхардт снял было бумажный свитер, но тут же прикрыл им плечи, связав узлом рукава под своим тупым подбородком.

— Холодает к вечеру, — пробормотал он.

— Конец августа, ничего не поделаешь. — Палмер следил взглядом за сорвавшимся с исполинского дуба одиноким зеленым листом; покружив в воздухе он упал им под ноги на дорогу.

— Обычно к празднику [Первый понедельник сентября — День труда, официальный рабочий праздник в большинстве штатов США. — Здесь и далее прим. переводчика.] мы перебираемся в город. Эдис с детьми пока еще не переехала. На этот раз они задержатся до моего возвращения.

— Так решил ты сам или твоя жена?

— Я.

Некоторое время они молча взбирались по косогору.

— Ну а если тебе придется задержаться в Нью-Йорке лишнюю неделю, как ты думаешь, справится она с переездом без твоей помощи?

— Справится, конечно. — Палмер медленно перевел дух: подъем становился все круче. — Вуди, мой старший сын, поможет. Ему уже пятнадцатый год.

— У тебя, кажется, их двое?

— Мальчишек двое и еще дочь Джерри. — Палмер не сомневался, что Бэркхардту все это известно. Непонятно только, зачем он прикидывается, будто не знает. — Скоро ей исполнится одиннадцать, — продолжал Палмер, — она родилась второй, после Вуди.

Бэркхардт шел теперь молча, и Палмер вдруг понял, что старик пытается скрыть донимающую его одышку. Постепенно дорога выравнивалась, они достигли вершины холма. Дом Бэркхардта, массивный, приземистый, широко раскинулся перед ними. В закатных отблесках голубые ставни на фоне деревянной облицовки казались зеленоватыми.

Палмер подумал, что, несмотря на причудливость стиля, дом производит приятное впечатление. Центральное строение имело два этажа и портик во всю высоту. В правом крыле, видимо, размещались жилые комнаты, а слева был гараж, отмежеванный от дома проходом, ведущим прямо в сад позади дома. Изящество удивительным образом сочеталось с консервативной солидностью всего ансамбля, который, вероятно...

— Я расспрашивал тебя обо всем этом, — прервал его размышления Бэркхардт, успевший отдышаться, — просто на случай, если тебе придется застрять еще на несколько дней в Нью-Йорке: не поставит ли это в затруднительное положение твою семью?

— Они уже привыкли управляться сами.

Маленькие, пронизательные глаза Бэркхардта на мгновение метнулись в его сторону, но он тут же отвел взгляд.

— При отце тебе, кажется, почти не приходилось разъезжать?

— С начала войны время от времени случалось.

— В связи с закладными? — поинтересовался старик.

— Сперва это была работа, связанная с оценкой имущества, — сказал Палмер, — но после окончания войны... я хочу сказать, что вот уже два года, как я занят совсем другими делами. Мы кредитуем... — Голос его осекся, он вдруг понял, что все эти подробности скучны для старика.

— Насколько я знаю, ты работал какое-то время в Кредитном управлении.

— Как раз накануне войны, совсем недолго. А между 1950 и 1951 годами, — добавил Палмер, — я успел набить руку в делах, связанных с торговым кредитом.

— Твой отец считал, что банкиру нужно знать все, правда?

Бэркхардт вдруг остановился, воззрившись на один из столбов, поддерживающих стенку из необтесанного камня, которая тянулась вдоль мощеной дороги, пересекающей лужайку.

— Какой-то паршивец, — медленно сказал он, — швырял в него гнилые яблоки. Выглядит так, будто голуби целый год украшали этот столб своим пометом.

— Я думаю, следы яблок можно смыть из шланга.

— Нет, невозможно, чтоб ему провалиться! Яблочная кислота въедливая, ее не смоешь, она обесцвечивает камень, — проворчал старик. — Придется, наверно, обдирать песком! — Он с досадой отвернулся и зашагал к дому. — Ты занимался также вопросами прессы и рекламы, — сказал он.

Палмер не разобрал, вопрос ли это или утверждение.

— Да, приходилось, — ответил он, пытаясь попасть в тон старику.

— Просто трудно поверить, что пятнадцать лет назад, — сказал Бэркхардт, — твой отец уже предвидел значение рекламы, необходимость установления прочной связи с прессой. Однако, должен признать, он дал тебе основательную подготовку. В нынешние времена лишь немногие из деятелей, осуществляющих связи банка с прессой, знакомы с банковскими операциями. Большею частью это просто журналисты, агенты по рекламе. Банкира среди них не встретишь.

— Однако без этой публики не обойдешься, — заметил Палмер с напускной беспечностью. — Просто не представляю, что бы я делал, не будь у меня под рукой специалистов по этой части.

— Разумеется, приходится прибегать к их услугам. Нынче эти ребята в большом ходу. — Бэркхардт распахнул боковую дверь, ведущую в дом со стороны гаража. — Не легко отыскать людей, прошедших такую выучку, как ты. Входи.

Очувтившись в темной прихожей, Палмер спрашивал себя — решится ли старый деляга раскрыть свои карты до конца игры. Кто стал бы признаваться, что доволен сделкой еще до того, как закончится торг?

Перед домом, под навесом, украшенным черно-золотистыми полосами, вокруг стола с тяжелой мраморной доской стояли в беспорядке плетеные кресла, а на столе были приготовлены сигареты и пепельницы. Палмер принял душ, переоделся к обеду и теперь, сидя в

кресле, любовался садом, игрой оранжево-коричневых теней, постепенно переходивших в зеленовато-черные; в небе угасали закатные отблески. Бэркхардт уселся рядом, набил трубку и закурил, пуская клубы дыма, почти невидимые в сгустившихся сумерках. Дворецкий поставил на стол поднос и коснулся кнопки на стене позади них. В мягко разлившемся свете Палмер увидел две бутылки виски, три стакана, сифон и окованное серебряным обручем деревянное ведерко со льдом.

— Видишь ли, — сказал Бэркхардт после того, как оба они устроились в своих креслах поудобней и отхлебнули по глотку виски, — люди теперь поднимают кутерьму по любому поводу. Ты, наверно, и сам заметил, что многие просто из кожи лезут вон, только для того чтобы всячески усложнять самые простые вещи.

— Пожалуй, это не ново, — заметил Палмер, стараясь сообразить, к чему старик ведет. — Я хочу сказать, что и в прежние времена мы были склонны к этому, разве нет?

— Не мы, — возразил Бэркхардт, — а они. Не думаю, чтобы банкиру было трудно обойтись без этих усложнений.

— Если вы имеете в виду абстрактные идеи, — продолжал Палмер, — то для рядового человека они обычно выглядят весьма сложными. Мы даже не представляем себе, до чего сложными они могут казаться... им.

— Я говорю и о конкретных понятиях. Обо всем, — задумчиво проговорил Бэркхардт. — Женитьба. Смерть. Прибыль. Власть. Работа. Дороговизна. Вопрос, что лучше носить: пояс или подтяжки. Словом, всякая

всячина. Люди перемудрили решительно во всём. Невозможно пробиться сквозь всю эту путаницу.

Палмер пристально смотрел на Бэркхардта, пытаясь догадаться, что он имеет в виду. Голова старого банкира с коротко остриженными седыми волосами, освещенная рассеянным светом, казалась отлитой из серебра. Его острый, изогнутый клювом нос резко выступал над небольшим ртом и срезанным тупым подбородком.

Палмер потягивал виски. Должно быть, весьма почтенного возраста, решил он про себя: на бутылке не было этикетки.

— Понятно, — проговорил Палмер, хотя не понял решительно ничего, и тут же почувствовал, что поставил себя в нелепое положение, из которого ему не выпутаться. Это напомнило ему о том, как он в течение стольких лет кривил душой перед отцом и именно такой вот ложью обрекал себя на добровольное заточение.

Он отхлебнул еще глоток виски и неожиданно для себя вдруг сказал: -

Нет, постойте. Будь я проклят, если хоть что-нибудь понял из ваших слов! — Он почувствовал, что его ладони стали вдруг влажными, теперь он уже не может сдержаться, чтобы не высказаться напрямик, так же как не мог час назад заставить себя благонравно, без риска, подвести яхту Бэркхардта к причалу.

Было в этом старике что-то такое, от чего Палмера так и подмывало дать ему хорошего пинка в зад. Держать себя все время в тисках, как он держал себя с отцом, — ну уж нет, на это Палмер не пойдет. [Здесь и далее сохранена пунктуация прямой речи издания «Прогресс», 1968.]

Бэркхардт засмеялся — в первый раз за все время.

— Вуди, — сказал он, — принимая во внимание, что ты был младшим в семье, я считаю, что твой отец отлично поработал над тобой. Хотя ты, наверное, этого не ценишь. — Он взмахнул рукой, и кубики льда в его стакане звякнули.

— А ты помнишь, когда мы впервые встретились, а?

— В Чикаго?

— У твоего отца в Уиннетке, — сказал Бэркхардт. — Это было года два до депрессии. Твой дед был еще жив. Сколько тебе тогда было? Одиннадцать?

— Да, пожалуй.

— Вы тогда жили еще все вместе. И твоя мать, и твой брат Хэнли, и ты.

Хэнли был живой, любознательный мальчуган. А ты как-то дичился людей. Мне все это очень запомнилось. Ведь с твоим отцом мы снова увиделись только после финансового краха конца двадцатых и начала тридцатых годов, к этому времени он уже разошелся с матерью.

— Да, правильно.

— Хэнли было тогда сколько? Пятнадцать, — как бы размышляя вслух, сказал Бэркхардт. — Он был очень внимательный и преданный сын. Во время летних каникул он уже начал работать в банке. А ты, мне кажется, не разделял его увлечения, правда?

Палмер ответил не сразу. Бэркхардт обладал проницательностью, но никому еще не удалось узнать правду о старом Палмере и его сыновьях.

— Да, я стал интересоваться этим много позднее, — проговорил Палмер. Ему хотелось услышать, что ответит старик, много ли он знает о нем. Сейчас было важно, чтобы Бэркхардт видел в нем верного, любящего сына, ревностного отцовского преемника.

— Тебя всегда отвлекали посторонние увлечения, — заметил Бэркхардт. — Помнится, ты попал в какую-то историю здесь, на Восточном побережье. Это была девушка не то из Рэдклифского, не то из Смитовского колледжа?

Палмер натянуто усмехнулся.

— Это зависит от того, какую историю вы имеете в виду.

Бэркхардт рассмеялся, во второй раз за все это время.

— А потом, — продолжал он, — во время войны ты не раз бывал на волосок от гибели. Операции специального назначения?

— О, гораздо скромней! Просто армейская разведка.

Несколько мгновений Бэркхардт сидел молча, попыхивая своей трубкой.

— Зато, наверно, тебе полегчало после войны, когда ты смог обосноваться дома и вернуться к своему делу.

Палмер потягивал свое виски. Опасный момент миновал.

— Да, конечно, — солгал он.

— А я все еще помню тебя одиннадцатилетним мальчуганом, спокойным, с собственными, очень определенными взглядами на жизнь.

— Я не встречал еще ни одного одиннадцатилетнего мальчугана, у которого бы не было собственного взгляда на жизнь.

— Ты соорудил тогда с помощью Хэнли модель самолета Линдберга, я как сейчас помню: большущая модель, черт побери, длиной чуть ли не в целый ярд. И ты настаивал, что полетишь на своем сооружении куда-то очень далеко, ты назвал эту местность Ки-бер-Пасс.

— Еще бы, — сказал Палмер, — я в то время зачитывался книгой фантастических приключений, которую стащил у Хэнли. Я тоже хорошо помню тот год.

— А помнишь, как тебя уговаривала мать: «Не надо, не улетай, Вуди, это так далеко. Мы больше не увидимся!» А ты тогда сказал: «Пустяки. Послезавтра я прилечу домой»... Удивительно, как просто рисуется в юности будущее! Однако для матери и по сей день все это не так просто. В то время я тоже не мог бы этому поверить. И вот все изменилось, будто в один день.

— Да, почти что так, прошло всего лишь несколько десятков лет, — сказал Палмер.

— Так тебе понятно, к чему я веду? — вдруг резко спросил Бэркхардт. — Люди склонны усложнять самые простые вещи. Требуется особый склад ума, чтобы видеть, что в действительности все очень просто.

— Особый склад ума... такой, каким обладает либо банкир, либо ребенок.

Старик снова рассмеялся и отпил виски из своего стакана.

— С чем только люди не носятся в наши дни, — проговорил он наконец. — Все эти грандиозные идеи о западной цивилизации, о свободном мире. Теперь только это и слышишь.

— Это естественно, люди в тревоге...— Палмер запнулся, от него вновь ускользнула нить мыслей старого банкира.

— Не о чем им беспокоиться. Решительно не о чем, если только они перестанут все усложнять.

Бэркхардт чуть подался вперед, отчего его фигура показалась вдруг крупней и значительней.

— Возьмем, скажем, этот самый «свободный мир», — продолжал он, уставившись на свой стакан. — Иными словами, наше полушарие и всю Европу, за исключением стран за «железным занавесом». Ведь примерно так он у нас понимается?

— Пожалуй.

— Так вот. — Бэркхардт выпрямился, и в его голосе зазвучали вдруг торжественные нотки. — Когда говоришь о «свободном мире», то имеешь в виду капитализм, а когда говоришь капитализм, подразумеваешь Соединенные Штаты Америки, потому что мы его возглавляем. Говоря о Соединенных Штатах, ты имеешь в виду банки, потому что именно банки дают деньги. Дальше: когда ты говоришь банки, то имеешь в виду наиболее влиятельные из них, то есть «Юнайтед бэнк», потому что он самый крупный. — Небольшие голубые глаза старика глянули на Палмера очень серьезно. — Когда же ты говоришь «Юнайтед бэнк», — его голос неожиданно зазвучал очень тихо, — это значит, что ты говоришь обо мне.

На несколько мгновений наступило молчание. Палмер услышал, как под ним заскрипело кресло.

— Вот об этом я и толкую, — заключил старик, — надо смотреть на вещи просто. Мне требуется первый вице-президент банка. Когда ты сможешь приступить к своим обязанностям?

Глава вторая

В понедельник Палмер вышел из подземки на станции Гранд Сентрал и на мгновение остановился, щурясь от яркого утреннего солнца. Он окинул взглядом людей, спешивших на работу, прислушался к звонкому постукиванию дамских каблучков вдоль Парк-Авеню по направлению к кварталам Меррей Хилл.

Низко стелющийся утренний туман смягчал резкие тени тревоги на замкнутых лицах прохожих. Глаза их были расширены и сосредоточенно устремлены вперед. Сжатые губы выдавали скрытые заботы. Губы женщин были красны, как зияющие маленькие раны, ранние морщинки бороздили лоб. Лицо городского жителя в понедельник, безжалостно красноречивое под лучами солнечного прожектора.

Палмер легонько подбросил в руке свой саквояж, словно прикидывал его вес, и перешел на западную сторону Парк-авеню в надежде найти такси. Двадцать минут назад шофер Бэркхардта довез их обоих на «флитвуде» до конечной станции метро у Ван-Кортленд парка, еще влажного от утренней росы. Усевшись в вагон подземного экспресса, они сразу углубились в свои газеты и за всю дорогу не обмолвились ни словом. На остановке Гранд Сентрал Палмер вышел.

Пуританство, доходящее до абсурда, размышлял Палмер. Впрочем, эта черта свойственна и другим банкирам Восточного побережья. Бэркхардт мог позволить себе поездку на своем «флитвуде» из Коннектикута, где был его загородный дом, до самого Нью-Йорка. Однако не дальше, чем до станции метро в Бронксе, откуда можно за пятнадцать центов добраться

подземкой до Брод-стрит. Наверно, его пуританская совесть не позволяла ему поступить иначе.

Нет, решил вдруг Палмер, тут дело вовсе не в совести: Бэркхардт давно уже рассчитал, что подземка доставит его к деловому центру Нью-Йорка быстрее, чем автомобиль, а конечная станция в Бронксе обеспечивает ему удобное место в вагоне на всем пути.

Палмер быстро зашагал на юг по Парк-авеню, непринужденно помахивая саквояжем. Приостановившись, чтоб закурить, он чуть не стукнул по бедру молодую женщину, которая поравнялась с ним.

С чего это я так размахался? — недоуменно подумал Палмер и решил, что это, вероятно, реакция: все время находясь с Бэркхардтом, он старался ничем не выдать радости, охватившей его по случаю неожиданно полученного высокого назначения.

По сигналу светофора, открывшего путь, Палмер машинально пошел за молодой женщиной, следя за движениями ее бедер в свободно облегавшем платье и за игрой мускулов ее стройных ног, которые попеременно в ритм шагу то напрягались, то опадали, напоминая пульсацию наполненного кровью сердца.

Женщина свернула на Тридцать девятую улицу, и Палмер остановился на углу, провожая ее взглядом. Что-то стеснило ему грудь. Закрыв глаза, он медленно, с усилием дважды глотнул, чувствуя, как горло перехватывает спазма. Голова у него закружилась, а лицо словно обдало жаром. Он тотчас же открыл глаза; ему показалось, что он падает, и, чтобы удержаться, он сделал шаг назад. Женщина уже исчезла в толпе.

Палмер глубоко вздохнул, перешел через дорогу и медленно пошел вперед, завернул за угол и толкнул вращающуюся дверь здания клуба «Юнион лиг». Автомобильные гудки, скрежет автобусных тормозов и чеканное постукивание женских каблучков остались позади. Спокойная тишина окутала его, как прохладный мягкий плащ. Палмер кивнул высоченному негру, который уже много лет неизменно стоял здесь, слева от короткого коридора перед лестницей, ведущей к главному фойе.

— Доброе утро, мистер Палмер, сэр.

— Доброе утро. — Как бы проверяя своевременность этого обмена приветствиями, Палмер взглянул на свои часы и, передавая ему свой саквояж, отметил, что до девяти утра остается еще пять минут.

— Отнести в ваш номер, сэр?

— Да, конечно, — ответил Палмер. Он последовал было за коридорным прямо к лифтам, но сделал крюк, чтобы взглянуть на телетайп с индексами Доу-Джонса [Показатели курса биржевых акций.], с биржевыми новостями.

Поскольку до открытия биржи оставалось еще время, Палмер лишь скользнул взглядом по последней недельной сводке курса акций. Затем он вошел в кабину лифта и ощутил его мягкое скольжение вверх. Лифт остановился, и Палмер пошел за коридорным, который внес его саквояж в номер, положил на подставку для чемоданов в ногах огромной двуспальной кровати и открыл окно.

— Какие будут распоряжения, мистер Палмер?

Палмер мотнул было отрицательно головой, но тут же передумал.

— Вот что, — сказал он, — раздобудьте-ка мне «Чикаго трибюн» и «Уоллстрит джорнэл».

— Слушаюсь, сэр. Если вам потребуется меню, оно в ящике письменного стола, сэр.

— Спасибо, я уже позавтракал.

— Как угодно, сэр.

Дверь за коридорным бесшумно закрылась.

Палмер сел на кровать, и матрац под ним упруго подался. Он заметил, что вещи из большого чемодана за время его трехдневного отсутствия уже разложены по полкам, а оба костюма висят, отутюженные, в стенном шкафу. Палмер попытался было припомнить, что ему надо еще сделать, пока он в НьюЙорке, но, поскольку главная цель поездки была достигнута, сейчас ему трудно было сосредоточить мысли на чем-то другом.

Вице-президент «Юнайтед бэнк»! Палмер откинулся на подушки и вытянулся на кровати во весь рост. Старый финансовый воротила не преувеличивал, говоря о могуществе своего банка. В его власти, несомненно, был самый мощный финансовый рычаг страны, так как крупнейшие банки «Фёрст нешнл сити бэнк» и «Бэнк оф Америка» занимали по сравнению с ним лишь второстепенное место.

Интересно, в каком возрасте достигали его предшественники поста вицепрезидента ЮБТК, лежа размышлял Палмер. В пятьдесят пять лет? Или в шестьдесят? Палмер закрыл глаза, пытаясь представить себе, как будут выглядеть заголовки газет, когда через

месяц в разделе финансовой хроники появится сообщение:

«Юнайтед бэнк» назначает Палмера, 44 лет, на пост вице-президента.

Чикагские газеты преподнесут это особенно приятно: «Вудс Палмермладший назначен вице-президентом „Юнайтед бэнк“. На этом посту Палмер — самый молодой из всех его предшественников».

В дверь деликатно постучали.

— Войдите, — сказал Палмер, садясь. Вошел рассыльный-негр.

— «Чикаго трибюн», сэр, — сказал он. — И еще «Уолл-стрит джорнэл». — На мгновение он умолк, но не утерпел и добавил: — «Трибюн» только что начали разгружать для отеля «Коммодор Вандербилт», сэр. У меня приятель на Гранд Сентрал, он приносит мне по одной газете каждое утро.

— Отлично, — сказал Палмер. Он полез было за мелочью в правый карман брюк, но негр не стал дожидаться чаевых, он только кивнул Палмеру, повернулся и вышел из номера.

Оставшись снова один, Палмер взял газету и стал медленно перелистывать страницу за страницей. Его взгляд задержался на рекламе новой модели автомобиля с изображением девушки в купальном костюме, подчеркивающим линию ее бюста и бедер. На мгновение он застыл, глядя на рисунок, затем выпустил газету из рук, и она скользнула с кровати на пол.

Он взял телефонную трубку.

— Соедините меня с Уотервлитом, Висконсин, номер пять-пять-десять, два звонка. — Он сделал паузу и повторил: — Уотервлит. — Затем положил трубку на место.

Сердце застучало неровно, и он сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться, недоумевая, что могло нарушить его ровный ритм. Наверно, предстоящий разговор с Эдис, ответил он сам себе, чувствуя в то же время, что это ложь.

Нет, решил Палмер, разлука с Эдис на несколько дней, которая, может быть, затянется еще на неделю, тут ни при чем. Со времени войны ему не раз приходилось отлучаться из дому на несколько недель, совершая деловые поездки по стране. Все это не имеет никакого отношения ни к Эдис, ни к тому, что он живет здесь без нее, ни к предстоящему телефонному разговору. Однако что же тогда с ним? Может быть, всему виной его новое назначение?

С кривой усмешкой он уставился на потолок: как он наловчился, однако, запутывать себя чертовски разумными предположениями, в то время как сам отлично уяснил себе, и даже не разумом, а чувством, что с ним творится. Он ощущает это, когда у него вдруг перехватывает горло, когда он с болезненной жадностью провожает взглядом каждую женскую фигуру на ньюйоркских улицах.

Может быть, началось это еще с весны. Или чуть позже, летом, когда он по субботам навещал жену и детей на даче в Висконсине и там еще были эти девицы в купальных костюмах, это было нестерпимо. А в городе он всю неделю работал, обливаясь потом в своей конторе с кондиционированным воздухом до позднего вечера, пока

не исчезали с опустевших улиц последние женщины, возвращавшиеся с работы.

Только за неделю до этой поездки в Нью-Йорк, в конце августа, он окончательно разобрался, что с ним. Это было на заседании отдела рекламы и информации в связи со слиянием компаний. Мисс Хэрман, которой всегда удавалось привлечь к себе внимание мужчин, так эффектно перекидывала ногу на ногу с правой на левую и обратно, что Палмеру пришлось сдвинуться на край стула, чтобы ему было видней. И это не прошло незамеченным для присутствующих в зале...

Да, мужской климакс, подумал Палмер. В тот же миг зазвонил телефон. Палмер сел на кровати, отметив, что сердце бьется теперь совершенно спокойно, почти вяло.

— Соединяю с Уотервлитом, — сообщила телефонистка.

Прислушиваясь к знакомому двукратному звонку телефона в его загородном коттедже, он взглянул на часы. Девять двадцать. Значит, восемь двадцать в Висконсине. Снова двукратный звонок. Эдис, наверное, встала и уже позавтракала вместе с миссис Кэйдж. Дети еще спят. Еще звонок. А может быть, все они встали пораньше, чтобы искупаться перед завтраком. Хотя вода в озере по утрам теперь холодна. Снова звонок. Или никто из них еще не вставал? Да, конечно, это так. Последний звонок коротко оборвался.

— Хэлло?

— Эдис? Доброе утро.

— О! Здравствуй, папка, это я.

— Джерри? Я разбудил тебя.

Продолжительный зевок прямо в телефонную трубку.

— Нет, — раздался голос дочери. — У нас под крышей осы свили гнездо.

Они с раннего утра будят меня. Откуда ты говоришь?

— Из Нью-Йорка. Как у вас там жизнь?

— Прекрасно.

— Как Вуди? И Том?

— Прекрасно.

— Попроси маму к телефону.

— А ее здесь нет.

— Тогда разыщи ее, Джерри. Я подожду.

— Я не знаю, где искать.

Палмер перевел дыхание, стараясь быть спокойным.

— Джерри, положи трубку и оклики ее. Позови погромче, чтобы она услышала. Хорошо?

— А вдруг она еще не проснулась? Я ведь разбужу ее, если буду кричать.

— Послушай, — медленно сказал Палмер, — не стоит гадать. Сделай, как я сказал, Джерри. Ведь я звоню издалека.

— Ну-у... — нерешительно протянула девочка. И вдруг закричала так пронзительно, что у него засвербило в ухе: — Мам! Мам! Эй, мам!

— Не в трубку, Джерри!

— Ма-ам!

Брошенная трубка гроыхнула о доску телефонного столика. Палмер слышал, как голос Джерри стал постепенно удаляться.

Он снова откинулся на подушку, представляя себе, как дочь бежит сейчас по их старому дому. Наверно, она еще в пижаме, а может быть, уже в шортах и в лифчике, под который недавно начала подсовывать мягкие подкладочки.

Внешностью Джерри походила на Палмера, это не очень удачно для девушки, размышлял он. Она была слишком высокой для своего возраста. В свои одиннадцать лет она была лишь на дюйм ниже Эдис. Как и у Палмера, ноги были у нее непомерно длинные и лицо, как у него, узкое, впалые щеки и высокие, резко очерченные скулы. Тонкая, туго обтягивающая лоб и подбородок кожа лишала лицо детской округлости. Из нее вышла бы отличная манекенщица, подумал Палмер и взглянул на часы. Прошло уже пять минут. Услышит ли Джерри, если он крикнет в трубку? Куда она запропастилась? Дом у озера был построен еще дедом Палмера, вскоре после убийства Мак-Кинли. Бестолковое двухэтажное сооружение с позеленевшим медным куполом и белым резным карнизом вдоль всего фасада, обшитого кедром. От самого дома к крытой пристани вела трехсотметровая дощатая дорожка. В памяти Палмера сохранились воспоминания детства, связанные с этим домом: причал, освещенный японскими фонариками, музыка маленького оркестра, доносившаяся с озера до спальни мальчиков, где он и его старший брат Хэнли, вместо того чтобы спать, просиживали до поздней ночи, прильнув к окну. Палмеру запомнился легкий

перезвон ледяных кубиков в чашах с пуншем и женщины в коротких обтянутых юбках.

Палмер снова взглянул на часы: прошло уже восемь минут! Он присел на край кровати и с нетерпением уставился на беспорядочно разбросанные по полу у кровати листки «Трибюн». С рекламной страницы лукаво смотрела на него девица в купальном костюме. Он отодвинулся к стене, обшитой деревянной панелью.

Бэркхардт намеревался весь этот день, включая и ленч, посвятить совещаниям с руководящим персоналом ЮБТК. С минуты на минуту Палмер ждал звонка Бэркхардта, который должен был уточнить время их встречи.

— Папа! — послышался голос Джерри.

— Боже мой! Неужели ты не понимаешь, что нельзя так долго задерживать...

— Я не могу найти ее, — прервала его девочка.

— Хорошо, — сказал Палмер, едва сдерживая закипавшее в нем раздражение. — Передай ей... нет, лучше возьми карандаш и запиши.

— Ладно.

— Записывай, — сказал Палмер уже более спокойным голосом. — Первый вице-президент...

— Пишу. — Пауза. — А сколько «е» в слове вице-президент?

— Ох, боже мой, Джерри!

Палмер снова сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Записывай: «Юнайтед бэнк энд траст ком...»

— Ой-ой-ой. Юнайтед, а дальше что?

Палмер закрыл глаза и повторил уже совсем спокойным голосом:

— ...бэнк энд траст компани». Пожалуйста, прочти то, что ты записала.-

Он внимательно все выслушал и утвердительно кивнул головой. — Передай маме, что я назначен на этот пост, — добавил он.

— Теперь мы переедем в Нью-Йорк? — спросила Джерри.

— Очевидно.

В ответ раздался неприятный звук, будто Джерри сейчас стошнит прямо в трубку. — Папа! — простонала она.

— Послушай, мисс Палмер, ты когда-нибудь получала серьезную взбучку?

— Хорошо, хорошо, — вздохнула девочка, — я все передам, но едва ли эта новость кого-нибудь обрадует.

— До свидания, Джерри. — Палмер повесил трубку.

Сколько «е» в слове вице-президент! Как будто это слово можно написать как-то иначе!

Палмер снова откинулся на подушку и закрыл лицо руками. Послушай, дорогая, послушай, теперь я, в сорок четыре года, стал вторым по рангу руководителем самого большого банка во всей стране. Слушай, дорогая, мне больше не нужно корпеть в Чикаго и довольствоваться бессмысленным титулом на бумажном бланке. Хэлло, дорогая, спокойной ночи!

Он встал и подошел к зеркалу на туалетном столике. Кожа под его серыми, широко расставленными глазами слегка одрябла и потемнела. Он плохо спал в доме Бэркхардта. Решающий момент после напряженного и тонкого маневрирования, принесшего ему эту молниеносную ошеломляющую победу, совершенно лишил его сна.

Палмер подошел к окну, выходившему на Пятую авеню, и рассеянно принялся разглядывать прохожих. Он грустно вздохнул, ощутив, что ему чего-то не хватает. Через некоторое время, глядя на толпу, он понял, что ищет среди прохожих женщин. Однако, после девяти все они уже были на своих рабочих местах. Палмер постоял еще у окна в надежде, что какая-нибудь из них, опаздывая на работу, все же промелькнет мимо, маня своими...

Горло перехватила спазма, Палмер судорожно глотнул и поспешно отвернулся от окна. Опустив взгляд на носки своих ботинок, он снова увидел девицу в купальном костюме на рекламной странице газеты на полу.

Раздался телефонный звонок. Палмер поднял трубку.

— Вуди? Мы можем встретиться около одиннадцати. Идет? — прозвучал голос Бэркхардта.

— Отлично.

— Итак, до встречи. — Бэркхардт повесил трубку.

Палмер открыл ящик комода, вынул рубашку и с раздражением заметил, что миссис Кэйдж оставила

морщинку на воротничке. Он взял другую рубашку и, расстегнув пуговицы, разложил ее на кровати.

Переодеваясь, он мысленно вернулся к телефонному разговору с Бэркхардтом и попытался вообразить, как будет выглядеть эта встреча. Вероятно, она будет носить неофициальный характер, решил он, просто повод, чтобы представить его узкому кругу руководства банка. Какого же рода вопросы могут возникнуть в их беседе?

Одним из преимуществ Палмера была способность предвосхищать события. Теперь он это знал, а вначале и сам не подозревал об этой своей способности. Первым, кто ее обнаружил, был Гарольд, вице-президент его отца. Гарольд собирался подать в отставку, он давно уже об этом подумывал. Банк достиг определенного размаха после второй мировой войны. Однако при нынешнем составе руководства вряд ли можно было ожидать дальнейшего роста. Гарольд видел это гораздо отчетливей, чем отец Палмера, уже в то время пораженный неизлечимой болезнью, о которой он не подозревал. К этому времени и Гарольд и отец Палмера приближались уже к восьмому десятку, и Гарольд решительно выступил за то, чтобы молодой Вудс, исполнявший тогда должность секретаря вице-президента, был назначен на покидаемый им, Гарольдом, пост второго по рангу руководителя банка.

— Должен напомнить вам, что этому юноше едва минуло тридцать пять! — заявил тогда отец Вудса.

— Да, но у него ваша голова, — несколько поступившись истиной, ответил Гарольд. — У вас даже одинаковый образ мыслей.

Они открыто обсуждали кандидатуру Палмера, словно его и не было рядом с ними в этой комнате. В действительности же Палмер и три других вице-президента банка находились тут же и прилагали все усилия к тому, чтобы производить впечатление людей, занятых лишь своими собственными мыслями. Никто не сомневался в том, что Палмер ничуть не стремится занять место своего отца. Это было совершенно очевидно и понятно. Каждый отец создает дело для своего сына, это так же естественно, как то, что солнце ежедневно восходит на востоке. Однако, если сын не хочет принять этот дар, если он неудачный отпрыск своего рода и если он присутствует на этом совете лишь потому, что отец его при смерти? Ну что ж, это уж касается лишь сына, это, так сказать, вопрос его совести.

— У него дар предвидения, — заявил тогда Гарольд. — Тот особый склад ума, который бывает лишь у настоящих банкиров, — способность постоянно видеть в перспективе бесчисленное множество альтернатив. Это весьма ценный дар.

Наступила неловкая пауза, и Палмер, откашлявшись и улыбнувшись, шутливо сказал: — Насколько мне известно, фирма электронно-вычислительных машин работает сейчас над изготовлением аппаратуры, которая будет справляться с этим значительно лучше... Надевая чистую рубашку, Палмер внимательно разглядывал себя в большом зеркале туалета. Предложение водрузить юного наследного принца на малый трон в возрасте тридцати пяти лет мало воодушевляло отца, как и самого Палмера, который и слышать об этом не хотел. Сейчас же он, словно в омут головой, был брошен на малый трон значительно большего королевства, империи «Юнайтед бэнк энд траст компани». И здесь он сразу становился

вторым по значению лицом в самом крупном банке страны. Палмер посмотрел на свой портфель, спрашивая себя, положил ли ему Мейген среди бумаг что-либо полезное, пригодное для сегодняшней деловой беседы. Так снова заговорил в нем бесценный дар предвидения. Он открыл портфель, медленно пролистал досье «Положение в банках Нью-Йорка», просмотрел вырезки и напечатанные на машинке краткие обзоры, читанные им уже не раз. Да, все это можно определить одним словом «неустойчивость». Дела в финансовом мире Нью-Йорка были стабильны лишь постольку, поскольку было стабильно положение в стране в целом, так как Уолл-стрит одновременно и диктовал и отражал политику, проводимую тысячами банков в штатах, ведущих операции с Нью-Йорком. Взвесив эту ситуацию, Палмер решил, что кредитный цикл явно уподобился пресловутому удаву, который очень плотно свернулся в клубок, так плотно, что еще немного — и он проглотил бы собственный хвост.

Как и прежде, был большой спрос на свежий приток денег, на сбережения и наличные, то есть на зеленые банкноты, которые при получении порождали бы новые деньги в виде банковских кредитов, мнимых денег, но таких, которые можно было бы широко пускать в оборот.

Вот в чем заключалась, по существу, вся проблема с кредитами. Вся страна взывала к банкам в поисках кредитов, начиная от автомобилиста, который считал, что непременно должен обменять прошлогодний автомобиль на модную марку текущего года, и до заводчиков Детройта, стремившихся получить под товар в до отказа забитых складах деньги для покупки стали.

Однако, думал Палмер, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, откуда все же доставались эти новые деньги? Каким образом людям удавалось делать какие-то сбережения? Рядовой квалифицированный механик зарабатывал не более 600 долларов в месяц, то есть 7200 долларов в год. После вычета подоходного налога у него оставалось менее 6000 долларов. Дом, в котором он жил, был построен таким образом, чтобы развалиться не позже чем через десять лет, а обошелся ему вдвое дороже продажной стоимости постройки. Таким образом, приобретенный в рассрочку дом поглощал в год не менее 2000 долларов в виде очередных взносов и налогов. В результате на жизнь оставалось около 4000 долларов. Из них 2000 долларов шло на взносы, связанные с покупкой автомобиля и различных предметов домашнего обихода. Предполагалось, что рядовой американец с женой могли жить счастливо и в довольствии, одевая, питая и обучая троих своих детей на оставшиеся 2000 долларов в год, то есть приблизительно на 38 долларов в неделю.

Отложив в сторону досье «Положение в банках Нью-Йорка», Палмер размышлял над тем, когда же наконец лопнет воздушный шар этой жизни взаймы. Можно ли было вообще допустить, чтобы этот шар лопнул? Не существовало ли каких-либо средств, которые могли бы предотвратить его гибель?

Открыв досье с надписью ЮБТК, Палмер чуть ли не в двадцатый раз уставился на вырезку, озаглавленную «Большой человек».

Вторая колонка статьи посвящалась биографии Бэркхардта и его карьере. На фотографии у штурвала двенадцатиметровой яхты красовался стройный и

суровый Бэркхардт, а подпись под фотографией гласила: «Лэйн Бэркхардт у кормила „Юнайтед бэнк энд траст компани“. Этот раздел начинался с характеристики Бэркхардта как искусного яхтсмена и изобиловал метафорами:

«В тот памятный год, в сентябре, Бэркхардт скинул свою выбеленную морскими ветрами кепку яхтсмена и встал у штурвала старого поскрипывающего финансового судна (построенного еще в 1798 году), известного в Нью-Йорке на Уолл-стрите под названием „Юнайтед бэнк энд траст компани“. К моменту событий в Пирл-Харборе в 1941 году судьба банка была уже в надежных руках, под контролем Бэркхардта.

Новый капитан, направляющий курс ЮБТК, столь искусно сосредоточил контроль в своих руках, что хлопотные пятидесятые годы прошли безболезненно, а затем наступила пора созидания крупнейших финансовых объединений страны путем слияний. И вот из туманов Уолл-стрита в одном ряду с такими гигантами, как «Чейз Манхэттен бэнк» и «Фёрст нешнл сити бэнк», отправился в плавание мощный корабль ЮБТК. Так, к двум великанам прибавился третий, хотя жители Калифорнии попрежнему с гордостью продолжали считать «Бэнк оф Америка» гигантом, с которым не могли соперничать нью-йоркские Гаргантюа.

На этой неделе Лэйн Бэркхардт и представитель «Хадсон траст» Пол Джерати встретились за обедом в клубе «Юнион лиг». К концу обеда Беркхардт проглотил «Хадсон траст» вместе с пятьюдесятью его филиалами. Так, в результате одного лишь рывка ЮБТК вырвался вперед настолько, что отныне Тройка великанов Нью-Йорка превратилась в Одного плюс Два. \$ 12 441

207 353 в активе «Юнайтед бэнк» превысили даже 11 миллиардов «Бэнк оф Америка».

Хитроумные финансисты, предпочитавшие не предавать гласности свои прогнозы, сомневались, сможет ли Бэркхардт переварить проглоченный им жирный кусок. Портфель «Хадсон траст» туго набит очень рискованными промышленными займами в таких неустойчивых отраслях, как электроника и ракетостроение. Эти займы могут стать серьезной предпосылкой для вспышки финансового гастрита».

Убирая эту вырезку, Палмер задумался над вопросом, который не переставал беспокоить его с тех пор, как Бэркхардт позвонил ему. Он поднялся с кровати, закончил свой туалет перед уходом, снова подошел к зеркалу, окинул себя взглядом, на мгновение заглянул себе в глаза, и ему вспомнился состоявшийся у него неделю назад в Чикаго телефонный разговор. Был жаркий и влажный день, хмурое небо прорезали вспышки молний. Он только что освободился от пресс-конференции, во время которой сделал заявление о своем решении продать банк отца. Он намеревался осуществить это под видом слияния.

Его охватило воодушевление, словно он только что успешно завершил дерзкую военную операцию. И все же, решаясь на этот шаг, он был достаточно осмотрителен и, следуя установленным традициям, выжидал год с момента смерти отца. Никто и не догадывался о том, как не терпелось ему избавиться от банка и всего, что было с ним связано.

По праву этот банк должен был унаследовать его старший брат Хэнли, более уравновешенный и податливый, которого отец мог так хорошо направлять в

его действиях не в пример младшему, Вудсу, доставлявшему отцу немало хлопот. Однако Хэнли ускользнул из-под власти старика в начале 1941 года. Выйдя в море на военном катере из Пенсаколы, он уже не вернулся...

Палмер видел в зеркале, как его серые глаза слегка расширились. Он отвернулся и мысленно снова перенесся в Чикаго в тот знаменательный день. Журналисты только что покинули зал, где проходила пресс-конференция. Он остался один, и им овладело чудесное пьянящее ощущение свободы. С его плеч сброшен тяжелый груз отцовского банка, и вместе с ним исчезло угнетающее чувство, которое вызывал в нем отец. Полжизни позади, быть может даже более того, но теперь он снова принадлежал самому себе.

И в это мгновение раздался телефонный звонок. Это был не служебный, а его личный телефон, номер которого не значился в телефонной книжке. Звонили из Нью-Йорка. У аппарата был Бэркхардт, которому стало известно о сделанном им на пресс-конференции заявлении раньше, чем репортеры успели сделать свои записи и передать их в печать.

— Вуди, — прозвучал громкий голос Бэркхардта, — не пора ли перейти в команду классом повыше?

— А разве Чикаго не классная команда? — возразил Палмер.

— Имели ли случайные заметки в прессе последних лет какую-нибудь реальную почву? — ответил вопросом на вопрос Бэркхардт. — Иными словами, не ищешь ли ты более широкого поля деятельности для применения своих сил?

— Не можете ли вы пояснить мне, что имеете в виду под более широким полем деятельности?

— Ты полагаешь, я изложу тебе это по телефону? — парировал Бэркхардт.

Палмер на минуту замолк, забавляясь тем, что беседа их протекала в форме вопросов, на которые ни один из них не получал ответа. Решив, что он и так позволил этой беседе слишком затянуться, Палмер засмеялся и сказал: — Для меня, деревенского простака, вы, нью-йоркские банкиры, слишком хитроумны.

— А ну-ка садись в самолет, — сказал тогда Бэркхардт. — Рейс 17.40, я распоряжусь, чтобы тебя встретили в аэропорту Айдлуайлд...

Ну нет, нечего торопиться, мысленно предостерег себя Палмер и ответил:

— Прямо так, сразу? Нет, Лэйн, у меня тут еще кое-какие дела, даже в моей команде низшего класса.

— Какие еще дела? — спросил Бэркхардт. — Какие могут быть у тебя дела после этого так называемого слияния? Перебирать папки «входящих» и «исходящих»? Я имею в виду действительно серьезное, по-настоящему интересное дело, черт подери!

Выдержав небольшую паузу, Палмер осторожно ответил:

— Право, не знаю. Может быть, это маленькое путешествие доставит удовольствие Эдис.

— Я всегда готов принять ее в свои объятия, но не на этот раз. Ну, а как у тебя со временем завтра?

— Вряд ли я смогу...

— Ладно, — прервал его Бэркхардт. — Самое позднее в пятницу.

Проведешь уик-энд у меня в загородном доме. Идет?

— Идет, — согласился Палмер. — Вы раздражили мое любопытство.

— Думаю, что мне удастся пробудить в тебе нечто большее, чем любопытство, — ответил Бэркхардт. — Итак, в пятницу, рейс 17.40, Айдлуайлд. — На этом разговор закончился.

Он снова увидел себя в зеркале и вспомнил, какое радостное волнение охватило его после разговора с Бэркхардтом. Он уже знал, что старик намерен предложить ему ответственный пост, достаточно высокий, чтобы возместить ему те годы, которые он провел, работая с отцом. Палмер почувствовал удовлетворение и от сознания, что его намеки на будущие планы, которые у него созревали, возымели свое действие еще до того, как умер и был продан его банк.

Цель, которую он поставил перед собой, была уже близка. Он сидел в своем офисе, в Чикаго, и чувствовал, как растет в нем напряжение. Тяжелый влажный воздух, казалось, был лишен кислорода. Он задышался, с трудом вдыхал его оскудевшие струи.

Да, это была победа, настоящая, полная победа. Он освободился от банка, от власти старого отца и теперь с головокружительной быстротой освобождался от Чикаго. Зачем ему понадобилось откладывать поездку до пятницы? Как тягостно теперь дожидаться конца этой недели, отделяющей его от последнего рывка, за которым его ждет долгожданная и полная свобода?

Все еще глядя в зеркало в своем номере в «Юнион лиг», Палмер заметил, как затрепетали у него ноздри, стремясь вобрать в себя как можно больше этого нового воздуха свободы.

Столько лет было загублено на то, чтобы играть роль, предназначенную для Хэнли, — роль правой руки отца, медленно умиравшего от подтачивавшей его изнутри болезни.

— Если это тебя так удручает, — как-то сказала ему Эдис в те первые годы после войны, — скажи отцу, что не можешь заменить Хэнли. Скажи и уйди от него.

— Не могу я этого сделать. Он болен и совсем одинок. Я просто не в состоянии так поступить.

Палмер отошел от зеркала и направился к двери. Он чувствовал себя сейчас так, как это бывало с ним на войне в самые критические моменты. Нужно действовать. Просто поразительно, что он еще не утратил способности действовать, несмотря на эти долгие, бессмысленно загубленные годы после войны, когда каждое решение зависело от старого, сварливого и упрямого человека, наслаждавшегося любым промедлением.

Палмер открыл дверь и зашагал по коридору к лифту. Годы ожидания, казалось, отошли навеки. Он чувствовал себя хозяином своей судьбы, как это было во время войны. В нем поднималось новое для него, необычайно жизнерадостное чувство, создававшее иллюзию возврата к молодости, и отчасти он испытывал даже гордость за то, что смог начать свою жизнь как бы заново.

Ожидая лифта, Палмер старался вспомнить, когда в последний раз он испытывал подобные ощущения — это

было пятнадцать лет назад, когда подразделение, которым он командовал, прогрохотало на машинах через Росток по разбитой бомбами дороге, ведущей мимо Грейфсвальда к базе «У-2» в Пенемюнде. Они пробирались по территории, население которой еще не знало о капитуляции, в поисках фашистских ученых, работавших в области ракетостроения, чтобы похитить этих ученых до того, как сюда попадут русские. Над ними низко кружили «фокке-вульфы»...

— Вниз, сэр?

Лифтер избегал взгляда Палмера и делал вид, что рассматривает узор ковра. Палмер вошел в кабину лифта, проследил глазами за тем, как сдвинулись створки двери, и по сжатию сердца понял, что лифт опускается. На какое-то мгновение он почувствовал себя почти невесомым, таким легким и свободным, каким ни разу не был за последние пятнадцать лет.

Он сделал глубокий вдох и внутренне приготовился к предстоящим событиям.

Глава третья

На Брод-стрит Палмер вышел из такси. Всякий раз, приезжая в НьюЙорк, он удивлялся, насколько дешевле здесь обходятся такси, чем в Чикаго. Несколько мгновений он постоял на тротуаре, оглядывая здание правления ЮБТК.

Любой из многочисленных филиалов самых крупных банков всегда выглядит внушительней, чем главная контора. Так, в гигантском колесе обод всегда будет вращаться быстрее, чем осевая втулка. А здесь перед Палмером была именно такая втулка, во всей ее неприглядной наготе.

Около тридцати лет назад это пышное, аляповатое здание словно по мановению волшебной палочки выросло из-под земли. Но даже в те времена это восемнадцатипятиэтажное строение выглядело несовременно солидным, а его отделка старомодной. Палмер отчетливо представлял себе замысел его творцов — директоров банка. Идея соорудить это здание возникла, видимо, вскоре после знаменитой биржевой паники 1921 года, в разгар бума двадцатых годов, перед депрессией. Правление банка, наверное, было завалено сотнями эскизов и подробнейших проектов, бесчисленными заявками и калькуляциями. В правлении, наверно, определилось меньшинство, настаивавшее на эффектной масштабности здания, как на показателе незыблемости, и безграничности финансовой мощи. Но было и большинство, которое, как подсказывало Палмеру воображение, наверно, остерегалось оптимистам, памятуя о событиях 1921 года. Как всегда, Осторожность противостояла Беспечности. Да и вообще один миллиард

долларов, даже по тем временам, не мог свидетельствовать о могучем размахе. К тому же «Юнайтед бэнк» вовсе и не заботился о широких жестах. Многим поколениям еще задолго до слияния разных компаний в период депрессии ЮБТК представлялся неким мощным единым целым, обладающим правом существовать в полной и гордой обособленности, независимо от окружения...

В расположенный на первом этаже зал для публики вел всего лишь один вход с массивной вращающейся дверью. Палмер взглянул на небольшие позолоченные настенные часы, втиснутые в толще зеленоватого мрамора над входной дверью. До начала встречи, назначенной у Бэркхардта, оставалось менее пяти минут.

Он легонько толкнул полированную деревянную раму двери, и массивное зеркальное стекло с гранеными краями начало медленно вращаться. Тонкая, словно проведенная карандашом, золотая полоска электрической системы сигнализации была единственным украшением полированной рамы. Дверь бесшумно повернулась, и Палмер оказался в главном зале. Слева от входа, за огромными столами, прочно вросшими в высокий зеленый ворс ковров, сидели двое банковских служащих. Один из них делал какие-то пометки в календаре с золотым обрезаем. А справа тянулась зеленая с белыми прожилками мраморная стена с двенадцатью кассовыми окошками в золоченом окаймлении. За окошками сидели кассиры и клерки. Хотя в этот ранний час в банке не было ни единого посетителя, кассиры деловито склонялись над своими папками; может быть, умышленно, а отчасти и непроизвольно они старались внушить клиентам уверенность, что те могут без опаски

поручать им сложнейшие операции, что для них все это дело привычное.

Под ногами у Палмера искрился и сиял пол, выложенный из плит белого мрамора, как бы озаренного золотым сиянием, льющим с потолка на трехэтажной высоте. Палмер окинул взглядом окрашенный в темно-зеленый цвет потолок и старинные золоченые, с хрустальными подвесками люстры, сияющие словно звезды в полуночном небе. По обе стороны центрального прохода выстроились зеленые кожаные диванчики, а между ними на легких ажурных подставках поблескивали позолоченные пепельницы. В глубине зала, у двух лифтов, стоял маленький, сухощавый, седой человек, который мог бы сойти за чинного дворецкого или ливрейного лакея, если б не кобура полицейского револьвера, слегка оттопыривающая полу его форменной одежды.

В мягкой тишине, которая может царить только в зале под таким высоченным, в три этажа потолком, чуть слышно постукивала электронная аппаратура, видимо сортирующая документы в служебных помещениях. Какое-то мгновение Палмер прислушивался к звукам, доносившимся из-за окошек: там, вероятно, подсчитывают задолженность по займам, решил он. Казалось, никто не обратил внимания на его приход: сидящие у входа в банк служащие, клерки и даже охранник у лифта ни разу не обернулись в его сторону. Шагая по отсвечивающему золотом мраморному полу, окруженный этим величественным бесстрашием, он лишь ощущал, как где-то в воздухе вибрирует непривычный, тупой стук его каблучков по мраморным плитам.

При приближении Палмера охранник наклоном головы беззвучно приветствовал его, нажал кнопку, и створки лифта раздвинулись. — Вам на восемнадцатый, мистер Палмер, — сказал охранник.

Палмер улыбнулся про себя разыгрывавшемуся здесь спектаклю: он вдруг резко, на одном каблуке, обернулся назад. Пристально разглядывавшие его банковские служащие — от администраторов и до кассиров включительно — были застигнуты врасплох. Он тут же отвернулся, чтобы не видеть их смущения, вошел в лифт и нажал кнопку, наблюдая, как скользят друг другу навстречу створки лифта, напоминая закрывающийся театральный занавес и как бы завершая действие первое этого спектакля. Палмер взглянул на свои часы. Без одной минуты одиннадцать. Прекрасно.

Пока лифт плавно скользил вверх, Палмер снова подумал о тех, кто по наитию, без специальных знаний, разработал и осуществил планировку банковского помещения на первом этаже. Идея этого зала была красноречивым ударом по отжившим канонам консерватизма. Ведь эти ограниченные, старые, сварливые пьянчуги — эти бизнесмены — в своем замысле сумели предвидеть и осуществить то, с чем не могли справиться самые изощренные и искушенные умы создателей театральных декораций и мизансцен.

Успех, достигнутый этими старыми сычами, поражал своей неожиданностью и совершенством. Взять хотя бы это цветное сочетание золотого с зеленым в интерьере: утверждая его, разве они не учитывали того, что эти два цвета в большинстве стран цивилизованного мира означают деньги? А традиционное бесстрашие клерков? Ни в одном спектакле Палмер не видел еще такого

блестящего исполнения актерами своих ролей. А ведь никто и никогда не говорил им, что они должны вести себя именно таким образом. Это поведение вошло в традицию постепенно, передаваясь от поколения к поколению.

Палмер почувствовал внезапную радость от сознания того, что будет работать здесь, и это чувство было совсем не похоже на то ощущение торжества, которое он испытал, узнав о своем новом назначении. Палмер улыбнулся. Улыбка все еще блуждала у него на лице, когда створки лифта раздвинулись и он вышел на верхнем этаже здания.

Девушка, сидящая в коридоре за большим столом, нагнулась, поправляя чулки. Палмер скользнул взглядом вдоль плавных линий ее ног и сразу же отвел глаза. Однако он не обнаружил вокруг ничего примечательного, на чем бы остановить взгляд, и, как только позади него закрылись створки лифта, снова посмотрел на девушку.

Вопросительно взглянув на него, девушка спросила:

— Мистер Палмер?

Он утвердительно кивнул. Девушка поспешно встала из-за стола и пошла по коридору, пригласив его следовать за ней: «Сюда, пожалуйста». Он шел за девушкой по широкому зеленому коридору, стараясь не смотреть на ее фигуру. Коридор привел их к массивной двустворчатой двери из полированного дерева. Палмер почувствовал легкую испарину на верхней губе и быстро провел по ней пальцем, стараясь отвлечься от непрошенных мыслей. То, что Бэркхардт не желал пользоваться в своем банке механическим аппаратом для внутренних коммуникаций — интеркомом — и предпочитал, чтобы посетителей приводили прямо к

нему, было неотъемлемой частью той системы, с которой Палмер здесь уже познакомился. По тому, как секретарша постучала в дверь, Палмер понял, что и тут солидная весомость подлинного — консерватизма породила нечто более значительное, чем...

Стоя у двери, девушка сделала едва заметное движение и перенесла тяжесть своего тела на одну ногу. Взгляд Палмера скользнул по ее бедру, затем ниже — он глубоко, но беззвучно вздохнул и, ожидая приглашения шефа, закрыл глаза.

Из-за тяжелых дверей отчетливо раздался голос Бэркхардта: «Войдите!» Девушка открыла дверь и посторонилась, пропуская Палмера вперед.

— Мистер Палмер, сэр, — доложила девушка, закрывая дверь за посетителем.

Где-то высоко над головой Палмера раздался бой часов. Бэркхардт сощурил на мгновение свои мутно-голубые глаза.

— Точность — это самое главное, — торжественно заявил он.

Последовало рукопожатие, и старик жестом пригласил Палмера на одно из кожаных зеленых кресел, стоявших по обе стороны письменного стола.

Палмер отметил, что на столе у шефа ничего не было, кроме небольшого блокнота с золотым обрезом, золотых настольных часов из зеленоватого мрамора с зеленым циферблатом и письменного прибора. Разглядывая эти предметы, Палмер вдруг почувствовал, что старик ждет, когда он наконец заговорит.

— Ну, что ж, — сказал Палмер, — должен признаться: впечатление исключительно сильное.

Старик откровенно рассмеялся. — Да, есть на что посмотреть, верно? — Он откинулся на спинку кресла и вздохнул: — Тут я бываю лишь три дня в неделю по утрам. У меня еще рабочий кабинет в нашей конторе на Пятой авеню. Этот же оффис, как ты понимаешь, предназначен для наших старейших, постоянных клиентов.

— Понятно. Однако иногда его двери распахиваются и перед вашими новыми клиентами.

Бэркхардт утвердительно кивнул головой: — Да, но лишь изредка, когда необходимо напомнить им, с кем они имеют дело.

— Я видел оффис на Пятой авеню, — добавил Палмер. — То есть видел его фотографии в альбомах современной архитектуры и думаю, что в таких условиях вам нетрудно вести игру по отбору клиентуры. Сначала вы пропускаете их через оффис на Пятой авеню, предназначенный для случайных предприимчивых дельцов. Там они получают полную гарантию в том, что вы ни в чем не отстанете от них ни на шаг. Затем, спустя несколько лет, если эти дельцы, добившись своего, жаждут уже только весомой респектабельности, вы допускаете их в главную контору — цитадель уверенности и спокойствия. Палмер хотел было развить эту тему, но подумал, что для новичка, пожалуй, и этого достаточно. Незаметно, но вместе с тем решительно меняя направление беседы, он сказал: — По-видимому, большинство ваших филиалов, созданных после войны, оформлялось по образу и подобию оффиса на Пятой авеню.

Бэркхардт пожал плечами: — В какой-то мере да, в зависимости от назначения. — Он поднялся из-за стола и подошел к книжному шкафу, занимавшему целую стену. — Когда мы приобрели «Хадсон траст», мы унаследовали около пятидесяти обшарпанных строений, напоминавших лавочные ряды. Однако ребятам удалось их весьма недурно оформить. Синтетика, алюминий, яркие красочные пятна, ну и прочее.

Старик снял с полки большую книгу в зеленом кожаном переплете и положил ее на письменный стол. — Вот здесь эти филиалы, всего их две сотни, — сказал он. Пододвинув книгу к Палмеру, он добавил: — Возьмите ее с собой, просмотрите на досуге. Тут и поэтажные планы и цветные фотографии, в общем — все.

Палмер взял книгу, но даже не раскрыл. Что-то было не так. Прислушиваясь к бесстрастному голосу Бэркхардта, он испытывал беспокойное ощущение: в их отношения вкралось что-то едва уловимое. Из слов Бэркхардта трудно было понять, в чем дело. Что-то, несомненно, было... Но что? Незаинтересованность? Неспособность установить внутренний контакт? Как бы то ни было, решил Палмер, но что-то не ладится. Разумеется, он не ожидал, что у него установятся со стариком приятельские отношения или что тот отнесется к нему непременно с симпатией. Однако в интересах самого Бэркхардта было воспользоваться первыми минутами этой встречи для того, чтобы определить характер их будущих взаимоотношений. Он и не ждал многословных пояснений, демонстрации внутренней структуры банка и определения его собственной роли в нем. Но здесь, на месте, Бэркхардту следовало бы сразу же определить эмоциональный ключ для дальнейшей

совместной работы с Палмером — его первым заместителем.

Палмер слегка подался вперед и решил сам сделать первый шаг. Кашлянув, он сказал тоном, прозвучавшим не то утверждением, не то вопросом: — Вас что-то тревожит?

Бэркхардт изумленно глянул на него исподлобья. Затем сморщил нос и снова искоса посмотрел на Палмера.

— Я сейчас думал, — недоуменно начал было он, но вдруг вздохнул и умолк. Спустя мгновение он, однако, решился и, проведя короткими пальцами по серебристой седине волос, продолжал: — Перед твоим приходом у меня тут был разговор по телефону... Я думаю о Джо Лумисе. Он был у меня членом правления почти двадцать лет подряд, черт побери.

Палмер понимающе кивнул: — «Джет-Тех индастриз».

— Да. И «Вакутерм электроникс».

— Сколько же... Сколько ему лет? — спросил Палмер. — Около семидесяти?

— Семьдесят один. Но не в этом дело. Молись богу, чтоб и у тебя в его лета было столько энергии, сколько у него. — Бэркхардт покачал головой. — Нет, тут совсем другое. Он попечитель разных фондов, имеющих в общем около 15 миллионов долларов. А кроме того, он еще и член правлений трех других банков.

— У меня голова пошла кругом от одного только перечисления его титулов.

— Один из этих банков, — медленно продолжал Бэркхардт, — «Сберегательный банк Меррей Хилла».

Палмер неопределенно мотнул головой, не зная, какой реакции ждет от него Бэркхардт. Он внимательно следил, как старик встал из-за стола и подошел к большому окну позади своего кресла. Огромное окно шириной около 20 футов было разделено полированным деревянным переплетом на квадраты по два фута каждый. Стоя у окна, Бэркхардт рассеянно смотрел в узкую каменную щель между двумя соседними небоскребами, закрывавшими от них солнце. Следуя за его взглядом, Палмер увидел ленту реки, искрящейся в лучах осеннего солнца, по которой в тот самый момент медленно проплыл танкер.

— У вас какие-то неприятности из-за сберегательных банков? Да? — спросил Палмер. Не получив ответа, он на мгновение умолк, мысленно подбирая слова в пределах уместных предположений. — Должно быть, все же приятно знать, — добавил он, — что во вражеском стане у вас есть друг. Бэркхардт медленно повернулся к младшему собеседнику и посмотрел на него. — Именно так это расценивает «Сберегательный банк Меррей Хилла», — ответил он с горечью.

Поскольку продолжения со стороны Бэркхардта не последовало, Палмер встал и тоже подошел к окну. — Итак, — сказал он, — надо установить, на чьей стороне Джо Лумис.

— Как видно, я неточно выразил свою мысль, — ответил Бэркхардт. — Он один из старейших моих друзей.

Палмер поморщился:— Да, это тяжело.

— Весьма.

Проводив глазами танкер, исчезнувший за домами, Палмер спросил: — Что же вы намерены делать?

В ответ Бэркхардт издал непонятный звук: не то фырканье, не то смешок. — Ровным счетом ничего, — проговорил он наконец. — Намерен спихнуть все это на плечи моего нового вице-президента.

— Благодарю.

— Более того, — продолжал старик тоном, который впервые за все утро прозвучал вдруг очень уверенно, — я намерен спихнуть на вас всю эту кутерьму со сберегательными банками.

— Ваши инструкции?

— Я хочу, чтобы они все до единого были стерты с лица земли. Теперь Палмер отвернулся от окна, чтобы взглянуть на старика. Всего лишь несколько слов придали этому утру самый неожиданный оборот, и столь же неожиданно и быстро определилась четкая схема их взаимоотношений.

— Когда начинать? — спросил Палмер.

Бэркхардт подошел к обшитой панелями стене, дверцы стенного шкафа раздвинулись, старик достал свою шляпу и энергично нахлобучил ее на голову. — Чего дожидаться? — сказал он. — Пойдем повидаем одного ловкого пройдоху, который поможет вам прикончить их.

Глава четвертая

Палмер последовал за стариком по коридору мимо секретарши, удивляясь про себя, почему ему не был представлен ни один из ответственных сотрудников банка. Разумеется, он официально еще не приступил к работе. Он должен был начать после Дня труда, однако это все же был его первый визит в ЮБТК, и этикет требовал, чтобы какие-то необходимые условности были соблюдены.

Когда они проходили мимо секретарши, лифт уже ждал их. Секретарша вручила Бэркхардту старомодный, растягивающийся, словно аккордеон, портфель и придвинула к себе телефон. Входя в кабину лифта, Палмер слышал, как она вызывает городскую машину Бэркхардта. Девушка на мгновение подняла глаза, их взгляды встретились, но были тут же разъединены сомкнувшимися створками лифта.

— Ты уж извини, что я не представил тебе кой-кого из наших ребят, — сказал Бэркхардт, когда лифт стал спускаться.

— Эта история со сберегательными банками, как видно, дело очень срочное?

— Дурацкая, неуместная выходка, черт подери! — внезапно разразился старик. — Ни с чем не сообразная, какой меньше всего ожидаешь от солидного банкира. И все же ты прав: дело это очень срочное.

— Я еще недостаточно осведомлен, — сказал Палмер, выходя из лифта на нижнем этаже.

В действительности он был неплохо обо всем информирован. Хотя ему никогда не приходилось иметь дело со сберегательными банками в Иллинойсе, ему было известно, какие убытки они приносили коммерческим банкам в семнадцати штатах, где производились их операции. Однако в Нью-Йорке, где была сосредоточена основная масса денежных средств, конфликт принимал особо острый характер.

— Что тебе все же известно об этом? — спросил Бэркхардт, когда они шагали по золотистому мерцанию мраморного пола к выходу. Их ждал седовласый охранник, рука которого покоилась на двери, готовая в любую минуту придать ей вращательное движение.

— Только то, что они...

— Об этом в машине, — оборвал его Бэркхардт и кивнул одному из служащих банка, который ответил ему ослепительной улыбкой. Такой улыбкой может засиять лицо человека, когда он узнаёт, что попадет в рай, а не в ад, подумал Палмер.

Серый «роллс-ройс» ожидал их у края тротуара. Кто б мог подумать, что он прибыл сюда лишь сию минуту: казалось, улица была вымощена здесь только для того, чтобы по ней могла проехать именно эта машина. Вслед за Бэркхардтом Палмер уселся с ним рядом на заднем сиденье, обтянутом темносерой кожей.

Машина плавно тронулась с места и беззвучно устремилась в общем потоке по Брод-стрит.

Бэркхардт опустил стекло, отделяющее их от шофера, и отрывисто бросил ему: — В оффис на Пятой авеню, Гарри.

Палмер заметил, что стекло снова поднялось, и увидел телефон на специальной полке около стеклянной перегородки.

— Теперь все в порядке, выкладывай, — приказал Бэркхардт. Палмер нахмурился, будто размышляя над чем-то, хотя ему не стоило никакого труда обобщить кое-какие подробности.

— Тут все дело в новых деньгах, — помедлив, сказал он. — Сберегательные банки выплачивают большие дивиденды и потому привлекают все новые вклады. Задача заключается в том, чтобы направить эти деньги опять к нам.

— Ты попал в точку. Мне, пожалуй, больше нечего добавить.

— Я польщен, — ответил Палмер. — Но мне не известно, что вы уже предпринимали в этом направлении. А я должен об этом знать.

Приходится кривить душой, подумал Палмер, но это ложь из добрых побуждений. Старику ведь до смерти хочется высказаться, и он уцепится за первую же возможность.

— Что предпринимали? — огрызнулся Бэркхардт. — Мы слонялись тут без толку и ворон считали, вот что мы делали. Все эти пятнадцать лет мы просиживали штаны, глядя, как сберегательные банки тащат доллар за долларом у нас из-под носа только потому, что мы в свое время не пожелали возиться с такой мелочью. А теперь, когда нам эти доллары понадобились, мы даже не знаем, как к ним подступиться.

— Вот этого-то я и не пойму, — снова солгал Палмер. — Я хочу сказать, что не вижу ничего

таинственного в деятельности этих сберегательных банков. Сколько их вообще-то? Пожалуй, и ста тридцати не будет по всему штату?

— Да, примерно столько, а вместе с филиалами около двухсот пятидесяти наберется.

— Да, но ведь один лишь ЮБТК имеет почти столько же филиалов, сколько вся их система, вместе взятая?

Бэркхардт на это не ответил, и Палмер продолжал расспрашивать, чтобы дать старику возможность излить душу.

— Труднее всего мне понять именно это, — снова заговорил Палмер. — Возьмем человека с постоянным заработком. Как правило, две трети заработка уходят у него на уплату долгов. Но он все же старается откладывать по 10, допустим даже, по 5 долларов в неделю, неважно сколько. Встает вопрос, куда ему поместить эти сбережения. Повсюду, почти на каждом углу расположены отделения банков: ЮБТК, «Мэнюфэкчерерз» или «Чейз Манхэттен», «Ферст нешнл», наконец, Химического. Иными словами, вкладчику надо тратить время, чтобы отыскать отделение сберегательного банка, которое было бы для него так же удобно, как и коммерческий банк. Не правда ли?

Бэркхардт пожал плечами. — Это не объясняет того, что произошло, — ответил он скорее самому себе, чем Палмеру. — Это отнюдь не объясняет, почему две трети денег вкладчиков оказались именно в этих сберегательных банках. Тех денег, которые нужны нам как воздух.

— Это же какая-то чертовщина.

— Нет, это самая обыкновенная американская глупость, — возразил Бэркхардт. — Сберегательные банки объявили, что их дивиденды на полпроцента выше наших. На каких-то жалких полпроцента! Неужели это надо по слогам объяснять каждому, кто собирается откладывать деньги? В конечном-то счете все это сводится к тому, что в год он будет иметь на своем банковском счете всего-навсего пятью долларами больше. Если объяснить это вкладчику таким образом, он не может не понять, что делает глупость. Но бедато в том, что никто ему не объясняет этого и не собирается объяснять. — Бэркхардт замолк, но затем, повернувшись лицом к Палмеру, спросил: — Как ты думаешь, в чем здесь дело?

Палмер снова сдвинул брови, сделав вид, что задумался над ответом. — Полагаю, причина в том, — начал он, всем своим видом давая понять, что его ответ — плод серьезного размышления, — что каждый боится сознаться, как мало прибыли дают хранящиеся в банке сбережения независимо от вида банка.

— Вот именно. Если объяснить это людям таким образом, то они заберут свои деньги из этих банков и поместят их либо в фонды страховых компаний, либо сами начнут играть на бирже. Есть еще и другой вид идиотизма в этой области — объединение в различного рода синдикатах недвижимого имущества.

«Роллс-ройс» наконец выбрался на шоссе Ист Сайда и мягко заскользил со скоростью сорок пять миль в час по направлению к деловой части города. Некоторое время Палмер следил взглядом за плывущими по реке справа от него танкерами и грузовыми катерами. Река в легкой пелене тумана маслянисто поблескивала и

казалась почти неподвижной. Лучи августовского солнца играли и переливались темным золотистым мерцанием на чуть приметной речной зыби. Машина уже подъезжала к Тридцать четвертой улице, и только теперь Палмер заметил, что за все это время оба они не проронили ни слова. Обернувшись к Бэркхардту, Палмер с удивлением заметил, что лицо старика сведено болезненной гримасой. Его блекло-голубые глаза прячутся под сдвинутыми бровями, а от углов рта пролегли горькие морщины, выдавая мучительную внутреннюю боль. Палмер хотел было спросить старика, не болит ли у него что-нибудь, но передумал и смолчал. Потребность говорить, просто чтобы заполнить словами пустоту, была той юношеской привычкой Палмера, которую ему было трудней всего побороть.

Житейская истина, что лучше смолчать, чем нажить неприятности, — а эту истину отец внушал Палмеру чуть ли не с двенадцатилетнего возраста, — дошла до него нескоро, когда ему было уже далеко за тридцать.

Теперь же, когда ему уже за сорок, он стал частенько подвергать сомнению непреложность этой истины. А вот сейчас, откинувшись на сиденье «роллс-ройса», бесшумно мчавшегося в северном направлении, Палмер подумал о том, что, пожалуй, молчание действительно помогает избежать неприятностей. Это трудно оспаривать. Однако с годами Палмер все чаще задавался вопросом, что же такое, собственно, «неприятности» и действительно ли, независимо от их сущности, надо любой ценой избегать их.

Сидя в машине рядом с Бэркхардтом, Палмер понимал, что «неприятностью» в данном случае могло

обернуться укрепление связи между ним и человеком, который еще долгие годы будет его шефом. Характер этого осложнения был ему еще не ясен, но разве следовало его избегать?

Он провел языком по губам и собрался было нарушить внушенные ему в юности отцовские заветы. Поддаваясь этому порыву, он ощутил какую-то неловкость, но все же заставил себя повернуться к старику и...

— Черт бы подрал старого дурня! — внезапно воскликнул Бэркхардт.

Палмер чуть прищурился, торопливо прикидывая в уме, что могло привести Бэркхардта в такое возбуждение.

— Это вы о Лумисе? — спросил он.

— Проклятый старикан! Выживший из ума самодур! Черт дернул его позвонить мне утром!

— Чего он хотел?

— Всю нашу планету на серебряном блюде, только и всего.

— Тут замешаны, как видно, сберегательные банки?

— Вот это меня, кажется, больше всего и бесит, — проговорил Бэркхардт. — Он, как ты знаешь, овдовел. Приезжает к нам за город раз в год на уик-энд. Изредка вместе обедаем. Иногда встретимся в клубе, пропустим по рюмке. Он может вовсе не являться на заседания правления ЮБТК.

Встречаемся мы с ним главным образом в обществе, как это говорится. Я никогда не просил у него ничего такого, что не совпадало бы с его собственными

интересами, и он в свою очередь поступал точно так же в отношении меня. Но сегодня, черт побери, он вдруг позвонил мне прямо с собрания попечителей «Меррей Хилл» и стал меня просить, чтобы ЮБТК не выступал с возражениями против законопроекта, который они готовятся представить в этом году на рассмотрение законодательного собрания штата.

— Не очень деликатная просьба.

— Но даже не это меня возмущает, — огрызнулся Бэркхардт.-

Разумеется, я не нахожу никакого удовольствия в том, что он ко мне обращается с подобной просьбой в присутствии всех собравшихся там попечителей. Конечно, нет. Больше всего меня возмущает и противоречит моей... моей...— И он запнулся, мучительно подбирая нужные слова и сердито глядя на Палмера, как бы ожидая от него помощи.

Этике? Совести? Морали? Образу жизни? — молча перебрал в памяти Палмер, однако не произнес ни слова, предпочитая выждать, и устоял перед гневным взглядом старика.

— Больше всего меня злит нелепая наглость человека, пытающегося загнать меня в тупик, ставя перед выбором между тем, что составляет интересы ЮБТК, и нашей старой дружбой. Вот это уже непростительно! — без особого пыла закончил свою тираду Бэркхардт.

— Что вы ему ответили? — спросил Палмер.

— Ответил? А что я мог ему сказать? Я уклонился от ответа.

— Но ведь придется же в конце концов дать ответ.

Бэркхардт резко кивнул головой, и на его лице промелькнуло решительное, почти жестокое выражение. Глаза его были широко раскрыты, а взгляд прикован к спине шофера, как будто там, на аккуратно подстриженном затылке и темно-зеленой шоферской фуражке, он мог прочитать исход грядущих событий.

— Только не думай, — добавил он, — что я единственный друг, которого Джо будет просить об этом одолжении. Да и у других попечителей сберегательных банков найдутся друзья среди членов правлений коммерческих банков. Сейчас они начнут просить об этом по всему городу. Но это совершенно неприемлемо для нас, и я не допущу, чтобы на меня оказывали давление в этом вопросе.

— А о каком законопроекте у вас с ним шла речь?

— Да я даже толком и не помню, — ответил старик. Анализируя происшедшее, он понемногу освобождался от оцепенения, охватившего его при мысли, что этим поступком его старый друг нанес смертельный удар по самой основе их дружбы.

— Наверно, это опять один из бесчисленных законопроектов о филиалах?

Бэркхардт фыркнул, затем медленно повернулся к Палмеру.

— Интересно, насколько же подробно ты осведомлен, Вуди? — спросил он с раздражением. — Похоже, что тебе известно об этом не меньше моего.

— Ну, что вы! Я располагаю лишь незначительной информацией.

— Решил подмаслить старика, да? — холодно проговорил Бэркхардт. — Вуди, давай-ка договоримся. Ты можешь чего-то не знать и тогда, конечно, нуждаешься в какой-то информации. Только смотри, не дурачь меня, прикидываясь простаком, чтобы доставить мне удовольствие. Понял?

— Я не...

— И смотри, чтобы я снова не обнаружил, что ты мне втираешь очки, — прервал его Бэркхардт. — Если у меня не будет ясного представления о твоих познаниях и способности быть в курсе дел в любое время дня и ночи, это создаст серьезные препятствия в нашей работе. Ясно?

— Ясно. Виноват, — ответил Палмер.

Уголки губ Бэркхардта чуть-чуть приподнялись. — Ну вот и все, — сказал он, несколько смягчившись. — Я уже позабыл об этом.

— А я запомнил.

— Ну и отлично.

У Шестьдесят первой улицы «роллс-ройс» незаметно перешел в левый ряд и свернул с автострады, устремляясь в сторону западной части города, где влился в общий поток машин, который становился все оживленней по мере приближения к Пятой авеню.

После продолжительного молчания старик снова заговорил:

— А законопроект действительно имеет отношение к отделениям сберегательных банков. Только не помню, в чем там суть.

— Хотят увеличить их количество, конечно.

Бэркхардт пожал плечами. — Да, в пригородах. Пока что пригород для них недоступен, и это бесит их.

— А их вкладчики, видимо, переселяются в пригороды?

— В основном так, — согласился Бэркхардт. — Однако сберегательным банкам некого винить, кроме самих себя. С начала войны они инвестировали большие капиталы в закладные. Это у них единственный вид займов, и тут они, разумеется, здорово оплошали. Они помогли вкладчикам выехать из города, а сами не могут последовать за ними.

— Тогда к чему все эти волнения? — спросил Палмер. — Если они попали в собственную ловушку, пусть сами в ней и барахтаются. Чего об этом беспокоиться?

— Они не намерены барахтаться в своей ловушке. Они требуют большей свободы действий и готовы на все, чтобы добиться своего. Палмер понимающе кивнул головой: — Порочный круг. — Он выглянул в окно на скопление машин, образовавших затор в движении.

Далеко впереди на Третьей авеню сносили здание, и перед ним выстроилась большая очередь грузовиков, в которые при помощи огромного экскаватора погружали кирпич и мусор строительной площадки. Вдоль улицы оставался лишь узкий проезд, по которому, дождавшись своей очереди, должна была проехать машина Бэркхардта. Весь угол улицы был закрыт фанерными щитами, на которых пестрели яркие плакаты: сияющие улыбками люди спешили к кассовому окошку. «Теперь уже недолго ждать», — гласила надпись на плакатах.

Скоро здесь будет еще одно удобное для вас отделение банка «Меррей Хилл», готовое выплачивать бережливым жителям Нью-Йорка четыре с половиной процента.

Палмер усмехнулся и, обернувшись к старику, сказал: — Когда мы будем проезжать мимо этого угла, постарайтесь держать под контролем давление крови. Здесь открывается еще одно отделение «Меррей Хилл».

— Знаю, — буркнул Бэркхардт. — Каждое утро проезжаю мимо этого угла.

— Я думал, что у их банка имеются определенные ограничения в отношении филиалов.

— Нынешней весной они слились с другим сберегательным банком, который имеет еще три филиала. Это один из них.

Палмер легонько свистнул: — А чем можно остановить этот процесс?

— Ничем, — огрызнулся Бэркхардт. — Они могут сливаться сколько угодно, до тех пор пока наши власти, регулирующие банковскую деятельность, санкционируют это.

Теперь оба они смотрели на улицу через широкие боковые стекла. На углу Третьей авеню на специальном щитке был изображен большой проект строящегося здания отделения банка «Меррей Хилл», и, когда автомобиль, замедляя скорость, приблизился к углу, Палмер рассмотрел на рисунке очертания будущего тридцатиэтажного здания.

— Довольно странное расположение для служебного корпуса, — пробормотал он, но в это время его взгляд привлекла женщина, собиравшаяся перейти

через улицу. Она была рослая, с пышным бюстом, а ее стройные ноги, казалось...

— Ты все еще думаешь о старой Третьей авеню, — сказал Бэркхардт. Палмер повернулся к нему и увидел, что старик тоже заметил эту женщину, вернее, то, как Палмер разглядывал ее.

— Как только старые дома Эла были снесены, — продолжал Бэркхардт, — здесь вырос универмаг «Блумингдэйл», а там уже одно за другим стали строиться административные здания.

— Хотя с деньгами теперь так туго.

— А вот у сберегательных банков деньги есть, черт бы их побрал, это же как соль на рану! Деньги к ним сами в руки лезут. Их активы — это же наличные денежки или почти равные им государственные ценные бумаги, да еще и закладные. Это же... это как... — И Бэркхардт злобно сплюнул.

— Как чистоган в банке, — подсказал Палмер с едва заметной усмешкой.

Бэркхардт окинул его ледяным взглядом. — Слушай, Вуди, я ценю чувство юмора. В нашей жизни иногда оно просто необходимо, иначе не выдержишь. Но бывают ситуации, в которых не до смеха. И это как раз одна из них.

Наступило продолжительное молчание. Машина пересекла Третью авеню и, замедлив ход, остановилась перед светофором на Парк-авеню. За это время Палмер трижды порывался что-то сказать и трижды передумывал. Откинувшись поудобнее на мягком кожаном сиденье «роллсройса», он спрашивал себя, что, собственно, подчас побуждает его так безрассудно

ставить под сомнение принцип, правильность которого доказывала вся его жизнь. Тут не могло быть двух мнений: конечно, всегда больше неприятностей, когда высказываешься, вместо того чтобы промолчать. Даже сейчас, зная, что старик хочет, более того, ждет, что он заговорит и рассеет возникшую между ними отчужденность несколькими примирительными словами, даже сейчас, решил Палмер, молчание таит в себе все же меньше неприятностей, чем любые слова.

— Черт бы его побрал, — пробормотал Бэркхардт, когда автомобиль повернул на Парк-авеню в южном направлении. — Ты же видишь, как все это расстроило меня, Вуди. Этим телефонным звонком он меня как обухом по голове...

Палмер медленно, словно нехотя, повернулся к старику.

— Что, собственно, беспокоит вас больше, — спросил он, — эта заваруха со сберегательными банками или Джо Лумис, который пытался оказать на вас давление?

— Одно неотделимо от другого. Уже столько лет мне приходится жить в этой неразберихе. Положение становится все более критическим. У меня только два пути — первый из них вызовет значительное сокращение операций нашего банка, а второй будет означать потерю старого друга. Так примитивно и грубо.

Палмер ждал, чтобы Бэркхардт, выложив суть стоящей перед ним проблемы, сам увидел, что тут может быть лишь одно решение, которое ему надо принять, а затем спросил: — Поэтому-то вы передоверили все это дело мне, не так ли?

— Лишь отчасти, — фыркнул в ответ старик.

— Есть еще и другие причины?

Бэркхардт пожал плечами: — Разумеется. Если уж придется расправляться с Джо Лумисом, то я бы хотел, чтобы это сделал кто-нибудь другой. Однако это лишь первая часть проблемы. — Он тяжело вздохнул. — Скоро ты познакомишься и со второй частью — с Бернсом. Палмер наблюдал за тем, как их автомобиль плавно повернул на запад, проехал по Пятьдесят пятой улице, пересек Мэдисон-авеню и покатил к Пятой авеню.

— Он довольно предприимчивый парень, — в раздумье проговорил Палмер. — Я слышал как-то его выступление в Чикаго. Хороший оратор.

— Один из лучших. Карьеру свою он начал на Западном побережье в качестве одного из пресс-агентов в кинопромышленности.

— Сейчас он консультант по вопросам рекламы и информации или что-то в этом роде? Мне кажется, у него есть клиенты и в Чикаго.

Бэркхардт вздохнул. — Значит, слава Мака Бернса докатилась уже до Чикаго?

— А разве вы имеете что-то против него?

— Ровным счетом ничего. Он именно то, что нам нужно, к сожалению.

— Однако все это дело вы свалили на меня отчасти из-за него?

— Совершенно верно, — ответил Бэркхардт. Их «роллс-ройс» плавно остановился, и шофер открыл дверцу машины.

— Я ничего не имею против греков или сирийцев или кто он там, этот Бернс, — сказал Бэркхардт, выходя из машины. — Просто я не могу ладить именно с ним. Посему предоставляю тебе сомнительное удовольствие сотрудничать с этим Маком Бернсом, так он сам себя именуется, а как его раньше звали — кто его знает. — Старик уже вышел на тротуар и ожидал, пока Палмер выйдет из машины.

— И еще одна деталь, — тихо сказал Бэркхардт, остановив Палмера около огромной входной двери из цельного стекла, ведущей в ультрасовременное здание банка.

— Да? — сказал Палмер, оборачиваясь к старику.

— Бернс знает, как я к нему отношусь. Я не могу скрыть это. Вот почему тебе придется подружиться с ним, для равновесия. Удастся ли тебе это сделать?

— А почему бы и нет?

— Много бы я дал, чтобы быть более уверенным в этом, — буркнул Бэркхардт. Затем вполголоса добавил: — Тебе предстоит работать бок о бок с этим человеком довольно долго. Сможешь ли ты?

— Смогу.

— Без Бернса нам каюк.

Оба они молча взглянули друг на друга. Палмер поймал себя на мысли, не свихнулся ли старик на почве всей этой истории со сберегательными банками. Он отвернулся от него и стал рассматривать огромные пролеты цветного стекла с узкими алюминиевыми простенками, образующими фасад здания банка. Прямо над его головой устремилась ввысь стеклянная башня,

опоясанная тончайшими, хрупкими серебристыми обручами, которые, казалось, не в силах сдержать этот гигантский взлет стекла. У Палмера возникло чувство, что все это строение может в любой момент переломиться, как раненный в живот человек, беспомощно сникнуть и рухнуть на землю, рассыпавшись в черепки.

Глава пятая

Лифт не обслуживался лифтером, но был до такой степени механизирован, что называть процесс подъема в нем «самообслуживанием» было бы вопиющей несправедливостью, решил про себя Палмер. Когда рука Бэркхардта приблизилась к кнопке с надписью: «Вверх», на распределительной доске загорелся зеленый кружок и створки лифта из нержавеющей стали легко разомкнулись. Палмер вошел в кабину вслед за своим старшим спутником, и, как только его нога переступила через глазок фотоэлемента, створки сомкнулись, но несколько замедленно, как бы учтиво. Стены кабины лифта были словно вытканы из металла. Вертикальные стальные и медные полосы переплетались с поперечными прутьями из латуни, алюминия и нержавеющей стали. Когда створки лифта сомкнулись, Палмер невольно ощутил неприятное чувство: если бы кабина лифта, вместо того чтобы подниматься вверх, опустилась в подземное ответвление морских протоков с соленой водой, подумал он, то вода немедленно вызвала бы химическую реакцию металлических частей кабины с противоположными зарядами и мощный электрический удар разнес бы все живое в их кабине.

Он видел, как Бэркхардт небрежно нажал своим длинным толстым указательным пальцем на другую кнопку из белой пластмассы с надписью: «Верхний этаж» — «ВЭ». Эта кнопка также вспыхнула зеленым огоньком, и изза пластмассовой решетки под распределительным щитком раздался механический голос, напоминающий человеческий, который спокойно возвестил: «Лифт остановится... (пауза)... на верхнем этаже». Бэркхардт

посмотрел на Палмера, усмехнулся с оттенком злорадства и сказал: — Мы называем это «ловушкой для деревенщины».

Палмер ничего не ответил, потянулся рукой к распределительному щитку и нажал кнопку с цифрой 12. В сетке динамика что-то дважды щелкнуло и снова раздался механический голос: «Лифт остановится... (пауза)... на 12 этаже». Палмер нажал на кнопку с указателем «отменить», и голос сообщил ему: «Лифт остановится... (пауза)... на верхнем этаже».

Палмер вздохнул, отошел в сторонку и сказал, обращаясь к Бэркхардту:

— Все, поиграл и хватит.

Когда двери снова разомкнулись, на какое-то мгновение их словно ослепил хлынувший со всех сторон свет. Выходя из кабины лифта, Палмер зажмурился, а потом с интересом стал рассматривать высокий потолок верхнего этажа, состоящий из чередующихся квадратов матового и прозрачного стекла в алюминиевом переплете.

Затем они пошли в потоках льющегося со всех сторон света, вдоль устланного серыми коврами коридора, белые стены которого украшали произведения современных живописцев. Белизну стен через определенные промежутки пересекали вертикальные прямоугольники высоченных широких дверей, где чередовались горчично-желтый, васильковый и темно-оранжевый цвет.

В дальнем конце коридора виднелась маленькая фигурка. По мере того как они приближались, она все росла, и наконец перед ними предстала элегантная

белокурая женщина лет двадцати восьми. Встав, чтобы приветствовать их, она по росту почти сравнялась со своим патроном. Одарив их обоих очаровательной улыбкой и промурлыкав «доброе утро», она направилась к следующей двери, покрытой анодированным алюминием, подчеркивающим безупречную белизну дверной ручки. Открыв дверь, женщина пропустила их вперед, и Палмер уловил запах дорогих духов, точно такие он подарил на рождество Эдис.

Интересно, Бэркхардт принял эту женщину сюда на работу потому, что ее высокий рост гармонирует с высотой потолков верхнего этажа? — подумал Палмер. Его несколько удивило и то, что нью-йоркская секретарша может позволить себе такую роскошь, как дорогие духи, но эти размышления были прерваны, как только перед его взором предстал во всем величии рабочий кабинет Бэркхардта.

Дело не в том, что кабинет поистине огромный, внимательно разглядев его, решил Палмер. Главное заключалось в том, что все было совершенно откровенно, со знанием дела, спроектировано так, чтобы произвести впечатление масштабности.

Две стены кабинета были белые. Та, что была покороче, имела длину около 30 футов, высота же ее равнялась 12 футам, то есть высоте всего верхнего этажа. Вторая стена была не менее 50 футов в длину, а потолок над ней, взметнувшийся вверх, подобно крылу чайки, переходил в сплошное стекло на высоте около 20 футов.

Палмер почувствовал себя как человек, оказавшийся в воронке гигантского слухового рожка. У него даже мелькнула безрассудная мысль: если б он,

стоя у входа, крикнул, то колоколообразная форма кабинета так усилила бы звук его голоса, что, долетев до противоположной стены, его голос, несомненно, расколот бы колоссальный лист стекла.

Он отказался от искушения испытать мощь своего голоса и вместо этого повернулся в сторону Бэркхардта, который внимательно смотрел на него.

— Вот так окно, — спокойным и несколько небрежным тоном сказал Палмер. — Я и не знал, что можно изготавливать такие огромные листы стекла.

— Обычно таких и не делают, — поспешил заверить его старик. — Но ребята Корнинга приняли вызов архитектора, который спроектировал эту штуку, и превзошли самих себя. Это стекло уже четвертое по счету. Три предыдущих разбились во время полировки.

— А это не разобьется? — Палмер хотел еще что-то сказать, но решил ограничиться одним вопросом.

— Люди Корнинга дали соответствующие гарантии. Из такого же стекла сделано зеркало телескопа в обсерватории Маунт Паломар. Процесс изготовления тот же — постепенное охлаждение. Эта чертова штука имеет толщину в целый дюйм. — Бэркхардт, не глядя, ткнул пальцем в кнопку возле двери, и в помещении стало еще светлей.

Палмер успел окинуть взглядом потолок и заметить ряды щитков, расположенных в шахматном порядке над квадратами из матового и прозрачного стекла. Медленно повернувшись, они направили в зал снопы сияющего полуденного солнца. Взгляд Палмера скользнул по письменному столу, стоявшему несколько асимметрично на темно-зеленом ковре, устилавшем весь пол кабинета,

и только сейчас он заметил, что кто-то сидит в кресле. Сидевший поднялся из-за стола и пошел им навстречу.

— Сожалею, что заставил вас ждать, Мак, — сказал, направляясь к нему, Бэркхардт, но остановился на таком расстоянии, которое не позволяло ему пожать протянутую руку встречавшего их мужчины. Повернувшись к Палмеру, Бэркхардт обратился к нему:

— А ну-ка, Вуди, сделай рывок в четверть мили, спустись на землю и познакомься с Маком Бернсом. — После этого сложного маневра Бэркхардт расположился по другую сторону стола так, чтобы не создавалось впечатления, что он умышленно уклонился от пожатия протянутой ему руки.

Палмер шагнул вперед и пожал руку Бернсу, обнаружив при этом, что рука на ощупь мягче, чем можно было ожидать. На расстоянии фигура Бернса казалась тонкой и прямой, словно лезвие ножа, однако вблизи это впечатление исчезало. Разглядывая курчавые волосы Бернса, Палмер удивился, что кожа белокурого человека может так сильно загореть.

— Мистер Бернс, меня зовут Вудс Палмер.

Бернс улыбнулся. На смуглом лице блеснул ряд мелких ровных белых зубов. В изгибе узкого рта было что-то хищное.

— Мистер Бернс — мой отец, Вуди, а меня называют просто Мак, — ответил он. В тихом гортанном звучании его голоса не было резких переходов.

Слова он произносил немного нараспев.

— Мак, — повторил Палмер, опускаясь в кресло скандинавской конструкции с удобно изогнутой спинкой.

Бэркхардт откинулся в таком же кресле и неизвестно чему улыбался, глядя в пространство.

— Вуди — человек номер два в нашей иерархии, — сказал он, — Вуди Палмер — мой новый первый вице-президент. — Бэркхардт сделал паузу: — Я кратко проинформирую вас о нем.

— Лэйн... — И этот односложный звук повис в воздухе, как незаконченный, диатонический аккорд. Бернс позволил этой ситуации остаться неразрешенной, опустился в свое кресло, слегка подтянув на коленях складку темно-синих брюк. Палмер наблюдал за ним, восхищаясь тому, как долго беззвучно резонирует между ними это единственное слово. Бернс окинул взглядом свой костюм и небрежным жестом смахнул несуществующую пылинку с рукава. Палмер отметил, что костюм Бернса был изумительного покроя. По своим линиям он не походил ни на изделия знаменитых братьев Брукс, ни на какую-либо другую известную модель, скорее, он представлял смешение различных веяний моды и должен был выглядеть уместно в любом обществе. Фальшивую ноту вносила лишь белая рубашка с белым атласным узором.

— Лэйн, — повторил снова Бернс. — Какой же я специалист в области рекламы и информации, если меня будет информировать мой же клиент? Лэйн, вы же человек занятой. Позвольте мне проинформировать вас о Вуди. Наступило короткое молчание, и Палмер вдруг интуитивно почувствовал, как глубока взаимная неприязнь этих двух людей. Бэркхардту явно претило то, что он вынужден иметь дело с Бернсом. А Бернс чувствовал себя уязвленным потому, что его заставили ждать. В данный момент Палмер еще не мог определить,

как далеко зашла их неприязнь. Оба были не из тех, что могут позволить себе такую роскошь, как открытая ненависть.

— Ладно, Мак, — сказал Бэркхардт уже более ровным тоном, глядя на стол. — Ваша очередь, выкладывайте.

— Вудс Палмер-младший, — произнес нараспев Бернс и поглядел на Палмера почти со смущенной улыбкой, как бы говоря: и вам и мне глубоко противна вся эта шаблонная процедура, но что же, черт побери, делать?

Внимательно следя за Палмером, Бернс продолжал: — В декабре ему исполнится сорок пять. Он женат на Эдис Эдисон из Гленко, штат Иллинойс. У него сын — Вудс Палмер третий, дочь Джералдина и младший сын девяти лет Том. Во время второй мировой войны ему было присвоено звание подполковника ВВС и он выполнял поручения преимущественно разведывательного характера. Он...

— ...чересчур умен, черт побери, чтобы быть банкиром, — перебил его Бэркхардт, пытаясь внести в разговор юмористическую нотку, однако не предпринимая излишних усилий в этом направлении, — но и достаточно хитер, чтобы быть вам под стать, Мак.

— Вы не хотите дослушать мою информацию до конца? — спросил ухмыляясь Бернс. — Мой аппарат трудился над ней все утро.

— Любой может проделать такую работу, — сказал Бэркхардт тихим голосом, в котором звучало глухое раздражение. — Однако меня больше интересует, почему вы дали задание вашему аппарату собирать о нем

материалы, когда известие о его назначении еще никуда не могло просочиться.

Очертания рта Бернса приняли более широкую и жесткую форму, а углы губ опустились. Пожав плечами, он заговорил снова, нараспев выговаривая слова:

— Лэйн, — и звук опять поплыл в воздухе, напоминая звучание литургии, — когда вы нанимали меня, то выбирали лучшее, что есть. Вас интересовало не то, каким образом я стал лучшим, а лишь сам факт, что я именно то, что вам надо.

— Опять профессиональные тайны? — проворчал Бэркхардт.

— Разве фокусник объясняет, каким образом создает свои иллюзии? — спросил Бернс.

— А я, значит, плачу за иллюзии? — подхватил Бэркхардт, подавшись вперед.

— Нет, конечно, — возразил Бернс. Он откинулся в кресле и любезно улыбнулся своему патрону.

Палмер заметил, что светло-коричневые глаза Бернса напоминают оттенком дубленую кожу.

— Нет, разумеется, вы платите не за иллюзии, — продолжал Бернс, — но, Лэйн... — и это слово снова завибрировало где-то в воздухе у них над головами, — вы действительно наняли волшебника. Только волшебник способен проделывать для вас такие фокусы.

Снова воцарилась тишина, и Палмер понял, что эти двое мужчин только что вступили в новую фазу взаимоотношений. Из роскоши ненависть превратилась в необходимость.

Глава шестая

Ресторан был не очень велик, но щедро разукрашен. Стены его единственного узкого и длинного зала были увешаны зеркалами в бело-розовых рамах такого сложного рисунка в стиле рококо, что в неярком освещении зала Палмер долго не мог разглядеть его завитки и виньетки. Слегка сощурившись и опустив глаза, Палмер заглянул в свой бокал, поднес его ко рту и, не торопясь, медленными глотками, выпил все до дна.

Напротив него за столиком сидел Мак Бернс и почти неслышно мурлыкал в телефонную трубку, которую с почтительными извинениями недавно принес ему метрдотель. Они вдвоем пришли в ресторан вскоре после часа дня, и их с многочисленными поклонами провели сквозь плотную толпу ожидающих у бара к угловому столику. Едва они успели заказать аперитив, как к столику поднесли телефон.

— Нет, милочка...— ворковал Бернс голосом, в котором не чувствовалось особой теплоты. — Пошли его...— Но последующие слова уже невозможно было разобрать.

Палмер потягивал свое виски и наблюдал за Бернсом, что, по-видимому, и полагалось делать. Весь этот спектакль: сцена встречи в здании банка, демонстрация прекрасно подготовленного досье на него и его семью и, наконец, этот ресторан, предназначенный поражать клиентов своей роскошью, — был поистине впечатляющим. Бернс занимал определенное положение в обществе, как человек влиятельный. Палмер это знал и недоумевал, к чему он прибегает к таким дешевым приемам для утверждения своего престижа. Обладал ли

он в действительности той силой, которую ему приписывают? Палмера вдруг стали одолевать сомнения, можно ли вообще верить репутации Бернса. Он слыл человеком проницательным; почему же у него не хватает проницательности, чтобы понять, насколько невыгодное впечатление производят его трюки?

Бернс положил телефонную трубку на рычаг и взглянул на Палмера. — Вуди, вам придется извинить меня, еще одну минутку, — сказал он и снова взял трубку: — Душечка, соедините меня с Каракасом в Венесуэле, — отчетливо проговорил он, обращаясь к телефонистке. — Номер Сан-Мартин 00-40, а за это время вы успеете ещё соединить меня с моим оффисом. Спасибо, детка. Палмер чувствовал себя неловко, он старался не смотреть на Бернса и внимательно изучал в бокале янтарные глубины своего шотландского виски. Затем он услышал, как Бернс сказал: — Вуди, извините, еще минутку. — Подняв глаза, Палмер увидел, что Бернс снова наклонился и говорит мурлыкающим голосом в трубку: — Это я, лапочка. Позовите-ка к телефону...— Слова зазвучали невнятно и растворились в жужжании его гортанного голоса.

Откинувшись на банкетке, Палмер на минутку закрыл глаза в надежде, что чувство неловкости наконец пройдет. Бернс ничуть не смущен, почему же он должен терзаться сомнениями. Палмер открыл глаза и снова принялся изучать Бернса.

Он был примерно одного возраста с Палмером — что-нибудь около сорока пяти, темный оттенок его кожи как-то не вязался со светлыми, цвета спелой ржи, короткими волосами. Курчавая шевелюра Бернса была старательно зачесана назад без пробора. Палмер с

интересом наблюдал за тем, как быстро менялось выражение этого подвижного лица: его костная структура отчетливо вырисовывалась под кожей, хотя все острые углы были как бы сглажены и смягчены.

Палмер решил, что такое лицо может быть только у человека, который очень нуждался в детстве, точнее, был беден в самом примитивном смысле этого слова — беден до нищеты. Позднее — и, по-видимому, это произошло сравнительно недавно — тонкий жировой покров смягчил черты его лица, истощенного нуждой. Однако смягчил не полностью. И разумеется, печать нужды не могла исчезнуть бесследно. У Бернса был тонкий нос с удлинненными алчными ноздрями. На гладком, лишенном морщин лице выделялись большие глаза в светлом обрамлении не тронутой загаром кожи — по-видимому, след от больших защитных очков. Палмеру казалось, что именно рот придавал лицу этого человека выражение жестокости и неуязвимости. Узкие и жесткие в состоянии покоя губы принимали совершенно иной вид, когда Бернс начинал говорить. Его рот мог раздвинуться и затвердеть, как, например, во время разговора с Бэркхардтом. Его губы то надувались, то забавно морщились, когда он излагал содержание досье Палмера. В данный момент губы Бернса, мирно настроенного и непринужденно беседовавшего с человеком, к которому, видимо, питал доверие, почти не двигались.

Палмер пришел к выводу, что Бернс в общем-то человек по-своему интересный, даже элегантный, но со странностями. А нарочитая мимика не только служила для него маскировкой, но и мешала ему самому постичь подлинную суть собственного характера, а подчас и намерения. Даже светлые волосы были, как видно, частью его маскировки. И все же, осмотрительно

напомнил себе Палмер, где-то глубоко внутри у этого человека была запрятана его подлинная сердцевина. Несмотря на претенциозность и мелкое тщеславие, Бернс не смог бы достичь своего нынешнего положения, не отдавая себе отчета в том, кем и чем он в сущности является.

Взяв со стола свой стакан, Палмер обнаружил, что он пуст. В ту же минуту около него выросла фигура официанта, который, вопросительно изогнув бровь в сторону пустого стакана, все же сделал вид, что боится помешать телефонному разговору Бернса даже коротким: «Еще, сэр?» Палмер утвердительно кивнул, решив принять участие в этой небольшой пантомиме, недоумевая, однако, какие именно специфические качества Бернса позволяли ему вовлекать здравомыслящих людей в затеваемые им повсюду театрализованные представления.

— Шотландское виски с содовой, — произнес он нарочито громким голосом, желая освободиться от состояния транса, в котором пребывал, и не без удовольствия увидел, как вздрогнул от неожиданности официант.

— ...и не думайте про воскресное выступление...— сосредоточенно жужжал в трубку Бернс.

Сделав заказ, Палмер принялся внимательно разглядывать запонки Бернса. Каждая из них представляла собой оправленную в золото модель структуры атома, элементы которого были великолепно выточены из сапфира и четырех крошечных бриллиантов. Слегка прищурившись, Палмер старался отчетливей рассмотреть детали узора.

Наконец Бернс опустил телефонную трубку на рычаг.

— Линии на Каракас заняты, — проговорил он небрежно. — Ах, вот что вас заинтересовало? Это моя эмблема. — Отстегнув запонку, он поднес ее ближе к глазам. — Углерод, — нараспев произнес он. — Углерод, без которого существование жизни на земле было бы невозможно, — добавил он торжественно. — Бесценный божий дар человеку, разумеется, если не считать самой жизни.

— Значит, сапфир — это атомное ядро, а бриллианты — электроны, — сказал Палмер.

Рот Бернса, приоткрывшийся было для того, чтобы заговорить, на мгновение снова сомкнулся и холодно застыл, но тут же расплылся в улыбку приятного изумления: — Лэйн был прав. Вы слишком умны для банкира. Однако эта штучка имеет и другое значение. — При этих словах Бернс повернул руку так, что бриллианты метнули острые голубовато-белые лезвия света прямо в глаза Палмеру. — Сапфир — это человек, индивидуальность. Бриллианты прикованы к нему на всю жизнь. Это — здоровье, богатство, друзья и деньги, четыре элемента счастья.

— Здоровье, богатство, друзья и деньги? — переспросил Палмер. Он не был уверен, правильно ли расслышал.

Бернс пристально глянул на него, и его желтоватые глаза чуть потемнели. — Именно так, — сказал он. — Губы его на мгновение сжались, как бы утверждая и в то же время отвергая какие-то противоречивые мысли.

Затем Бернс сказал: — Я думаю, нет нужды объяснять финансисту разницу между богатством и деньгами.

В этот момент появился официант, который принес виски Палмеру, и он снова откинулся на спинку банкетки.

Бернс не прикоснулся к своему бокалу.

— Деньги — это то, чем обладаешь, и если их достаточное количество и держишь их в течение достаточно длительного периода, то они превращаются в богатство, — сказал Палмер.

Бернс покачал головой. — Позвольте мне стать вашим финансовым советником, — сказал он. — Деньги — это то, что я имею. Богатство — это то, что я, умирая, оставлю своим детям.

— Или, — продолжил развеселившийся вдруг Палмер, — деньги — это то, что мы тратим, а богатство — это что сберегаем.

— Нет. Деньги — лишь удобрение. Богатство же — собранный урожай.

Бернс наклонился над столом, и бриллианты в его запонках щедро заискрились. — Скажите, Вуди, почему я не могу говорить таким образом с Лэйном Бэркхардтом? — спросил он.

Палмер прищурился, затем взглянул ему прямо в глаза:

— А у вас это действительно не получается?

— Разумеется, нет. Мы никогда не ладили. В чем тут причина?

— Но вам лучше знать, ведь вы работаете с ним гораздо дольше, чем я.

— А вы знаете его с детства, — отпарировал Бернс. — Так какой же все-таки будет ответ?

— Думаете, я сказал бы, даже если бы я знал? — ответил Палмер вопросом на вопрос. — Да и вы никогда не скажете мне, откуда знали, что я именно тот человек, о котором вы должны были собрать соответствующую информацию. Это область профессиональных тайн.

Бернс мгновение помолчал.

— Если я все же расскажу вам, то вы должны обещать мне, что об этом не узнает ни одна живая душа.

— Не могу обещать, — ответил Палмер, которому показалась забавной неожиданно наивная торжественность в голосе собеседника. Ему вспомнилась клятва верности, произносимая нараспев мальчишками, которые затевали какое-нибудь тайное общество. — Вы же понимаете.

— Пожалуй, понимаю, — медленно сказал Бернс. — Думаю также, что знаю, почему мы с Лэйном не можем... — Тут он остановился и пожал плечами. Затем сказал с неожиданной силой: — Но пусть между нами никогда не будет других тайн, Вуди. Я говорю совершенно серьезно.

Наивность маленького мальчика, к удивлению Палмера, уступила место такой жесткости, какая не могла иметь ничего общего с тем, что они сейчас обсуждали. Конечно, если он не истолковал превратно то, о чем говорил ему Бернс.

— Я банкир, — ответил Палмер. — И располагаю лишь двумя категориями ценностей, которые могу предложить: деньги и умение хранить тайну вкладчика.

Терпеть не могу тайн, но за мою жизнь мне пришлось хранить их больше, чем хватило бы на двоих.

— Но не скрывайте их от меня, Вуди, — настаивал Бернс. — Мы не можем позволить себе такую роскошь, особенно теперь. — Он перевел дыхание. — Имеете ли вы хоть малейшее представление, в какую историю вы попали по чужой милости? Или хотя бы о том, как может накалиться обстановка, до того как с нами окончательно покончат.

— Обстановка, по-видимому, уже достаточно накалилась для того, чтобы встревожить Бэркхардта.

— Еще бы! — отрезал Бернс. — Когда начинает беспокоиться Бэркхардт, на мою долю достается вдвое больше беспокойств. Когда же начинаем беспокоиться мы оба, то у нескольких миллионов людей появляется более чем достаточно оснований для тревоги.

Взяв вторую порцию виски, Палмер пил медленными глотками, преисполненный решимости дождаться, пока Бернс допьет хотя бы свой первый бокал. — Что хорошо для «Юнайтед бэнк», то хорошо и для Америки, — сказал он. — А что плохо для...

— Совершенно точно. Вас, по-видимому, очень тщательно проинформировали, — сказал Бернс.

— Мой аппарат работал над получением этих данных все утро, — шутливо повторил Палмер фразу, сказанную ранее самим Бернсом.

Откинувшись назад, Бернс внимательно посмотрел на Палмера. Его оригинальное лицо ничего не выражало в этот момент, даже рот был совершенно неподвижен. Потом он улыбнулся широкой и доброй улыбкой. — Вуди, — начал он и остановился, как бы прислушиваясь к

тому, как это слово некоторое время вибрирует в воздухе над ними, — Вуди, почему бы вам не уйти из ЮБТК? Можно найти лучшее применение для такого вице-президента, как вы.

— Уйти? Да я еще даже не начинал там работать, — удивился Палмер.

— Знаете, что сделал бы со мной Лэйн, если бы я переманил вас? Мне лучше бы сразу перерезать себе горло.

Палмер чувствовал себя несколько неловко, но улыбнулся, снова увидев перед собой маленького мальчика, который выдумывает всякие ужасы и сам пугается их. — Ну, не надо преувеличивать, — сказал он. — У вас остались бы еще запонки, на которые можно прожить несколько лет.

Он тут же пожалел о своих словах. Это было бестактно, и Бернс был вправе обидеться на него. Шутка имела неприятный привкус анекдотов о греках и сирийцах, поэтому Палмер почувствовал себя очень неловко. Он заставил себя взглянуть на Бернса, ожидая его реакции.

Глаза Бернса слегка расширились, но рот был неподвижен, и потому Палмер никак не мог предвидеть, что сейчас произойдет.

— Скажите, они действительно нравятся вам? — неожиданно спросил Бернс и стал вынимать запонки из петель манжет. — Вот, дорогой, берите их, они ваши.

— Но послушайте, я...

— Берите, берите их, я говорю совершенно серьезно.

— Но мне не ну...

— Ерунда, — настаивал Бернс, передавая ему запонки. — Они ваши, и все тут. Забудем об этом. Я все равно подарил бы вам запонки на рождество. Но если мне человек понравился в августе, неужели я должен ждать до декабря, чтобы признаться ему в этом?

С удвоенным чувством своей вины за то, что сперва сказал неуместную глупость, а потом был еще и вознагражден так несоразмерно, Палмер пробормотал что-то невразумительное, похожее на «благодарю вас», и взял запонки. Бернс поднял руку, длинные пальцы которой украшали безупречно подпиленные ногти с белыми лунками и аккуратно подстриженной вокруг них кожицей. Ровный блеск ногтей заставил Палмера заподозрить, что ногти были отполированы, — обычай, обнаруженный им у некоторых мужчин в НьюЙорке, но не привившийся в Чикаго.

Бернс щелкнул пальцами, и метрдотель появился перед ними как из-под земли.

— Алекс, — обратился к нему Бернс. И снова певучий отзвук его голоса поплыл где-то у них над головами. — Алекс, голубчик, достаньте небольшой футляр для драгоценностей мистера Палмера, а для меня раздобудьте пару фирменных запонок этого клуба, быстренько, ладно?

Алекс кивнул и тут же исчез. Палмер и Бернс несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Палмер ощущал только унижительное чувство своей несостоятельности потому, что как раз сегодня надел рубашку, обшлага которой застегивались на пуговицы. У его были недурные французские запонки, и, если бы

сегодня они были при нем, он смог бы немедленно отплатить Бернсу любезностью за любезность.

— Итак, — сказал Бернс, — я все ждал, когда же Лэйн даст мне наконец человека, с которым я мог бы сотрудничать. Но я никогда бы не подумал, что за этим человеком придется посылать в Чикаго.

— Когда же мы приступим к нашему сотрудничеству? — спросил Палмер.

— Дорогой, мы работаем уже в течение пятнадцати минут, или вы этого не заметили? — удивился Бернс.

Палмер усмехнулся: — Ну, если это называется работой, значит, меня уже много лет жестоко дурачили на этот счет. Что же мы делаем в данное время?

— Позволяем себя обзреть, — объяснил Бернс. — Вместе. Именно там, где нужно. Именно тем, кому нужно. Это напоминает мне первые мои шаги в Голливуде. А сейчас постарайтесь не оглядываться по сторонам. За столиком в углу зала сидит человек, который почти кончил свой ленч. Через минуту он встанет, направится к выходу и по пути остановится около нас, чтобы поздороваться. Имя его не имеет никакого значения. Но он наводчик на службе у нескольких влиятельных журналистов. Однако даже этого недостаточно, чтобы я пригласил его присесть за наш столик и выпить рюмку коньяку. Его единственная обязанность состоит в том, чтобы зарегистрировать факт, что мы с вами сидим за одним столиком, и сообщить о нем по назначению.

— А что придает особое значение тому факту, что мы с вами сидим здесь вместе?

— Любой человек, который пришел на ленч с Маком Бернсом, уже может быть темой для газетной статьи.

Этот субъект — типичный представитель рекламной шушеры, орудующий в сфере дешевых сенсаций. Так начинал и я двадцать лет назад. Он рыщет по городу: напав на след какой-нибудь знаменательной или забавной истории, он продает свою находку журналистам с тем, чтобы они упомянули в своих статьях о его клиентах.

— А не проще было бы просто показаться вместе журналистам?

— Не годится, — сказал Бернс медленно, как будто в раздумье покачав головой. — Вуди, мне, конечно, нужно еще очень многому научиться в банковском деле, но вам следует лучше разбираться в вопросах прессы и рекламы. Тему или сюжет нельзя совать журналисту под нос. Он автоматически заподозрит тут что-то неладное. Нужно, чтобы эта тема как бы просочилась к нему. Вот тогда он прибежит к вам, чтобы докопаться, в чем дело. Ибо тогда ему кажется, что он сам пронюхал что-то. У него появится уверенность в том, что это действительно так. И вот тогда он смело печатает свою статью. — Рука Бернса потянулась через стол и коснулась руки Палмера.

— Внимание. Ага, уже встает из-за стола. Когда он будет приближаться, сделайте вид, что не замечаете его.

Не прошло и минуты, как в их сторону направился тучный мужчина лет под пятьдесят, с землистым цветом лица. Поравнявшись с их столиком, он приостановился и широким жестом, безмолвно приветствовал их. Бернс глянул на него с притворным удивлением, но тут же расплылся в преувеличенно любезной улыбке:

— А-а, это ты? Здорово, дружище Лен.

Мужчина приблизился, на них сразу пахнуло винным перегаром.

— Мэки, душа моя, wie geht's? [как поживаем? (нем.)]

— Все та же старая шарманка.

— Много зашибаешь?

Бернс злорадно усмехнулся: — Тебе бы показалось, что очень много.

Лен понимающе захохотал и повернулся к Палмеру. — Лен Бэннон, — представился он, протянув было руку.

Палмер, избегая его взгляда, кивнул головой.

— Это Вуди Палмер. Знакомьтесь, — сказал Бернс. — Но пожалуйста, забудь, что ты видел его здесь, Ленни, понял, дружочек?

Глаза Лена испуганно округлились.

— Что-нибудь серьезное?

Бернс, покачав головой, улыбнулся: — Лен, милый, ты только не обижайся, но разобраться во всем тут не по силам даже твоей мозговитой башке.

— О'кей, Мэки, пусть будет по-твоему. Seid gesund. [Будьте здоровы (нем.)]. — Лен потянулся рукой к Бернсу, тот коротко пожал ее, и толстяк заторопился к выходу. — Передай от меня привет Большому Вику, — крикнул он уходя.

— Ну вот, на сегодня дело сделано, — пробормотал Бернс, глядя ему вслед, затем повернулся к Палмеру и сказал: — Отлично.

— Ну, ладно, предположим, он узнает, что я банкир из Чикаго, вы же этого хотели. Но о том, что я буду работать в ЮБТК, еще неизвестно даже прессе.

Бернс нахмурился: — А разве Лейн не показывал вам нашу информацию для печати? — Он пошарил во внутреннем кармане пиджака и вынул сложенный лист бумаги.

— Это сообщение было сегодня разослано с курьером редакциям газет и телеграфным агентствам, — сказал он.

Палмер развернул лист, оказавшийся бланком «Юнайтед бэнк», напечатанным золотыми буквами.

Аккуратно отпечатанный заголовок размноженной на ротапринте информации гласил:

Палмер вступает в компанию, чтобы возглавить борьбу против сберегательных банков

Палмер с удивлением поднял глаза на Бернса. — Никто не согласовал этого со мной. Официально я приступаю к работе лишь через месяц.

— Вуди, мы, как говорится, плывем в одной лодке. Я взял эту копию со стола высокой блондинки, сидящей при входе на верхнем этаже.

— Но ведь вы же советник ЮБТК по вопросам рекламы? — вызывающе спросил Палмер. — Разве такого рода материалы рассылаются без вашей визы?

— Никому не известно, что это входит в мои обязанности. Вот почему было так важно, чтобы Лен Бэннон увидел нас вместе.

— Тогда кто же, черт побери, рассылал это сообщение? Отдел рекламы? — спросил Палмер, начиная злиться.

— Ну да, кто же еще!

— Даже предварительно не согласовав со мной! Что за бесцеремонность, черт возьми.

Бернс развел руками, подняв ладони вверх, и незастегнутые обшлага его рубашки виновато затрепетали, словно крылья. — Вам что-нибудь не нравится в этой информации? — спросил он.

— Не знаю, — буркнул Палмер и, спохватившись, что еще не прочел содержание сообщения, снова взялся за него:

«Лэйн Бэркхардт, президент и председатель правления ЮБТК, крупнейшего американского банка, объявил сегодня, что известный чикагский банкир, Вудс Палмермладший, бывший президент...»

Рядом с локтем Бернса снова тихо, но настойчиво зазвонил телефон.

Палмер прервал чтение.

— Вероятно, Каракас, — виноватым голосом сказал Бернс. — Хэлло? -

Но его рот, твердо и жестко произнесший букву «о», внезапно смягчился.-

Это вас вызывают, — сказал он и передал трубку Палмеру.

— Хэлло?

— Мистера Палмера, пожалуйста, — ответила телефонистка.

— Палмер у телефона.

— Вас вызывает междугородная станция, подождите, пожалуйста.

Палмер подождал. Линия безмолвствовала. Тогда он сказал: — Говорите же, пожалуйста.

— Вудс? — прозвучал необычайно взволнованный голос Эдис. — Хэлло, Вудс?

— Эдис, откуда ты?

— Я звоню с дачи. Без конца звонит телефон, газеты хотят знать. Вудс?..

— Да, да, я слушаю.

— Вудс, это верно?

Несмотря на то что ее манера говорить, привитая ей в колледже Уэллсли, надежно скрывала какие бы то ни было внутренние переживания, Палмер достаточно хорошо знал ее и сразу почувствовал, что в созданном ею вокруг себя и своей семьи искусственном мирке что-то сместилось. Как будто кто-то кинул в окно кирпич и осколки стекла разлетелись по ковру.

— Что верно, Эдис? — спросил он, не понимая, почему его радует возможность немного ее помучить.

— Про твою новую работу? Говорят... представитель «Чикаго трибюн» спрашивал меня и были люди из бюро «Сан-Таймс» в Нью-Йорке, Вудс?

— Разве Джерри не сказала тебе?

— Джерри? — Голос Эдис немедленно утратил оттенок обиды и зазвучал собственнически. Дети — это уже ее забота. В разговоре он коснулся детей. — Какое отношение имеет ко всему этому Джерри?

— Эдис, я же звонил сегодня утром.

— Звонил? Сюда к нам?

— Ну да. Тебя не было, и я просил Джерри...

— Меня не было сегодня утром? Когда же это было? — спросила Эдис.

— О, черт. Может быть, в восемь или в восемь тридцать по вашему времени.

— Чепуха, — возразила Эдис, снова почувствовавшая твердую почву под ногами. — Я была дома до десяти часов.

— Я попросил Джерри отыскать тебя. Она по своей милой привычке куда-то запропастилась, а потом сказала, что не могла тебя найти.

— Ну, дорогой мой, этого следовало ожидать от девочки ее возраста. — В голосе Эдис зазвучала привычная уверенная интонация. — С ней сейчас происходят всякие перемены. Это естественно.

— Ну, ладно, — сказал Палмер. — Скажи, как у вас там дела?

— Ничего, жить можно.

Палмер понял, что она снова чувствует себя в своей тарелке.

— Что же мне все-таки говорить представителям прессы, милый?

— Скажи, чтобы они звонили в Нью-Йорк. Сообщение было преждевременно передано прессе без моего согласия, и меня это здорово разозлило.

— А что, разве это неверно?

— О нет, в общем-то все верно.

— Хорошо, я...— Ее голос вдруг пропал, так как она отвернулась от телефона и разговаривала с кем-то рядом с ней. — Ну будь здоров, милый, — сказала она снова в трубку.

— А как тебе удалось найти меня здесь?

— О, конечно, — ответила она кому-то по ту сторону провода, — непременно... Милый, а в Нью-Йорке жарко?

— Эдис, я спрашиваю, как ты нашла меня здесь? — повторил Палмер, ощущая поднимающуюся в нем ничем не оправданную волну гнева.

— Я позвонила в клуб «Юнион лиг», там мне дали номер банка, а девушка в банке соединила меня с этим номером. У нас уже совсем прохладно.

— А я здесь задыхаюсь, — саркастически произнес Палмер. — Я позвоню тебе сегодня вечером или завтра. Всего хорошего.

— ...примерно полфунта, миссис Кейдж...— И затем снова громко: — Что ты сказал, милый?

— Я сказал: всего хорошего.

— Всего хорошего, милый.

Разговор был окончен. Палмер положил трубку на рычаг и жадно глотнул из своего стакана. Когда он взглянул на Бернса, то увидел, что тот наблюдает за ним с легкой усмешкой на губах. Улыбка эта была чуть-чуть асимметрична и казалась весьма загадочной.

— Итак, что же дальше? — вызывающе спросил Палмер.

— Дочитайте до конца информацию для печати.

— К черту информацию.

Бернс ничего не ответил. Затем, уже без улыбки, поднял свой стакан и потянулся через стол, чтобы чокнуться с Палмером. — А теперь тост, — сказал он, и в углу рта, сбоку, что-то дрогнуло. — Я не могу предложить тост за здоровье, богатство, друзей или деньги. Все это у вас есть.

— Можно обойтись и без тоста, — ответил Палмер, все еще сердитый на Бэркхардта и Эдис.

— Когда в первый раз пьешь с другом, без тоста нельзя, — настаивал Бернс. — Итак, за что же мы выпьем? Вряд ли у нас будет другая возможность позавтракать столь непринужденно после того, как мы начнем эту кампанию.

— Тогда давайте добавим к вашим запонкам еще один бриллиант, — не утерпел, чтоб не съязвить, Палмер. — Не выпить ли нам за мудрость?

— Когда есть деньги и друзья, разве нужна тогда мудрость? — спросил Бернс и тут же сам ответил: — Нет.

Односложный ответ Бернса еще витал в воздухе несколько мгновений, затем желтые глаза Бернса сузились. — Давайте-ка лучше выпьем за... э-э... за любовь.

Настороженно наблюдая друг за другом, они медленно, глоток за глотком опорожнили свои бокалы.

Глава седьмая

Отделаться от Бернса было не так-то просто. Правда, Палмеру удалось закончить ленч к половине третьего, это еще куда ни шло. Но Бернс стал тут же настойчиво упрашивать Палмера поехать с ним в рекламное агентство, где он возглавлял отдел по связи с общественностью. Палмеру удалось уклониться от этого приглашения, но взамен Бернс взял с него обещание вечером отужинать вместе.

Бернс предложил подвезти его на такси, но Палмер заявил, что хочет пройтись, и наконец распрощался с ним. Прежде всего Палмер стал звонить из автомата Бэркхардту. Когда он наконец дозвонился, ему сказали, что Бэркхардт уже уехал из конторы на Пятой авеню, так как хочет посмотреть, что делается в филиалах банка в Бруклине и Куинсе. Палмеру сообщили, что связаться с Бэркхардтом пока нет возможности и возвращения его ожидают не раньше половины шестого.

— А когда можно ожидать вас здесь, мистер Палмер? — спросила девушка. — Дело в том, что наш декоратор по интерьеру хотел бы повидать вас.

— Какой декоратор?.. — удивился Палмер, но время его в автомате истекло, и он стал торопливо рыться в карманах в поисках подходящей монеты. — Что вы сказали? — спросил он наконец.

— Господин Бэркхардт подумал, что вы, наверное, захотите внести какие-нибудь изменения в оформление вашего кабинета. Поэтому мы вызвали художника-оформителя, и он ждет ваших распоряжений.

Он мог бы встретиться с вами в любое время в течение всей второй половины дня.

Палмер посмотрел на часы: — Сейчас три часа. Попросите его зайти к четверем. А без четверти четыре я хотел бы повидать нашего представителя по рекламе и связи с прессой.

— Мисс Клэри, — сказала в ответ девушка.

— Простите, что вы сказали?

— Мисс Клэри ведает у нас вопросами рекламы и информации. Мисс Вирджиния Клэри.

Палмер вздохнул: — Хорошо, пусть мисс Вирджиния Клэри зайдет ко мне без четверти четыре.

— Благодарю вас, мистер Палмер. Это все?

— Да, все.

— Тогда всего хорошего, мистер Палмер.

— Всего хорошего. О... постойте! Хэлло?.. — Однако его уже разъединили и Палмер так и не смог установить, где помещается его кабинет. Вероятно, в одном из отделений банка на Пятой авеню, решил Палмер. Он вышел из телефонной будки и повернул в сторону Лексингтон-авеню. Дойдя до угла, он чуть помедлил, щурясь под лучами августовского солнца, прислушиваясь к реву мчавшихся мимо автобусов. Мысли его были заняты Маком Бернсом.

Несмотря на то что этот человек представлял собой весьма неустойчивый сплав, все же основные его черты можно было определить даже сейчас, в самой начальной стадии знакомства. Палмер не располагал достаточно обоснованными доказательствами, но был почти уверен, что Бернс представляет наихудшую разновидность из

категории «романтиков». Его склонность к заговорам и интригам, таинственные телефонные разговоры с Каракасом, его словно заимствованный из детектива подход к самым обыденным явлениям, клятвенные заверения хранить тайну, надуманные страхи и мистическая вера в предзнаменования и символы, наконец, преувеличенная щедрость — все эти качества создавали портрет романтического авантюриста, которому не следовало бы доверять скольконибудь серьезного дела не только такому банку, как ЮБТК, но и любому другому.

Размышляя об этом, Палмер шагал по Лексингтон-авеню в южном направлении вдоль квартала, где не оставалось уже ни одного здания. Из-за высокой, окрашенной в голубой цвет деревянной ограды строительной площадки раздавался неумолкающий грохот и скрежет экскаваторов и гудение тяжеловозов. Палмер остановился у ворот, чтобы посмотреть, как колоссальный самосвал фирмы «Мак-Кормик», оставляя за собой в грунте глубокую колею, проследовал куда-то по Лексингтон-авеню с грузом раздробленного бетона, служившего недавно фундаментом здания, превращенного в руины.

Палмер подумал, что ему придется свыкнуться с этой характерной чертой Нью-Йорка — непрерывным процессом разрушения и созидания, болезнью, которая быстро распространялась и на другие города.

Идея эта была в своей основе здоровой, но при условии, что экономика страны стабильна и развивается: сносить ненужные служебные здания, добиваясь таким путем снижения налогов, затем строить дорогостоящие новые помещения, стоимость которых может быть изъята

из облагаемых налогами сумм в рамках хитроумных законов, которыми сейчас так широко пользуются на командных высотах при крупных манипуляциях с недвижимым имуществом.

Палмер все еще стоял у ворот, когда очередной самосвал, покидавший строительную площадку, обдал его раскаленной пылью. Впрочем, благоприятное развитие экономики, необходимое для такого строительства, было лишь предположительным, и его следовало создавать, не полагаясь на то, что оно само спустится с небес в виде дара божьего, размышлял Палмер. Даже Винни Эстору пришлось убедиться в этом, когда он начал сносить здания в этом районе. Деньги на работы иссякли, свободных денег становилось все меньше — они делались все менее доступными. И Эстору пришлось переложить всю эту затею на плечи одного из немногих вкладчиков, пока еще способного справиться с такой операцией, а именно на «Фёрст нешнл сити бэнк». Однако и он не был неиссякаемым источником финансирования. То, что было некогда возведено с такими фанфарами, как «Эстор Плаза», ныне будет уже именоваться зданием «Фёрст нешнл сити бэнк». *Sic transit gloria mundi* [Так проходит слава мирская (лат.)].

Палмер снова зашагал по Лексингтон-авеню. Дойдя до угла Пятьдесят третьей улицы, он обнаружил среди сплошных строительных площадок уцелевшее старое здание, которое не успели снести. Одинокое и неуместное на фоне общего опустошения, оно напоминало последний тонкий кусок торта, оставшийся на тарелке после того, как гости разобрали все предназначенные для них порции. Интересно, подумал Палмер, какую цену заломил владелец этого здания? Может быть, Эстору эта цена была и не по карману, но

уж «Фёрст нешнл сити бэнк», разумеется, в состоянии предложить подходящие отступные. Впрочем, это дело времени.

Улыбаясь, Палмер продолжал идти в южном направлении вдоль Лексингтон-авеню. Созерцание этого последнего бастиона среди опустошенного, превращенного в руины квартала подействовало на него успокоительно. Дело было, конечно, не в том, что хозяин дома заломил непомерную цену. Просто, владея хорошей вещью, он старался использовать ее наилучшим образом. Но мысль о том, что против все сметающей на своем пути лавины Великого прогресса мог еще устоять этот одинокий бастион, доставила Палмеру известное удовольствие.

Конечно, если бы перед ЮБТК встала такая проблема, размышлял он, то именно в его, Палмера, обязанности входило бы сокрушить этот одинокий бастион всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Но поскольку сейчас это было заботой «Фёрст нешнл», ему было приятно созерцать эту картину.

Ожидая перехода у светофора на углу Пятьдесят второй улицы, Палмер обдумывал, что же ему сказать Бэркхардту, когда они наконец встретятся. Передача в прессу информации о его назначении без предварительного согласования с ним самим была, несомненно, серьезным нарушением установленного порядка. Надо получить у мисс Клэри более подробные сведения, прежде чем он пойдет объясняться с Бэркхардтом, Но он должен проявить максимальную твердость. Обойти этот инцидент молчанием значило бы с самого начала ослабить свои позиции, а это может

сказаться на характере его дальнейших отношений с Бэркхардтом и банком. Палмер не мог этого допустить, надо было сегодня же предпринять любовую атаку и со всей решительностью настоять на своем.

Палмер понимал, что, ставя этот вопрос перед Бэркхардтом, придется одновременно коснуться и личности Бернса. Почему этот человек вообще был связан с ЮБТК? Когда положение банка настолько пошатнулось, что пришлось прибегнуть к помощи субъектов, подобных Бернсу?

Бернс сам по себе не мог принести вреда, но лишь до тех пор, пока он не связан с уважаемым банком, решил Палмер.

Люди его типа вполне на месте во многих других отраслях бизнеса, где внешняя, чисто показная сторона имеет решающее значение.

Но банк, хотя он, как и все в этом мире, должен иметь свою внешнюю, показную сторону, по своей сути явление более сложное. В его основе лежит самая конкретная ценность — деньги. Это фундамент, на котором воздвигаются сложные конструкции бизнеса и сервиса. Стоит лишь банку в своих взаимоотношениях с обществом упустить из виду эту концепцию — как это уже имело место в ряде случаев, — немедленно в движение приходит процесс упадка, утраты престижа и доверия в глазах клиентов, — процесс, неминуемо ведущий к катастрофе.

Кто такой Мак Бернс? — спрашивал себя Палмер. Каким образом Бэркхардт оказался связанным с ним? Может быть, по линии рекламного агентства, которое возглавлял Бернс? Почему Бэркхардт так упорно не желал иметь дела лично с Бернсом и в то же время так

настаивал на том, чтобы Палмер побыстрее наладил с ним отношения? Почему до настоящего времени отношения между Бэркхардтом и Бернсом держались в тайне? Что нужно было ЮБТК от Мака Бернса? И до каких пределов Бэркхардт готов рисковать репутацией, а может быть, и большим, прибегая к его услугам?

Палмер только шагнул, чтобы сойти с тротуара на мостовую Пятьдесят первой улицы, где он стоял, как вдруг перед ним, едва не задев его, за угол завернул большой семиместный черный «кадиллак». Палмер отпрянул назад. Его удивило, что он мог так глубоко задуматься над всем этим, что даже перестал обращать внимание, куда идет. Черт бы побрал этого Бернса, подумал Палмер, и Лэйна Бэркхардта вместе с ним.

Тут Палмер вспомнил, что толстяк в ресторане, прощаясь с Бернсом, упомянул какое-то имя. Стоя на углу, Палмер напряженно старался вызвать его в памяти. Небрежно произнесенное, оно будто скользнуло мимо него, но в то же время успело оставить след где-то глубоко в тайниках его мозга. Палмер почти интуитивно ощущал, что должен знать это имя и что непременно его вспомнит.

Напрягая память, Палмер закрыл глаза. Кто-то толкнул его, он снова чуть не оказался на мостовой и сразу же открыл глаза.

Большой Вик!

Палмер с облегчением торопливо пересек улицу и устремился вдоль Лексингтон-авеню. Большой Вик Калхэйн. Палмер чуть не прошел мимо здания библиотеки. Но тут же повернулся и вошел в сумрачный тихий вестибюль, раздумывая, с чего бы начать. Разумеется, не с «Who's who». [Биографический

справочник видных деятелей.] Вместо этого он попросил библиотекаря дать ему справочник для читателей периодических изданий и стал просматривать все, что имеется в нем на букву «К». В январском номере «Нью-Йорк таймс мэгэзин» была опубликована статья о Викторе С. Калхэйне. В мае «Атлантик мансли» опубликовал биографический очерк под заголовком «Большому Вику — большой пирог». В июне журналы «Ньюсуик» и «Нью-Йоркер» также напечатали заметки о нем. Палмер взглянул на часы: у него осталось всего лишь полчаса до первого назначенного им приема служащих в его офисе. За двадцать минут он успел просмотреть все, что ему было нужно. Материалы, касающиеся Калхэйна, не представляли особого интереса. Отец его был ирландец, а мать — итальянка, по желанию родителей он готовился стать священником, вместо этого оказался в самой гуще борьбы местных политических деятелей, база которых находилась на Сто шестой улице восточной части города. Затем, в годы депрессии, Калхэйн ведет борьбу с организацией Маркантонио, становится наемным организатором политических кампаний и достигает апогея своей славы в период падения Эда Флинна. Теперь же, в возрасте Палмера, Калхэйн, по всеобщему признанию, прибрал к рукам значительную часть политической машины Нью-Йорка. Для Палмера это было не ново. Его внимание привлекло лишь то обстоятельство, что во всех статьях, касающихся карьеры Калхэйна в период после второй мировой войны, неизменно упоминалось имя Мака Бернса. «Таймс» без обиняков назвал его «советником Калхэйна по вопросам общественных связей и рекламы». «Атлантик» дважды упоминал его имя: один раз в связи с жестокой борьбой, разгоревшейся между Калхэйном и

Кармином де Сапио, а в другой раз изобразил Бернса «гением, который, по общему мнению, незримо руководил восхождением Большого Вика к вершинам славы». «Ньюсуик» охарактеризовал Бернса как «человека, который мастерски отточил и отполировал Калхейну когти». А «Нью-Йоркер» посвятил ему довольно пространный абзац, в котором говорилось:

«Недавно при встрече с одним из своих ближайших единомышленников Калхэйн заявил: „Мак Бернс? Это же мой близкий друг, к которому я отношусь с величайшим уважением. Изумительный, черт побери, парень во всех отношениях!“ Калхэйн решительно отверг бывшее в ходу предположение, что умудренный опытом советник по делам рекламы Бернс служит для него персональным политическим „мозговым трестом“ и пишет речи для его выступлений. Сопровождая свое опровержение характерным для него резким взмахом руки — жестом, ставшим как бы его „фирменной маркой“, Калхэйн заявил: „Бернс обладает проницательностью и способностями, которых хватило бы еще на десятерых“. Затем, впадая в лирическое настроение, он добавил: „Фирмы, которые работают с Бернсом, получают возможность пользоваться первоклассными мозгами“. В этом случае Калхэйн имел в виду целый ряд весьма солидных финансовых учреждений, которые время от времени прибегают к услугам Бернса. Операции Бернса по вполне понятным причинам довольно пристрастно описывал один из его соперников в джунглях общественных связей, так определив его деятельность: „Если вам нужен Калхэйн, сначала позаботьтесь, чтобы вас поддержал Мэки Нож. Это еще не гарантия, но все же первый шаг на пути к Калхэйну. В конечном итоге, если у вас хватит денег, вы достигнете своей цели. Бернс

— человек исключительно занятый, и связаться с ним можно только по телефону. Одному клиенту, который с трудом дозвонился ему, Бернс ответил резким голосом, в котором все же звучал жалобный вой муэдзинов его родины — Бейрута: „Общественные деятели такого масштаба — это не яблоки, зреющие на яблоне у вас под окном. Калхэйн сочетает в себе ясное и четкое понимание социальной ответственности и твердую хватку политического реализма“. По поводу дружеской связи, существующей между ним и его общественно-политическим идолом, Бернс лаконично заявил: «Бог дарует нам в жизни лишь немногие драгоценные узы, и одной из них является дружба. Я преисполнен благоговейной гордости по поводу того, что одним из моих близких друзей оказался такой человек, как Виктор С. Калхэйн».

Покидая библиотеку, Палмер ломал себе голову над тем, какая может быть связь между Большим Виком Калхэйном и борьбой со сберегательными банками. Выйдя из библиотеки, он повернул на запад и пошел вдоль улицы, пересекающей Пятую авеню, гадая, каково же реальное могущество Калхэйна, сколько голосов он мог бы обеспечить в законодательные органы штата НьюЙорк в Олбани, наконец, в состоянии ли Мак Бернс вообще гарантировать им поддержку Калхэйна. Поравнявшись с огромным зданием правления банка, сооруженным из стекла и алюминия, Палмер признался себе, что он настолько плохо разбирается в политической жизни Нью-Йорка, штата и города, что не может дать ответ на поставленные им же самим вопросы.

В это время дня банк был закрыт для публики, поэтому он постучал в боковую дверь и помахал рукой одному из находившихся внутри охранников. Тот с

суровым, неприступным видом подошел к двери, взглянул с удивлением на Палмера, и его лицо сразу расплылось в улыбке.

— Мистер Палмер, не так ли, сэр?

Палмер утвердительно кивнул, подумав: а не пустили ли его фотографию по рукам всех служащих системы ЮБТК, как это делают с разыскиваемыми преступниками?

— Сэр, вам непременно должны дать ключ, — сказал охранник, провожая Палмера к знакомому уже лифту.

— Непременно напомните о ключе, сэр, — повторил охранник на прощанье.

Размышляя над тем, как бы наконец остановить поток этих почтительных повторов «мистер» и «сэр», Палмер пришел к выводу, что пройдет еще немало лет, прежде чем он решится нарушить местный этикет, а к тому времени, наверно, он настолько привыкнет к нему, что, может быть, начнет находить в нем даже удовольствие... В лифте, обернувшись к сверхчувствительной кнопке «ВЭ», Палмер подождал, пока засветится огонек. Затем механический голос сообщил, где лифт остановится. Палмера вдруг охватило беспокойство. Его новый пост и окружающее его подбострастие, политика, люди, подобные Бернсу, эта неприятная история с информацией для прессы — все это вкупе на какой-то момент вызвало в нем смятение и — несмотря на то, что он всячески противился этому чувству, — сомнение в правильности сделанного им выбора. Створки лифта разомкнулись, и Палмер на мгновение зажмурился от ярких солнечных лучей, хлынувших на него с застекленного потолка. Он пошел

вдоль длинного, широкого коридора, напоминавшего величественные подходы к египетским тронным залам. Только вместо изображений египетских богов Ра и Озириса здесь должны были бы выситься финансовые боги: божество в образе муравья, олицетворяющее накопление, божество в образе пингвина, олицетворяющее достоинство, затем изображение бога-слона, символизирующего стабильность... и какой-нибудь еще образ, символизирующий займы из шести процентов годовых.

Приближаясь к высокой белокурой секретарше, Палмер уже собрался с мыслями. Девушка встала, чтобы приветствовать его:

— Добрый день, мистер Палмер. — Она передала ему связку из пяти или шести ключей. — Простите, не успела вручить их вам сегодня утром, — добавила она.

Две мысли почти одновременно промелькнули в сознании Палмера: как молниеносно охранник успел позвонить ей о ключах; затем — как обращение к нему «сэр» охранника и «мистер» девушки характеризует разницу в их общественном положении. Во всяком случае, блондинка, несомненно, была привлекательна.

Палмер поймал себя на том, что смотрит не на ключи, которые она держала в руке, а на ее высокую грудь, лишь частично скрытую черным шерстяным платьем, свободно спадавшим с ее плеч. Никакие свободные и плавные линии не могли скрыть от взоров очертания этой пышной... Он взглянул девушке в лицо и увидел, что она краснеет.

— Не покажете ли вы мне, где мой кабинет, я... — Но он не закончил своей мысли. Девушка направилась к

позолоченной двери кабинета Бэркхардта. — А разве мистер Бэркхардт уже вернулся? — спросил Палмер.

— Его еще нет, мистер Палмер, — сказала она и, открывая дверь, добавила: — Мистер Бэркхардт распорядился предоставить этот кабинет вам. Несколько смущенный и ошеломленный этим известием, Палмер проследовал за девушкой в уже знакомый ему огромный зал. А еще через мгновение он уже сидел за столом, а девушка, стоя возле него, быстрыми движениями указательного пальца перебирала ключи на гладкой полированной поверхности стола. Палмер снова отчетливо различил запах знакомых духов, подаренных им Эдис на рождество. У него было ощущение, что духи глубоко проникают ему в легкие.

— Это ключ от главной двери, а вот этот — от боковой, — объяснила девушка.

На мгновение она задумалась, сосредоточенно глядя на оставшиеся пять ключей, и, чтобы лучше разглядеть их, слегка наклонилась вперед так, что грудь ее коснулась Палмера. — Это запасной, — сказала она. — Рядом с ним ключ, э-э... от лифта. После шести часов лифт запирают. Вот ключ от вашего кабинета, а этот самый большой — кажется, от главной конторы. — Взяв большой ключ в руки, она внимательно посмотрела на него и затем уже с уверенностью сказала: — Да, правильно.

Доставая маркировочный карандаш, девушка на этот раз вполне ощутимо коснулась грудью его плеча. Затем она склонилась над ключами и старательно пометила каждый из них. — Вы можете соскоблить эти пометки, когда привыкнете, — сказала она. — Ключом, помеченным цифрой «пять», открывают двери па первом

этаже Пятой авеню. Ключи с буквой «Л» — это ключи от лифта. Буква «К» обозначает ваш кабинет. «Г» — ключ от главной конторы банка.

Палмер незаметным движением отодвинулся от девушки. Он старался почти не дышать, чтобы нейтрализовать действие духов. Между этой девушкой и Эдис не было ничего общего, кроме духов. У Эдис было стройное, худощавое тело женщины, которая играет в теннис и вообще следит за собой. А девушка была довольно полная, хотя не чрезмерно, и, казалось, совсем не думала о своей фигуре, ее это, наверно, просто не заботило.

Палмер наблюдал, как она обошла стол и встала перед ним.

— Мисс Клэри готова зайти, когда вы пожелаете, — сказала она.

— Немного позднее, — ответил Палмер.

Посмотрев ей вслед, когда она уходила, Палмер отметил, что его совсем не волнуют мягкие движения ее полного торса, лишь наполовину скрытого свободными складками платья. Он даже подумал, что уж не духи ли Эдис виной тому? Но отверг эту мысль как слишком фрейдистскую. Окинув взглядом кабинет, он обнаружил, что висевшие ранее на стенах картины за время его отсутствия сняли, а позади письменного стола поставили две книжные полки из полированного дерева на высоких золоченых подставках. На столе теперь стояли массивная золотая пепельница, стаканчик для карандашей, тут же были маленький микрофон интеркома и плоская коробочка с 12 кнопками на золотой полированной крышке.

Разглядывая кнопки, он увидел, что одна из них засветилась зеленым огоньком. Еле различимый звук, напоминающий звон хорошего хрусталя, заставил его обратить внимание на пять спасительных букв «скртр». Палмер прикоснулся к кнопке, свет погас, и микрофон ожил, сообщив ему:

— Мисс Клэри ожидает вас, мистер Палмер.

— Хорошо, позднее.

Микрофон снова умолк, и Палмер стал неторопливо разглядывать свой кабинет, отчетливо ощущая зарождающееся в нем чувство собственника. Надо будет выбрать несколько картин для украшения стен. На полки следует поместить что-нибудь полезное, и, пожалуй, ему потребуются еще одно-два кресла. Было бы неразумно загружать эту комнату тяжелой мебелью. Главное качество этого кабинета заключалось в обилии свободного пространства. Глядя на колоссальные размеры окна из сплошного стекла в дальней части зала, где потолок взмывал вверх на высоту 20 футов, Палмер вспомнил небрежно оброненную Бэркхардтом фразу о том, что это стекло такого же качества, как и стекло обсерватории Маунт Паломар.

Ах, старый проходха, подумал Палмер. Уступая свой кабинет, разумеется, он рассчитывал подсластить эту пилюлю с преждевременной и не согласованной со мной информацией, касающейся моего назначения. Он глянул на пустую стену напротив себя и подумал, не попытаться ли ему одолжить одну из висящих в коридоре больших картин Брака для того, чтобы заполнить это пространство.

Глава восьмая

Художник-декоратор только что ушел. Палмер посмотрел на часы: был уже шестой час. Что у него еще намечено на сегодня?

Он сел за стол и окинул взглядом всю длину расстояния от стола до огромного окна. И тут ему внезапно пришло в голову, что он даже не познакомился с видом, который открывался из этого грандиозного иллюминатора. Палмер встал и медленно, большими шагами стал отмерять расстояние: пять... шесть... семь... восемь... девять. Сколько же это? Примерно сорок с лишним футов? Невероятно!

Палмер стоял у окна, устремив взгляд к северу вдоль Пятой авеню. В нескольких кварталах отсюда гостиница «Плаза» и ее фонтан нарушали прямую линию вытянувшихся в ряд однообразных зданий. У тротуара в солнечном свете, понуро опустив головы, стояли лошади, впряженные в извозчичьи пролетки. А немного поодаль виднелась территория утопавшего в зелени Централ-парка, зверинец, дорожка для верховой езды на пони и машины, въезжающие в парк у Шестидесятой улицы. Дальше все уже сливалось в густой зелени деревьев, сквозь которые едва прорывались мерцающие блики озера.

Палмер окинул взглядом обрамлявшую парк неровную вереницу крыш. Интересно, далеко ли она простирается на север? А за этими крышами, где земля, казалось, чуть выгнулась вверх, в лучах заходящего солнца смутно вырисовывались очертания крошечного,

будто игрушечного, моста, переброшенного через Гудзон в Нью-Джерси. Как называется этот мост?

Позади снова почтительно заверещал сигнал интеркома.

Палмер обернулся и быстро пошел к столу, решив про себя, что это расстояние до окна, несомненно, превратит любование городским пейзажем в несколько обременительную для него роскошь.

Палмер нажал кнопку с надписью «секретарь», и ее вежливое мерцание мгновенно погасло. «Да?» — вопросительно произнес он в микрофон.

— Мисс Клэри все еще ожидает вас, — ответил ему голос секретаря.

— О господи! Пришлите же ее ко мне.

— Мистер Палмер?..

— Да?

— Будут ли еще какие-нибудь распоряжения на сегодня?

Палмер посмотрел на часы. Было уже четверть шестого. — Нет, на сегодня все. Вы свободны. Благодарю вас. — Палмер отключил микрофон, сел поглубже в кресло и попытался собраться с мыслями. Он чувствовал, что не так-то просто справиться с гневным возмущением, вскипевшим в нем во время ленча. Некоторые люди, правда, способны таить в себе злобу не только целый день, но и годы, и даже всю жизнь. Однако их не подвергали столь сокрушительному искушению, как кабинет размером в теннисный корт, и не подкупали видом из окна, достойным того, чтобы поместить его в контейнер, опечатать и продать.

— Мистер Палмер?

На пороге стояла еще уменьшенная грандиозностью дверного проема фигурка невысокой стройной женщины с большими глазами.

— Входите, мисс Клэри, — небрежно бросил он, не глядя ей в лицо.

Она вошла, не закрывая за собой двери, не произнося ни слова, и направилась к нему, неслышно ступая по толстому ковру тоненькими шпильками каблучков. Остановившись у стола рядом с креслом, которое он жестом предложил ей, женщина сразу стала как будто немного выше. Но все же она очень маленькая, подумал Палмер. Он молча наблюдал, как она села, положив ногу на ногу, и безуспешно пыталась одернуть юбку, чтобы закрыть колени. Однако, когда она перевела взгляд на него, он успел опустить глаза и внимательно разглядывал что-то на столе.

— Итак, вы и есть то самое лицо, которое ведает у нас вопросами рекламы и информации, — наконец произнес он. — Как вы понимаете, я не случайно говорю «лицо», — добавил он с улыбкой.

Она внимательно посмотрела на него, затем ее довольно пухлые губы тронула вежливая улыбка.

— Не случайно, — повторила она за ним равнодушно.

Палмер был несколько удивлен, что его первая попытка создать атмосферу непринужденности не удалась. Но, увидев ее неподвижно сидящую в кресле, неестественно выпрямившуюся, с крепко сжатыми руками на коленях, он понял, что она ждет

неприятностей, да еще ее, словно школьницу, заставили так долго ждать после окончания рабочего дня.

Палмер в упор взглянул на нее, и взгляды их встретились. На расстоянии ее темные глаза кажутся еще больше, подумал он, наверно, потому, что они сильно подведены, как это теперь принято, а отчасти, быть может, и потому, что они расположены глубоко в глазницах, отбрасывающих на них густую тень. Его почему-то заинтересовало, действительно ли у нее глубокие глазницы или они кажутся такими по контрасту с высокими, четко обрисованными скулами. Не выдержав его взгляда, мисс Клэри опустила глаза, и Палмер увидел, как вверх по ее щекам поползла легкая краска румянца, как порозовели словно резцом отточенные скулы. И лишь в этот момент Палмер впервые спохватился, что, разглядывая ее так откровенно, он преступил все дозволенные границы. Он опустил голову и пожалел, что на столе нет ни одной бумажки, которую он мог бы для вида переложить с одного места на другое.

— Я хотел вам сказать, — начал он и остановился. Она взглянула на него, но тут же отвела глаза, как бы опасаясь снова встретиться с его пристальным взглядом.

— Так вот, сейчас я объясню, зачем я вас вызвал. — Он запнулся, стараясь придать своим словам более вежливую форму. — Это касается информации для прессы, — сказал он. — Вот почему я попросил вас зайти ко мне на минутку.

— Какой информации для прессы? — спросила она.

— По поводу моего назначения.

— Ах, вы об этом. — Она кивнула, и волнистая прядь черных волос легко скользнула ей на лоб.

— Я, собственно...— И Палмер снова замолк. Черт знает что. Она, разумеется, ждала неприятностей, но едва ли предполагала встретить здесь запинающегося идиота, мелькнуло у него в голове.

— Мистер Бэркхардт позвонил мне в воскресенье домой, — заговорила она, как видно опасаясь, что снова наступит неловкая пауза, — и велел подготовить сообщение для печати. — Она было остановилась в ожидании, что он что-то скажет, но затем быстро, низким и монотонным голосом продолжала:

— Я прочла ему это сообщение сегодня утром по телефону. Он его одобрил, и материал был тут же с курьером разослан редакциям газет, так как предназначался для срочной публикации.

Палмер подождал, не последует ли за этим что-либо еще, и, убедившись, что она больше ничего не скажет, сам обратился к ней:

— Иными словами, вы хотите сказать, что только вы и Бэркхардт знали о содержании этого сообщения до того, как оно было отправлено из офиса.

— Да, и еще Фредди, который размножал его на ротапринте.

— И Фредди, который размножал его на ротапринте, — повторил Палмер.

Оба они на мгновение замолчали. Палмер снова принялся изучать ее наружность, научившись делать это теперь, не сосредоточиваясь на какой-либо детали, чтобы не привлечь ее внимание. Мисс Клэри, по-видимому, было лет тридцать пять, и в иных, более спокойных условиях она, несомненно, выглядела бы

очень привлекательно. Сейчас же она держалась все еще немного скованно.

— Имеет ли он допуск к секретным документам? — внезапно спросил Палмер.

— Кто, Фредди? — Большие глаза мисс Клэри с опасением взглянули на него.

— По-видимому, это сообщение для печати носило сугубо секретный характер, и рядовой служащий, вроде меня, не имел права даже взглянуть на него до того, как его разослали прессе! Я рад тому, что хотя бы вы и Бэркхардт были в курсе дела. А также Фредди.

Снова наступила тягостная тишина. Палмер понял, что его сарказм, даже облеченный в такую, как ему казалось, легкую и шутливую форму, не способен растопить ледяное оцепенение этой женщины. Он ничего не знал о ней, кроме того, что ни один большой банк, подобный «Юнайтед бэнк», никогда не нанимал женщин на должность руководителя отдела рекламы и информации. По-видимому, у нее были очень влиятельные связи и она была отличным работником. Однако в данный момент Палмер не располагал никакими доказательствами этого и руководствовался лишь дедуктивной логикой собственного мышления.

— Ну, скажите же что-нибудь, — обратился он к мисс Клэри улыбаясь.

Она быстро взглянула на него, и вдруг ее ничего не говорящее, застывшее лицо совершенно преобразилось: уголки рта мило изогнулись в насмешливой улыбке.

— Что-нибудь, — повторила она.

— Ну, не упрямитесь, скажите хоть что-нибудь еще, — настаивал Палмер. — Это ведь не так трудно. Скажите же еще что-нибудь.

— Еще что-нибудь, — снова повторила она.

— Ну вот и хорошо. А теперь повторяйте за мной: я больше не буду рассылать сообщений для печати о Вудсе Палмере без его предварительного согласия.

— Я больше не буду, — повторяла она за ним, — рассылать сообщений для печати о Вудсе Палмере без его предварительного согласия. Хорошо?

— Хорошо. Вопросы есть?

— Один вопрос есть, — сказала мисс Клэри.

— Выкладывайте, — подбодрил он ее.

— С какого дня меня увольняете? — спросила мисс Клэри.

Палмер положил руки на стол ладонями вверх.

— А вы разве не знаете банкиров? — ответил он вопросом на вопрос.-

Мы никогда не наносим удара, если это не предусмотрено сценарием. В случае просрочки платежа по закладной мы проводим конфискацию фермы лишь после того, как бандиты прикончат главу семьи. Итак, если вы будете соблюдать правила игры, вы будете уволены лишь к моменту вашего ухода на пенсию. — Для подтверждения своих слов он снова кивнул головой. — Это позволит нам сэкономить деньги, предназначенные для выплаты пенсии.

Понятно?

Некоторое время она испытующе смотрела на него, затем сказала: — Я не взяла с собой сумки, нет ли у вас сигарет?

— Где-то были. — Он пошарил в карманах, потом открыл стоявшую на столе квадратную коробку и вынул две сигареты. — Моя марка, — сказал он неожиданно упавшим голосом. И какая-то частица раздражения, владевшего им весь этот день, снова зашевелилась в нем. — В Нью-Йорке каждому известно обо мне буквально все. Даже марка сигарет, которые я курю. Для всех здесь моя жизнь словно раскрытая книга. — Поднося зажигалку к ее сигарете, он попытался сформулировать свой следующий вопрос так, чтобы не показать, насколько он действительно озабочен:

— Скажите мне, пожалуйста, — сказал он, — хороша ли разведывательная система ЮБТК?

— Поразительно хороша, — ответила она.

— Я имею в виду не деловую информацию, — уточнил он.

Она смотрела, как он закуривал сигарету: — Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она, опустив глаза на его письменный стол. — Насколько мне известно, вы тоже не новичок в области разведки.

— Да, был связан с этим делом пятнадцать лет назад, — ответил он и на мгновение остановился. — Думаю, что в моем досье указаны точные даты.

Она утвердительно кивнула головой и спросила: — Хотите посмотреть? Палмер откинулся в кресле, почувствовав некоторое облегчение. — Какнибудь в

другой раз, — сказал он. — В какой-нибудь из дождливых вечеров, когда совсем нечего будет делать.

— Самая ранняя запись относится к 1945 году, — сообщила мисс Клэри.

— Похоже на то, что вы совсем недавно заглядывали в это досье, — сказал Палмер.

— С этого я начала сегодняшнее утро.

— Скажите, кто все же позвонил первый? Вы или Мак Бернс?

Она слегка улыбнулась, и Палмер отметил, что рот ее очень хорошеет, когда она улыбается. — Я ведь работаю в ЮБТК всего год с небольшим, этого недостаточно для того, чтобы до такой степени развратить меня. Он позвонил мне.

— И вы ответили на его вопросы?

— Разумеется, — сказала она и стряхнула пепел с сигареты в золоченую с эмалью пепельницу. — Ведь он работает на нас.

— Однако не все об этом знают.

— Кому-кому, а уж мне-то положено знать об этом, не так ли? Какой был бы толк, если бы я не...

— Скажите, — прервал он ее, решив узнать еще больше после того, как ему удалось установить то, что его интересовало. — Вы работали в какойнибудь газете до того, как поступили на работу в ЮБТК?

— Да, в «Стар».

— Занимались финансовыми вопросами?

— Точнее, банковскими.

— А что вы делали до этого?

— Работала в «Таймс», в отделе информации.

Палмер поморщился: — Обычно люди продвигаются по служебной лестнице в обратном порядке, как бы это сказать, в порядке повышения, что ли. А вы из «Таймс» перешли в «Стар».

— Не у всех так получается, — заметила она осторожно. — В «Стар» я получала больше денег. — Она немного помолчала, а затем, как бы пытаясь сделать глубокий вдох, спросила:

— Не хотите ли посмотреть рекомендации и отзывы о моей работе?

Снова наступила тишина. Казалось, что необъятное пространство кабинета Палмера все было заполнено этой неестественной гишиной, разделявшей их. Наконец Палмер улыбнулся и сделал первый шаг навстречу:

— Я опять сказал не то, что нужно, правда?

На этот раз она не ответила на его улыбку. — Нет, у вас все получается очень хорошо, — сказала она. — Хотя вы никогда не были журналистом, но отлично знаете, какие можно задавать вопросы и как именно это нужно делать. У других уходят годы, чтобы в совершенстве овладеть этой техникой.

— Это у меня выучка еще военного времени, — сухо пояснил он и добавил: — Разрешите сделать заявление?

Широким взмахом руки она обвела просторы этой комнаты. Палмер успел заметить, что колец она не носит, а пальцы у нее тонкие и длинные.

— Здесь вы хозяин, — ответила она.

— В какой-то мере я сожалею, — начал он, — что мне пришлось именно у вас спрашивать о том, что мне надо было узнать. Но, обращаясь к вам, я руководствовался лишь логикой. Все это ни в каком смысле не носило личного характера. — Он взглянул на нее вопросительно.

— Да, — сказала мисс Клэри.

— Мне и раньше приходилось встречать женщин, работающих в банках, — медленно продолжал он, стремясь заранее обдумать, а если надо, внести поправки в то, что намеревался сказать ей. — И вот в чем я убедился: только лишь для того, чтобы быть принятой на работу в банк, женщины должны обладать значительно более высокой квалификацией, чем их коллеги мужчины, занимающие аналогичные посты. Такова природа вещей. И все же, как вы знаете, женщины до сих пор еще не получают жалованья, полагающегося им на этой должности.

— Да, я знаю, — подтвердила мисс Клэри.

— Но мне еще никогда не доводилось встречать женщин, занимающихся в банке вопросами рекламы и информации. Полагаю, что в этих вопросах вы разбираетесь гораздо лучше, чем мы этого вправе ожидать от вас. — Он сделал паузу и сказал: — Это все, что я хотел сказать.

Мисс Клэри встала, расправила на бедрах узкую черную юбку. Палмер впервые обратил внимание на то, как она женственно стройна, несмотря на небольшой рост. И это вызвало в нем едва уловимое радостное ощущение. Приятно видеть маленькую женщину,

непохожую на современный тип женщин, щеголяющих своими агрессивно-мальчишескими фигурами, решил он.

— Могу ли я рассчитывать на равный с вами регламент? — спросила она.

— Пожалуйста.

— Очень сожалею, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, — что я, как бы это лучше сказать, ну, не имела возможности предварительно согласовать с вами это сообщение для прессы. Надеюсь, что с вашим приходом несколько изменится стиль нашей работы, господствовавший до сей поры, и что именно вы его измените. Но я, конечно, понимаю, что на это потребуется время и это не произойдет уже завтра. Кажется, я высказалась достаточно откровенно.

— Я понимаю.

— Что касается Мака Бернса, могу сказать только, что я знаю его довольно давно. Мы всегда ладим с ним, потому что в его задачи входит ладить с журналистами. Больше тут нечего добавить.

— Согласен.

— Вот и все, — сказала мисс Клэри в заключение.

— Очень хорошо сказано, — прокомментировал он. — Через день или два я уеду. Но когда я вернусь после праздников, вам придется обстоятельно проинформировать меня о многих вещах.

— Хорошо.

— Благодарю вас, — сказал Палмер.

Мисс Клэри медленно повернулась к двери. На какое-то мгновение губы ее чуть приоткрылись, но снова

сомкнулись, словно она хотела что-то сказать, но передумала. Взглянув на Палмера с улыбкой, она сказала:

— Не за что. — И пошла к двери.

Наблюдая, как она идет по комнате, Палмер скользнул взглядом по ее бедрам, почти не двигающимся, и понял, что она все еще строго контролирует каждое свое движение, хотя он, казалось, сделал все, чтобы она почувствовала себя более свободно. Разумеется, впереди еще много времени. И он попытался представить себе, как двигается и говорит мисс Клэри в непринужденной обстановке.

Он тут же удивился, почему его могло это интересовать. И вообще какое это имеет значение.

Глава девятая

В этом году праздник День труда приходился на второе сентября, и, как глубокомысленно отметила Джерри, это еще усугубило царящую у них в доме суматоху.

Миссис Кейдж осталась в Эванстоне, чтобы наблюдать за упаковкой вещей в городском доме. Эдис сама привела в порядок и заперла загородный дом в Висконсине, и, поскольку они не собирались продавать его по крайней мере в течение года, здесь и не возникло никаких особых проблем. Правда, через год этот вопрос возникнет снова, но сейчас Палмер радовался, что ему удалось отложить его до тех пор, когда у них все уже наладится. Несмотря на то что они с Эдис добросовестно потратили два уик-энда, изнывая от жары и духоты в поисках подходящего дома в пригороде по специально для них подготовленному отделом закладных ЮБТК списку, наиболее приемлемым оказался конфискованный особняк из бурого песчаника на Семидесятой улице недалеко от Пятой авеню. Стоимость такого особняка была более ста тысяч долларов, но Палмеру предоставлялась возможность купить его за полцены при условии, что эта сделка будет «нашей маленькой тайной», как выразился один из клерков отдела закладных ЮБТК.

Во время осмотра особняка его феноменальная дешевизна быстро утратила свой смысл, Палмеру стало ясно, что на ремонт и перестройку уйдет примерно столько же, сколько на его приобретение. Однако он все же решил купить этот дом и переехал вместе с семьей в небольшой отель, расположенный поблизости от

особняка, с тем чтобы Эдис могла наблюдать за его перестройкой. Палмер устроил детей в школу Бентли и считал себя поистине счастливым, что такой серьезный вопрос был разрешен без особых затруднений.

— По крайней мере хоть в этом нам повезло, — сказал он как-то утром Эдис, после того как дети ушли в школу, — принимая во внимание, что все остальное — одни хлопоты и неприятности.

Небольшие глаза Эдис, обрамленные совсем бесцветными, едва различимыми ресницами, медленно оторвались от блокнота, в который она что-то записывала. Взгляд Эдис блуждал некоторое время между блокнотом и чашкой кофе, которую она держала в другой руке, а затем, как бы сфокусировавшись, остановился на лице Палмера, сидевшего за столом напротив нее.

— Я их просила не заваривать такой крепкий кофе, — сказала она неожиданно. — Мы, правда, оба любим черный кофе без сливок, но этот уже похож на густые чернила. — И затем, не делая никакой логической паузы, спросила:

— О каких это неприятностях ты говорил, дорогой?

— О крупных, разумеется. Таких, как слишком крепкий кофе, и тому подобных.

Она не очень громко, но все же достаточно красноречиво стукнула доньшком своей чашки о блюдце.

— Ну, в чем я опять провинилась? — спросила она.

— Провинилась? — отозвался Палмер нарочито безразличным тоном. — Ни в чем.

— Что-то ведь вызвало эту утреннюю порцию сарказма.

Почему это она никак не выберет времени, чтобы с утра немного подвести глаза. Не успевает он уйти из дому, как она тут же начинает красить ресницы и накладывает тон на верхние веки, после чего глаза становятся гораздо выразительней. Если она способна делать это ради мастера и рабочих, перестраивающих их дом, ради швейцаров и горничных отеля и всех тех случайных людей, которых встречает днем, то почему же она не может сделать этого для собственного мужа, которого так мало видит?

— Не запачкан ли у меня лоб, что ты так на него смотришь, дорогой? — спросила Эдис.

— Нет. Прости, я просто задумался, — ответил он и быстро допил остатки кофе. — Как продвигаются столярные работы в доме?

— Говорят, что на две недели задерживается доставка фанеры. Все еще не получено разрешение на решетку фасада. По этому поводу в строительных законах существует какая-то неясность, — ответила Эдис.

— А что говорит архитектор?

— Утверждает, что в Детройте и Кливленде это разрешается делать.

— Ну, это уже легче, — резко бросил Палмер, вставая из-за стола. — Я еще позвоню Фисту в «Эмпайр плейвуд». Они проводят через нас свои банковские операции. Мак Бернс со своими обширными связями, вероятно, тоже может быть полезен в этом деле.

Эдис подлила себе в чашку еще немного черного кофе и задумчиво пила его маленькими глотками. — Интересно, есть ли на свете такие дела, каких этот белокурый Мак Бернс не в состоянии уладить?

Палмер уже уходил, но остановился и повернулся к ней. Утреннее солнце, светившее из окна за спиной Эдис, образовало вокруг ее головы как бы нимб из ее тонких золотистых волос.

— Для меня, дорогая, он сделает все. Но весь вопрос в том, что, черт побери, до сих пор он сделал для ЮБТК?

— Во всяком случае, он добился, чтобы наших детей приняли в школу Бентли после того, как давно прекратили прием на этот год, — возразила Эдис.

— Ну, это простейшая вещь для Бернса. К сожалению, ЮБТК держит его не для такого рода любезностей.

— Однако не стоит все же недооценивать эти любезности, — сказала Эдис. — Банк тоже заинтересован в том, чтобы дети первого вице-президента получили хорошее образование.

— Да, но не слишком ли дорого обходятся банку такие любезности? Насколько мне известно, он получает что-то около пятидесяти тысяч долларов в год, — бросил Палмер.

— И это все, что вы ему платите?

— Да, плюс представительские расходы.

— Но, дорогой, это ведь очень мало. Подумать только, что он нашел подрядчика, который за месяц сделал всю работу...

Взглянув на часы, Палмер обнаружил, что уже половина девятого. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Одна из шестидесяти машин банка, изготовленных по особому заказу, ожидала своего пассажира, стоя во втором ряду автомобилей у тротуара рядом с входом в их отель.

— Эдис, — сказал Палмер, направляясь к выходу из столовой, — как бы мне хотелось, чтобы у тебя иногда появлялось чувство юмора.

— У меня превосходное чувство юмора! — крикнула она ему вдогонку.

Он взял зонт и шляпу из стенного шкафа в передней.

— Почему же ты не улыбнешься, когда говоришь такие вещи?

— А я иногда улыбаюсь, — сказала Эдис, идя за ним с чашкой недопитого кофе в руке.

Свободной рукой она поправила ему галстук. Убежденный, что завязал его вполне симметрично, Палмер твердо решил, как только сядет в машину, снова подвинуть узел галстука на место. В Чикаго можно было иногда забывать об этом, но здесь, в Нью-Йорке, такая небрежность была недопустима. Крепко целуя Эдис на прощание в щеку, Палмер сознавал, что пытается компенсировать отсутствие теплоты чисто механической интенсивностью действия. — Каковы наши планы на сегодня? — спросил он.

— Вечером идем посмотреть пьесу Осборна.

Совершенно произвольно Палмер изобразил подражание звуку подступающей к горлу тошноты — излюбленный прием Джерри. — Обедаем в гостях?

— Да, так сейчас проще, — невозмутимо ответила Эдис.

— Я задержусь, и мне придется пожелать детям спокойной ночи по телефону.

— Боюсь, что именно так и будет, дорогой, — сказала она. — Всего хорошего.

— Пока.

Спускаясь вниз в лифте, Палмер живо представил себе, как Эдис, сидя в своем будуаре, педантично подкрашивает ресницы и особенно тщательно верхние веки. Он, вероятно, все же несправедлив к ней. Впрочем, все-таки он прав. Придя к этому выводу, Палмер уселся на заднее сиденье автомобиля, ожидавшего его у входа в гостиницу. Швейцар ловко захлопнул за ним дверцу автомобиля, и Палмер с удовлетворением отметил приятный звук каким-то особым образом щелкнувшего замка машины. Автомобиль уже отъехал от тротуара, а швейцар все еще стоял с поднятой рукой, и этот приветственный жест напоминал нечто среднее между приветствием, предписанным в американской армии, и дружеским салютом захмелевшего французского солдата.

— Доброе утро, сэр, — проговорил шофер.

Тембр большой машины — вот что теперь самое важное в защелкивающихся замках у дверцы автомобиля. Вставляющиеся сейчас в автомобильные замки приспособления так и назывались «тембром большой машины». Теперь эти приспособления вставляются даже в замки рядовых машин — «форда»,

«шевроле» и «плимута», и люди покупают эти машины только потому, что их дверцы, захлопываясь, издают точно такой же звук, как большие и дорогие автомобили. Боже, до чего же мы дошли, подумал Палмер.

— Доброе утро, — повторил шофер уже тихим глосом, не желая быть навязчивым на случай, если Палмер расслышал его первое приветствие и лишь дурное расположение духа помешало ему ответить.

— Доброе утро, Джимми.

Очистившееся от облаков небо посылало на землю косые золотистые снопы лучей октябрьского солнца, перебрасывая через улицы большие и теплые коричневые тени.

Утро было поистине чудесное, и Палмеру вдруг страшно захотелось почувствовать в себе хотя бы частичку воодушевления, чтобы его хоть немного взволновало сияющее великолепие этого утра, но он тут же подумал, что это не имеет решительно никакого значения.

Наше настроение, убеждал он самого себя, — это просто неизбежное зло, существующее лишь для того, чтобы его игнорировать и, если необходимо, подавлять, а то и вовсе преодолевать. Иначе будет совершенно невозможно заниматься серьезными делами. Для него всегда было непреложной истиной, что нельзя уступать настроению. Это ведь явление нематериального порядка, а потому оно иррационально. Жизнь же по своей сути всегда безнадежно материальна, и даже если ее рациональная основа не всегда проявляется вполне отчетливо, то по крайней мере она подчинена законам логики.

Именно на этом и основывалось одно из самых твердых убеждений его отца. Теперь оно стало также и его убеждением наряду с прочими глубоко коренящимися в нем принципами, например голосовать за кандидатов республиканской партии, не трогать основной капитал, носить белые рубашки и прочее. Все эти принципы, размышлял он, пока машина сворачивала на Пятую авеню, все-таки непреложно рациональны в своей основе.

Он немного передвинулся на сиденье, чтобы взглянуть на себя в зеркало, прикрепленное к ветровому стеклу шофера. Белизна воротничка была безупречна. Легким движением он восстановил положение галстука, сдвинутого немного в сторону рукой Эдис. И неожиданно почувствовал, что шофер старается преодолеть любопытство и не смотреть в зеркало, чтобы не нарушить этикет.

Палмер откинулся на спинку сиденья и бросил взгляд в окно машины. Затем он взял номер «Таймс», аккуратно положенный на сиденье рядом с ним. Просмотрев заголовки, он поморщился и снова бросил газету на сиденье, Все это становится просто невыносимым, подумал он. Начиная с работы, которую он должен будет выполнить совместно с Маком Бернсом, и кончая тем, что он не может даже побыть с детьми; теперь он видит их так редко и лишь урывками, по вечерам. Наконец, сама Эдис, вернее, сложившиеся между ними отношения.

Все утратило всякий смысл, говорил он себе, лишилось внутренней связи и, что хуже всего, с невероятной быстротой превращается в томительную, тошнотворную рутину. Но действительно ли этот процесс

начался только теперь? А может быть, то, что он почувствовал сейчас, накапливалось годами еще в Чикаго, и переезд в Нью-Йорк, новый образ жизни и отрыв от привычного окружения только открыли ему глаза на то, что действительно происходило в его жизни?

До Нью-Йорка все было очень просто. Домашняя обстановка, поездки по утрам из Эванстона в Луп, деловую часть Чикаго, на работу в течение восемнадцати лет супружеской жизни.

Еще и до женитьбы Палмер каждое утро проделывал этот путь в город, за исключением тех лет, когда служил в армии во время войны. А по вечерам его неизменно ожидали все те же лица, комнаты, вечеринки, люди, кресла, окна, виды и разговоры, разговоры.

Такого рода привычные вещи, думал он, способны обволакивать плотной защитной оболочкой все существенное и важное. Вначале эта оболочка помогает не замечать очень важные вещи. Затем, когда оболочка из привычных людей, мест и вещей становится все более плотной, она не только заслоняет то, что погребено под ее покровами, но и дает возможность совсем забыть о существовании самого важного. Но так как то, что попало в тенета этой оболочки, и есть ты сам, подумал внезапно осознавший это Палмер, то неизбежно наступает смерть твоего «я». Место твоей личности занимает уже эта самая оболочка, на которую ты некогда смотрел как на защитную. Итак, ты кончаешь тем, что превращаешься в собственный саван. Палмер порывисто вздохнул, опять взял в руки «Таймс» и вновь проглядел те же заголовки, словно видел их впервые. Похоже, что кризис на Среднем Востоке миновал наиболее опасную стадию и приближался к своему разрешению. Палмер

подумал о том, что сегодня утром на бирже в связи с этим непременно начнется горячка, продажа акций; после полудня курс на них, несомненно, начнет падать, а затем последует лихорадочная покупка акций, которая, однако, не сможет выровнять общий баланс этого дня. У Клиффа Мергендала, ведающего в ЮБТК ценными бумагами, сегодня наверняка будет тяжелый день.

Машина остановилась у гостиницы «Плаза» из-за образовавшейся там пробки в уличном движении. Палмер подумал, что в дальнейшем, повидимому, все больше времени будет уходить на то, чтобы, торопясь куда-то, простаивать на месте из-за таких вот пробок.

Палмер нетерпеливо отшвырнул газету и тут же подумал, что шофер заметил это и, наверно, сообщит либо по телефону, либо другим способом, каким обычно втихомолку распространяются различные новости по банку, что Палмер нынче не в духе. Повернувшись к окну, он стал разглядывать фонтан в центре площади, у входа в «Плаза».

А в конце концов, почему бы и не превратиться в собственный саван? Это удобная, хотя и несколько надуманная формула жизни, которая, однако, по существу ничего не решает. По-видимому, вообще не может быть четкого решения проблем, возникших между ним, Эдис и детьми, потому что, черт побери, совершенно неясно, что же все-таки произошло?

— Сэр, вам что-нибудь угодно? — спросил шофер.

Потревоженный столь неожиданно, Палмер уставился шоферу в затылок и довольно резко спросил: — В чем дело?

— Вы что-то сказали, сэр?

— Разве? — удивился Палмер. Неужели я вслух проклинал свою жизнь? — подумал он. А что, собственно, я мог проклинать? Наверно, самого себя? Но только ли самого себя?

— Нет, нет. Ничего, — сказал он шоферу.

Затор разрядился, так как стоявший на углу полисмен, пропустив достаточное количество машин из поперечных улиц, по которым в центр города обычно направлялись люди из района Куинс, открыл на несколько секунд движение по Пятой авеню. «Кадиллак», в котором ехал Палмер, ринулся с места рывком, похожим на прыжок кролика, совсем как дешевые автомобили, и Палмера откинуло на спинку сиденья.

— Простите, сэр.

— Не беда, Джимми. Наверстывайте, не теряйтесь.

Шофер вежливо посмеялся, и Палмеру стало мучительно стыдно, что шофер вынужден притворяться, будто его начальник сказал что-то остроумное. Черт бы побрал все это вместе взятое, от души пожелал Палмер. И черт бы побрал лицемерное солнце этого несчастного утра.

Тут же, устыдившись, что так поддался настроению, Палмер выпрямился, поднял смятую газету и аккуратно ее разгладил, перед тем как снова водворить на место рядом с собой. Искупив таким образом грех своей эмоциональной вспышки, он стал смотреть в окно, слегка прищуривая глаза, в стремлении вобрать в себя немного солнечного света и чуточку приободриться.

В то время как машина стремительно приближалась к банку, Палмер представлял себе, как лучи солнца, падавшие все более вертикально по мере приближения к

полудню, тяжелыми каскадами проникают сейчас сквозь стеклянную крышу, заполняя изнурительным зноем весь верхний этаж здания банка. Даже большие жалюзи под потолком его кабинета не в состоянии полностью оградить от этих ослепительных лучей.

О, если бы только можно было свести всю эту унылую внутреннюю опустошенность к обычной головной боли, подумал Палмер, тогда у меня были бы законные и понятные причины для того, чтобы так ненавидеть это утро. И какие-нибудь две таблетки аспирина могли привести все в норму. Но где же взять таблетки против болезни, которая теперь причиняла ему подлинные страдания? С этим немым вопросом он подъехал к главному входу. Выйдя из машины, Палмер поблагодарил шофера и отпер боковую дверь, ведущую в банк, собственным ключом.

Глава десятая

Было без пяти девять, когда Палмер, по пути кивком головы поздоровавшись с секретаршей, вошел в свой кабинет и направился к письменному столу. Постояв немного у стола, он оглядел ряды сигнальных кнопок, каждая из которых имела свою шифрованную надпись, состоявшую только из согласных. Слева направо, по порядку шли следующие надписи: «Скртр» (в приемной), «Бркхрдт», «Мргндл», «скртр», «жлз». Кнопка с надписью «Бркхрдт», как он узнал впоследствии по собственному опыту, почти никогда не давала возможности соединиться со стариком. Однако Палмер знал, что почти половина всех цветовых сигналов интеркома соединялась с кнопкой Бэркхардта. Надпись «Мргндл» означала имя Клиффа Мергендала — вицепрезидента и ответственного секретаря ЮБТК, который ведал прежде всего портфелем ценных бумаг, а кроме того, он вел дела наиболее крупных клиентов. Помимо всего этого, он еще руководил деятельностью отдела ценных бумаг и имуществ, управляемых по доверенностям. Кнопка же «скртр» не имела еще конкретного адресата, так как Палмер никак не мог выбрать время для того, чтобы подобрать девушку, которая будет выполнять функции секретаря, — Палмер про себя уже назвал ее «скртрша». Кнопка «жлз» управляла системой жалюзи, которые Палмер с первых же дней работы в своем кабинете решил держать полуоткрытыми и забыть о них. На правом краю табло с сокращенными надписями, лишенными гласных — они напомнили ему условные знаки на майках бейсболистов из команды «Нотр-Дам», — были две особые кнопки, на которых полностью значились имена двух первых

вицепрезидентов банка: Гарри Элдера и вице-президента — казначея Дж. Фиппса Карса.

Палмер нажал кнопку, таившуюся под доской письменного стола. В тот же миг стена позади него едва слышно зашипела, точно пробудившаяся змея, и узкие створки стенного шкафа раздвинулись. Повесив в шкаф пальто и шляпу, Палмер вторично нажал на кнопку и проследил взглядом плавное скольжение смыкавшихся створок.

Потайное отделение в стенном шкафу было устроено в виде маленького, почти монашеского бара, вмещавшего не более двух бутылок, полдюжины бокалов и ведерка со льдом. Там же хранился и маленький магнитофон, предназначенный для нелегального подключения к телефону. Года два назад, во время схватки со сберегательными банками, его действительно намеревались подключить. По утверждению Гарри Элдера, здесь, на верхнем этаже, и во всех филиалах банка тогда царили драконовы порядки секретности: к концу рабочего дня Бэркхардт заставлял своих секретарей выбирать собственноручно все бумаги из корзин и сжигать их в котельной. В той схватке, еще до того как магнитофон был подключен к телефону, Бэркхардт одержал победу, а впоследствии он, видимо, решил отказаться от этой затеи. Впрочем, еще не исключена возможность рецидива и в нынешнем году, подумал Палмер. Он сел за стол и, прежде чем заняться утренней почтой, оглядел свой кабинет. На стене против стола уже висело перенесенное из коридора яркое красочное полотно Брака: на нем приятно будет остановить взгляд, когда разговариваешь по телефону.

У огромного окна в дальнем конце кабинета теперь стояла патинированная скульптура, почти черного тона. Она была изваяна около семи лет назад и относилась к тому периоду их жизни в Чикаго, когда Эдис вдруг загорелась идеей запечатлеть всех троих детей в скульптурном портрете. Старшему из мальчиков было тогда семь, младшему — два года, а Джерри еще не было и четырех. Творцом скульптурной группы была пожилая леди с красным обветренным лицом, носившая широкие мягкие сандалии. Ее седые волосы пожелтели пятнами от несметного количества сигарет, которые она непрерывно курила.

В то время Эдис не возражала, чтобы она изобразила детей нагими, учитывая их ранний возраст. Палмер вспомнил сейчас имя скульптора: ее звали Ханна Керд.

Она принадлежала к той безымянной художественной школе, которая придерживалась промежуточного направления где-то между школой старых французских и итальянских мастеров, отличавшихся тщательностью отделки своих произведений, и школой абстракционистов, творения которых создавались при помощи ацетиленовых горелок и зияли рваными пробоинами с зазубренными краями.

В скульптурах Ханны Керд всегда можно было понять, что она хочет изобразить, будь то старая женщина, сова, ягненок или еще что-нибудь, хотя внешняя отделка, вернее, отсутствие ее, была сродни ломаным граням необтесанного камня.

И только теперь, впервые за все семь лет, Палмеру стали нравиться эти неровные шероховатые контуры скульптуры. Когда Ханна Керд завершила свою работу,

Эдис была в восторге. Однако уже через год скульптуру выдворили на чердак, откуда лишь изредка извлекали, чтобы на время передать на какую-нибудь выставку. Вуди, старший из мальчиков, понемногу взрослея, стал находить в этой скульптуре даже что-то обидное. Зато младшему сыну, Томми, несмотря ни на что, она сразу пришлась по душе. Хотя это произведение имело вполне определенное название — «Трое детей», Джерри прозвала его «Бал морских ежей» и не без гордости громко повторяла свою остроту, стоя возле скульптурной группы, когда ее кому-нибудь показывали. Разглядывая сейчас скульптуру, Палмер нашел, что в позе детей есть какие-то элементы танца. Как и в жизни, Вуди взирал на брата и сестру свысока, но лицо его принимало выражение то озабоченности, то тревоги — в зависимости от освещения. Томми как бы устремлялся в прыжке к брату, а Джерри с закрытыми глазами слегка откинулась назад, подняв над головой руку. «Похоже, будто я ловлю муху и жмурюсь от солнца», — говорила она. Критики, дававшие в прессе оценку этой работе, находили в ней «порывпоиск» и «извечную чистоту невинности». Четыре года назад Институт изобразительных искусств в Чикаго приложил немало стараний, убеждая Эдис передать скульптуру Керд в дар институту. Однако к тому времени отношение Эдис к скульптурному портрету детей изменилось. Она даже временно, на выставки, неохотно отдавала его, мотивируя это тем, что «не хочет, чтобы люди рассматривали ее детей в голом виде, потому что теперь они уже большие».

В прошлом году одна из нью-йоркских галерей, не видя другого выхода, предложила Палмеру за эту скульптуру десять тысяч долларов, что примерно втрое

превосходило ту сумму, в которую она ему обошлась. Однако Палмер понял из оброненного Ханной Керд замечания, что цена этой вещи теперь значительно выше. Скульптура демонстрировалась в Европе на выставке изобразительных искусств, которую комплектовал государственный департамент. Итальянские и французские критики то смеялись над этим произведением, то восхищались им. Поднятый в прессе шум вокруг этой скульптуры сразу повысил ее стоимость до пятнадцати тысяч долларов. Когда Палмер объявил Эдис, что хочет поставить скульптурный портрет детей в своем служебном кабинете, между ними произошла одна из тех завуалированных ссор, которые вспыхивали довольно часто за последние годы их совместной жизни. Они возникали если и непреднамеренно, то все же без достаточно логического обоснования. Эта ссора, которую Эдис назвала «дискуссией», длилась несколько недель, пока Палмер тайком от Эдис не вывез скульптуру из Сан-Франциско, куда она была отправлена временно на выставку, и не поставил ее в своем кабинете в Нью-Йорке.

Все одобрили это — Бэркхардт, Ханна Керд, Музей современного искусства и особенно Мак Бернс: он состряпал из этой истории довольно забавный очерк для «Таймс» и поместил фото скульптурной группы в журнале «Лук». Все были довольны, кроме Эдис. Палмер не мог утверждать, что это привело к более ощутимому охлаждению между ним и Эдис. В конце концов было бы трудно, даже невозможно, еще больше охладить атмосферу, в которой они жили последнее время.

Размышляя об этом, Палмер взял папку с утренней почтой и стал ее просматривать, но к нему снова

вернулось то неприятное чувство, которое возникло у него во время утренней поездки в машине.

Смотреть на скульптуру и думать о ней всегда доставляло ему какую-то радость. Прежде всего потому, что она напоминала ему о детях, хотя сходство с ними мог найти только он один. Кроме того, удовольствие, которое он ощущал, глядя на скульптуру, свидетельствовало еще и о развитии его художественного вкуса, что, по его мнению, было одним из немногих признаков его духовного роста. Когда Палмер смотрел на скульптурный портрет детей, все, что было неприятного, уходило на второй план. Вот и сейчас он это почувствовал. На его столе, поверх большой кипы корреспонденции, лежало письмо, из которого он узнал, что группа дельцов Лонг-Айленда просит его выступить у них и рассказать о борьбе, разыгравшейся между сберегательными и коммерческими банками. Следующее письмо содержало приглашение принять участие в официальной церемонии закладки фундамента одного из зданий Колумбийского университета. К третьему письму были прикреплены два билета на обед, устраиваемый каждый год для репортеров газет. На билетах стоял штамп «Место в президиуме», а это означало, что, может быть, ему придется выступать.

Насколько можно было судить, вся утренняя почта была плодом усилий Мака Бернса, старавшегося создать вокруг личности Палмера соответствующую рекламную шумиху для нью-йоркской публики. Раздался благозвучный звонок интеркома. Палмер взглянул на ряды кнопок, заранее угадав, что его вызывает «Бркхрдт», и взял трубку.

— Доброе утро, Лэйн.

— Что хорошего, Вуди? — Голос старика звучал удивительно бодро, можно было подумать, что спокойная ночь, не омраченная угрызениями совести, его омолодила.

— Вы-то приободрились, — ответил Палмер, — а я сижу тут и перебираю целую гору приглашений на всякие собрания. Вот как старается для меня Мак Бернс.

— А чем там можно поживиться?

— Есть приглашение выступить в районе Лонг-Айленда. Но публика не та, что нам нужна.

— В этом районе любая публика хороша, — возразил Бэркхардт. — Это чертовски важно, Вуди. Сберегательные банки из кожи лезут вон, лишь бы пробраться именно туда.

— Тогда тем более мне следовало бы выступить перед другой аудиторией, — возразил Палмер. — Мак Бернс собирает там дельцов, которые и без того наши сторонники.

Бэркхардт самодовольно хмыкнул: — Да, черт побери, пусть лучше не пробуют нам изменять.

— А я предпочел бы побеседовать с теми, кто не связан с нами займами, кредитами и всякими другими обязательствами, — сказал Палмер, — иными словами, поговорить с людьми, не зависимыми от нас.

— Скажи об этом Бернсу. — Наступила пауза, а затем старик спросил: — Как ты с ним ладишь?

— Он готов за меня в огонь и в воду, сам заверил меня в этом. Наверно, так оно и есть.

— Часто видишься с ним?

— На этой неделе я позаботился, чтобы он не смог дозвониться до меня. Понимаете, слишком уж много энтузиазма. Дружба сослуживцев — еще куда ни шло, а тут чуть ли не кровные узы братства...

— Только смотри, не раздражай его, Вуди, — всполошился Бэркхардт. — Не дай бог, чтобы он узнал, как ты к нему действительно относишься. Ты же сам знаешь, каковы эти греки.

— Он не грек, а ливанец, — возразил Палмер. — И если его не осадить, то он заберется ко мне в карман, совет себе там гнездышко и начнет хозяйничать. Я уже сыт по горло. Бесконечные завтраки, обеды, ночные клубы. Если б я не уклонялся от встреч с ним, мне не удалось бы выспаться ни одной ночи.

— А не предлагал ли он тебе женщин?

— О да, и не раз.

— Ну и?..

— Что «ну и?» — резко перебил его Палмер. — Вы-то ведь знаете этого человека, Лэйн? Знаете, как устроены у него мозги? Курс современной политики вперемежку с порнографией в стиле Филлипса Оппенгейма. Такой молодчик не побрезгует даже тайно добытыми фотоснимками и будет беречь их про черный день.

— Поэтому ты и отказываешься от женщин, — вкрадчиво добавил Бэркхардт.

Палмер с раздражением вздохнул: — Послушайте, сейчас еще раннее утро, стоит ли нам с вами входить в такие тонкости, Лэйн.

— Беру свои слова назад, — сказал Бэркхардт и на мгновение умолк. — Вуди, мне не хочется быть назойливым, но пойми, он не должен чувствовать, что ты его сторонишься или пренебрегаешь им.

— Нет. Этого, разумеется, он не почувствует.

— Ты вполне уверен?

— Ну, конечно, нет! — вспыхнул Палмер. — Послушайте, вам не кажется, что вы слишком уж многого от меня требуете? Я уверен лишь в пределах разумного. Но как я могу быть абсолютно уверен?

— Понимаю, — поспешил согласиться с ним Бэркхардт. — Вы уже встречались с Калхэйном?

— Нет еще, принимая во внимание, что этот же вопрос вы задали мне вчера в шесть часов вечера.

— Однако мы что-то очень раздражительны сегодня, Вуди?

— Да, вы не ошиблись. — Палмер немного помолчал. — Буду с вами совершенно откровенен, Лэйн, — продолжал он после паузы. — Я, конечно, понимаю, что в сферу деятельности такого крупного банка, как ЮБТК, входят самые сложные и дифференцированные операции и руководство тут проводится по определенным направлениям соответствующими специалистами. Так и должно быть. Но у меня все же есть основания полагать, что работа первого вице-президента заключается не только в том, чтобы ходить под ручку с Бернсом и выступать на бесчисленных ленчах и собраниях. Некоторое время оба они молчали. Отвратительное настроение, с самого утра подогретое глупыми и назойливыми вопросами Бэркхардта, заставило Палмера забыть об осторожности.

Он и сам это понимал, но в ожидании реакции своего шефа все же решил про себя, что отмалчиваться больше не стоит, все равно ничего хорошего ждать не приходится. Так или иначе, следует дать отпор старому сычу. А то, что он сейчас высказался в такой резкой форме, уже не имело особого значения.

— С кем ты завтракаешь? — отрывисто спросил Бэркхардт.

— С Бернсом, разумеется, с кем же еще, — мрачно проговорил Палмер.-

На прошлой неделе я уже три раза ему отказывал. Не хотите ли вы, чтобы я снова сделал это?

— Н-нет, — ответил задумчиво Бэркхардт.

— Конечно, нет.

— Тогда я напрямик скажу тебе, Вуди, то, что считаю нужным, без всяких возвышенных слов и рассуждений. Речь пойдет о двух вещах. Первое тебе уже известно, хотя похоже, что ты за это время успел забыть, насколько это важно. Я имею в виду ту скандальную историю со сберегательными банками. Ни в коем случае нельзя недооценивать решающего значения, которое все это имеет для нас. И откровенно говоря, все сейчас зависит от тебя.

— Я не вполне согласен.

— Вижу.

Палмер уловил жесткие нотки в голосе своего шефа.

— Тогда позволь разъяснить тебе все в более популярной форме. Мы, то есть коммерческие банки, должны выиграть это сражение или нам предстоит вступить с ними в конкуренцию, которая может нас

разорить. Сберегательные банки и в прошлом представляли для нас опасность, но никогда еще положение не было таким угрожающим, как сейчас. В этом году они используют все свои возможности для победы: людей, деньги, планирование. Все коммерческие банки ожидают, что именно наш банк возглавит эту борьбу. И мы ждем от тебя решительных действий. Ничего более важного ты не совершишь, что бы ты ни делал, и никакое количество подписанных тобою входящих и исходящих бумаг не подменит этого, самого серьезного для нас дела, которое поручено тебе. И черт побери, пора бы понять, Вуди, что именно в этом настоящая работа, а не в каких-нибудь там текущих делах!

— Во всяком случае, эта работа не имеет прямого отношения к банковскому делу.

— Нет, конечно, — согласился Бэркхардт. — Ты волен именовать се как угодно: рекламой, политиканством, даже детективщиной, но не забывай, что ты представляешь банк, да еще какой банк, и, для того чтобы сделать все как следует, надо быть банкиром.

— Не так-то легко все время помнить об этом, если приходится торчать с Бернсом в ночном клубе и спасаться от очаровательных блондинок из бара, которых он настойчиво тебе навязывает.

— А это вынуждает меня перейти к следующему пункту нашей беседы, — осторожно продолжал Бэркхардт. — У нас в банке существует свой моральный кодекс. Он бывает у каждого преуспевающего предприятия. Этот кодекс не так строг, как, например, в военно-морском флоте, и не столь невинен, как в воскресной школе. И все же он существует. Мы требуем

определенных норм поведения от своих сотрудников, и мы вправе ожидать, что на них можно положиться в таких вопросах.

Бэркхардт умолк, а Палмер, нахмурившись, подался вперед в своем кресле. Почему старик замолчал? Может быть, потерял нить мысли? Палмер молча сидел и ждал, не зная, куда он гнет, и не желая ему помочь.

— Одно из наших требований заключается в том, чтобы личные проблемы наших служащих оставались у них дома и не мешали работе, — снова заговорил Бэркхардт.

— Да? — отозвался Палмер, все еще не понимая, о чем идет речь.

— Мы, конечно, допускаем, что это не всегда удастся, но все же верим, что каждый постарается придерживаться такого порядка. И смею утверждать, мы редко ошибаемся.

— Да? — повторил Палмер.

— Перестань мне поддакивать, черт побери! Ты же прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Нет, не понимаю, — решительно заявил Палмер и резко спросил: — Вы хотите сказать, что я занимаюсь на работе своими личными делами? Вместо того чтобы ответить ему, Бэркхардт вдруг сделал крутой поворот. — Знаешь, в былые времена, когда это заведение было гораздо меньше и ставки были также гораздо скромнее, мы бы побеседовали совсем в другом тоне. Я бы, к примеру, сказал: «Послушай, Билл, меня, конечно, это совершенно не касается, и я не пытаюсь вмешиваться, но...» или что-нибудь в этом роде. К сожалению, Вуди, дело наше очень большое, и ставки также, может, они

даже больше, чем мы предполагаем. Мне очень неприятно затрагивать такие вопросы, но по крайней мере я делаю это честно.

— О чем это вы? — спросил совершенно сбитый с толку Палмер.

— Видишь ли, все это отражается и на мне, поэтому я вынужден вмешаться. Я не могу себе позволить роскошь не вмешиваться. В былое время... Но мы живем не в прошлом, и твоя работа имеет для нас теперь решающее значение.

— Лэйн, ради бога, скажете вы наконец, в чем дело?

— Эдис, — произнес старик, и наступило продолжительное молчание.

— Эдис? — вопросительно повторил за ним Палмер.

— Вернее, вы с Эдис, — ответил Бэркхардт. Снова наступила тишина, и Палмер услышал, как тяжело дышит старик. — Так не пойдет, Вуди, это не телефонный разговор. Давай потолкуем в клубе. Скажем, в пять тридцать?

— Ну, нет, так тоже не годится, — сказал Палмер. — Я хочу видеть вас немедленно, и не думайте, что вам удастся так просто отделаться.

— Итак, в пять тридцать.

— Лэйн, я... — Но номер уже отключили.

Палмер с яростью нажал на кнопку с надписью «Бркхрдт», палец его изогнулся до боли, но он держал его на кнопке до тех пор, пока голос секретаря Бэркхардта не произнес:

— Я слушаю вас, мистер Палмер.

— Соедините меня снова с мистером Бэрхардтом.

— Я попытаюсь, может быть, еще догоню его у лифта.

— Потрудитесь это сделать! — И Палмер крепко стиснул зубы, чтобы не заорать на девушку, но тут же добавил уже спокойным тоном: — Впрочем, не стоит, не нужно.

Палмер положил на место телефонную трубку, встал из-за стола и подошел к окну. По дороге он задержался у скульптуры и взглянул на лица своих детей, до неузнаваемости искаженные и расплывшиеся под беспощадно заливающими их со всех сторон потоками света.

Глава одиннадцатая

Палмер покинул банк с таким расчетом, чтобы минут на двадцать опоздать на встречу с Бернсом.

Он шел бодрым шагом по Пятой авеню, наблюдая, как легкие лучи осеннего солнца пробираются сквозь поредевшую листву каштанов возле собора. День выдался неожиданно теплый. Палмер оставил свое пальто и шляпу замурованными в тайнике позади письменного стола. Он глубоко вдыхал мягкий ласкающий воздух. Над Пятой авеню в воздухе мерцала легкая светлая дымка, и, хотя Палмер знал, что она образована выхлопными газами, он все же залюбовался ее игрой.

Все встречавшиеся по пути девушки казались ему хорошенькими, и их легкая походка радовала глаза и успокаивала душу. В витринах магазинов красовались эффектно размещенные элегантные вещи. Шагая быстрее обычного, Палмер повернул на Пятьдесят первую улицу и стал искать глазами вывеску известного нью-йоркского клуба-ресторана «Двадцать одно». Он уже подходил к Шестой авеню, когда вдруг спохватился, вспомнив, что ресторан расположен на Пятьдесят второй улице. Палмер остановился и вдруг подумал, что эта ошибка — своего рода предупреждение, словно невидимая уздечка, натянувшись, напомнила о том, что он допускает какую-то непозволительную глупость.

Стоя на углу Шестой авеню и глядя на прохожих, Палмер думал о том, насколько отличались женщины на этой улице от тех, которых он только что видел всего лишь на расстоянии одного квартала отсюда. Подумал он и о том, что сейчас его по-прежнему окружают все те же

и солнце и воздух, которые утром не вызывали в нем ничего, кроме раздражения. Хладнокровно, словно проверяя столбец цифр, итог которых не сходится, Палмер попытался разобраться, что же, собственно, вызвало в нем чувство вины сразу же вслед за кратковременной вспышкой радости.

Ему давно было известно, что он подвержен быстрым сменам настроения. Это было одним из главных его недостатков, которые пытался в нем искоренить еще его отец. «Когда начинаешь дурить, — постоянно твердил он Палмеру, — за это неизбежно приходится расплачиваться».

Теперь Палмер шел — уже гораздо медленнее — вдоль Шестой авеню. Он проходил мимо обшарпанных витрин с залежалыми товарами. На стенах то и дело мелькали надписи: «Срочная, небывалая распродажа!». Несмотря на то что ограниченность отца всегда раздражала Палмера, в конце концов он все же пришел к выводу, что при помощи набора штампов, служивших отцу естественным способом общения с окружающим его миром, действительно было легче всего устанавливать истину.

На углу Пятьдесят второй улицы Палмер замедлил шаг и огляделся вокруг. Небольшая лавчонка была временно превращена здесь в штаб-квартиру для одного из кандидатов в очередной избирательной кампании городских органов самоуправления. Сквозь тусклое, давно не мытое стекло витрины виднелись пока еще пустые столы, стены были оклеены одним и тем же агитационным плакатом. Сорок совершенно одинаковых лиц уставились на Палмера с этих стен. Кандидат был, видимо, человеком средних лет, примерно его возраста,

глаза у него были чрезмерно отретушированы, широкая неотразимая улыбка блистала сверхъестественно ровными зубами. «Политика — это ваше дело!» — многозначительно напоминали Палмеру плакаты.

Устало вздохнув, он продолжал свой путь по Пятьдесят второй улице, в восточном направлении, пытаюсь разобраться в причине радостного настроения, которое неожиданно овладело им в самом начале пути. Разумеется, это настроение не имело никакого отношения к предстоящей встрече с Маком Бернсом, это было бесспорно. Да и утренние разглагольствования Бэркхардта по поводу решающей роли Палмера в делах «Юнайтед бэнк», банковского дела вообще, западной цивилизации в частности и о судьбах всего человечества едва ли могли так повлиять на него. И вдруг Палмер понял, что это настроение связано с тем, что Бэркхардт коснулся вопроса о его отношениях с Эдис. Он остановился, глядя через улицу на чугунную решетку, украшавшую фасад ресторана «Двадцать одно», и на ярко раскрашенные фигурки жокеев верхом на рысаках. Так вот в чем дело. Палмер сошел было на мостовую, чтобы перейти улицу, но снова отступил на тротуар, пропуская поток мчавшихся машин. Конечно, тон Бэркхардта кое-что подсказывал, он звучал и укоризненно и предостерегающе, старик мучительно пытался навести порядок не только в семейных отношениях Палмера с Эдис, но также и в его отношении к работе в банке. «К вопросу о том, как жить одновременно с двумя женами», — усмехнулся про себя Палмер.

В отцовских нравоучениях была и обратная сторона, размышлял Палмер, пересекая улицу. Можешь поступать безрассудно, если готов платить за это. Итак,

расплата неминуема, к черту благоразумие, все равно долговое обязательство заранее подписано. Эта теория вполне современна: грехи сейчас, а расплата потом.

На мгновение он остановился под навесом у входа в ресторан. А что, если вся эта философия просто плод больного воображения? Разве для того, чтобы изведать радость, надо предварительно подготовить себя к неизбежному возмездию? И вообще-то, спрашивал он себя, нормально ли считать, что за все радости в жизни следует расплачиваться?

Он спустился по ступенькам, толкнул дверь и вошел в затененный вестибюль. — Стол мистера Бернса, — бросил он метрдотелю.

— Пожалуйста, мистер э..? — Лицо метрдотеля бесстрастно застыло в ожидании пароля.

— Палмер.

— Сюда, сюда, пожалуйста, мистер Палмер. — Метрдотель поклонился ему и с сияющей улыбкой заспешил вперед грациозными шажками, напоминающими вступительные па менуэта. Он провел Палмера мимо бара и голосом заговорщика, будто выдавая прессе важную тайну, сообщил, что мистер Бернс «на минутку вышел, но незамедлительно вернется».

— Вернется, вы говорите? — проговорил Палмер, усаживаясь в кресло, и заказал сухое мартини с лимонной корочкой.

Глядя ему вслед, Палмер подумал, что, может быть, нажил себе врага на всю жизнь тем, что осмелился сделать заказ самому метрдотелю, а не простому официанту. Никогда не знаешь, чего ожидать от

метрдотелей нью-йоркских ресторанов. Они страшно кичатся своим званием и вместе с тем изумляют своим подбострастием перед богатыми, влиятельными клиентами. Однако Палмер решил, что Мак Бернс как-нибудь справится с этим кичливым подхалимом.

Тот факт, что метрдотель посадил Палмера именно за этот стол, привлек к нему всеобщее внимание. Кто сидит за столом Бернса? Что это означает? Какие силы здесь действуют? За и против кого?

Незаметно, словно из-под земли, у стола появился Бернс и, сев рядом с Палмером, положил руку ему на плечо.

— Хэлло, Вуди, — сказал он дружески. — Извините, что заставил вас ждать. У меня была встреча наверху с одним из клиентов.

— Я только успел войти и сесть, — заявил Палмер, твердо вознамерившись испортить эффект очередной мелкой лжи Бернса.

— Чудесно. Что будете пить?

— Я уже сделал заказ.

Бернс окликнул метрдотеля по имени и дважды свистнул. — Подайте мне то же самое.

— Хорошо, мистер Бернс.

— И дайте меню.

— Да, сэр.

— А также пачку «Голд флейкс».

— Хорошо, сэр.

— И телефон.

— Будет выполнено, сэр.

— И поскорее.

Палмер понял, что Бернс одержим манией оставлять за собой последнее слово. Палмер знал по опыту, что такая одержимость ведет к нескончаемым и бесцельным диалогам.

— Немедленно будет сделано, мистер Бернс, — заверил его метрдотель, как бы защищая свое право на последнее слово.

— Хорошо, — ответил ему Бернс.

Ни один из них не понимал всей обреченности своего положения, ибо коллизия между двумя людьми, каждый из которых бессознательно стремится сам поставить точку в разговоре, обычно заводит в тупик. Палмер наблюдал за ними со спортивным интересом.

— Сэр, не угодно ли вам еще что-нибудь? — спросил метрдотель.

Плохой удар, отметил про себя Палмер, ибо он неизбежно будет отбит.

— Нет, благодарю, больше ничего не надо, — дал свечку Бернс.

— Как угодно, сэр. — Метрдотель погасил мяч у самой сетки. Это был убийственный удар. Мяч стремительно метнулся прямо под ноги противнику. Бернс был сокрушен: он не успел даже подставить ракетку, не только что отбить мяч. Метрдотель торжествующе удалился, а в желтоватых глазах Бернса появился зловещий блеск. Он повернулся к Палмеру, а злой огонек еще долгое время не угасал в его взгляде.

— Я думаю, что приглашение выступить перед дельцами Лонг-Айленда, которое я получил, — резко сказал Палмер, — не обеспечит нам хорошую аудиторию в этом районе.

Бернс посмотрел на него озадаченно и спросил: — Почему вы так считаете?

Официант принес им мартини, поставил рюмки на стол и удалился.

— Эта публика и без того на нашей стороне, — ответил Палмер. — А нам сейчас требуется такая аудитория, которую еще надо переубеждать.

— Почему вы решили, что представители деловых кругов уже у вас в кармане?

Появился еще один официант и с вычурным поклоном подал им меню.

— Потому что коммерческие банки сами положили этих дельцов нам в карман, — пояснил ему Палмер. — Они ведут свои банковские операции через нас. Где еще они могут открыть торговый счет? У нас же они получают необходимые им займы. Выходит, что им без нас не прожить.

— Однако закладные на дома, в которых они живут, хранятся в сберегательных банках, — возразил Бернс.

В этот момент прибыл третий официант, который принес пачку «Голд флейкс». Бернс не обратил внимания ни на официанта, ни на сигареты.

— Но это не решает вопроса, — сказал Палмер. — Закладная — это долгосрочное соглашение, его нельзя менять произвольно, и сберегательные банки не могут

пользоваться им как дубинкой, которой можно любого огреть по голове.

— Но если у них появится какая-то возможность использовать закладные в качестве дубинок, они не преминут сделать это именно в этом году, — ответил Бернс.

Подошел четвертый официант, который принес телефонный аппарат и подключил его где-то высоко на стене над головой Палмера. Бернс мрачно уставился на телефон.

— Неужели мы должны непременно говорить сейчас о делах? — спросил он.

— Да, нам надо многое обсудить, — ответил Палмер.

— Вуди, к черту дела, хоть на несколько минут. Давайте сперва выпьем. Я совсем выдохся сегодня.

— Что, трудно пришлось утром?

— Не утром, а всю ночь напролет. Лег только в шесть утра, поспал часа два и тут же должен был бежать на завтрак с Виком Калхэйном.

— Да, при встрече с Большим Виком вам надо быть свежим как огурчик.

Бернс поморщился: — Пожалуйста, не называйте его так. Вот уже пять лет я стараюсь отучить публику от этой клички.

— Разве она плохо звучит?

— Нет, кличка эта дает о нем превратное представление. Она больше подходит для политического воротилы большого города.

— Ну почему же, он ведь действительно большой, и зовут его Виком, и, безусловно, он настоящий политический босс.

— В том-то и беда, что это не так, — сказал Бернс.

— Да будет вам!

— Политических боссов вообще уже нет. Эта порода вымерла во время второй мировой войны, — заявил Бернс.

— Это вы серьезно?

— Конечно. Скажите, кто сейчас сможет равняться с такими людьми, как Твид, Пендергаст и Кроукер? Таких разве встретишь в наши дни?

— Может быть, в не столь откровенном виде, но все же они еще не перевелись.

— Кто же? Джек Арвей из Чикаго? Да разве можно сравнить его влияние с влиянием, которое в свое время имели Эд Келли или Билл Томпсон? Или Кармин де Сапио в Нью-Йорке? Его группа разрывается между кланом Таммани и Организацией американцев за демократические действия. Это окончится катастрофой для де Сапио.

— И тем не менее, — настаивал Палмер, — если вам надо чего-то добиться, вы обратитесь именно к такому человеку, как Вик. И только он один имеет возможность сделать то, что вам требуется.

Бернс пожал плечами и поднял свою рюмку с мартини.

— Ваше здоровье, — сказал он.

— Будьте здоровы, — откликнулся Палмер.

Некоторое время они молча пили.

— Думаю...— начал было Бернс, но остановился и снова сделал глоток, — думаю, что сейчас самое время заняться вашим политическим образованием, Вуди.

— Неужели я действительно так плохо разбираюсь в политике?

— Нет, разумеется, не так, как рядовой обыватель. Но это далеко не комплимент, поскольку обыватель — безнадежный идиот, думающий, что политика — это то, чем руководствуется правительство в своих действиях.

— А разве это не так?

— Нет. Совсем не так. — Бернс открыл пачку английских сигарет, вынул одну из них, задумчиво уставился на нее и затем сказал:

— Политика — способ наживать деньги, путь к тому, чтобы стать значительным, влиятельным лицом и здорово нажиться при этом.

— Но в то же время правительства в своих действиях все же руководствуются политикой, я полагаю.

— Эти действия — лишь побочный продукт политики, — заявил Бернс, — настоящее же ее дело заключается в том, чтобы наживать деньги.

— Довольно цинично.

— Ну и что же, — усмехнулся Бернс. — Я не возражаю, если цинизм позволяет мне видеть вещи в их истинном свете.

Он нагнулся, чтобы прикурить, и огонек зажигалки заискрился в гранях драгоценных камней в его запонках.

— Как и во всяком бизнесе, — Бернс выпустил облачко дыма и отогнал его рукой, — движущая сила политики — сделка. Только в политике ее называют контрактом, хотя это слово не совсем соответствует тому значению, которое ему придается в других деловых сферах. Сделка... — Он умолк и быстро окинул взглядом тускло освещенный зал: — Готовясь к завтраку с Виком, я подготовил три такие сделки. Молодой парень из бывшего моего округа в Бронксе нуждается в работе. Это одна сделка. В будущем месяце в штате открываются рысистые испытания, и Вика просят присутствовать в качестве почетного гостя на трибуне. Это вторая сделка. Друг одного моего приятеля собирается открывать магазин, и ему надо поскорей получить лицензию. Это третья сделка.

— Все это выглядит не так уж сложно, — сказал Палмер.

— Конечно, нет. А вот теперь послушайте дальше. Вик в свою очередь подготовил мне две сделки. Он хочет, чтобы одно из новых зданий католического колледжа было названо именем его отца. Это первая его сделка. Он также хочет знать, когда упадет цена на определенные акции, чтобы успеть вовремя их сбить с рук. Это его вторая сделка. Понимаете, о чем я толкую?

— Разумеется.

— Итак, внимательно следите за моей мыслью. Дело усложняется.

Только что мы упомянули о пяти сделках. Давайте разберем одну из них. Ну, хотя бы связанную с акциями на бирже. Получив это задание от Вика, я звоню своему маклеру и спрашиваю, что ему известно о курсе этих акций. Таким образом, теперь уже он вступает со мной в

сделку. Представьте себе, что он не может выполнить обязательства, вытекающие из этой сделки. Но мне-то все равно необходимо выполнить свои обязательства, и я предпринимаю следующий шаг — звоню и договариваюсь о встрече на ленче с вицепрезидентом той компании, чьи акции нас интересуют. Это, так сказать, вторая фаза той же сделки. Для того чтобы добиться от него честного ответа, я в свою очередь должен чем-то ему услужить. Однако чем же именно? Пока не имею ни малейшего представления. Ленч организуется мною лишь с целью выяснить, чем мы можем угодить ему. Может быть, ему нужны какие-нибудь специальные стекла для его машины или он хочет получить какой-нибудь почетный пост, а может, всего лишь раздобыть сезонный пропуск на скачки или познакомиться с златокудрой красоткой. Однако, может обернуться и так, что у него вообще еще нет возможности ответить на мой основной вопрос, вопрос, который я даже еще не задал ему. Поэтому я одновременно звоню редактору отдела биржевых новостей одной из газет. Он ведь многое слышит и знает. Но для того, чтобы получить от него нужную информацию, взамен нужно подыскать ему информацию по какому-нибудь другому вопросу. Понимаете, что это значит? Только одна из сделок с Виком ведет по меньшей мере еще к трем дополнительным сделкам.

— Да, все тут адски хитро переплетается, — сказал Палмер.

— О, это еще сущие пустяки. Возьмем теперь одну из таких сделок, ну хотя бы касающуюся того субъекта, который добивается лицензии для своего магазина.

— Ну, это не очень сложно для Калхэйна.

— Вы считаете, что несложно? Давайте-ка разберемся. Прежде всего Калхэйну нужно прикинуть, стоит ли прилагать какие-то усилия для достижения этой цели. Я сказал ему лишь, что дело идет о приятеле моего друга, которому нужна лицензия, однако умышленно скрыл от него, насколько важна эта сделка для меня. Причина очень простая. Это нужно моему другу — крупному и влиятельному моему клиенту, а субъект, нуждающийся в лицензии, приходится кузеном жены моего друга и камнем висит у него на шее. Если кузен получит лицензию, это будет серьезным облегчением для моего клиента и он будет в восторге от меня. А что важнее всего — он возобновит контракт с моей фирмой на следующий месяц. Это уже клиент, приносящий доход в пятьдесят тысконок. Но если Вик узнает, насколько я заинтересован, то он отнесет эту мою просьбу к разряду крупных сделок. Тогда мне придется за это солидно с ним расплачиваться.

— Я и не подозревал, что вы...

— Вуди, я еще даже не приступал к самому главному. Все это так чертовски закручено. Вику предстоит самому решить, стоит ли особенно стараться в этом деле с лицензией. Ему нужно будет также определить, во сколько ему обойдется удовлетворение моей просьбы. Я его близкий, давнишний друг. Мы во многом зависим друг от друга. Но мне кажется, что он все-таки не будет лезть из кожи вон в этом деле. Мы друзья, и поэтому он, конечно, попытается сделать что-то, но не будет стараться так, как сделал бы это, зная, что речь идет об очень важном для меня деле.

— Тогда может случиться, что вы и не получите этой лицензии? — спросил Палмер.

— Возможно. Я не говорю, что будет именно так, но думаю, что и такой исход возможен. Мне здесь придется идти на риск. В данное время я скорее предпочту не быть обязанным Вику за реализацию крупной сделки, хотя рискую не угодить моему клиенту, вернее, тому бездельнику, кузену его жены.

— Почему именно в данное время? — спросил Палмер.

— Я скажу об этом позже, — пообещал ему Бернс. — Теперь предположим, что Вик решит честно попытаться выполнить мою просьбу, хотя бы и не в полную меру своих сил. У него есть для этого следующие пути: первый — позвонить своему приятелю в управлении и спросить, на какой стадии решения находится сейчас вопрос об этой лицензии. Тот узнает и сообщит ему. На этом Вик успокоится, зная, что теперь его приятель понимает, что он, Вик, заинтересован в ускоренном прохождении этого дела. Парень, сидящий в управлении, несомненно, слегка подтолкнет ходатайство о лицензии, но лишь слегка, так как прямого задания от Вика он не получил, короче, что-то сделает. Второй путь таков: Вик может позвонить какому-нибудь из членов Законодательного собрания или сенатору штата и попросить их оказать давление на управление. Этот путь приведет к тому, что между членом Законодательного собрания и членом управления в свою очередь будет заключена сделка. Член Законодательного собрания обязан Вику своим постом, и, оказав некоторое давление на управление, он тем самым погашает часть своего долга. Когда-нибудь, в далеком будущем, ни одна душа не может сказать, когда именно, сделка члена Законодательного собрания с управлением тоже потребует расплаты. Одному богу известно, какую цену заломит тогда парень из управления. Однако члену

Законодательного собрания придется либо расплачиваться самому, либо бежать за помощью к Вику. Путь номер три: Вик может позвонить в один из крупных комбинатов по распределению товаров. Эти комбинаты существуют за счет грузового транспорта и пользуются правом ставить транспорт в запретных для стоянки зонах. Кроме того, они нуждаются в том, чтобы полиция охраняла склады. К тому же они чертовски уязвимы, если не смогут заручиться помощью политического характера, хотя и сами по себе очень влиятельны. Они могут, например, помочь владельцу магазина, но могут и разорить его, все зависит от того, как они будут осуществлять кредитование и вести поставки товаров. Управление старается поддерживать статус-кво магазинов. Оно не любит банкротов, так как из-за них вся посуда может пойти ко дну. Управление прислушивается к мнению крупных поставщиков. Если кто-нибудь из них проявит личную заинтересованность в такой лицензии, она как по маслу пройдет все инстанции. В-четвертых, Вик может...

— Пойдите-ка, — прервал его Палмер, — у меня уже голова кругом пошла.

— Ладно. Словом, у Вика имеется не менее шести различных способов протолкнуть эту лицензию, не делая при этом особых усилий. Однако, если бы я раскрыл ему, насколько мне это необходимо, и он посчитал бы эту сделку крупным контрактом, то у него нашелся бы еще более верный способ повернуть это дело без риска. — Бернс одним глотком допил свое мартини. — Ну, для первого урока по вопросам политики с вас хватит.

— Значит, сегодня утром вы обсуждали пять сделок?

— Да, пять, но к тому времени, когда они будут выполнены, возникнет еще не менее пятнадцати дополнительных, являющихся непосредственным результатом пяти первоначальных.

— Это уже геометрическая прогрессия. Но где же ее конец?

— А она никогда не кончается, — ответил Бернс. — Политические сделки непрерывно плодятся и размножаются, и каждая из них в свою очередь порождает две или три новые. Таким образом, за день мне приходится проворачивать не менее десятка сделок. В неделю это составляет примерно шестьдесят. Они в свою очередь порождают около ста пятидесяти новых, а те уже вызывают к жизни не менее трехсот дополнительно. А триста... При этом прошу не забывать, что проделываю все это я один. Правда, я, так сказать, центральная фигура в большом спектакле, но сам-то я существую все же в единственном числе, — резко закончил он.

— Внушительно, — проговорил Палмер, потягивая свое martini. — В недрах этого города творятся такие вещи, каких человеческий мозг просто не в состоянии охватить!

— Да, довольно бойкое местечко, — согласился Бернс. — Я вложил десяток лет своей жизни в еще более веселый городок под названием Голливуд, но могу теперь смело сказать: это были детские игрушки по сравнению с тем, что делается здесь. — Бернс оглянулся, щелкнул пальцами и кивком головы подозвал проходившего мимо официанта: — Ну, что сегодня хорошего, Генри?

— Очень хороша отварная говядина, мистер Бернс!

— Идет. Только с соусом из хрена. А что бы вы хотели, Вуди?

— Чечевичный суп, — ответил Палмер. — И еще эти, как их...

— Сандвичи с ростбифом? — подсказал Бернс.

— Да, это было бы недурно.

— Сандвичи из ржаного хлеба, Генри, — заказал Бернс официанту. — И повторите мартини.

Палмер спокойно сидел и наблюдал, как Бернс, поиграв запонками, пригладил свою светлую шевелюру, потушил сигарету, глянул на часы и тут же быстро окинул взглядом весь зал, в котором они находились.

Палмер решил, что не стоит сопротивляться таким пустякам, как приглашение отведать сандвичи с ростбифом и повторный заказ двух мартини, которые им предстоит выпить. Важно, внушал он себе, не обращать внимания на раздражающие мелочи в поведении Бернса. Стоит лишь начать вскидываться при виде этих пошлых выходок, как непременно кончишь тем, что станешь его просто ненавидеть, и тогда все пропало. А ведь этого человека так легко возненавидеть. Его манеры, разговор, одежда, образ мыслей — все было воплощением того дурного тона, которого следует всячески избегать, так внушали Палмеру всю жизнь, с самого детства. Бернс был одержим какой-то неожиданной и несколько подозрительной потребностью к душевным излияниям. Отцу Палмера отлично удалось воспитать в своем сыне отвращение к такого рода бестактной болтливости. Бернс не знал меры и в проявлении дружеских чувств, которые носили преувеличенно фамильярный характер, он мог

положить тебе на плечо руку, ткнуть пальцем в бок или похлопать по колену. Палмеру стоило большого труда сдерживаться и не показывать, насколько ему это претит. В своем мышлении Бернс руководствовался скорее интуицией, чем логикой. Но и в тех случаях, когда в его мыслях проскальзывали признаки логики, это здорово отдавало детективщиной, что Палмеру крайне претило. Внешний вид Бернса, в целом вполне пристойный, в то же время был отмечен печатью чрезмерной погони за модой. Лацканы его пиджака были слишком узки, его белые сорочки украшены какой-то белой вышивкой, Палмер видел в этом проявление дурного вкуса. Волосы Бернса также были зачесаны и прилизаны сверх меры. Палмер видел, что Бернсу вообще не хватает чувства меры, это проявлялось во всем. Он прилагал слишком много стараний для того, чтобы казаться естественным. Это был человек, который явно переигрывал свою роль. Часто Палмер ловил себя на том, что ждет того момента, когда наконец Бернс взглянет на роль, которую играет, с точки зрения не только актера, но и режиссера.

Бернс мог щегольнуть чем угодно — властью, деньгами, женщинами. Существовало ли вообще еще что-нибудь в жизни? О да, конечно, — был еще и бог, и это уже полностью завершало сценарий.

Неожиданно для себя Палмер вдруг спросил у Бернса: — Скажите, вы верите в то, что за все радости в жизни надо расплачиваться?

Бернс повернулся и в упор посмотрел на Палмера. Его большие глаза настороженно разглядывали Палмера. — Расплачиваться? — переспросил он. — Я не совсем понимаю, о чем это вы.

— Да так, собственно, ни о чем. Просто мысли вслух.

— Скажите все же, о чем вы подумали?

Рассерженный на себя за неосторожно сорвавшееся слова, Палмер сделал рукой какой-то неопределенный жест.

— Да так, ничего особенного, — повторил он. — Я просто думал о том, что, если в жизни бывает что-то хорошее, за это обычно приходится потом расплачиваться с лихвой. Просто мелькнула такая мысль.

— Извините меня, Вуди, — сказал Бернс, касаясь руки Палмера, — но сейчас вы говорите точь-в-точь как мой отец, да упокоит бог его скорбящую душу.

— Интересно, ведь и мне внушал это мой отец.

— В сущности, это мусульманская концепция: аллах — божество гневное.

— Бог кальвинистов тоже.

Бернс криво усмехнулся с таким видом, будто оба они узнали сейчас друг о друге что-то непристойное. — Похоже, что бог у нас один и тот же, — тихонько посмеиваясь, заявил он.

— Однако вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Палмер.

— А я не знаю, что на него ответить. Как обстоит дело в политике, я знаю. Там надо платить за все, что получаешь, Вуди, это как на большом рынке, где торгуют и меняются. Хочешь что-то получить? Дай другому взамен то, что он хочет.

Взяв английскую сигарету Бернса, Палмер быстро зажег спичку, не дав Бернсу времени чиркнуть своей зажигалкой.

— Если это так, то я не понимаю, почему вы не хотите сейчас нажать на Вика Калхэйна, пусть он расценивает это как большую сделку. — Палмер затянулся сигаретой и подумал при этом, что табак в ней так слаб, что кажется, будто вдыхаешь подогретый воздух.

— Я приберегаю эту сделку, мой дружок.

— Зачем?

— Для вас, мой дорогой, — ответил, вздохнув, Бернс, и губы у него скорбно сжались. — Только для вас.

Глава двенадцатая

Палмер прошелся пешком от ресторана «Двадцать одно» до Ист Ривер и присел отдохнуть в маленьком парке к северу от здания Организации Объединенных Наций. Только теперь он почувствовал, что у него побаливают ноги.

Его ленч с Маком Бернсом неожиданно оборвался, еще не успев начаться. Официант принес и начал было раскладывать на тарелки заказанные блюда, как вдруг зазвонил телефон. Бернс, которого куда-то срочно вызывали, для приличия чертыхнулся, чтобы покачать Палмеру, как он огорчен тем, что должен его покинуть. Однако вызов был, видимо, достаточно важный, и Бернс, извинившись, торопливо удалился. — Не более чем на полчаса, — заверил он Палмера.

В течение двадцати девяти минут Палмер добросовестно поглощал то, что было подано, а затем покинул ресторан и, решив прогуляться к реке, прошагал целых шесть кварталов. Погода была не по-осеннему теплая, но туманная дымка, висевшая над городом, несколько смягчала яркий солнечный свет. Ветерок пробежал легкой рябью по быстрой реке, и Палмеру показалось, что вода покрылась узором крокодиловой кожи. Проплыл буксир, оставляя за собой пенную борозду. Палмер проводил его взглядом.

Свежие порывы ветра трепали ему волосы на висках, и он вдруг почувствовал себя свободным. Пусть это чувство было иллюзорным, сейчас Палмер об этом не задумывался. Он уселся поудобней, медленно, с наслаждением расправил мускулы и стал наблюдать за группой туристов, деятельно фотографировавших друг

друга на фоне здания Секретариата ООН. Впервые с тех пор, как его семья переехала в Нью-Йорк, он сознательно делал именно то, что хотел сам. Обычно рабочий день его состоял из запланированных кем-то другим нескончаемых конференций, ленчей, обедов, заседаний различных комитетов, встреч по вопросам деловой стратегии, интервью, выступлений, рукопожатий и бесконечного потока разговоров, разговоров, которые грозили захлестнуть и удушить его.

Его жизнь вне работы ограничивалась беседами по утрам за семейным завтраком относительно посещения театров и обсуждениями, как лучше провести уик-энд в загородном доме родственницы Эдис — Джейн в Роклэндкаунти. Все остальное время было у него поглощено такого рода деятельностью, которую нельзя было отнести к чисто деловой или исключительно светской, — то были церемонии по закладке различных фундаментов, присутствие на трибунах во время парадов, участие в пикниках различных ассоциаций, уик-энды у Бэрхардта, ленчи и обеды в деловых клубах «Киванис» и «Ротари», раздачи наград и т. п.

Он вспомнил, что только один раз, в субботу, ему удалось урвать время, чтобы поехать в балет Джерри и наутро, в воскресенье, покататься верхом с сыновьями в Централ-парке на плохо обьеженных лошадях, взятых напрокат из конюшни на Уэст Сайде. Да еще однажды Эдис и он были приглашены на чай, устроенный попечителями Музея современного искусства, где он с одним из отпрысков Рокфеллера обсуждал достоинства модели Форда марки «А» и поглотил такое чудовищное количество хереса, что после этого мог поклясться, что

больше не прикоснется к этому напитку, во всяком случае в ближайшие годы.

Палмер решил, что не мешало бы и постоять у статуи Свободы и побывать на рыбном рынке Фултона и взобраться на крышу Эмпайр стейт билдинг, но главное было не в том. Просто ему надо бы побродить по новому для него городу, в который он переселился, и, образно выражаясь, заглянуть в лицо Нью-Йорку, найти в нем черты, которые покажутся ему привлекательными и помогут освоиться с ним.

— ... не окажете ли вы такую любезность? — прозвучал над ним чей-то женский голос.

Палмер, вздрогнув, поднял глаза на женщину, которая, вероятно, все это время что-то говорила ему.

— Простите, что вы сказали? — спросил он.

— О, это очень просто, вы посмотрите вот сюда, а потом нажмете эту кнопку, — ответила женщина.

Он немедленно поднялся со скамьи, поняв наконец, что от него хотят. Стоявшая перед ним женщина просила сфотографировать ее вместе с мужем и маленькой дочкой. Палмер кивнул в знак согласия и взял у нее из рук фотоаппарат.

— Нам хочется, чтобы на снимке получилось и здание ООН, — сказала женщина и поспешила к мужу и дочери, на бегу поправляя волосы.

Палмер заглянул в видоискатель, взял в фокус семью с таким расчетом, чтобы здание ООН тоже вошло в кадр, и только собрался нажать на кнопку, как женщина закричала: — Пойдите! — И толкнула в спину

дочку. — Улыбайся, выпрямись и улыбайся, — скомандовала она.

Палмер ждал. Он видел, что девочке все страшно надоело. Отец был несколько смущен, поза его как бы выражала молчаливую просьбу к Палмеру не отождествлять его с экспансивной супругой, воспылавшей желанием увековечить все их семейство на фоне циклопической архитектуры ООН.

Наконец девочке удалось выдавить из себя унылую улыбку, и Палмер щелкнул затвором фотообъектива.—Спасибо! — крикнула женщина. Подняв девочку на руки, муж спрятал за нее свое лицо и тоже пробормотал какие-то слова благодарности. Женщина, беря фотоаппарат, наградила Палмера такой утрированно-сияющей улыбкой, что Палмер даже почувствовал неловкость за то, что не смог достойным образом оценить ее восторженную благодарность.

— Не за что, пожалуйста, — проговорил он и с облегчением снова уселся на скамейку.

Он видел, что семья направилась было в сторону Первой авеню, но женщина настойчиво сворачивала влево, устремляясь к зданию ООН, а мужчина большим пальцем указывал своим домочадцам вправо и упорно шел своим путем.

Вот она, семейная общность душ! — подумал Палмер, глядя им вслед. Продолжая спорить и жестикулировать, они пропали из виду, только крик маленькой девочки, нечленораздельный и пронзительный, все еще доносился издалека. Однако всех троих уже поглотила толпа туристов. Они исчезли, как амебы в пасти гигантского осьминога. Там, где только что каждый из этой семьи тщетно пытался

навязать другому свои взгляды и стремления, теперь плыла слитная людская масса, сотни ног: женских, обтянутых джинсами, морщившимися на слишком толстых ляжках, или мужских — в устало обвисших, бесформенных дешевых брюках.

Людское месиво с указующими на что-то руками и шагающими куда-то ногами, похожими на щупальца осьминога, устремлялось вперед, поглощая и переваривая в своем чреве все, что встречалось на пути. Каждый из этой толпы отчаянно старался вобрать в себя как можно больше нью-йоркских диковин, запастись ими впрок, чтобы потом, в долгие зимние вечера, перебирать и оживлять их в своей памяти.

Палмер со вздохом отвернулся и перевел рассеянный взгляд на реку. Пенный след от буксира не таял в ее быстрых зелено-черных потоках, полных сточных вод, пена вздрагивала и качалась на поверхности, точно в кружке темного портера.

Общность интересов, единство, снова подумал он. Просто стадный инстинкт, попытка создать что-то значительное из посредственного материала путем бесконечного приумножения этого второсортного материала.

Все, что нас окружает, становится второсортным, день ото дня все ухудшается, и никто не замечает, с какой быстротой это происходит, размышлял Палмер. Качество продукции падает, лишь бы подешевле, лишь бы побыстрее сбыть с рук. Установлены умышленно заниженные, устарелые нормативы прочности текстильных изделий и качества других товаров, строительных материалов и всего прочего. Но самое удивительное, что никто не жалуется. Более того, никто

как будто и не реагирует на это. Достаточно понаблюдать, как люди настраивают свои телевизоры, размышлял он. Никто не дает себе труда разобраться, для чего служат многочисленные ручки телевизора. Поэтому и изображения на экране получаются искаженные, тусклые, не в фокусе, то слишком контрастные, то совершенно темные в зависимости от того, как изначально был настроен телевизор. При помощи этих ручек можно бы что-то сделать, но только начнешь налаживать, как вдруг исчезает даже то плохое изображение, которое до этого было на экране, поэтому лучше вообще ничего не делать. Все равно через год появится новая модель телевизора или какая-нибудь еще более замысловатая антенна. Стоит ли тревожиться?

И стоит ли волноваться из-за того, что электрические бритвы плохо работают и не могут даже подровнять бачки? Стоит ли беспокоиться из-за того, что все уже забыли, какой аромат у свежего апельсинового сока или хорошего, только что сваренного кофе? Разве имеет значение тот факт, что широкоэкранные кинофильмы всегда демонстрируются не в фокусе, несмотря на их невероятную ширину? Или то, что конструкции сидений в автомобилях новой модели буквально калечат своих пассажиров, а «дворники» на ветровых стеклах только размазывают грязь? Зачем придавать значение тому, что длительно хранящиеся в холодильниках готовые обеды всегда имеют привкус металла или картона, или тому, что табак оказался возбудителем рака легких... Палмер вынул из кармана пачку сигарет, закурил, глубоко затянулся и с удовольствием выдохнул дым в окружающий его прозрачный воздух. Легкий ветерок тут же развеял дымное облачко.

Настроения надо прибрать к рукам, решил Палмер. Нельзя им поддаваться. Он встал, потушил носком ботинка сигарету и пошел вдоль Первой авеню по направлению к деловым кварталам города. До встречи с Бэркхардтом оставалось еще почти два часа: времени больше чем достаточно для того, чтобы погулять по городу и повидать все, что захочется. Однако вместо этого Палмер подошел к зданию ООН и позвонил из автомата в банк.

— Мистер Палмер, мы давно разыскиваем вас, — отозвалась белокурая секретарша тоном, в котором оттенок почтительности переплетался с нотками раздражения.

Слушая ее, Палмер тут же решил, что ему надо как можно скорее нанять себе личного секретаря — какую-нибудь замужнюю женщину лет пятидесяти, которой можно поручить любое дело и которая будет защищать его интересы так, как ей подскажет опыт многолетней работы.

— Я ездил проверять работу наших отделений, — ответил Палмер и тут же удивился, зачем ему понадобилось утруждать себя этой ложью.

— О, простите, — сказала девушка. И по тону ее ответа Палмер понял, что ее обрадовала такая уважительная причина его отсутствия. Все как бы становилось на свое место. Порядок в системе их местного мироздания восстановлен. — Мистер Бернс звонил вам пять раз, — продолжала девушка, делая особое ударение на цифре пять.

— Он сам звонил?

— Да, он сам лично звонил все эти пять раз, — ответила девушка.

— Если он еще раз позвонит, объясните, что сейчас я занят и что по пути свяжусь с ним по телефону, а к пяти часам или лучше в пять пятнадцать он может застать меня в клубе «Юнион лиг».

— Где вы будете с мистером Бэркхардтом, — добавила она. — Вам понадобится ваша машина?

— Нет. Какие еще вопросы?

— Получена вторая и третья дневная почта.

— Что-нибудь существенное?

— Я не вскрывала почту, мистер Палмер.

— Ну хорошо, что еще?

— Звонил некий мистер Лумис.

— Джозеф Лумис?

— Его секретарь. Он сказал, что позвонит позже.

— Дайте ему также координаты клуба. Это все?

— Получен еще меморандум от мистера Мергендала.

Палмер закрыл глаза и вздохнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не выдать своего раздражения. У него не было никаких оснований сердиться на эту девушку. Свои обязанности она выполняла вполне добросовестно. — Благодарю вас, — сказал он. — Я больше уже звонить не стану. Если будет что-нибудь срочное, вы сможете найти меня в клубе «Юнион лиг».

Палмер повесил трубку, опустил в автомат еще монету и набрал свой домашний номер. После того как

раздалось не менее шести звонков, в аппарате послышался женский голос.

— Эдис? — спросил Палмер.

— Привет, папка.

— Джерри, где мама?

— В тараканьем замке, правит рабами и роубтами.

— Где? Что она делает?

— В нашем новом доме показывает рабочим, что им надо делать.

— А-а. — Палмер повторил про себя диалог с дочерью. — Джерри, надо произносить не «роубты», а «роботы», так чтобы рифмовалось со словом «хоботы». Чему тебя только учат в Бентли?

— Ничему интересному, одна скучища!

— Тогда лучше учиться в простой общедоступной школе, да и обойдется это значительно дешевле. Не перевести ли тебя туда?

— Правда? Ты это серьезно? — воскликнула Джерри.-Вот здорово! Ходить в школу вместе с ошалелыми морфинистами и драчунами, и у каждого финка в кармане! Грандиозно! Когда я начну там учиться?

— Начнешь с того, что сейчас напишешь записку маме о том, что я сегодня немного опоздаю. У меня с Бэркхардтом встреча в клубе за бокалом вина.

— За только одним бокалом?

Ответа не последовало.

— Папа? — раздался из отводной трубки голос старшего сына: — Скажи, пожалуйста, на сколько общая сумма вкладов «Юнайтед бэнк» больше, чем у «Бэнк оф Америка»?

Палмер от неожиданности даже запнулся: — Ты что, собираешься захватить власть над одним из этих банков или над обоими сразу?

— Это мне нужно для школы. Я пишу сочинение на экономическую тему...

— Сочинение под названием «Банки, которые я знаю», — вмешалась в разговор Джерри.

— Я не могу тебе точно сказать, как обстоит дело в данный момент, — ответил Палмер сыну, — но картина приблизительно такая: «Бэнк оф Америка» имеет вкладов на сумму 9 миллиардов 500 миллионов. У нас же примерно около 11 миллиардов. Я имею в виду только вклады, как таковые. А всего наши активы составляют более 12 миллиардов.

— А «Чейз Манхэттен»?

— Около семи миллиардов.

— А «Фёрст нешнл сити бэнк»?

— Чуть поменьше этой суммы.

— А ты мне все еще не отдал десять центов, которые занял вчера! — напомнила брату Джерри, снова вмешиваясь в разговор.

— Как обстоят дела у «Мэнюфэкчерерс бэнк» и «Кемикл бэнк»?

— Каждый из них имеет несколько менее трех миллиардов. А почему ты берешь в долг деньги у сестры?

— Да еще не отдаешь долги, — добавила Джерри.

— Потому что я обанкротился, — объяснил Вуди. — Следовало бы ожидать, не так ли, что старшему сыну второго по рангу банкира в крупнейшем банке США дают достаточно карманных денег для того, чтобы...

— Вуди становится настоящим шалопаем, — прервала брата Джерри. — Когда ты придешь домой, пап?

— Сегодня я немного опоздаю, — сказал Палмер. На другом конце провода несколько мгновений длилось молчание, затем голос Джерри задумчиво сказал: — Ты ведь знаешь, что в девять я должна быть уже в постели. Успеешь ты прийти до того, как я лягу спать?

— Конечно, я приду гораздо раньше.

— Ой, как здорово, — крикнула она, — ну пока, папка! — И тут же раздался голос Вуди: — Папа, я ведь не шучу насчет...

— Поговорим, когда я вернусь. До свидания, — прервал Палмер сына.

Выйдя из телефонной будки, он некоторое время наблюдал, как мимо него плыли толпы людей, словно огромные гроздья рук и ног. Где-то рядом в этом здании и в примыкающем к нему доме высокооплачиваемые чиновники тоже делали какие-то движения, чтобы сохранить мир на нашей планете. Они разыгрывали свои небольшие спектакли в маленьких канцеляриях и больших аудиториях, медленно продираясь сквозь дремучую чащу рутины, с каждым днем все ближе сползали к той грани, где начинались войны, но каким-то образом все еще сохраняли мир.

Это было поистине поразительно. Но еще более поражало то, что этого гигантского спрута, состоящего из туристов, не интересовало в здании ООН ничего, кроме возможности поглазеть на какую-нибудь проходящую мимо знаменитость и купить мелкие сувениры да еще запечатлеть себя на фоне здания с тем, чтобы потом у себя дома предъявить фотографии как свидетельство знаменательных событий прошедшего дня.

Следующей после здания ООН вехой на пути Палмера была могила генерала Гранта.

Когда Палмер наконец добрался до клуба, еще не было пяти часов. От усталости ноги у него разболелись уже по-настоящему. Он сразу же опустился на мягкий кожаный диван, заказал виски и, сильно разбавив его содовой, принялся пить небольшими глотками, изредка делая паузу, чтобы перевести дыхание. Затем он откинулся на спинку дивана и стал терпеливо ждать прихода Бэркхардта.

Несмотря на то что Палмер еще до войны был принят в члены этого клуба и неоднократно имел возможность убедиться в высоком качестве обслуживания, у него все же не было достаточно полного представления о характере и масштабах таящейся в его недрах организации, необходимой для приведения в действие этой величаво спокойной и всеобъемлющей системы. Подобно большинству членов клуба, он воспринимал это на первый взгляд не стоящее никаких усилий совершенство как нечто само собой разумеющееся. Поэтому его ничуть не удивило, когда несколько мгновений спустя к нему подошел слуга, который, кажется, работал где-то в гардеробе, и подал ему пять записочек.

— Сэр, эти сообщения оставлены для вас.

Поблагодарив его, Палмер тут же просмотрел листки. На четырех записках из пяти были отмечены телефонные звонки Мака Бернса, разыскивавшего его с 4. 40 и прекратившего звонить в 4. 55, буквально за минуту до прихода Палмера в клуб. В последней записке сообщалось, что Бэркхардт придет ранее намеченного срока, так как у него на шесть часов назначена следующая встреча.

Вот так оно все время и будет, сказал себе Палмер, засовывая в карман скомканные листки. Те, другие, снова победили. Они уже твердо сидят в седле и снова пришпоривают его.

Он медленно, не без труда поднялся с дивана, ощущая, как пятки снова протестующе заныли, и пошел к телефонной будке из стекла и черного дерева.

Его соединили с оффисом Бернса.

— Вуди, милый, в чем дело?

— Это я хочу спросить вас, что случилось, — сказал Палмер.

— То есть почему именно «что случилось»? — удивленно отозвался Бернс.

— Вы ведь разыскивали меня, не правда ли?

— Ах, вот что, — проговорил Бернс и затем с нарочитой небрежностью добавил: — Да ничего особенного, я просто думал, что вы надулись на меня или что-то в этом роде.

— За что?

— За то, что сорвалась наша встреча за ленчем. Когда я вернулся, вас уже не было.

— Вы же сказали, что вернетесь через полчаса, — напомнил ему Палмер.

— Ну да, правильно. Можете подарить мне к рождеству новые часы.-

Наступила довольно продолжительная пауза. Палмер внезапно понял, что Бернс непременно хочет свалить на него ответственность за несостоявшуюся встречу. Чувствуя себя виноватым, что покинул Палмера, Бернс прежде всего хотел проверить, насколько велика его обида, а затем постараться переложить на него ответственность за все происшедшее.

— Очень сожалею, что вам пришлось уйти, — сказал, помолчав, Палмер. — Отлично понимаю все, и нисколько не обижен. — Снова пауза. Палмер ожидал, что Бернс постарается сейчас все загладить, чтобы инцидент был исчерпан.

— Такая досада, — не унимался Бернс. — Дело в том, что мне нужно было обсудить с вами два весьма важных дела, а теперь я и сам не знаю, когда, черт побери, мы сможем снова повидаться.

— Да, очень досадно, — согласился Палмер, поняв, что ошибся: Бернс просто одержим мучительной потребностью сваливать свои грехи на других. — Не тревожьтесь об этом, Мак, — добавил Палмер, слегка поворачивая острие ножа в ране собеседника. — Я нисколько не сержусь.

Бернс замолк в третий раз и попытался перегруппировать свои силы. Палмер подумал, что сейчас самое время для Бернса покончить с этим

инцидентом. Теперь все зависело от того, справится ли Бернс со своей потребностью валить вину на другого.

— Не знаю, милый, как тут и быть, — сказал через некоторое время Бернс. — Мы с вами попали в довольно серьезную переделку. Когда атмосфера накалится, нам придется вкалывать по двадцать пять часов в сутки. Хотелось бы верить, что мы сможем по-настоящему держаться друг за друга, как в доброй спортивной команде.

— Мак, — ответил Палмер, твердо решивший не потакать Бернсу в его трюках. — Я верю в то, что сегодня вы ничего не могли поделать. Я также уверен в том, что, когда придет время, вы честно выполните свой долг, как... — он остановился в поисках максимально абсурдной метафоры, — как настоящий солдат, — с облегчением закончил он.

— Ладно, — парировал Бернс. — У меня вечером назначена встреча за ужином. Приходите в 11.30 ко мне домой.

— Сегодня?

— Да, сегодня, — подтвердил Бернс, — или это состоится не ранее чем через неделю. У меня каждая минута расписана.

— Не знаю, смогу ли, — ответил Палмер. — Я сообщу позже. Куда вам позвонить?

— В каком часу?

— Между восемь и девятью вечера.

— В отель «Шамбор».

— Я позвоню, до свидания. — И Палмер повесил трубку, не ожидая ответа. Он был очень зол на Бернса,

на себя и на то, что вынужден участвовать в этой глупой и мелкой игре.

Усевшись на диван, он вылил в бокал остатки содовой и стал задумчиво, небольшими глотками потягивать виски. Сейчас он окончательно убедился в том, что с самого начала все трудности заключались в проблеме полномочий. Наделив его полномочиями второго по рангу лица в банке, Бэркхардт, однако, не определил точно пределов, в которых он мог пользоваться данной ему властью. По-видимому, Бернс это понял и не удержался от соблазна попытаться выяснить, кто из них двоих будет руководить. В эту игру всю жизнь играли мужчины его круга. Будучи равными по положению, они никак не могли успокоиться на этом и все пытались проверить: действительно ли Смит на одном уровне со мной? Выше ли я Джонса или ниже? Давай-ка выясним. Раньше Палмеру не приходилось принимать участия в этой игре — одно из преимуществ положения наследника отцовского дела. Однако это была лишь видимость преимущества. Так бывает с детьми состоятельных родителей, живущих почти в тепличных условиях, которые в отличие от чумазных детей бедняков, выросших рядом со сточными канавами, оказываются более восприимчивы к любой инфекции, потому что не выработали в себе иммунитета против самых обычных бактерий.

Потягивая из бокала, в котором сейчас уже преобладала содовая, Палмер думал над тем, как сложилась бы его карьера, если ему пришлось бы полагаться только на свои способности. Он никогда не обучался приемам этой маскируемой улыбкой, жестокой борьбы за власть.

Его игра с Бернсом была, в конце концов, просто мелким столкновением самолюбий, и ставкой этой игры служило лишь стремление отстоять собственное достоинство. А если бы ставки были крупнее? Или если страхи, которыми одержим Бэркхардт, действительно обоснованны? Что, если история со сберегательными банками хотя бы на одну десятую соответствует тому значению, которое все пытаются ей придать?

Палмер застыл с бокалом в руке, вспомнив, что утром ему звонил Джо Лумис — Немезида Бэркхардта. Следует ли сообщить об этом звонке старику? Странно, подумал Палмер. Ведь мы с Лумисом даже не знакомы, может быть, когда-то мимоходом он встречал моего отца. Только дело, связанное с борьбой против сберегательных банков, могло заставить Джо Лумиса позвонить. Что это — поиски пути к примирению? Предостережение? Попытка подкупа?

— Вуди! — громко окликнул его Бэркхардт.

Палмер вздрогнул и обернулся к старику, который уже уселся рядом с ним на диван.

— Очень рад, что тебе успели передать мою записку. Мне придется довольно быстро тебя покинуть. Что это ты пьешь, черт побери? Неужели воду?

— Почти что так, — ответил Палмер.

— Шотландское виски старой марки, — заказал Бэркхардт подошедшему официанту и добавил: — Салата из фруктов не надо. — Он снова повернулся к Палмеру и хлопнул его по колену: — Ну, как прошел ленч с Бернсом?

Палмер усмехнулся в ответ:

— Это был самый сокращенный вариант ленча: когда принесли еду,

Бернса вызвали куда-то «на полчаса». Я поел в одиночестве и ушел.

— Так просто взял и ушел? — Взгляд молочно-голубых глаз Бэркхардта, словно огнеметом, жег лицо Палмера.

— Я подождал «полчаса», как он просил.

— А не был ли он?..

— Вы хотите знать, не принес ли он надлежащие извинения? — перебил его Палмер. — Во всяком случае, он чувствовал себя виноватым.

— Я совсем не это имел в виду. Я хотел знать, не был ли он сам обижен.

Ты же знаешь этих греков.

Палмер глубоко вздохнул, пытаясь побороть внезапно охвативший его гнев.

— Во-первых, он ливанец. И потом, послушайте, — начал он медленно, сдавленным голосом, — у этого человека кожа как броня в танке «шерман».

Когда ему надо прикинуться чувствительным, он будет увядать у вас на глазах, словно цветок повилики, но все это просто кривлянье. Вопрос сейчас стоит так: или вы дадите мне возможность обращаться с ним так, как я сочту нужным, или огромные деньги, расходуемые банком на то, чтобы я сидел в своем, или, точнее, в вашем великолепном кабинете, тратятся совершенно впустую.

— Я вполне тебе дове...

— Тогда потрудитесь доказать это на деле, — грубо прервал его Палмер.

Затем умолк и пожал плечами. — Очень сожалею, но у меня уже появились симптомы мании преследования. Это Бернс так влияет на меня, — добавил он. Бэркхардт не отвечал. Пауза затянулась еще и потому, что подошел официант, принесший виски.

Медленно помешивая льдинки в бокале, Бэркхардт молчал, и Палмер решил, что старик хочет вынудить его извиниться более определенно. Поэтому Палмер продолжал молчать и ждал, что будет дальше.

Пригубив виски, Бэркхардт повернулся к Палмеру и спросил:

— Где ты пропадал сегодня после полудня?

Увидев, что Палмер медлит с ответом, Бэркхардт поспешил добавить: — Я спрашиваю не для того, чтобы щелкнуть кнутом. Мне действительно хочется это знать.

— Гулял. Сидел на скамейках в парке, чтобы убить время.

Бэркхардт проворчал что-то про себя, сделал еще глоток виски и опустил голову, словно готовясь к схватке рукопашную.

— Значит, — сказал он, — я затронул этот вопрос вполне своевременно.

— Какой вопрос?

— Вопрос о твоих отношениях с Эдис, — огрызнулся Бэркхардт, еще круче подбрав подбородок.

Палмер ждал, не прикроет ли сейчас Бэркхардт подбородок еще и плечом, в классической стойке боксера.

— Абсолютно своевременно, ни секундой раньше, чем было нужно, — повторил Бэркхардт торжественным тоном.

— Так, значит, об этом деле вы и говорили сегодня утром по телефону? — спросил Палмер. — Раньше это не имело к вам никакого отношения, а теперь, когда положение переменилось, стало, по-видимому, и вашим делом?

— Совершенно верно, — согласился Бэркхардт, сводя тем самым на нет сарказм своего собеседника.

— Можете вы все-таки объяснить мне, что, собственно, происходит между мной и Эдис?

— Нет, конечно, — отвечал Бэркхардт.

— А кто-нибудь может?

— Только ты сам. Или Эдис. — Бэркхардт тут же торопливо добавил: — Я-то, разумеется, не собираюсь задавать ей вопросы.

Палмер почувствовал, что гнев его начинает утихать. В заверении Бэркхардта, что это лишь разговор мужчины с женщиной, было что-то до того прямолинейное и архаичное, что, вместо того чтобы возмутиться его бестактностью, Палмеру вдруг стало жаль Бэркхардта. Старик был не на шутку встревожен и огорчен.

Бэркхардт придавал такое огромное значение порученной Палмеру работе, что все, что могло угрожать успеху этого предприятия, анализировалось им с

интенсивностью, которая была бы более уместна при изучении электрокардиограмм, индексов Доу-Джонса или изучении внутренностей цыпленка, принесенного в жертву оракулу. Во всем этом было что-то грустное, уже выходящее за рамки смешного.

— Как это выглядит со стороны? — спросил Палмер уже более дружелюбным голосом. — Очень плохо?

Бэркхардт уселся поглубже и не поднимал глаз от своего стакана. — О нет, вовсе нет, — сказал он, обращаясь к стакану, который держал в руках. — Отлично понимаю, что для тебя, Вуди, это очень неприятная тема. Я хорошо знал твоего отца, достаточно хорошо, насколько это возможно в отношении человека, живущего в другом городе. Знал я и твою матушку, но, разумеется, не так, как отца. После развода я, естественно, потерял ее из виду. Но...— Он отказался от мысли продолжить свою фразу, дав понять своему собеседнику не прямо, но вполне определенно, что он имеет в виду.

Палмер допил содовую и подозвал официанта, чтобы дать себе время обдумать создавшееся положение. Во время этой короткой, но напряженной паузы он убеждал себя, что старик, разумеется, только так и мог истолковать сложившуюся ситуацию. Для него было логично видеть все это именно под таким углом зрения. Отпрыск распавшейся семьи. Отсюда проблемы и в супружеских взаимоотношениях этого отпрыска. Просто, как заголовок в бульварной газете.

После того как официант принес виски, Палмер сказал:

— Видите ли, в сущности, одно к другому не имеет никакого отношения. Он умолк и сидел, размышляя над тем, что же ему добавить к сказанному.

Глава тринадцатая

Нижний зал клуба, в котором подавались напитки, почти опустел. У бара сидели четверо завсегдаев, да еще несколько человек коротали время в полном одиночестве с бокалами в руках за отдельными, далеко стоявшими друг от друга столиками.

Палмер подумал, что остальные посетители либо ушли домой, либо, подобно Бэркхардту, направились на очередные деловые встречи или специфически нью-йоркские сборища, носящие смешанный светско-деловой характер, где дружба настолько тесно переплетается с деньгами, что порождает какую-то новую расу полулюдей-полудолларов.

Палмер сидел мрачный, расстроенный мыслями, которые вот уже полчаса одолевали его после ухода Бэркхардта.

Интервью, или беседа по душам, как там было задумано шефом, закончилась полнейшим провалом. Бедный Бэркхардт. Бедная Эдис. Бедный «Юнайтед бэнк».

Палмер вздохнул, допил свое виски и постарался вспомнить, был ли это его второй, третий или четвертый по счету бокал. Затем он поднялся, оглядел зал и вдруг снова опустился на диван, ужаснувшись перед тем, что ему еще предстояло. Разумеется, он мог выбирать. То, что происходило с ним сейчас, как и все, что происходило на протяжении стольких лет, не было навязано ему чьей-то злой волей. Во всех случаях за ним оставалось право выбора. Взять хотя бы сегодняшний вечер. Он мог отправиться домой к жене и пойти

куданибудь с ней: на званый обед, на премьеру или на какое-нибудь еще сборище.

Однако у него был и другой выход — пойти к Бернсу.

— Выбор незавидный, — сказал сам себе Палмер, — трудно даже установить, какое из двух зол можно считать меньшим.

Он велел официанту принести ему бокал виски (третий или четвертый?) и мысленно вернулся к разговору с Бэркхардтом, пытаясь угадать, удалось ли ему успокоить старика, опасавшегося, что его первый вице-президент решил разводиться или уйти от жены. Бэркхардт боялся, как бы семейные неурядицы Палмера не отразились на его работе в банке. Палмер спрашивал себя, стоит ли придавать значение этим неуклюжим заходам шефа и достаточно ли убедительно звучали его собственные ответы, удалось ли ему разуверить старого сына? Едва ли. Смог ли он хотя бы рассеять его страхи? Возможно. Официант снова подал ему виски, и Палмер принялся медленно пить, возвращаясь мысленно к проблеме выбора, который ему сейчас надо сделать, хотя, собственно, выбирать было не из чего. Глядя в свой бокал, Палмер уговаривал себя, что во всей этой ситуации не было ничего особенного, просто перспектива была малоприятной.

Неразрешенные проблемы были, в общем-то, заурядным явлением. Однако сейчас надо было все же на что-то решиться. Он встал и с бокалом в руке направился к ближайшему телефону.

Заказывая телефонистке номер домашнего телефона, Палмер с изумительной ясностью в мыслях, обычно наступавшей после определенного количества

выпитого спиртного, сознавал, чт? он собирается сейчас сделать. Когда Палмер пил, в его сознании в какой-то момент наступало просветление. Это происходило где-то между вторым и четвертым бокалами, и тогда он обретал полную объективность в суждении. В такой момент он чувствовал, как отделяется от своей брэнной оболочки, отходит в сторону и зорко следит за происходящим. Ожидая, когда телефонистка соединит его с домом, он решил, что стоит сейчас не только в стороне, но и несколько выше самого себя. В такие изумительные мгновения он был в состоянии разобраться во всех своих противоречивых поступках и самых сложных явлениях. Взять, к примеру, его поведение в настоящий момент. Соединяясь по телефону с домом, он играл роль человека, которому надо принять решение — одно из двух. Он решительный человек. Решение назревает.

Нет. Все это лишь притворство.

Он услышал гудки: в его квартире звонил телефон. Палмер — сторонний наблюдатель — совершенно отчетливо видел подлинную цель этого звонка: Палмеру, держащему трубку в руках, нужен козел отпущения, и он ведет дело к тому, чтобы свалить всю ответственность на жену. Она, конечно, об этом не подозревает. Однако именно ей, ей одной предстоит сделать выбор.

— Хэлло?

— Джерри, позови маму к телефону.

— А это и есть мама. В чем дело, дорогой?

— О, это ты, Эдис. — Палмер на мгновение замолк и провел языком по губам. — Я звоню из клуба.

— Я знаю, ты там с Лэйном.

— Откуда ты?.. Ах да. Ну, ладно.

— Дело затянулось?

— Хуже, — ответил Палмер, уклоняясь от ответа, чтобы не лгать. — Мне еще предстоит позже встреча с Бернсом.

— Когда это позже?

Палмер пожал плечами. — Еще точно не знаю когда, — сказал он, снова избегая прямой лжи, но не намереваясь сказать правду. — У нас что-нибудь намечалось на сегодня?

— Ничего, — ответила Эдис, пожалуй, слишком уж радостным тоном.

— Неужели ничего?

— Я только хотела накормить пораньше детей, чтобы мы с тобой пообедали вдвоем.

Палмер хмуро уставился на стену у него перед глазами: — Никаких званных вечеров, премьер? Никаких приемов? — спросил он.

— Нет.

Односложный ответ Эдис прозвучал резковато. С необычайной ясностью, которой он буквально наслаждался в этот момент, Палмер понял, что оскорбил ее.

— О боже, мне так жаль, — простонал он. — Единственный вечер вдвоем за все это время. И я должен испортить его.

— Мне тоже очень жаль, дорогой, — уже мягче ответила Эдис. — Ну ничего, я думаю, мы сможем выкроить для себя такой вечер в другой раз, — добавила

она, переходя на свой обычный деловитый тон, который заставил Палмера усомниться, что его приход домой что-нибудь изменил бы в ее раз навсегда установленном домашнем распорядке.

— Я приму горячую ванну и лягу пораньше спать, — добавила Эдис.

— Да, пожалуй, ты права, — согласился Палмер. — Я не могу точно сказать, в котором часу вернусь домой.

— Постарайся хорошо провести время, дорогой.

— Спасибо. Значит, ложись спать, не дожидаясь меня.

— Хорошо. Спокойной ночи, — сказала Эдис.

Разговор был окончен, Палмер повесил трубку. И, лишь возвращаясь с бокалом в руке к дивану, он вспомнил, как ему хотелось пожелать спокойной ночи детям.

Палмер уселся и аккуратно поставил бокал на самую середину стоявшего перед ним низкого журнального столика. А тот, другой Палмер, стоявший в стороне и наблюдавший за этой сценой, спрашивал: так ли уж хотелось Палмеру, сидящему за столиком, пожелать детям спокойной ночи? Достаточно ли сильно его желание для того, чтобы, например, вернуться сейчас к телефону и снова позвонить? Но в это мгновение способность самопознания померкла. Палмер что-то нечленораздельно пробурчал, а может быть, просто откашлялся, но так громко, что спугнул своего зорко наблюдавшего двойника. Воссоединившись в единое целое, Палмер стал убеждать себя в том, что нет никакого смысла копаться в собственной душе и

ворочать камни, которым лучше бы спокойно лежать на месте.

Как бы то ни было, но одного он достиг: Эдис приняла за него решение относительно нынешнего вечера. Она, сама того не зная, сделала выбор уже тем, что не проявила никакого беспокойства, тем, что приняла во внимание значение Бернса для благополучия семьи, и еще тем, что позволила мужу произвести священное разграничение между домом и работой, за которое так ратовал Бэркхардт. Короче говоря, она оказалась вполне здравомыслящей и понимающей супругой.

Озадаченный неожиданно возникшим перед ним ироническим аспектом этой ситуации, Палмер встал, демонстративно игнорируя стоявший перед ним почти не тронутый бокал виски. Медленно идя к лифту, он раздумывал, как ему провести несколько часов, которые оставались до встречи с Бернсом, и удивлялся своей решимости не заходить домой.

Он мог бы остаться здесь, в клубе, пообедать, затем просмотреть журналы или даже немного вздремнуть до назначенного часа. Дверь лифта открылась, и Палмер вошел в кабину.

— Мистер Палмер, вам вниз?

— Да, — ответил он.

На улице было еще светло, но уже заметно похолодало. Палмер прошел несколько кварталов вверх по Парк-авеню и некоторое время наблюдал за сплетающимися, гудящими потоками уличного движения в районе Сороковой улицы, где туннель близко подходил к развороту у вокзала Гранд Сентрал Терминал. Дойдя до

Сорок второй улицы, он повернул на запад и вышел на Пятую авеню. Остановившись перед входом в библиотеку, Палмер подумал, что хорошо бы посидеть на скамейке в Брайант-парке, полюбоваться надвигающимися на город сумерками. Однако решил, что сейчас, пожалуй, слишком холодно, и пошел дальше, сознавая при этом, что избранное им направление приведет его прямо к банку. Он не принадлежал к числу людей, которые без веской на то причины возвращаются по вечерам на службу или работают по ночам. Многие поступают так, и число этих людей все возрастает, думал Палмер, продолжая свой путь в северном направлении по Пятой авеню. Некоторые делают это для того, чтобы произвести соответствующее впечатление на начальство. Другие вынуждены идти на это, чтобы справиться с внеочередной работой. Некоторые просто не укладываются в установленное время и вынуждены восполнять качество количеством. А кое-кому, размышлял Палмер, просто некуда деваться после работы.

Он остановился у стекло-бетонной стены банка и заглянул внутрь, в опустевший светлый вестибюль. Здесь, в недрах этого здания, находилось то место, которое он занял, пройдя все этапы пути к намеченной цели — стать банкиром. Но прошло уже несколько месяцев, а он все еще не приступил к своим функциям банкира.

Он решил подняться наверх в свой кабинет и взглянуть на скульптурную группу детей. Поскольку ему не пришлось повидаться с ними самими, убеждал он себя, можно хотя бы полюбоваться их изображением. Это будет своего рода искуплением за то, что он не пошел домой и даже не поговорил с ними по телефону. К тому

же это изумительно легкий способ искупить свою вину, решил он, отпирая дверь бокового входа.

Палмер услышал, как щелкнул автоматический замок закрывшейся за ним входной двери, и на мгновение очутился в стеклянной клетке, между дверью на улицу и внутренней дверью. От этой двери ни у кого в банке не было ключа. Однако сторож все не появлялся, и Палмер забеспокоился, не отказала ли система электрической сигнализации, оповещающая охрану о том, что кто-то открыл дверь. Но тут же стал успокаивать себя тем, что ему, собственно, некуда торопиться.

В это мгновение из-за высокой конторки выглянула голова сторожа: он внимательно оглядел Палмера прежде, чем вышел из своей засады. Потом улыбнулся широкой приветливой улыбкой, застегивая на ходу кобуру револьвера у пояса, и поспешил открыть дверь.

— Мистер Палмер, сэр, решил работать на полторы ставки, да? — пошутил он.

— Полдня тут, полдня там, — пробормотал в ответ Палмер, стараясь подделаться под его шуточный тон.

Взмах руки в сторону очеловеченных кнопок лифта — и створки его раздвинулись. Войдя в кабину, Палмер нажал на кнопку «ВЭ».

— ...и еще... — донесся до него голос сторожа.

— Что вы сказали? — переспросил Палмер. Но тут створки лифта сомкнулись и вместо ответа сторожа внутри кабины лифта раздался знакомый механический голос, оповестивший Палмера, что он будет доставлен на верхний этаж.

Выйдя из лифта, Палмер некоторое время постоял, любуясь закатными красками вечернего неба сквозь застекленный потолок. Затем прошел по коридору к своему кабинету и повернул электрический выключатель. Под самым потолком, из-за узких щитков, скрывающих белые и бледно-розовые люминесцентные лампы, на него со всех сторон хлынули лучи искусственного дневного света. Палмер подошел к скульптурной группе. Рассеянные источники освещения лишали скульптуру теней. Лица и позы детей утратили свою характерность, расплылись, и Палмеру неожиданно вспомнился рекламный плакат. «В следующий раз не допускайте к сварочным работам на ВАШЕМ предприятии неумелых сварщиков. Качественную сварку гарантирует только фирма АКНЭ (основана в 1931 г.)» — гласила подпись под фотоснимком изуродованного сварочного шва, выполненного другой фирмой. Палмер подошел к письменному столу, нажал кнопку, стенной шкаф позади него раскрылся. В дальнем углу на полке стояла наполовину опорожненная бутылка виски «Олд Фитцджеральд». Разглядывая ее, Палмер вдруг услышал женский смех. Он резко обернулся, но в его кабинете никого не было, никто не смеялся, наблюдая за ним. Однако он же только что слышал женский смешок.

Палмер пошел к двери и остановился на пороге. С противоположной стороны коридора доносились какие-то голоса. Бесшумно шагая по мягкому ковру, Палмер дошел до двери Отдела рекламы и информации и заглянул в комнату.

Резкий голубовато-белый свет — здесь никто не позаботился о том, чтобы затенить или заслонить его специальными приспособлениями, как у него в кабинете, — заставил Палмера зажмуриться. Помещение

отдела было таким же просторным, как кабинет Палмера, но в нем работали восемь человек. Часть помещения была отгорожена. Здесь должен был сидеть вице-президент банка по вопросам рекламы и информации. Однако в банке никто не числился в этой должности: Бэркхардт почел это излишним, приняв во внимание опыт Палмера в данной области. Обязанности заведующего этим отделом исполняла мисс Клэри, не имевшая никакого должностного титула. В отделе, кроме того, работали еще два клерка, две технические секретарши и ротаторщик, который одновременно выполнял функции курьера и экспедитора.

Вирджиния Клэри, сидя на краю стола, смеялась, видимо, над тем, что только что рассказывала одна девушка: Палмер всегда путал ее фамилию. Никто здесь не слышал, как поднялся лифт, доставивший Палмера на верхний этаж.

— Почти то же самое приключилось и со мной, — сказала мисс Клэри. — Только вместо шотландского виски была какая-то адская мешанина. Она встала и провела руками вдоль ребер, расправляя черную шерстяную юбку. Затем, нагнувшись над девушкой за пишущей машинкой, сказала ей: — Поторопись, как бы тебе не опоздать.

Палмер стоял за полуоткрытой дверью и наблюдал. Отсюда ему был виден только затылок девушки, сидевшей спиной к нему, зато он мог отчетливо разглядеть Вирджинию Клэри, ее стройную фигурку и изящный овал узкого, худощавого лица. Палмер подумал, что глаза ее кажутся очень большими, больше, чем на самом деле. Это потому, что у нее тонкое лицо с глубокими глазницами и густые черные брови вразлет, а

голова увенчана копной черных локонов, словно спутанных порывом ветра.

Вирджиния Клэри знала репортеров и редакторов всех нью-йоркских газет и журналов, связанных с банковскими делами и со всеми деловыми кругами. Поэтому правление банка сочло возможным платить ей одиннадцать тысяч долларов жалованья в год, но никогда, ни при каких обстоятельствах она не могла бы дослужиться до ранга выше помощника секретаря. А пока у нее не было даже и этого титула. Пройдет еще немало лет, прежде чем она его дождется. Вот если бы на ее месте работал мужчина, тогда другое дело.

— ...Ладно, — сказала она. — Теперь прочти все это вслух, я сверю копию для шефа. А потом можешь отправляться домой.

— «Сообщение „Юнайтед бэнк энд траст компани“, — начала читать девушка, — Нью-Йорк Сити. По вопросам, связанным с этим материалом, обращаться к Вирджинии Клэри по телефону 4108. Предназначается для публикации в среду 7 октября в утренних выпусках...»

— Нет, — прервала ее Вирджиния Клэри. — Давай вычеркнем «в утренних выпусках». Не нужно так выделять обычный информационный материал. Повтори мне заголовок.

— «Сберегательные банки содействуют тайному проникновению социализма, заявил Палмер представителям деловых кругов Лонг-Айленда».

— Читай дальше.

— «Вчера вечером первый вице-президент „Юнайтед бэнк“ Вудс Палмер-младший, выступая перед

тысячной аудиторией руководителей деловых кругов района Нассау — Саффолк, обвинил сберегательные банки в том, что они содействуют проникновению социализма за счет частной инициативы, — читала девушка с восковки для ротапронта. — Предупреждая, что налоговые поблажки ставят их в привилегированное положение и подрывают основы всей финансовой структуры штата, Палмер определил экспансионистские устремления сберегательных банков как „серьезную угрозу экономическому процветанию и открытый призыв к национализации всей банковской системы страны“, которая была бы первым шагом на пути к социализму.

Он напомнил представителям деловых кругов Лонг-Айленда, что все развитие и процветание Соединенных Штатов было построено именно на частной инициативе, она всегда служила основой их делового успеха. Но сберегательные банки, подчеркнул он, не имеют хозяина, у них нет ни держателей акций, ни частного капитала, которым они бы рисковали. Вместо этого в банках господствует самоуправная клика, которой ничто не противодействует. Они проникают в сельские местности и, как распространяющаяся плесень, поглощают все находящиеся в округе свободные деньги и направляют их в столь ограниченную сферу деятельности, что от этого страдают все отрасли деловой жизни.

Возникшие недавно слухи о том, что сберегательные банки намерены просить у правительства штата новых привилегий для своих отделений, Палмер определил как маневр, которого и следовало ожидать от безликого, не имеющего владельца объединения, живущего лишь для

того, чтобы разрастаться, как раковая опухоль. Ниже приводится полный текст выступления».

Вирджиния Клэри несколько мгновений молчала, а потом сказала: — Какое слово звучит резче, чем объединение? «Сборище»? Нет... «Безликое чудовище». Вот это то, что нам нужно. Отлично.

— «Чудовище» и «раковая опухоль» в одной фразе? — с сомнением спросила девушка.

— А почему бы нет?

— Не знаю, — ответила девушка, внося исправления в текст. — Мне кажется, что это грубовато.

— Ты права, — согласилась Вирджиния Клэри. — Сберегательные банки имеют миллионы вкладчиков, которые могут рассердиться, если...— Она оборвала фразу и задумалась. — Впрочем, что ж в этом плохого? — спросила она. — Допустим, они рассердятся. Ну и что же? На кого они рассердятся? На Палмера? А кто для них Палмер? Они должны рассердиться на то, с чем они связаны, — на сберегательные банки. В следующий раз, когда они будут делать вклад или брать деньги с текущего счета, они непременно начнут задавать неприятные вопросы. Все тут вполне логично.

— Ты говоришь сама с собой, — сказала девушка, поднимаясь из-за стола и потягиваясь. — Для меня это пустые слова.

— Да-а, — неопределенно протянула в ответ Вирджиния Клэри, проведя пальцами по копне своих черных волос. — Не так-то легко заставить когонибудь заинтересоваться разгорающейся между банками борьбой. Для большинства все это просто скучная канитель. Им даже трудно отличить одну категорию

банков от другой. Правда, им известно кое-что о социализме. Они не знают, что это такое, но в их представлении это действительно что-то похожее на чудовище. Плохо.

Девушка засмеялась и взяла свою сумку. — Ох, не хотела б я быть твоим противником, тебе палец в рот не клади, — сказала она, направляясь к двери. Палмер понял, что не успеет скрыться. Он решительно вздохнул и вошел в комнату.

— Работаете на полторы ставки, да? — проговорил он с улыбкой.

Девушка (Фроули, Роулинс или как ее там зовут) от неожиданности взвизгнула и прижала руки к груди, но, узнав Палмера, с облегчением вздохнула.

— Разве можно так пугать, мистер Палмер, — жалобно сказала она и попыталась улыбнуться ему. — До свидания, — прибавила она и направилась к лифту.

Палмер наблюдал за Вирджинией Клэри, которая не шелохнулась с того момента, как он вошел. Она взглянула на него, но прежде, чем кто-нибудь из них нарушил молчание, раздался отчетливый шелест открывающихся и закрывающихся створок лифта, который как бы перечеркнул все происходившее до этого момента.

Вирджиния провела языком по губам. Палмер отметил, что губы у нее полнее, чем это показалось ему вначале. — Мы не так часто видим вас на наших вечерних сеансах, — сказала она наконец.

— Мне нравится красться по коридорам на цыпочках и подсматривать за сотрудниками, — заявил Палмер.

— А мне вдруг показалось, что вы шпион, подосланный сберегательными банками. Я уже собиралась проглотить капсулу с цианистым калием.

— Это было бы любопытное зрелище.

— Затем я обнаружила, что у вас нет длинной, лохматой бороды, и поняла, что это кто-то из своих.

— Я не проверял этого за последнее время, но полагаю, что все еще работаю здесь. — Он взял в руки восковку, которую мисс Клэри держала в руках, и сказал:— Я произнес блестящую речь на будущей неделе.

Палмер положил восковку на место и посмотрел на мисс Клэри. Стоя вблизи от нее, он заметил, что верхние веки у нее подведены тонкой голубовато-зеленой линией и от внешних уголков глаз расходятся черные, загибающиеся кверху черточки. Палмер никогда не находился на таком близком расстоянии от нее. Колоссальные размеры его кабинета не позволяли приблизиться к кому-нибудь ближе чем на несколько ярдов.

— Разве это вы пишете речи? — спросил он. — Я думал, что такая работа поручается Маку Бернсу.

— Я всегда готовлю проекты выступлений, — ответила она.

— Странно, что он никогда ни слова об этом не говорил, — с улыбкой отметил Палмер. — Полагаю, и ваши и его познания в банковском деле могли бы уместиться на поверхности булавочной головки.

— Допустим. Однако, как говорил Микеланджело или кто-то другой, не надо быть кошкой для того, чтобы нарисовать ее.

— Что-то не похоже на Микеланджело, — сказал он, присел на край стола и окинул взглядом доску, к которой были приколоты вырезки из газет. — Ну, а если б мы работали в другой сфере? Например, изготавливали бы сыворотки, антибиотики и тому подобные штуки? А вы и Мак Бернс, действуя по принципу Микеланджело, совершали бы небольшие фактические ошибки, ну, скажем, ошибки оценочного и аналитического характера? Уж в этом-то случае, наверно, кто-нибудь бы пострадал?

Она не спешила с ответом. Разглядывая ее, Палмер отметил, что волосы ее не только не растрепаны, но весьма искусно уложены в прическу из отдельных прядей и локонов.

— Значит, нам всем посчастливилось, что мы не фармацевты, — сказала она наконец.

— Знаете, у меня создается впечатление, что вы недооцениваете значение банковского дела, — заметил Палмер.

— Вы хотите сказать, что я не вижу романтики в бухгалтерских расчетах и всяких прочих вещах? — спросила мисс Клэри. — Но нельзя же обманывать самих себя: банковское дело не что иное, как предоставление денег займа. Какие бы формы ни принимал этот заем — ипотека, коммерческий кредит, ценные бумаги, управление имуществом, — в конечном итоге все это лишь деньги займа. Весь секрет состоит в том, чтобы прежде всего занять деньги, затем в том, чтобы

потребовать за них как можно больше процентов и обеспечить, чтобы деньги вернулись обратно.

— Совершенно верно. — Палмер встал и направился к доске с вырезками из газет. Некоторое время он делал вид, что внимательно изучает их, хотя даже заголовки сливались у него перед глазами в какие-то бесформенные, тусклые пятна. — Совершенно верно, предоставление денег взаймы, — повторил он. — Однако это не «просто» предоставление денег взаймы.

— Конечно, столь древняя профессия должна быть проникнута мистикой.

— Вы, оказывается, язвительны.

— Слегка, — призналась она и посмотрела на свои часики.

— Простите, я задерживаю вас, — заторопился Палмер.

— Нисколько.

— Однако вы посмотрели на часы.

— Чисто нервное, — сказала она. — Это вы на меня так действуете.

Потому я и съязвила. А кроме того, мне надо успеть разослать эту информацию для прессы.

— А разве это не обязанность Фредди или как его там?

— Все должно быть сдано на почту сегодня. Я всегда полагала, что вы именно потому платите мне втрое больше, чем Фредди, что ожидаете от меня втрое больше работы.

Он развел руки и будто в отчаянии уронил их. — Ваше представление о ваших обязанностях, — сказал он с улыбкой, стараясь не обидеть ее, — можно сравнить лишь с широким объемом ваших познаний в банковском деле.

— Если вы сейчас оставите меня наедине с револьвером, я поступлю так, как повелевает мне долг чести, — заявила мисс Клэри.

Он поморщился. — Это не принесло бы никакого дохода. Мы, ростовщики, любим из всего выжимать наши скромные прибыли.

— Тогда предлагаю перемирие.

— На вечер у меня назначена встреча с Бернсом, а сейчас я, по правде сказать, просто убиваю время, оставшееся до встречи. Думаю обсудить с ним, каких вопросов, по его мнению, мне следует коснуться в моем выступлении.

— Вы, кажется, пытаетесь поссорить меня с ним? — спросила она. — Из этого ничего не выйдет. Я так мало значу, а он — это весомая фигура. Кроме того, насчет социализма была именно его идея.

— Ну, что ж, подобная идея может прийти на ум либо такому человеку, который пренебрегает банковским делом, либо тому, кто абсолютно ничего в нем не смыслит. Она слегка наклонила голову набок и внимательно посмотрела на него.

— Вы очень рассержены, — сказала она, — вы стараетесь быть вежливым и сдержанным, хотя разозлились не на шутку. Он отрицательно мотнул головой.

— Вовсе нет. Ведь еще ничего не произошло. Вы еще не успели разослать информацию, которую завтра утром я должен был бы уничтожить после прочтения.

— Ах, вот оно что, — протянула она. — Теперь до меня дошло: требуется другая информация. — Она села за свободный стол и вправила в машинку лист бумаги. — Диктуйте.

— Я не составляю для вас информации. Вы перепутали обязанности сразу троих людей.

— Троих?

— Да. Я Палмер. И я не пишу информации для прессы. Это ваше дело. Вас зовут Вирджиния, но вы не работаете на ротаторе. Это дело Фредди. Когда вы это постигнете, то поймете, почему они столько платят мне, вам — поменьше, а Фредди зарабатывает в неделю всего семьдесят долларов.

Она некоторое время смотрела на него и вдруг рассмеялась.

— Не хотите ли закурить? — спросила она, подойдя к столу и разыскав под бумагами пачку сигарет.

— Благодарю вас.-Он поднес зажигалку к сигарете мисс Клэри, а затем взял свои сигареты и закурил сам.

— Теперь я знаю все, что касается распределения обязанностей. Расскажите мне и о банковском деле.

— Банковское дело — это дача займы денег. Я полагал, что вам это уже известно.

— Просто дача денег займы, и на этом все кончается?

— Нет, далеко не все. Вот где источник всех ваших заблуждений, — продолжал он. — Нельзя сказать, что мы просто дышим или просто едим. Деньги — необходимая составная часть жизни. Современный человек теперь уже не может жить без денег, как не может жить без воздуха, пищи или воды.

— Вот как! Я потрясена.

— Но не убеждена.

— Нет, я потрясена тем, что вы сами так убеждены.

— Неплохо для начала.

Он поискал глазами пепельницу и нашел ее на столе мисс Клэри среди бумаг, возле телефона, рядом с тремя фотографиями, объединенными в одну оправу. Пожелтевшие фотокарточки были немного старомодны, и по краям расплывались блеклые узоры, напоминавшие старинные виньетки. На одном из снимков была пожилая женщина лет шестидесяти, глаза у нее были еще больше, чем у Вирджинии Клэри. Рядом — фотография молодого человека лет двадцати пяти в форме штурмана ВВС периода второй мировой войны; на третьей был малыш — не то мальчик, не то девочка, во всяком случае прелестный ребенок с тонким овалом лица и огромными глазами.

— Ваша матушка? — спросил Палмер.

— Да.

— А это... брат?

— Муж.-Она на мгновение умолкла, затем добавила:-И дочка. — Снова пауза. — В живых осталась только мама.

Он выпрямился, держа в руках стеклянную пепельницу, затем протянул ее Вирджинии Клэри, и она стряхнула пепел с сигареты.

— Это случилось во время войны. Мы ехали на машине из Лаббока (в штате Техас) в Тонапа, — снова заговорила она тихим безжизненным голосом. — Очень красивая местность на побережье Тихого океана. В нашу машину на полном ходу врезался грузовик... Я понимаю, — поспешно добавила она. — Я все обещаю себе, что приберу эти фотографии дома в какой-нибудь ящик. Я все знаю. — Она взяла пепельницу из рук Палмера и отошла к столу. — Ну, а теперь расскажите все, что мне полагается знать о банковском деле, чтобы восполнить и этот пробел.

Палмер посмотрел на вспыхивающий под пеплом огонек своей сигареты и сказал:

— Если б я мог.

Глядя на мисс Клэри на привычном расстоянии, Палмер снова видел перед собой миниатюрную, привлекательную женщину, изящный винтик в сложной структуре механизма «Юнайтед бэнк». Но разглядывать в лупу отдельные части этого механизма явно не следовало, ибо при этом сущность его обнажалась слишком быстро и обаяние безвозвратно утрачивалось.

Мисс Клэри снова посмотрела на часы.

— Половина восьмого, — объявила она. — Не знаю, на какое время назначена ваша встреча с Маком Бернсом, но, быть может, вы еще успеете пообедать со мной?

Отец не раз твердил Палмеру, что все неприятности происходят от болтливости и что в любых случаях жизни

предпочтительнее всего молчание. А он вот разболтался и в результате попал в затруднительное положение.

— Впрочем, это можно сделать и в другой раз, — быстро добавила мисс Клэри, давая Палмеру возможность с достоинством отступить. — Я уже так давно живу в невежестве, что можно потерпеть еще немного. Палмер отрицательно покачал головой:— Очень сожалею, но мне кажется, что это дело неотложное.

Глава четырнадцатая

Палмер впервые в жизни обедал в ресторане Шраффта. Справившись со своей едой, он откинулся на спинку кресла и молча вздохнул при мысли о том, что миллионы людей изо дня в день довольствуются этой стряпней. Он согласился на предложение мисс Клэри пообедать в этом ресторане по той простой причине, что едва ли мог бы тут встретить кого-нибудь из своих знакомых. Это казалось отличным компромиссным решением. Здесь можно было подкрепиться, не придавая особого значения тому, что они обедают вдвоем.

— Ну и выражение было у вас на лице, — сказала мисс Клэри, когда официантка убрала со стола. — Я ведь вас предупреждала: лучше было бы заказать индейку.

— В соусе из ананасов и орехов? — спросил Палмер с шутливым испугом. — Отец внушал мне, что индейку не едят до Дня благодарения и после рождества. К сожалению, у него не было никаких рекомендаций по поводу куриных отбивных.

Мисс Клэри улыбалась и не спеша пила воду из своего стакана. Неяркое розоватое освещение ресторана приятно скрадывало глубокие тени у нее под глазами.

Мисс Клэри нельзя назвать красавицей, решил про себя Палмер, но она определенно хороша, очень хороша. У нее прекрасная фигура, тонкое лицо, огромные глаза.

— Вы уже в третий раз ссылаетесь на своего отца, — заметила она.

— В свое время он любил придумывать всякие изречения, но, может быть, это скучно и я должен извиниться?

— Нет, это немного старомодно и очаровательно, — ответила она. — В Нью-Йорке редко встретишь человека, который еще не научился ненавидеть своих родителей.

— А вот у вас на столе фотография матери.

— Она живет со мной. Или, вернее, наоборот. Трудно сказать. Но это вовсе не значит, что мы обожаем друг друга. Нельзя отставать от века.

— Да, конечно.

— У нас с ней вроде вооруженного перемирия. Она никак не может простить мне, что я пошла работать в банк.

— Откуда такое предубеждение?

— Банк описал наш дом в Холлисе в тысяча девятьсот... тридцать первом году.

— И этого она не может простить?

— Вы бы тоже не могли, если б ваш дом был вам так же дорог, как моим родителям. Большую часть жизни мы прожили в районе Иорквилла, в той части, которую теперь называют испанским Гарлемом. В день, когда отец внес первый взнос за особняк в Холлисе... в доме пели аллилуйю. И когда, всего лишь три года спустя, пришлось... — Тут голос мисс Клэри осекся. — Но, — продолжала она, взяв себя в руки, — в тысяча девятьсот тридцать первом году многие оказались в таком же положении, как и мы. Почти все дома, принадлежавшие нашим соседям, тоже были опечатаны.

— Да, это был тяжелый год, — сказал Палмер.

— А что случилось у вас в том году? — спросила она.

Палмер пожал плечами:— Да ничего особенного. Кажется, это был мой первый год в колледже. В общем, я был хорошо защищен от внешнего мира.

— Вы окончили колледж в 1934 году?

— Да, это был также знаменательный год.

— И я кончала в 1934 году колледж Барнарда, — сказала мисс Клэри.

Брови Палмера в изумлении приподнялись, затем медленно вернулись на свое место. Он подумал, не заметила ли она его удивления, потом решил, что, несомненно, заметила, а зачем ему вообще скрывать от нее свое удивление?

— Никогда не подумал бы, — сказал он. — Вы выглядите моложе.

— Во всяком случае, я на несколько лет моложе вас, — сказала она. — Я окончила школу Хоули Нэйм раньше своего класса, когда мне было только четырнадцать, и получила стипендию для продолжения учебы в Меримаунт. Но родителям было не по средствам платить за мое содержание в другом городе. А мать и слышать не хотела о колледже, где юноши и девушки учатся вместе. Я уже готовилась в нью-йоркский колледж Хантера, и вдруг благодаря Пэдди Калхэйну мне удалось поступить в колледж Бернарда.

Палмер слегка подался вперед:— Это имя мне что-то знакомо.

— Он был когда-то капитаном полиции у нас в Гарлеме.

— А он не родственник Вику Калхэйну?

Мисс Клэри посмотрела на него с удивлением и сказала:

— Это его отец.

— А вы знакомы с Виком Калхэйном?

— Конечно. Он тоже учился в Хоули Нэйм в отделении для мальчиков.

— А с тех пор вы с ним виделись?

Она нахмурилась:— Да, и не раз. Вы же знаете, что я работала в газете.

Вам это не нравится?

Палмер отрицательно покачал головой. — Нет, что вы. Скорее наоборот. Мисс Клэри некоторое время смотрела на него, затем откинулась в кресле и сложила руки на коленях. — Во всяком случае, на этом кончается вся история Вирджинии Клэри. Могу еще добавить, что все свободное время я посвящаю тому, чтобы излечить маму от слепой ненависти к банкам.

— Вы могли бы скрыть от нее, что работаете у нас в банке, сказали бы, например, что работаете в доме с сомнительной репутацией.

— Я думала об этом, — ответила она. — Но в таком случае она стала бы требовать, чтобы я каждое утро ходила слушать мессу. Сейчас все же легче. В этот момент подошла официантка и бросила на столик меню:

— Что вам на десерт?

— Только кофе, — сказала Вирджиния Клэри.

— Мне тоже, — добавил Палмер.

— Но ведь десерт входит в стоимость обеда, — напомнила официантка Палмеру.

— Знаю, — ответил он.

— На десерт можно заказать ежевичный сироп, пюре из персиков, малину с куманикой, чернику под винным соусом.

— Только кофе, пожалуйста.

— Слушаю, сэр.

Они сидели молча, пока возле них крутилась официантка. Когда она ушла, Вирджиния сказала:— А ведь зря говорят, что перед тем, как подать какое-нибудь блюдо, его обрабатывают оксидолом.

— Хорошо, что вы в этом уверены, — сказал Палмер и, предложив ей закурить, поднес к ее сигарете зажигалку. — А вам часто приходится здесь обедать?

— Почти каждый день, — ответила она, глядя на свою сигарету. — Это рядом, здесь быстро обслуживают, к тому же чисто и еда вполне приличная, во всяком случае то, что они подают к ленчу. Это все же лучше, чем жевать бутерброды всухомятку в оффисе, за письменным столом. — Мисс Клэри глубоко затянулась сигаретой. — Мать настаивает, чтобы я не ела на работе.

— Помнится, у моего отца было тоже какое-то изречение по этому поводу.

— Да, у вашего отца были изречения на все случаи жизни. Мне все время приходится напоминать себе о том, что вы банкир второго поколения.

— Не второго, а третьего: банк был основан еще моим дедом.

— Никто тут не понимал, почему выбор пал именно на вас. Можно было назначить кого-нибудь из нью-йоркских банковских работников, которые хорошо разбираются в здешней обстановке. Только теперь для меня стал ясен смысл этого назначения.

— Обычно, — сказал Палмер, — на этот пост назначают старшего партнера в юридической фирме, представляющей интересы банка. Будущее нашей планеты принадлежит юристам.

— Вы считаете, что выбор сделан вопреки традициям? — Она на мгновение задумалась, затем продолжала:— Сомневаюсь. Мне кажется, что им был нужен человек с врожденной склонностью к банковскому делу.

— Наверное, мне следует принять это как комплимент с вашей стороны, — вздохнул Палмер. — Видите ли, в связи с моим назначением в «Юнайтед бэнк» возникло еще множество всяких вопросов, по поводу которых я пока не получил удовлетворительного разъяснения.

— Каких же именно?

Палмер медленно пожал плечами. — Это вопросы чисто технического характера, — уклончиво ответил он, не желая вступать в дальнейшее обсуждение, и подумал о том, как, в сущности, легко переступить границы легкой беседы за обеденным столом с приятной собеседницей и пуститься в неуместные откровенности. Он взглянул на Вирджинию Клэри. Вот она-то не очень откровенничает. Как видно, слишком умна для этого.

— Если бы вы...— начала было мисс Клэри.

— Кстати, не следует забывать, — прервал ее Палмер, твердо решивший не возвращаться к прежней теме, — что мы еще не сделали ни шага, чтобы восполнить пробел в ваших познаниях в банковском деле.

Мисс Клэри с притворно скорбной миной широко раскрыла глаза.

— Я начинаю чувствовать себя ужасным бременем для фирмы.

— Утешьтесь тем, что вы разбираетесь в этом деле, наверно, лучше, чем большинство людей, работающих в нашем банке.

— Я разбираюсь в процентах, личных займах, в вопросах, связанных с амортизацией и Федеральной резервной системой, — отбарабанила Вирджиния Клэри. — Чего же я тогда не знаю?

— У вас нет ясного представления о так называемой общей схеме. К столику подошла официантка и подала им кофе. Палмер наблюдал, как Вирджиния налила сливок, положила сахар и стала медленно помешивать ложечкой кофе в своей чашке.

— Я уже упомянул о том, — продолжал Палмер, — что в жизни современного человека деньги приобретают такое же значение, как воздух и пища. Это основа, которую вы должны хорошо усвоить.

— Поверьте, нет необходимости объяснять мне, какое значение имеют деньги.

— Давайте назовем это значением денежной системы, как таковой, — поправился он. — Правда, на

земле все еще сохранились места, где можно выменять дюжину стальных наконечников для копий на кусок вяленой говядины, однако проблемы истории и прогресса решаются не там.

— Ах да, эти несчастные народы, живущие меновой торговлей, они все еще не обзавелись атомной бомбой или межпланетными ракетами. Палмер покосился на мисс Клэри:— Вы, кажется, опять хотите отделаться шутками?

— Простите, эта привычка передалась мне от мамы. Нет, я действительно хочу понять то, о чем вы говорите.

— Отлично. — Отхлебнув немного из своей чашки, Палмер решил, что кофе действительно хороший. — Итак, по мере того как совершенствуется организация общества, деньги становятся все более решающим фактором. В конечном счете мы достигаем той стадии развития, на которой находимся теперь. На деньги человек приобретает еду и одежду, лечится, когда заболевает, оплачивает жилье, образование, отдых — словом, все, что нужно для жизни. Без денег человеку нельзя даже с достоинством умереть, разве если он захочет попасть на свалку или кладбище нищих — на Поттерс Филд. Короче говоря, человек без денег не может ни жить, ни умереть пристойно.

— По-вашему, так и должно быть? — Пожалуй, нет, — ответил Палмер. — Но мы не философы, мы банкиры. Мы организуем снабжение, хранение, контроль и определяем значение самого ценного имущества — денег.

— Вы считаете, что деньги — это самое ценное?

— А что, по-вашему, ценнее?

— А здоровье?

— Его сохраняют или восстанавливают при помощи денег.

— Понятно. Ну, а мм... любовь, ненависть тоже приобретают за деньги?

Палмер так резко наклонился, что его локти легли на стол.

— Постарайтесь уяснить себе, что мы с вами сейчас не занимаемся философскими исследованиями. Можно прожить без любви или ненависти. Без друзей. Не удовлетворяя своих желаний. Но человек не может прожить без денег.

— Но это всего лишь один из аспектов жизни, — возразила она.

— Да, тот аспект, который решает: жить или умереть.

— Пусть так, но я настаиваю, чтобы в протоколе этой беседы было отмечено, что деньги лишь в материальной сфере являются самым важным фактором.

— Согласен, — сказал Палмер.

Мисс Клэри внимательно посмотрела на него:— Вы лишь снисходите к тому, что я говорю. А сами не допускаете и мысли, что в жизни могут быть какие-то другие сферы, кроме материальной.

— Во всяком случае, они не служат целям нашей беседы.

Мисс Клэри с грустью покачала головой:

— Вас трудно поймать на слове. Мне бы не хотелось брать у вас интервью для газеты. — Однако, взглянув

снова на Палмера, она сдалась. — Ну, хорошо, — сказала она. — Мы банкиры. Нас интересует лишь материальная сфера жизни. Продолжайте, пожалуйста.

Он отпил еще немного кофе из своей чашки и откинулся на спинку кресла.

— Что происходит с деньгами в банках? Мы храним их в специальных сейфах, откуда их почти невозможно похитить. Затем мы превращаем капиталы в ценные бумаги, акции, закладные, в займы для предприятий и отдельных лиц. Мы производим трансакции, мы направляем деньги по определенному руслу. Короче говоря, именно мы определяем то, что делается при помощи денег. Мы придаем деньгам осязаемую форму, и мы учим их производить определенные действия. В конечном итоге можно сказать, что мы являемся творцами денег.

— Творцами денег? Что же мы для этого делаем? Печатаем их?

— Почти так, — ответил он.

— А разве это законно?

— Абсолютно законно, — заверил ее Палмер. — Как Федеральный резервный банк, мы из чистого воздуха делаем один новенький доллар на каждые четыре получаемых нами доллара.

— А разве это хорошо?

В ответ Палмер стукнул рукою по поручню кресла:

— Перестаньте задавать философские вопросы. Вероятно, это самое худшее из того, что могло случиться в США, и наши правнуки еще дорого за это заплатят. Но на данном этапе именно деньги выручают нас.

— Другими словами, мы взяли на себя ответственность печатать деньги без надлежащего обеспечения, — сказала мисс Клэри.

— Иными словами, мы способствуем инфляции, — ответил Палмер. — Однако американский народ сам стремится к инфляции,

— Вы сами не верите тому, что говорите, — возразила она.

— При чем тут вера? Это же реальный факт. Люди хотят иметь всякие диковинные штуки, вроде цветного телевидения с экраном в 21 дюйм, холодильники с двумя дверцами, сверхмощные автомашины. Они не хотят дожидаться того времени, когда у них наберется необходимая сумма денег. Словно маленьким детям, подавай им все это немедленно. Ну, ладно, за каждым автомобилем и телевизором стоит человек, готовый продать все это в кредит. Но он не может ждать тридцать шесть месяцев, пока ему заплатят. Продавая, он хочет, чтобы ему тут же уплатили. Тут к его услугам какая-нибудь финансовая компания, корпорация или агент. Они выплачивают ему деньги, их же услуги оплачиваются за счет потребителя, получающего товар. Однако этим компаниям также нужно срочно доставать где-то деньги. Откуда же их берут? Большинство из них не имеет достаточно денег на то, чтобы предоставлять их с большой рассрочкой, поэтому они обращаются в банки, которые готовы непрерывно снабжать их деньгами, пока наконец не иссякнет денежный запас. Просто удивительно, откуда только берется этот нескончаемый денежный запас. Вы-то отлично знаете откуда. Из цеха, где стоят печатные станки. — Палмер остановился, внезапно почувствовав, что его голос зазвучал слишком

громко и привлек внимание человека, сидевшего через два столика от них. В наступившей тишине Палмер ткнул свою сигарету в пепельницу, с удивлением спрашивая себя, что это он так разволновался.

— Вы заговорили уже почти как философ, — сказала Вирджиния Клэри.

— Да, у меня есть своя философия в отношении денег, — согласился Палмер. — Она весьма архаична, и если бы ее провести в жизнь, то она, вероятно, разорила бы всю страну в течение какой-нибудь недели. Такова точка зрения банкира на деньги, имеющая в своей основе многовековую историю банковского дела.

Мисс Клэри слегка наклонила голову и пытливо посмотрела на него:

— Раскройте мне вашу разорительную философию.

Палмер отрывисто засмеялся, но смех у него прозвучал невесело.

— Не трать того, что не имеешь, — сказал он. — Это так ясно и вместе с тем так трудно, просто невозможно. — Палмер уперся ладонями в край доски разделявшего их столика, будто хотел его оттолкнуть.

— Когда увидишь красивую вещь, побори в себе желание тут же приобрести ее. Сначала накопи деньги для нее, потом и покупай, возможно, что к тому времени у тебя пройдет желание ее иметь.

Ее широкие брови болезненно наморщились. — Ох, это ужасно вести такой ограниченный образ жизни, — проговорила она.

Палмер пожал плечами:— Да, если под словом 'ограниченный' вы подразумеваете дисциплинированный.

— Дисциплинированный? Неужели это звучит сколько-нибудь лучше? — Она покачала головой:— Нет, по-моему, такая жизнь уныла, беспросветна, холодна. Без событий, без волнений.

— Зато и без неразрешимых проблем и кризисов.

— Вот видите? Это же вообще не жизнь, а прелюдия смерти.

— Вздор.

— А что такое жизнь? Проблемы, трудности, и вдруг встречаешь на своем пути что-то прекрасное, и тебе хочется это получить. Ты исполняешь свое желание, а расплачиваешься потом.

— О чьей это жизни мы сейчас говорим? — поинтересовался Палмер.

Она снова нахмурилась:— Да-а. Вы правы. Не все хотят так жить. Я забыла об этом.

И оба они замолчали. Заметив вдруг свои поднятые ладони, Палмер поспешил их опустить, ощутил прохладную поверхность стола и с удивлением почувствовал, что ладони у него влажные.

— Во всяком случае, — заговорил он снова, — чью бы жизнь мы тут ни обсуждали, философия эта все-таки моя.

Глаза мисс Клэри раскрылись еще шире, казалось, она пытается сделать глубокий вдох.

— Вы уж меня извините, но это философия человека, который никогда не испытывал недостатка в деньгах, — проговорила она.

Несколько мгновений Палмер сидел неподвижно, потом убрал руки со стола и положил их на колени.

— Наверно, вы правы, — ответил он равнодушным, как ему показалось, голосом. — Мысль о том, что следует подавлять свои желания, легко приходит на ум тем, у кого никогда не было необходимости это делать.

Мисс Клэри поглядела на стол, где только что лежали руки Палмера. — Но я вовсе не хотела этим сказать, — медленно заговорила она, — что те, у кого есть деньги, могут автоматически удовлетворять любое свое желание. Нет вещи, которая не продавалась бы за деньги. Наверное, все продается. Но далеко не всегда бываешь удовлетворен тем, что купил. Бывает, что приобретешь желаемую вещь, вот она уже в твоих руках, и тут ты обнаруживаешь, что это вовсе не то, что ты увидел на витрине.

— Вы уж меня извините, — насмешливо повторил Палмер ее замечание, — но это философия человека, увязшего в дебрях мистики.

— Да, — согласилась мисс Клэри. — Ведь я происхожу от кельтов, я и ворожить умею и по картам гадаю. Могу даже ведьмой стать, если постараюсь, стоит мне сгорбиться как следует.

— Интересно. Нам, наверно, тогда придется установить вам двойной оклад для того, чтобы вы остались на нашей стороне. Мисс Клэри раскрыла свою сумочку и пошарила в ней. — А что вы называете «нашей стороной»?

— Сигарету? — предложил Палмер, и она утвердительно кивнула. — Это просто образное выражение, не больше...

— Нет, это больше, чем просто образное выражение, — возразила она, прикуривая от его зажигалки. — Мистер Бэркхардт придает словам «на нашей стороне» такой смысл, будто мы находимся с кем-то в состоянии войны.

— Если вы имеете в виду сберегательные банки, тогда, пожалуй, так оно и есть.

— Однако согласитесь, это же бессмыслица. Все равно все это банки. Некоторые из руководителей сберегательных банков значатся в составе нашей дирекции, и наоборот. Сберегательные банки прибегают к услугам нашего банка как банка-корреспондента. Мы продаем им закладные. Да и вообще все мы занимаемся одними и теми же банковскими операциями. И вдруг оказывается, что существует две стороны: наша и их. Почему так получилось?

— А вам известно, в чем разница между коммерческим и сберегательным банком?

Мисс Клэри молча кивнула головой, выпустила изо рта колечко дыма и деловито отогнала его рукой, как бы отметая тем самым вопрос Палмера. — Они не могут предоставлять кредитов коммерческим предприятиям.

— Это лишь косвенный результат другого, более существенного отличия.

— А именно?

— Придется сделать экскурс в далекое прошлое. Началось это еще в первые десятилетия девятнадцатого века. В те времена у бедняков было только две возможности: либо прятать свои сбережения под матрасом, либо тратить их. Так как первое было очень

ненадежно, они предпочитали тратить свои несчастные медяки на виски, чтобы хоть на время забыть о нужде.

— Ах, я хорошо знаю это чувство!

— Святые отцы, опекающие бедняков, пришли в ужас: началось поголовное пьянство, — продолжал Палмер. — Вот тогда и решили воспользоваться идеей, возникшей у шотландских школьных учителей, священников, проповедников и реформаторов... принялись организовывать сберегательные банки, чтобы принимать на хранение любые денежные вклады бедняков.

— Какое коварство!

— Просто ужасно. Обычно банки того времени имели дело только со вкладами крупных предприятий или с недвижимым имуществом состоятельных людей. А сберегательные банки не гнушались даже каким-нибудь центом в неделю и принимали любую сумму, какую мог отложить бедняк из своего заработка. Но самое коварное заключалось в том, что эти медяки пускались в оборот, а вкладчикам в качестве поощрения выплачивались проценты.

— Преступление!

— Подождите, самое худшее еще впереди.

— Что может быть хуже?

— А вот что: сберегательные банки превратились в общества взаимного кредита. Никаких держателей акций. Банки стали собственностью вкладчиков. Вся прибыль с оборота доставалась непосредственно тем самым людям, которые вкладывали туда свои медяки.

— Ну, это уже почти социализм!

— Так оно и есть, — подтвердил Палмер. — Только дело в том, что Карлу Марксу исполнилось всего восемь лет, когда шотландскому священнику пришла в голову эта дикая мысль.

— О-о!

— Во всяком случае, банковские деятели из системы сберегательных банков действовали весьма последовательно. Обычно они помещали вклады своих клиентов в государственные акции. Очень патриотично и к тому же вполне надежно. Почти все эти банки избежали банкротства, чего никак нельзя сказать о... ну, словом, время шло, а все оставалось по-прежнему.

— И так продолжалось целое столетие?

— Больше чем столетие. Затем у работающих по найму появились всякие новшества: профессиональные союзы, страхование на случай болезней или по старости, страхование жизни, пособия по безработице, пенсии, — словом, все эти штуки. Тут уж коммерческие банки перестали чваниться. Они решили принимать любые сбережения рабочего. Он стал желанным гостем банка независимо от того, работает он или нет, здоров или болен, а если он умирал, семья его также пользовалась услугами банка.

— А какое это имеет отношение к сберегательным банкам?

— В том-то и дело, что никакого. Сберегательные банки изжили себя. Теперь они больше никому не нужны.

— Ах, как грустно, — усмехнулась мисс Клэри. — Неужели это так?

— Серьезно. Что они могут предоставить клиенту такого, чего он не может получить из перечисленных выше источников?

— Но это так прискорбно! Что же теперь делать святым отцам и благодетелям?

— Я не стал бы всего этого вам рассказывать, если б знал, что вы снова начнете подшучивать.

— Нет, нет, я больше не буду, — сказала она. — Видите, вот я уже и исправилась. Скажите, кто-нибудь говорил об этом с представителями сберегательных банков? Ведь они все еще уверены, что делают полезное дело. Палмер криво усмехнулся:— В том-то вся загвоздка.

— Значит, никто с ними серьезно не говорил?

— Послушайте, что произошло, — сказал Палмер. — Эти святые отцы бросили в почву семя. Из него выросло большое дерево, но оно уже никому не нужно, хоть и продолжает расти. Сберегательные банки дают работу десяткам тысяч банковских служащих, начиная от директоров и кончая простыми клерками. Правда, держателей акций по-прежнему нет, но весь этот могучий бюрократический аппарат заинтересован в том, чтобы система сберегательных банков продолжала существовать и процветала.

— Ну а почему бы, собственно говоря, не оставить их в покое? Ведь многим людям нравится хранить свои деньги в сберегательных банках, — заметила мисс Клэри.

— Я объясню вам почему, — сказал Палмер. — Дерево это все растет и крепнет, оно пустило глубокие корни, эти корни широко разветвляются во все стороны и

поглощают питательные соки из почвы, на которой произрастаем мы. Теперь вам ясно?

— Да. Сразу все стало ясно, — ответила мисс Клэри. Она погасила свою сигарету и откинулась на спинку кресла. Затем, устало глядя на него из-под полуопущенных длинных ресниц, спросила:— Что же вы теперь намерены делать с этим деревом?

Палмер посмотрел на стол и ответил:— Срубить его... под корень. Оттянув немного рукав на левом запястье, Вирджиния Клэри посмотрела на свои часики и очень спокойным, вежливым тоном проговорила:— Не позвонить ли вам сейчас Маку Бернсу?

Палмер удивленно наморщил лоб:— Я... а разве так поздно? — Взглянув на свои часы, он обнаружил, что уже десятый час, и сказал:— Да, вы правы. Они еще немного посидели молча за столиком, глядя друг на друга. Палмер пытался вспомнить, что именно из того, что он сказал, могло вызвать такое охлаждение. Однако время шло, он ведь должен еще повидать Бернса. И потом, в конце концов, какое ему дело до того, как воспримет Вирджиния Клэри его объяснения?

Глава пятнадцатая

Эдис Палмер откинула длинный широкий рукав голубого пеньюара и взглянула на свои часики на левом запястье. Что-то в ее движении привлекло внимание Палмера. Отставив чашку с кофе, он стал следить за игрой утренних солнечных лучей, золотивших тонкие волоски на руке Эдис, но тут же, поняв, почему его внимание привлек этот жест жены, Палмер откашлялся и спросил:

— Уже восемь тридцать?

— Да, почти. Слушай, Вудс, удели мне, пожалуйста, пять или десять минут.

— А машина уже ждет?

— Ждет, конечно. Ну опоздаешь на пять или десять минут. — Она глянула на него с плохо скрытым раздражением. — Или, наконец, можешь сказать шоферу, чтобы он ехал побыстрее.

Палмер допил кофе и поднес к губам салфетку. — А если нас оштрафуют за превышение скорости, — сказал он, подражая ее манере говорить, но так, чтобы она этого не заметила, — то Мак Бернс все для меня уладит.

Эдис нахмурилась,

— Всего каких-нибудь пять или десять минут, — упрямо повторила она.

— Ладно.

Эдис встала и повела его в комнату, служившую то ли библиотекой, то ли рабочим кабинетом, специально отведенным для них администрацией гостиницы. Сейчас

комната была заставлена упакованными картинами и деревянными ящиками, в которых находилась коллекция редких книг, собранная еще его отцом. Как всегда, Палмер поморщился при виде беспорядка, напоминавшего о неудобствах их временного жилья.

— Ну, что?

— Вот взгляни. — Эдис подошла к письменному столу, стоявшему боком у окна, и стала разворачивать чертеж. Калька торжественно зашуршала, как пергаментный свиток. — Мне надо обсудить с тобой проект третьего этажа.

— Что ж тут обсуждать? Я голосую за.

Эдис на мгновение прикрыла глаза.

— Вудс, пожалуйста, не начинай с утра свои шутки.

Ее длинный указательный палец с розовым отполированным ногтем коснулся той части чертежа, где было написано: кабинет, и она взглянула на мужа.

— Это кабинет для тебя, — сказала она. — Мне важно знать, где ты хотел бы поставить письменный стол, книжные полки и все остальное. Глядя на чертеж через плечо жены, Палмер довольно легко определил, что помещение квадратное и одна стена длиной примерно 14 футов целиком отведена под книжные полки. — А письменный стол надо поставить у противоположной стены, — сказал он.

— Как бы ты хотел сидеть за столом, когда будешь работать, спиной к стене или наоборот? — спросила Эдис.

— А чем, собственно, я буду здесь заниматься?

Эдис пожала плечами:— Не имею ни малейшего представления, дорогой. Знаю только, что в Чикаго у тебя был кабинет, и могу поклясться, он будет у тебя и в Нью-Йорке.

— Эдис, какую роль я должен буду играть здесь? Добродушного старого банкира в семейном окружении? Или энергичного молодого финансового магната?

— Вся беда в том, — прервала его Эдис, — что если мы вмонтируем его с той стороны, то не получится освещения, нужного тебе для работы. Свет из окон будет бить тебе прямо в глаза.

— Эдис, — резко возразил Палмер. — Едва ли это имеет значение. Сначала следует ответить на вопрос, зачем мне вообще этот кабинет? Может быть, я буду сидеть здесь лишь иногда, и то по вечерам.

— Да, правильно, — ответила она и повернулась в его сторону. — Ну, так как же?

— Ты снова спрашиваешь меня? Мне казалось, что это я задал тебе вопрос.

Несколько мгновений она молча наблюдала за ним с присущим ей видом, будто знала не только то, что у него на уме, но и вообще все, что делается на свете.

— Разумеется, — проговорила она наконец, — дети тоже время от времени будут пользоваться этой комнатой. Ведь все справочники будут здесь.

— Ну вот, теперь мы уже сделали какой-то шаг вперед. Это мой кабинет, но и дети будут пользоваться им время от времени.

— Может быть, даже каждый день. Не забывай, что здесь у нас будут энциклопедии, словари, все книги по

экономическим вопросам и банковскому делу и...— Она замолчала и снова посмотрела на него. — Что еще хотел бы ты поставить сюда? Справочник Поулка? Биографический справочник? Сборник цитат? Бартлетта?

Палмер смахнул с чертежа пыль и присел на край стола. — О господи, для чего мне вдруг понадобился Бартлетт? — недоуменно спросил он.

— Для твоих выступлений, к которым ты теперь должен готовиться.

— Я сам их не готовлю.

Некоторое время она стояла, опустив глаза, словно разглядывая паркет. Потом медленно подняла голову и в упор посмотрела своими светло-кариими глазами в глаза Палмеру. На этот раз ее взгляд был не всеведущим, а удивленным.

— Как, разве ты не сам их пишешь?

— Целый отряд писак работает над ними.

— Кто же? — удивилась Эдис.

— Кто? — словно эхо повторил Палмер. — Ну, служащие банка, сотрудники Бернса. Многих из них я даже не знаю.

Почувствовав в своем признании что-то неладное, Палмер встал и направился к двери, бросив на ходу:— Твои пять или десять минут истекли, Эдис.

— Да, я знаю. — Она продолжала пристально смотреть на него. — Вудс!

— Да?

— Скажи мне: если ты сам не пишешь свои речи, то что же ты делаешь в банке целыми днями?

Палмер сделал нетерпеливый жест и сам был поражен тем, как открыто прорвалось у него раздражение и желание опередить ее и самому нанести первый удар, чувствуя, что она готовится к нападению...

— Ну, что за дурацкий вопрос, — проговорил он.

— Да, конечно. Но ты взял за правило почти ничего не говорить мне, и это ставит меня в дурацкое положение.

— Я не заставлял тебя...

— Вот как с этим кабинетом, — быстро продолжала она. — Получилось довольно глупо, не правда ли? Но будь на моем месте архитектор или декоратор, ты бы счел своим долгом все им объяснить. Может быть, для тебя будет лучше, если я устроюсь от дел, связанных с перестройкой и отделкой дома, и всем этим займутся специалисты? Может быть, для них ты найдешь время, которого не можешь выкроить для меня, и дашь им необходимые указания. Затем я смогу выпросить обо всем у них. Так по крайней мере я буду знать, что ты...— Она внезапно умолкла, закусив нижнюю губу словно для того, чтобы не прорвались еще какие-то слова.

В следующее мгновение она снова склонилась над чертежом.

— Машина ждет тебя внизу, — сказала она своим обычным спокойным тоном. — Уже без двадцати девять.

— Да, — ответил он, не двигаясь с места. — Послушай, мне, право, жаль, что я огорчил тебя. Но твой вопрос действительно был каким-то чересчур уж наивным, черт побери.

— Какой вопрос?

— Относительно того, чем я занят весь день в банке.

— Я не сомневаюсь, что ты много работаешь, — сказала она все тем же спокойным и рассудительным голосом. — Мне не следовало задавать тебе такой вопрос, это несправедливо.

— О нет, вполне справедливо, — ответил он с оттенком горечи и повернулся к двери. — Я позвоню тебе после ленча и сообщу, что у меня намечено на сегодня.

— Не забудь, что мы обедаем у Грэмов, — напомнила она ему, когда он уже выходил из комнаты.

— Хорошо.

— Вудс! — крикнула она ему вдогонку.

— Да? — Он остановился у порога.

— Когда надумаешь, объясни мне все-таки, что ты делаешь в банке. Палмер хлопнул дверью. Не так громко, как ему хотелось бы, чтобы не привлечь внимание персонала гостиницы. Но достаточно громко для того, чтобы Эдис поняла, что на этот раз она попала не в бровь, а в глаз.

Глава шестнадцатая

Стоя у огромного окна своего кабинета, Палмер смотрел на бурые и красные листья на деревьях Сентрал-парка. Перемена произошла в самые последние дни, еще совсем недавно сочная зеленая листва, трепетно сиявшая под солнечными лучами, за одну ночь вдруг померкла, будто покрылась слоем серой пыли. Казалось, что сам город — его духота, дым и копоть — одержал верх над буйной природой, которой пришлось отступить после упорной борьбы, продолжавшейся все лето.

Раздался приглушенный сигнал интеркома, и Палмер обернулся к столу, находящемуся в противоположном углу огромного кабинета. Неохотно отходя от окна, Палмер в отместку нарушителям его покоя очень медленно подошел к столу, чтобы нажать горевшую зеленым огоньком кнопку «скртр».

— Да?

— Мисс Клэри хотела бы видеть вас, мистер Палмер.

— Хорошо, пусть войдет.

Палмер присел на край стола. Мисс Клэри переступила порог его кабинета, как обычно оставив за собой непритворенную дверь. Сегодня на ней было темно-красное платье из мягкого джерси, подчеркивающее ее тонкую талию и линию бедер.

— Я принесла материал, который вы хотели получить, — сказала мисс Клэри. Лицо у нее будто застыло под его испытующим взглядом. Он продолжал внимательно смотреть на нее.

— Доброе утро, — проговорил он, не сразу вспомнив, о чем идет речь. — Какой материал? Ах да.

Палмер встал, подошел к двери и решительно закрыл ее.

— Вы проделали это без огласки? — спросил он ее, возвращаясь к столу и садясь в кресло.

— Разумеется. Мне помог достать этот материал один мой старый приятель из редакции «Стар».

Мисс Клэри передала Палмеру папку, затем села и хотела было положить ногу на ногу, но передумала и решительно погрузила каблуки в густой ворс ковра.

Палмер перелистал содержимое папки и нашел в ней солидную пачку электростатических отпечатков; черные странички охватывали по крайней мере лет пятьдесят из жизни и деятельности Джо Лумиса. — А вы сами просматривали эти материалы? — спросил Палмер.

— Я проверяла их хронологическую последовательность, — ответила она. Палмер слегка приподнял брови. Мисс Клэри вела себя сегодня подчеркнуто официально, словно хотела искупить вину за их вчерашний неофициальный обед.

— Читали что-нибудь из этого? — снова спросил Палмер.

— Только материалы, касающиеся его деловых связей, — ответила она, сопровождая свой ответ скупым движением руки в отличие от свойственной ей непринужденной жестикуляции. — Я обобщила все это и отпечатала на листке, который подколот к папке.

— Отлично.

— Компании, помеченные звездочками, — это предприятия, в которых Лумис более не заинтересован, и фирмы, которые обанкротились или слились с другими, а также те фирмы, в которых он отказался занимать активный руководящий пост.

— Очень хорошо, — ответил Палмер.

— Если вы просмотрите этот листок, то убедитесь, что в настоящее время Лумис очень пассивен, хотя это вовсе несвойственно ему. У него сейчас всего лишь около дюжины серьезных деловых обязательств.

— А он одинаково активно участвует в деятельности всех двенадцати? — спросил Палмер.

Мисс Клэри отрицательно покачала головой. — Насколько известно моему приятелю, и я это проверила по другим источникам, мистер Лумис в основном сосредоточил свое внимание на деятельности «Джет-Тех интернешнл».

Палмер понимающе кивнул головой:

— Посвятить себя «Джет-Тех» — это все равно что играть в ручной мяч с осьминогом.

Вирджиния Клэри слегка подняла подбородок, как бы указывая на лежащие перед Палмером документы.

— Если вы просмотрите второй листок, то найдете в нем полный список всех ее филиалов, отделений, дочерних и связанных с ней предприятий, а также фирм, в которых «Джет-Тех» имеет пакет акций.

Палмер положил папку перед собой на стол и, глядя внимательно на Вирджинию Клэри, сказал:

— Должен признаться, что я только теперь по-настоящему оценил подлинное значение слова «компетентность».

— Благодарю, — коротко отозвалась мисс Клэри.

— В конце концов это даже не входит в круг ваших непосредственных обязанностей, — продолжал Палмер, — я имею в виду, что подготовленный вами материал мне следовало бы запросить через наш отдел кредитов.

— Да, если вы предпочтете потратить на это месяца полтора, — заметила она.

Впервые за все утро они улыбнулись друг другу. — Но я должен позвонить Лумису сегодня, а не через полтора месяца, — сказал Палмер и стал просматривать лежащий у него на столе отпечатанный на машинке перечень фирм.

— Некоторые из них мне совсем не известны.

— Я тоже не все знаю, но...

Палмер читал про себя названия фирм.

— Уилмингтонская корпорация «Джет-Тех индастриз» — это и есть их центр?

— Насколько я могу судить, да.

— Следовательно, «Джет-Тех интернешнл» — это ответвление, которое полностью принадлежит ей... — размышлял вслух Палмер. — Так что же, оно само контролирует корпорацию «Хай траст мэнюфэкчеринг», то есть компанию по изготовлению ракетных двигателей? А компания «Консолидэйтед энеджи»? Что они изготавливают?

— Высокооктановые смеси, — пояснила мисс Клэри. — Твердое горючее, жидкий кислород, батареи. Есть также продукция, рассчитанная на широкого потребителя: батарейки для фонариков и автомобильные аккумуляторы.

— Милое сочетание, — сказал Палмер, — «Консолидэйтед» дает горючее ракетам «Хай траст». И тут еще одно ответвление, изготавливающее микрореле. А что еще они производят?

— Транзисторы, диоды, выпрямители, конденсаторы, сопротивления и печатные схемы.

— Еще одно хорошенькое сочетание, — сказал Палмер. — Они ведь сотрудничают с концерном по автоматике. Мне приходилось вести дела с ними. У них широкий объем производства вычислительных машин и испытательного оборудования.

Палмер продолжал просматривать список. — А вот этот филиал, — сказал он, — производит пишущие и счетные машины. У них также сильные позиции в заграничных фирмах — в Германии и Италии, производящих электронно-вычислительную аппаратуру.

— Им принадлежит примерно сорок пять процентов акций компании, производящей торговые автоматы, которая в настоящее время приступила к производству автоматического оборудования для атомных реакторов.

— Вот мы и добрались до фирмы, которая занимается только атомными делами, — подхватил Палмер. — Деятельностью этой фирмы руководят уже непосредственно из Уилмингтона. Скажите, они что-нибудь делают сейчас в Оук Ридже?

Мисс Клэри отрицательно покачала головой.

— Нет, там работает фирма «Юнион карбайд».

— Значит, они что-то делают сейчас в штате Вашингтон или НьюМексико. — Палмер слегка наморщил лоб и стал снова перечитывать список:— Какие же тут еще фирмы? По производству ракет и оборудования для наземных опорных точек. А вот и предприятия по производству алюминия, компании, владеющие акциями на разработках цинка и меди в Чили и Перу. Бокситы в районе Карибского моря. Уран. Нефть. Производство серы в Луизиане. Инструментальный завод в Алкуппе. Каучук в Кантоне. Завод транзисторных приборов в Бёрбанке, лесозаготовки в Такоме. А это что такое? Неужели велосипеды?

— Почему вас это удивляет?

— Велосипеды, — задумчиво повторил он. — Однако что же, черт возьми, скрывается под названием «Координэйтед уэстерн энд юнайтед компани»? Мисс Клэри на мгновение задумалась. — Думаю, — сказала она, — что они пытаются скоординировать и объединить производство всяких товаров, предназначенных для западных штатов.

Палмер понимающе кивнул и с удовлетворением захлопнул досье.

— Ну, хорошо, мисс Клэри, — сказал он, — надеюсь, вы уже готовы пасть ниц?

— Я просто лишилась дара речи.

— Вы понимаете, что перед нами исключительное в своем роде явление: небывалое по масштабам и

типичное по существу? Короче, перед нами последнее чудо — новый американский бизнес.

— Я преисполнена благоговейного трепета.

— Сколько времени им потребовалось на то, чтобы составить эту хитроумную шараду?

Мисс Клэри пожала плечами:— Все это продукт послевоенного времени. Точнее, продукт 1952 года, когда группа Лумиса после скрытой борьбы исподволь захватила власть в свои руки...

— Вы упускаете из виду еще кое-какие события 1952 года, — заметил Палмер. — Такие незначительные факты, как война в Корее и избрание Эйзенхауэра президентом, — Палмер снова открыл папку и принялся изучать отпечатанную на машинке информацию. — Я хотел бы знать, — сказал он, — какая часть этой империи числится лишь на бумаге. Не появились ли на свет некоторые из этих объединений лишь с целью избежать уплаты налогов? А может быть, впоследствии их все же запустили в работу? Существует ли вообще «Джет-Тех индастриз»?

— Да, уж пусть бы она лучше существовала, — сказала Вирджиния Клэри. — У нас такое количество акций этой компании, что ими можно устлать путь отсюда до Марса.

— Это действительно так? — призадумался Палмер. — Не унаследовали ли мы эти акции при объединении с «Хадсон траст»?

— Я точно не знаю, — ответила мисс Клэри. — Могу только сообщить, что бумагами одной лишь фирмы «Джет-Тех» вынуждены заниматься в главном управлении помощник вице-президента и два клерка.

Палмер посмотрел на нее и с удовольствием отметил, что теперь она сидит непринужденно и чувствует себя не так скованно, как вначале.

— Может быть вы и не очень хорошо разбираетесь в банковском деле, — сказал он, — но зато отлично подмечаете очень важные детали.

— Как я уже говорила раньше, не обязательно быть кошкой, чтобы суметь нарисовать ее, — повторила мисс Клэри.

Палмер утвердительно кивнул ей и сказал:— Я, пожалуй куплю у вас этот маленький девиз, если вы наберётесь терпения и будете достаточно часто повторять мне его.

Вирджиния взглянула на Палмера, затем, опустив глаза, сказала:— Долго же вас надо убеждать, прежде чем продашь вам что-нибудь!

— Это зависит от того, кто продает и что продается, — ответил Палмер.

— Мне думается, что вас вообще нелегко заставить купить, — сказала она, не глядя на него, и затем добавила:— Независимо от того, что и у кого. Палмеру нравилось наблюдать за тем, как она избегает его взгляда. Ее большие глаза с полуопущенными веками внимательно изучали подол юбки, а затем скользнули вдоль мягкого изгиба колен. Палмер взглянул на ее стройные ноги с округленными икрами, плавно переходившими в тонкие лодыжки. Колени были плотно сдвинуты. Палмер увидел, что на ворсе ковра появился чуть заметный волнистый узор там, где каблучки ее туфель погружались в пушистую ткань и приминали ее.

— Меня знают как человека решительного... — Палмер остановился и попытался сосредоточить взгляд на лежащей перед ним папке, но тут же вспомнил, что надо закончить фразу, — ...и быстрого в решениях, — проговорил он и как-то неуверенно добавил: — Когда это нужно. Сказав это, Палмер тут же удивился, зачем ему понадобилось уточнение, да еще эта дурацкая оговорка.

Вирджиния Клэри встала. Казалось, что она неожиданно стала выше, чем была на самом деле. Палмер также поднялся, не совсем понимая, для чего он это делает: из вежливости или в стремлении померяться с ней ростом.

— Во всяком случае, я очень благодарен вам за тщательно проделанную работу, — сказал он.

— Надеюсь, она поможет решению проблем, которые вам необходимо решить. — Их взгляды встретились. — Перед тем как вы позвоните Джо Лумису, — добавила она.

— Да, частично.

— Может быть, вам понадобится еще что-нибудь...

— Благодарю вас. Нет.

— Хорошо, — сказала она. — В таком случае я приду к себе.

— Еще раз большое спасибо, — произнес Палмер и почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Он плотно сжал губы и заставил себя пойти впереди нее к двери. Открыв дверь перед мисс Клэри, он быстро поклонился, стараясь не смотреть на нее. На сегодня уже довольно.

Она прошла мимо него, оставив после себя едва уловимый аромат, настолько слабый, что Палмер не смог даже определить, что это было, какой-то намек на духи. Выходя в коридор, мисс Клэри окинула взглядом его кабинет, глаза ее на какое-то мгновение скользнули по его лицу, и при этом уголок рта чуть-чуть поднялся в еле заметной улыбке. Это тоже было скорее намеком на улыбку, подумал Палмер, подобно тому, как исходивший от ее тела аромат лишь отдаленно напоминал какие-то духи.

Мисс Клэри прошла через вестибюль, повернула за угол и исчезла. А Палмер, закрыв дверь кабинета, вернулся к столу и сел. Его пальцы, как бы подчиняясь пробудившейся в подсознании памяти, потянулись к кнопкам интеркома, но вместо того, чтобы нажать какую-то определенную кнопку, пальцы скользнули по всем подряд, не останавливаясь ни на одной из них. Палмер задумчиво прищурился, затем выпрямился в кресле, внимательно посмотрел на интерком и решительно нажал на кнопку с надписью «Элдер». Вспыхнул зеленый огонек, и из микрофона раздался голос:

— Да?

— Гарри, это Палмер. У вас найдется свободная минутка?

— Выкладывайте. — У Гаррисона Элдера был сиплый высокий голос, вероятно и в юности звучавший точно так же, как сейчас, когда он приближался к пенсионному возрасту. Палмер подумал, что голос Элдера напоминает сильно простуженный дискант из церковного хора.

— Что вы можете сказать о «Джет-Тех», прямо так, с ходу, не заглядывая в досье?

В ответ Элдер не то захихикал, не то фыркнул, интерком искажил этот звук. — В двадцать пять слов или еще короче? — спросил Элдер, продолжая посмеиваться.

— Как вы расцениваете их связь с нами? — настойчиво спросил Палмер.

— Это сейчас трудно сказать. Обычно Пол Джерати вел с ними дела сам, когда расчеты шли через «Хадсон траст». Да простятся им их прегрешения.

— А сколько этих прегрешений? — спросил Палмер.

— Им позволяли обделывать свои делишки под разными названиями корпораций, которые у них зарегистрированы.

— Да? А шишки кто за это будет получать, мы?

— Эти шишки приносят нам прибыль, — возразил Элдер. — Я никогда не лез в эти дела. Не было надобности. Если хотите, могу бросить на это когонибудь из своих парней. За неделю справятся.

— А ваше собственное просвещенное мнение? Элдер снова захихикал:— Черт побери, кто теперь может считать себя просвещенным? — Он немного помолчал и затем сказал:— Ну, ладно, давайте разберемся. Основная компания осуществляет свои банковские операции в Делавэре, счет там небольшой. У нас «Джет-Тех интернешнл» получила семь кредитов на усовершенствование своих предприятий. Кроме того, мы выступаем как их посредники при расчетах с дочерними компаниями. И разумеется, мы агенты всех компаний в операциях с акциями, а также в операциях, связанных с

перечислениями. Кроме того, «Атомик проджектс» получила от нас большой и еще не оплаченный заем из двенадцати процентов годовых. Мы взяли на себя также кредитование почти всех их филиалов, которые ведут дела за границей, а это практически означает, что мы кредитуем почти все их филиалы. Черт побери, Вудс, неужели вы потребуете от меня более точных данных?

— Гарри, мне надо узнать еще кое-что, чуть поближе к сути дела, то есть общую сумму наших операций с ними.

Из микрофона послышался хриплый звук, похожий на тихое рычание.

— ... Мы погасили их задолженность по «Континентал экуипмэнт», — услышал Палмер. — Ну, в целом, учитывая, что я называю весьма округленные цифры, мы всадили в них ну... что-то около восьмисот миллионов.

Наступила продолжительная пауза. Заключительные слова Элдера словно заполнили огромный кабинет и затем стали медленно замирать в самых отдаленных его углах.

— Вудс! — крикнул Элдер. — Хэлло, Вудс!

— Спасибо, Гарри.

— Это лишь приблизительная цифра.

— Понимаю.

— Может быть, я преувеличил ее процентов на двадцать пять.

— Однако картина в целом теперь мне ясна, — сказал со вздохом Палмер. — Даже если вы и преувеличили на двадцать пять процентов, «ДжетТех»

все же составляет не менее пяти процентов всех наших деловых операций. Но если вы ошиблись в сторону уменьшения, то их доля составит уже десять процентов этих операций?

— Да, примерно таков объем наших с ними операций, — согласился Элдер.

— Другими словами, они самые крупные наши клиенты?

— Да, конечно.

— Еще раз благодарю, Гарри.

— Рад быть полезным.

Палмер некоторое время сидел неподвижно, пристально глядя на кнопки интеркома. Затем потянулся через стол, перебрал все нанизанные на иглу листки за вчерашний день и нашел записанный на листке номер телефона Лумиса. Это был номер прямого провода, так как у него в конце не было двух нолей. Палмер нажал на рычажок телефонного аппарата, который соединил его непосредственно с городом, и медленно набрал указанный номер. Лишь после четырех звонков Палмер услышал голос пожилого человека.

— Мистер Лумис? Говорит Вудс Палмер.

Голос пожилого человека ответил:— К сожалению, мистер Лумис уехал из города. Он вернется только в понедельник. Я его секретарь, мистер Палмер. Не хотели бы вы оставить какое-нибудь извещение для мистера Лумиса?

— Передайте мистеру Лумису, что я звонил.

— Непременно.

Закончив разговор и положив трубку, Палмер почувствовал, что ладонь у него стала влажной. Он старался успокоиться, испытывая одновременно чувство облегчения, потому что так получилось. В сущности, он и сам не знал, что, собственно, мог бы сказать старому Лумису. Палмер встал и медленно пошел к окну, стараясь тщательно разобраться в той обширной информации, которую сегодня получил. Что-то тут явно не вяжется, думал он. Лумис должен бы быть лоялен по отношению к тому банку, в котором хранятся его деньги, а не к сберегательному банку, в котором он не был заинтересован материально. Стоя у окна, Палмер смотрел на вереницу кэбов около гостиницы «Плаза». На его глазах все они продвинулись немного вперед, когда молодой человек и девушка подошли, сели в первый из них и уехали. На девушке был красный костюм, у нее были черные волосы. Палмеру пришло в голову, что это могла быть Вирджиния Клэри. Но он тут же отверг эту мысль.

Глава семнадцатая

Пожилой официант убирал со стола посуду после обеда. Откинувшись в кресле, Палмер наблюдал за тем, как он увозил на бесшумной тележке грязные тарелки и серебряные купола крышек для горячих блюд. Уже не в первый раз Палмер спрашивал себя, почему эта цыганская кочевая жизнь раздражает его гораздо больше, чем жену. Он закурил сигарету и, скрываясь за ее огоньком и дымом, наблюдал за Эдис, разливавшей кофе.

У нее, как всегда, был деловитый вид, хотя на этот раз она выглядела так, как если бы была «на людях», и это придавало ее внешности безупречно законченный характер: из миловидной блондинки с естественным цветом лица и волос она превратилась в холодный манекен, украшающий страницы модного журнала «Вог». Каждый волосок в прическе был приглажен. Она сильнее, чем обычно, подвела глаза, и они стали казаться больше и выразительней. Кожа на лице стала матовой и бархатистой. Разглядывая сейчас Эдис, Палмер вспомнил, как дурно обошелся с ней сегодня утром, когда она предстала перед ним в своем домашнем обличье.

В чем же дело? — думал он. Почему он всегда недоволен? Почему, что бы она ни делала, все было ему не по душе? Может быть, он слишком хорошо ее знал? Она уже не могла больше быть для него загадкой, и ничто в ней не могло теперь заменить эту утраченную тайну. Однако почему же вообще он нуждался в каких-то заменах?

Эдис почувствовала, что он ее разглядывает. Она подняла глаза, и их взгляды встретились. — Тебе кофе? — спросила она и протянула ему наполненную до краев чашку. — О чем ты сейчас думал?

Палмер напряженно сжал губы:— Да так, ни о чем.

— А я и не предполагала, что «ни о чем» может иметь такую глубину, — сказала Эдис.

— Я подумал, — сказал Палмер, пытаюсь быть хотя бы отчасти правдивым, — как хорошо ты сегодня выглядишь.

Светло-карие глаза Эдис широко раскрылись. В искусственном освещении комнаты они казались почти серыми.

— Только не выдумывай, пожалуйста, дорогой, — сказала она. — Ты просто давал оценку моему «официальному», как ты называешь, виду и удивлялся, зачем мне это понадобилось.

— Нет, — ответил Палмер.

— Тогда ты, наверно, удивлялся, как это я нашла время для того, чтобы привести себя в порядок после целого дня хлопот со строителями и целого вечера, ушедшего на то, чтобы пораньше уложить спать детей.

— И это как-то не приходило мне в голову.

— Что ж, если хочешь знать, изволь: сегодня первый вечер, который мы проводим вместе дома. Впервые за всю неделю, кажется? Вот я и постаралась.

— Я очень рад, — сказал Палмер, гадая про себя, примет ли она и эту ложь.

— Ну, ладно, пей кофе. — Она немного помолчала, а потом тихо проговорила:— Сегодня утром у меня на глазах произошла ужасная вещь: один из наших рабочих упал с лесов.

— Сильно расшибся?

— Переломов нет, однако мастер отправил его домой. Я настаивала, чтобы его осмотрел врач, и мастер обещал позаботиться. Но как я могу это проверить?

— Он же застрахован.

— Да я не о том, Вудс, — возразила она. — Раньше я думала, что такие случаи бывают только на больших стройках, там, где возводятся небоскребы или мосты. Но когда это случается у тебя в доме, как-то теряешься.

— Несчастные случаи могут быть где угодно.

Эдис нетерпеливо вздохнула, и ее рука потянулась к сигаретам Палмера. — Не в том дело, дорогой, — проговорила она. — Не могу толком объяснить, в чем тут суть, но я все еще никак не приду в себя. Палмер зажег спичку и поднес ее к сигарете Эдис. — Не принимай это близко к сердцу, рано или поздно мы ко всему привыкаем. Тебе ведь не больней, чем рабочему, который сорвался сегодня с лесов, или кому-то другому, кого переехала машина, или девушке, которую изнасиловали в Сентрал-парке.

Эдис поморщилась и устремила взгляд на тлеющий огонек своей сигареты. — Знаешь, я хотела бы жить так, чтобы не видеть вокруг себя такого грубого насилия. Здесь, в Нью-Йорке, с ним сталкиваешься повсюду.

— Ты думаешь, в других городах иначе?

Эдис махнула своей длинной узкой рукой, как бы отвергая его мысль. — Я говорю не только о себе, меня тревожит, как это повлияет на детей.

— Ну, они-то недурно приспособились ко всем переменам, — сказал Палмер с легкой усмешкой. Затем решил продолжить свою мысль:— А вот ты все никак не привыкнешь...

К его удивлению, она утвердительно кивнула в ответ:— Да, пока еще не привыкла. Со временем все, наверно, пройдет, но признаюсь, меня это ничуть не радует. Мне ведь не одиннадцать лет, как Джерри, а сорок. В этом возрасте нелегко привыкать к неожиданным переменам.

— К счастью, тебе не дашь больше ну, скажем, тридцати... трех, не так ли?

— Что-то не похоже, судя по тому, как ты разглядывал меня сегодня утром.

— Когда тебе приходит охота по-своему истолковывать чужие мысли, я...

— Как бы то ни было, — прервала его Эдис, — очень плохо то, что мы никого не знаем в Нью-Йорке, а перспектива заводить новые знакомства меня не привлекает.

— Однако мы встречаемся со множеством всяких людей, я бы сказал, что их даже слишком много.

— Это не более чем официальные визиты, — ответила Эдис. — Нас приглашают, потому что... ну по разным причинам. Чаще всего через какихнибудь общих знакомых. Сейчас мы не приглашаем к себе только из-за того, что еще не готов наш дом. Но как только он будет

закончен, начнутся ответные приглашения, эта перспектива меня просто удручает.

— Здешние люди, в сущности, не так уж отличаются от наших друзей в Чикаго.

Эдис вздохнула: — Друзья — это все же друзья, а людям, которых встречаешь впервые, далеко до друзей. Во всяком случае, я понимаю это так. Может быть, в Нью-Йорке случайные встречи и называют дружбой, я не знаю.

— А я и не подозревал, что тебе здесь так...

— Это пройдет, — вставая, прервала его Эдис. — Если ты допил кофе, давай обсудим сейчас наши планы.

Палмер посмотрел на свою полную до краев чашку и поднялся из-за стола, сказав:— Я возьму кофе с собой. Скажи мне лучше, почему ты так предубеждена против Нью-Йорка.

Эдис молча направилась в соседнюю небольшую комнату, которую администрации отеля угодно было величать библиотекой. Смахнув пыль с двух кресел, Эдис подвинула их к столу, убрала со стола ящик с книгами и развернула чертеж.

— Неужели мы снова будем обсуждать вопрос о несущих стенах и о том, что я должен буду делать в моем новом кабинете? — спросил Палмер. — Если так, то я...

— Этот вопрос я решила еще сегодня, в два часа дня все уже сделано, — резко оборвала его Эдис. — Завтра твой кабинет будут штукатурить.

— Хорошо. Какая же у нас повестка дня на сегодняшний вечер?

Эдис медленно опустилась на одно из кресел и некоторое время молча пристально разглядывала чертеж. Уголки рта у нее слегка опустились, будто она увидела что-то очень грустное.

— Вудс, — проговорила она, — присядь-ка.

Он сел и поставил чашку с блюдцем прямо на чертеж.

— Я не комический персонаж, — медленно проговорила Эдис, — и я не хочу, чтобы со мной обращались таким образом.

— А почему ты?..

— Я знаю, что такое быть посмешищем, — продолжала она, перебив Палмера. — Еще подростком мне пришлось испытать это, я была длинноногой верзилой, выше всех моих сверстников. Но с первого же года, когда я стала появляться в обществе, никто больше не находил меня смешной. И я решительно возражаю против такого со мной обращения.

— Я вовсе не считаю тебя смешной, — заверил ее Палмер.

— А твое язвительное замечание по поводу повестки дня? Не думай, что я не поняла. Я прекрасно вижу, что тебе не нравится, как я все организую. Но ведь если я не стану это делать, то тебе придется заниматься всем этим самому, а я не сомневаюсь, что это тоже тебе не понравится. Независимо от того, что я для тебя делаю или не делаю, все тебе не по душе. Не очень-то веселое положение, правда?

— Да, невеселое, при одном лишь условии: если я действительно ставил бы тебя в такое положение. Но дело в том, что ничего подобного нет.

— Такой невозмутимо спокойный вид, и вдруг такой необычайный комплекс внутренних противоречий, любопытно, не правда ли?

— Я охотно продолжу этот разговор, если ты согласишься пояснить мне, что имеешь в виду, — холодно ответил Палмер.

Эдис отодвинула в сторону чашку с кофе и некоторое время разглядывала чертеж перекрытий дома.

— Намерен ли ты оставить скульптурную группу Ханны Керд у себя в кабинете? — спросила она. — Если нет, я помещу ее в тот угол. — Эдис обернулась к Палмеру и добавила: — Я спрашиваю совсем не для того, чтобы снова начать спор. Просто я бы тогда сделала выемку в потолке. Ведь на той неделе уже начнут прокладывать электрическую проводку.

— Я хотел бы оставить эту скульптуру у себя в кабинете.

Эдис снова наклонилась над чертежами.

— Вдоль этой стены можно бы повесить картины современных художников, кроме натюрмортов. Согласен?

Палмер прищурил глаза, внимательно разглядывая чертеж.

— А это что такое, холл? — спросил он.

— Часть холла, — ответила Эдис. — А тут стена, отделяющая вестибюль.

Не возражаешь?

— Нет.

— Картина Констэбла — мамин подарок — будет висеть здесь, — продолжала она, — а Энгр на той стене. Вокруг этих картин образуется свободное пространство, так что ничто им не будет мешать. Мне бы не хотелось помещать полотна Эрнста рядом с другими художниками-модернистами. Что, если мы повесим его вот сюда?

— Отлично.

— Натюрморты будут висеть в столовой. Хорошо?

— Хорошо.

— Гравюры предназначаются для других комнат. А Фраскони и Пирса можно, например, разместить в комнатах для гостей.

— Кроме гравюры «Рыбная ловля», которую я хотел бы взять к себе в кабинет, — заметил Палмер.

Эдис снова обернулась к нему:— В чем я опять провинилась? Чем-то тебя задела? До этого у меня было совершенно определенное впечатление, что все это тебе безумно наскучило.

Палмер встал. — Эдис, я не знаю, что кроется за всем этим, — проговорил он, — могу только сказать, что с меня хватит.

Невидящим взглядом она уставилась в темный угол комнаты. Наблюдая за ней, Палмер подумал, что Эдис в отличие от него, наверно, сейчас не перебирает в уме только что сказанное, анализируя какие-то отдельные моменты. Вместо этого она будто прислушивается к тому, о чем ни один из них ничего не сказал, будто хочет

уловить звучание обертонов, недоступных обычному слуху.

Она задумчиво покачала головой: — Да, ты прав, Вудс. — И, посмотрев на него снизу вверх, добавила:— Вудс, я тоже не знаю, что кроется за всем этим. Посиди со мной и помоги мне еще немного, хорошо? Я больше не буду. Палмер снова сел и стал пить кофе. Висящая над их головами одинокая электрическая лампочка бросала на стол и на пол круглое пятно света. В чашке с кофе заплясала маленькая желтая искра, а светлая копна волос Эдис совсем затемнила ей лицо.

— Что ты имела в виду, когда говорила о комплексе внутренних противоречий у меня? — спросил Палмер, стараясь, чтобы голос его звучал ровно и миролюбиво.

Эдис чуть заметно пожала плечами.

— Просто у меня создалось такое впечатление, — ответила она ему в тон, — что ты в действительности гораздо сложнее, чем тебе кажется. Я же, наоборот, гораздо проще, чем мне бы хотелось признать. Ты обладаешь способностью жонглировать всякого рода противоречиями, не давая им коснуться земли. А я не умею этого делать.

— Какими противоречиями? — настойчиво допытывался Палмер.

— Ах! — Она опустила глаза на руки, разглядывая манжеты своей блузки. Голубоватый свет маленького драгоценного камня на запонке метнул искру в глаза Палмеру.

— Когда мы обручились, ты казался совсем другим, — сказала Эдис таким тихим голосом, что у

Палмера вдруг мелькнула мысль, что она и не хочет, чтобы он услышал. Он подался вперед на своем стуле.

— Ты всегда немного отличался от других юношей, которых я знала. Держался более непринужденно, не важничал. Высмеивал то, над чем они никогда не смеялись. К тому же у тебя была ужасная репутация: ты сменил три колледжа. Рассказывали о какой-то истории с девушкой, которая у тебя была, когда ты жил на Восточном побережье.

Эдис умолкла и, будто гипнотизер, поворачивала руку то в одну, то в другую сторону, и камешек в запонке снова вспыхивал и сверкал.

— Но, несмотря на это, ты все же не казался мне сложной натурой, — вновь заговорила она. — Я даже склонна думать, что ты и не был тогда таким сложным... Потом погиб Хэнли.

Палмер кивнул:— Ты правильно почувствовала значение этого события.

— Но и тогда перемена произошла не вдруг. Даже в армии, приезжая в отпуск и в командировки, ты во многом еще оставался почти таким же, как и прежде. Сколько времени ты пробыл в Европе? Два года?

— Полтора.

— Вот когда ты вернулся из Европы, я заметила происшедшие в тебе перемены. — Она взглянула на него:— Ничто не вынуждало тебя занять место Хэнли в банке. Твой отец не просил тебя об этом.

— У него не было необходимости просить меня.

— Итак, первое противоречие, — сказала Эдис. — Первое, за которым последовали многие другие. Вудс, в

тебе есть что-то совсем особое. Я только сейчас начинаю понимать, насколько ты отличаешься от... Палмер, не дождавшись конца ее фразы, поспешил закончить сам:

— От нормальных людей?

Эдис криво усмехнулась:— Я ведь только пытаюсь ответить на твой вопрос. А это не так-то просто, особенно когда, в сущности, в этом нет нужды.

— Тогда лучше не надо, — предложил Палмер.

Эдис покачала головой:— В этом году все эти противоречия резко обострились. Мне, пожалуй, следовало ожидать, что так будет, когда ты после смерти отца продал банк. Но я не могла тогда предвидеть эту твою новую должность. Ты словно воскрешаешь своего отца и начинаешь все заново, на этот раз в Нью-Йорке.

Палмер откинулся в кресле, стараясь сдержать себя и не ответить. Можно было бы спокойно и разумно поговорить о личных делах. Но когда Эдис под личиной благожелательной разумной беседы так ожесточенно нападает на него, тут совсем другое дело. Однако вместо резкой отповеди Палмер заставил себя сказать:— Эдис, я не уверен, что понимаю тебя.

— Видишь ли, ты попадаешь в тот же круг взаимоотношений, — сказала она, — у Бэркхардта такой же властный и деспотичный нрав, как и у твоего отца. И здесь, в Нью-Йорке, ты снова так же несчастлив, как и в Чикаго. Палмер опять сдержался. — Почему ты думаешь, что я здесь несчастлив? — спросил он почти безразличным тоном.

— Я могу судить об этом только по тому, что ты говоришь и как себя держишь. — Эдис, глядя на него, коснулась холодным кончиком пальца его щеки. — Не

сердись, дорогой, я ведь не...— Она отвела взгляд от его лица. — Но ты, наверно, думаешь...— Ее голос звучал неровно и глухо. — Ты думаешь, что я все это со зла, чтобы задеть тебя. — Она умолкла, ожидая его ответа. — Ведь так?

Палмер провел языком по пересохшей нижней губе и попытался освободиться от сковывающего его напряжения. — А тебе никогда не приходило в голову, что человек может быть несчастлив по причинам, которые не имеют никакого отношения к его работе? — спросил он самым спокойным тоном, на какой был способен.

— Приходило, — ответила Эдис, взяв его чашку с кофе и отхлебнув из нее немного. — Может быть, причина этому — наш нелепый отель. А может быть, и этот город, хотя ты никогда в этом не признаешься, наконец, неудобства, вызванные ломкой привычного образа жизни. Тут могут быть повинны и специфические особенности твоей новой работы, которая имеет весьма отдаленное отношение к банковскому делу. Как видишь, недостатка в причинах нет.

— Однако из всех ты выбрала наиболее отдаленные и фрейдистские, — сказал Палмер.

— А ты, кажется, считаешь эти слова синонимами? — отпарировала Эдис.

— Нет, я просто считаю, что это ты мыслишь какими-то окольными путями и пытаешься истолковать все по Фрейду. Видимо, это дань моей пресловутой сложности, — добавил Палмер.

— А не пытаешься ли ты замаскироваться под простачка? — спросила Эдис.

— Я пытаюсь...— начал было Палмер и вдруг почувствовал всю нелепость их спора. — Пойми меня, пожалуйста, правильно, я просто хочу както сохранить остатки достоинства перед лицом жены, которая у меня на глазах превращается в психоаналитика. Если бы я сейчас на минуту закрыл глаза, то, наверно, вообразил бы тебя с большой накладной бородой. Эдис продолжала отхлебывать кофе маленькими глотками.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — проговорила она наконец, — но только ответь мне на один вопрос. Не потому, что я имею какое-то право знать это, нет. Но ради всего святого скажи: зачем тебе понадобилась эта работа? Палмер собрался было ответить, но помедлил, чтобы сообразить, как лучше растолковать все это Эдис, чтобы его доводы показались ей достаточно разумными и ясными. Но были ли они такими в действительности? Он тихонько вздохнул.

— Я бы начал вот с чего. В течение пяти лет я исподволь, незаметно старался, чтобы Бэркхардт заинтересовался мною. Я знал, что отец умирает и что мне надо быть готовым действовать самостоятельно, как только я стану свободным. Результаты тебе известны.

Эдис, казалось, застыла с чашкой кофе, которую собиралась поднести ко рту. Когда он кончил, она едва заметно улыбнулась:

— О, да.

— Теперь проследуем в обратном направлении, вернемся к послевоенным годам, когда я решил, что должен работать в банке, пока отец жив. Если пройти еще немного назад, то это уже будет военная служба. К этому времени мне стало ясно, что, освободившись

из-под власти отца, я стал нравиться себе гораздо больше. Ты видишь в этом связь?

Эдис утвердительно кивнула. Но чашка, застывшая у нее в руках, не дрогнула.

— Если тебе это понятно, тогда ты должна понять и то, почему я принял предложение Бэркхардта. Или почему я заранее наметил план, как заполучить эту работу, если тебе так больше нравится.

— Нет, этого я не понимаю, — сказала Эдис.

Палмер взглянул на чашку, которую она все еще держала в руке, и увидел, что кофе в чашке даже не шелохнется.

— Ты объяснил лишь, как это сделал, но не сказал, зачем тебе это понадобилось.

Рука Палмера устремилась к ней словно в немом призыве. Неужели человек не может объяснить своих поступков другому человеку? Неужели общение между людьми дается с таким трудом?

— Ну хорошо,-сказал он. — Давай по-другому: я не хочу и никогда не стремился стать копией своего отца Вудса Палмера. Он был ограниченным человеком с узким кругозором. Если у него был какой-то девиз в жизни, то это, несомненно, было лишь слово «нет». Он считал, что в течение целого дня может превосходно обходиться одним этим словом. Он говорил его жене, сыновьям, дружбе и, пожалуй, даже самой жизни. Ненавидеть отца было невозможно, так как ненависть все же чувство. Можно было только пережить его. Был еще и другой исход, при условии, что у человека имеется определенная склонность к такому исходу. Исход, который избрал Хэнли, не вернувшийся со своим

самолетом. У меня таких наклонностей не было. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Эдис еле слышно откашлялась.

— Да.

— Для того чтобы пережить отца, надо было иметь какой-то очень сильный стимул, который поддерживал бы человека все время. Это не мог быть стимул негативного характера, цель должна непременно быть положительной. До войны у меня такой цели еще не было, я все еще оставался его сынком. Во время войны я обнаружил, что могу стать независимой личностью и обладаю всеми необходимыми для этого способностями.

Палмер умолк, пытаясь взвесить свои слова, проверить их действие. Взгляд Эдис, который все это время был прикован к кофейной чашке, вдруг устремился на Палмера.

— Что же это была за цель? — спросила она.

Палмер сделал вдох и, задержав дыхание, проговорил:— Быть полезным. Просто приносить пользу.

Тонкие светлые брови Эдис слегка сдвинулись. — Сейчас я уже не понимаю тебя, — призналась она.

— Когда он умер, — продолжал Палмер слишком быстро для того, чтобы иметь возможность анализировать на ходу свою речь, как он это любил делать, — сотни его коллег банкиров, политиканов и дельцов с традиционной почтительностью похоронили его. Он посвятил свою жизнь служению долгу. Он был беззаветно предан своему делу и олицетворял собой образец гражданина. Ты все это слышала. Но задумывалась ли ты когда-нибудь над тем, почему такое

множество мелких жуликов его превозносили? Похвала ничтожных людей хуже любого оскорбления.

— Но ведь и он приносил пользу? — возразила Эдис.

— Ты хочешь сказать, что он давал деньги, — возразил Палмер.

— Давать деньги нуждающимся — значить быть полезным...

— Давать деньги — это дешевый способ откупиться, — прервал ее Палмер. — В этом участвует не человек, а его чековая книжка. И это именно то, о чем я хотел сказать, — добавил он, повысив голос, увидев наконец возможность пояснить свою мысль.

Эдис слегка пожала плечами. — Теперь я уже ничего не понимаю, милый.

— Отец давал только деньги. — Палмер старался говорить медленней:— А чтобы приносить людям пользу, надо отдавать еще и частицу своего я, а не только чековую книжку.

— Значит, ты хочешь...— Эдис на мгновение запнулась, — отдавать частицу своего я?

— Я буду поступать так, как считаю правильным, — ответил он, — я, как частное лицо, как индивидуум, а не как сын банкира, который только тратит деньги. Вот что я имел в виду, когда говорил о своем желании приносить пользу. Вот о чем идет речь.

Наступила тишина. Никто из них не нарушал молчания. Лицо Эдис ничем не выдавало ее чувств.

— Ты понимаешь меня? — Палмер пытался проникнуть сквозь завесу этой маски. Он постучал пальцами по свертку лежавших на столе чертежей.

Плотная бумага затрещала под его рукой, словно объятая пламенем.

— Ну, например, тот труд, который ты вкладываешь в перестройку и отделку дома, — продолжал Палмер. — Ты умеешь это делать, ты приносишь какую-то пользу, вкладываешь в это частицу своего я.

Эдис посмотрела ему в лицо.

— Вудс, тихо сказала она. — Я... — На мгновение она задумалась. — В чем-то ты прав, конечно. Действительно, тут есть что-то полезное, и мне это доставляет удовольствие. Но дело совсем не в том. Удовольствие — это уже результат. Причина же, по которой я окунулась во все эти хлопоты с перестройкой дома, заключается в том, что я... — и она снова запнулась, — что мне просто больше нечего делать в этом враждебном и лицемерном городе.

— Эдис!

— Я никого здесь не знаю, — продолжала она приглушенным голосом. — И не хочу никого знать. Я для них ничто. Даже меньше, чем ничто, в их глазах. Но во мне достаточно самолюбия, и я помню о том, что в Чикаго я имела какойто вес. Там я была как бы лягушкой средней величины в пруду средней величины. Здесь же я... — И она сделала неопределенный жест. — Ах, черт возьми, — сказала она с досадой. — Я же поклялась себе, что никогда не заговорю с тобой об этом.

Палмер молчал, и Эдис решительно пододвинула к нему недопитую чашку кофе.

— Во всяком случае, — сказала она, — это временные трудности, и я справлюсь с ними. Когда мы начнем принимать у себя, все наладится. Я достаточно

зрелый человек для того, чтобы понимать, что все это со временем пройдет. — Эдис замолчала, ожидая его ответа.

Но он молчал, и тогда она снова заговорила:— Но к сожалению, то, что происходит с тобой, дорогой, носит уже не временный характер.

Палмер нахмурился:— Что ты хочешь этим сказать?

Оба молча посмотрели друг на друга. Верхний свет люстры освещал только кончики ее ресниц, и Палмер не мог заглянуть ей в глаза. Он почувствовал себя неловко в этом невыгодном для него положении. Ей было лучше видно, что происходило у него в душе.

Глава восемнадцатая

Человек, сидящий справа от него, за все время обеда не проронил ни слова, и Палмер был ему за это благодарен. Когда официант услужливо склонился, ставя перед Палмером вазочку с мороженым, он слегка обернулся к своему молчаливому соседу полюбопытствовать, уж не уснул ли тот. Палмера это не удивило бы — обед был нестерпимо скучный.

Здесь, в Нью-Йорке, за короткое время, заполненное деловыми встречами, Палмеру пришлось посетить по крайней мере дюжину таких обедов. Их можно было подразделить на две-три категории. Так называемые политические обеды устраивались для сбора средств, а также для привлечения внимания к тем, кто вносил свою лепту. Своим личным присутствием на таких обедах эти люди демонстрировали свою лояльность. Однако, поскольку на обедах республиканской партии присутствовали, за редким исключением, почти те же дельцы, что и на обедах демократической партии, Палмер не преминул отметить про себя, что эти люди демонстрируют не столько свою лояльность, сколько свою предусмотрительность. Что касается торжественных юбилейных обедов, то на них, разумеется, чествовалась и восхвалялась деятельность какого-нибудь видного лица, однако Палмер очень скоро убедился, что они обычно затевались с какой-то другой целью, чаще всего — для сбора денег. Все же благотворительные обеды тоже неизбежно переплетались с какими-то иными целями, обычно с религиозными, но не протестантскими, а католическими. Разумеется, и протестанты тоже где-то собирали нужные им средства, однако в Нью-Йорке вся

благотворительная деятельность религиозного характера предназначалась главным образом для помощи католическим церквям или еврейским религиозным организациям: то с целью создания какого-нибудь фонда, то для постройки больницы или организации детского летнего лагеря.

И сегодняшний обед был тоже благотворительным. Палмер сидел и задумчиво поглядывал на стоящую перед ним вазочку с мороженым. На собственном опыте он уже убедился, что по цвету мороженого нельзя определить, каким оно окажется на вкус: сливочным, кофейным или фруктовым. Впрочем, сейчас он размышлял не об этом, его озадачивало, почему, чем чаще он бывал на нью-йоркских приемах и обедах, тем трудней ему было определить, к какой категории их следует отнести.

Взять хотя бы этот обед. Формально он организован для сбора средств в пользу приходской школы в одном из самых захудалых кварталов Ист Сайда. Школу содержали монахи из какого-то ордена, какого именно — об этом Палмер не имел ни малейшего представления. Мак Бернс сообщил ему о том, что, хотя Вик Калхэйн сам никогда не учился в этой школе, она находилась на его территории и было известно, что он ей покровительствует. После чего Палмер понял, что от всей этой затеи, несмотря на попытку преподнести ее как религиозно-благотворительное мероприятие, сильно отдавало политиканским душком. И поскольку почетным гостем обеда был некто учившийся когда-то в этой школе, а затем наживший кругленький капиталец на подрядах по асфальтированию улиц, весь этот обед действительно скорее напоминал церемонию

чувствования сего почетного гостя, чем благотворительную кампанию.

Пока Палмер распутывал весь этот запутанный клубок и пытался установить, какая же из нитей ведет к центру лабиринта, официант в великолепной коричневой, расшитой золотом ливрее низко склонился над ним и вылил целую ложку темно-коричневого сиропа крайне неаппетитного вида на уже подтаявшее мороженое, которое впитало его, как перегревшийся подшипник поглощает очередную порцию масляной смазки. На этот раз Палмер не поддался на обман. Темно-коричневый шоколадный цвет отнюдь не служил доказательством того, что сироп был шоколадный: в этом городе можно ожидать любого подвоха. Это могла быть кофейная гуща или варево из корицы, мускатного ореха и других специй, как будто с помощью окраски можно скрыть, что это обычная неудобоваримая бурда.

Палмер выбрал одну из четырех десертных ложечек, единственное, что сохранилось из целой коллекции столового серебра у его прибора к концу обеда, и, сделав над собою усилие, зачерпнул сгусток мороженого с застывшей на нем капелькой сиропа. Попробовав, он кивком головы подтвердил собственную догадку. Так и есть — ананасовое мороженое и ореховый сироп. Он отодвинул вазочку подальше от себя и закурил сигарету. Огромный банкетный зал отеля был заставлен большими круглыми столами на десять персон каждый. Высокий подковообразный балкон опоясывал три стены зала. Там тоже были расставлены столики, но поменьше, на четыре персоны. В дальнем углу на небольших подмостках оркестр из пяти музыкантов безостановочно извергал на головы обедающих мешанину из популярных мелодий не менее двухгодичной давности. Когда официанты

разносили главное блюдо — непрожаренный ростбиф, оркестр сыграл несколько куплетов из песни «Будь нежным», что, очевидно, следовало расценивать как традиционную шутку. В пригласительном билете было сказано, что после официальной части начнутся танцы и состоится небольшое эстрадное представление. В роли конферансье должен был выступать комик, о котором самому Палмеру до сих пор не приходилось слышать, но, по словам Вирджинии Клэри, некогда он был весьма популярен в «Горах». В «Горах»? — Палмер недоумевающе поднял брови, и Вирджиния пояснила, что «Горами» называют летний курорт Кэтскиллз. Туда обычно приглашают на летние месяцы известных комических актеров и артистов эстрады, а во время «мертвого» сезона актерам приходится выступать на обедах, подобных сегодняшнему, за неимением другой работы.

Вирджиния должна была сидеть за столом номер шесть вместе с Гарри Элдером и несколькими газетными репортерами.

Палмер попытался разглядеть номера столов, но со своего места в президиуме под ярким светом прожекторов почти ничего не смог увидеть в затемненном зале. Перед обедом он договорился с Вирджинией, чтобы она заказывала виски для своего стола столько, сколько сочтет нужным. Он, прищурив глаза, оглядел зал в поисках стола, на котором стояло бы по меньшей мере полдюжины пустых бутылок, но вскоре убедился, что почти на каждом столе висится уже целая батарея.

Палмера в числе прочих почетных гостей с самого начала отделили от остальной, более шумной и, судя по

всему, более счастливой массы участников приема и собрали в отдельной комнате, где они сидели, не прикасаясь к спиртным напиткам, в ожидании той минуты, когда им предстояло появиться за столом президиума. После некоторого размышления Палмер пришел к выводу, что это воздержание было вызвано вовсе не присутствием многочисленных представителей духовенства, политических боссов и других почтенных лиц. Нет, просто все они превосходно понимали, что им предстоит просидеть не менее двух-трех часов под беспощадным светом прожекторов у всех на глазах. Волей-неволей пришлось оставаться трезвыми.

И когда они гуськом направились к столу президиума, у каждого из них мелькнула одна и та же, не очень утешительная мысль, что почти все сидящие в зале, кроме них, были изрядно навеселе. Встав вместе со всеми при звуках национального гимна, Палмер ждал окончания краткого благословения, которое произносил школьный священник, ища взглядом метрдотеля, чтобы заказать себе виски. Тщетная попытка: Палмеру так и не удалось больше выпить до конца этой мучительно долгой процедуры. Рядовые гости утоляли жажду вволю, зато в президиуме должны были сидеть подтянутые образцовопоказательные лидеры с ясным и прямым взором, не затуманенным алкоголем. Палмер поглядел на мороженое, которое все ниже оседало в вазочке, точно продырявленный воздушный шар, и перевел взгляд на зал, пытаясь приучить свои глаза к полумраку, окружающему президиум. Кое-то из гостей уже покинули свои столы, это он мог разглядеть. Люди медленно передвигались по узким проходам между столами, то и дело наклонялись, чтобы пожать руку и похлопать по плечу, иногда на несколько мгновений

приостанавливались, чтобы шепотом перекинуться какими-то замечаниями, а затем боком, словно крабы, медленно пробирались к следующему столу для новых рукопожатий и новых перешептываний.

Кто-то постучал по краю микрофона, стоящего перед ораторской трибуной, и резкий металлический звук гулко отдался во всех углах зала. Человек, стоящий у микрофона, откашлялся и стал очень шумно перелистывать целый ворох записей.

— Леди и...— Тут он запнулся и стал лихорадочно копаться в своих листках, будто в поисках недостающего слова. Обнаружив его наконец, председательствующий, плотный низкорослый мужчина по фамилии Грорк, снова прочистил горло.

— Леди и джентль...— Его слова потонули в безудержном взрыве смеха, который, докатившись до микрофона, с удвоенной силой вырвался из динамиков, установленных в зале. Грорк еще раз пошелестел бумагами и с выражением полного отчаяния взглянул на своего соседа справа, Вика Калхэйна, голова которого, хотя он и сидел, почти достигала макушки стоящего рядом с ним Грорка.

— Друзья! — снова заговорил Грорк. Это слово прокатилось между столами в затемненном зале, как гигантский бумажный ком. — Прежде чем я предоставлю слово некоторым из наших выдающихся и почетных гостей — а я уверен, что все присутствующие с нетерпением ждут их выступлений, — мне хотелось бы сказать, что на мою долю выпала особая честь и привилегия представить вам рабби Бэн Хейма Фейтлбаума, который обратится к вам с кратким вступительным словом.

В зале встретили это сообщение шумом передвигаемых стульев и покашливанием. Гости, слонявшиеся между столами, вернулись на свои места, а те, кто еще сохранил чувство ответственности, постарались уgomонить своих наиболее беспокойных соседей.

Ослепительный луч неожиданно осветил лицо рабби Фейтлбаума, которому Палмер на первый взгляд дал бы не больше восемнадцати лет. По законам своей религии он не брился, но растительность на лице была едва заметна. Однако, разглядев его мягкие вьющиеся бакенбарды светлокаштанового цвета, Палмер тут же накинул ему еще примерно семь лет.

— Мои добрые друзья, — начал Фейтлбаум.

Палмер немедленно внес еще одну поправку в свою оценку, решив, что оратору уже перевалило за тридцать. Только к этому возрасту священнослужитель мог накопить достаточный опыт публичных выступлений, чтобы с таким замечательным благочестием произнести слово «добрые». Палмер тут же вспомнил старого священника из церкви святого Павла в Чикаго, который умел произносить слово «благо» так, что вместо одной гласной слышались три, причем они возникали где-то чуть повыше глотки, вырывались на свет с мягким бульканьем, и Палмеру всегда казалось, что у почтенного старца в горле застряла клецка.

— Друзья мои, какой бы веры вы ни придерживались, — продолжал Фейтлбаум, — мы собрались здесь в этот день под незримым оком всевышнего для того, чтобы наши души, наши слова и наши деяния, да, наши деяния, исполненные любви и доброты, продиктованные чувством вечного братства,

слились воедино, чтобы отпраздновать и восславить в нашем духовном единении, нашей взаимной преданности и в нашем бесконечном смирении то святое дело, которому все мы преданы до глубины сердец своих; оно главенствует в нашем мышлении и настолько глубоко и нерушимо воцарилось в наших бессмертных душах, что стало неотъемлемой частицей нашей мирской жизни, которой мы можем предаваться благодаря милосердию господнему, лишь следуя его святым и высоким целям.

Палмер заметил, что кто-то на цыпочках прошел за спиной оратора, склонился к уху Большого Вика и завел с ним шепотом длинную беседу, подкрепляя свои мысли выразительной жестикуляцией. Палмер слегка наклонился вперед с таким расчетом, чтобы луч прожектора, расположенного у него над головой, не освещал его лицо, и на мгновение закрыл глаза, надеясь, что в эту минуту всеобщее внимание приковано к Фейтлбауму. Он пытался восстановить в памяти список ораторов и мысленно прикидывал, сколько времени потребуется для выступления каждого из них. Пожалуй, речи займут не менее часа. Палмер со вздохом откинулся на спинку кресла и поднял руку с сигаретой так, чтобы заслонить ею свои все еще закрытые глаза.

— ...Так озари же немеркнущим светом своим наши труды ныне здесь и в дни грядущие, — продолжал говорить Фейтлбаум, — пусть твоим милосердием и вдохновением проникнутся те деяния, которые нам предстоит совершить. Палмер приоткрыл глаза и обернулся к оратору. При этом он обратил внимание на ярко-желтую шевелюру мужчины, который, склонившись к Калхэйну, нашептывал что-то ему на ухо. Только у

одного человека могли быть волосы такого оттенка — у Бернса.

— ...достойны и справедливы эти наши деяния, — продолжал Фейтлбаум, — так же как достойно и справедливо то, что именно меня, служителя древней религии, сегодня призвали сюда, чтобы выполнить свой долг плечом к плечу с другими во имя столь великого дела.

Черная атласная ермолка на голове раввина плавно колыхалась в такт его речи, то заслоняя, то открывая голову Бернса. Сам Калхэйн невозмутимо хранил молчание. Он сидел неподвижно, уставясь в одну точку, в то время как Бернс извергал буквально потоки слов. При этом, однако, у него так же, как и у Калхэйна, губы почти не шевелились. Палмер спрашивал себя, что такое стряслось, если Бернс даже не мог дождаться, пока раввин закончит свою речь. Однако его вдруг осенило. Слишком хорошо знал он Бернса. В такой ситуации любые мало-мальские свежие сплетни все равно достигли бы цели. Не важно, что говорил Бернс, важен сам факт: он беседует с Большим Виком на глазах у нескольких тысяч зрителей и в столь высокаторжественный момент.

Внешние эффекты — это великое дело в политике, решил Палмер. Каждому и без того было известно, что Бернс — доверенное лицо Калхэйна. Но у Калхэйна были и другие близкие ему люди. Поэтому Бернс должен был постоянно напоминать всем тем, для кого это имело значение, что именно он, а не кто иной пользуется таким доверием у Большого Вика. Палмер уже видел, как Бернс разыгрывал подобные же сцены и на других собраниях. Картина неизменно была одна и та же — сидящий

истуканом Калхэйн со взором, устремленным в зал. За его спиной — Бернс. Одна рука его сжимает плечо Калхэйна, другая жестикулирует: то указывает куда-то, и как бы что-то приглаживает, то разбрасывает или отталкивает, то манит. Эта рука, полная жизни и эмоций, подобная телу балерины, неизменно приковывала к себе взоры всей аудитории, отвлекая внимание от оратора, и в результате достигала своей цели — заставляла всех напряженно следить за этой небольшой, но полной драматизма сценой.

— ...мы безгранично верим, о всевышний, — говорил тем временем Фейтлбаум, — в силу твоей десницы и в мудрость твою, направляющую нас по пути праведному. Несколько человек в зале повторили за раввином заключительные слова молитвы, произнесенные на древнееврейском языке, однако их голоса потонули в поднявшемся в зале шуме: гости стали откашливаться, двигать стулья, возобновились беседы.

— Благодарю вас, рабби Бэн Хэйм Фейтлбаум, — сказал Грорк. Он слишком низко пригнул голову к микрофону, и его слова вызвали шум и треск в микрофоне. Он тут же отступил на несколько шагов. — Примите также благодарность за молитву, которую вы прочли на гэльском языке, — добавил он, подмигнув аудитории.

Выждав, пока утихнет смех, Грорк перешел к официальному отчету о финансовом положении школы, сопоставив ее скромный бюджет четверть века назад с нынешним, свидетельствующим о процветании этой школы. Палмер тем временем следил за Бернсом, который лишь теперь закончил беседу с Калхэйном. В сущности, это была даже не беседа, а монолог Бернса.

Палмер не мог не отдать должного той интуиции и точному расчету, которым руководствовался этот человек даже в довольно сложных ситуациях. Прерви он свою беседу с Калхэйном одновременно с раввином, зрители усмотрели бы в этом скрытое оскорбление и даже могли обвинить Бернса в неуважении к священнослужителю. Но Бернс проявил одинаковое неуважение как к Фейтлбауму, так и к Грорку, и тем самым исключилась персональная направленность его проступка и возможность обвинить его в оскорбительном поведении по отношению к духовенству.

Калхэйн несколько озабоченно дважды кивнул головой, и Бернс, выпрямившись, проскользнул мимо жестикулирующего Грорка и направился было в зал, но по пути остановился возле Палмера и нагнулся к нему. Палмер заметил, что длинные, узкие ноздри Бернса трепещут с нескрываемым торжеством.

— Зал-то битком набит, Вуди, — зашептал он, — пришлось дополнительно втащить еще полдюжины столов. Здорово, а?

Палмер почувствовал, как кровь прилила к его щекам. Несмотря на свой немалый жизненный опыт, он не мог преодолеть внушенных ему с детства правил благовоспитанности. В эту минуту он чувствовал себя крайне неловко. Он отлично понимал, почему Бернс действует таким образом и какую услугу в данном случае оказывает ему, Палмеру. Бернс как бы связал его с Калхэйном невидимой нитью в сознании наблюдавшей за ними публики. И все же Палмер не мог побороть смущения, чувствуя себя участником сцены, в которой был продемонстрирован дурной тон и неуважение к

ораторам. К тому же ему было неприятно оказаться в центре внимания многочисленной аудитории.

— Эй, дружище, тебе пора подкрепиться! — Бернс похлопал Палмера по плечу и взял его под локоть, как бы помогая ему встать.

— Но послушайте, — начал было Палмер.

В это мгновение тонкие губы Бернса быстро зашевелились, будто он нашептывал ему что-то весьма важное и срочное. Его рука взвилась над головой Палмера, указывая в дальний угол зала. Он несколько раз энергично, почти яростно мотнул головой, и его желтоватые глаза сверкнули. Вся эта пантомима должна была убедить любого, кто наблюдал за ними, в том, что Палмера срочно вызывают по важному делу. С помощью Бернса он поднялся со своего места и вслед за ним спустился с подмостков президиума в благодатный мрак большого зала.

Они с трудом пробрались через бесчисленные ряды столов к боковому выходу и покинули зал. Здесь было прохладно. Как только за ними закрылась дверь, голос Грорка сразу заглох и превратился в едва различимое бормотание.

— Ну, друг, скажи спасибо, что я тебя выручил, — сказал Бернс с ухмылкой.

— А что произошло? — спросил Палмер. — Почему так срочно понадобилось мое присутствие здесь?

Бернс усмехнулся:— Грорк страдает словесным поносом. Разве это не уважительная причина, чтобы удрать?

Палмер с легкой улыбкой покачал головой:— Вы думаете, в зале не заметили, как сначала вы говорили с Калхэйном, а только потом подошли ко мне?

Глаза Бернса на мгновение сузились, но тут же раскрылись, и он громко расхохотался. — Ну что ж, вы быстро учитесь уму-разуму, мистер Палмер, — сказал он. — Благодаря тому, что мы только что проделали, у полдюжины руководителей сберегательных банков, сидящих в зале, сейчас предынфарктное состояние.

— И все же, несмотря ни на что, большинство голосов в Олбани [Олбани — столица штата Нью-Йорк, где работает законодательное собрание штата и находится резиденция губернатора.] у республиканской партии, — задумчиво сказал Палмер. — Едва ли деятель демократической партии, пусть даже с таким весом, как у Калхэйна, станет причиной бессонной ночи для кого-нибудь из наших расчетливых друзей.

Глаза Бернса заметались по сторонам, и у Палмера мелькнула странная мысль, что брошенная им фраза чувствительно задела Бернса, который сейчас быстро оглядывался, будто ждал новых ударов.

— Душечка, — сказал Бернс. — Ну скажите мне, пожалуйста, кто и где сказал, что республиканская партия единым фронтом выступает за владельцев сберегательных банков? Может быть, я проспал, может быть, Моисей спустился с горы и начертал одиннадцатую заповедь? — Он тихонько захихикал себе под нос с каким-то булькающим отзвуком, и Палмер понял, что Бернс основательно пьян.

— Это общеизвестно, — ответил Палмер. — А у вас другие соображения?

Бернс выразительно пожал плечами и тут же похлопал Палмера по руке. — У меня нет никаких особых соображений, — сказал он, придав неожиданно своему голосу нарочитую многозначительность. — Если я что-нибудь хочу сообщить другу, то выкладываю все прямо и откровенно.

— Ну что ж, выкладывайте, — усмехнулся Палмер, подхватывая ньюйоркский жаргон Бернса.

— Вся эта собачья грызня в Олбани, — начал объяснять Бернс, — вовсе не связана с борьбой партий. Ты понимаешь, что это значит?

— Это значит, что сверху еще не дали указаний.

— Какой цинизм, — сказал Бернс, скривив губы. — Нет, деточка, ошибаешься. Это попросту означает, что когда банкиры начинают между собой потасовку, то представители законодательной власти чуют запах денег.

— Боюсь, что я начинаю понимать, о чем идет речь, — сказал Палмер.

Бернс в подтверждение кивнул головой:

— Приняв решение не рассматривать это как часть программы той или другой партии, бойкие ребята из законодательного собрания в Олбани смогут выдоить из ситуации все до последнего цента. Да, они обставили все это так, чтобы уйти с битком набитыми карманами, уж они-то получают свою долю пирога.

— Иными словами, — сказал Палмер, понимая, что ему не следовало бы развивать далее эти кулинарные сравнения, но не в силах сдержать себя, — они будут чавкать, забравшись всеми четырьмя копытами в

кормушку. Бернс безмолвно уставился на Палмера, почувствовав скрывающийся в его словах сарказм, но не улавливая его сути. — Слушай, — сказал он доверительно, мягко произнося каждый слог, — после того как эта волынка здесь окончится, у меня дома соберется кое-кто из подходящих ребят. Загляни ко мне. Тебе не помешает небольшое внутривенное вливание.

— В котором часу?

— Часиков в одиннадцать, — сказал Бернс. — Это не рано для тебя?

— Рано? — переспросил Палмер. — Я не знаю, как дотяну до одиннадцати.

Золотистые брови Бернса поползли было вверх, но тут же опустились. Он понимающе подмигнул: — Ну, а что-нибудь часочков в десять, а?

Из зала раздались бурные аплодисменты.

Глава девятнадцатая

Проторчав примерно с полчаса у стойки бара, Палмер вернулся в зал как раз в ту минуту, когда Большой Вик Калхэйн заканчивал свою пространную речь.

— ...И ныне, как и в минувшие века, которые нескончаемой процессией уходят навсегда в небытие, — вещал он громким, чуть гнусавым голосом типичного ньюйоркца, — мы чтим память и воздаем должное всем, кому столь многим, столь многим обязаны, — продолжал Калхэйн в своей напористой манере, будто отсекал каждую фразу. — Мы смотрим в будущее без страха, нас не пугают его масштабы, мы будем смелыми в наступлении и не отступим ни на шаг. Мы не будем осуждать других, ибо не хотим быть судимы сами, не нам указывать на ошибки тех, кто уводит в сторону наше поколение, кто чернит нашу национальную честь и сводит на нет нашу славу. Пусть сама история осудит мелких, близоруких, низких людей с ограниченным кругозором, продающих наше отечество за чечевичную похлебку. Но пусть в анналах истории будет запечатлено навечно, что среди нас, среди присутствующих здесь, вместе со мной в этом зале есть честные и добросовестные люди, с мужеством и настойчивостью решавшие грандиозные задачи, люди... Палмер незаметно проскользнул в затемненный зал и стал высматривать стол номер шесть. Он не мог набраться мужества снова подняться в президиум и занять свое место.

— ...место под солнцем! — громыхал Калхэйн. — Право каждого свободно...

Место под солнцем нашлось и для меня, решил Палмер, разыскав наконец стол номер шесть. Он боком пробрался к нему и с облегчением опустился в пустое кресло рядом с Вирджинией Клэри.

Она не заметила его появления. Ее взгляд был обращен в сторону Калхэйна. Палмер видел только ее профиль. До сих пор он никогда еще не был в такой непосредственной близости от нее — в каких-нибудь двадцатитридцати сантиметрах. Очертания ее высоких скул смягчались округлостью щек и пухлыми губами. Ее тонкий и, пожалуй, чуть длинноватый нос с притупленным кончиком был слегка вздернут. Палмер только теперь обнаружил, что, если смотреть на Вирджинию в профиль, она настоящая красавица. А когда она оборачивается к нему лицом, ее можно назвать только хорошенькой. Вирджиния сидела выпрямившись, ее высокая грудь была полуприкрыта низким вырезом белого облегающего платья с очень узкими бретелями. С того места, где он сидел — несколько позади нее и чуть повыше, — он мог видеть округлые очертания ее бюста с теплой треугольной тенью посередине, прямо над вырезом.

Палмер почувствовал, как запылала у него щеки, и откинулся на спинку кресла. Он глянул в сторону президиума. На мгновение ему показалось, что кресло покачнулось. Он закрыл глаза и выждал, пока тугой комок в горле не перестал его душить.

— ...Эти поступки диктуются их духом отрицания, пораженчества и алчности! — продолжал громыхать Калхэйн. — Но не стану перечислять все их свойства, чтобы не нагнать на вас тоску. Позвольте лишь сказать, что... Приоткрыв глаза, Палмер вдруг встретился

взглядом с Гарри Элдером — первым своим заместителем в «Юнайтед бэнк». Палмер прищурил глаз, а Гарри подмигнул ему в ответ, затем показал взглядом на внушительную бутылку шотландского виски, которая стояла перед ним, и вопросительно посмотрел на Палмера. Тот утвердительно кивнул и стал внимательно следить, как его пожилой коллега взял пустой бокал с несколькими кубиками льда, наполнил его почти до краев и передал своему соседу, указав на Палмера. Сосед — репортер не то из «Таймс», не то из «Ньюс» — в свою очередь молча протянул бокал следующему соседу.

Эта церемония привлекла внимание Вирджинии. Она обернулась, увидела Палмера, и губы ее чуть тронула улыбка. Взяв у репортера бокал, она передала его Палмеру и шепнула:— На страх врагам. — Затем снова приняла позу внимательного слушателя, повернувшись к Палмеру в профиль. Над вырезом платья явственней обозначились очертания груди.

Палмер прихлебывал виски и тщетно пытался вспомнить, который это по счету бокал — третий или четвертый, но в конце концов решил, что, когда виски разливают Гарри Элдер, не стоит считать, сколько выпито.

— ...И мы спокойны, зная, что не сила, а правда, и только правда, может привести к торжеству справедливости, — заключил Калхэйн. — Благодарю за внимание.

Волны аплодисментов прокатились по всему огромному залу. Калхэйн с сияющим лицом поднял руку в знак приветствия, потом сел на свое место и тут же, обернувшись к сидящему рядом Кармину де Сапио, вступил с ним в длительную беседу.

Председательствующий Грорк встал и, хотя аплодисменты еще не смолкли, пытался жестом водворить тишину, но вместе с тем, насколько мог судить Палмер, этот жест выражал одновременно и надежду, что аудитория, собравшись с силами, разразится новым взрывом аплодисментов. Палмер поудобнее устроился в своем кресле, немного отодвинувшись назад. С этой позиции он мог видеть только затылок Вирджинии Клэри с художественным беспорядком черных локонов, ее шею и спину с гладкой светло-оливкового оттенка кожей и нежный желобок между лопатками, грациозно сбегающий вниз под покровы платья.

Он сидел в своем кресле, и лишь временами до его сознания доходили отрывки из речей выступающих. Список ораторов постепенно подходил к концу, и наконец зазвучали слова молитвы. Палмер так мало следил за происходящим на трибуне, что вначале ему показалось, что молитву читает священнослужитель англиканской церкви, в полумраке трудно было разглядеть его сутану. И только когда слышались заключительные строфы из католической молитвы по-латыни, Палмер понял, что ошибся. Он пожал плечами и стал маленькими глотками прихлебывать виски из своего бокала. Программа собрания проводилась по раз навсегда разработанному плану. Комический актер, открывавший эстрадное представление, выпалил в зрителей весь свой запас плоских шуток. После каждой двусмысленной остроты он на мгновение умолкал, в нарочитом ужасе прикрывая ладонью рот, и опасливо оглядывался на представителей духовенства.

— ...Итак, не теряя времени, леди и джентльмены, передаю на ваше попечение мою любимую блондинку,

хотя, по слухам, если докопаться до корня вещей, она новее не блондинка. Замечательная певица, леди и джентльмены, которую вы сейчас услышите, — это подлинная вечерняя звезда из оперетты «Вечер в пижамах». Итак, леди и джентльмены, слушайте, смотрите: предлагаю вашему вниманию очаровательную Китти. Китти Кэйн! Ну-ка, похлопаем ей хорошенько!

Апатичная блондинка необъятных габаритов с застывшей на губах улыбкой, которая никак не вязалась с меланхолическим выражением ее глаз, спела несколько романсов столь же почтенного возраста, как и устаревшие мелодии, исполнявшиеся оркестром в продолжение всего вечера.

После этого балетная пара, в которой мужчина был по крайней мере на десять лет моложе своей партнерши, но вполне возмещал разницу в возрасте мрачной миной и героическими позами, исполнила две версии «Соблазна», одну в темпе медленного болеро, а другую — в быстром темпе стаккато. Опередив на несколько тактов оркестр, они закончили танец, а музыканты продолжали вяло играть, пока мелодия не оборвалась, так и не достигнув своего завершения. Один только аккордеонист, увлекшись, продолжал играть еще несколько секунд, пока не почувствовал, что остался в одиночестве. Тенор высоченного роста и атлетического сложения едва успел закончить первый куплет из «Роз-Мари», как его прервал известный комик. Вместе с тенором он стал разыгрывать какую-то запутанную интермедию, в ходе которой ставились под сомнение мужские доблести певца и намекалось на многообразие его извращенных тенденций, причем комик безуспешно пытался завоевать расположение тенора. Палмер сначала пробовал проследить за ходом действия, но так и не дождался

конца и повернулся к Вирджинии, растянув губы в нарочитой ухмылке.

— Только что вернулся из триумфального турне по Европе! — объявил он.

— Выступали перед коронованными особами, да?

— Наспиртованными особами, — пробормотал Палмер. — А что, еще далеко до одиннадцати? Как, все еще не одиннадцать?

— Сейчас только десять тридцать.

— А я могу уйти только в одиннадцать.

— Могу или должен? — допытывалась она.

— И могу и должен.

— Вы покрылись колючками, как ежик.

Палмер отрицательно помотал головой. — Не покрылся, а прикрылся, — возразил он.

— А что будет после одиннадцати? — спросила Вирджиния.

— Вас уже напоили, — сказал Палмер. — Я сразу это заметил.

— «Сэр, я не ранен, я убит!» Вы и представления не имеете, что такое мистер Гаррисон Элдер, когда он берет на себя роль виночерпия.

— Ошибаетесь, я тоже приобщился, — возразил Палмер и поднял свой пустой бокал. Он стал внимательно его разглядывать, а затем хмуро спросил:— Это, вероятно, Бернс написал речь для Калхэйна?

— Всенепременно.

— Почему он всегда выражается так выпендрено?

— С точки зрения Калхэйна, — сказала она, — чем туманнее, тем лучше.

— Если сложить их обоих вместе, — заметил Палмер, — хватит тумана на весь свет. — Он вздохнул.

Комик наконец ретировался, уступив место тенору, который с необыкновенным пылом запел было романс под звуки «Соблазна», решив, как видно, что публика еще недостаточно насладились этой мелодией, но тут выяснилось, что и сам он оказался жертвой коварного замысла, так как оркестр, исполнив несколько тактов «Соблазна», вдруг перешел на попури бравурных песен, сопровождаемых громким аккомпанементом ударника в ритме фокстрота. В заключение зазвучала «Бесаме мучо», встреченная аплодисментами.

После этого комик объявил начало танцев.

Люди вставали из-за столов и оглядывались, жмурясь от вспыхнувшего в зале яркого света. Стол президиума сразу померк и утратил свое значение. В первую очередь опустели кресла, где восседало духовенство.

Гарри Элдер тоже встал и умильно погладил себя по брюшку. Несколько репортеров, не теряя времени, бросились к Калхэйну. Элдер радужно улыбнулся Вирджинии Клэри. — Ну, что ж, если не он, тогда я вас приглашаю, — проговорил он своим высоким хрипловатым голосом.

Сначала Палмер не мог понять, о чем идет речь, затем, сообразив, он встал и слегка склонил голову перед Вирджинией:

— Не окажете ли вы честь мистеру Элдеру, согласившись протанцевать с ним следующий танец? — учтиво обратился он к ней.

— С превеликим удовольствием.

Палмер снова сел, не упуская их из вида, пока они пробирались к площадке для танцев, уже забитой танцующими парами. Он стал следить за Вирджинией, за движениями ее стройной фигуры под белизной облегающего платья. Затем, уже в который раз, взглянул на часы и с сожалением отметил, что до встречи с Бернсом все еще остается уйма времени. Протянув руку к большой квадратной бутылке, он налил виски в свой бокал с полурастаявшими кубиками льда. Он решил выпить «на дорожку» и сразу же исчезнуть независимо от того, сколько времени останется до одиннадцати. В конце концов, он ведь может пройтись пешком до квартиры Бернса, вместо того чтобы торчать в этом зале. Временами он поглядывал на мелькавшее среди танцующих белое платье и потихоньку допивал свое виски. Элдер и Вирджиния, смеясь, возвращались уже к столу, где сидел Палмер. Он встал и пододвинул ей кресло.

— Следующий твой, Вуди, — с трудом переводя дух, проговорил Элдер. — Этот бешеный темп не для меня.

Несколько мгновений все трое стояли в нерешительности. Потом Вирджиния взяла Палмера за руку и повела его к танцевальной площадке. Она остановилась у края площадки и повернулась к нему. — Какой же этой бешеный темп? — сказала она. — Самый обычный латиноамериканский. — Он привлек ее к себе и медленно двинулся вдоль границы площадки, выполняя па румбы, хотя оркестр играл, кажется, что-то другое: не

то мамбу, не то ча-ча-ча. Палмер считал, что он намного выше Вирджинии, но, когда они начали танцевать, она как будто сразу стала выше ростом. Он вел ее, сохраняя некоторую дистанцию, следуя правилу, по которому только женщина имеет право сократить это расстояние. Музыка перешла в слоу-фокс: старая мелодия Гершвина. Палмер хорошо помнил ее со времен студенчества, только в те времена она исполнялась в более быстром темпе.

Будь смелым со мной и не бойся,

Ведь я не дитя, мой любимый.

Будь же страстным со мной...

Оба они тихо рассмеялись и продолжали танцевать. — У вас хорошая память, — сказала она.

— Я учился танцевать в те старые времена.

— И много песен хранится у вас в памяти?

— По правде сказать, я не подозревал, что помню даже эти слова. Они возникли вдруг, сами собой.

— Вы не помните, как дальше?

— Больше ничего не помню.

Они продолжали танцевать, но пространство, разделявшее их вначале, исчезло. Он ощущал каждое ее движение. Следуя привычному рефлексу, Палмер приготовился было отступить на шаг, но передумал.

Оркестр повторял мелодию песни, строфу за строфой. Палмер услышал, что Вирджиния стала тихонько подпевать.

Он попытался заглянуть ей в лицо, но Вирджиния прислонилась щекой к его плечу. Он почувствовал, что она ещё ближе придвинулась к нему. Палмер спрашивал себя, умышленно ли она это сделала, такой вопрос не раз возникал у него, когда он танцевал не с женой, следует ли придавать этому какое-то значение или, может быть, это происходит неосознанно. И он снова, как всякий раз, пришел к заключению, что женщины редко делают что-нибудь неосознанно.

Постепенно зал снова погрузился в полумрак. Танцы все продолжались. Официанты начали убирать со столов, было далеко за одиннадцать, но Палмер больше и не думал следить за временем.

Глава двадцатая

Он не ожидал, что прогулка так затянется. Отель был в районе Таймс Скуэр, а городская квартира Бернса — на одной из Пятидесятих улиц. Поскольку дом Вирджинии был по пути к дому Бернса или, может быть, наоборот — Палмер не стал в этом разбираться, — они решили, что пройдут часть дороги вместе.

В это позднее время центральные районы Манхэттена были, как обычно, заполнены народом; люди приезжали, выходили из машин, заходили в ночные клубы, бары, жилые дома или выходили оттуда. Городские театры уже отыграли спектакли, и посетители из предместий и их нью-йоркские друзья устремлялись сюда. Палмер и Вирджиния остановились на перекрестке Паркавеню и Пятьдесят второй улицы, выжидая, когда схлынет поток машин, и вдруг заметили, как два маленьких пуэрториканца, на вид не старше шести лет, сломя голову бросились навстречу длинному черному «флитвуду». Они вцепились ручонками в рукоятку, пытаясь открыть дверцу автомашины, которая еще продолжала двигаться, выруливая к подъезду ресторана. Один из мальчишек оступился, и его ноги оказались под машиной. — Cuidado![Осторожно! (исп.)]

— Остановитесь, мистер! Остановитесь!

В тот момент, когда задние колеса машины уже коснулись ноги мальчугана, его товарищ отчаянным рывком вытянул его из-под машины. Швейцар, стоявший у входа в ресторан, ринулся вперед на мостовую, отшвырнул обоих мальчишек к водостоку и, мгновенно приосанившись, подоспел к машине вовремя, чтобы открыть заднюю дверцу «флитвуда». Палмер даже на

расстоянии мог видеть подобострастную улыбку, с которой швейцар приветствовал гостя.

— Ну и герой, нечего сказать, — пробормотала Вирджиния.

— А им хоть бы что! — сказал Палмер. — Посмотрите-ка!

Оба мальчугана, лежа у водостока, хохотали во все горло. Вирджиния внимательно взглянула на них.

— Смеются, чтобы не заплакать, — проговорила она.

Загорелся зеленый сигнал светофора, и они стали переходить улицу. Вирджиния впереди, а за нею — Палмер. Они молча миновали мрачные, уходящие ввысь колонны здания «Сигрэм». Все оно светилось желтоватым светом, проникавшим изнутри сквозь застекленный фасад.

— Город насилия, — сказала Вирджиния. — Дикие нравы. Здесь вершатся страшные дела. Вопиющие контрасты.

— Значит, вы тоже из тех, кто проливает слезы над уличными сорванцами? — Палмер вздохнул.

— О нет, — возразила она. — Я ведь и сама была уличной девчонкой. Но в то время к нам не относились с таким пренебрежением. А теперь это лишь один из множества признаков отчаянного положения, в каком находятся многие люди.

Палмер немного помолчал, затем сказал:— Но я, право же, не заметил признаков отчаяния у этих мальчуганов.

— Вот видите, — сказала Вирджиния,

— Что «вот видите»?

— Ах, это длинная история.

— Я готов слушать, — сказал Палмер. — А так как нам предстоит еще бесконечно длинный путь, то...

— Вам не понравится то, что я скажу.

— Возможно. И все же прошу вас, говорите, я слушаю.

— Прежде всего постарайтесь понять, с чем сталкиваются в жизни эти двое ребят, какие обстоятельства им благоприятствуют и какие действуют против них, — начала она. — Им повезло, что они получили хороший район. Здесь расположен фантастически дорогой ресторан, два ночных клуба, в которые часто заглядывают самые популярные кинозвезды и всякие другие знаменитости. И вдобавок гостиница тут же неподалеку. И весь этот квартал — их. Если мальчишка из другого квартала попытается прийти сюда, его разорвут на части.

— Кто, эти мальчуганы?

— Они пойдут на все, чтобы отстоять свой район, если он прибыльный. И так будет до того дня, когда кто-нибудь посильнее их не смекнет, какие выгоды можно извлечь из этого злачного места, и не воцарится здесь, прогнав их. Ведь за ночь каждый из них может заработать по крайней мере по пять долларов.

— Заработать такие деньги, открывая дверцы?

— Не только. Они выглядят до того жалкими, что редко кто решится отогнать их. Посетители ресторана и ночных клубов этого квартала не посмеют на глазах у

всех дать пинка маленьким оборвышам. И чтоб от них отвязаться, им могут бросить монету в четверть доллара.

— Ну а как же швейцары? — спросил Палмер. — Разве они не гонят этих мальчишек?

— Да, но только в тех случаях, когда чувствуют, что кто-то наблюдает за ними, или когда мальчишки становятся слишком назойливыми. А вообще здесь действует закон: живи и давай жить другим. Мальчуганы могут и позабавить кого-то из богатых посетителей, и на них можно сорвать свою злобу. В общем, они зарабатывают свой хлеб. Вы бы, наверно, определили их взаимоотношения со швейцарами как одну из форм симбиоза!

— Вы так думаете?

— И еще, — продолжала Вирджиния, — им помогает их гордость: они никогда не станут плакать в присутствии «anglos» [Так называют в Латинской Америке североамериканцев.]. Вот в чем дело. Все чувства они выражают смехом.

Палмер искоса взглянул на Вирджинию, на ее лицо, повернутое в профиль к нему, с крепко сжатыми губами.

— Это очень ограниченное средство выражения чувств, — сказал он.

— Не спорю. Зато против них действуют многочисленные факторы. Впервых, время. Когда они подрастают, швейцара это уже не устраивает, и тогда он изгоняет их навсегда. У кого не вызовут тревоги такие подростки-пуэрториканцы, слоняющиеся по кварталу? Того и гляди поножовщину затеют. Поэтому их золотая

пора детства, когда они могут что-то заработать и, смеясь, встречают удары судьбы, длится недолго.

— Во-вторых, — продолжала она, — заработанные ими деньги тоже оборачиваются против них. Конечно, если они приносили бы домой все заработанные деньги, то все было бы в порядке. Но покажите мне ребенка, который в силах справиться с соблазном утаить хоть несколько долларов! А ведь эти несчастные доллары приносят немало бед. Мальчишку могут изувечить или убить, пытаясь отнять их у него, или он может пристраститься к наркотикам, к вину и стать алкоголиком. Он может даже накопить денег для того, чтобы купить пистолет.

— Или, — прервал ее Палмер, — он может купить себе костюм, пойти в кино, хорошо поесть. Почему вы считаете, что он будет тратить деньги только на то, что должно привести его к гибели?

Она остановилась и повернулась к нему лицом. Ее рука скользнула по его локтю. — Я же предупреждала, что вам это не понравится, мой благодетельный друг.

— Я хотел указать и на другие возможности.

— Возможности, о которых вы можете судить из опыта вашего детства? — сказала она. Под ярким светом, падавшим из витрины с автомашинами иностранных марок, ее глаза, внимательно изучавшие лицо Палмера, стали как будто еще больше и темнее. — Нет, вы просто не способны понять жизнь уличных мальчишек Нью-Йорка.

— Но я же пытаюсь.

— Или понять, что такое для них деньги. Однажды вы мне изложили все свои взгляды на деньги. Помните?

Вы сказали, что деньги — основной фактор в нашей жизни. Не так ли?

— Да.

— А для этих ребяташек, — сказала ему Вирджиния, — деньги — это плата за освобождение. Вот почему они тратят эти деньги так безрассудно и быстро, у них неодолимая потребность вырваться из угнетающей их жизни, в которой они лишь мелкая, ничтожная тварь. А деньги сразу придают им силу и значение. Деньги — это пистолет, который дает им возможность почувствовать себя на голову выше всех окружающих. Или это бутылка дешевого крепленого вина. Или наркотики. Но уж, конечно, это не сытный ужин, не стакан кокаколы и не слоеное пирожное.

— Ох, как все это нелепо, — сказал Палмер, стараясь заглянуть ей в глаза. — Сколько же лет этим детишкам? Шесть, семь?..

— Нет. — Она отрицательно качнула головой:— Одному из них по крайней мере десять. Другому — одиннадцать или даже двенадцать лет.

— Тогда я не представляю себе...

— Да, это так, — прервала она его. — Я не знаю этих двух ребят, но обычно мальчишки в их возрасте познали уже все. Даже интимные отношения с женщинами.

— В десять лет? — В эту минуту их обогнал белый «мерседес» с открытым верхом и с сиденьями, обтянутыми светлой кожей. Высокая блондинка, сидевшая рядом с шофером, с укоризной обернулась на восклицание Палмера.

— В десять лет? — переспросил он на этот раз нормальным голосом.

Ее губы изогнулись в грустной усмешке:

— Наконец-то я вас шокировала.

— Я вовсе не шокирован, — запротестовал Палмер. — Скорее, пожалуй, удручен.

— Еще бы, особенно если сравнить все это с вашими юношескими годами, — сказала она и снова пошла вперед. — Ладно, лучше не сравнивайте. Мне думается, что мы с вами оба довольно поздно познакомились с интимной стороной жизни.

— В мое время это происходило лет в восемнадцать, не раньше.

— А в мои дни считалось, что восемнадцать — это слишком рано, — сказала Вирджиния.

— Значит, я упустил целых восемь лет? — усмехнулся Палмер. — Восемь лет, когда я был в самом расцвете сил, хотя еще не знал этого? Они свернули направо и пошли к Ист Ривер, пересекли Лексингтонавеню и остановились на углу Третьей авеню.

— Здесь я вас покидаю, — сказала она. — Идите и дальше в том же направлении, пока не натолкнетесь на новехонькое высоченное белое здание на правой стороне. — Палмер поборол в себе желание спросить, откуда ей известно точное местонахождение квартиры Бернса. Послышался вой полицейской сирены, становившийся все пронзительней. Палмер едва успел заметить, как мимо пронесся полицейский автомобиль и следом за ним — большая зеленая автомашина «скорой помощи» полицейского департамента.

— Кого-то где-то, — тихо сказала Вирджиния, — не успели вовремя вытащить из-под колес «флитвуда».

Они стояли и молча следили за мигающим красным фонарем на крыше автомашины «скорой помощи». Вскоре он исчез, затерявшись где-то в нескончаемой дали Третьей авеню. В это мгновение Палмер, не успев подумать, услышал свой голос:

— Можно мне проводить вас?

Она медленно покачала головой:— Благодарю вас, но у мамы привычка дышать свежим воздухом, высунувшись из окна по вечерам, когда такая прекрасная погода, как сегодня. У вас окажется столько отрицательных качеств для человека, который, по ее понятиям, может провожать вечером ее дочь, что укорам ее не будет конца.

— Какие отрицательные качества вы имеете в виду?

— О, их ужасно много! Вы мой начальник, вы женаты. В конце концов она еще заставит меня признать, что вы даже и не католик.

— Если я буду все так же часто посещать эти обеды, то, наверно, кончу тем, что стану ярым поборником католической церкви. А до той поры вы можете что-нибудь выдумать.

— Один раз я уже пыталась это сделать, но ничего не получилось. Она сразу же разоблачила меня.

— Он не был католиком? — спросил Палмер.

— Он не был холост. Доброй ночи.

Наступила неловкая пауза. — Подумать только, — сказал Палмер. — Как же она сумела выудить у вас такое признание?

— Это пустяки, — сказала она, — по сравнению с тем, как его жена выудила признание у него. Нет, в самом деле, доброй ночи, прощайте. Он продолжал стоять, глядя на нее, и она тоже не двинулась с места.

— А у меня создалось впечатление, что вы можете хранить любую тайну, — сказал он.

— А мама произвела бы на вас впечатление человека, который может проникнуть в любую тайну.

И вновь Палмер поймал себя на том, что говорит, не успев еще подумать.

— Почему бы вам не зайти вместе со мной к Бернсу?

— Пожалуй, трудно найти место, где я оказалась бы сегодня более некстати, чем в гостях у Бернса.

— Но почему? Мы же работаем вместе и делаем одно дело,

— Я помешала бы другим девушкам, — сказала она.

Палмер нахмурился:— Впервые слышу, что там будут какие-то девушки.

— А никто и не обязан докладывать вам об этом.

— Мне было сказано, что там будет чисто деловая встреча. Вы уверены в том, что это не так?

— Не уверена, но форма приглашения подсказывает мне, что я все же права.

— Бернс сказал, что будет встреча с «подходящими ребятами». Кого же он имел в виду?

— Не беспокойтесь. Там будет все, что потребуется. Положитесь на опыт ливанского распутника. Для вас это не будет вечер, потраченный впустую. Палмер сделал нетерпеливую гримасу:— Будьте наконец серьезной. Я же говорю о мужчинах.

— О, все будет как следует. Как в лучших домах, — улыбнулась она в ответ. — Но что это? Вы, кажется, и впрямь встревожены? Разве Бернс впервые позвал вас на одну из своих вечеринок?

Палмер сухо улыбнулся:— Если речь идет о подобного рода вечеринках и ваши подозрения справедливы, то должен поставить вас в известность, что отклонил по крайней мере несколько десятков таких приглашений.

— Почему же?

Он молча смотрел на нее, стараясь мысленно разобраться в сложном сплетении возможностей, которые открывал перед ним этот вопрос. Наконец он мотнул головой, решив не принимать вызова. — Что почему? — парировал он. На этот раз она сделала гримасу.

— Вы не справились с ролью интервьюируемого, — сказала она. — Вы опередили меня на несколько абзацев. Извините, что спросила вас об этом. Глупо задавать такие вопросы.

— Вовсе нет. — Палмер снова услышал свой голос раньше, чем успел подумать. Он тут же стиснул зубы, но, сообразив, что ей заметны малейшие перемены в выражении его лица, попытался легкой улыбкой сгладить свой промах.

— Во всяком случае, это не всегда глупо.

— Не всегда вообще или не всегда, если это касается вас?

Он глубоко вздохнул, а затем произнес торжественным тоном:

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос на том основании, что мой ответ может быть использован как признание вины, как косвенная улика обвинения либо как заявление, непричастное к делу в зависимости от обстоятельств разбора дела.

— Но ведь вы говорите не с прокурором, а с другом, — сказала Вирджиния. Она помолчала. — Нет нужды прятаться за Пятую поправку к конституции.

Он ничего на это не ответил.

— Если рядом с вами действительно друг, — добавила она и провела языком по пересохшим губам.

Только сейчас Палмер понял, как много он выпил. Он уже опасается скрытого смысла в каждом слове. Остерегается несуществующих опасностей, он сверхосторожен, потому что не в состоянии полагаться на здравый смысл, присущий нормальному трезвому человеку. Уж если кого-нибудь можно причислить к числу его друзей в этом городе, так это Вирджинию. Но вместо того, чтобы сказать ей об этом, он снова услышал свой голос:

— А так ли это?

Она не торопилась с ответом. Теперь Палмер сам видел, что его вопрос был, в сущности, замаскированным оскорблением. Он понял, что вновь, хотя и подсознательно, поступил так, как поступал всю жизнь:

держал всех окружающих на известной дистанции. Но неужели и сейчас он этого добивался? Неужели он хотел сохранить эту дистанцию в своих отношениях с Вирджинией?

— Не думаю, что такой вопрос заслуживает ответа, — проговорила Вирджиния. Она молча смотрела вдоль Третьей авеню, будто хотела снова увидеть красное мигание промчавшейся полицейской машины. — Для дружбы требуется по крайней мере две стороны, она не может быть односторонней, — сказала Вирджиния тихо и задумчиво. Но когда она обернулась к нему, что-то в его взгляде заставило ее добавить:— Во всяком случае, я пытаюсь вести себя в отношении вас как друг.

Палмер кивнул головой:— Я знаю.

— За этим...— Она помедлила, но все же решила закончить фразу. — За этим отношением не скрываются какие-то личные обязательства. Вы правильно сказали: все мы сообща делаем одно дело. Почему же нам не быть друзьями? Вот и все.

— Знаю, — снова сказал он, — и я о-оч...— Палмер моргнул, потрясенный своей внезапной неспособностью выговорить хоть слово. Он торопливо и глубоко вобрал воздух. — Я очень благодарен вам за это. Спасибо. Она приподняла руку, и ее длинный, тонкий палец на мгновение коснулся его щеки. Его поразило, каким горячим показался ему этот палец.

— Вам потребовалось немало усилий, чтобы произнести это. Правда? — Она улыбнулась.

Палмер дважды утвердительно кивнул, он был не в состоянии говорить.

— Ну, ничего, — негромко сказала она. Ее большие глаза внимательно, медленно оглядели его лицо. — Если вам так трудно найти нужные слова, то я принимаю это как лучший комплимент. Спокойной ночи.

Она повернулась и пошла вверх по Третьей авеню.

Глава двадцать первая

Дом, в котором Мак Бернс снимал свою городскую квартиру, был ультрасовременным, модным сооружением на самом берегу Ист Ривер. Весь его фасад опоясывали выступы балконов, расположенных весьма рискованно с таким расчетом, чтобы каждый квартирант мог любоваться видом на реку. Восемнадцатипятиэтажное здание было воздвигнуто прямо над одной из самых оживленных автострад города. Продажа частным владельцам воздушного пространства над участками, являющимися муниципальной собственностью, оказалась весьма прибыльным и смелым способом пополнения городской казны. Эта идея принадлежала одному из представителей городского управления, более предприимчивому, чем его предшественники, и именно он учел неограниченные и весьма доходные возможности, таящиеся в торговле воздухом. Палмер стоял у парапета и, задрвав голову, рассматривал это внушительное сооружение, пытаясь прикинуть, в какую сумму обошлось владельцу дома это парящее в высоте пространство. Интересно, сколько стоит воздух именно в этом районе, дороже ли он здесь, чем в других частях города? И позаботились ли городские власти, чтобы очистить этот воздух, удалить из него копоть и ядовитые газы, прежде чем вручили его в должном виде покупателю? Как высоко над городом простирались слои этого выгодного для коммерции воздуха?

А что, если, не дай бог, часть этого ценного воздуха взлетит над Атлантическим океаном и уплывет на восток, за двенадцатимильные границы территориальных вод? Или еще хуже: ведь он мог ускользнуть и на запад, в

Нью-Джерси, где отцы города Вихоукена решат, ничтоже сумняшеся, продавать его с аукциона? Покупайте натуральный манхэттенский воздух! По сходной цене!

Палмер продолжал внимательно разглядывать здание. Оно выглядело грозно. Зловещие балконы с крутыми изгибами походили на гигантские кастеты на руках великана. Интересно, подумал он, что за люди обитают в этом воздушном замке?

Он мог без труда подсчитать в уме, во сколько обходится здесь квартира, снятая или купленная в рассрочку. У ЮБТК было много закладных на здания подобного типа. Минимальная арендная плата за каждую комнату составляла по меньшей мере тысячу долларов в год. Таким образом, скромная квартира из пяти комнат, с окнами, упирающимися в стену соседнего дома, должна обходиться съемщику не менее четырехсот долларов в месяц. Но поскольку у большинства квартир были еще и балконы, стоимость их значительно возрастала.

Палмер медленно пошел по тротуару, ведущему к воротам, отметив про себя, что автомашины могли подъезжать с мостовой прямо к широкому центральному входу под застекленным навесом. А положено ли четырехсотдолларовым квартирантам пользоваться этим шикарным въездом? — подумал Палмер. — Впрочем, бедняги, живущие в этих квартирах, едва ли могут разъезжать на такси. Внутри вестибюля, отделенного от улицы стеклянной стеной, скучали два швейцара. Один в форменной шинели и фуражке. Второй — в ливрее. Бежево-красная расцветка их формы напоминала мундир полковника французского Иностранного легиона. Швейцар в шинели и фуражке мрачно и сосредоточенно следил за приближением Палмера. Его коллега в ливрее,

лениво облокотившись на крышку телефонного коммутатора, не удостоил Палмера и взглядом.

Лишь когда Палмер сам протянул руку, чтобы открыть дверь, швейцар в шинели с явным неудовольствием ее распахнул.

— Добрый вечер, — сказал он с полувопросительной интонацией в голосе, будто интересовался погодой.

— Кому о вас доложить? — небрежно проговорил швейцар в ливрее.

— Вы хотите сказать: как обо мне доложить? — поправил Палмер.

Швейцар быстро глянул на него и затем соблаговолит выпрямиться: — Прошу прощения!

— Пожалуйста, — ответил Палмер.

— Я хотел бы спросить, кого я должен известить о вашем приходе?

— Мистера Бернса.

Глаза швейцара широко открылись. Он вытянулся по стойке смирно. — Ах, мистера Бернса. Сию минуту, сэр! — Он мгновенно обернулся и схватил шнур коммутатора.

Шевеля от усердия губами, он несколько мгновений искал нужный номер, потом с силой всадил в гнездо наконечник.

— Простите, сэр. Как мне доложить о вас?

— Вуди, — сказал Палмер с легкой улыбкой.

— Да, сэр, мистер Вуди. Сию минуту доложу, сэр. — Он ждал ответа, тесно прижав телефонную трубку к уху. — Мистер Бернс? Это вы, сэр? Сэр, вас хочет видеть

мистер Вуди. — Он слушал, наморщив лоб. — Но он сказал, мистер Вуди, сэр... — Потом лицо швейцара расплылось в улыбку, и он радостно закивал головой. — О да, сэр, конечно, мистер Бернс, не беспокойтесь, немедленно будет сделано, сэр. — Он обернулся к Палмеру: — Прошу вас, мистер Вуди, прошу вас, сэр, сюда, пожалуйста.

Следуя за швейцаром к лифту, Палмер размышлял: подобного рода раболепство не могло быть вызвано одним лишь желанием получить щедрые чаевые «с праздничком»: до рождества было еще далеко, к тому же ни один нормальный человек не мог бы только из меркантильных расчетов так неприкрыто перейти от враждебно презрительного тона к угодливо подобострастному. Нет, решил Палмер. Дело, видно, не только в том, что с Бернсом здесь носятся, как со щедрым и богатым квартирантом. Его боятся. Только запугав человека до смерти, можно заставить его так унизительно пресмыкаться.

Вестибюль, который он сейчас пересекал, казалось, не имел конца. При каждом шаге ноги Палмера глубоко погружались в ковер с таким длинным ворсом, что кончики его туфель покрылись легким слоем пыли. Развешанные по стенам зеркала, обведенные тонким орнаментом, усиливали эффект грандиозных масштабов вестибюля, в котором человек должен был чувствовать себя пигмеем. Как бы для того, чтобы еще больше подчеркнуть эту масштабность, на пути у Палмера возник бассейн шириной не менее пятидесяти футов. Палмер был вынужден обойти его. В самом центре красовалась огромного размера скульптура, изображавшая женскую фигуру с невероятно тонкой талией. У нее была совершенно плоская грудь и волосы до полу. Она резко

перегнулась назад, почти пополам, ее рука была запущена в хаотическую копну волос. Трудно было понять, стремится ли она высвободить руку или как-то старается выпрямиться. Ясно было одно — несчастное создание находилось в крайне затруднительном положении. Тройная струя воды с силой устремлялась вверх из фонтана, пробиваясь между ее бедрами, и, повиснув своеобразным зонтом, обрушивалась на ее торс с яростью тропического ливня. Капли воды барабанили по ее бронзовой груди и голове, а затем, сливаясь, струились вниз вдоль тела, создавая иллюзию — по крайней мере так показалось Палмеру, — что мускулы ее поясницы и бедер содрогались не то от страсти, не то от полного изнеможения.

Швейцар почтительно подвел Палмера к автоматическому лифту и с лаконичным напутствием: — Восемнадцатый этаж, северное крыло, сэр, — склонил голову.

Палмер кивнул в ответ, нажал кнопку с цифрой «18» и почувствовал, что его сердце проваливается вглубь, отставая от быстроходного лифта, стремительно взлетевшего на восемнадцатый этаж.

Несколько минут он блуждал по мрачным стального цвета коридорам, прежде чем добрал до открытой двери, из которой его поманила рука Бернса. Даже на расстоянии нескольких метров можно было без ошибки узнать эти пальцы с тщательно наманикюренными ногтями и ослепительный блеск атомных запонок.

— Швейцар сказал, что меня хочет видеть Вуди, — сказал Бернс с кривой ухмылкой. — Вы, значит, решили скрыться под псевдонимом?

— Извините за опоздание, — сказал Палмер, перехватывая инициативу.

Бернс стоял, небрежно прислонясь к двери. Его смуглые щеки пылали густым румянцем, как у человека, только что пробежавшего большое расстояние. — Вы явились даже раньше, чем я ожидал, деточка, — заверил он Палмера. — Ну, что ж, милости просим в мою скромную хижину у ручья.

— Неужели я первый? — спросил Палмер, медленно проходя мимо него в комнату.

— Ну, может быть, не самый первый, — развязно хихикнул Бернс, — зато самый достойный.

Палмер поморщился: — А я всю дорогу прошел пешком, не торопясь.

— Детка, тебе не следовало идти пешком, — промурлыкал Бернс. Он, видимо, был здорово пьян, и вместо присущей ему манеры выговаривать слова старательно и отчетливо он смазывал все звуки, так что у него получилось: «Те н'слевло ти пшком».

— Я просто прогулялся за компанию. — Палмер видел свое отражение в огромном трюмо, обрамленном старинной резной рамой красного дерева. Вся передняя была выдержана в псевдостаринном стиле. Из комнаты доносились приглушенные голоса людей, которые что-то оживленно обсуждали.

— Ах, неотразимая мисс Клэри! — Бернс тихонько ухмыльнулся себе под нос. — В компании с Вирджинией, газетною богинею, — продекламировал он. — Твердый орешек. Палмер холодно пожал плечами: — Она производит впечатление очень разумной молодой леди.

— Разумной? — Бернс помолчал. — Ах, разумной! — Он энергично закивал: — Да, несомненно. Но знаешь, на что она похожа, а? На телефонную станцию. — Он постучал пальцем по лацкану палмеровского пиджака. — И знаешь почему? У нее все номера заняты, как на телефонной станции! — Собственная острота привела его в полный восторг, и он самодовольно захихикал.

— Я пригласил ее с собой, — добавил Палмер, — но она отказалась.

Бернс несколько мгновений размышлял. — Молодчина, — наконец сказал он.

— Не понимаю.

Бернс пожал плечами: — Сейчас еще не время для забав, душа моя. Она знает, что к чему. Значит, молодчина.

Палмер стиснул зубы: — Я приглашал ее сюда не для этого.

Бернс снова захихикал: — Ах, для таких забав у тебя есть другой уголок? Да? Слушай, Вуди, считай, что все, что принадлежит мне, принадлежит тебе. Вся эта квартира в твоем распоряжении, тебе не найти более укромного местечка. Я говорю вполне серьезно. Считай себя здесь хозяином и учти: тебе даже не надо меня ни о чем просить, ты только предупреждай заранее, чтобы я не вломился не вовремя, вот и все.

Палмер хотел сказать что-то очень резкое, но не успел он открыть рот, как Бернс взял его под руку и быстро провел в гостиную.

Претензия на современный шведский стиль, отметил про себя Палмер. Тут преобладали светлые тона: мебель

тиковая и светлого дерева, белые, серые и черные квадраты обивки. Люстры и торшеры были из каких-то странных стеклянных сосудов, соединенных или разделенных сложными переплетениями лозы и соломы. В самом центре большой квадратной комнаты распластался гигантский белый ковер причудливой формы с длинным пушистым ворсом. В центре ковра на низком столике для коктейлей, покрытом стеклом толщиной по меньшей мере в два пальца, поблескивали приземистые массивные бокалы с напитками янтарного цвета и плавающими в них кубиками льда. Бокалы были наполовину опорожнены.

— Взгляни на ковер, — бормотал Бернс на ухо Палмеру. — Ведь он на поролоне, как матрас. Так что, мой мальчик, стоит только убрать стол, и перед тобой самая великолепная, самая большая, самая уютная кровать во всем городе. Катайся по ней во все стороны. Ну как, дошло?

Палмер озирался по сторонам, здоровался. Да, эти люди были ему знакомы. В дальнем углу, рядом с камином из нержавеющей стали сидел Большой Вик Калхэйн. Несмотря на то, что он почти утонул в низком широком кресле, его громоздкая массивная фигура поражала своими габаритами всякого, кто бы на него ни посмотрел. Его здоровенные ножищи, которые он вытянул перед собой, вызывали такое же ощущение прочности, как мост, перекинутый через широкую реку. Его могучая грудь и плечи казались еще более внушительными, так как до отказа распирала пиджак. Сравнительно небольшая, правильной формы голова к смуглое лицо Калхэйна — уроженца Средиземного моря — с аккуратным ирландским носом дополнялись еще одним атрибутом его политического кредо — короткой

солдатской стрижкой, которую он сохранил со времен второй мировой войны. Наблюдая за ним, Палмер снова залюбовался физической мощью этого человека, который даже в минуту отдыха производил впечатление несокрушимой монументальности и прочности. Его зелено-голубые глаза быстро глянули на Палмера из-под длинных ресниц. Калхэйн торжественно подмигнул ему в знак приветствия, а затем искоса посмотрел на сидящего рядом с ним Оуги Принса.

Хотя Принс был не таким уж малорослым, рядом с Калхэйном он казался лилипутом. Как обычно, он был тщательно одет: суженные брюки, отлично сшитый по последней моде пиджак, сорочка ржаво-оранжевого цвета с едва заметным коричневым узором и пестрый галстук с самым контрастным сочетанием тонов. С какой бы стороны ни смотреть на Принса, его тело выглядело узким, как лезвие, причем — заметил Палмер — эта узость не имела ничего общего с изяществом или стройностью.

Принс сидел, несколько наклонившись вперед, скрестив ноги, и рассказывал Калхэйну какую-то историю о радиокомментаторе, на которого, судя по всему, они оба имели зуб. Сам Принс был политическим репортером, постоянно ездил по командировкам то в Олбани, то в Вашингтон.

За спиной Принса, склонившись у книжного шкафа, в который Бернс поставил несколько последних, наиболее модных книг, стоял Эл Конн. На первый взгляд он производил впечатление самого заурядного и неприметного среди знакомых Палмера: среднего возраста, с тусклыми коричневато-серыми волосами и

ничем не примечательным лицом, где выделялись только глаза. Но именно глаза выдавали его.

В то время как Палмер наблюдал за ним, эти необычные глаза Конна — выпуклые, с тяжелыми веками — быстро пробежали по страницам книги, которую он держал в руках. Палмер решил, что Конн, видимо, страдает заболеванием щитовидной железы и поэтому его и без того большие, слегка навывкате глаза, казалось, вот-вот выскочат из глазниц. В этих глазах был неутолимый голод. Они пожирали все, что встречалось на пути. Вне дома Конн обычно носил большие очки в широкой оправе, будто хотел скрыть от посторонних взоров алчность своих глаз. Однако среди друзей он, судя по всему, превосходно обходился без очков. Да, размышлял Палмер, у Конна много друзей. И в самых различных сферах. Конн был широко известен как глава строительной фирмы, владел акциями одной из крупных компаний, которая хорошо зарабатывала на подрядах по строительству. Он также участвовал в нескольких компаниях, занимающихся куплей-продажей недвижимости, к тому же был одним из совладельцев частных автобусных компаний и парков такси, директором концерна по производству металлоконструкций, одним из директоров страховой компании и нескольких фирм, связанных с междугородными автоперевозками. В то же время, совсем не случайно, Конн был известен как один из наиболее энергичных сборщиков средств для местного комитета демократической партии. Он один собирал больше денег для партийной кассы во время избирательных кампаний, чем все остальные сборщики, вместе взятые. Его многочисленные друзья в беседах с ним с дружеской фамильярностью называли его Эл, а за

глаза именовали иногда «закулисный мэр» или — «его величество Конн».

— ...Так вот что произошло на той неделе в радиостудии, — рассказывал Оуги Принс. — Мы решили разыграть этого радиосплетника так, чтобы он на всю жизнь запомнил. Ясно? И вот к полуночи мы привели девчонку в студию, как раз ко времени, когда...

Палмер кивнул Конну и равнодушно позволил Бернсу отвести себя к бару в углу комнаты, где тот широким жестом указал на целую батарею самых дорогих вин.

— Что будешь пить, Вуди?

Палмер отрицательно покачал головой: — Друзья за моим столом перестарались. Теперь я — пас.

— Ну, хоть чего-нибудь тебе плеснуть? Может, содовой?

— Лучше имбирного пива.

— ...так вот, мы только ждали, чтобы подошло время десятиминутного выпуска последних известий. Ясно? — продолжал Принс. — Когда он читает сводку новостей, ему, конечно, нельзя ее прервать. Вот мы и воспользовались моментом: как только он включил микрофон и начал передачу, мы наполовину стянули рукава его джемпера и привязали его крепко-накрепко к стулу. А он все это время говорит в микрофон, и передача идет в эфир. Понятно? Затем мы стаскиваем с него брюки, и — представляешь — сидит он там без штанов и продолжает что-то лепетать о последних событиях. А голос у него такой — вот-вот взвоят. Потеха! Вот тут мы и приволокли в студию ту девчонку. Она

принимается за работу. А парню остается еще минут восемь до конца передачи...

Конн слегка повернулся к Оуги Принсу. Его прожорливые глаза на минуту оставили в покое страницы книги, которую он перелистывал, и скозились в сторону Принса, чтобы проглотить анекдот. Калхэйн, почувствовав на себе тяжесть этого жадного взгляда, повернулся и подмигнул Конну.

Бернс упорно совал в руку Палмеру массивный бокал:— Слушай, я еще не встречал банкира, который отказывается пить!

— Возможно, — согласился Палмер.

— ...и поработала же она, — продолжал Оуги Принс. — Все было рассчитано тютелька в тютельку. Ему еще 40 секунд оставалось читать, когда... ух! Ты бы слышал, как у него звучали последние строчки бюллетеня. Прямо в эфир! Мы так ржали, что чуть не прозевали конец передачи. Тут мы подхватили девку и мигом выкатились из студии, прежде чем начался следующий репортаж... Умора, да и только! — От смеха объемистые легкие Калхэйна еще более раздули его широченную грудь. Но вместо оглушительного рева Палмер, к своему великому удивлению, услышал лишь тихий и сдержанный смешок.

— Слушай, Оуги, — сказал Калхэйн, — может, стоит такой же номер отчебучить кое с кем из ораторов во время банкета?

Слух Палмера резануло визгливое кудахтанье Принса.

— Знаешь, я бы не рискнул, Вик, — ответил он, отдуваясь. — А парень так зол на меня за это, что я бегаю от него всю неделю.

— Он, что, хочет тебя вздуть, да?

— Да нет, он просто хочет узнать имя той девчонки, — сказал Принс, — а я ему не говорю.

Палмер поморщился от оглушительного хохота, потрясшего стены. Стоящий рядом с ним Бернс самозабвенно завывал от восторга. Резкие и пронзительные смешки Конна напоминали тявканье маленького, но задиристого пса и перекрывали восторженные взвизгивания Принса. Солидным фоном для этого восторженного ансамбля служил размеренный рокот Калхэйна, напоминающий гул большого барабана.

— Оуги, — начал было Эл Конн, — если б ты только...

— Ну нет, и ты, дружок, не узнаешь ее имени! — выкрикнул Принс.

Палмер воспользовался минутой нового пароксизма хохота, пересек комнату и уселся в кресло прямо против Калхэйна. Эффект был такой, как если бы в комнату вошел проповедник или супруга одного из присутствующих. Воцарилось напряженное молчание, и Палмеру вдруг пришло в голову, что когда попадаешь в среду малознакомой тебе тесной компании, то получаешь определенные преимущества и обретаешь нечто вроде права вето.

Все четверо настороженно воззрились на Палмера. Несмотря на свой немалый опыт, они не сразу нашли, как разрядить создавшуюся напряженность. Наконец Конн опять засмеялся, только уже по-другому, будто

вспомнил что-то забавное, но не имеющее никакого отношения к пошлой истории Принса.

— А я вот что скажу, — назидательно проговорил он, — покуда мы еще не утратили способности смеяться, жизнь чего-нибудь да стоит!

Теперь Бернс, как хозяин дома, взял на себя инициативу руководить дальнейшим развитием действия и перешел ко второму акту этого спектакля.

— Итак, весельчаки, — сказал он, — напоминаю вам, что до открытия следующей сессии законодательного собрания в Олбани осталось ровно полтора месяца.

— Ой-ой, беда! — простонал Калхэйн, с комической беспомощностью воздев к небесам свои огромные ручищи.

— Мак прав, — глубокомысленно заявил Конн. — Нам не избежать схватки, так или иначе придется разрубить этот узел: или даешь рыбу, или сматывай удочки!

Палмер с любопытством посмотрел на этого человека с алчными глазами. Не всякий сможет в одной фразе перемешать две метафоры и заключить их еще третьей — абсолютно не к месту.

— Насколько мне известно, — начал Палмер, — во-первых...

— Оуги, дорогуша, — перебил его Бернс, обернувшись к Принсу: — Ты ведь, кажется, куда-то спешил?

Принс сразу вскочил со своего места. Его мгновенная реакция подтвердила догадку Палмера, что репортер только и ждал этого сигнала.

— Да, да, сегодня же четверг, Мэкки, — торопливо проговорил Принс, направляясь к двери, — и у меня чертова куча всяких дел, я пошел.

— Ладно. — Бернс взял репортера за локоть, и они оба скрылись в вестибюле. Вскоре Палмер услышал, что они заговорили в несколько повышенном тоне, не то что ссорились, а просто, видимо, в чем-то не сошлись мнением. Палмер встал и подошел к бару, будто для того, чтобы добавить льду в свой бокал. Отсюда он мог видеть оживление жестикулирующего Бернса; он держал в руке большой черный бумажник. В конце концов Бернс пожал плечами, вынул ассигнацию и отдал Принсу, который спрятал ее в свой бумажник, почти такой же формы, как у Бернса. Палмер добавил еще кубик льда себе в бокал и вернулся на место.

— Насколько я могу судить, — начал он снова, — первое, что нам надо сделать...

Калхэйн медленно покачал головой, улыбнулся Палмеру и несколько раз поднял и опустил свои мохнатые брови.

Дверь в прихожую закрылась, и Бернс вернулся в гостиную, пряча на ходу бумажник во внутренний карман.

— Все на один лад, — пробормотал он, усаживаясь рядом с Палмером и кладя руку ему на колено. — Нельзя им доверять.

— Даже если они у вас на содержании? — спросил его Палмер.

Молчание нарушил громкий лающий смех Конна.

— Ждем от тебя ответа, милый Мэки, — сказал он.

Бернс ухмыльнулся с притворным простодушием и столь же притворным огорчением. Его узкие ноздри при этом раздулись. — Для меня, — протяжно заговорил он, — нет более презренной профессии, чем профессия газетчика. Среди них, возможно, найдется несколько честных людей. Но знайте, дитя мое, вы и пары слов не успеете сказать о продажности политиков, полицейских или бизнесменов, как у газетчиков уже готова целая книга.

— Странно слышать это от человека, который занимается рекламой и прессой, — заметил Палмер. — Вы хотите сказать, что большинство из них продажны? Или что вы сами подкупили большинство из них?

— Это уже профессиональная тайна, — ответил Бернс.

— Я интересуюсь этим, как банкир, — возразил Палмер. — Мне известно, сколько вам платят, и я опасаюсь, что при таком количестве непредвиденных расходов никаких денег вам не хватит.

— Не тревожьтесь за Бернса, — откликнулся Конн, — этот парень все равно что кошка: падает на все четыре лапы.

— И не забудьте еще о девяти жизнях, — мрачно добавил Калхэйн.

— Мне все же интересно, — настаивал Палмер, стараясь говорить дружелюбно, без тени

превосходства. — Почему вы так ополчились на прессу? Неужели все они продажны? И если так, чем вы это объясните?

Бернс начал с того, что скорбно покачал головой, и только потом заговорил:

— Может, вы и найдете среди них таких, кого ничем не подкупишь. Но их много не наберется. Почему? — Он встал и начал вышагивать по комнате своей уверенной, упругой походкой. — Знаете ли вы, сколько эти ребята получают в неделю? Даже по контракту?

— Существует множество людей с очень скромным заработком, — возразил Палмер, — но это не значит, что любого из них можно подкупить.

— Это верно, однако не все они обладают могущественными возможностями газетчиков — вот что развращает, лапочка, — пояснил Бернс. — Не только нужда в деньгах, но и возможность создать нечто стоящее в обмен на них. Полицейские тоже обладают определенной властью. Но полицейские — это в основном ребята с образованием не выше среднего. В газетах же в наше время нередко встречаешь людей, окончивших колледжи, а некоторые имеют даже по две ученые степени. Полицейский схватит у тебя мелкую взятку и удерет с ней, как воришка, но у парня из газеты — мания величия. Ему подавай что-нибудь почище. Его не всегда можно подкупить при помощи одних только денег. Существуют три соблазна, перед которыми ему не устоять: деньги, власть и честолюбие. Из них быстрее всего съедает его честолюбие. А если разобраться по существу, что представляет из себя газетчик? Он видел слишком много фильмов, прочел слишком много всяких историй и влюблен в самую мерзкую из всех профессий в

мире. И до тех пор пока он влюблен в нее, ему никогда не выкарабкаться наверх. А пока он не выкарабкается, честолюбие будет подтачивать его изнутри. Он видит других парней — своих сверстников, достигших власти, славы, богатства. А он пригвожден к работе, которая дает ему несколько несчастных долларов в неделю. А что это за работа? Ему приходится копаться в чужом грязном белье, стряпать репортажи из чужих плевков. А если ему когда и попадетсЯ стоящий материал — он не сможет его напечатать. И он это знает. Те, кто стоит над ним, уничтожат его, если только он осмелится это опубликовать. Итак, вот его портрет: юношеские мечты прокисли, надежды утрачены, его снедает зависть, ему опротивела вечная борьба за положение в обществе — что ж удивляться, если он становится продажным?

Наступило молчание. Калхэйн чуть слышно усмехнулся.

— Черт бы тебя драл, Мак, — буркнул он, — ведь то, что ты говорил, можно сказать о любом человеке на земном шаре!

Глава двадцать вторая

Конн покинул их вскоре после полуночи, оправдываясь тем, что уже стар для подобных развлечений, хотя он был не намного старше любого из них.

— К тому же, — заявил он, окинув всех своими голодными глазами, — чем меньше я знаю, тем меньше мне придется впоследствии отрицать.

После его ухода примерно до половины второго Бернс и Калхэйн продолжали пить. Наконец и Палмер снова принялся за шотландское виски, так как начал чувствовать себя одиноко, оставаясь сравнительно трезвым в этой компании. Разговор шел о различных комитетах и людях в Олбани, следуя по такому запутанному руслу, что только профессионал мог разобраться, о чем тут речь. В конце концов у Калхэйна, уже еле ворочавшего языком, сорвалась очень типичная фраза, которая, по мнению Палмера, подытожила всю их дискуссию:

— Вытащим-ка все это дельце из банковской сферы, загоним на ринг, и пускай Берни с Джимом потузят там друг друга. А тем временем старый плут пусть упрячет их законопроект под сукно.

— Только б Хэму удалось вовремя обернуться, — заметил Бернс. Во втором часу ночи перешли к другим проблемам, в которых Палмеру было проще разобраться.

— Я слышал, — заявил Бернс, наполовину глотая слова, — что «Меррей Хилл» держит закладную на дом

Гарри и на две его фермы. — Он медленно повернулся к Палмеру:— Верно я гврю?

— Если речь идет о том Гарри, которого я имею в виду, — не очень внятно ответил Палмер, — то не имею об этом никакого представления. Знаю только, что крупный коммерческий банк в том районе пользуется его услугами как юрисконсульта.

— Так что же, по-вашему, перетянет? — допытывался Калхэйн. — Дом и фермы или тепленькое местечко адвоката?

Бернс пожал плечами:— «Меррей Хилл» не может конфисковать его дом и фермы. У Гарри нет никакой задолженности, никаких обязательств. — И Бернс снова вопрошающе воззрился на Палмера:— Верно я говрю?

— Я не в курсе дела. Кое-что можно бы узнать о нем в кредитном управлении.

— О Гарри там много не узнаешь, — заметил Калхэйн. — Он платежеспособен.

— Великое дело текущий счет, — мечтательно произнес Бернс, — если кто-то его имеет, то это именно Гарри. Верно я гврю, Вуди?

— О чем идет речь? — спросил Палмер.

— Я не имею в виду, — пояснил Бернс, — то есть я имею в виду, что Гарри платежеспособен не только по видимости, потому что платит сам за виски и за проезд в такси. Но и по-настоящему платежеспособен, верно?

— Текущие счета бывают разные, — бормотал Палмер, лениво прислушиваясь к потоку своих слов, — одни сами текут, как виски в глотку, а другие...

Калхэйн сочувственно кивнул головой. — А вы здорово нагрузились, — сообщил он Палмеру.

— Да ну? — радостно удивился Палмер.

Бернс что-то обдумывал. — Ну, как, обо всем уже переговорили, а? Или еще что осталось?

— Нет, — заверил его Калхэйн.

— Тогда, значит, позовем девочек? — предложил Бернс.

— Не для меня, — сказал Калхэйн. — Я же говорил, что готовился стать священником. Дал два обета — целомудрия и умерщвления плоти.

— И верен своим обетам, — пробормотал Бернс. — Благонравный мальчик. — Он опять повернулся к Палмеру:— Ну, как насчет девочек, Вуди?

— Ему тоже никого не надо, — объявил Калхэйн.

— Дал две клятвы, — пояснил Палмер, поднимая правую руку:— Торжественно клянусь говорить правду.

— Воспользуйтесь Пятой поправкой к конституции, — посоветовал ему Калхэйн.

— Не солгу, — продолжал Палмер. — Соблюдаю верность, противник гомосексуализма и прочих...

Бернс пододвинул к себе белый телефонный аппарат и набрал номер. — Персик? — спросил он. — Это Мак. Я тебя разбудил?

— Не берите Персика, — предостерег Калхэйн Палмера театральным шепотом. — Она чересчур суетливая.

— ...У нас здесь небольшая вечеринка, — говорил тем временем Бернс, — пара-троечка парней.

— Вам не понравится его вкус, — сказал Калхэйн, — среди них нет ни одной уютной девчонки. Все какие-то мастодонты. В общем, нестоящее дело.

— ...Прихвати какую-нибудь взрывную бабенку, Персик, — говорил Бернс.

— Его как раз к таким тянет, — продолжал Калхэйн, — он и меня привык ими снабжать, потому что по моим габаритам они мне подходят. А сам он пристрастился к ним еще в Голливуде, его привлекают масштабы. Где только он ухитряется их выкопать? Таких не часто встретишь. Когда кто-нибудь из них наведывается в город с Западного побережья, они первым делом звонят к нему. — Калхэйн со вздохом встал, шагнул к Бернсу и отобрал у него телефонную трубку.

— Персик, — заорал он, — если ты будешь так поздно ложиться спать, то в твоём грандиозном развитии наступит заминка! Спокойной ночи, куколка! — Он повесил трубку.

— Ну-у, Вик, — недовольно протянул Бернс, — я уж совсем было настроил ее...

— Завтра у нас деловой день, — пророкотал Калхэйн, возвышаясь над ним. — Мне, брат, время сматываться. Как насчет ленча?

Бернс вытянулся в тщетной попытке выглядеть хоть немного посолидней рядом с этим великаном. — Ладно, ступай, поцелуй жену в лобик.

Он наблюдал, как Калхэйн с неожиданной грацией двинулся к двери. — Встретимся за ленчем! — прокричал Бернс ему вслед.

— Идет.

Калхэйн обернулся к Палмеру:— Вам тоже пора сматываться, Вуди. Не вздумайте отведывать его десятитонные деликатесы. Будьте здоровы. — Дверь бесшумно закрылась.

Бернс набрал два-одиннадцать:— Диспетчера, пожалуйста. — Он подождал, затем назвал диспетчеру какой-то номер и опять стал ждать, внимательно разглядывая свои ногти:— Тимми? Он спускается, заводи машину. Спокойной ночи.

— Шофер Калхэйна? — спросил Палмер.

Бернс кивнул. — А тебе по вкусу солидные дамочки? — спросил он. — Или ты не пробовал?

— Давно не имел с ними дела, — ответил Палмер.

— Прекрасное ощущение, дружище. Понимаешь, есть что пощупать.

— Возможно, — сказал Палмер. Он медленно поднялся, морщась от колющей боли в коленях. — Такси, наверно, сейчас не достать?

— Какое еще такси? — удивился Бернс. — Мой шофер довезет тебя.

Палмер взглянул на часы: — Нечего беспокоить его в такое позднее время, он уже спит.

— Мой шофер ложится спать вместе со мной, — заявил Бернс и бессмысленно захихикал, поглядывая на полуопорожненные бокалы. Он грузно плюхнулся в

кресло, икнул и некоторое время сидел, уставясь на галстук Палмера. Потом перевел взгляд на его лицо. — Эй, дружище! — проговорил он наконец.

— И вам и вашему шоферу уже пора спать, — сказал Палмер.

Бернс медленно покачал головой.

— Скажи-ка мне, лапа, что думает твоя супруга, когда ты возвращаешься домой под утро?

Палмер некоторое время постоял в нерешительности, не зная, стоит ли отвечать или лучше попрощаться и уйти. Сам того не ожидая, он услышал, что отвечает: — Понятия не имею. Она уже спит, когда я прихожу.

— Никогда не ждет тебя?

— Нет. Разве только если я сообщу, что рано вернусь.

Бернс усмехнулся:

— И наутро не подвергает тебя допросу с пристрастием?

— Нет.

— Неужели не случается, чтоб она спросила, какого черта и где ты шатался до рассвета?

— Нет, насколько я помню.

Бернс вздохнул.

— Ах, прелесть моя, — протянул он нараспев, выговаривая слова немного в нос. — Ловко же ты устроился.

— Что значит устроился? — Палмер с удивлением обнаружил, что снова сидит в кресле.

— У него жена, которая ни в чем его не подозревает, а он еще спрашивает, что значит ловко устроился.

— Она просто привыкла к особым условиям моей работы, вот и все, — пояснил Палмер. — У меня всегда было множество деловых встреч.

— Вудс Палмер-младший, — нараспев произнес Бернс, — неужели вы и впрямь такой простак, каким прикидываетесь? Палмер сидел некоторое время молча. — Если я правильно понял вас, — медленно произнес он, — а выразились вы достаточно ясно, вы считаете, что я должен был воспользоваться такими подходящими условиями.

— Вот именно, — подтвердил Бернс. — И чтобы шито-крыто. В нашем городе не найдется ни одного женатого человека, который не мечтал бы о такой вот нелюбознательной жене. Скажи, детка, как случилось, что ты не воспользовался этой возможностью? Ни одного адюльтерчика?

Палмер легонько усмехнулся, откинувшись на спинку кресла. Самое время сказать «спокойной ночи» и уйти. Именно теперь.

— Могу сказать, — услышал он собственный голос. — Мне такая мысль и в голову не приходила.

— Никогда не поверю.

— Я даже не знал бы, с чего начать.

— Ты меня не дурачь.

— Ладно, хватит, — произнес Палмер, вставая.

— Послушай, все это разговорчики в пользу бедных, — заявил Бернс. — Вуди, перед тобой дядюшка Мак, и он понимает, что к чему. По твоим глазам я все вижу, меня не обманешь. Я заметил, как ты оглядываешь девочек с ног до головы. Не знаю, зачем тебе отпираться, дружище, бьюсь об заклад, ты отлично знаешь, с чего начать.

Палмер снова сел, взял первый попавшийся бокал виски, наполовину опорожненный, и сделал неторопливый глоток. Он успокаивал себя тем, что, во-первых, намек Бернса — это лишь выстрел наугад, который случайно попал в цель. Бернс просто не способен к такой наблюдательности. Да и когда ему было наблюдать. Но тут же он понял, что ему нечем крыть. Молчание — вот единственное его оружие. Правда, он не всегда умел им пользоваться. Молчание было оружием отца.

— Никаких комментариев? — немного выждав, спросил Бернс. — Ну и не нужно. — Он вздохнул, затем, крикнув, потянулся к Палмеру и похлопал его по колену. — Я знаю, Вуди, знаю обо всем, — сказал он. — Но, деточка, это вовсе не должно вас огорчать. Тут нет ничего дурного. Это лишь признак того, что вы живой человек, вот и все. Наилучший признак.

Палмер слегка поежился. Он чувствовал, что его губы беззвучно шевелятся. Он смочил рот глотком виски. — Со мной все в порядке, — сказал он медленно и очень тихо. — Покуда я держу себя в руках. — Эти слова звенели в его голове еще долго, после того как он умолк. Он понял, что сознание у него начинает уже раздваиваться — обычное следствие того, что он

основательно выпил. Он снова мог видеть себя со стороны сидящим в кресле, слышать, что сам говорит, и ему стало неловко за то, что он сделал такое признание. Но в то же время ему было решительно наплевать.

— Очень странно, — пробормотал он.

— А знаешь, что случается, когда захлопнешь предохранительный клапан? А? Котел взрывается, вот что бывает. Я, конечно, готов признать, что самообладание — великая вещь, однако в слишком больших дозах и оно вредно. А? — сказал Бернс.

— Со мной все в порядке, — услышал Палмер, что повторяет вновь то же самое. — До тех пор, пока я держу себя под контролем. И баста!

Бернс сокрушенно покачал головой: — Вы, банкиры, вы, обитатели Среднего Запада! Не знаю, в чем причина, но у всех у вас непорядок с сексом. Вместо того чтобы заставить его работать на вас, он сам крутит вами как хочет.

Палмер пытался поднять руку, но почувствовал, что не может. В то же время, наблюдая за собой откуда-то с другого конца комнаты, он увидел всю беспомощность этого движения и внезапно понял, что опьянел гораздо сильнее, чем представлял себе. — Контроль, — произнес он, — вот в чем вся штука.

— Свобода действий — вот в чем вся штука, — возразил Бернс. — Человек не создан для того, чтобы держать себя под какимто контролем, — добавил он и нервно поерзал в кресле. — Твоя супружеская жизнь — твое частное дело, Вуди. Эдис — шикарная женщина. То, что я говорил, конечно, не касается непосредственно ее

или тебя. Не об этом речь. Я высказываю лишь общие соображения.

Палмер опять попытался поднять руку, на этот раз ему удалось оторвать плечо от спинки кресла. — Хватит, — пробормотал он.

— Я сказал уже, что это не касается тебя лично, — безжалостно напомнил ему Бернс. — Мужчины отличаются от женщин. У женщин есть дети, и они выют для них гнездо. И все такое. Инертность — вот женская отличительная черта. Я, конечно, не имею в виду необузданных баб или проституток. Я имею в виду обычных порядочных женщин. Такая встречается с сексом только однажды, у себя дома. Но мужчины созданы иначе. Это вечные искатели приключений. Такая уж у них природа, Вуди. Взгляни, как устроен мужчина и как устроена женщина, и тебе будет ясно, что она останется инертной, а ему сам бог велел не зевать, а действовать. И люди не в силах что-то изменить. Они такими сотворены — вот в чем штука. И следовательно... — Бернс нахмурился и умолк. — И следовательно... — Он размашистым движением провел рукой по своим узким губам... — И следовательно, — выговорил он наконец, — никакого значения не имеет: как бы прекрасно ни было дома, мужчина вечно чего-то ищет. А когда дома не все хорошо, он уже не спрашивает: почему? Он сам начинает искать ответ на этот вопрос уже вне дома. У некоторых все хорошо и дома и вне семьи. В таких случаях никто не виноват — ни они, ни их жены. Просто мужчины не могут с этим совладать. Такая уж у нас природа. Вот и все.

Палмер долгое время сидел неподвижно. Он чувствовал себя непринужденно, мог даже уснуть на

глазах Бернса. Но в то же время, наблюдая за собой откуда-то со стороны, он видел сам себя в этом жалком, неприглядном обличье. С огромным усилием он выпрямился в кресле и заявил: — Все это чушь.

Бернс расхохотался: — Чем скорее, душенька, ты поймешь, что я говорю чистейшую правду, тем скорее самому тебе станет легче жить. — И он опять потянулся к телефону: — Давай позовем Персика, а?

Палмер закрыл глаза. — Никаких Персиков, никаких Пончиков. — Он открыл глаза и медленно вытолкнул себя из кресла, чувствуя, как неприятно напряглись у него мускулы, когда он встал на ноги.

— Разве это может повредить? — настаивал Бернс. — Вполне порядочная дамочка, днем она работает кассиршей на аэродроме. Поневоле должна быть порядочной, верно я говорю?

— Можно сейчас достать здесь такси? — поинтересовался Палмер, шагнув к выходу.

— Ну куда тебе спешить, Вуди? Пообщайся с людьми. Встряхнись немножко. Подурачься, в конце концов. Чего тебе бояться?

Палмер услышал, как Бернс, спотыкаясь, встал и пошел вслед за ним к двери. — «Будь смелым со мной и не бойся, — пробормотал Палмер. — Ведь я не дитя, мой любимый. Будь же страстным со мной...»

— Что?..

— ...«Будь страстным, дорогой», — сказал Палмер, открывая дверь.

— Ты порядочно-таки накачался, Вуди, — предостерег его Бернс. — Давай я вызову свою машину. — Он последовал за Палмером по коридору.

— Бомбсвиль, США, — сказал Палмер, дважды ткнув пальцем в кнопку вызова, прежде чем лифт пришел в движение.

— Вижу, что самому тебе не справиться. — Голос Бернса звучал озабоченно и в то же время раздраженно. — Я спущусь с тобой и поймаю такси.

— Никаких такси, Мак, Мэки Нож! [Герой пьесы Брехта «Трехгрошовая опера».] — ответил Палмер. Двери лифта раздвинулись.

— Я спущусь с тобой. — Бернс вошел в кабину лифта вместе с Палмером и нажал нижнюю кнопку.

— «Перчатки Мэки — из капрона, — тихо напевал Палмер. — С них кровь смывается легко...»

— Послушай, — мрачно сказал Бернс, пока они спускались, — когда мы вылезем из лифта, держи себя в руках. Я не скуплюсь на чаевые швейцарам, но у них всевидящее око.

— «Но Мэки знает слишком много, — прошептал Палмер. — И вот наш мальчик под замком»...

— Сколько же вы хлебнули до прихода ко мне? — спросил Бернс.

— М-ного, — ответил Палмер. — Ист ниhtс гут [Нехорошо? (нем.). Здесь: вы не довольны], Мэки Нож?

— Ты шпрех э биссель дойтч? [Разговариваешь немного по-немецки? (испорч. нем.)] — удивился Бернс.

— Научился по долгу службы. — Кабина резко затормозила перед остановкой, и Палмера замутило. — Я как раз из тех, кто ловил немецких ученых-ракетчиков. Вот такая штука. Это была альте криг [Старая война], мировая война цвай [Два]. — Он глубоко вздохнул и вышел из кабины лифта.

— Все в порядке?

— Руки прочь!

— Я только пытался помочь вам.

— И ну вас с вашими дамочками.

— Спокойнее, дружище, — прошептал Бернс. Его желтые глаза злобно сузились, как у тигра.

Они направились к главному выходу. Дежурный швейцар встал и вежливо поклонился. Палмер выпрямился, холодно кивнул в ответ и прошел мимо него прямо на улицу, в холодный ночной воздух. Отойдя немного от подъезда, он громогласно обратился к пустынной улице: «Учителя и метрдотели все суетились, все мне льстили, и жизнь была скучна, пока я не прозрел!»

— Сюда, — сказал Бернс, указывая дорогу на Саттон Плейс. — Видите, вот там, под тем деревом у «Эльдорадо»?

— Руки прочь!

— О, какие мы гордые!

— Не нужна мне ваша машина, — твердил Палмер, — не нужны мне ваши женщины. Зря стараетесь. Понятно?

— Забудем про женщин, но возьмите машину.

— «...Чтобы легкая, сладкая жизнь затянула меня как болото...» — Палмер отшвырнул руку Бернса и пустился бегом вдоль улицы, мимо низкого длинного черного «кадиллака». Потом он свернул за угол, побежал на запад и наконец достиг Первой авеню. Там он, бездыханный, остановился, припав спиной к шершавой кирпичной стене. — Отныне начинаю жить почеловечески, — едва выговорил он, жадно ловя ртом воздух. Он почувствовал, как пот выступил у него на лбу. Слабея, он сполз вниз, шаря в кармане в поисках носового платка. Неожиданно послышалось постукивание женских каблучков. Вытерев лицо, он увидел мужчину и женщину, появившихся из-за угла. Они прошли мимо и даже не взглянули на него. Еще один пьянчуга, да еще вырядился в смокинг.

Он наблюдал за удалявшейся женской фигурой, пока оба они не растворились в темноте. Он прикрыл глаза, снова открыл их и увидел такси, медленно проезжавшее по Первой авеню. Спотыкаясь, он бросился вслед за такси вдоль улицы, махая рукой, и бежал, бежал, бежал что было сил.

Глава двадцать третья

День начался неудачно. Эдис встала, как всегда, в шесть тридцать, чтобы проводить детей в школу. А Палмер, проснувшись, не успел еще пошевелиться, как почувствовал страшную головную боль. Скривившись от боли, он потянулся за часами, брошенными на тумбочку у кровати. Было уже восемь часов. Сев в кровати, он мгновенно пришел в себя и понял, что не успел повидаться с детьми, опоздает в банк, а в довершение ко всему эта невыносимая головная боль!

Завтрак тоже не принес облегчения. Две таблетки аспирина пока не помогали, а напряженная атмосфера, которая возникла между ним и Эдис — он это чувствовал, — только усиливала головную боль. Во всяком случае, ему так показалось. Он исподтишка наблюдал за женой, стараясь угадать, чувствует ли она то же самое, или его собственное настроение создает такую напряженную обстановку.

— Довольно скупой отчет об этом обеде в «Таймс», — объявила Эдис. — Может быть, тебе и не стоило туда ходить?

— Ни один из них этого не стоит, — пробормотал Палмер.

— Тогда зачем же...

— Мои цели, — прервал он ее, — несколько отличаются от цели репортеров «Таймс», которые искали интересную для репортажа тему и не нашли. А я был там, чтобы меня видели, и достиг своего.

— Выполнил свой долг, — бесцветным голосом откликнулась Эдис.

— Совершенно верно.

Она молча продолжала просматривать газету, но Палмер почувствовал, что какие-то невысказанные мысли будто повисли в воздухе между ними. Как видно, она была бы не прочь продолжить разговор об обеде, но что-то ее удерживало. Неужели все дело было только в этом? Он отпил кофе.

— Разумеется, я не сидел там весь вечер, — проговорил он, сознательно возвращаясь к недосказанному.

— Я так и думала.

— Бернс пригласил меня, чтобы повидать нужных людей.

Эдис кивнула и продолжала читать. Палмер допил кофе и протянул было руку к кофейнику, но Эдис, не поднимая глаз от газеты, опередила его, и носик кофейника звякнул о его чашку.

— Осторожней, — предупредил он.

Взгляд Эдис метнулся вверх, но не на чашку, а ему в лицо.

— Разве я пролила?

— Я и не... — Он вздохнул и оборвал фразу.

Она наполнила чашку до краев. — Ты что-то очень нервный сегодня, милый.

— Выпил вчера порядочно у Бернса.

Эдис снова уткнулась в газету. — Было много приглашенных?

— Нет. Под конец остались только Бернс с Калхэйном и я.

— Уютная компания.

Палмер отказался от попытки разгадать ее мысли. — Потом и Калхэйн ушел.

— А Бернс старался удержать тебя?

— Да, а ты откуда знаешь?

Эдис легонько пожала плечами: — Он производит впечатление человека, который боится долго оставаться в одиночестве, особенно ночью. — Она нахмурилась. Потом аккуратно сложила газету и отодвинула от себя. — И еще он производит впечатление человека, который предпочел бы провести время с женщиной, а не с тобой.

Палмер кивнул и попытался улыбнуться: — Я вижу, ты уже готова подвести итоги.

Эдис подвинула к себе чашку и некоторое время задумчиво разглядывала остатки кофе. Палмер наблюдал, как ее затуманенный взгляд изучал темную жидкость. Прорицательница из колледжа Уэллсли.

— Иногда должно быть все же неловко, — проговорила она. — Он чересчур увлекается женщинами, правда?

— Да. Но почему должно быть все же неловко?

— Для другого человека, я хотела сказать.

— Не понимаю.

— Для такого, например, как ты, — уточнила она.

— О-о?!

— Он, конечно, пытается использовать тебя в своих целях, — сказала Эдис. В ее словах был и легкий намек на вопрос, и вместе с тем они звучали почти как утверждение. — Он на это способен. Такое у меня создалось впечатление. Второй муж Джейн в чем-то похож на него. Он тоже всегда был готов организовать небольшие попойки с развлечениями. — Эдис подняла глаза на мужа и слегка улыбнулась ему: — Ведь он тоже с востока, как и мистер Бернс. Восточные люди отличаются такой склонностью.

— Но Бернс ведь приехал с Западного побережья, — заметил Палмер. — Откуда же у него эти склонности?

— С каких это пор Бейрут попал на Западное побережье? Склонности к сексуальным излишествам — вот что отличает их от жителей Среднего Запада.

— Это напомнило мне о том, что говорил мне вчера вечером сам Бернс. — Палмер отпил несколько глотков кофе, борясь с желанием взглянуть, как примет Эдис это признание.

— Бедняга, он просто не понимает тебя, дорогой, — сказала она.

— Ты могла бы сочинить целую книгу о тех явлениях, которых не понимает Мак Бернс.

— О тебе, например.

— И вообще о многих явлениях, — сказал Палмер, но недостаточно быстро, чтобы это прозвучало непринужденно. Позднее, сидя в машине, по дороге в банк, Палмер восстановил в памяти их разговор, пытаясь определить, что же создавало эту скрытую

напряженность в их отношениях. Сперва он решил, что все-таки это он один старается держать себя в руках. Она-то чувствует себя совершенно свободно. Но когда он вновь перебрал в уме весь их разговор, у него появилось беспокойное ощущение, что за каждым ее словом таился другой, невысказанный смысл. Сидя у себя в кабинете и раздраженно перебирая ничего не значащие бумаги из «входящих», Палмер старался избавиться от всех этих размышлений. Это привело лишь к тому, что голова у него разболелась еще больше. Когда в 10 часов пришла Вирджиния Клэри, он сначала обрадовался ее приходу, но вскоре и она начала раздражать его.

— ...и не без пользы провели вечер с милым Бернсом, — проговорила она.

— Скучно, пошло и никакой пользы, — проворчал он. — Вы поступили разумно, уклонившись от этого приглашения.

— Женщинам всегда рекомендуется поддерживать с Бернсом добрые отношения.

Нахмурившись, он оторвал взгляд от бумаг, которые она ему принесла. — Что вы хотите этим скачать? — резко спросил он.

— Так, ничего особенного.

Палмер, не переставая хмуриться, пристально взглянул на нее, на плавный изгиб высоких скул и невозмутимую ясность больших черных глаз. Он и сам не мог понять, почему его так бесило ее хорошее настроение и цветущий вид.

— Может быть, вы все-таки выскажетесь более определенно о его репутации? — настойчиво спросил он.

— В том, что касается женщин? — ответила она вопросом на вопрос.

— Да, — устало сказал он, — хотя бы в том, что касается женщин.

— Осведомленные лица утверждают, что он мог бы потягаться с дюжиной киногероев.

— Черт подери! — не стерпел Палмер. — И дернуло же Бэркхардта связаться с этим... — Он остановился, слишком поздно поняв, что ему не к лицу критиковать старика в присутствии его служащих. — Ну, ничего, — закончил он устало. — Оставим это. Некоторое время она в молчании глядела на него, затем потупилась. Несмотря на нестерпимую головную боль, Палмер успел заметить, что теперь она не сидит перед ним в натянутой позе, настороженная, как это бывало прежде. Она чувствовала себя свободно, а это уже хорошо. Впрочем, может быть, и нехорошо? Стоило ли допускать такую вольность... Он мотнул головой, как бы пытаясь освободиться от своих мыслей, но добился только нового приступа головной боли.

— Мне очень жаль, — услышал он.

— Чего вам жаль? — Собственный голос показался ему пронзительным и резким.

— Мне жаль, что вы так плохо себя чувствуете.

— А-а. — И он снова опустил глаза на бумаги, которые она ему принесла. Он был не в состоянии продолжать разговор. Он скорее услышал, а не увидел, что Вирджиния встала.

— У меня к вам просьба, — проговорила она. — Вчера я сказала, что хочу, чтобы вы видели во мне друга. Если вы этого не желаете, прошу вас, скажите прямо.

Он взглянул на нее. — Нет, я хотел бы, чтобы мы были друзьями, — ответил он, стараясь, чтобы его голос больше не звучал резко или раздраженно. — Я ведь, кажется, вчера говорил вам об этом.

Она кивнула: — Однако люди иногда меняют свои решения.

— Люди, — повторил он, тщетно пытаясь улыбнуться.

Почувствовав боль в скулах, он понял, что с самого утра впервые свободно разжал челюсти. — Люди, но не я, — добавил он, когда ему наконец удалось улыбнуться.

— Неужели с вами никогда такого не было?

— Нет, никогда.

Она снова села и внимательно посмотрела на Палмера. Потом улыбнулась. — Трижды ура в честь не знающего сомнений капитана «Пинафора»! — с улыбкой процитировала она.

— Неправда, я лишь помощник капитана. — Он вздохнул, поняв, что в конце концов ему все равно придется поговорить с ней о Бэркхардте. — А капитан, — сказал Палмер, — принял на работу такого идиота, как Бернс, и подкинул его мне: мол, заботься и корми этого младенца. — Он с досадой качнул головой: — Ну что заставляет его держать у себя такого субъекта?

— Полноте, — сказала она. — Признайтесь, в душе Бернс вам даже нравится.

— Почему это он должен мне нравиться?

— Хотя бы потому, что он по-своему интересен. И еще потому, что он может быть полезен. Наконец, вам лично он просто нужен. Вот уже три довода, — сказала она. — Продолжать?

— Почему вы считаете его интересным? — спросил Палмер.

— Но это и в самом деле так, — настаивала она. — Даже его сумасбродство, его позерство, его дурные манеры, его великолепная наглость, но абсолютная неспособность понимать что-нибудь в людях, кроме самых низменных их побуждений. А его вид, эти волосы! Наконец, его умение дурачить людей.

Палмер наблюдал за ней все время, и ему было приятно, что она не избегает его взгляда, как прежде.

— Вы, видно, неплохо его изучили, — сказал он.

— Для женщин он не представляет загадки.

— Да, я заметил. — Палмер откинулся назад и на мгновение закрыл глаза. — Есть здесь что-нибудь крепче аспирина?

— Намного крепче?

— Что-нибудь сильнодействующее.

— А вы не пробовали что-нибудь успокоительное?

Он приоткрыл глаза. — Успокоительное от головной боли?

Она легонько усмехнулась: — Просто удивительно, до чего благовоспитанно вы дали мне понять, что я ничего не смыслю в медицине. Беру назад свое предложение.

— Я жаловался на головную боль, — пояснил Палмер. — А успокоительные средства предназначены для снятия нервного напряжения. У меня же просто легкое похмелье.

— Посмотрю, нет ли в моем столе кодеина.

— Благодарю вас. — Палмер повернулся в кресле, напряжение понемногу ослабевало. Неужели на него так подействовало ее немногословное участие? А может быть, еще и то, что они оба могли так свободно говорить друг с другом.

— Мне уже лучше, — сказал он. — Как это вам удалось сделать?

— А я колдунья, — сказала она. — Хотя колдуньи, к которым вы привыкли, обычно цыганки. Но первоклассное колдовство можно встретить только у кельтов. В этом деле они вне конкуренции. Раздался мягкий звонок интеркома.

— Извините. — Палмер нажал на кнопку.

— Некий мистер Лумис хочет говорить с вами, мистер Палмер.

— Соедините меня с ним. — Палмер выпрямился и удивленно поднял брови. — Некий мистер Лумис! — обратился он к Виржинии Клэри. — Будто существует еще какой-нибудь Лумис! — Он взял телефонную трубку.

— Палмер? — раздался старый, но еще очень живой голос.

— Мистер Лумис, — откликнулся Палмер. — Очень сожалею, что на прошлой неделе нам не удалось связаться с вами. Очень любезно, что вы позвонили.

— ...до тех пор, пока они не упадут еще на один пункт, — услышал Палмер, как старик сказал кому-то на другом конце провода. — Хэлло, Палмер! У вас сегодня не занят ленч?

— Сегодня?

— Буду рад прислать за вами машину. Мы могли бы встретиться за ленчем в клубе.

Палмер закрыл глаза, стараясь сосредоточиться. Он не сомневался, что Лумис звонит из деловой части города.

— Полагаю, что смогу приехать, — сказал он. — Когда?

— Я привык есть рано, — сообщил Лумис. — За вами заедут без двадцати двенадцать, если это вас устраивает. Вы будете здесь примерно к полудню, и вас доставят назад в половине второго.

— Прекрасно. — Палмер подождал. — Что-нибудь... — начал было он и опять замолчал, подыскивая слова. — Должен ли я что-нибудь взять с собой?.. — Еще не закончив фразы, Палмер понял, что вопрос прозвучал глупо.

— Нет, просто поговорим. В одиннадцать сорок.

— Хорошо. Я... — Но Лумис уже повесил трубку.

Старый грубиян. Палмер тоже повесил трубку и тут же почувствовал нестерпимую боль в виске, с жестокостью копыя пронзившую его мозг насквозь. Он посмотрел на Вирджинию.

— Кодеин, — проговорил он, — пожалуйста.

Как только она вышла, Палмер, сидя в кресле, стал массировать затылок. Интересно, как бы он чувствовал себя, если бы это делал для него кто-нибудь другой. Быть от кого-то зависимым — это ужасно. Впрочем, так ли это ужасно?

Судорожно сжимая затылок, он снова закрыл глаза и старался сидеть неподвижно, преодолевая боль, в ожидании возвращения Вирджинии Клэри.

Глава двадцать

четвертая

Не многие из ленч-клубов делового района могут похвастать таким почтенным возрастом, как этот, подумал Палмер, выходя из небольшого черного «олдсмобила». Множество таких клубов появилось здесь уже после войны в связи с небывалым наплывом людей в этом районе. Блестящая послевоенная конъюнктура на бирже, несмотря на кратковременные спады, привлекла десятки тысяч новых пчел в старый улей. Разрастались старые фирмы, а новые плодились, как черви в отбросах. Все рестораны и кафе, в том числе и недавно открытые, были не в состоянии справиться с толпами посетителей, в дневные часы все было забито до отказа, и фирмам приходилось отпускать своих служащих на ленч посменно.

Но этот старый клуб был основан еще задолго до того, как биржа стала ареной действий домашних хозяек и механиков гаражей. Задолго до того, как в сферу основоположников американского капитала вторглись полчища людей, которым «нечего терять, кроме денег», — так охарактеризовали их биржевые комментаторы, те, у кого патриотизм прекрасно уживался с алчностью.

В отличие от новых ленч-клубов, где младшие партнеры фирм, биржевые дельцы и консультанты могли только спокойно поесть, не видя перед собой вездесущих клерков и рассыльных, этот клуб предоставлял в распоряжение клиентов еще и бар, и бильярдную, и зал для карточной игры. Сам Фиске был когда-то членом

этого клуба, так же как Гоулд и Морган. Но не Барух и не Отто Кан. Вот каким он был, этот клуб. Отец Палмера был тоже членом этого клуба. В свое время он несколько опрометчиво включил в его списки даже своего старшего сына — Хэнли, едва тот успел появиться на свет. Однако он так и не собрался ввести в него своего второго сына — Вудса.

Палмер вошел в вестибюль старого здания, в котором помещался клуб, и остановился перед узорчатой железной решеткой лифта. Такой старинный дом давно уже могли бы снести. В тридцатые годы на его месте выросло бы уродливое сооружение из гранита с безвкусным орнаментом, похожее на свадебный торт, или просто железобетонная коробка. А в течение последних пяти лет здесь воздвигли бы современный стеклянный дом-аквариум, размышлял Палмер, вслушиваясь в шорох лифта, лениво ползущего вниз. Все это здание, видимо, принадлежало клубу, иначе и не могло быть. Только благодаря всесильному влиянию членов клуба этот дом мог устоять против сокрушительных атак прогресса. И сейчас, старый и обветшалый, он превратился в своего рода памятник отжившей эпохи.

После некоторой возни с допотопным замком лифтер, которому было никак не меньше семидесяти лет, наконец открыл дверцу лифта, и Палмер вошел в кабину.

— В клуб, пожалуйста.

Палмер обратил внимание на благородную седину лифтера. Дверца захлопнулась, и лифт стал подниматься под странный аккомпанемент какого-то позвякивания и бульканья. Палмер наморщил брови: неужели это здание настолько старо, что лифт в нем работает еще с водяным балластом?

— Что это там булькает? — спросил он лифтера.

Старик слегка повернул к нему ухо: — Простите, что вы сказали?

— Нет, ничего.

Они медленно поднимались в торжественном молчании, будто находились в ложе филармонии и слушали не шум лифта, а симфонический концерт.

На двенадцатом этаже лифтер сначала остановил лифт раньше времени, потом они проехали выше надлежащего положения, и старику пришлось прибегнуть к серии таких сложных и шумных махинаций, сотрясавших всю кабину, что Палмер даже немного встревожился.

— Посетители сообщают о своем приходе метрдотелю, — проговорил лифтер, открыв наконец дверцу лифта.

Метрдотеля на месте не оказалось, и Палмер позвонил в колокольчик, стоявший на конторке. Он прозвучал гулко и протяжно, как призыв гонга. Время шло. Палмер огляделся. Да, теперь уже так не строят. Высота потолков — не менее пятнадцати футов. Стены — с дубовым навощенным багетом, внизу темнозеленого бутылочного цвета, наверху пепельно-серые. Стоявшие у стен кресла — из светлого дуба, с массивными подлокотниками. Спинка и сиденья обтянуты темной кожей. Палмер приподнял одно из кресел: оно весило по крайней мере фунтов пятьдесят. Интересно, когда были изготовлены эти кресла? Полвека или лет семьдесят назад? Заказать дубликаты таких кресел по номинальной цене было бы теперь просто немыслимо. Впрочем, кресла

эти не ломались и потому никогда не нуждались в замене.

— Сэр?

Он обернулся и увидел пожилого мужчину в светло-серых брюках и черном саржевом пиджаке.

— Вудс Палмер. К мистеру Лумису.

— Да, мистер Палмер. Мистер Лумис вас ожидает.

Палмер следовал за ним по коридору, довольно узкому и необыкновенно длинному: пришлось пройти по крайней мере половину дома, пока они наконец очутились у входа в просторный зал, уставленный примерно двадцатью круглыми столиками. Дневной свет проникал сюда через старинные подъемные окна, выходившие на улицу. В былое время из окон открывался вид на реку, но теперь по ту сторону улицы выросло многоэтажное сооружение из стекла и алюминия, почти совсем заслонившее реку. Палмер чуть заметно улыбнулся, представляя себе, каким негодованием встретили здесь его вторжение.

В дальнем конце зала Палмер остановился у круглого столика, находившегося несколько поодаль от остальных, и учтиво поклонился сидящему за столиком худощавому пожилому человеку.

— Мистер Лумис?

— Садитесь, Палмер. Подождите, Генри, мы сейчас закажем.

Палмер посмотрел на часы: было ровно двенадцать дня, вот почему они были почти совсем одни во всем зале. Палмер неприметно наблюдал за Лумисом. Не так уж часто доводится видеть вблизи такой классический

образчик старины, ветхой и шаткой, как само здание этого клуба.

Первое впечатление, которое производил Джозеф Лумис, обычно не менялось и при более близком знакомстве. Он, вероятно, выглядел так на протяжении последних тридцати лет своей жизни, и его фотопортрет был хорошо знаком всем, кто следил за событиями в финансовом мире. Продолговатое лицо, довольно широкое у висков и резко сужавшееся к подбородку, поредевшая седая шевелюра, тщательно зачесанная набок. Глаза, почти такие же большие, как у Вирджинии Клэри, но окруженные тонким и сложным сплетением морщин, будто два драгоценных камня в причудливой оправе. Типичный нос янки, который выглядел заостренным только на фотографиях. Впрочем, верхняя часть носа действительно напоминала лезвие ножа, но самый кончик был утолщен и немного нависал над большим узким ртом. Лумис спокойно улыбнулся ему, обнажив ровный ряд искусственных зубов.

— Рад видеть вас, — сказал он.

Подошел официант с меню, тщательно выписанным и вправленным в небольшой кожаный переплет. Палмер залюбовался мастерством неизвестного каллиграфа. Линии были то с нажимом, то тонкие, как волосок. Палмер поднес меню к свету, чтобы лучше разглядеть: да, действительно, оно написано от руки и, возможно, даже гусиным пером.

— Возьмите ростбиф, — посоветовал Лумис, — етіпсе из цыплят готовится только для таких старых чудаков, как я. Палмер вежливо улыбнулся, отметив произнесенное попарижски, сильно в нос, слово етіпсе.

— Насколько я помню, здешний шеф-повар мастерски готовит соус naturel, — сказал он Лумису, в свою очередь по-французски выговаривая слово naturel. Затем, обращаясь к официанту, сказал: — Сегодня ростбиф с тем же соусом?

— Как всегда, — ответил за него Лумис. — Ну вот, пожалуй, и все, Генри.

— Слушаюсь, мистер Лумис, — ответил официант.

— Что вы будете пить, Палмер?

— Да ничего.

— Значит, все, Генри, — повторил Лумис. Выждав, когда официант уже не мог их услышать, он сказал: — Рад, что вам нравится наша кухня. Когда вы последний раз были здесь?.. — Его глаза, прищурившись, внимательно смотрели на Палмера из своего морщинистого обрамления. — Года три назад? Вы были тогда вместе с вашим отцом. Сожалею, что он скончался, я часто о нем думаю, говорят, у него был рак, да? — Карие глаза Лумиса широко раскрылись. Палмер выдержал его пристальный взгляд.

— Совершенно верно.

— Он знал об этом?

— Нет, он...

— От него это скрывали, да?

— Насколько было возможно.

— Вероятно, он все равно не поверил бы. — Лумис покачал головой и посмотрел на свои руки с длинными пальцами. Маленькие коричневые пятнышки — спутники старости — были беспорядочно разбросаны по тонкой,

прочерченной венами коже. — Никто не верит, — добавил он через некоторое время.

Странное молчание нависло над обоими мужчинами, словно сама смерть с огромной сверкающей косой проскользнула меж ними. Палмер почувствовал, что у него по спине забегали мурашки, и подумал, как он, Палмер, будет говорить об этом в возрасте Лумиса — если доживет.

Но тут же он сказал себе, что старики свыкаются с этой мыслью, живут, точно заживо погребенные, в своих одряхлевших телах и каждое утро, одеваясь, спрашивают себя, вернутся ли к вечеру домой. Он подумал о Бэркхардте, еще крепком и подтянутом. Бэркхардт ведь всего на десять лет моложе этого старика, сидевшего перед ним. А когда его мускулы утратят свою силу и упругость? Когда пронизательные голубые глаза выцветут и потеряют остроту? На мгновение он заглянул в глаза Лумиса, но не нашел в них того пустого, бесцельного выражения, которое ожидал встретить. Старик продолжал внимательно изучать свои руки, будто хотел прочесть по ним свою судьбу. Потом он тихонько вздохнул, вздох этот, видимо, не предназначался для слуха Палмера.

— Как с вами обращается Бэркхардт? — помолчав, спросил Лумис.

— Обычно он предоставляет меня самому себе.

— Ха. — Этот односложный звук не был смехом, это было слово. — Лэйн никого не предоставляет самому себе. Воображаю, как он отрекомендовал вам меня — ренегатом? Да?

— Он не произносил этого слова.

— Слишком слабо, а? Изменник? Предатель?

— Он мне говорил лишь то, о чем знают, кажется, уже многие, — о вашей лояльности по отношению к сберегательному банку «Меррей Хилл».

— Верно, не понял, в чем дело, — сказал Лумис усмехаясь. — Лэйн знает толк в структуре корпораций и прочем, но ничего не смыслит в людях. Не разбирается в них, как ему следовало бы. А скорей всего, просто не хочет утруждать себя этим.

— Я, честно говоря, этого не заметил.

— Он кажется вам очень проницательным, а? — спросил Лумис.

— Да, — ответил Палмер.

— Потому ли, что он пригласил на работу вас? — Лумис снова улыбнулся: — Удачный выбор, не правда ли? — Старик покивал головой: — Ладно, пусть так. Но в то же время он нанял и Бернса? А?

— Ну и что же? — отпарировал Палмер.

— Ха. — Лумис с силой захлопнул меню и оттолкнул его от себя. — Вы, по-видимому, так же немногословны, как и ваш отец. Я слышал, что у него был еще один сын.

— Хэнли. На два года старше меня. Он погиб во время войны. Лумис снова взглянул на свои руки. На этот раз он изучал свои ладони. Розовые и мясистые, они как будто существовали сами по себе, отдельно от их костлявой, покрытой старческими веснушками тыльной стороны.

— Вы последний из чикагских Палмеров, а?

— Не совсем, — ответил Палмер. — У меня есть и кузены и еще кое-какие родственники. Между прочим, существует еще один клан Палмеров в Чикаго, с которыми у нас нет родственной связи.

— В таком случае вы последний из Палмеров-банкиров.

— Боюсь, что да.

— Но ведь у вас два сына?

— И дочь, — добавил Палмер.

— Готовите из них банкиров? — Седые брови Лумиса понимающе поползли вверх.

Палмер усмехнулся: — Ни в коем случае, если это будет зависеть от меня. — Он помолчал, затем откашлялся и сказал: — Ну, а теперь, что касается сберегательного банка «Меррей Хилл»...

— Ну что ж, говорите.

— Вся эта история со сберегательными банками действительно оборачивается так серьезно, как это кажется?

— Кажется кому? — сухо спросил Лумис. — Лэйну Бэркхардту или кому-то еще?

— Вы меня извините, — сказал Палмер, — я ведь все-таки провинциал и не разбираюсь в этих вещах как следует.

— Палмер, — прервал его старик, — каждый раз, когда мне кто-нибудь заявляет, что он провинциал и не разбирается во всех этих городских тонкостях, я в результате остаюсь без бумажника. Вот так. Ну ладно. Поговорим откровенно. Я ведь знаю, что вам поручено.

Не лучше ли и вам ответить такой же откровенностью и не притворяться, будто вы считаете битву со сберегательными банками священным крестовым походом?

Палмер улыбнулся:

— Вот это уже приятная неожиданность.

— Да? — Лумис внимательно посмотрел на него. Затем кивнул, отдавая должное его умению уйти от ответа. Его большие глаза внимательно устремились в глубину зала, минуя Палмера. — Все мы здесь, — помолчав, сказал он, — понимаем; это лишь драка за наличные деньги. В настоящее время большая часть наличных денег находится в распоряжении сберегательных банков, а коммерческие банки хотят урвать побольше. При такой ситуации никто не выиграет.

— Никто, кроме публики, — добавил Палмер.

— Совершенно верно. — Лумис снова несколько раз кивнул головой. — Публика всегда наблюдает за дракой с едва скрываемым злорадством. Например, за дракой вокруг розничных цен. Причем публике совершенно безразлично, кто победит. Она просто выжидает момент, когда можно все скупить по самым низким ценам. Отличный заголовок для статьи: «Банкиры готовы перегрызть друг другу глотки». Публика обожает такие вещи. А пока банкиры дерутся, вкладчики рыщут в поисках добавочной четверти процента в год на свой капитал, как будто это может превратить их в крезов. Кто выигрывает? Публика, но не мы. Здесь мы сходимся во мнениях?

— Абсолютно.

— Человеку с таким опытом, как ваш, — быстро продолжал Лумис, — вряд ли есть необходимость объяснять, что банкиры в отличие от других людей не могут позволить себе роскоши выносить сор из избы. Прав ли я, как вы считаете?

— Да, вы правы.

— То, что будет пищей для других, для нас — отравя, не так ли? — добавил Лумис.

— Правильно.

Палмер откинулся в кресле, забавляясь этим потоком тривиальностей. «Богатый, как Крез», — усмехнулся он, — «сор из избы», «отравя». Как мог Джо Лумис достичь таких высот с помощью столь устаревших идей? Видно, проторенная колея все же надежнее.

— ...время любовно утрясти эту историю, если можно так выразиться, — продолжал старик, — до того, как она докатится до Олбани. Как только закон приложит к этому руку, все мы окажемся в пиковом положении.

Палмер вежливо кивнул, выждал мгновение и сказал, стараясь придать голосу как можно больше искренности: — Следует ли мне это понять в таком смысле, что вы готовы взять назад ваш законопроект о филиалах?

Лумис тяжело откинулся в кресле, и на какое-то мгновение Палмеру показалось, что он попал в цель. Это была интересная игра теперь, когда он уже знал ее подоплеку. Но кажущееся отступление Лумиса было вызвано всего лишь тем, что к их столу подошел официант. Он молниеносно обслужил их и так же

молниеносно исчез. Палмер наблюдал, как старик перебирает вилкой кусочки своего цыпленка.

— Вы вовсе не поняли это в таком смысле, — наконец прервал молчание Лумис. Он взглянул на Палмера. — Меня предупреждали, что вы очень способный человек, — спокойно добавил он и опять принялся за цыпленка.

— Я только хотел сказать, — продолжал Палмер, — что трудно будет уладить это дело, пока сберегательные банки настаивают на своем законопроекте о филиалах.

— А если мы не будем его добиваться? — Глаза Лумиса оторвались от тарелки и уставились на Палмера.

— Тогда нам не из-за чего будет воевать,

— Это мнение ваше или Лэйна?

Палмер пожал плечами и отрезал кусок от своего ростбифа.

— Я думаю, эту точку зрения разделяет любой из нас.

Он попробовал ростбиф и нашел, что соус ничуть не хуже того, который он запомнил еще с первого посещения клуба. — Не будет законопроекта о филиалах, не будет и битвы из-за них.

Лумис кивнул: — У вас довольно странное представление о компромиссе, а? Всего лишь безоговорочная капитуляция! — Он взял в рот кусочек цыпленка и долго энергично жевал его. — Честно говоря, я считаю, что лучше бы Лэйн не приглашал вас на работу, молодой человек. Вы такой же несговорчивый, как он.

— Не совсем так.

— Возможно, что даже в большей мере, чем он, принимая во внимание, что вы еще новичок в этом вопросе, как вы сказали. Новому человеку надо сначала осмотреться и выждать.

— Именно выждать — такова моя позиция, — сказал Палмер.

— Разрешите мне сообщить вам кое-что о Лэйне Бэркхардте, — начал Лумис. — Он смотрит на себя как на лидера, он и в самом деле лидер. У него все данные для руководителя высокого полета; он держит себя с достоинством, делает все со вкусом, у него прекрасная осанка, свой стиль, блеск, то есть все необходимые внешние качества. Кажется, что он просто создан для того, чтобы командовать парадом. В качестве главы ЮБТК он добавил еще кое-что существенное к своим врожденным качествам — огромную финансовую мощь. Можно подумать, исходя из всего этого, что он лидер всех коммерческих банков, не правда ли? Но это не так. Ибо никто не может стать лидером. У каждого банка своя судьба; помимо всего прочего, они конкурируют друг с другом, так же как и сберегательные банки. То, что хорошо для «Юнайтед бэнк», далеко не всегда хорошо для других родственных ему коммерческих банков. И если что-нибудь плохо для ЮБТК, то все выдающиеся качества Лэйна как лидера не помогут ему убедить конкурирующие с ним банки, что они пострадают от этого. Конечно, может случиться и такое и, очевидно, случается, судя по всему. Но они пострадают еще больше, если признают Лэйна лидером, потому что в этом случае им придется частично поступиться своей самостоятельностью. При тщательном рассмотрении вы

придете к выводу, что главой, выступающим от имени всех коммерческих банков, всегда должен быть человек из небольшого банка, предпочтительно откуда-нибудь с периферии, который избирается для того, чтобы представлять их общие интересы именно потому, что в действительности он выглядит пигмеем среди гигантов. Гиганты поддержат его, потому что им это ничего не стоит. Но когда на сцену выходит Лэйн, они не следуют за ним и отступают. И Лэйн уходит так далеко вперед от парада, что уже не слышит музыки.

Палмер улыбнулся не столько самой мысли, сколько тому факту, что Лумис без всяких усилий мог выразить свои мысли без тривиальностей. Если не считать музыки и парада.

— Я думаю, что фигура, шествующая с жезлом впереди и предоставленная целиком самому себе, — заметил Палмер, — это не Бэркхардт. Это я сам.

В первый раз с тех пор, как они встретились, рот Лумиса расплылся в широкой ухмылке. — Вот теперь это уже похоже на настоящий разговор, — удовлетворенно сказал он. — Меня интересовало, понимаете ли вы, в какое положение ставит вас Лэйн.

— Однако вам не понравится то, что я вам сейчас скажу, — заметил Палмер. — Видите ли, отведенная мне роль, ну, козла отпущения, что ли, — это, возможно, и правда...

— Уверяю вас, так оно и есть, — подтвердил старик.

— Однако меня это ничуть не тревожит.

Палмер наблюдал за Лумисом, который на какое-то время как бы застыл. Затем дважды кивнул головой. — Все ясно, — сказал он, — этого-то я и боялся.

Глава двадцать пятая

Конец ленча был скомкан по вине Лумиса, который и не пытался скрыть то, что торопится, отметил про себя Палмер по дороге в банк.

Особенно отчетливо это прозвучало в фразе, брошенной Лумисом при прощании: — Я поеду в город минут через сорок, пожалуй, вам не стоит меня ждать? — И в ответе Палмера:

— Да, конечно.

Теперь, сидя в такси, лавирующем в потоке движения на автостраде Ист Ривер, Палмер попытался отобрать наиболее важные из тех скудных сведений, которые он почерпнул в беседе с Лумисом. Лумис, конечно, был прав: Палмер занял чересчур непримиримую позицию. Но Палмеру было также ясно и другое: любой иной подход был бы расценен как слабость. Даже если Бэркхардт кое-что преувеличивал, все равно Лумис не тот человек, перед которым можно позволить себе проявить такую слабость. Отец принадлежал к людям той же категории, хотя и не достиг такого успеха, как Лумис. На теннисном корте или в бизнесе они были одержимы одним желанием — победить, а это лишало игру всякого удовольствия для противника. У них был один и тот же девиз — как бы ни играть, лишь бы выиграть. Впрочем, возможно, они и правы. Палмер покачал головой.

Слева промелькнули корпуса Бельвю — старый грязный госпиталь, окруженный коробками из железа и стекла. Дала ли ему что-нибудь эта встреча?

Упоминание мимоходом о Бернсе не ускользнуло от внимания Палмера. Лумис искусно обыграл даже эту, казалось бы, никчемную карту, обнаружив тем самым, что имеет специальную информацию, а также давая понять, что располагает и более существенными сведениями.

Лумис намекнул, что знает точно, какое поручение было дано Палмеру. Было ли это пробным шаром или констатацией факта — в обоих случаях не стоило придавать этому особого значения.

Обвинительная речь, произнесенная Лумисом против Бэркхардта, преследовала, по мнению Палмера, две цели: подорвать его доверие к шефу и в то же время указать на опасность разногласий, существующих среди коммерческих банков. Ни то, ни другое в настоящий момент не волновало Палмера. Он и сам не смог бы точно определить почему, но решил, что успеет еще разобраться в этом вопросе.

Но Палмер чувствовал, что перелом в их беседе наступил после того, как он признал, что положение, в которое Бэркхардт его поставил, очень уязвимо, и дал понять, что старик принял все меры, чтобы остаться в стороне.

Шофер неожиданно резко свернул вправо, и Палмер ухватился за кожаный поручень. Машина пристроилась в колонну других легковых автомашин, чтобы не оказаться у самого выезда на Сорок вторую улицу. На мгновение перед Палмером выросло здание Объединенных Наций, затем машина нырнула в проезд под ним. Палмер отпустил ремень и поудобнее устроился на сиденье. Не все ли ему равно, в конце концов, даже если старый Бэркхардт приспособил его для того, чтобы таскать для

него каштаны из огня. Почему Лумис считает, что это должно иметь для него такое значение? Ведь Палмер был всего лишь служащим на окладе, а не одним из основных держателей акций банка. Его финансовое положение, бесспорно, было известно Лумису.

После продажи большого количества акций чикагского банка средней руки у человека, конечно, остается несколько больше денег, чем те, которые он тратит на карманные расходы. И несомненно, Лумис знал, что Палмер работает не ради оклада, а ради удовольствия, которое эта работа ему доставляет.

Неужели Лумис не понял, что уязвимость этой позиции Палмера связана с риском, который делает работу для него еще более увлекательной?

Когда машина свернула с магистрали и они въехали в город, Палмер кивнул, довольный тем, что сумел все расставить по местам. Впервые ему удалось это сделать. Он ведь не смог ничего объяснить Эдис. А теперь все обрело логический смысл. Он попытался вообразить, как стал бы сейчас ей объяснять свою мысль.

Палмер. Ты же знаешь, я работаю не ради денег. Просто подвернулась возможность заняться тем делом, которое я знаю лучше всего, и притом мне предоставлена полная самостоятельность.

Эдис. Такая же возможность была у тебя и в Чикаго, когда умер твой отец.

Палмер. Но там я остался бы в окружении целой армии его призраков. А здесь я как на передовой, в самой гуще ожесточенной борьбы. Такой возможности у меня никогда не было бы в Чикаго. Нет, разумеется, только здесь.

Эдис. Здесь, под пятою Бэркхардта?

Палмер. Нет, далеко за пределами его власти. Слишком далеко, чтобы он мог вмешаться, когда захочет, хотя я уверен, что он на это рассчитывал.

Эдис. Милый, предусмотрительный старичок.

Палмер. Забудем про Бэркхардта. Главное — это я. Я молод, жажду действия, власти, созидания.

Эдис. Сорок пять — это уже не молодость.

Палмер. Сорок пять мне исполнится только в декабре.

Эдис. В страховом полисе значится, что тебе сорок пять.

Палмер крепко зажмурил глаза, и из-под дрожащего века, в уголке глаза, даже показалась слеза. Почему Эдис всегда представляется ему в такой язвительной роли? Почему мысль о ней не вызывает в нем никаких чувств, кроме неприязни? Ведь у нее есть и положительные стороны.

Машина замедлила ход и остановилась у самой обочины тротуара.

Открыв глаза, Палмер увидел свой банк, его очертания на момент показались ему неровными и расплывшимися. Палмер смахнул слезинку, расплатился с шофером и вошел в банк. Ответив кивком на приветствие швейцара, Палмер, не оборачиваясь, прошел к лифту. На верхнем этаже он зашагал вдоль коридора под сверканием потолка, мимо развешанных на стенах картин, задержал взгляд на темно-зеленом ковре с золотым отливом, поравнялся с белокурой пышногрудой секретаршей.

— Они все у вас...

Только войдя к себе в кабинет, Палмер понял, что она хотела ему сказать. Несмотря на грандиозные размеры, кабинет, казалось, был полон народа. Гарри Элдер присел на край письменного стола Палмера, в его редких седых волосах отражался рассеянный свет с застекленного потолка. В одном из кресел, стоявших против стола, сидела Вирджиния. Казалось, только она одна и ждала Палмера. Мак Бернс стоял перед огромным окном, указывая человеку, которого Палмер не знал, на что-то внизу, на Пятой авеню. Другой незнакомец, вооруженный фотоаппаратом «ролли» и осветительной аппаратурой, перекинутой через плечо, озадаченно разглядывал скульптуру Ханны Керд.

— Вуди, — протяжно произнес Мак Бернс. Несмотря на то что это слово, казалось, оставляло мало места для его искусства, он все же ухитрился придать ему необыкновенную звучность, и оно еще некоторое время вибрировало в воздухе.

— Вуди, познакомьтесь с Джимом Стеккертом из редакции «Стар», а это — мистер Кесслер, его фоторепортер. Джентльмены, познакомьтесь — Вудс Палмер-младший.

Палмер прошел несколько шагов вперед, поочередно пожимая руки всем присутствующим. Стеккерт был худощав, с болезненным лицом и усталыми глазами, его улыбка, казалось, приводилась в движение механически, с помощью реле. Скрытный человек, у такого много не выведаешь, подумал Палмер. Фотограф Кесслер, как он вскоре заметил, был натурой иного склада.

— Это ваша работа? — поинтересовался фотограф, ткнув пальцем в скульптуру.

— Это работа Ханны Керд.

— А что она изображает?

— Портрет моих детей.

— У-у! С вас, наверно, сорвали здоровый куш.

— Вы не ошиблись, — серьезно ответил Палмер. Кесслер повернулся к Палмеру спиной, продолжая разглядывать скульптуру. — Неразрешимый ребус. Изготовлено в США, — пробормотал он.

— Мак, — начал Палмер, — не пора ли посвятить и меня в цель этого собрания? Или я должен сам догадываться?

— Неужели вы не... — Бернс остановился, нахмурился, закусил нижнюю губу и задумчиво пожевал ее. — Мне ужасно неприятно, — продолжал он, помедлив, — я думал, что вы... Я думал, я должен был... Джим Стеккерт работает в «Стар» в финансовом отделе, Вуди. Он...

— Допустим, я новичок в этом городе, — прервал его Палмер, — но мне достаточно хорошо известно, чем занимается мистер Стеккерт. — Он повернулся к Вирджинии Клэри и к Гарри Элдеру: — Может быть, кто-нибудь из вас объяснит мне?..

— Адресуйте к Бернсу, — ответила Вирджиния, натянуто улыбаясь. — Мы и сами не очень в курсе...

— А, понятно, — выпалил Мак Бернс и, как только все к нему повернулись, продолжал: — мистер Палмер

забыл, какой сегодня знаменательный день, подумать только, прошло лишь пятнадцать лет, а он уже забыл...

— Пятнадцать лет? О чем это вы? — спросил Палмер.

— Ну, Вуди, не будьте же таким скромником, черт возьми, — прервал его Бернс и, повернувшись к репортеру из «Стар», сказал:

— Видели ли вы что-нибудь подобное?

— Конечно, — огрызнулся Стеккерт. — Всякий раз, когда ты своевременно не предупреждаешь клиента. — Он повернулся к Палмеру, и у него на лице появилась механическая улыбка. — Если верить этому типу, — Стеккерт большим пальцем руки ткнул в сторону Бернса, — сегодня пятнадцатая годовщина Пенемюнде. Улыбка на его лице механически выключилась. Палмер нахмурился: — Неужели? Черт возьми, возможно, так оно и есть. — Он подошел к столу и сел, повторив: — Пятнадцать лет!

— Значит, Бернс не выдумал? Это правда?

— За пятнадцать лет я могу поручиться, — ответил Палмер. — Но я не мог бы назвать вам точной даты.

— Ну, этого достаточно. — И Стеккерт устроился напротив Палмера. Вынув из кармана большой, сложенный пополам и замусоленный блокнот и толстый, затупившийся карандаш, он приготовился записывать.

Палмер взглянул на него и подумал: неужели все теперь делается по шаблону? Или, может, он просто придирается? Для полноты картины не хватало только, чтобы Стеккерт сдвинул бы сейчас шляпу на затылок. Но

оказывается, репортеры, работающие в «Стар», все-таки имеют обычай снимать шляпу, когда входят в дом.

— Итак, с чего начнем, мистер Палмер? — обратился к нему Стеккерт.

— Можно с самого начала.

— Прекрасно, пожалуйста.

— Вы знаете, где Пенемюнде?

— В Германии. Где-то у моря.

— Правильно. Самая восточная часть Германии, на границе с Польшей. Это остров в Балтийском море, расположенный вблизи устья реки Пене, там, где она впадает в море. К северу-западу от него находится Померанский залив, а на материке — город Грейфсвальд. К юго-востоку — город Щецин и польское местечко под названием Свиноуйсте. Ясно?

— Ясно.

Палмер едва удерживался от улыбки, наблюдая за тем, как с лица Стеккерта стирались последние следы недоверия. Карандаш репортера уже делал какие-то пометки в желтом блокноте. Нагромождение фактов — вот лучший способ устранить всякие сомнения. Палмер заметил, что и фотограф перестал изображать любителя искусства и внимательно прислушивается. Да и Вирджиния Клэри и Гарри Элдер тоже слушали его с вниманием. Мак Бернс стоял у окна и любовался открывающимся из него видом. Но Палмер заметил, что на его узких губах блуждает чуть заметная улыбка.

— Наша группа ТФ состояла из двух «джипов», броневика, в котором ехал командир, и грузовика со взводом пехоты, — продолжал Палмер. — У ребят были

пулеметы, базуки и несколько ружей, заряженных патронами со слезоточивым газом. Я был тогда в чине майора, и со мной были еще лейтенант и сержант. Остальные унтер-офицеры не входили в нашу оперативную группу.

— Объясните, пожалуйста, что такое...

— Да, да, — прервал его Палмер. — Это небольшая, очень подвижная группа сугубо специального назначения. Она избегает столкновений с частями противника, не входит в соприкосновение с гражданской обороной и, как правило, занимается сбором разведывательных данных. Что касается нашей группы, то она как бы представляла из себя авангард более многочисленного соединения, следовавшего за нами с интервалом в 12 часов. Моим командиром был Эдди Хейген. Генерал Эдвард Х. Хейген. Большое соединение русских находилось где-то возле Пенемюнде, причем гораздо ближе, чем мы. Хейген был уверен, что они опередят нас и первыми войдут туда. Однако мы надеялись, что в случае, если они еще не решили сделать этот бросок, какой-нибудь из наших быстроходных войсковых частей все же удастся их опередить.

— Что и произошло?

— Не совсем, — сказал Палмер, — некоторые из немецких ученых-ракетчиков уже двинулись к месту расположения русских войск. Другие отправились навстречу американским войскам, и, конечно, им не пришлось долго ждать, чтобы мы их нашли. Мы могли бы, пожалуй, добраться до Пенемюнде на день раньше, но по пути туда мы не раз попадали под обстрел и у нас были раненые — лейтенант, водитель моей машины и

три пехотинца. Мы везли их в броневике командира, потому что у него были хорошие рессоры. Раненых надо было бы отправить в госпиталь, но мы не могли этого сделать, так как подчинялись приказу Хейгена. Мы продвигались от Гамбурга на восток, к Ростоку, и это составило что-то около ста двадцати миль. До Грейфсвальда оставалось еще свыше шестидесяти миль. Тут нам все же пришлось оставить броневик, спрятав его в чаще деревьев: раненые не выдержали бы тряски при большой скорости. От Грейфсвальда до Вольгаста было двадцать миль, а оттуда до Пенемюнде не более пяти миль.

— Сколько немцев вам удалось взять в плен?

— Фактически ни одного. Понимаете, это же не было взятием в плен войсковых частей. Мы просто брали их под стражу, не имея возможности обеспечить надежную охрану, так как они численно значительно нас превосходили. Мы могли осуществить эту операцию только потому, что они нам позволили их обезоружить.

— Ну, а как обстояло дело с видными немецкими учеными? Как они реагировали? Что говорили?

Палмер пожал плечами: — Ученые держались несколько высокомерно, во всяком случае наиболее видные. А те, кто был рангом пониже, главным образом политические шпионы, имели довольно кислый вид. После того как мы выловили их всех, что случилось уже неделей позже, оказалось, что некоторых очень видных ученых мы упустили. Правда, у нас были фон Браун, Эрике и Гаусс, а это уже не пустяк.

— Гаусс? — переспросил Стеккерт.

— Гейнц Гаусс. Эксперт по взрывам.

— А что с ним потом произошло?

— Гаусс здесь, в Соединенных Штатах, — пояснил Палмер, — он приехал вместе с остальными. Он... Я, право, не знаю, он, кажется, работает в одной авиационно-ракетной фирме. Несколько месяцев тому назад о нем что-то писали в газетах, если я не ошибаюсь, это было в «Стар».

— Джим как раз пишет об этом, — ухмыляясь, пробормотал Бернс, — ему для этого не нужно читать газету.

— А в связи с чем о нем писали? — продолжал расспрашивать Стеккерт.

— Я сейчас уже плохо помню, — ответил Палмер, — это было связано с каким-то двигателем, работающим на новом горючем, который взорвался во время испытаний. Остальное вы можете сами уточнить.

— Вам когда-нибудь доводилось встречаться с кем-нибудь из этих людей, которых вы взяли в плен?

— Мы не брали их в плен, — поправил его Палмер. — Наша задача заключалась в том, чтобы найти этих людей, опередив русских. Те, которых мы забрали с собой, сами приняли решение сдаться.

— А вы не поддерживаете с ними никакой связи?

— Нет, никакой. С Хейгеном мы, разумеется, встречаемся, мы по-прежнему друзья. — Посмотрев на Бернса и затем улыбнувшись Стеккерту, Палмер сказал: — Я уверен, что вам было бы гораздо интересней поговорить с самими немцами или с Эдди Хейгеном. Он сейчас на гражданской службе и работает в одной из крупных компаний.

— Однако это еще далеко не все, что вы могли бы рассказать, — вмешался Бернс, направляясь к столу Палмера и одновременно поглядывая на репортера.

— Я только что собирался спросить вас, — начал Стеккерт, — как это вы, человек, связанный с такого рода деятельностью, попали в банковское дело?

— Это моя основная профессия.

— Хорошо. Тогда скажите, как вы занялись такого рода деятельностью? — спросил репортер.

— Это не совсем так, как вы... — начал было Палмер.

— Можно разными путями служить родине, — перебив его, громко заговорил Бернс. — Некоторые выращивают пшеницу, чтобы кормить свой народ. Мистер Палмер специализировался в другой области. Он банкир, а это означает, что он охраняет национальный капитал и... — Бернс остановился и облизнул губы.

— И финансирует национальную промышленность, — добавила подчеркнуто медленно Вирджиния Клэри, следя глазами за блокнотом Стеккерта. — И действует при этом в рамках национальных традиций: свободного предпринимательства и частной собственности. Есть немало учреждений, которые могут сохранить вам ваши деньги. Однако лишь коммерческий банк олицетворяет собой истинно американскую частную, приносящую прибыль организацию. Прочие организации созданы на основе иных идей — общественной собственности, отрицания значения материальной заинтересованности. Это то, что, например, наблюдается в России, где...

— ...где находятся остальные немецкие ученые из Пенемюнде, — перебил ее Бернс. — Теперь ты видишь,

Джим, какая здесь связь? Нет ничего удивительного в том, что банкир берет на себя ту роль, которую играл Палмер в этой войне. Одно с другим тесно связано, то и другое служит целям обеспечения охраны истинно американских идеалов.

Карандаш Стеккерта, быстро скользивший по бумаге, замедлил свой бег. Стеккерт посмотрел на Палмера и вдруг спросил:

— Значит, вы рассматриваете свою деятельность именно в таком аспекте?

— Ну конечно, нет!

Карандаш застыл в руке репортера, он удивленно раскрыл глаза:

— Как же так?

— То, что говорили мистер Бернс и мисс Клэри, не имеет абсолютно ничего общего с приказами, которые я выполнял в Пенемюнде. Когда идет война, то живешь настоящим моментом. Делаешь то, что должен делать. И не задумываешься, зачем это нужно. Просто нужно, и все...

— Он хочет сказать, — торопливо вмешался Бернс, — что не остается времени подумать, когда вокруг рвутся снаряды...

— Вздор, — оборвал его Палмер, — во время войны не раз приходилось и ждать. Судя по вашему возрасту, мистер Стеккерт, вы должны это помнить. Когда выдавался свободный час, люди предпочитали поспать. Бывало и так, что ждали подолгу, но очень мало думали, черт побери!

— Да, припоминаю, — ответил репортер. — Правда, мы не продвинулись дальше Ремагена, но я все помню. — Губы Стеккерта чуть заметно изогнулись, а в глазах вспыхнул странный огонек. Он искоса глянул на Бернса, а затем в упор посмотрел в лицо Палмеру и улыбнулся. Впервые его улыбка была искренней.

Палмер опустил глаза. Да, ситуация принимала критический оборот. Идиотская подтасовка, которой его люди из отдела рекламы решили приукрасить репортаж, могла просто уничтожить его. Любой редактор, не говоря уже о редакторе газеты «Стар», отверг бы такую грубую стряпню. Но теперь, когда его опровержение зафиксировано, Стеккерт сможет сунуть куда-нибудь часть этих идиотских измышлений хотя бы для того, чтобы разъяснить его опровержение.

(...«Мистер Палмер скромно отрицал какую бы то ни было связь между его деятельностью в период войны и его работой в качестве вице-директора коммерческого банка в настоящее время. На вопрос, не считает ли он возможным отметить некоторую общность этих задач, он отверг идею о том...»)

— Пожалуйста, чуточку в эту сторону, — услышал Палмер голос фотографа.

— Только не рядом со скульптурой, — запротестовал Палмер.

— Идите сюда, — сказал Бернс, снова встав у окна. — Отсюда открывается великолепный вид на город и особенно на парк. Кесслер сделал не менее дюжины снимков, используя яркий свет, проникающий в комнату с потолка. Палмер продолжал отвечать на вопросы Стеккерта, пока тот не кивнул с удовлетворением и не

спрятал свой желтый блокнот. Уже на пороге кабинета Кесслер еще раз покосился на скульптурную группу.

— Вы не разрешите мне как-нибудь зайти и еще разок посмотреть на эту штуковину? — спросил он Палмера.

— Пожалуйста, в любое время, — предложил Палмер.

— Знаете, не пойму, что в ней такое, в этой скульптуре. Она и раздражает меня, и вместе с тем я не могу оторвать от нее глаз.

— Я думаю, что именно в этом секрет ее успеха у публики, как вы считаете?

— Не знаю, как вам сказать, — признался Кесслер и крепко пожал руку Палмеру. — Могу только засвидетельствовать, что тот, кто может ежедневно созерцать ее в течение восьми часов, несомненно, обладает мужеством. — Повернувшись к Вирджинии Клэри, он сказал: — Ну, пока, Джинни, — и вслед за Стеккертом вышел из кабинета.

В молчании, воцарившемся после их ухода, Гарри Элдер закрыл дверь и с шумным вздохом, похожим на стон, рухнул в кресло рядом с Вирджинией.

— Присоединяюсь, — сказала Вирджиния.

— Эх вы, творцы общественного мнения, — с горечью заговорил Палмер, усаживаясь за свой стол. — Неужели вы могли вообразить, что кто-нибудь примет всерьез такую чушь?

— Вуди, — нараспев протянул Бернс, — Вуди, вы же великолепно отразили эту атаку.

— Так вот, оказывается, за что вам платят деньги? — спросил Палмер. — Чтоб вы прокладывали дорогу тем, кто меня атакует?

— Вы шутите, надеюсь? — всполошился Бернс. — Неужели вы решили, что я открыл путь атакующим? Вся эта история задумана только затем, чтобы заставить вас отрицать ее. Стеккерт глотал каждое ваше слово, точно поджаренные орешки, — и Бернс тихонько фыркнул. — Большая пресса может здорово обыграть это: «Высшее проявление человечности! Совершенно новый аспект! Живое, горячее сердце под крахмаленной рубашкой». Видите? Этот Палмер — простой и честный парень, такой же, как я! Все будут в восторге, когда репортаж появится в «Стар».

— Вам ловко удалось вывернуться, — сказал Палмер. — Человеку, который вас не знает, никогда не пришло бы в голову, что вы на это способны.

— Вы меня сразили, — жалобно проговорил Бернс. — Скажи ему, Джинни, как это было.

Вирджиния Клэри кивнула: — Да, Бернс говорит правду, он действительно задумал это интервью таким образом.

Палмер обернулся к Гарри Элдери: — Ну, скажите хоть вы что-нибудь!

Элдер снова вздохнул: — Это правда.

Палмер обвел всех троих пытливым взглядом. Ну, вы же видите, мысленно обратился он к ним, человек горит желанием действовать, что-то создавать, использовать свои силы на общее благо. Неужели из-за того, что я так уязвим, другие будут всегда пользоваться

мною в собственных целях, для каких-то своих манипуляций?

Он опустил глаза на свой стол, недоумевая, почему у него такое чувство, будто по-настоящему его предала одна только Вирджиния?

Глава двадцать шестая

— Нет, — говорил Палмер, готовя вторую порцию коктейлей в больших, ручной выделки, бокалах Бернса, — вам придется подождать, пока не придет этот коварный ливанец. Я не собираюсь читать наставления дважды.

Он повернулся и понес бокалы через гостиную Бернса, устланную белым ковром неправильной формы, чувствуя на ходу, как густой ворс ковра буквально засасывает его ботинки. Палмер протянул Вирджинии ее бокал и сел напротив.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о нашей беседе, и это единственная причина, почему я не назначил ее в моем кабинете, — продолжал он. — Боюсь, что, стоит мне начать, и я повышу голос.

Вирджиния сидела, уставившись в свой бокал. Падающий сверху рассеянный свет отражался в коктейле, а от него в ее огромных темных глазах. В этом многократно преломленном освещении она показалась ему удивительно похожей на цыганку.

— Что именно вас больше всего сердит? — спросила она наконец. — То, что это вообще произошло, или то, что я не предупредила вас заранее?

— Я намерен сказать вам обоим весьма...

— Поскольку, — продолжала она, — я отлично сознаю, как нерадиво отнеслась к своим обязанностям. Как только Мак нагрязнул сразу после ленча вместе с этим отрядом из «Стар», я должна была во что бы то ни стало дозвониться до вас.

— Вы не смогли бы найти меня. Я был в машине.

— Я могла бы перехватить вас а вестибюле банка, — возразила она.

Палмер сдержал улыбку. Он еще ни разу не видел, чтобы она раскаивалась. И по его твердому убеждению, лишь немногих она удостоивала этой привилегии.

— Да, вы могли бы, — сказал он каким-то деревянным голосом.

— Но честно говоря, мне и в голову не приходило, что Бернс мог это затеять, не согласовав предварительно с вами.

— Ну вообще-то я сам сказал ему об этом, — признался Палмер.

— Я думала...

— Был такой разговор сегодня ночью, вернее, после двух утра, когда мы оба уже основательно напились, — объяснил Палмер. — То есть я просто упомянул про Пенемюнде. Теперь вижу, что мне надо быть особенно осторожным с Бернсом. Одно лишнее слово, и вся нью-йоркская «Стар» обрушится на мою голову.

— А вы не думали о том, — спросила Вирджиния, все еще глядя в коктейль и не начиная пить, — что, если бы он попробовал поделиться с вами своей идеей, вы удержали бы его от этого?

— Конечно.

— Тогда просто удачно, что вы... — Она замолчала и посмотрела на Палмера, ставя свой бокал на столик рядом с креслом. Без подсвета снизу ее глаза выглядели еще более темными и глубокими. Казалось, она наблюдает за ним из двух пещер. — Я полагаю, —

поправилась она, — я должна была сначала спросить вас, как, по-вашему, поможет ли делу статья в «Стар». Мне кажется, вы не придаете этому большого значения.

— Личная реклама не может помочь в борьбе со сберегательными банками. Какая, к черту, разница, был я в Пенемюнде или в Тимбукту во время войны?

— Это помогает создать образ.

Палмер скорчил гримасу:

— Скажите что-нибудь попроще!

— У нас, газетчиков, свой жаргон, — сказала она, снова взяв бокал. — Но создать образ — это все-таки кое-что значит. У общественности сложилось представление о вас, то есть у той части общественности, которая знает о вашем существовании. После того как статья появится в «Стар», вы станете еще более известным. Представление о вас будет более детальным, а детали будут положительными: человек действия, умный, с сильным характером, человек, твердо стоящий на ногах.

— Вы считаете такой образ верным?

Едва спросив, Палмер тут же пожалел, что нельзя взять назад вопрос и похоронить его навеки.

Он уже признавал, что в его отношениях с Вирджинией Клэри что-то изменилось, и, вероятно, навсегда. Это произошло на приеме, когда они танцевали, и потом, когда возвращались домой. И перемена, как сейчас понял Палмер, была в ней.

В наступившей на какой-то момент тишине, боясь взглянуть Вирджинии в лицо, Палмер вдруг совершенно отчетливо осознал, что они всегда интересовались друг

другом. Это, впрочем, было вполне естественно, поскольку она работала непосредственно под его началом. Тем не менее в тот вечер, когда они обедали у Шрафта, Палмер ясно почувствовал, что к концу обеда интерес Вирджинии к нему охладел. Остались только служебные отношения, впрочем очень хорошие. А после вчерашней ночи этот холодок растаял. И было трудно делать вид, что ничего не замечаешь. Это худшая сторона человеческих отношений, думал он. Невозможно долго игнорировать подобного рода заинтересованность и сохранять деловую беспристрастность. Стоит лишь откликнуться на теплое отношение, и ты тут же обнаруживаешь, что совершил непоправимую ошибку. Например, зачем ему понадобилось задавать вопрос о верности образа?

— Это верный образ, — наконец ответила Вирджиния таким серьезным голосом, что Палмер вынужден был взглянуть на нее. Она сидела, слегка откинувшись назад, и ее глаза больше не наблюдали за ним из глубоких пещер. Свет, падающий с потолка, смягчал очертания ее высоких скул.

— Это верный образ, — повторила она, — образ человека по имени Вудс Палмер-младший, каким я его увидела.

— Шизофреника мистера Палмера?

Она покачала головой: — Сложного мистера Палмера. — Она вздохнула и отпила немного из своего бокала. — Очень крепко, — заметила она. Потом отпила еще. — Очень хорошее виски.

— Еще бы!

— Имея в виду, что на те деньги, которые мы платим Маку, — сказала она, — он может позволить себе покупать самое лучшее. Палмер встал.

— Он должен был явиться в пять тридцать. — Палмер оглянулся, ища телефон, обнаружил его и набрал номер.

— Кстати, — сказала Вирджиния, — мне кажется, Мак представляет импортера этой марки и, вероятно, получает виски бесплатно.

Палмер услышал голос телефонистки.

— Мистер Бернс у себя? — спросил он. — Это мистер Палмер. — Он выслушал, поблагодарил и повесил трубку. — Я думал, телефонистки на коммутаторе умеют лучше врать.

— Он ушел на очень важное заседание? — предположила Вирджиния.

— И когда позвонит, она передаст ему мою телефонограмму, — закончил Палмер, — она, впрочем, не знает, какую.

— Что-нибудь очень внушительное?

— Из нескольких букв.

Она усмехнулась и отпила немного виски.

— Мне казалось, вы с ним отлично уживаетесь. Просто на редкость, принимая во внимание ваш и его характеры.

— У нас все в порядке.

— Вот как? Все в порядке?

— А надо больше?

Она подняла бокал в вытянутой руке и улыбнулась, кажется бокалу. — Вы заслуживаете какой-нибудь медали, как самый хитрый из всех мастеров беседы к востоку от Миссисипи. Вот уже дважды вы сумели увернуться, чтобы не услышать того, что я о вас думаю.

— А надо было выслушать?

— Почему бы и нет?

— А почему да?

— Я первая спросила. — Она отпила немного виски. — Дело в том, что я по натуре навязчива в своих оценках. И если объект моего внимания не проявляет к ним интереса, это действует на меня, как зажженная спичка на бензин. Я горю желанием высказать свое мнение. Просто жажду этого.

Палмер смущенно заерзал в своем кресле.

— Ну, я как-никак джентльмен, и мне невыносима мысль о том, что я причиняю вам страдания. И все же я хотел бы знать, почему вам это так необходимо?

— Мне кажется, — сказала она, как бы размышляя вслух, — по той же причине, по какой вы не любите высказываться.

— Разве я отказываюсь?

— Вы не хотите связывать себя.

— Это верно в какой-то мере.

— А я чувствую себя связанной, пока не поставлю каждого в известность о моем к нему совершенно определенном отношении.

— Каждого?

— Каждого, кто имеет для меня значение.

Палмер кивнул и отпил большой глоток виски. Через секунду ему удалось преодолеть странное чувство головокружения, вызванное ее словами. В конце концов, сказал он себе, многие имеют для нее значение. Я, например, как ее босс. В этом нет ничего особенного.

Он отпил еще глоток, поставил бокал и подошел к двери, выходящей на балкон. Он был расположен несколько под углом к зданию, как и все балконы этого дома, чтобы с каждого из них открывался вид на реку. Палмер смотрел на воду, быстро темнеющую в этот вечерний час, и на мерцание отраженных в ней и как бы уходящих в бесконечность огней моста Куинсборо. Позади звякнул о стекло кусочек льда. Секундой позже Палмер услышал, как она поставила бокал. И вот она уже у окна рядом с ним.

— Этот вид можно сделать еще красивее, — сказала она.

— Как?

— Сейчас покажу.

Она отошла, и через секунду свет в комнате погас, и она снова была рядом с ним у окна.

— Теперь, когда свет не мешает, — сказала она, — все стало гораздо яснее. Чуть позже погаснет последний солнечный луч и на небе останется только зарево заката. Если повезет, мы увидим на реке пароход. Настоящий пароход, а не баржу или буксир. Если было бы теплее, мы могли бы наблюдать за ними с балкона.

Со своей вечной привычкой анализировать, что, впрочем, помогло ему стать хорошим банкиром, Палмер

поймал себя на мысли: откуда она все это знает — про вид из окна Мака Бернса. И неожиданно для себя услышал, как задает этот вопрос.

— Часто бывали здесь раньше?

— Не часто. Просто была раньше.

— Я и не представлял, что вы знали Бернса лично, до того как пришли работать в ЮБТК.

— Знала. Многие газетчики знают его.

— Могу поверить.

— Он проводит здесь свои личные инструктажи для Вика Калхэйна. Это традиция. Все собрания неофициальны и не подлежат оглашению.

— Понимаю.

Она повернулась, чтобы взглянуть на него:

— Понимаете?

— Конечно.

— Разумеется, — продолжала она, отвечая на невысказанный вопрос Палмера, — в этих случаях я не могла долго любоваться рекой. Но у двух-трех моих друзей квартиры с видом на реку. К тому же и сама я живу всего через квартал отсюда. По вечерам здесь приятно гулять. Я имею возможность любоваться этим видом круглый год.

— Это... э-э... хорошо.

— Удивительно, — вдруг сказала она, — я часто не могу понять — удовлетворены ли вы моим ответом или же вам просто до смерти скучно. Что за лицо!

— Безмолвное и непроницаемое.

— Идеальное лицо банкира... или игрока.

Палмер кивнул. Потом спросил: — Боже мой, где же Бернс?

— Он скоро будет.

— Вы что... вместе с ним запланировали эту сцену? — спросил Палмер. — Живописный вид, крепкие напитки с целью умаслить босса и смягчить выговор?

— У меня создалось впечатление, что напитки готовили вы.

— Да, правда. Я забыл.

— Мне бы еще выпить. Думаю, и вам не мешает.

Палмер направился к бару. Неяркого света с улицы ему едва хватало, чтобы ориентироваться. Он уточнил: — Мне больше не нужно, но тем не менее я еще выпью.

— Поскольку джентльмен не допустит, чтобы леди пила одна.

— Поскольку я не джентльмен, а вы не леди, — сказал он, готовя новую порцию коктейлей. — Я банкир, а вы мой помощник по связям с общественностью. — Он подал ей бокал и пошел к телефону. — Будьте добры, включите свет. Я совершенно не вижу диска.

— Не собираетесь ли вы отправить Маку еще одну телефонограмму?

— Я, — он положил трубку на место, — я думаю — нет. — Он вернулся к окну. — Смотрите, пароход! — сказал он.

— Это что, грузовой? Посмотрите, какой огромный! Зазвонил телефон. Вирджиния сразу же сняла трубку. —

Квартира мистера Бернса, — произнесла она. — Ты, подлый тип, куда ты пропал?

— Дайте-ка мне, — попросил Палмер. Она удержала его, положив руку ему на грудь. — В Уолдорфе? Мак, серьезно. Тебе полагалось быть здесь час назад.-Слушая, она легонько коснулась рукой лацкана пиджака Палмера и стряхнула что-то.

— Девять тридцать! — воскликнула она. — Что, по твоему, мы должны делать до того? Сидеть здесь и обсуждать банковские операции?

— Дайте трубку,-сказал Палмер.

Она потрясла головой. — Думаю, что и я имею право сердиться — сказала она в трубку, — хотя это ничто по сравнению с негодованием мистера Палмера. — Ее рука мягко надавила на грудь Палмера. — Что за вздор, — сказала она в трубку. — Мы просто пойдем домой. Но он требует, чтобы ты был у него завтра в девять утра, даже если тебе так и не придется лечь спать, чтобы явиться к нему вовремя.

Палмер взял ее руку, отвел от себя и, удерживая ее у бедра Вирджинии, потянулся к телефону. — Секундочку, он хочет поговорить с тобой, — сказала Вирджиния.

— Почему такая задержка? — спросил Палмер, изо всех сил сдерживая себя.

— Вуди, миленький, — начал Бернс тем тоном, который газета «Нью-Йоркер» назвала «жалобным воем муэдзина». — Я так расстроен, что у меня просто сосет под ложечкой. Тут сейчас трое парней, от которых зависит моя важнейшая сделка. Мы проводим абсолютно закрытое совещание начистоту по вопросу об изменении

некоторых важнейших расценок. Я просто заскочил в другую комнату, чтобы позвонить вам. Но честно, Вуди, я приду самое позднее к 9.30.

— Меня устраивает завтра в 9 утра, — холодно сказал Палмер.

— Тогда и побеседуем. Вы мне объясните, какая из сделок важнее, чем операции «Юнайтед бэнк». — Он медленно опустил трубку на рычаг.

— 20° ниже нуля на телефонной линии, — пробормотала Вирджиния.

— Черт бы его побрал! Но главное, я не верю ему. Почему бы это?

— Потому что у Мака есть привычка врать. Сейчас он, может быть, и не врал. Но вы правы, когда сомневаетесь.

Они немного постояли, задумавшись. Вдруг Палмер осознал, что держит ее за руку.

Он начал было разжимать пальцы, но тут же испугался, что движение слишком явное.

— Ладно, — услышал он. — Можете отпустить мою руку.

— Что?

Она повернулась, чтобы лучше видеть его в сгущающихся сумерках.

— Ничего, — сказала она, шагнув к окну и тем самым освободив свою руку. — Ничего.

Он наблюдал за смутными очертаниями ее силуэта на фоне вечернего неба. Сумерки, мерцающие слабым

светом, сделали ее выше, чем когда она стояла рядом с ним. Он подошел к ней.

— Вы должны понять, — сказал он, глядя не на нее, а в окно, — что чикагцам не хватает светского лоска.

— Мне кажется, им многого не хватает.

— Например?..

Он услышал ее медленный вдох. — Сердца, — наконец произнесла она.

— Нам отпущена обычная норма.

— Не более. Но некоторые из вас, кажется, не ощущают и этого.

— Вы так считаете потому, что я был холоден с Бернсом?

— Вовсе нет. — Она наклонилась вперед, ее высокий лоб прислонился к оконному стеклу. — Иногда я думаю, что вы таким и должны быть, чтобы добиться успеха в Нью-Йорке.

— Теперь я уже совершенно ничего не понимаю.

— Посмотрите на реку, — сказала она. — Все так и сверкает. Темные, быстрые, скрытые течения, коварные подводные камни и неведомые извилистые проходы между ними. Временами мне кажется, что вы можете преуспеть в этом городе, лишь обладая холодным бронированным сердцем.

— Я давно не видел своих рентгеновских снимков, но...

Долгое время оба молчали.

— Зато я вижу, — наконец сказала она. — Внутри вас какая-то смесь разных людей. Получается нечто

вроде двойной экспозиции. Там есть горячий человек и холодный.

— В каждом так.

— Правда?

— Думаю, да. — Он слегка повернулся к ней и с удивлением увидел, что она пристально за ним наблюдает. — Горячий человек вовлекает тебя в беду. Холодный помогает из нее выбраться.

— В беду?

Он сделал неопределенный жест:

— Осложнения. Противоречия. Затруднения.

— Это не беда, — мягко возразила она, — это просто жизнь.

— Если вы правы, то жизнь — препротивная штука.

— Так и есть.

— Беспорядочная, — добавил он.

— Очень.

— Весьма унылая.

— Всегда.

— Трудно поверить, — сказал он. — Это... это... — Он опять сделал неопределенный жест и ощутил, что в темноте коснулся ее руки. Затем почувствовал, как ее пальцы взяли его руку.

— Обескураживающая, — сказала она.

«Должен я держать ее руку или отпустить? Отпустить ее быстро, будто горячую картошку, или сделать это медленно? Тем двоим внутри меня ничего на

ум не приходит, но самое интересное, что ум здесь ни при чем», — подумал Палмер.

— В это тоже трудно поверить, — сказал он вслух.

— Вы не легко поддаетесь эмоциям, не так ли?

— Вообще никогда не поддаюсь, — поправил он ее.

— Неужели никогда?

Он негромко рассмеялся: — Я очень сожалел о тех редких случаях, когда это со мной приключалось.

— Это ужасно.

Даже в темноте он увидел, что она повернулась и взглянула ему прямо в лицо. Огни моста за окном зажгли в ее глазах маленькие искорки.

— Может быть. Но это правда.

— Такого убийственного признания мне еще никогда не приходилось слышать.

— Меня вообще-то в любое время трудно назвать весельчаком. А сейчас я, наверно, в своей наихудшей форме. Не люблю, чтобы надо мной кто-нибудь стоял, тем более Мак Бернс.

— А что вы любите? — неожиданно спросила она.

— Мир и покой. Порядок.

Она кивнула. «Чудесно, спокойно и тихо в могиле, но думаю, вас там никто не обнимет», — процитировала она.

Он вздохнул.

— Сегодня целый день меня изводят штампами. А теперь еще и вы цитируете Марвелла.

— Для меня это никогда не было штампом.

Он услышал, что ее обычный низкий голос стал еще ниже, и понял, что был жесток.

— Я не хотел...

— Знаю, — успокоила она его. — Но что бы ни имел в виду Марвелл, я думала именно так. — Она глубоко вздохнула:— Я процитировала это в наставление вам, а не себе.

Он почувствовал слабую дрожь ее руки.

— Не мое дело читать наставления. По идее я должна выслушивать их, не так ли?

— Завтра. В девять утра. — Он слегка сжал ее руку. — Вы будете там для украшения. Кому я действительно собираюсь читать наставление, так это Бернсу.

— Спасибо. — Она минуту помедлила. — Вы всегда так педантичны в обращении с людьми? Вроде первоклассного шахматиста, точно знающего ход каждой фигуры на шахматной доске?

— Не всегда.

— Лишь в том случае, когда удастся избежать эмоций? — спросила она, как бы поддразнивая.

Он почти отбросил от себя ее руку.

— Хватит, — резко сказал он. — Вы пытаетесь использовать свое женское обаяние.

— Да.

— Вот уже несколько минут.

— Простите. — Она отошла от него. — Уже поздно. Пошли по домам.

В комнате было темно, а город за окном казался очень далеким. Его охватило острое чувство одиночества. Она касалась только его руки, но, когда отошла, он почувствовал себя совершенно покинутым. И вот теперь они уходят.

— Нет, — сказал он. — Простите меня. Это говорил холодный человек.

Она не двинулась, не моргнув глазом.

— А что говорит горячий человек?

— Он...— Палмер почувствовал, как его горло странно сжалось. — Он не...— Он кашлянул, но спазм не проходил. — Он не г-говорит, — услышал он и едва узнал свой голос. Эти слова, которые он с трудом, заикаясь, выговорил, казалось, еще сильнее сжали ему горло. Он на мгновение закрыл глаза и сосредоточился. — Он не говорит, — удалось ему повторить.

— Никогда?

— Кажется, что он...— Палмер замолчал и сделал трудный глубокий вдох. Напряжение в горле как будто распространилось и на легкие: ему с трудом удалось набрать достаточно воздуха. Он медленно открыл глаза, выпрямился, как бы подбираясь, сделал еще один судорожный вдох и быстро добавил:— К-кажется, он ум-м-ер.

— О-о!

— Очень давно, — закончил он. Слова вырвались в мучительном выдохе, почти как рыдание. Чувствуя, что комок снова подступает к горлу, Палмер с отчаянной

торопливостью рванулся к ней. Он схватил ее руки и ощутил теплую кожу под своими холодными пальцами. Он притянул ее к себе, и слабый дымный запах духов, казалось, поглотил его. Ее мягкие губы приоткрылись, и он ощутил дымный вкус виски. И ее руки обвились вокруг него. И он стал медленно, а потом все быстрее тонуть.

Глава двадцать седьмая

Мак Бернс, кажется, спит на шелковых простынях, — с этим поразительным открытием пришло к Палмеру много позже первое трезвое и ясное ощущение реальности. Он перевернулся на бок и глянул на простыни. В темноте было трудно определить — шелковые они или нет. Слабый свет падал слева в окно спальни. Источник находился несколькими этажами ниже в квартире через дорогу, и поэтому свет лежал небольшим квадратом на потолке над его головой. Палмер погладил простыню, ощущая под пальцами благородную ткань, потом вздохнул и снова перекатился на спину. Его голова лежала на скомканной подушке. Он взглянул на свое тело. Вот уже много лет Палмер не рассматривал его на досуге и сейчас пришел к выводу, что ноги слишком тонки. Вернее, если говорить беспристрастно, он вообще за последнее время располнел, а ноги — все еще такие, как в юности, — больше не соответствовали фигуре. Палмер посмотрел на свой живот, на клин темно-русых волос, на свои ноги, слегка пошевелил пальцами ног. Черт бы побрал Бернса! Можно ведь привыкнуть и к такой восточной роскоши, как шелковые простыни.

Ее ног не было видно. Она лежала на животе справа от Палмера и дышала так ровно, что он был уверен: спит. При слабом свете два холма ее ягодиц возвышались, как бело-розовая сахарная вата, переходя потом в тонкую талию. Впадина между холмами, глубокая и темная, мелела, по мере того как его взгляд перемещался выше. Еще одна ложбинка, похожая на русло реки, появилась над талией и начала углубляться,

пока не достигла плечевых мышц. Затем и она исчезла. Темные волосы спадали по обеим сторонам головы и позволяли рассмотреть несколько сантиметров ее шеи. Там опять была ложбинка, идущая вверх, в массу спутанных кудрей. Палмер оперся на локоть и сел на огромной постели, чтобы взглянуть на Вирджинию под другим углом.

— М-м-м, — пробормотала она, не поднимая головы. — Который час? Палмер взглянул на руку и с удивлением обнаружил, что снял часы. Покосился на светящийся циферблат дорожного будильника, стоящего около кровати Бэрнса. — Половина девятого, — ответил он. Его голос прозвучал очень глухо и как-то надтреснуто, точно старый механизм, который неосторожно пустили на полный ход после долгого перерыва. Она вздохнула и, повернув голову, посмотрела на него. — Он будет здесь через час.

— Хм.

— Черт бы его побрал! — Она протянула руку и потерла ладонью его грудь. Он услышал легкое шуршание волос.

— Придумала, — произнесла она, теперь уже окончательно проснувшись.

Она легла поперек Палмера и потянулась за трубкой телефона, стоящего около кровати. Ее груди медленно проскользнули по его груди. Она сняла трубку. — Набери Эльдorado 5-3110.

Набирая номер, он почувствовал, что Вирджиния приложила телефонную трубку к его уху, а сама прижалась головой к его голове. Трубка тем самым

оказалась между ними. — Уолдорф Тауэрс, — услышал он голос телефонистки.

— Номер мистера... м-м... Кармоди, — попросила Вирджиния.

После паузы телефонистка ответила:

— Мистер Кармоди уехал на месяц.

— Тогда дайте мне... м-м... мистера Дрешлера.

— Одну минутку.

Прошло довольно много времени, прежде чем трубку подняли.

— Да, — произнес мужской голос.

— Мистер Бернс там?

— Я не знаю. Кто его спрашивает?

— Мисс Клэри из «Юнайтед бэнк».

— Подождите.

Они лежали рядом и ждали. Прошло еще немало времени, пока они услышали голос Бернса:

— Лапа, как ты сумела выследить меня здесь?

— Я вижу, ты все еще в Уолдорфе. К чему была вся эта болтовня, что придешь домой к 9.30?

— Вы все еще там?

— Я уже целый час, как дома, и сейчас ухожу на весь вечер.

Просто я позвонила сказать тебе по-приятельски, что ты сваял дурака.

— Палмер разозлился, а?

— Холоден как лед. И все превращается в лед, к чему бы он ни притронулся. Надень теплое пальто, когда придешь к нему завтра утром.

— Сильный мороз?

— Сибирь. — Ее рука двигалась вниз по груди Палмера, дошла до пупка.

— Ужасно холодный тип. — Она гладила живот Палмера.

— Ничего не мог поделаться, дорогая, — оправдывался Бернс. — Кроме того, я нужен Палмеру больше, чем он мне.

— Ты не прав. Он прекрасно обходится сам. — Она нажала на живот Палмера, но отпустила прежде, чем он отреагировал на боль. — В любом случае в следующий раз дважды подумай, перед тем как проводить всю ночь с другим клиентом.

— Кто проводит всю ночь?

— Ты. Теперь, когда Палмер тебя не ждет.

— По правде говоря, я все равно не мог бы успеть к 9.30. Я ужасно рад, что он отменил встречу. Мы сидим здесь с 6 часов и сделали только половину дела.

— Мне бы твои деньги, Мак.

— Мне бы твою внешность, девочка.

— Сделай самому себе одолжение, — сказала она, — приди завтра вовремя и признай, что был не прав. Это намного облегчит положение всем нам.

— Ты друг, дружище.

— Счастливой встречи. Она уже опускала трубку, когда к ним слабо донесся голос Бернса.

— Что, Мак?

— Я спрашиваю, как вы там провели время вдвоем в моей квартире.

Вирджиния надавила пальцем на левый сосок Палмера. — Я уже дала тебе точное определение, — ответила она. — Сибирь.

— Очень плохо.

— Для кого?

— Для кого же еще? — Бернс рассмеялся. — Палмер упустил хорошенькую рыбку, лапа.

— Что ты знаешь об этом, лапонька?

— Могу представить. До завтра, ровно в девять утра.

— Пока.

Она потянулась через Палмера и повесила трубку. А когда их лица поравнялись, она слегка укусила его за нижнюю губу. — У нас в запасе еще много времени, — прошептала она. — Ты слышал, что он говорил?

Палмер кивнул:

— Не помню, чтобы мне когда-либо приходилось участвовать в такого рода беседах.

— В ней были не совсем обычные моменты, — согласилась она. Ее голос был наполовину заглушен его поцелуем. Она села и внимательно посмотрела на него.

— У тебя усталый вид.

— Но счастливый.

— Но усталый.

— Ну, еще бы, — ответил он. — Не то чтобы я уж совсем не в форме. Но у меня не было специальной тренировки.

— Если ты пытаешься пристыдить меня, все равно ничего не выйдет.

— Женщины — другое дело.

— Ты наблюдателен. — Она провела рукой вдоль его тела.-

Да, нельзя сказать, что ты совсем не в форме. — Ее рука дошла до диафрагмы. — Вот здесь начинаются самые лучшие места.

— Все от хорошего питания.

Рука медленно двинулась ниже. — Высший сорт, — сказала Вирджиния спустя мгновение. Некоторое время они молчали. Она убрала руку и потянулась назад за сигаретами, лежащими на столике у кровати с ее стороны.

— Дать?

— Дать.

Она зажгла обе сигареты, вдохнула дым от своей и выпустила его в квадрат света на потолке.

— Я способна видеть такие вещи, каких не видит ни один простой смертный, — заявила она.

Палмер улегся поудобнее, вытянувшись на кровати во всю длину. Он чувствовал слабую, приятную боль в ногах и усталость в мышцах живота.

— Расскажи.

— Я вижу, что для тебя это совершенно ново.

— Не определишь ли ты «это» немного полнее?

— Эта... ситуация. Эти... отношения.

— Не ново, — ответил он. — Непривычно.

— Как непривычно? С каких пор?

— Ты ведь ясновидящая, — напомнил он.

— Магический кристалл затуманен. Но вот образ проясняется. Дата видна все еще очень смутно. Но это случилось незадолго до женитьбы.

Он отвернулся и взглянул на зеленоватые цифры часов. Потом закрыл глаза. — Черт побери этот пронизательный магический кристалл, — признался он.

— Прости меня.

— За что?

— За то, что расстроила тебя.

— Как ты догадалась?

— Сама не знаю, — грустно вздохнула она и потушила сигарету. — Я не очень сильна в таких вещах, — сказала она. — Ни опыта, ни тренировки. — Она дотянулась до его сигареты и сделала короткую затяжку.

— Я бываю остра на язык и находчива в вертикальном положении, но в постели я занималась этим недостаточно, чтобы приобрести необходимую сноровку.

— Ну вот, — сказал он, поворачиваясь, чтобы взглянуть на нее, — наши постыдные секреты теперь зафиксированы.

— Какие?

— То, что это моя первая измена и что ты тоже не очень крупный специалист в таких вопросах.

Она скорчила гримасу и вернула ему сигарету.

— Вы, банкиры, всегда спешите поставить точку над «і».

— Конечно.

— Но ты должен признать, — задумчиво произнесла она, — что мы оба блестяще исполнили свои роли. А теперь что?.. — Она замолчала и нахмурилась, думая о чем-то.

Он выдохнул дым на свои ноги. — Я все еще жажду произнести речь, — сказал он. — Я не могу найти для нее слов, но чувствую необходимость высказаться.

— Что за речь?

— О том, что произошло.

— Я не нуждаюсь в речах.

— Зато я нуждаюсь, — настаивал он. — Ты можешь подождать?

— Сколько угодно.

— Хорошо. — Он погасил сигарету и, лежа на спине, сполз еще ниже, его голова оказалась на матрасе.

— Пожалуйста, не спи, — попросила она.

— Не буду.

— Кажется, ты вот-вот заснешь. Сейчас ты такой слабый, ленивый и пассивный.

— Не я, а мой лучший кусок.

— Ужасно смешно!

— Я просто думаю, и все тут, — заверил он ее.

— От дурных привычек трудно избавиться. — Она повернулась на бок, чтобы наблюдать за ним. — Ты не думаешь, — сказала она, — ты мучаешься.

— Совсем нет.

— Чувство вины закрадывается в тебя.

— Нет еще.

— Скоро начнет.

— Думаю, да, — согласился он. — Это всегда так?

— Да.

Он открыл глаза. — Правда?

— Да.

— А почему ты должна чувствовать себя виноватой? — спросил он.

— Причин много.

Он посмотрел на нее и обнаружил, что лежит так низко, что ее голова оказалась выше его собственной. Он смотрел, как поднимаются и опускаются ее груди. Слабое колебание покачивало коричневато-розовые соски. Он медленно протянул руку и дотронулся до одного из них. Сосок набух под его пальцами.

— Мы всегда можем заняться размышлениями позже, — сказала она.

Он резким движением прижал ладони к ее груди и почувствовал, как их теплая мягкость вслед за твердыми сосками потянулась к его пальцам. Она придвинулась.

— Умер тот, холодный, человек, а не горячий, —
прошептала она ему на ухо.

Его руки скользнули вдоль ее тела, и снова,
судорожно хватая ртом воздух, он начал тонуть в прямом
таинственном море ее тела.

Глава двадцать восьмая

Когда Палмер проснулся, светящиеся стрелки часов показывали 9.30. Он повернулся, чтобы дотронуться до Вирджинии, но не нашел никого рядом с собой.

Усевшись на постели, он осмотрел темную комнату. И тут же услышал, что где-то в квартире выключили душ; минутой позже раздался резкий шорох раздвижной двери; судя по звуку, это была дверь душевой. Он перебросил ноги через край кровати и встал. И тут же снова сел.

Криво усмехаясь, он снова начал подниматься, на этот раз гораздо медленнее, чувствуя, как длинный мягкий наплыв боли охватил мышцы бедер и спины. Он оглянулся, ища трусы, обнаружил их под черной комбинацией и надел. Потом, пройдя босиком в гостиную, он нашел ванную комнату и постучал в дверь.

— Ты в приличном виде?

— Всегда.

Он открыл дверь и остановился, любуясь ее телом, пока она вытиралась. В слабом освещении спальни она казалась мягкой и податливой — плавные линии, округлые выпуклости. Здесь же, при ярком свете люминесцентных ламп он увидел тонкие борозды ребер и игру мускулов на ее предплечьях и икрах.

— Я бы хотела запрянуть твой взгляд в бутылку, — сказала она, на мгновение перестав вытираться. — Мне хотелось бы закупорить эту бутылку и открывать ее только в тех случаях, когда мне будет нужна моральная поддержка.

— В моей поддержке нет ничего морального.

— Вот именно. — Она кончила вытирать ноги и выпрямилась. — Немного поздно спрашивать, — продолжала она, — но, кажется, я тебе нравлюсь.

— Да.

Ее глаза расширились:— Ты сказал это без запинки.

Он нахмурился:— Не надо язвить. Сегодня ты сделала для меня достаточно много без этого.

Она слегка наклонила голову, как будто стараясь лучше расслышать его слова. — А я все время думала, что ты делаешь это для меня.

— Ну, понимаешь, — начал он, — в твоей жизни, вероятно, найдется еще дюжина мужчин, готовых наброситься на тебя при первом удобном случае...

— Откуда ты столько знаешь обо мне, — прервала она, — и о дюжине мужчин в моей жизни?

— Я не знаю, но ты очень привлекательна.

— Спасибо. — Она повернулась к зеркалу над умывальником и начала пальцами взбивать волосы. В зеркале их взгляды встретились. — Я собираюсь удивить тебя, — сказала она.

— Опять?

— Видишь ли, — продолжала она, — я... как мне тебя называть? На работе я знаю, а здесь как?

— Очень долго меня называли Младшим, — ответил Палмер. — Никогда не пытайся делать этого.

— Видишь ли... Вудс, — сказала она, — Вуди?

— Давай, давай. Мучайся.

Она повернулась и, улыбаясь, посмотрела на него. — Вудс, я хочу сделать удивительное признание. По крайней мере для меня оно удивительно. Я подсчитала, пока принимала душ. Уже почти два года, как со мной не случилось ничего подобного.

— Ты права, это удивительно.

— Верно? И все потому, что я сама не хотела — несколько раз.

— Мне жаль нью-йоркских мужчин!

Она кивнула.

— Я расскажу тебе о нью-йоркских мужчинах, с которыми мне приходилось некогда встречаться. — Она подошла и положила руки ему на плечи. Ее тело было прохладно и очень упруго. — Но не сейчас. Я чувствую, что нам пора освобождать помещение.

— По очереди.

— Строго по очереди, — согласилась она. — Я выйду первая.

Но прежде чем уйти, я немного приберу здесь.

— Нет, я это сделаю сам.

— Мне нетрудно.

— Я сам это сделаю, — настаивал он. — Я гораздо лучше знаю, как это делается.

Она мгновение смотрела на него с недоумением. Потом:

— Ах да! Бывший офицер разведки. Неужели ты и впрямь запомнил все уроки, которые там получил?

— Это были не уроки, а промывание мозгов. Такое не забывается.

Пальцы Вирджинии сжали его плечи.

— Один поцелуй, вот в таком виде, — сказала она. — Когда я оденусь, будет не то.

После того как она ушла, пообещав выйти не через ту дверь, в которую входила, Палмер с полминуты постоял посреди гостиной, пытаясь проанализировать испытываемое им какое-то странное чувство. Через некоторое время он понял: облегчение.

Он понял, что, несмотря на благоприятные условия свидания, в нем все это время жило подсознательное беспокойство, что Бернс может вернуться и застать их вместе. Не то чтобы опасность теперь миновала, но по крайней мере с уходом Вирджинии завершилась первая фаза восстановления порядка.

Палмер осмотрел бокалы, ведерко со льдом и решил, что они не выдают никаких секретов. Он вернулся в спальню и включил свет. Вид кровати привел его в ужас. Он отнес свои вещи в ванную, возвратился и снял с кровати все, оставив лишь матрац. Потом вместо сильно измятой простыни, покрывавшей матрац, постелил на него верхнюю, относительно гладкую. Он исходил из того, что следующему, кто ляжет в эту постель, нетрудно будет рассмотреть простыню на матраце, тогда как та, что под одеялом, практически не видна. Палмер вывернул наволочки наизнанку, взбил подушки и разгладил покрывало. Отнес обе пепельницы в гостиную, высыпал их содержимое в стоящую там большую пепельницу, почистил маленькие мокрой бумажной салфеткой и спустил бумагу в унитаз.

Возвратившись, чтобы поставить пепельницы на столик около кровати, он еще раз внимательно оглядел комнату и даже, встав на колени, заглянул под кровать — нет ли там какой-нибудь потерявшейся сережки.

Разведчиков обучали искусству так называемого «чистого дома». Это означало: изъять из всех комнат подслушивающие аппараты, телефоны, отводы; сделать невозможным наблюдение через окна. Это было обязательно в любых случаях — покидал ли агент дом на час, на неделю или навсегда. Не должно было оставаться ни единого намека на что-либо, отличающееся от обычного быта. И наконец, это искусство включало в себя технику проникновения в дом вражеского агента, изучение дома и выхода из него без следов тайного осмотра. Искусство безупречного автоматизма. Сейчас Палмер был особенно благодарен ему, поскольку оно освобождало от необходимости думать.

Он выключил свет в спальне и постоял минуту перед дверью, стараясь припомнить, была она открыта или закрыта в начале этого вечера. Все происходило так стремительно. Он даже не мог вспомнить, когда они оказались не на софе, а в спальне, но теперь он как будто припоминал, что дверь была закрыта. Значит, пусть так и будет.

Он вошел в ванную и потрогал полотенце, которым вытиралась Вирджиния. На ощупь оно было не очень сырое. Значит, если Бернс возвратится к полуночи, оно уже высохнет. Но кроме того, это значило, что Палмеру нельзя принять душ, если он хочет, чтобы полотенце осталось сухим. Он торопливо поплескал на себя воду и вытерся бумажными салфетками «клинекс». Маленькие

клочки бумаги прилипли к коже. Он счистил их с себя и быстро оделся.

Острое ощущение необходимости спешить заставило его двигаться еще быстрее. Он знал: Бернс не мог вернуться так рано. Но как знать... Неожиданно Палмер увидел самого себя и то, чем он занимался, как бы со стороны. С каждой минутой этот образ вырисовывался все яснее вопреки правилам разведывательной службы, избавляющим от размышлений.

Только теперь, сидя на унитазе и зашнуровывая ботинки, он понял, насколько невероятна вся эта история сегодняшнего вечера. С ним не случилось ничего подобного с довоенного времени. И то, что приобретенные в разведке навыки в один прекрасный день помогут ему прятать улики недозволенного свидания от человека, которому не только наплевать, но который даже подбивал Палмера на это, — подобная ситуация предстала перед Палмером во всей своей дикой нелепости, как только он по-настоящему подумал об этом.

Расправляя полотенце, он начал размышлять, стоит ли вообще стараться. Потом отбросил эту мысль.

Он уже выходил из ванной, но неожиданно вернулся в душевую кабину. Поморщившись, взял еще несколько салфеток, тщательно протер раздвижную стеклянную дверь, промокнул мыло и вытер, насколько смог, лужи на полу. Бросив мокрую бумагу в унитаз, спустил воду.

«Клинекс». Салфетки «клинекс». Палмер выключил в ванной свет, закрыл дверь (Так? Так.) и постоял минуту посреди гостиной, на толстом белом ковре. Пока он так

стоял, способность отстранять размышления покинула его.

Стоило ли вообще ввязываться в эту историю?

Палмер понимал, что по моральным нормам его отца он ведет себя как последний глупец. Следуй он отцовским правилам, ничего подобного не случилось бы, потому что, когда отец хотел сделать выговор своему служащему, он делал это настолько открыто, насколько позволяла возможность. Сама мысль о назначении тайного, личного свидания показалась бы отцу наивысшей степенью трусости. Но потом Палмер сообразил, что у его отца никогда не было подчиненного, похожего на Мака Бернса.

Взгляд Палмера упал на два бокала, стоящих на коктейльном столике. На ободке одного из них была яркая дуга помады. Он потянулся за стаканом, с намерением стереть пятно. «Клинекс». «Клинекс». Рука Палмера повисла в воздухе. Он увидел признак паники в попытке уничтожить следы пребывания здесь Вирджинии, о котором Мак Бернс-то ведь знал! А если есть паника, то должна быть и ее причина?

Палмер сел и взял в руки бокал Вирджинии. Он почувствовал некий беспокойный прилив в душе — так, словно скрытая река вины вырвалась наружу огромным потоком горькой зеленой воды, засоренной водорослями и желтой едкой пеной, и затопляла его душу.

Чепуха, подумал он. На самом деле я не так устроен. Она не права. Холодный человек не умер. Все сделал другой, горячий человек, но тот, горячий, человек, в сущности, не я. Он медленно вертел бокал в

руках, наблюдая, как появляется и исчезает след от помады.

«Как мне тебя называть? — спрашивала она. — На работе я знаю. Но как быть здесь?»

Как быть здесь? Что позволило ей предположить, что они могут прийти сюда еще раз? Она не имела понятия о том, что может сделать холодный человек. Любое. Уволить ее. Любое. Отделаться от нее, перечеркнуть все случившееся. Чем это было, в конце концов, кроме непредвиденного происшествия, чисто физиологического акта, просто случайной близости?

Поворачивая бокал, Палмер наблюдал, как вновь и вновь появляется яркий след. Приподняв и изучающе разглядывая бокал, он почувствовал очень слабый аромат, смутный запах ее духов, ее помады. Он поднес бокал к носу и вдохнул медленно и глубоко. И вдруг неожиданно для себя почувствовал, что пробует его край языком. Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Теплота, ее теплота, которую он теперь отчетливо вспомнил, переполняла его. Вкус ее помады на языке сжал горло страстным желанием. Откуда-то издалека он услышал звук переключения скоростей автомашины. Он неохотно открыл глаза и поставил бокал на стол. Торопливо выходя из квартиры, он сильно потер о небо кончик языка.

Палмер спустился на лифте в подвальный этаж и сквозь лабиринт коридоров прошел к служебному выходу. Он попытался запомнить, какими коридорами шел, зная, что воспользуется ими еще не раз.

Глава двадцать девятая

Палмер вышел из такси у своего отеля и, не обращая внимания на швейцара, быстро прошел через маленький вестибюль к лифту.

Почти с первого дня их переезда в это временное жилище Палмер не любил его. Стоя перед лифтом и наблюдая за стрелкой над дверьми, медленно двигающейся по дуге к цифре последнего этажа, он чувствовал в своем сердце ненависть к этому проклятому отелю. Это было тесное помещение, давящее своей ветхостью, своей обособленностью, своими мрачными коричневыми тонами, которых было здесь гораздо больше, чем в жизни.

И теперь, нетерпеливо ожидая, когда этот идиотский лифт завершит свой дурацкий рейс вверх, он испытывал особую враждебность к безвкучному, смехотворному огромному зданию, в котором его вынудили жить. Он ненавидел обитавших здесь хитрых стариков и питал отвращение к лакейской наглости обслуживающего персонала. Он был почти уверен, что швейцар, увидев подъехавшее к обочине тротуара такси, немедленно послал лифтера наверх с каким-то бессмысленным поручением.

Палмер наблюдал, как стрелка указателя этажей достигла верхней цифры «12», покачалась и остановилась на ней, казалось, навсегда, что, понятно, приводило в бешенство. Конечно, имелся и другой лифт, но он, как обычно, стоял на этаже вестибюля открытый, пустой и темный.

Палмер отвернулся от лифта и заставил себя выглядеть совершенно безразличным к создавшейся ситуации, поскольку служащие, все до одного, уставились на него, наслаждаясь этой сценой. Удерживая себя от желания взглянуть на часы, он полез в карман за сигаретами, но не обнаружил ни одной. Краем глаза он заметил, что стрелка вновь заколебалась и отправилась в свой обратный путь по дуге.

Итак, момент настал, вдруг осознал Палмер. Вместо того чтобы быть благодарным задержке, он подгонял его приближение. Теперь же, когда это вот-вот должно было произойти, ему стало страшно.

Он подумал о том, что Вирджиния была почти права. Ничего подобного не случилось с ним за все восемнадцать лет его супружеской жизни, то есть ничего хотя бы приблизительно похожего, поправил он себя. Был, правда, один случай в ЛосАнджелесе около десяти лет назад, когда Эдди Хейген в три часа ночи после солидной выпивки решил притащить в номер Палмера двух профессиональных проституток. Даже непосредственно после этого Палмер довольно смутно осознавал, что произошло. Лишь клиническую, почти терапевтическую атмосферу этого вечера он помнил совершенно ясно: как будто он страдал от сильного засорения желудка и девушка торжественно проделала ему полное промывание. Теперь Палмер вспомнил, что она была очень красива. «Здесь работают самые красивые проститутки в мире», — уверял его Хейген. Кроме того, она была терпелива и добросовестна. Ни одна женщина до того не сделала столько для него, или точнее ему. Первой реакцией Палмера было нечто вроде смутного изумления. Когда же он увидел, как Хейген

вручил девушкам в момент их ухода по 100-долларовой бумажке, его изумление несколько уменьшилось.

Разница между тем и теперешним случаем была в том, думал Палмер, прислушиваясь к лифту, остановившемуся в своем неторопливом спуске на каком-то этаже, что в Лос-Анджелесе он не испытал физического наслаждения — все произошло почти без его участия. Между ним и девушкой были лишь честные отношения профессионала и пациента. Ну и наконец, прошла целая неделя, прежде чем он вернулся в Чикаго, — неделя, в течение которой смутные воспоминания были как бы покрыты чехлами и заперты в дальнем углу его эмоционального чердака. Он смог встретить Эдис незапятнанно добродетельным и преданным.

Сегодня было другое дело.

Дверь лифта открылась, не выпустив никого, кроме улыбающегося лифтера:— Да, мистер Палмер, сэр.

Сегодня было совсем другое дело, размышлял Палмер, пока кабина лифта двигалась вверх. И у него не было времени привести в порядок свои эмоции.

Они слишком быстро достигли нужного этажа. — Пожалуйста, сэр.

Палмер пошел к своей квартире. Его выучка не позволила ему замедлить шаги с приближением к двери. Но его мысли как бы переключились на самую малую скорость. Пока Палмер выбирал в своей связке нужный ключ, они стали неторопливыми и решительными. Так водитель «джипа», включая малую скорость, придает больший момент вращения колесам, чтобы вытащить машину, завязшую в грязи.

— Кто там?

— Добрый вечер, Эдис, — сказал он, плотно закрывая за собой дверь.

— Это не Эдис, а Джерри.

Палмер прислонился спиной к двери и на мгновение закрыл глаза. — Где мама?

— Она ждала, сколько могла, — сказала девочка, направляясь к нему по коридору. Он услышал, что ее босые ноги, как всегда, очень тяжело зашлепали по полу. — Потом она ушла.

Он открыл глаза и посмотрел на дочь. В свои 11 лет ростом, даже босая, она достигала 167 сантиметров. В слабом свете прихожей ее светлые волосы казались темнее, чем они были на самом деле. Разделенные на прямой пробор, они спадали на плечи в той прерафаэлевской манере, которой в последнее время следовала наиболее осведомленная часть подростков. То, что Джерри всего 11 лет, подумал Палмер, не мешает ей считать себя девушкой. От своей матери она получила белесую кожу, летом легко покрывавшуюся веснушками, но черты лица унаследовала от Палмера — лицо у нее длинное, узкое и остроскулое. Ее глаза, отметил он, как не раз замечал это и раньше, были целиком ее собственным произведением — широко расставленные, как у него, светло-карие, как у Эдис, но со странно утяжеленными наружными краями верхних век, что придавало ее лицу восточный характер.

— Уже больше 10 часов, — сказал он.

Она потерлась носом о его подбородок, обхватила своими тонкими руками его талию и сжала так крепко,

что у него перехватило дыхание. — Вуди еще не спит, — сказала она приглушенным голосом.

— А Том?

— Спит.

— А счастливица Джерри между тем не бодрствует и не спит.

— Полностью бодрствую, — возразила она, отходя, чтобы посмотреть на него. — Что это у тебя с галстуком? Палмер опустил глаза и увидел, что галстук сдвинут в сторону. Он забыл приколоть его. Неожиданно, с противным ощущением, он вспомнил, что булавка для галстука осталась где-то в квартире Бернса. Но тут же сообразил, что даже если Бернс и найдет ее, то это ему ничего не скажет: всего лишь обыкновенная булавка — немного длиннее швейной, с маленькой круглой белой головкой. Бернс никогда не видел ее у Палмера, потому что она всегда была воткнута с изнанки рубашки — Палмер втыкал ее в конец галстука и затем снова в рубашку, чтобы галстук был приколот незаметно. Такие булавки продаются целыми коробками в любом магазине канцелярских принадлежностей.

— Должно быть, выскочила булавка, — объяснил он.

— Приколи другую и отправляйся. Ты должен был час назад быть у Бэрхардтов, — сообщила Джерри.

— Что?

— Не кричи на меня.

— Боже мой! — Палмер повернулся, чтобы взглянуть на себя в зеркало, стоящее в передней. И увидел высокого худощавого мужчину с замкнутым выражением лица. Он отметил, что костюм его был в

порядке. Сбросив пиджак, он ринулся в спальню, по дороге стаскивая с себя галстук и рубашку.

— Ай да папка! — воскликнула Джерри, пустившись рысцой вслед за ним. — Не угонишься!

Пока Палмер надевал свежую рубашку, до его сознания дошло, что за ним еще кто-то наблюдает. Он оглянулся на дверь спальни и увидел Вуди, своего старшего сына, задумчиво и рассеянно мнущегося на пороге.

— Когда-нибудь видел, чтобы папка так поворачивался? — крикнула Джерри брату.

— Пап, — начал мальчик, — что такое коммерческая газета? Палмер нахмурился. — У тебя непогрешимая способность выбирать подходящий момент, — сказал он, с трудом просовывая запонки сквозь новые неподдающиеся петли. — Может это подождать до конца недели?

— М-м? — вопросительно промычал Вуди.

— Сначала ты объясни, что означает «непогрешимый», — предложила Джерри.

— Мне некогда. — Палмер посмотрел на вешалку для галстуков, но тут же сообразил, что должен прийти к Бэркхардтам в том же галстуке, в котором он был днем. Это будет выглядеть более естественно. Двойная жизнь началась.

— Не-погрешимый, — говорила тем временем Джерри, — свободный от грехов.

Палмер бросил на нее взгляд и увидел, что она смотрит на брата. Он надел галстук и в третий раз за сегодняшний день начал завязывать узел. Ему пришла в

голову мысль, что хорошо бы хоть один из сыновей был таким же умным, как Джерри. Им это было просто необходимо. Ей же когда-нибудь может стать помехой ее острый ум. Мальчишки могли бы также позаимствовать какую-то долю ее наблюдательности. У нее этого тоже слишком много. Но может быть, она вырастет достаточно хорошенькой, чтобы подобные опасные атрибуты не слишком выпирали. Красоте все прощается.

Палмер завязал галстук, засунул его узкий конец в рубашку и снова надел пиджак.

— Во избежание споров, — сказал он, направляясь к двери, — я разрешаю Джерри еще полчаса не ложиться спать, а у тебя, Вуди, у отнимаю эти полчаса. Иными словами, вы оба должны отправиться на боковую ровно в 10.30. Поняли?

— Усекла, — ответила Джерри.

— А я нет, — упрямо заявил мальчик.

— Я серьезно, — произнес Палмер.

— Как поживаете, мистер Серьезно? — начала Джерри. — Разрешите представить вам мистера Сомнение. Мистер Сомнение, познакомьтесь с мистером Серьезно. Мистер Серьезно, познакомьтесь...

— Ну, заткнись, — прервал ее Вуди. — Тебе разрешили лечь позже, а я должен из-за этого страдать. — Он обратил свое недовольство на Палмера. — Это нечестно, пап. Ты ей всегда потакаешь.

Палмер взглянул на сына: тот был почти с него ростом, около 180 сантиметров; будь он брюнет, он мог бы уже брить довольно густой пушок на щеках; и голос стал почти таким же низким, как у отца. Интересно,

сколько времени понадобится Вуди, чтобы стать зрелым мужчиной, если это вообще когда-нибудь произойдет. Тут же он спохватился, что он опять идет по неверному пути: Джерри была сообразительная, бойкая и бесстрашная, и ему хотелось, чтобы Вуди превосходил ее в этом, поскольку был почти на три года старше. Палмеру пришлось снова напомнить себе, что к дочери и сыну надо подходить с разной меркой.

Он улыбнулся мальчику и похлопал его по руке. — Я даю ей полчаса потому, что она все равно взяла бы их.

— Я знаю, — согласился Вуди. — Почему ты в новой рубашке?

— Иду в гости к боссу.

— Но та рубашка совсем не грязная.

— Ох, — простонала Джерри, — чем быть в такой компании, пойду лучше спать сейчас же.

Дети проводили его до двери. Там Джерри обняла отца еще раз и подставила макушку для поцелуя. Как всегда в последние годы, Палмер не рискнул целовать Вуди на ночь. Наверно, потому что он чувствовал невысказанный страх подростка — вдруг отец однажды по рассеянности забудется и поцелует его, как маленького. Они кивнули друг другу через голову девочки, и Палмер подмигнул сыну, чувствуя себя настолько неискренним, насколько это вообще было возможно. Компенсируя это чувство, он еще раз очень крепко обнял Джерри.

Она откинулась назад и ухмыльнулась.

— Ты какой-то чудной сегодня, — сказала она. — Что такое? Что случилось?

Направляясь к лифту, он посмотрел на часы. Он опаздывал к Бэркхардтам уже на целый час. В такси Палмер сообразил, что все-таки ему повезло. Он получил лишнее время, чтобы приспособиться к своему новому положению неверного мужа. Обладая большой проницательностью, Эдис все же не могла сравниться в этом со своей дочерью. А к концу вечера, сказал себе Палмер, этот чудной вид, который заметила Джерри, без сомнения, исчезнет.

Глава тридцатая

Городская резиденция Бэркхардта к югу от Централ-парка представляла собой скромную квартиру, расположенную на двух этажах с внутренней лестницей. Здание было старое и довольно узкое; в нем когда-то помещались студии художников и музыкантов. Банк получил этот дом в 1930-х годах, когда его владелец лишился права выкупа закладной. Длинные, занимавшие целый этаж квартиры были переделаны на маленькие — все, за исключением самой верхней, с ее наклонными, высотой в два этажа окнами, выходящими в парк. В автоматическом лифте Палмер оказался вместе с низеньким, худым, смуглым человеком лет 55-57, который показался ему очень знакомым. Судя по внешности — необычно длинным черным волосам и не гармонирующему с цветом пиджака жилету, — этот человек мог быть кем угодно, но только не банкиром: торговцем картинами, импрессарио... Они вежливо кивнули друг другу, когда выяснили, что оба направляются в квартиру на верхнем этаже.

— Мистер Палмер, не так ли? — спросил человек тихим голосом с сильным британским акцентом. Его большие темные глаза необыкновенно пристально глядели на Палмера.

— Да, — Палмер протянул руку. — Мистер...

— Никос. — Они пожали руки.

— Теперь вспомнил, — сказал Палмер. — Почти пять лет назад, да?

— В Чикаго... — подсказал Никос.

— На встрече с Гаррисом Трастом, — продолжил Палмер.

Так это, подумал он, Арчибальд Никос, младший из двух братьев, стоявших во главе фантастически сложного инвестиционного банка «Лионель Никос и сыновья», который около пяти лет назад вступил в соглашение с Гаррисом Трастом из Чикаго и еще несколькими местными банками, включая и банк отца Палмера, в целях предоставления промышленности крупного займа. С этой сделкой было связано еще что-то. Палмер попытался вспомнить, что это было, но лифт остановился и прервал его мысли. Его появление вместе с Никосом, как увидел Палмер, как-то оправдывало его собственное опоздание. Кроме того, это помогло навести Эдис на мысль, что оба они были заняты одним и тем же делом. Во всяком случае, ее приветствие показалось Палмеру достаточно искренним. Он встал около жены и кивнул по очереди каждому из присутствующих. Он знал всех — так ему показалось, — и все знали его.

В дальнем конце этой комнаты с очень высоким потолком, там, где впритык стояли два книжных шкафа, втиснувшись в задвинутое в угол кресло сидел Гарри Элдер. Перед Гарри стоял Клифф Мергендал, третье лицо в ЮБТК, втянутый в какое-то длительное объяснение. Его специальностью были капиталовложения. Палмер заметил, как к ним целеустремленно направился Никос.

В противоположном углу, под высокими наклонными окнами, стояла длинная кушетка французского стиля; вышитые края ее драпировки складками спускались на пол. На кушетке сидела миссис Мергендал, — полная рыжеволосая женщина, лет на пятнадцать моложе своего

мужа. Она разговаривала с Уинтропом Скипуортом, высоким мужчиной, обладавшим двумя отличительными особенностями: он являлся директором одного из самых старых и самых маленьких банков в городе и был единственным из всех знакомых Палмера, откликнувшимся на два уменьшительных — Винни и Скиппи. Оба имели несколько пренебрежительный оттенок, что Скипуорта, казалось, совсем не задевало. Рядом с Эдис сидела сама Грейс Бэркхардт; сегодня было одно из ее «явлений народу», как высказался однажды Палмер по поводу ее выхода в свет.

Палмер, не теряя нити легкой беседы, которую миссис Бэркхардт вела с Эдис и с ним, в то же время довольно пристально разглядывал хозяйку дома. Сведения о Грейс Бэркхардт были очень скудными. Сплетен вообще не было. Почти все свое время, даже худшие летние месяцы, она проводила в своем доме в штате Коннектикут, наезжая в город, пожалуй, не более шести раз в год. Палмер не мог сказать, почему она выбрала именно сегодняшний день для выхода в свет.

Грейс Бэркхардт была маленькой жилистой женщиной примерно одного возраста с мужем: 65 — 66 лет. В отличие от мужа, чье лицо было обветренным и красным, ее казалось болезненным и голубовато-белым. Палмер заметил, что она слегка подсинила свои седые волосы, и это дало неудачный эффект: седина стала почти одного тона с цветом лица. Быть может, Грейс Бэркхардт страдала каким-нибудь недугом, размышлял Палмер, придававшим коже синюшный оттенок? Потом он все же решил, что синюшность не так уж заметна. Во всяком случае, бледность Грейс не указывала на ее болезненность. Она болтала очень бойко, уверенно и

легко, переходя от проблемы слуг к воспитанию детей и последним модам, от бед друзей к здоровью своего мужа.

— ...удивительно для мужчины его возраста, — говорила она.

— Любого возраста, — вставил Палмер, с ужасом замечая, с какой неестественной легкостью он произнес этот комплимент.

— Вы совершенно правы, — согласилась Грейс Бэркхардт. — Я видела, как он делал, как вы там называете эти штуки, подтаскивания, так, что ли? Нет, он называет это подтягивание. Да, кажется, подтягивание. Он проделывал это вместе с женщиной на 20 лет моложе его, и, конечно, тот, который моложе, вынужден был остановиться задолго до того, как Лэйн почувствовал усталость.

— Я часто думала, что Вудсу следовало бы посещать атлетический клуб, — сказала Эдис. — В Чикаго он бежал от всего как от чумы. Вот если бы он поправился хоть на несколько килограммов, я смогла бы убедить его. Но...

Обе женщины повернулись и изучающе оглядели Палмера с ног до головы. — Слишком худой, — решила миссис Бэркхардт. — Как это говорится о тощих и голодных мужчинах? Такие мужчины опасны. — Нахмурившись, она посмотрела на Палмера. — Но у него тем не менее приятное выражение лица, — добавила она улыбаясь.

— Леди, — начал Палмер, — вы мне льстите. — Он слегка поклонился и направился к бару, где пожилой негр в смокинге и черном галстуке протирал стаканы мягким белым полотенцем.

— Что вам угодно, мистер Палмер?

— Виски. И лед, только размельчите его, пожалуйста.

— «Скотч мист?» — спросил бармен.

— Прекрасно.

— С лимоном?

— Прекрасно.

Палмер постарался подавить вздох, чтобы не выдать раздражения, вызванного жизненными сложностями. Простой заказ бармену вылился в театральную постановку. Деловое собрание было хитро превращено в светскую вечеринку, укомплектованную женами. То, что разыгрывалось здесь, было явной маскировкой. Палмер взял стакан и постоял немного у бара, пытаясь понять, что же происходит на самом деле.

Гарри Элдер и Клифф Мергендал продолжали разговаривать еще некоторое время после того, как к ним подошел Никос, как будто беседа разматывалась, заряженная какой-то собственной энергией, и ее было трудно остановить. Но когда представители ЮБТК сообразили, наконец, что Никос подошел к ним специально, они сразу замолчали и как бы предоставили себя в его распоряжение. В ту же минуту взгляд Бэркхардта остановился на этой группе, и он уже ни на секунду не терял их из виду, хотя сам стоял посреди комнаты, под ослепительным светом невидимой лампы и делал вид, что разговаривает с человеком возраста Палмера, по имени Арчер, одним из владельцев юридической фирмы, ведущей почти все дела ЮБТК.

Арчер во многом был похож на Палмера. Оба были немного старше сорока лет, оба довольно высокие и худощавые, с интеллигентными лицами и коротко подстриженными волосами. Когда отец Арчера в начале века основал юридическую фирму, Арчер стал партнером, что тоже сближало его с Палмером. Здесь сходство кончалось. Цвет кожи у Арчера был очень смуглый, почти оливковый, а черные волосы отливали синевой. Наблюдая за этим человеком, Палмер подумал, что его интеллигентное лицо — только фасад. Ума Арчера едва хватило на то, чтобы кое-как окончить юридический факультет и сдать экзамены на адвоката. Сила его заключалась в семейных и деловых связях.

Я же, размышлял Палмер, едва ли не самая умная обезьяна, когда-либо танцевавшая у Бэркхардта на поводке.

Отпив большой глоток виски, Палмер нарочно прошел мимо Бэркхардта, направляясь к трем мужчинам, беседующим в дальнем углу комнаты, предчувствуя, что босс остановит его на полпути.

— Вуди, — произнес хрипловатый, надтреснутый голос Бэркхардта, — ты помнишь Джимми Арчера? — Его большие узловатые пальцы сжали руку Палмера выше локтя.

— Джимми, ты прекрасно выглядишь.

— Только что из Буэнос-Айреса.

— Чудесно, — сказал Палмер. Он посмотрел на своего босса. — У вас возмутительно хороший вид. Ваша жена рассказывала, как вы срамите молодых своей удалью на турнике.

— Нет, это было давно, — буркнул Бэркхардт. На мгновение он сжал руку Палмера сильнее. — Я уже не валяю дурака, Вуди. Чертовски утомительно.

Палмер дотронулся до груди с левой стороны:— Тикает попрежнему, как часовой механизм?

— Ха. Вот уж за что не опасаясь. — Маленькие молочноголубые глаза Бэркхардта сузились. Казалось, он прищурился от яркого солнечного света. Он отпустил руку Палмера, сжал кулак и стукнул им по его предплечью. Движение было коротким, и, казалось, Бэркхардт не вложил в него никакой силы. Но было больно.

— Полегче, — пробормотал Палмер. — С помощниками не следует плохо обращаться.

Бэркхардт продолжал стоять лицом к Палмеру, но его глаза скозились на Арчера.

— Вы замечали, — спросил он, — как лицо номер два всегда заботится о вашем здоровье?

— Я могу придумать лучший способ траты времени, — сказал Палмер, — чем ожидать, когда вы отдадите концы.

— Вы можете, — согласился Бэркхардт чересчур любезно, как показалось Палмеру. — Вы-то знаете, как это делается.

— Сколько вице-президентов вы уже похоронили, Лэйн?

— Только тех, которые этого заслуживали.

Палмер мягко рассмеялся. — Touche [Задет (франц. спортивный термин). Здесь: сдаюсь]. — Он кивнул в сторону трех мужчин в углу:— Пойду поговорю о наших

банковских делах. Сильные пальцы Бэркхардта опять сомкнулись, как раз в том месте, где он до этого ударил. Рука Палмера начала побаливать.

— О чем же, ты думаешь, мы с тобой разговариваем? — спросил Бэркхардт.

— Черт бы меня побрал, если я знаю, — ответил Палмер, — я вас так редко вижу в банке, что забыл, как с вами разговаривать.

— Тебе не нужно, чтобы я стоял у тебя за спиной, Вуди. Как я понимаю, ты прекрасно справляешься сам.

— Кто вам это сказал?

— Мои утренние газеты. Ты в них каждый третий день или даже чаще.

— Если вы имеете в виду сообщения о моих отсиживаниях в президиуме каждого официального обеда, то вы правы.

— Ну, только это не выдвинуло бы тебя так быстро.

— В Сиракузах на следующей неделе я выступаю с речью. Думаю, что по сравнению с отсиживаниями в президиумах это прогресс.

— А где еще выступаешь?

Палмер наморщил лоб:— Через неделю в Буффало. Затем в течение десяти дней в Бруклине, Утике и Рочестере. — Он ждал, когда босс отпустит его руку. — Джимми, ты когда-нибудь слышал мои выступления? — спросил он.

— Что это такое, Вуди?

— Мои речи как представителя банка. Слышал?

— Не уверен.

— Это очень хитрый маленький спектакль, — объяснил Палмер. — В качестве вступления я набрасываю увлекательную картину истории банков, начиная, так сказать, с сотворения мира. Вавилонские зерновые склады. Египетские коммерческие объединения. Через все века. На это, включая шутки, уходит целых пять минут. И вот я оказываюсь в нашей эпохе — горькая пилюля в сахарной оболочке, и мы начинаем сокрушительную атаку на сберегательные банки. Просто конфетка.

— Я не знал, что ты пишешь речи, Вуди.

— Я и не пишу. Их пишет...— Неожиданно Бэркхардт очень сильно сжал его руку. Палмер поморщился и отступил в сторону, освобождая ее. — Я тебе сообщу, когда буду выступать в городе, Джимми. Это потрясающе. Ты должен меня послушать.

— Как я понимаю, — сказал Бэркхардт со значением, — прежде чем выступать перед банковскими дельцами, ты тщательно отработываешь свой спектакль.

— Очень хорошо сказано.

— Однако хвастаться заранее не стоит, — закончил Бэркхардт, улыбаясь Арчеру.

Палмер заметил, что маленькие глаза босса снова скосились на трех мужчин в углу комнаты. Не извинившись, Палмер отошел от Бэркхардта и, подойдя к этой группе, услышал слова Арчибальда Никоса:

— ...самая сущность сегодняшней экономики.

— Вы правы, конечно, — произнес Клифф Мергендал, — но при теперешнем состоянии рынка

необеспеченный займ такого размера по такой низкой процентной ставке не является вопросом, который можно разрешить за один вечер.

— И кроме того, — вставил Гарри Элдер, — учитывая исключительно длительный срок на погашение займа, получается весьма сомнительный план.

С застывшей улыбкой Никос повернулся к Палмеру, как бы включая того в дискуссию. — Но конечно, — сказал он, — Палмер согласится, что воздействие подобной сделки на общественность уже само по себе является в какой-то мере дополнительным обеспечением.

— Что это должна быть за сделка? — спросил Палмер.

— Это... — Никос прикусил язык. В его больших глазах мелькнуло беспокойство.

— Вуди не занимается проблемой займов, — сказал Гарри Элдер своим высоким хриплым голосом. — Он слишком занят этой заварухой со сберегательными банками, чтобы иметь время на летучки, где мы обсуждаем банковские дела.

— Понимаю, — ответил Никос. Он минуту помолчал, затем улыбнулся: — У вас очаровательная жена, мистер Палмер. Перемена разговора была как пощечина. Палмер в ответ улыбнулся сверху вниз. — Спасибо. Я не был введен в курс дела, — сказал он, тут же возвращаясь к предыдущему предмету разговора, — но я могу попытаться сопоставить детали только что услышанного. Единственное, о чем я не могу догадаться, — так это о размере.

— Полмиллиарда, — сказал Мергендал несколько раздраженно, словно его возмущала неделовая громадность суммы.

— По какой процентной ставке? — настойчиво спросил Палмер. — Пять? Шесть?

Гарри Элдер скрипуче рассмеялся и подмигнул Никосу:— Он обставит любого из нас, Арчи.

— Пять с половиной, — ответил Мергендал тоном, в котором снова звучала жалоба на явную бессмыслицу предложения. — Это ставка льготных закладных для ветеранов, черт бы ее побрал.

— И на срок больше двадцати лет,-предположил Палмер.

— Ровно двадцать, — поправил его Мергендал. — Вам не надо никаких инструктажей.

Палмер пожал плечами и обратился к Никосу:— Вы правы в одном. Это достаточно необычно, чтобы попасть на первые полосы газет. Но я не уверен, чтобы ЮБТК расценивал рекламу как дополнительное обеспечение.

— Это было лишь неудачное преувеличение, — быстро начал Никос. — В действительности общественная реакция, которая может возникнуть в подобном случае, не сенсация для газет. Она только своего рода вотум доверия. Именно это время было бы особенно благоприятно для...

— Послушайте, — загремел голос Бэркхардта из центра комнаты.-Мы все должны быть уже в Уолдорфе. Представление начинается через 15 минут.

Палмеру показалось, что все звуки необычайно разрослись — это гости позади него начали подниматься

с мест. Он посмотрел на свой стакан и сделал еще один большой глоток. — Что мне не совсем ясно, — обратился он к Никосу, повышая голос, чтобы тот его услышал, — так это кому мы должны оказать подобную любезность?

— Не валяй дурака, Вуди, — произнес Гарри Элдер. — Хочешь, чтобы я тебе поверил после того экзамена, который ты устроил мне на днях?

Палмер посмотрел на Элдера, сразу не поняв, о каком экзамене идет речь. — Нет, в самом деле, — сказал он, — я совершенно серьезно.

— ...и позвоните вниз, чтобы были машины, — говорил Бэркхардт позади него.

Никос, казалось, рад был использовать объявление Бэркхардта как удобный предлог уйти от темы разговора. Он улыбнулся и, кивнув Палмеру, начал бочком отодвигаться от него. — Скажите, — спросил он, — что мы сегодня увидим в персидском зале? Белафонте?

— Палмер пожал плечами и повернулся к Гарри Элдеру: — Какая фирма, Гарри?

— Я думал, ты знаешь, Вуди.

— Нет, не знаю.

— «Джет-Тех интернешнл».

Позже в этот вечер Палмер попытался понять, почему, когда заговорил Гарри, в комнате вдруг стало очень тихо. Может быть, гости перестали разговаривать, пока им помогали одеваться. Может быть, некоторые из них уже направились к двери. Как бы то ни было, слова Гарри прозвучали почти в полной тишине.

Палмер почувствовал холод стакана в своей руке. Холодок прошел по лопаткам.

— Джет-Тех? — переспросил он.

И много позже, когда они сидели в персидском зале за столиком рядом с площадкой для танцев, Палмер поймал себя на том, что вновь и вновь пересматривает эту сцену в своем мозгу, упрямо стараясь поймать ее внутренний смысл, от которого по его спине пробежала неприятная дрожь. Он следил за певцом, не слыша слов песни, и старался понять, почему же все-таки там, в квартире Бэркхардта, он остро почувствовал что-то похожее на головокружение. Как будто, припоминал он, у него под ногами разверзлась пропасть.

Глава тридцать первая

Утро началось плохо. Палмер проснулся с каким-то тяжелым чувством. Отчасти это было похмелье, отчасти то же самое неясное подозрение, зародившееся у него вчера вечером. Твердая решимость Эдис обсудить за завтраком во всех подробностях унылые глупости вечеринки у Бэркхардта еще больше ухудшила дело.

Теперь, сидя за столом в своем кабинете, закрыв от яркого зимнего солнца громадные верхние жалюзи, Палмер еще раз подробно изучал информацию, собранную Вирджинией Клэри, о Джо Лумисе и «Джет-Тех интернешнл». С самого утра, придя в банк, Палмер подавлял в себе желание поговорить с Вирджинией. Он даже отложил обещанную ей и Маку Бернсу проборку. И все же ему было крайне необходимо обсудить с кем-нибудь, кому он доверял, предложение Никоса.

Отложив бумаги и уставившись пустым взглядом в противоположную стену, Палмер понял, что не хочет видеть Вирджинию, потому что не представляет, как она будет держаться с ним. В то же время он знал, что, кроме нее, ему не с кем поговорить о предложении Никоса, по крайней мере сейчас, пока он не нащупает дорогу к какому-то пониманию.

Палмер следил за своей рукой, потянувшейся к кнопкам внутренней связи. Машинально отметил, что его палец нажал на кнопку «Скртр». Когда секретарша ответила, он как можно тише откашлялся, чтобы она не подумала, что он волнуется, и сказал:

— Попросите, пожалуйста, мисс Клэри зайти ко мне.

Ожидая ее, Палмер почувствовал, что ему изменили все обычные администраторские хитрости. На его столе лежало множество бумаг, которые он мог бы просматривать, перебирать, барабанить по ним пальцами, нахмурившись, читать, размышлять над ними, перекладывать с места на место, скреплять, раскреплять, делать на них пометки и так далее. Утренние газеты, раскрытые на финансовых и деловых страницах и аккуратно сложенные секретаршей, лежали под рукой. Кроме того, здесь же был непрочитанный номер «Уолл-стрит джорнэл». Но Палмер сидел неподвижно, устремив взгляд на закрытую дверь. Когда она открылась, он невольно поднялся.

Усевшись напротив него, Вирджиния кивнула:

— Доброе утро.

Он наблюдал, как она устраивается: обе ноги поставила рядом, руки сложила на коленях ладонями вверх. Спустя мгновение он сообразил, что не ответил на ее приветствие.

— Доброе утро, — торопливо произнес он. — Скажите... — Он замолчал и попытался собраться с мыслями. — Скажите, — продолжал он, — вы работали в ЮБТК, когда началась эта история со сберегательными банками?

Она покачала головой:

— Это началось почти десять лет назад. Я помню обстоятельства, но не с точки зрения ЮБТК.

Их взгляды встретились. Палмер разглядывал ее лицо с высокими округлыми скулами и огромными темными глазами.

— Вы выглядите сегодня возмутительно хорошо, — пробормотал он.

Она взглянула через плечо на закрытую дверь, повернулась к нему и улыбнулась:— А вы нет.

Он кивнул и протянул ей сигареты:— Будь я нервным, я бы ночью не сомкнул глаз.

— Но вы, конечно, спали, — сказала она, отказываясь от сигареты.

Он снова кивнул:

— Беспокойно.

— Совесть? — Она слегка нахмурилась:— Мне очень жаль.

— Нет. — Он спохватился, что они говорят о разных вещах. А также он понял, что объяснить ей это значило оскорбить ее. Конечно, рассудил Палмер, Вирджиния должна была считать его нервозность результатом чувства вины. Откуда ей знать, что у него были другие причины нервничать, более серьезные, чем укоры совести. Кроме того, она не знала, что случилось вчера вечером, после того как они расстались.

— Не совесть? — спросила она.

— Я хотел сказать, что вы не должны чувствовать себя виноватой.

— Я ничего не могу поделать.

— Если я не чувствую себя виноватым, то и вы не должны.

— Хорошо, — согласилась она, — признаться, я рада. — Неожиданно ее глаза стали еще больше. — Между прочим, — продолжала она, — ее голос понизился

почти до шепота, а глаза пристально смотрели на него, — еще никогда ни один мой проступок не доставлял мне такого удовольствия. А теперь, — ее голос опять зазвучал громко и стал почти деловым, — что вы еще хотели узнать о сберегательных банках?

Палмер откинулся назад в кресле, чувствуя огромное, почти физическое облегчение; казалось, добрая рука поглаживала его тело, снимая напряжение.

— Видите ли, — сказал он, — я хочу задать вам несколько каверзных вопросов, потому что мне нужны ваши неподготовленные ответы. — Скажите точно, когда впервые началась эта драка со сберегательными банками?

— Это началось около 10 лет назад с билля законодательного собрания в Олбани, предоставившего сберегательным банкам право иметь отделения вне того округа, где находится их главное управление.

— Кто выдвинул билль?

Она пожала плечами:— Несколько членов собрания от центра штата. По-моему, из Нью-Йорка.

— Что стало с биллем?

— Он умер скромно и незаметно.

— Просто так? Никакой борьбы?

— Никакой. — Она минуту подумала. — Если бы всю сумму денег, которую с тех пор потратили сберегательные банки на законопроекты об отделениях, они использовали в первый же год, победа была бы куплена с первого раза. Но ни у кого не хватило смелости для такого шага.

Палмер кивнул:— Это мне уже объяснил Бернс. Он клянется, что за эти годы билль об отделениях сберегательных банков во всех его вариациях стал порядочной обузой для законодателей. Скажите, когда началась открытая борьба? В каком году?

— Она обострялась несколько раз. Восемь лет назад. Пять лет назад. И безусловно, достигла высшей точки в прошлом году. Вы выглядите совсем другим сегодня утром.

Палмер нахмурился:— Как другим? В каком смысле?

— Немного растерянным. — Она помедлила и тряхнула головой. — Не на тему. Мне надо следить за собой. Ну, теперь о борьбе сберегательных банков.

— Да. Почему именно в прошлом году она стала такой острой?

— Отчасти потому, что сберегательные банки нажимали сильнее, чем раньше, — объяснила она. — Отчасти потому, что они, отбросив всякую деликатность, начали наступление на крупные городские банки, вроде ЮБТК. А отчасти и потому, что, по мнению Лэйна Бэркхардта, они повели наступление уже против него лично. Когда и он влез в драку, началась уже настоящая свалка.

— Так. В этом вся суть дела, — сказал Палмер. — Почему все-таки Бэркхардт решил вступить в бой?

Она снова пожала плечами:— Тогда произошло то же, что и в начале этого года. Джо Лумис попросил его от имени сберегательного банка «Меррей Хилл» воздержаться от борьбы. Поэтому Бэркхардт решил, что должен сделать как раз обратное.

— Он и Лумис старые друзья, давние компаньоны, а не давние противники. Почему же Бэркхардт должен был так реагировать?

— Именно поэтому, — сказала Вирджиния. — Он понял, что делается ставка на его дружбу. Бэркхардт решил, что враг считает его ключевым фактором в борьбе и, желая связать ему руки, нечестно использует его дружбу с Лумисом.

— Ясно, — продолжал Палмер. — Откуда вы все это знаете?

— На что-то Бэркхардт намекал, о другом он открыто говорил мне или в моем присутствии. Остальное я выудила у газетчиков. Палмер хотел было взять сигарету, но, передумав, еще раз протянул пачку Вирджинии. Когда она отказалась, он закурил. — Теперь скажите, насколько общеизвестно упрямство Бэркхардта? Знает ли об этой его черте кто-нибудь из промышленников?

— Меня бы очень удивило, если бы они не знали.

Палмер кивнул.

— Следующий вопрос: как был провален билль об отделениях на прошлой сессии? В какой степени можно считать эту победу личной победой Бэркхардта?

— Вот здорово! Вы задаете щекотливые вопросы.

— Я пытаюсь распутать чрезвычайно запутанный клубок.

— Я сказала бы... м-м... что я сказала бы? — спросила она себя. — В прошлом году законодательное собрание в своем отношении к биллю разделилось почти поровну. Голосование могло склониться в любую

сторону. Разногласия проявлялись не по партийному признаку, но оппозиция была в основном с периферии штата и поэтому республиканская; сторонники сберегательных банков были главным образом из центра штата и, следовательно, демократические. А потом...— Она замолчала и задумалась.

— А потом?

— А потом один из присутствующих встал и призвал к партийному единству. Он подчеркнул, что поскольку сберегательные банки — банки маленьких людей, а демократическая партия — их партия, то, ей-богу, давайте объединимся против дьявольского союза республиканцев и коммерческих банкиров и протолкнем билль.

— Какой эффект имело это выступление?

— Оно неожиданно превратило спорный вопрос из внепартийного в партийный. Немногие республиканцы, выступавшие за билль, поджали хвост и в сплоченной республиканской фаланге проголосовали против него; после этой речи у них не осталось выбора.

— Вы считаете, — настаивал Палмер, — что речь была неблагоприятной?

— Чрезвычайно.

— Не охарактеризуете ли вы ее как-нибудь еще?

— Весьма своеобразная.

— И вы удивлялись, почему это сторонник билля так глупо подрывает его шансы?

— Очень точное определение, шеф.

Палмер поморщился:

— Кончайте, пожалуйста, с этим «шефом».

— Хорошо, босс.

— Прошу вас.

— Простите. — Она хмыкнула, но тут же сдержалась. — Извините. Меня просто разбирает любопытство, будьте так добры, скажите, пожалуйста, куда вы клоните... мистер Палмер?

— Не торопитесь, — произнес он наставительно. — Еще несколько каверзных вопросов. Откуда вы знаете, что в этом году Джо Лумис снова привел все в движение своим очередным обращением к Бэркхардту?

— Бэркхардт не делал из этого секрета. Он просто кипел от возмущения как раз в то время, когда вы присоединились к нашей счастливой братии.

— Кипел и клялся довести борьбу до конца?

— Вот именно.

— А в прошлом году, когда был провозглашен этот странный призыв к партийному единству, не высказывали ли кто-нибудь в ЮБТК догадки, почему один из законодателей вдруг решил провалить всю кампанию?

— По-моему, все сошлись на том, что он был в стельку пьян.

— Правда?

— Известно, что он закладывает. Но он преспокойно делал это много лет, не выкидывая подобных глупостей.

— Еще какие-нибудь предположения?

— Что кто-то из наших показал ему пачечку банкнот.

— А такое могло быть? — добивался Палмер.

— Видите ли. Я всего лишь жалкий сотрудник отдела рекламы, а не гадалка.

— Я думал, вы настоящая кельтская колдунья.

— Только после наступления темноты.

— Да. Теперь вспомнил.

— М-м...

Они помолчали. — Ну, что ж, — сказал затем Палмер. — Он вздохнул и улыбнулся ей:— Думаю, кончик нитки у меня в руках.

Если как следует встряхнуть, клубок может раскрутиться как по мановению волшебной палочки.

— Прошу вас, маэстро.

Он потянулся к телефону внутренней связи и нажал кнопку «Элдер». Через секунду по интеркому раздался хриплый голос Гарри. — Что такое, Вуди?

— Я вынужден избегать подробностей, Гарри. Намекни мне, когда блестящая сделка, о которой говорили вчера, была впервые предложена?

— Двадцатилетн...

— Без подробностей, — прервал Палмер.

— А. Хорошо. Я должен подумать. И это прямо с раннего утра.

— Думай без стеснения.

— Думаю, думаю, — проскрежетал Элдер. — Есть.

— Да?..

— Это случилось около восемнадцати месяцев назад в связи с возобновлением переговоров о финансировании какого-то предприятия. Тогда, по-моему, никто не отнесся к этому предложению серьезно.

— И меньше всего Лэйн Бэркхардт?

— Особенно Лэйн. Он думал, что это самая глупая затея, о какой он когда-либо слышал.

— Все относились к этому, как к шутке? — спросил Палмер.

— Только не наш вчерашний длинноволосый друг.

— Конечно. А когда он представил соглашение в его теперешней форме?

— Около года назад. Может быть, меньше.

— А Лэйн все еще думал, что это шутка.

— К тому времени уже нет, — сказал Элдер. — Он увидел, что это серьезно. Настолько серьезно, что решительно отверг его. Получив согласие правления банка, между прочим.

— А теперь оно опять всплыло?

— Свежее, как маргаритка. Только на этот раз сумма больше.

— Ну? — Палмер помолчал. — Можно подумать, что они хотели обеспечить новый провал своего предложения.

— Нет, это не так, — сказал Элдер. — Просто прошел год. Их планы расширились, им нужно больше денег. Я могу это понять. А тебе разве не понятно?

— Пожалуй. Ладно, спасибо, Гарри.

— Что ты думаешь о вчерашнем спектакле в кабаре? — спросил Элдер.

— Мне больше понравился спектакль за столом.

— Вуди, ты превращаешься в недоверчивого молодого человека. Это, знаешь ли, хуже, чем недоверчивый старик.

— Я не недоверчивый. Просто любопытный.

— Тебе известно что-нибудь такое, чего я не знаю? — заинтересовался Элдер.

— Ровным счетом ничего.

— Не дурачь недоверчивого старика, Вуди.

— Даже и не думаю.

— В следующий раз, когда на тебя найдет очередной приступ болтливости, дай мне знать. — Внутренняя связь выключилась. Вирджиния Клэри смотрела на замолчавший интерком. — Что это все означает?

— Еще целый ряд щекотливых вопросов.

— Вы и Элдер были где-то вчера вечером?

— С Бэркхардтом и Мергендалом, с нашими женами и еще с несколькими гостями.

Она продолжала смотреть на интерком, но ее глаза слегка сузились. — Ваша жизнь чрезвычайно насыщена событиями, мистер Палмер, — произнесла она.

— Я опоздал на этот прием. Совершенно забыл о нем.

— В самом деле?

— В самом деле. Еще до приема со мной случилось нечто такое, что полностью выбило из головы все прочее.

Так как она молчала, Палмер наклонился к ней через стол, отодвинув в сторону бумаги:— Скажите же что-нибудь.

— Скажу, когда подумаю. — Она наконец подняла на него глаза. И Палмер увидел: она не только смущена, но и на грани гнева.

— Но это правда. Я совершенно забыл о вечере.

Через секунду на лице ее отразилось смущение. Она отвернулась, вздохнула.

— Дура я, — сказала она. — Даже не знаю, почему расстроилась. Разве не глупо? — Она искоса взглянула на него и снова отвела взгляд:— Пожалуйста, не обращайтесь внимания.

— А вы?

— Забуду, — пообещала она.

Они долго молчали.

— Черт побери, извините меня, — вырвалось у нее наконец. Она выпрямилась и постаралась улыбнуться. — Все в порядке. — И, переведя дыхание, решительно тряхнула головой. — Уже лучше. Теперь давайте ваши щекотливые вопросы. — Она снова ободряюще тряхнула головой, как бы подтверждая, что с ней действительно все в порядке.

— Ладно. — Он взглянул на середину стола, расчищенную им от бумаг. Пустое место выглядело так же уныло и обреченно, как и та мысль, которая владела

сейчас Палмером. Почти машинально он сдвинул несколько случайных бумаг, заполняя пустоту.

— Моя идея кажется мне настолько хитрой и настолько безрассудной, что я не уверен — в здравом ли я уме, даже только допуская ее.

— Попробуйте на мне.

— Вы, пожалуй, единственный человек, на ком я отваживаюсь проверить ее правильность! — Он медленно провел рукой по лицу. — Какова будет ваша реакция, если вы услышите, что ДжетТех пытается вести переговоры о займе у нас необыкновенно большой суммы по низкой процентной ставке и на очень длительный срок?

— Насколько велика сумма?

— Ради вас же самой я не могу назвать вам ни сумму, ни процентную ставку. Вы понимаете?

— Да. Меня нельзя обвинить в разбалтывании того, чего я не знаю.

— Вот именно.

— Ну, тогда я бы предположила, судя по вашему разговору с Гарри Элдером, что они и не собирались получить этот заем.

— Так какой была бы ваша реакция?

— Я бы...— Она как-то растерянно посмотрела на него. Ее глаза медленно расширились, а рот полуоткрылся. — Я спросила бы себя...— Она покачала головой:— Нет.

— Продолжайте.

— Я спросила бы себя о Джо Лумисе, — сказала наконец Вирджиния высоким изумленным тоном. — Я спросила бы, что означает тот факт, что Лумис одновременно и за Джет-Тех, и за билль об отделениях сберегательных банков?

— И что вы ответили бы себе? — спросил Палмер.

— Я... я не знаю. Действительно, не знаю.

— Я тоже. — В огромном кабинете голос Палмера прозвучал мрачно. Он кашлянул. — Пока не знаю, — добавил он. Слова отдались приглушенным эхом в дальнем углу громадной комнаты. После долгого молчания Вирджиния встала. Ее лицо почти ничего не выражало, так, словно ничего не было сказано. Тем не менее Палмер угадал в этом нечто другое — нарочитую безучастность, демонстративно подчеркивающую, будто ничего не случилось. Бальзам на рану. Он слегка улыбнулся, и это движение почти болезненно растянуло его губы.

— Итак, — произнес он, просто чтобы сказать что-нибудь.

— Могу я помочь вам своими ответами? — спросила она.

— Пока нет. Вы, впрочем, уже помогли.

— Я хочу вам помочь.

— Я еще попрошу вас. Не беспокойтесь.

— Вы обещаете?

— Да, — заверил он ее.

— Тогда я возвращаюсь к своей машинке, — сказала она, — Ах да...

— Да?

Она сунула руку за ворот своего платья. — Здесь кое-что есть, — сказала она. — Вот. Это ваше. — Она вытащила его потерянную булавку и протянула ему.

— Бог ты мой! — Он взял булавку. — Спасибо.

Она кивнула:

— Я хотела оставить ее у себя.

— Только не там. Вы могли уколоться.

Она опять кивнула:

— Я знаю. — Она медленно повернулась и пошла к двери. — Напороться, так будет точнее. — Открыла дверь и вышла.

Глава тридцать вторая

Только к полудню секретарша Палмера наконец нашла Бэркхардта.

— Лэйн, — сказал Палмер в трубку, — давайте позавтракаем вместе.

— Я в другом конце города, Вуди.

— Я встречу вас там.

— Я не хочу заставлять тебя так далеко тащиться, Вуди.

— Ничего. — Палмер взглянул на пальцы своей левой руки, катающие галстучную булавку взад и вперед. — Через полчаса? Бэркхардт мгновение колебался.

— Тогда я сам приеду.

— Как вам угодно.

— 12.40. «Юнион лиг».

— Нет, — возразил Палмер, — какое-нибудь место, не забитое финансовыми типами.

— Секреты?

— Ничего определенного, — уверил его Палмер. — Что-то вроде отчета о текущих делах. Ближайшие несколько недель я буду в разъездах и хотел бы с вами посоветоваться кое о чем.

— Вуди, ты не нуждаешься ни в каких моих советах, ты знаешь это сам.

— Давайте встретимся в стороне от проторенной дороги. На Второй авеню, по-моему, в районе сороковых улиц есть ресторанчик, где можно закусить.

— Это уже так далеко от проторенной дороги, что дальше некуда, — сказал Бэркхардт. — Ладно, Вуди. Кажется, ты так и не перерос эту чепуху детективных романов.

— А кто-нибудь перерос? — спросил Палмер. Он опустил трубку прежде, чем Бэркхардт смог ответить. Нажал на кнопку городского телефона, узнал в справочной номер ресторана, позвонил и заказал столик.

Посмотрел на часы, увидел, что у него еще много времени, и откинулся в кресле. Слишком много времени, подумал он. У него было особое ощущение напряженности перед боем — обостренная реакция на окружающее, серии бесцельных, незначительных действий — отвлекающий маневр, что угодно, лишь бы удержать мысль от рывка вперед. Он кинул на стол булавку и следил за тем, как белый шарик-головка, быстро поворачиваясь, описывает широкую дугу. Затем он подтолкнул ее, наблюдая, как она снова начала вращаться.

С самого утра Палмер размышлял, правильно ли он сделает, если прямо выложит Бэркхардту свои подозрения. Много ли уже знает стреляный воробей? Если он еще ничего не знает, приведет ли его в ярость неожиданное сообщение, побудит ли к какому-нибудь действию, способному лишь повредить делу. Если же Бэркхардт что-то знает или чувствует, лишат ли его присутствия духа подозрения Палмера? Или же они покажутся ему высосанными из пальца и настроят его против Палмера?

Конечно, они выглядят неправдоподобно, настолько неправдоподобно, насколько это вообще возможно, и все же в них был смысл, убедился теперь Палмер. Да, самое ужасное, что в них все-таки был смысл.

Палмер взял булавку и попытался решить, что же с ней делать. Точно такая же была воткнута в его галстук. Можно положить лишнюю в стол или в карман. Или же просто выбросить в корзину. Почему бы и нет? Всего лишь кусочек металла с крошечной керамической круглой головкой. Неужели он настолько глуп, чтобы хранить эту булавку как память? Господи! Он же перепутает ее с другими булавками, и получится абсолютная нелепость. А она хотела сохранить ее. Зачем ей это?

Палмер опустил булавку в нагрудный карман и поднялся. Он быстро подошел к огромному окну и посмотрел на солнечный зимний пейзаж. Сентрал-парк, даже с обнаженными деревьями, выглядел спокойным и опрятным и таким идеально естественным, каким может быть только произведение рук человеческих. Некоторое время Палмер наблюдал за высокой блондинкой в яркокрасном пальто, которая вышла из магазина «Бонвит» и направилась к «Плаза». На этом расстоянии она казалась ростом около 180 сантиметров. Если бы не цвет пальто, это могла быть Эдис. У нее был такой же стремительный шаг борзой и светлые волосы, как у Эдис, и тот же угловатый взмах рук. Выглядела она в высшей степени привлекательно.

Интересно, что он почувствовал бы, подумал Палмер, если бы это в конце концов оказалась Эдис в новом пальто. Он поспешил прикинуть высоту ее каблуков. На таком расстоянии это было почти

невозможно сделать даже с его острым зрением. Но что-то в ее походке убедило Палмера, что на ней туфли с очень высокими каблуками, по крайней мере такими же, как у Вирджинии Клэри. А Эдис очень редко носит каблуки выше пяти сантиметров. Значит, это не Эдис. Но она очень привлекательна.

Черт бы побрал эту историю, подумал Палмер, резко отворачиваясь от окна. Он пытается размышлять о слишком многих вещах сразу.

Палмер надел пальто и, выйдя из банка, направился на восток. Дошел до Второй авеню и довольно долго шагал по ней до ресторана — достаточно долго, чтобы выяснить, не следит ли за ним кто-нибудь.

Было не очень холодно, но порывы ледящего ветра били в лицо, и глаза у Палмера начали слезиться. Он остановился посреди квартала будто бы для того, чтобы взглянуть на витрину, и проверил, кто идет позади. Кварталом дальше он повторил этот прием.

Стоял один из тех морозных солнечных дней, которые выманивают на улицу множество народа. Люди шли на ленч или возвращались после ленча, шагая быстро и энергично, наслаждаясь чистым небом, искорками слюды в асфальте тротуаров, яркими отблесками солнечных зайчиков, вспыхивающих повсюду от окон проезжающих машин; они шли, наслаждаясь ветром, развевающим одежду. Палмер ничего этого не чувствовал.

Зато он почувствовал неуверенность в себе. Анализируя со всех сторон свои подозрения, выискивая в них ошибки, поспешные выводы, признаки глупости и даже явную шизофрению, он начал понимать, что имеет очень мало доказательств для подтверждения своей

главной мысли. И если это так, то незачем преподносить ее Бэркхардту. Нужен был хотя бы один веский довод. Размышляя подобным образом, он вошел в телефонную будку на углу и позвонил своему маклеру. Их беседа была краткой, но кое-что прояснила для Палмера.

За полквартила до ресторана он снова проверил, не следит ли кто за ним, и не обнаружил ничего необычного. И тут ему пришло в голову, что независимо от того, справедливо или нет его подозрение, ведет он себя как идиот. Он вошел в ресторан в совсем уже кислом настроении, нашел свой столик и заказал виски.

К приходу Бэркхардта Палмер уже принялся за второй стакан. Хотя он был зол на старика за опоздание, он все же поддерживал предварительную легкую и бессодержательную беседу. Ресторан представлял собой тесное помещение, разделенное на две длинные, похожие на ножки буквы «Н» комнаты с узким проходом посередине. Когда-то давно стены были разрисованы карикатурами буквально на сотни людей. Иносказательные подписи под рисунками совершенно не помогали узнать кого-либо. Не будучи знакомым с прототипами, Палмер напрасно предполагал, что надо быть жителем Нью-Йорка, чтобы угадать объекты карикатур.

— ...Ростбиф просто потрясающий, — говорил тем временем Бэркхардт.

— Об этом месте рассказал мне Гарри Элдер, — объяснил Палмер. — Я думал, вы тут бывали.

— Здесь? Никогда не бывал здесь раньше. — Бэркхардт отрезал большой кусок мяса, свернул его

вилкой вдвое и, обмакнув в прозрачно-красный сок на тарелке, стал есть. — М-м... Очень даже вкусно.

Бэркхардт энергично жевал, проглатывал. Потом положил вилку и посмотрел на Палмера. Его блекло-голубые глаза, в которые были как бы воткнуты крошечные булабочные острия черных зрачков, показались сейчас большими. Уже не впервые Палмер подумал, почему, интересно, Бэркхардт всегда производит впечатление человека, идущего навстречу яркому солнцу и резкому ветру.

— Начинай, Вуди. В 1.30 я должен быть в городе.

— Простите, что вытащил вас сюда, когда ваше расписание настолько загружено.

— Чепуха. К чему вся эта секретность? Выкладывай.

Палмер пил маленькими глотками уже третью порцию виски.

— Мне кажется, я говорил вам, что в этом нет ничего секретного, — объяснил он. — Просто мне пришло в голову, что мы всегда едим в одних и тех же ресторанах, и... — Он пожал плечами. — Я хотел рассказать вам о стратегии моего ораторского турне. Я бы сказал, стратегии Мака Бернса.

— А как вы с ним ладите?

— Прекрасно.

— Рад слышать. — Бэркхардт говорил с набитым ртом. — Я знал, что у тебя достаточно гибкости, чтобы сработаться с этим маленьким греком.

Палмер молча съел кусок ростбифа. Потом:

— Ливанцем. Если вы так думаете о нем, зачем, черт побери, вы его нанимали?

— Пришлось. Он ключ к демократам.

— Демократы целиком за сберегательные банки и против нас. К ним не подойдет ни один ключ.

Бэркхардт покачал головой и проглотил недожеванный кусок.

— Не верю этому. Будь это так, Джо Лумис не пытался бы сам нанять Бернса.

Бэркхардт широко взмахнул рукой:

— Слухи дошли до меня прошлой весной. Джо хотел нанять Бернса для сберегательных банков. Если демократы так единодушны, зачем же тогда было тратить деньги на их сплочение? Кроме того, Бернс заведует отделом по связи с общественностью в нашем рекламном агентстве. Что может быть яснее?

— Кто вам сказал, что Лумис хотел нанять Бернса?

— Неважно. — Бэркхардт отрезал еще кусок мяса и начал его жевать. — Черт побери, ты ведь мог бы узнать сам. Арчи Никос намекал на это.

Палмер наклонился вперед и более пристально посмотрел на своего босса. — Никос — такой надежный источник информации?

— Боже мой, конечно. Надежный, как Гибралтар.

— Он так же близок к Лумису, как к вам?

— Я имею в виду только одно, — уверил Бэркхардт. — Когда он что-либо сообщает, это всегда точно. — Бэркхардт перестал жевать. — Что с тобой, Вуди?

— Простое любопытство.

— У тебя что-то на уме. — Бэркхардт медленно покачал головой:— Эти деятели, занимающиеся международными операциями, имеют для предложения только один товар: гарантию. Если они начнут водить за нос такие большие банки, как ЮБТК, где они достанут деньги для своей очередной операции?

— Есть и другие банки. И страховые компании, и благотворительные фонды. В стране полно денег, ожидающих умного применения.

— Вуди, будь взрослым. Как долго смог бы протянуть Арчи Никос, если бы он вводил в заблуждение свои основные денежные источники? В любом случае к чему, черт возьми, ты клонишь?

— Я сказал вам. Простое любопытство. Любопытно узнать, почему вы наняли Бернса?

— Прежде всего, чтобы его не нанял Лумис.

— И чтобы закрепить его за собой?

Бэркхардт кивнул:

— Удовлетворен?

— Чрезвычайно. Как никогда в жизни. Послушайте, — продолжал Палмер. — В моем турне больше не будет строгих правил маркиза Квинзберри [Маркиз Квинзберри основал в XVIII веке общество любителей бокса и разработал строгие правила этого вида спорта]. Я намерен бросать в сберегательные банки любое, что попадется под руку, если это будет достаточно тяжелым. Но прежде чем начать, я должен выяснить у вас, как далеко можно заходить.

— Так далеко, как тебе захочется. — Молочно-голубые глаза Бэркхардта прищурились, а зубы обнажились в усмешке. — В конце концов я всегда могу тебя уволить.

— В частности, — продолжал Палмер, как будто не слыша, — как далеко распространяется сфера деятельности наших директоров и их департаментов? Если я брошу кирпич, может ли он попасть в голову кому-нибудь из наших людей?

— Возможно. Мне, в сущности, безразлично.

— А как в отношении наших акционеров? — настаивал Палмер. — Я получил вашу санкцию в отношении директоров, а как же с пресловутыми вдовами и сиротами, которые владеют нашими акциями?

— Никакой проблемы.

— Мне нравится ваше отношение. Генерал накануне сражения говорит своим солдатам: «Они не могут причинить нам вреда». Объяснили бы все-таки, кто же держит крупные пакеты акций?

Бэркхардт закончил ростбиф и с удовольствием откинулся на спинку стула, медленно дожевывая. — Это общеизвестные факты, Вуди. Не сочиняй, что ты не в курсе.

— По-вашему, у меня есть время на это?

Бэркхардт пожал плечами:

— Акции ЮБТК доступны всем. Каждый имеет свой кусок. У меня около 90 000 акций, сколько-то у Гарри, у Клиффа и у других вице-президентов. Много акций у крупных фондов взаимной помощи и у инвестиционных банков. Что я могу сказать, Вуди? Такие акции имеет

каждый, кто может себе это позволить. Другие банки держат акции ЮБТК, страховые компании тоже. Маклеры продают акции ЮБТК своим клиентам, потому что клиенты требуют ЮБТК. Фонды трестов. Пенсионные фонды. Какой-нибудь похоронный фонд вдов миссионеров владеет 20 000 акций. Акции ЮБТК чертовски надежны. Мы не пропустили ни единой выплаты дивидендов, начиная с 1933 года. А после второй мировой войны дивиденд вырос почти на 60 процентов. В 1954 году мы даже раздробили акции. Если в 1945 году акционер имел акций ЮБТК на 100 долларов, то сегодня его капитал составляет 240 долларов. Все покупают ЮБТК. На бирже наши акции из самых устойчивых. Как я могу сказать, кого ты ударишь, когда начнешь швыряться кирпичами? Повторяю лишь, что это действительно не имеет никакого значения. Наши владения настолько обширны, что ты не сможешь отколоть кусок достаточно большой, чтобы нанести нам ущерб.

— Вы хотите сказать, что надо рискнуть и посмотреть, что из этого выйдет.

— Ладно. Допустим, так. Но я не могу понять, почему это тебя волнует. Почему именно сейчас? Почему вдруг?

Глаза Бэркхардта широко открылись, и в то мгновение, пока зрачки еще не успели сузиться от света, Палмеру показалось, будто мелькнуло в них еще что-то, помимо демонстративной самоуверенности. А может быть, он это услышал? Не слишком ли горячо говорил Бэркхардт? Или же сам Палмер в поисках доказательств находил их там, где их не было?

Вместо ответа Палмер отодвинул тарелку, откинулся назад и закурил сигарету.

— Последнее время я наблюдал за положением на бирже, — соврал он, полагаясь на сведения, только что полученные от маклера. — Знаете, — продолжал он, — я стараюсь, насколько у меня хватает времени, интересоваться положением акций ЮБТК. Я проверяю, какое количество акций поступает ежедневно в продажу. Наблюдается медленный, но неуклонный рост активности.

— У тебя острее глаз, чем у меня, — резко ответил Бэркхардт.

— А вы ничего не заметили?

— Я заметил обычный активный спрос и предложение. Акции ЮБТК продаются и покупаются так же оживленно, как и другие. Но оживление общее. Это не имеет прямого отношения к ЮБТК.

— Я в этом не уверен.

— Вуди. — Бэркхардт положил вилку так резко, что Палмер вздрогнул. — К чему, черт побери, ты клонишь?

— Раз вы говорите, что эта активность в порядке вещей, я вам верю на слово.

— И верь, черт побери, — отрезал Бэркхардт.

— Хорошо, — уступил Палмер. — Давайте возьмем последние несколько месяцев. Цены на акции немного упали. Их количество на бирже колеблется. Бывают дни и недели, когда акций ЮБТК много, и такие дни и недели, когда их мало. Это неустойчивый рынок. Время от времени наблюдается повышение, потому что в нем принимает участие много неопытных любителей. Но

спекулянты, играющие на понижение, все еще активны и используют временные ситуации в своих интересах. Если вы изучали отчеты, то наверняка заметили много разобщенных операций. И отсутствие ясных тенденций, за исключением тех двух, о которых я вам сказал. Независимо от того, что делается на бирже, какова общая направленность той или другой недели, вы обязательно найдете некоторое увеличение количества проданных акций ЮБТК. Несколько месяцев назад дневная норма равнялась примерно трем тысячам. Вчера было продано шесть тысяч. Это одна тенденция. Другая — это цена. Несколько месяцев назад она твердо стояла на 72. Вчера, когда биржа закрылась, было 78.

Бэркхардт вскинул руки.

— Я тебе только что объяснил, что мы — главная опора биржи. Как ты думаешь, почему наши акции в портфелях у стольких фондов? ЮБТК — прочная гарантия. Если мы двигаемся, то двигаемся вверх. Медленно, но непоколебимо. Теперь к черту всю эту галиматью, и выкладывай суть дела.

Палмер поджал губы.

— Не пытайтесь сбить меня с толку, — холодно произнес он. — Это вам не удастся.

Бэркхардт довольно долго разглядывал его. Потом в лице президента ЮБТК что-то изменилось. Загорелые морщины возле глаз углубились. Палмер заметил, как набухла вена на виске Бэркхардта, резче обозначилась нижняя челюсть.

— Говори, — произнес он напряженным ледяным тоном. — Продолжай. Говори.

— Я высказался, теперь ваша очередь.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — спросил Бэркхардт. Теперь в его голосе прозвучала приглушенная жалобная нота. — Сказать тебе, что ты прав? Да, может быть, ты прав.

— Тогда объясните мне, что это означает, — попросил Палмер.

— Если бы я знал...— Бэркхардт подавил вздох. — Ладно. Я заметил это около трех недель назад. Как, вероятно, и ты, я проверил предыдущие месяцы и увидел, что это происходит уже в течение некоторого времени. Я сразу же вызвал Клиффа для объяснения. Его обязанность быть в курсе всех этих вещей и предупреждать меня в ту же секунду, как он что-нибудь почует. Клифф был так же удивлен, как и я.

— Но это же нелепо. Ведь он должен был знать!

— Теоретически да. Но он был уверен, что это нормальная тенденция.

— Пространное рассуждение, высказанное вами минуту назад, — это толкование Клиффа Мергендала? — предположил Палмер.

— Более или менее. И не такая уж это ерунда.

— Конечно, — согласился Палмер, — если не считать того, что у вас, как и у меня, по-прежнему остается неприятное ощущение в затылке.

Бэркхардт криво усмехнулся:

— Скажи мне, что тебя беспокоит, и я расскажу тебе о своих заботах.

— Первое, что я хотел бы узнать, почему у Клиффа нет такого беспокойства.

— О Клиффе забудь! — отмахнулся Бэркхардт. — Меня интересует, что ты видишь за всем этим?

— Возможно, там что-то есть, а возможно, нет ничего особенного. Если же это что-то есть, значит, есть и кто-то. Логика привела меня к этому пункту. Дальше мне уже нужны факты, которых у меня нет. Но у вас они есть.

— У меня?

— Конечно, — заявил Палмер категорически и авторитетно. — Вы можете дать этому «кому-то» имя. По крайней мере дать список имен, из которых можно отобрать нужное. Я не могу этого сделать. А вы можете.

— Даже не знаю, с кого начать. — Бэркхардт откинулся на спинку стула и уставился на карикатуру на стене, рядом с ним. Она изображала какого-то Чарли, карабкающегося на столб, к сидящей наверху девушке Джинни.

— Не можете, — нажимал Палмер, — или не желаете?

Бэркхардт искоса метнул на него разъяренный взгляд. Блеснули белки глаз, на виске слева набухла вена.

— Полегче, Вуди. Думай, что говоришь, парень.

— Я не хочу оскорбить вас, — в свою очередь разозлился Палмер. — Я пытаюсь вам помочь.

— Не помню, чтобы я просил об этом.

— А я должен ждать просьбы?

— Ты, как всегда, чертовски любезен и прав, — почти проскрежетал Бэркхардт. — Когда мне понадобится помощь, я попрошу. И если когда-нибудь она понадобится мне от новичка, то я пойму, что попал в большую беду. — Он медленно поднялся, видимо сдерживая себя, как того требовало пребывание в общественном месте. — Теперь слушай, — произнес он. — Ты испортил отличный ленч. Но я не буду упрекать тебя. Ты наговорил много чепухи. Я это тоже забуду. Хочу только, чтобы ты понял одно: никто не помогает Бэркхардту переходить через улицу. Когда мне понадобится поводырь, я позову. А пока поезжай, произноси свои речи и предоставь остальное мне. Понятно?

Палмер встал.

— Это ваш банк.

— Вот теперь ты сказал что-то путное, — заявил босс. — И лучше не забывай этого. — Он протянул руку:— Без личных обид, Вуди.

Палмер взял его руку и почувствовал сильное пожатие грубоватых толстых пальцев.

— Как вам угодно.

— Ладно, — сказал Бэркхардт. — Должен бежать. Поговорим с тобой позже. Или завтра. — Он помахал рукой, снял с вешалки в гардеробе свое пальто и, выходя из ресторана, бросил удивленной девушке 25 центов.

Палмер постоял немного, глядя в окно. Мельком он увидел на улице коренастую фигуру Бэркхардта, надевающего пальто. Тот помахал кому-то. Потом Палмер увидел, как Бэркхардт устремился через улицу, наперерез транспорту, к своему «роллсу»,

остановившемся на другой стороне. Он вскочил в него, хлопнул дверцей и укатил. Палмер прикинул, что прошло примерно 30 секунд с того момента, как Бэркхардт пожал ему руку, и до его исчезновения.

Быстрый. Упрямый. Уверенный в себе. Невозмутимый. А между тем, вспомнил Палмер, он был довольно-таки встревожен, узнав, что кто-то еще заметил происходящее с акциями ЮБТК на бирже.

Палмер оглянулся, ища официанта. Не нашел его. Сел, снова закурил и уставился на кончик сигареты. Ему начали надоедать резкие непокладистые старики, не нуждавшиеся ни в чьей помощи. Раньше в подобных случаях он всегда уступал отцу и больше не возвращался к спорным пунктам. Но одно дело — тогда, а другое — теперь. На этот раз он не собирался бросать начатое.

Глава тридцать третья

Палмер сидел один в маленькой комнате, которую отель именовал библиотекой. Дети легли спать час назад. Он слышал, как Эдис возилась где-то в другом конце их шестикомнатного номера. Теперь «библиотека» была пуста. Исчезли бесчисленные картины и коробки с книгами, которые при переезде в Нью-Йорк Эдис не решила оставить на хранение в Чикаго. Сегодня днем, вероятно, приходили грузчики и увезли из номера все имущество Палмеров, оставив лишь смену белья. Эдис и горничная отеля упаковали в пластиковые чемоданы все костюмы, платья, рубашки и прочее, оставив в шкафу и ящиках письменного стола только то, что может понадобится семье на следующий день. Сидя при тусклом свете лампы, которую в отеле называли «лампой для чтения», Палмер лениво раздумывал над тем, какой костюм приготовила ему жена на завтра.

Он был, конечно, благодарен Эдис за ее руководство переездами из Чикаго в Нью-Йорк и теперь из отеля в их новый дом. Сам он не смог бы наблюдать за реконструкцией дома. Он понимал также, что далеко не каждая женщина смогла бы так успешно, как Эдис, справиться со всем этим.

Потом мысли Палмера чуть-чуть изменили направление, он призадумался о своих собственных грехах и ошибках.

Он сам, например, вот уже почти месяц не был на стройке. Фактически он видел дом всего два раза: в день, когда они с Эдис решили его купить, и второй раз, по окончании разборки внутренних перегородок. Иными словами, сказал он себе, после начала строительных

работ он не обращал на дом никакого внимания. Если не считать беглого знакомства с чертежами Эдис, он не имел понятия о том, что там строится или как это выглядит и подходит ли ему.

Все это означало, понял он теперь, безразличие к дому и даже бессердечность по отношению к Эдис.

Впрочем, Эдис прямо не обвиняла его в этом. Последние несколько недель, когда основная работа была выполнена, еще оставалось множество деталей, например плинтус в столовой — орехового или тикового дерева? По вечерам у Эдис хватало времени лишь на то, чтобы выяснить у мужа его пожелания: да, дубовая панель — во всю ширину большой гостиной. Драпировки ручной, а не фабричной выделки. На кухне — пластик в кленовых листьях; никакой винилово-асбестной плитки в детской. (Слишком холодно для босых ног, лучше дуб.) Десятисекундная задержка для автоматической дверцы лифта достаточна? Хорошо. Да.

Сидя в библиотеке, Палмер думал о том, что вот уже два месяца, как Эдис взяла на себя работу обычного подрядчика, чертежника-конструктора, а также часть работы архитектора. Я должен быть благодарен ей за все это, размышлял Палмер. Но, как он понял сейчас, в действительности он не испытывал благодарности, а просто признавал уместность такого чувства. Он сознавал, что Эдис заслужила его благодарность.

С этими мыслями Палмер, слегка щурясь при слабом свете, попытался снова вернуться к чтению документов. Перед ним была стопка листов бумаги, сколотых хромированными скрепками и вложенных в синюю папку. Некоторое время Палмер листал их, но потом его внимание снова начало рассеиваться. Была какая-то

безнадежность в бесконечной череде имен и адресов. Бэркхардт прав: люди, имеющие хоть какие-нибудь средства, чаще всего покупали акции ЮБТК. Находившийся сейчас в руках у Палмера список акционеров весил по крайней мере полкилограмма.

Точнее, здесь было два списка, скрепленных вместе. Один подробно характеризовал положение шесть месяцев назад. Другой отражал текущий момент — относительно, конечно, насколько это удалось Гарри Элдеру, то есть не более чем тридцатидневной давности.

Когда началась необычная активность на бирже, Палмер понял причину — с каждым днем в обороте находилось все большее число акций ЮБТК. Можно было предположить, что происходит естественный переход акций от нескольких крупных владельцев к множеству мелких. Скажем, какой-нибудь фонд взаимопомощи, обладатель десятков тысяч акций, мог принять решение несколько разгрузить свой портфель в последнем квартале года. Эти тысячи в конечном счете могли найти дорогу к нескольким сотням частных покупателей. Такое предположение было как будто логичным. Но, сравнив списки, Палмер увидел, что за последние шесть месяцев больше акций оказалось в руках меньшего числа акционеров. Это было неожиданно.

Он вздохнул и уронил тяжелую кипу бумаг на колени.

Последние полчаса он потратил на то, чтобы отметить в новом списке имена, не встречавшиеся в старом списке. Он мог точно определить положение: за полгода около 200 тысяч акций ЮБТК перешли путем продажи от трех тысяч человек примерно к 25. Он не знал ни одного из этих двадцати пяти новых имен и не

усмотрел в них никакой определенной тенденции. Даже адреса их были разбросаны почти по всей стране.

Палмер зевнул и закрыл глаза. Он слышал энергичные шаги Эдис где-то в одной из комнат номера.

Эдис. В дремоте Палмер попытался вернуться на два месяца назад, стараясь припомнить, когда бы он похвалил Эдис за ее работу? Говорил ли он ей что-либо в этом роде? Что он говорил? Высказывал ли он вообще какие-нибудь замечания, кроме выражения чисто условного интереса по тому или другому поводу? Высказывал ли он когда-нибудь свое мнение обо всем этом строительстве? В самом деле, произносил ли он вообще что-либо, кроме ответов на вопросы?

Дремота пропала. Палмер встал и положил списки акционеров на стул. Пошел по квартире, ища жену. Нашел ее на кухне. Эдис пристально глядела в открытый холодильник. Свет, падавший снизу, подчеркивал длинноватый острый подбородок ее узкого лица. Без косметики, в свободной белой блузке с короткими рукавами и в облегающих брюках цвета хаки, она, подумал Палмер, не была похожа на жену банкира. Его взгляд поднялся выше длинной линии брюк, минуя мальчишеские бедра, к талии, перехваченной черным кожаным ремнем.

— Никаких набегов на ледник не разрешается, — пошутил Палмер.

Она не обернулась. — Дорогой, — сказала она, — ты сам выдаешь свой возраст. Вот уж действительно «ледник»! — Она наклонилась, чтобы вынуть что-то из холодильника, и Палмер заметил, что даже в этом положении ее ягодички остались плоскими,

сухопарыми. — Я просто смотрю, что из непортящегося можно упаковать сегодня.

— Когда придут за остальными вещами?

— Завтра утром, через пять минут после того, как ты и дети уйдете.

— Все так рассчитано?

— Это еще ничего, — сказала она, выпрямляясь. — Вот дневное расписание действительно чудо расчета по секундам. Детские комнаты должны быть готовы к трем часам. Наши могут подождать.

— Надеюсь, у тебя есть работа для детей.

— Полно. — Она полуобернулась, но не взглянула на мужа. Ее тело вырисовывалось на фоне падающего из холодильника света, — маленькие высокие груди, живот, настолько плоский, что пряжка ремня выступала как явно лишний предмет.

— Я бы не хотел, чтобы они слонялись вокруг, глядя, как трудятся другие, — и так они почти ничего не делают, — добавил Палмер.

— Они будут заняты. — Она помолчала. — Когда мне ждать тебя завтра?

— В... — Он тоже помолчал. — Точно не знаю. Если ты хочешь, чтобы я пришел раньше, я постараюсь.

— Я хочу, чтобы ты постарался, в разумных пределах.

Он кивнул и вдруг сообразил, что она не могла заметить его движение, так как все еще не смотрела на него. — Какие-нибудь специальные поручения для меня?

— Ты же знаешь, завтра утром приезжает миссис Кейдж.

— Рано?

— К 12 часам дня она должна быть в Айдлуайлде. Я велела ей взять такси прямо до дома. Если мы втроем посвятим этому вечер, то сможем расставить книги, разместить картины и всю разнотильную мебель так, чтобы она выглядела хорошо.

Палмер тихо простонал:

— Целый вечер развешивать картины. Великолепно.

— Не развешивать. Не думаешь ли ты, что я доверю такому непрофессионалу развешивать?

— Разве твой мастерски разработанный план не предусматривает размещение всех произведений искусства? — спросил Палмер. Не успел он произнести эти слова, как почувствовал их почти неприкрытый сарказм. — Я хотел сказать, — торопливо поправился он, — разве уже не установлены потолочные светильники?

На этот раз она повернулась и взглянула на него. Так как свет падал на нее сзади, Палмеру было трудно прочесть выражение ее лица. — Вудс, — спокойно сказала она, — светильники подвижные и могут быть направлены почти в любое выбранное нами место.

— Я, я не...

— Ничего, — прервала она. Ее рука поднялась, начав какое-то беспомощное движение, и тут же замерла. — Ничего. — Эдис повернулась к нему спиной и опять уставилась в холодильник. — Но пожалуйста,

постарайся прийти домой к обеду. Это будет наш первый обед в новом доме.

— Конечно.

Он подождал, думая, что она еще что-нибудь скажет. Но она молчала. Тогда он начал придумывать, что бы такое сказать и закончить их разговор несколько более приятно. Посмотрев на нее, он вдруг понял, что она ужасно расстроена, иначе никак нельзя было объяснить тот факт, что она так долго держала холодильник открытым. Эдис обладала разнородными познаниями; от матери и гувернантки она получила обычные, из колледжа Уэллесли — обычные. Но Палмер так и не мог определить, где она почерпнула свой запас нетипичной информации. Эдис, например, знала очень много об электричестве. Она была единственной из всех его знакомых женщин, понимающей, что нельзя включать электрическую печку, пылесос и торшер одну розетку, не подвергаясь при этом риску получить замыкание. Она знала, сколько времени потребуется для восстановления в холодильнике определенного уровня температуры. И тем не менее холодильник стоял открытым несколько минут.

— Я пойду закончу свою работу, — сказал Палмер.

— Хорошо. — Она посмотрела на часы:— Я думаю скоро ложиться спать.

— Я постараюсь не задержаться.

— Прекрасно.

Он повернулся и остановился, вспомнив, зачем он сюда пришел. — Послушай, — медленно произнес он, —

ты, должно быть, дико устала. Почему бы тебе сейчас же не пойти спать.

— Сейчас пойду.

— Эти последние два месяца были действительно тяжелыми.

Под тонкой белой блузкой он видел ее поясницу, как раз над слабо затянутым черным ремнем. Эдис полуобернулась влево скованным движением, словно ее позвоночник был закреплен в определенном положении.

— Да, — сдержанно ответила она, глядя вниз, на пол.

— Я имею в виду все, что было сделано по твоему плану и под твоим руководством, — продолжал Палмер. — Это была большая работа. Представляю, как ты счастлива, что уже почти все закончено.

— Да.

— Послушай, я...— Он замолчал и облизнул нижнюю губу, радуясь, что жена не видит этого. — Я никогда не говорил раньше. Но я действительно очень благодарен тебе за все.

Она кивнула. Ее взгляд по-прежнему не отрывался от пола возле носков ее испачканных теннисных туфель.

— Я знаю это, — наконец произнесла она.

— Не понимаю, откуда ты можешь знать, — сказал он, пытаясь говорить легким шутливым тоном, — ведь я был довольно скуп в выражении своей благодарности.

Эдис покачала головой:

— Это не так. Просто ты логически мыслящий человек. А любой логически мыслящий человек увидел

бы то, что увидел ты. И почувствовал бы...— Она замолчала. Палмер видел, что ее губы какое-то мгновение двигались беззвучно, — благодарность, — закончила она.

— Я чувствую, и очень большую, и я...— Он сделал жест, пытаясь с его помощью закончить без слов свою мысль.

— И ты хотел внести этот пункт в свой отчет, — сказала она за него.

— Примерно, так.

Ее взгляд скользнул вверх и чуть в сторону, к его лицу.

— Отчетность для тебя очень важна, Вудс. Для банкира это самое главное, не правда ли?

— В какой-то степени, да.

— Отчет, — повторила она, продолжая глядеть на него, — это, в сущности, подведение итогов. Я имею в виду, м-м-м, годовой баланс. Как вы называете это? Итоговая черта?

— Итоговая черта. Да.

— И фактически ничто, кроме итоговой черты, не имеет значения, — говорила она так тихо, что Палмеру пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Она венчает дело. До этого может происходить любое — хорошее, ужасное, прекрасное, мучительное, — любое. Но если итоговая черта подведена черными чернилами, то все в порядке.

— Ну...— Он дал междометию повисеть некоторое время в воздухе, поскольку не был уверен, к чему она клонит, хотя совершенно ясно чувствовал ее

враждебность. — Я никогда не слышал, чтобы дебет и кредит объясняли так поэтично, но боюсь, что ты права. Итоговая черта — только она имеет значение.

— И самое важное то, чтобы она показывала кредит.

— Да.

Она кивнула:

— Хорошо. Ты подвел черную итоговую черту, дорогой. Тебе повезло.

— Эдис. — Он увидел, что ее спина выпрямилась и еще более напряглась, как бы приготовившись к защите от надвигающейся атаки. — Я хотел только сказать тебе, что я чувствую.

— Ты сказал.

— И что же?

— И спасибо, дорогой. — Она опять уставилась в пол. — Я серьезно. Спасибо.

— Ты не должна благодарить меня. Это мое дело.

Она засмеялась коротким резким смешком:

— Рыцарски вежливые Альфонс и Гастон?

— И ты еще говоришь, что я выдаю свой возраст.

Линия ее спины смягчилась, и Эдис повернулась к мужу. Ему даже показалось, что на ее лице мелькнула улыбка. — Я просто разгадала, от чего мы страдаем, дорогой, — сказала она. — От ньюйоркской болезни. Симптомы — полное отсутствие общения. А причина — переутомление.

— Может быть, ты и права.

— Но послезавтра, — продолжала она, — или по крайней мере к концу недели, когда мы окончательно устроимся, я намерена отдохнуть. Просто отдохнуть. А как ты?

— Еще не сейчас. Предстоит небольшое турне с выступлениями.

— Ох!

— И еще такие же турне до перерыва заседаний законодательного собрания в Олбани.

— Который будет когда?

— Март. Апрель. Точно не знаю.

— Дорогой, это больше четырех месяцев.

— Что поделаешь.

Она постояла молча, потом нахмурилась, потянулась назад и захлопнула дверцу холодильника. — Прости, — сказала она тут же. — Может быть, ты будешь немного отдыхать по воскресеньям и в праздничные дни?

— Надеюсь.

— Хорошо. Кончай свою работу и приходи спать.

Он попытался усмехнуться:

— Ладно, увидимся позже.

— Ненамного позже.

Палмер вернулся в библиотеку и снова уселся в кресло. Странно, что она преднамеренно создала напряжение и затем сняла его, словно она на его стороне — союзник, а не враг. Он полистал списки акционеров ЮБТК и дошел до листка шершавой бумаги, на котором делал какие-то расчеты. По крайней мере, подумал

Палмер, он зафиксировал свою благодарность. Но манера, с какой она приняла его благодарность, лишила этот жест всякой значимости.

Он поудобнее устроился в кресле и начал списывать номера страниц. Завтра утром он заставит секретаршу переписать имена и адреса двадцати пяти последних покупателей акций ЮБТК. Но можно ли ей поручить такое дело и быть уверенным, что об этом не узнает Бэркхардт?

Палмер понимал, что ему нельзя положиться ни на кого в банке, кроме, конечно, Вирджинии Клэри.

Он услышал, как Эдис снова открыла холодильник. Он оторвался от бумаг и, чувствуя внезапное напряжение, готовый к чему-то неизвестному, уставился в окружающую его темноту. Долго он сидел в этом напряженном ожидании. Но что бы это ни было, оно не пришло. Пока.

Глава тридцать

четвертая

Палмер сидел за столиком на четырех человек в дальнем углу рыбного ресторана на Западной Сорок пятой улице. Он посмотрел на свои часы, потом на стенные, надеясь обнаружить расхождение. Но и те и другие показывали час дня, а это означало, что Мак Бернс и их гость, корреспондент газеты, опаздывают на полчаса.

Палмер наблюдал, как официант церемонно повязывает бумажные салфетки двум мужчинам, сидящим за соседним столиком. Им только что подали омаров, которые были необычно велики для ленча. Всего минут пятнадцать назад эти омары были живыми, и, когда официант принес их показать заказчикам, клешни еще двигались в последних предсмертных судорогах. Теперь же красные недвижимые омары подвергались атаке разнообразными смертоносными инструментами.

Как многие жители Среднего Запада США, Палмер не любил блюда, приготовленные из обитателей морских глубин. Ему были до тошноты противны любые животные, имеющие раковину. Омары, креветки и крабы казались ему похожими на гигантских насекомых из бредовых кошмаров. Устрицы и моллюски, подаваемые на одной половинке раковины, слишком живо напоминали ему запекшуюся слизь. Кроме того, как и многие жители Среднего Запада, он никак не мог привыкнуть к тому, что в Нью-Йорке назначенное для свидания время соблюдалось весьма относительно, особенно если свидание включало в себя такой вид

общественной деятельности, как, например, ленч. Послеобеденная встреча, назначенная на 8 часов, никогда не начиналась по крайней мере до 9. А ленч, назначенный на 12.30, сказал себе Палмер, просто означает любое время после часа.

В этот момент он увидел Вирджинию Клэри, влетевшую в ресторан в сопровождении какого-то мужчины. Она быстро пробежала глазами по комнате и, найдя Палмера, устремилась к его столику.

— Извините за опоздание, — сказала она, едва переводя дух. — Мак позвонил мне пятнадцать минут назад и сказал, что не может прийти. Поэтому я помчалась в «Стар» и привезла Джорджа сама. — Она отступила, чтобы показать Джорджа.

Палмер встал.

— Мистер Моллетт? — сказал он, протягивая руку.

Джордж Моллетт, взяв руку Палмера, крепко и церемонно пожал ее. Он огляделся, снял пальто и, прежде чем сесть, повесил его на стул.

Моллетт был моложавый мужчина — лет сорока, как решил Палмер. Средний рост, коренастая фигура и совершенно круглая голова. Щеки у него были неестественно красные, и Палмер не мог понять, всегда ли они такие или это результат декабрьского мороза. Глаза Моллетта, почти такие же бледно-голубые, как у Бэркхардта, были беспокойные и в то же время сосредоточенные. Казалось, что, переходя с предмета на предмет, они схватывают впечатления короткими, яростными вспышками. Палмер заметил, что ни один предмет не миновал этих своеобразных атак — будь то сложенные на столе руки Вирджинии, или же солонка,

или же люди с салфетками на груди, поедавшие омаров за соседним столиком, и даже воротничок рубашки Палмера. Эта настойчивая пытливость глаз не гармонировала, по мнению Палмера, с носом Моллетта, не имеющим определенной формы и если уж что-то напоминающим, то скорее всего, небольшую луковицу. Этот заурядный нос как будто специально создан для маскировки испытующих глаз, думал Палмер. Рот у Моллетта был маленький, с полными спокойными губами. Теперь, открыв его, Моллетт спросил сипловатым доверительным голосом:

— Что мы будем пить?

Палмер рассмеялся и помахал официанту.

— Не по сезону похолодало, — заметил он. — Что-нибудь из антифризов?

— Виски. Любое. — Моллетт повернулся к Вирджинии:— Мак увильнул, да? Я так и думал, что у него не хватит нахальства позавтракать со мной.

— Почему?

Моллетт отмахнулся, как бы отгоняя неприятный запах.

— На прошлой неделе этот парень напичкал меня дутыми биржевыми сведениями. — Он нагнулся вперед, положил локти на стол, понизил голос:

— Бред сивой кобылы. Мол, будет объявлено увеличение дивиденда, и акции взлетят как птицы. Мол, в течение двух недель доходы удвоятся. Вот-вот будет объявлен правительственный контракт на 80 миллионов долларов, и все в таком же духе. Устоять невозможно.

— Надеюсь, ты не купил? — спросила Вирджиния. Моллетт покачал головой и улыбнулся:— Дорогая, если бы я вообще когда-нибудь покупал акции по чьим-либо советам, то уж не Мака Бернса. Он надеялся, что я напишу об этом в нашей газете. А статья нужна была для повышения курса акций. Обычная карусель. Ужасно смешно. — Он скорчил гримасу.

— Такого никогда не случилось, — сказала Вирджиния очень серьезно, — во всей истории нью-йоркского журнализма.

— Ха! Но мы в «Стар» стараемся не влипать в подобные истории.

— Это жулики из другой газеты занимаются подобными штучками, да, Джордж?

Он взглянул на нее исподлобья и повернулся к Палмеру:

— Вы заполучили хитрую маленькую штучку. Она кончит тем, что завладеет банком.

Палмер заказал официанту напитки.

— Кто-нибудь все равно это сделает, — сказал он.

Глаза Моллетта неожиданно стали совершенно круглыми и уставились на Палмера:

— Простите?

Палмер покачал головой и обратился к Вирджинии:

— Какое объяснение дал Мак? Трусость?

— В час дня он улетает в Олбани.

— В этом весь Мак, — подтвердил Моллетт. — За то время, которое у него уйдет, чтобы доехать до аэродрома, полететь на одной из этих двухмоторных

развалюшек, потом от аэродрома добраться до центра города, он мог бы доехать туда же на поезде. Но это не для Мака.

— Сама скорость, — сказал Палмер, — иногда менее важна, чем иллюзия скорости.

— А иллюзия, — добавил Моллетт, — всегда более важна, чем действительность, если вы Мак Бернс.

Последовала глубокая тишина. Чувствуя, что тонет в ней, Палмер сказал:

— Любопытно, если вы такого мнения о Маке, как он мог увлечь вас позавтракать с ним сегодня?

Моллетт указал на Палмера квадратным пальцем и произнес своим сипловатым доверительным голосом:— Я здесь, чтобы увидеть вас. Честно говоря, я очень рад, что Мэки Нож упорхнул в Олбани.

Принесли виски. Палмер поднял свой стакан.

— За смятение в стане врага!

Моллетт приятно улыбнулся:

— Кем бы он ни был!

— Что я могу вам рассказать? — спросил Палмер.

— Вы должны учесть, — начал Моллетт, — что наш парень, занимающийся банковскими делами, в отпуске. У меня другая область. Сейчас я просто выполняю задание взять у вас интервью. У меня тут небольшой список в несколько тысяч вопросов.

— На какую тему?

— Как вы предполагаете провалить билль об отделениях сберегательных банков?

— Для печати?

Моллетт протянул вперед руки ладонями вверх.

— За это мне платят.

— Но мне платят не за это, — напомнил Палмер. — Я был бы счастлив поговорить по некоторым этим вопросам неофициально. Но из того, что я могу сообщить вам для печати, едва ли получится даже один абзац.

— Давайте начнем с него.

Палмер отпил немного виски.

— Мы намерены довести до сознания людей — так скоро и энергично, как нам это удастся, — что на данной стадии нашей национальной экономики сберегательные банки представляют собой денежный тупик; что личные сбережения — вещь хорошая, но она не обязательно становится все лучше, когда таких сбережений все больше; что в действительности беспрепятственный рост сбережений обычно затрудняет естественное развитие экономики; и что, таким образом, экспансионистские требования сберегательных банков не в интересах общества.

Моллетт немного подумал, потом поднял свой стакан. — Я не собираюсь передергивать, — сказал он, — но ничего из вышесказанного я не назвал бы сенсационными новостями.

— Я знаю, — согласился Палмер, — однако ничего другого для печати я сказать не могу.

Моллетт вздохнул. — Тогда давайте говорить неофициально. Если я увижу что-нибудь стоящее, мы сможем это перефразировать и сделать официальным. Ладно?

— Во всяком случае, давайте попробуем.

Моллетт кивнул и оглянулся на Вирджинию:

— Неплохо для банкира, — И снова повернулся к Палмеру с той же приятной улыбкой:

— Не для печати. Вы верите хоть во что-нибудь из всей только что рассказанной вами ерунды?

Палмер усмехнулся:

— Не для печати, «ерунда» — это не то слово. Здесь больше подойдет «отрава». Но — все еще не для печати — то, что я сказал, считается священной истиной в Вашингтоне и в других высоких сферах, где делается экономическая политика.

— Будучи банкиром, как вы относитесь к неограниченному расширению личного кредита?

— Совершенно не обязательно быть банкиром, чтобы отвергать его, — ответил Палмер. — Любой человек, которому дорого благосостояние своей страны, знает, что это безумие. С другой стороны, этот человек знает, — добавил он, — что, зажимая кредит, мы войдем в такой экономический штопор, по сравнению с которым кризис 1929 года покажется похожим на медленный вальс. Слишком поздно. Раз уж схватил тигра за хвост, то отпускать нельзя.

— Очень хорошо, — сказал Моллетт. — Разрешаете цитировать?

— Не стоит.

— Это высказывание о тигрином хвосте можно понять поразному, — продолжал репортер. — Например, как насчет банка, который вытанцовывает перед Тамманским тигром. [Таммани — организация

демократической партии в Нью-Йорке. «Тигр» — прозвище этой организации.] Даже имея Мака Бернса в качестве посредника.

Палмер поднял брови:

— Не могли бы вы точнее определить слово «вытанцовывает»?

— Беру его обратно. Давайте скажем — банк, который использует влияние Таммани в своих экономических целях.

— Боюсь, вам следовало бы спросить об этом мистера Бэркхардта. Мак Бернс был нанят задолго до моего появления на сцене.

— Если я спрошу Бэркхардта, — возразил Моллетт, — он только накричит на меня. Я спрашиваю вас, поскольку мне кажется, что вы человек здравомыслящий. Вы представляете собой современный тип банкира, — добавил он, подмигивая Вирджинии, — с определенной настроенностью к сотрудничеству и вообще с высоким интеллектуальным уровнем.

— Лесть может сделать вам все, кроме статьи, — ответил Палмер. — Опять-таки не для печати, — я унаследовал Бернса и связь с Таммани. В этом есть какой-то смысл. Просто ЮБТК должен действовать так, чтобы не оставалось места вопросам, подобным вашему.

— Иными словами, вам не нравится сотрудничество с Таммани?

— Я не против, просто я принимаю его как одно из основных правил игры.

— Ух, — выдохнул Моллетт. Он снова повернулся к Вирджинии:— В следующий раз, когда я буду брать у

него интервью, напомни мне оставить карандаш в кабинете.

— Не задавай таких прямых вопросов, — посоветовала она.

— Мы разговариваем неофициально. В пределах — хоть до небес, ладно? — спросил он, повернувшись к Палмеру.

— Спрашивайте.

— Ну, конечно, — засмеялся Моллетт, — каким же еще способом я узнаю что-нибудь? — Он наклонился вперед к столу так, что стакан виски оказался прижатым к его груди. — Как насчет такого: вы верите Маку Бернсу?

— А я не должен? — парировал Палмер.

— Суды, ведущие дела о банкротствах, заполнены людьми, верившими ему.

— Как я понял, большинство его клиентов были довольнотаки богатыми людьми.

— Именно о них я и говорю сейчас, а не о мелкоте, приходившей к Маку в расчете использовать его политическое влияние. Он безжалостно выжимал таких людей, и меня очень удивило бы, если хоть бы один процент из них когда-либо получил правительственный контракт.

— У вас сердце не обливается кровью при виде этих людей, не так ли? — спросил Палмер. — Суть подобной игры в том и заключается, что выжимающий должен быть жуликом в душе.

— Верно. Это и беспокоит меня в отношении ЮБТК.

Палмер опять подозвал официанта:

— Повторить.

— Прекрасно, — согласился Моллетт.

— Пас, — сказала Вирджиния.

— Но давайте закажем что-нибудь поесть, — добавил Моллетт. — Я возьму небольшого омара, жареного, и салат из свежих овощей. А ты, Джинни?

— Омары по-ньюбургски.

— Бифштекс из вырезки, средне прожаренный, — сказал Палмер. — Какую закуску?

— Мне ничего, — Моллетт склонил голову набок. — Вы знаете, когда он примет заказ и уйдет, я еще раз задам тот же вопрос.

— Этого-то я и боялся. Вирджиния?

— Спасибо, ничего, кроме омаров.

— Все. — Палмер следил, как официант удаляется. — Вы предполагаете, — продолжал он, — что ЮБТК таит в душе склонность к воровству?

— Я говорю, что он так действует, как будто у него есть эта склонность.

— Я удивлен, что вы подумали это о банке. Разве вы не знаете, что банковский бизнес — это единственное известное человечеству узаконенное воровство?

Моллетт терпеливо улыбнулся, сморщив маленькие полные губы. — Вы хотите шутками отделаться от моего вопроса?

— Ладно. Разрешите мне выразить это иначе: в прошлые годы в Олбани законодатели с периферии

штата покровительствовали коммерческим банкам. Законодатели из Нью-Йорка отдавали предпочтение сберегательным банкам. Если мы можем с помощью Таммани переманить нескольких ньюйоркцев в наш лагерь, будет ли это воровством?

— Это зависит от того, каким способом будет Таммани оказывать вам свою помощь.

— Это уже забота Таммани.

— Вот-вот, — ухватился Моллетт, — мы подошли к самой заковырке, как говорит один мой цветной друг. Вы снабжаете Таммани деньгами, заявляя, что не несете ответственности за то, каким образом деньги будут использованы.

— При чем тут деньги? Мы платим Бернсу приличный гонорар. Но его едва ли хватило бы на то, чтобы покупать какихлибо законодателей.

— А вы никогда?.. — Моллетт замолчал и покачал головой. — Конечно, нет. И никто другой. Я собирался спросить, видели ли вы когда-нибудь личные приходно-расходные книги Мака? Я думаю, он не показал бы их даже своей матери. Но если бы вам удалось взглянуть в них, вы обнаружили бы, что у Мака есть партнер, способный молчать как рыба. Этот молчаливый, невидимый, несуществующий партнер забирает здоровый кусок доходов Мака. Никто никогда не сможет это доказать, но анонимный партнер — Виктор Сальваторе Калхэйн.

Палмер пожал плечами:

— Ваше право думать так. Но почему это должно беспокоить кого-либо, кроме Мака Бернса?

— Вас не легко поразить, да? — восхищенно произнес Моллетт. — Вы не находите абсолютно ничего предосудительного в идее предоставления человеку денег для того, чтобы он мог купить голоса представителей, избранных народом?

— Конечно, — согласился Палмер. — Есть что-то даже очень предосудительное и в этом, и в войне, и в голоде, и в чуме. Но все это жизненные явления. Предосудительные, но реальные.

— Я не слышал, — сухо ответил Моллетт, — чтобы в последнее время ЮБТК финансировал какие-либо войны, голод или эпидемии.

— Таммани мы также не финансируем. Если хотите знать, — продолжал Палмер, стараясь говорить ровно и бесстрастно, — сберегательные банки собирались нанять Мака Бернса, но мы перехватили его.

Моллетт молчал. Он взял у официанта новый стакан виски и стал двигать его взад и вперед по скатерти своим тупым указательным пальцем. Наконец он поднял глаза — его пронзительный взгляд перепрыгнул несколько раз с Вирджинии на Палмера.

— Это очень интересно, — негромко произнес он наконец.

— Почему?

Моллетт несколько раз покачал головой:

— Позвольте брать интервью мне.

— Кажется, эта новость ошеломила вас.

— Нет, просто заинтересовала. — Моллетт положил свою руку на руку Вирджинии. — А тебя это разве не интересует, Джинни?

— Ну продолжай, Джордж, хватит ломаться. — Она положила другую руку поверх руки Моллетта. — Если что-нибудь знаешь, будь другом.

Репортер опять склонил голову набок.

— Слышите, — спросил он Палмера. — «Если что-нибудь знаешь, будь другом». Я не смог бы сформулировать лучше.

Палмер долго молчал. Он понимал, что наступил самый удобный момент высказать одно предположение и тем самым завоевать доверие Моллетта. Однако даже в форме предположения такое высказывание было опасным. Моллетту можно было доверять подобные секреты, лишь пообещав ему, что при благоприятных обстоятельствах он сможет первым опубликовать их. Но Палмер понимал, что недостаточно знает ситуацию, чтобы дать такое обещание. Кроме того, размышлял он, для чего говорить? Что вообще, кроме неприятностей, приносят разговоры? А здесь и так их было слишком много.

— Я бы хотел помочь вам, — заявил Моллетт. — Но с вами не легко иметь дело.

Вирджиния кашлянула.

— Этот невозможный человек, — обратилась она к Палмеру, — один из немногих людей, которые действительно могут помочь.

Палмер поднял стакан, но, раздумав пить, поставил его обратно. И, как бы укрепляя свое решение, отодвинул стакан в сторону.

— Прежде всего я должен знать следующее, — начал он. — Давайте предположим, что я сказал вам нечто секретное, что, может быть, никогда не станет материалом для печати. Давайте также предположим, что это не может быть доказано или же что я абсолютно не прав, а также давайте предположим, что мои сведения неполны и потребуют дальнейшей работы с вашей стороны. Будете ли вы удовлетворены, делая эту работу и не зная, появится ли у вас когда-нибудь возможность напечатать статью или нет?

Небольшой мягкий рот Моллетта растянулся в притворносладкой улыбке. — Я ужасно люблю работать над тем, что не будет напечатано. — Потом серьезно:— Давайте суть дела. Если оно действительно важно, тогда я изъявляю желание потратить на него свое время.

— Не для печати.

— Не для несчастной печати, — согласился Моллетт.

— У меня есть основания подозревать, — быстро начал Палмер, зная, что если он станет подбирать слова, то никогда не сможет произнести их, — наличие какой-то внешней группы, которая стремится захватить контроль над ЮБТК.

Моллетт беззвучно свистнул. Его взгляд быстро перескочил на Вирджинию.

— Честно? — пробормотал он.

— Ты слышал этого человека, — ответила она.

Репортер медленно откинулся на спинку стула и устроился поудобнее.

— Я рад, что Маку Бернсу пришлось поехать в Олбани.

— Почему вы так говорите? — спросил Палмер.

— Потому что, будь он сейчас здесь, вы никогда не сообщили бы мне этого.

— Правда. Но почему вы так думаете?

— Продолжайте. Мак Бернс может носить свои великолепные двухсотдолларовые костюмы, но для меня он будет оставаться троянским конем.

— Это, — тихо сказал Палмер, — самая интересная вещь, какую я сегодня услышал. — Некоторое время все молчали. Пауза затянулась. Официант поставил на стол три тарелки и начал переключать омары по-ньюбургски с мармита в тарелку Вирджинии, изысканно орудуя вилкой и ложкой, которые он держал наподобие щипцов, и явно стараясь, подобно всем официантам дорогих ресторанов, продемонстрировать высокий класс заведения и как бы подкрепить крупные долларовые суммы, напечатанные в меню.

Моллетт вздохнул, его глаза следили за движениями вилки и ложки официанта.

— Читали какие-нибудь хорошие книги за последнее время? — спросил он, не обращая ни к кому непосредственно. Палмер видел, как пальцы Моллетта нетерпеливо барабанили по белой скатерти.

Когда официант, обслужив всех, удалился, пальцы Моллетта успокоились.

— Мы говорили о чем-то, не так ли?

— Мы говорили, достаточно ли значительна новость для отчаянного писаки из «Стар», — ответила Вирджиния.

— Даже если все это построено на песке, — добавил Палмер.

— И ты только что вонзил тупой кинжал в позвоночник некоего Мака Бернса, — продолжала Вирджиния.

— Я? — Моллетт сдернул салфетку, которую официант попытался ему завязать. — Чтобы я сделал такое с Честным Маком?

— Он следил, как удаляется официант. — Просто я заметил, — сказал он, ловко и уверенно атакуя омара, — что в качестве заслуживающего доверия политического организатора всяких сомнительных мероприятий он прекрасно научился работать на два фронта. — Моллетт поднял длинный кусок омара, обмакнул его в растопленное масло и отправил в рот. Его взгляд быстро метнулся в лицо Палмера.

— Вы что-нибудь сказали? — спросил он.

— Просто я подавился, — ответил Палмер, врезаясь в свой бифштекс. Вместо средне прожаренного мяса было обуглено с внешней стороны, оставаясь внутри сырым. — Полюбуйтесь, — пожаловался он.

— Выглядит несъедобно, — сказала Вирджиния. — Сегодня пятница, и я буду придерживаться рыбного меню.

— Разве кто-нибудь в здравом уме может назвать это средне прожаренным?

— Немного сыровато, — согласился Моллетт, — отправьте его обратно.

Палмер покачал головой и принялся за наиболее приемлемые куски бифштекса.

— Вы нам еще не ответили, достаточно ли интересует вас новость, чтобы над ней работать.

Моллетт продолжал жевать.

— Это трудновато объяснить. В сущности, черт возьми, почти невозможно.

— Не заинтересовались?

— Очень даже заинтересовался.

— Тогда...

Моллетт плотно сжал губы, отрывая очередную клешню омара.

— Я не совсем уверен, что должен это объяснять, — ответил он.

Вирджиния положила вилку.

— О, нет. Не может быть.

Моллетт кивнул:

— Угу.

Вирджиния повернулась к Палмеру.

— Этот тип хочет сказать, — она понизила голос, — что кто-то уже сообщил ему эту новость. Кто-то с другой стороны.

Палмер перестал жевать. Он откинулся на спинку стула, его глаза уставились на репортёра. Спустя

мгновение он проглотил кусок мяса, но другого отрезать не стал.

— Тогда почему, — спросил он наконец, — вы были так удивлены, услышав это от меня?

— Меня уверили, что, во-первых, никто в ЮБТК ничего не подозревает и что, во-вторых, они ничего и не заподозрят... пока не опустится топор.

— Я не слишком польщен чьим-то мнением обо мне.

— Это их мнение о Бэркхардте, ископаемом, которое ходит на двух ногах, — ответил Моллетт. — Видите ли, я получил эти сведения еще до вашего приезда в Нью-Йорк.

Палмер кивнул:

— Я знал, что операция продолжается уже некоторое время. Как вы думаете, сколько акций они собрали?

Моллетт нахмурился и обмакнул омара в масло.

— Вы забываете. Мне сообщили конфиденциально.

— Джордж, — сказала Вирджиния, — ну что ты за друг? — И поскольку репортер молча ел, она продолжала:— Чего я действительно не понимаю, так это почему все настолько секретно? Другие баталии из-за руководства ведутся в открытую. Борьба за полномочия. Сенсационные заголовки в газетах. Эта же до такой степени засекречена, что я до сих пор не уверена в ее реальности.

— Верь, — сказал Моллетт.

— Банк не просто любая корпорация, — объяснил Палмер. — Когда кто-то пытается нанести удар для

захвата контроля над банком, он не может позволить себе делать это в открытую. Среднему бизнесу такая гласность может и не повредить. Но общеизвестно, как она мешает началу атаки на банк.

— Гласная борьба, — подтвердил Моллетт, — может привести к такому полному опустошению банка, что новому руководству не достанется ничего, кроме головной боли.

И снова наступило молчание. Палмер оглядел комнату, чтобы убедиться, что никто не подслушивает их разговор. У прилавка кассира он увидел молодого парня в кожаной куртке, разговаривающего с метрдотелем. Потом парень передал тому какой-то конверт.

— Итак, — резко сказал Моллетт, — что вы имеете?

Палмер посмотрел в глаза репортеру:

— Информацию, которую вы не можете помочь мне развить и дополнить.

— Правильно. Если бы вы первый пришли ко мне, я бы еще мог кое-что сделать. А теперь у меня связаны руки.

— Но не язык, — вставила Вирджиния. — Этика, пожалуй, еще подскажет тебе немедленно бежать назад к твоему первоначальному источнику и сообщить ему, что ЮБТК оказался на высоте.

Моллетт выглядел настолько оскорбленным, насколько может выглядеть человек, с удовольствием жуящий кусок политого маслом омара.

— Я — возмущен, — наконец произнес он. — Вы говорили со мной конфиденциально.

— Спасибо, — ответил Палмер. Он заметил, что метрдотель направляется к их столику. — Есть ли какой-нибудь способ привлечь вас на сторону ЮБТК?

— Человека из «Стар»? — спросила Вирджиния тоном глубочайшего удивления.

— Посмотрите на это иначе, — сказал Палмер. — Чем больше мы знаем, тем острее будет борьба и интереснее ваша статья.

— Макиавелли, — произнес Моллетт. — У вас, чикагцев, просто инстинкт убийц.

Метрдотель подошел к столу.

— Мистер Палмер, сэр? — спросил он, не уверенный, кто из мужчин был Палмер. — О да, сэр, — когда Палмер кивнул, и подал ему конверт.

Это был длинный белый конверт без каких-либо отметок на нем, заклеенный крест-накрест скотчем. Палмер перевернул его и увидел, что определить, от кого он пришел и кому предназначен, невозможно. Он вскрыл конверт и обнаружил кусочек плотной белой бумаги с прикрепленным к нему плоским ключиком. На бумаге красным карандашом было написано: «В Олбани 10 дней. Будь моим гостем». Палмер поднял глаза и увидел, что Моллетт и Вирджиния наблюдают за ним. К счастью, он так держал бумагу, что ключа не было видно. Он сунул записку и ключ в карман, не думая, благоразумно это или нет, просто чтобы убрать их с глаз долой. Ничто в записке не указывало ни на отправителя, ни на получателя. Палмер поймал себя на мысли: как бы Мак Бернс работал в разведке? Вероятно, очень неплохо.

Он улыбнулся собеседникам.

— Настоящий инстинкт убийцы, — медленно произнес он, — не имеет географических границ.

— То есть? — спросил Моллетт.

— Происхождение ничего не говорит. В конце концов, Джо Лумис, насколько я помню, из Огайо.

Маленький рот Моллетта чуть-чуть дернулся:

— Угу.

— А Арчи Никос, кажется, из Лондона.

— Гм.

— А Мак Бернс, как мне сказали, является продуктом Бейрута и Голливуда.

— Ух.

— Скажи что-нибудь по-английски, Джордж, — попросила Вирджиния.

Моллетт пожевал и проглотил.

— Единственное, что я могу сказать, — провозгласил он, — так это, каково бы ни было их происхождение, теперь, когда я встретил деревенского увальня из Чикаго, мне их жаль.

Глава тридцать пятая

В квартире Мака Бернса, стоя у окна, выходящего на Ист Ривер, Палмер раздумывал над тем, что Бернсу нельзя доверять, в сущности, ни в чем и особенно нельзя верить ему, когда он говорит, что пробудет десять дней в Олбани.

Долгой тренировкой приученный проверять факты, Палмер сделал все, что мог, чтобы удостовериться в правильности указанного в записке Бернса десятидневного срока. Помог звонок в контору Бернса. Секретарша ждала его не раньше рождества, до которого было одиннадцать дней. Палмер позвонил также Калхэйн у по какому-то незначительному поводу и смог выяснить, что политический деятель не ждет Бернса в Нью-Йорке в течение по меньшей мере десяти дней.

Стоя теперь у окна в гостиной Бернса, наблюдая, как лучи автомобильных фар расплываются вдоль Ист Ривер-драйв сплошным желто-белым потоком на фокке черноты невидимой реки. Палмер размышлял, почему он так легко смог отогнать от себя мысль о возможном предательстве Бернса. Не то чтобы он не принимал в расчет эту мысль, а просто Палмер смог едва заметным усилием отодвинуть ее в своем мозгу на задний план.

В самом деле, думал сейчас Палмер, все, что он делал или собирался делать, кажется, не слишком волнует его. И это не потому, признавался он себе, что владевшее им желание лишало все остальное какого-либо значения. Нет. Перспектива предстоящего вечера не заполняла его напряжением, способным задушить все другие чувства. Короче говоря, как

выразилась бы Джерри, он, видимо, очень хладнокровно относился к своей новой роли.

Три легких стука в дверь.

Палмер подошел к двери и приоткрыл ее на несколько сантиметров. Из коридора ему улыбалась Вирджиния Клэри. Он открыл дверь, впустил ее, закрыл дверь и запер. Потом повернулся и посмотрел на нее. Она стояла в полутьме, глаза блестели, на ее высоких скулах — слабый румянец, губы все еще в приветственной улыбке. Палмер знал, что у него на лице была такая же широкая, глуповатая, радостная ухмылка.

— Я бежала, — сказала она.

— Не надо было.

— Надо было. Я даже не покрасила губы.

— Помада почти вся съедена.

— Как всегда к концу дня, — сказала она.

— Выпьем что-нибудь?

— Немедленно. — Она пошла в гостиную. Палмер направился к бару, она остановила его и указала на длинную софу. Он сел и стал смотреть, как она готовит коктейли.

— В ведерке лед, — пробормотала она, — некоторые мужчины думают обо всем.

— Мой отец называл это умением все предусмотреть.

Она принесла стаканы к софе и села около него. Они чокнулись. Комната была освещена маленькой лампой на дальней стене у окна. Идея Палмера: достаточно света для них двоих, недостаточно для

любого наблюдающего за окнами с противоположной стороны улицы. Кроме того, само расположение лампы делало наблюдение почти невозможным. Она освещала полупрозрачные шторы, образуя световой щит между внешним наблюдателем и людьми в комнате.

Хладнокровное рассуждение, отметил он. Откуда такое хладнокровие?

— А как, — спросила Вирджиния, — твой отец назвал бы это?

— Идиотством.

Она кивнула:

— Я присоединяюсь к нему.

— Тогда давай выпьем и уйдем. Я совсем не уверен, что Мак действительно в Олбани.

— Я уверена.

— Почему?

— Я звонила ему в Олбани, как раз перед уходом с работы, — сказала она. — Поскольку у меня была вполне объяснимая причина попытаться встретиться с ним завтра. Он ответил, что вернется только через десять дней. Q.E.D. [Что и требовалось доказать (лат.)]

— Почему ты проверила его?

— Это казалось разумным.

— Волнуешься?

Она серьезно кивнула:

— Перепугана до смерти. У меня очень много причин для беспокойства. Я одинока. У меня деньги в

банке. Я могла бы получить работу в газете в любое время, если бы мне понадобилось.

Он улыбнулся:

— В каком банке ты держишь свои деньги?

— Секрет. — Она отпила немного из своего стакана. — У тебя много денег, Вудс?

— А что?

— Достаточно, чтобы выстоять большой грязный скандал?

— Да.

— Тогда нам обоим не о чем беспокоиться. — Она снова легонько чокнулась с ним. — Но и в следующий раз я все равно буду проверять дважды. — Отпила виски и поставила стакан на массивное стекло коктейльного столика.

— Сегодня днем со мной приключилась на редкость смешная история. Некий мужчина остановился у моего рабочего стола. Пока мы с ним что-то обсуждали, он показал мне листок ватмана с прикрепленным к нему ключом. В ходе беседы он ни словом не обмолвился ни о ключе, ни о бумажке, я также. Ты думаешь, он пытался что-то сообщить?

— Не думая, я сказал бы да.

— У тебя есть какая-нибудь идея, что он имел в виду?

— Ничего хорошего.

— И если уже это было смешно, — продолжала Вирджиния, — то после я совершила уже совсем невероятный поступок. Я позвонила человеку,

приглашавшему меня пообедать с ним вечером, и сказала, что плохо себя чувствую.

— Ты не должна была этого делать. Я говорю серьезно.

— Я знаю, что ты серьезно.

— В следующий раз так не делай.

— Почему?

— Это... это несправедливо по отношению к нему. Кем бы он ни был.

— Он меня не интересует, — сказала она. — Я пытаюсь решить относительно себя самой.

— Я думал, ты решила. Мне кажется, ты признала, что это идиотство.

— Да. — Она выпрямилась и посмотрела на него более пристально.

— И мне кажется, я предложил выпить и разойтись.

— Я не обратила внимания на это предложение.

— Оно все еще в силе.

Вирджиния взяла его руку, и он почувствовал теплоту ее тонких пальцев.

— Давай не говорить об этом, — попросила она. — Давай вообще помолчим. Немного. — Она повернула его руку, взглянула на ладонь, поднесла ее к губам и поцеловала.

Он обнял ее, когда она, медленно наклоняясь, легла к нему на колени. Поцеловал ее в щеку, потом в губы и почувствовал, как они приоткрылись под его губами. Она сказала что-то непонятное: слово утонуло у него во рту.

Ее рука неожиданно напряглась, и Вирджиния прижала его рот к своему с такой силой, что поранила ему губу. Спустя момент она расслабила руку. Их губы разделились.

— Не говори ничего, — выдохнула она.

Он снял руку с ее бедра и потрогал губу. Посмотрел на палец — крови не было. Он подсунул руку ей под колено и стал медленно поглаживать ее ногу. В тишине комнаты раздавалось легкое потрескивание от движения руки по нейлоновому чулку. Его рука передвинулась выше.

Хладнокровность, отметил он. Как будто он всю жизнь каждый вечер занимался этим. Правда, подумал он, в сущности, большой практики в подобных делах не требуется, но все же...

— Гм, — произнес он вслух. — Вот тут есть прелестная вещица.

— Да.

— Как она себя чувствовала все эти дни?

— Так же, как в прошлый раз.

Спустя некоторое время он обнаружил, что лежит на толстом белом ковре на спине, с закрытыми глазами. Вирджиния куда-то исчезла. Он услышал, что она готовит коктейли. Открыв глаза, он увидел, что она стоит перед ним со стаканом в руке.

— Ты довольно-таки волосатый для блондина, — заметила она.

— Я стараюсь.

Она поставила ногу ему на грудь.

— Больно?

— Нет.

— Теперь?

— Если услышишь резкий звук, значит, сломалось ребро.

— Цыпленок. — Она сняла ногу и пошла к тахте. Он следил на расстоянии за игрой мускулов на ее крестце и бедрах. Она вернулась с двумя маленькими подушками и предложила: — Подложи себе под голову. Ковер вовсе не такой уж мягкий.

Когда он лег на подушку, она уселась ему на живот, поднесла стакан к его губам и постепенно наклоняла его, пока он пил. — Спасибо, — сказал он наконец.

— Если тебе станет тяжело...

— Не станет.

Она улыбнулась и, поставив стакан на пол около его головы, начала было говорить что-то, но запнулась.

— Скажи мне, — произнесла она наконец, — это у тебя результат усердной практики? Или же ты такой и есть?

— Как это?

Она слегка наклонилась вперед.

— Не будь тупым.

— Ах, ты об этом. Хорошо. — Он сделал гримасу, означающую: «Ну что я могу тебе сказать?» — Это не результат практики.

— Что я люблю в тебе больше всего, так это скромность.

— Я пытаюсь отвечать как можно скромнее, — настаивал он. — Но сам вопрос не так уж скромный. Во всяком случае, он может быть понят двояко. Его можно переадресовать: в чем секрет твоего фантастического успеха?

— Тот же ответ: не результат практики.

— Тогда что?

— О, — произнесла она. — Я могу тебе объяснить. Честно говоря, я могу ответить на оба вопроса. Причина того, что я хорошая, это ты, и наоборот.

— Очень ловко.

— Не придирайся, — предупредила она. — Для этого ты не в том положении сейчас. — Она подняла ноги с ковра и, скрестив их по-портновски, уселась на его животе.

— Ну как, тяжело?

— Сколько ты вешишь?

— 1 стоун, 5 фунтов. [Стоун— мера веса (англ.) = 14 фунтам = 63,5 кг. Фунт = 453,6 г.] И все это давит на твои внутренности.

— Здорово!

Она снова опустила ноги на ковер.

— Вот это я имела в виду, говоря, что для придирок ты не в том положении.

— У меня появилась полезная мысль, — сказал он. — Упражнения для укрепления мышц живота. Мне нужна женщина, которая весила бы около 1 стоуна 5 фунтов. Тебя это не интересует?

— Нет.

Она наклонилась вперед и вытянулась на нем так, что ее лицо прижалось к его шее, а пальцы ее и его ноги соприкоснулись. — Замечаешь, что получилось? — спросила она. — Теперь ты совсем меня не чувствуешь.

— Как ты ошибаешься!

— Я имею в виду мой вес.

— А-а.

— Ты гораздо хуже кушетки.

— Придирки, придирки.

— Слишком костляв, — продолжала она, — кроме того, всякие выпуклости.

— Может быть, пружина ослабла?

— Должен быть какой-то способ ее укрепить.

— Должен быть.

— О, — сказала она, слегка покусывая его грудь. — Я знаю способ.

— Какой?

— Смотри.

Было немного позже девяти, когда зазвонил телефон. Палмер спал на животе, уткнувшись лицом в ковер. Он слегка пошевелился, потом окончательно проснулся и уставился на Вирджинию. Она приложила палец к губам. Они ждали, пристально глядя друг на друга, пока телефон прозвонил семь раз. В середине восьмого звонка он замолчал.

— Городской телефон, — сказала она. — Не из этого дома.

— Который час?

— В районе девяти. Голодный?

Он покачал головой.

— Что ты делала, пока я спал?

— Смотрела на тебя.

— И что же?

— И думала. — Она протянула ему сигарету, которую курила. — Думала о сексе.

Он затянулся один раз и вернул сигарету. — Что ты обнаружила?

— Что никто из нас никогда этого не поймет.

— Мне очень жаль.

— Не жалей. Я пришла к заключению: совершенно не обязательно это понимать. Это все равно, что любоваться деревом.

— Не все так чувствуют.

— Я хочу сказать, посмотри на нас двоих. Если бы мы перестали давать себе полную волю идти через все то, что носит название самых различных грехов и степеней виновности, мы скоро перестали бы получать какое бы то ни было наслаждение. Он оперся на локоть. — Ты упускаешь главное.

— Сегодня вечером не так уж часто упускаю.

— Главное в своем наблюдении, — упрямо повторил он.

— А-а, вот что.

— Именно то, что мы успешно избегаем упоминания и точного определения грехов. Как ты это объясняешь?

— Младенческим неведением. Я думаю, что однажды ночью весь этот груз свалится на нас.

— И мы сразу же потеряем способность наслаждаться?

Она вздохнула.

— Мне бы хотелось поговорить о чем-нибудь другом.

— Странная ты все-таки женщина!

— Да. Наполовину нимфа, наполовину старая дева.

— Какая ужасная ложь! И то и другое.

— Ладно. Как джентльмен, ты представил свои возражения. Теперь давай поговорим о чем-нибудь другом.

Он снова устроился на ковре, положив голову на согнутую руку.

— Мне кажется, я что-то пропустил, пока спал. Разве объявлена неделя «Будь неджентльменом по отношению к Вирджинии Клэри»?

— О, помолчи.

Он закрыл глаза.

— Придирки, придирки.

— Мне до смерти хочется, — задумчиво произнесла она, — чтобы мы могли быть обыкновенными тайными любовниками. Женщина засыпает. Мужчина ходит по спальне на цыпочках и одевается. Утром она просыпается, чтобы обнаружить его уход и деньги на

туалетном столике. Вместо этого ты спишь, а мне остается копаться в своей душе.

Он не смог ничего ответить и услышал, как она затянулась сигаретой и с силой выдохнула дым. Он молчал, продолжая лежать с закрытыми глазами.

— Я считаю, что это несправедливо, — продолжала она через некоторое время. — Я вела спокойную, нормальную жизнь. Мои грехи всегда находились под контролем. Самые страшные я совершала с большими интервалами. Я так долго не была на исповеди, что чувствую себя методисткой. [Религиозное направление, в котором исповеди отводится второстепенная роль.] Не без большого труда мне удалось поставить интимные отношения в разряд несущественной подробности — как норковая шубка: красиво на других, слишком роскошно для женщины моего круга. В первый же несчастный момент, когда мои глаза остановились на тебе, я поняла, что ты человек, с которым нужно быть особенно осторожной. Это не твоя внешность. Меня не влечет к какому-то определенному физическому типу. Было что-то в манере, с которой ты поглядел на меня. От тебя идут сигналы. Мой радар ловит их. Мне кажется, и у меня есть какие-то свои собственные сигналы или что-то в этом роде. Я не претендую на понимание всей этой техники. Но боже мой, Вудс, я мучилась, старалась взять себя в руки, я действительно старалась. Ты совсем не то, что мне нужно. Женат. Дети. Мой босс. Помнишь, когда мы танцевали на том обеде? Я чувствовала, что вся моя тренировка, журча, утекает в канализационную трубу. Когда мы потом шли по городу, я старалась быть честной и объяснить тебе все это ласково, но твердо. Я даже пыталась закончить небольшой ссорой. Но не могла. Ты не помнишь? Теперь все забыто. Но во всяком случае,

тогда ты поблагодарил меня. Для тебя убийственно благодарить кого-нибудь. Без заикания ты не мог выдавить из себя ни слова. Это чертово заикание и прикончило меня. Оно показало мне, каков ты внутри, по крайней мере самую чуточку тебя, и превратило мои собственные внутренности в плавленный сыр. И вот я здесь развалилась вместе с тобой на фантастическом ковре Мака Бернса в то время, как должна была бы искать работу в какой-нибудь другой конторе и стараться забыть это происшествие.

Она замолчала. Спустя мгновение Палмер приподнял голову:

— Кончила?

— Полностью.

— У меня вопрос.

— Да?

— Как тебе удается быть такой несчастной и все же такой красивой?

Она ошарашенно взглянула на него.

— Ты уверен, что не злишься?

— Иди ко мне.

— Иду.

Глава тридцать шестая

Палмер листал последний седьмой спортивный выпуск в «Уорлд телеграм», добираясь до финансового раздела, пока банковский дорогой «кадиллак» плавно катил по Парк-авеню в шестичасовой вечерней мгле. Палмер включил в машине лампочку для чтения и стал изучать цены банковских акций в момент закрытия биржи. Цена на акции ЮБТК поднялась на 25 процентов, и количество проданных акций слегка возросло.

Решив, что, кто бы их ни покупал, ему еще долго до захвата контрольного пакета, Палмер свернул газету и бросил ее на сиденье рядом с собой. Какое-то время он смотрел в затылок шоферу. Потом им овладело странное чувство изолированности. Хотя шофер находился на расстоянии не более полутора-двух метров, Палмер почувствовал себя в полном одиночестве. Ему до некоторой степени нравилось такое ощущение.

Нравилось потому, решил он, что приятно было сидеть здесь, под мягким белым куполообразным светом, словно в витрине магазина, один и в какой-то степени избранный, в то время как весь город невидимой аудиторией проносится в темноте мимо тебя.

Палмер смотрел, как пролетают в величавом ритме освещенные рождественские елки. По вечерам Парк-авеню всегда усеяна маленькими яркими красными точками — задними фонарями машин. Теперь он увидел, что из-за елочных огней вся улица стала праздничной — и задние фонари, и все остальное.

На Семидесятых улицах шофер просигналил левый поворот, и Палмер наклонился вперед. — Джимми,

развернитесь и высадите меня на углу. Дальше я пойду пешком.

— Хорошо, мистер Палмер, спасибо.

Палмер нахмурился. За что его благодарят? Он сократил обратный путь Джимми самое большее минут на пять. Неужели пять минут так важно?

— Вы куда-нибудь спешите? — спросил он.

— Домой. Украшать елку, мистер Палмер. Я все откладываю и откладываю это, а осталось только шесть дней. Дети меня убьют...

Машина мягко сделала небольшой круг и остановилась у обочины тротуара, лицом к деловым кварталам города. Пока Джимми выходил, чтобы открыть дверь, Палмер выключил куполообразный свет и поднял газету. — Возьмите «Телли», — сказал он, протягивая газету шоферу, который, как он знал, обычно покупал только «Джорнэл америкен».

— Еще раз спасибо. Спокойной ночи вам, сэр.

— Спокойной ночи.

Большая машина отъехала, а Палмер глубоко вдохнул холодный воздух и посмотрел на небо. Оно было так чисто, что он даже смог разглядеть одну-две звезды — совершенно необычное явление в дымном Манхэттене. Он посмотрел вдоль Парк-авеню и попытался сосчитать рождественские елки. Скоро они слились в одну светящуюся линию. Он перестал считать.

Повернулся и быстро пошел к своему дому.

Планы Эдис по реконструкции дома были блестяще претворены в жизнь. В квартале, почти целиком состоящем из больших, широких трех-четырёхэтажных

зданий, построенных в начале века, дом Палмера, несомненно, привлекал к себе внимание. Предел в реконструкции, дальше которого не шли местные домовладельцы, сводился к основательной очистке каменного фасада пескоструйным снарядом или окраске его или же к тому, чтобы вставить цельные стекла в оконные рамы. Лишь один смелый новатор построил новый фасад из римского кирпича. Но Эдис поступила иначе.

Палмер и раньше видел здания с ажурным фасадом. Такие обычно строятся в странах с жарким климатом. Посольство Соединенных Штатов в Индии, вспомнил он, использовало современный вариант этой техники. Поскольку Манхэттен лишь изредка превращается в тропики, Эдис объясняла свой выбор бетонно-ажурного фасада тем, что он создает уединение. Она пошла даже на то, чтобы лишиться части драгоценной территории и придвинуть дом к улице. Таким образом на расстоянии почти 3 метров от тротуара была воздвигнута высокая стена из изогнутых и заостренных форм литого бетона, соединенных чем-то вроде решетки.

Эти бетонные кружева, пропускающие свет и воздух, но бросавшие причудливую тень, немного похожую на разводы защитной маскировки военного корабля, были предназначены для того, чтобы спрятать дом от любопытных взглядов. За фасадом на расстоянии еще около двух метров стояло само здание, четырехэтажный фронтон которого был сделан по последней моде, целиком из листового стекла 4 на 6, скрепленного алюминиевым переплетом. Внутреннюю сторону ажурного фасада Эдис, кажется, собиралась впоследствии закрыть плющом.

Палмер прошел через простую черную наружную дверь и на мгновение остановился, чтобы взглянуть сквозь узкую щель в небо. Да, звезда. Одна.

Он отпер такую же простую черную внутреннюю дверь и вошел в свой новый дом. Где-то вдалеке, в тихом незнакомом расположении этажей и комнат, он услышал перебранку Джерри и Тома. Проигрыватель Вуди выдавал заглушенную дверьми и стенами лихорадочную музыку джаза диксилэнд. Палмер почувствовал слабый запах жареного бекона.

Палмер снял пальто и повесил его на одну из толстых нелакированных дубовых вешалок, которые Эдис установила в прихожей. Снял шляпу и положил ее на узкую дубовую полку над вешалкой. Прошел через маленький вестибюль и остановился у входа в главную гостиную, занимавшую два этажа.

Несомненно, дом великолепен, сказал себе Палмер. Хотя к некоторым его особенностям — таким, например, как бетонноажурный фасад, — Палмер относился слегка иронически, он понимал, что Эдис создала шедевр.

Палмер нахмурился, вспомнив, что это слово уже опошлено. Использовано парой болтливых фотографов и грузной пожилой дамой, редактором какого-то журнала. Накануне вечером, придя домой, Палмер обнаружил их здесь — оборудование уже сложено, и сами они уже у двери. — Настоящий шедевр, — говорил один из фотографов. — Так редко в наши дни, прелестный *piéd a terre* [Временное пристанище (франц.)], — вступил в разговор другой.

— Это настоящий городской дом, — сказала усталая редакторша одному из репортеров. — Обычный скромный английский стиль.

— Да, мадам.

Палмер вспомнил вчерашний вечер. Когда, интересно, фотографии и статья появятся в журнале? Он был хорошо знаком с редакционной практикой и знал, что редакции журналов часто работают с шестимесячным загоном. Но если там решат напечатать статью до закрытия законодательного собрания, это может стать помехой для всей кампании.

Жены сенаторов и членов местных законодательных органов прочтут статью, ознакомятся с иллюстрациями. Найдут дюжину малоприятных способов выразить мужьям явное неудовлетворение своим собственным домом и еще более явную подозрительность к любой семье, живущей в таком доме, о котором сообщает этот журнал. Прошлым вечером, вспомнил Палмер, он был порядком рассержен на Эдис за данное журналу разрешение публиковать статью. Был рассержен, но промолчал.

Палмер медленно поднимался на второй этаж по винтовой лестнице. Звуки музыки и спора стали яснее.

— Привет!

— Здравствуй, дорогой. — Эдис появилась на пороге их спальни и помахала рукой. — Обед через 10 минут. Передай миссис Кейдж. — Она скрылась.

Палмер поднялся еще на один пролет лестницы — повидаться со своими двумя младшими детьми. Они оглянулись на отца, когда он остановился у двери в

спальню Джерри, и почти без передышки продолжали свой спор.

— Я не говорила, что ты можешь взять его, — настаивала Джерри.

— Ты не говорила, что мне нельзя взять его, — возражал Том.

— Я сказала, что, может, я тебе дам, но не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас он нужен мне.

— Тебе не нужно.

— Нет, очень нужно.

— Нет, совсем не нужно, ты врушка.

— Не называй меня врушкой, ты глупый идиот.

— По крайней мере я не врун, как ты.

— Ты хуже.

— Я...

— Стоп! — хрипло рявкнул Палмер. Откашлялся. — Здравствуйте, детки, — притворно сладко произнес он. — Так приятно смотреть, как вы развлекаетесь, мои милые малыши.

— Он дрянной маленький лгунишка.

— Она большая дрянная лгунья.

— Добрый вам вечер, дорогие дети, — продолжал Палмер. — Я всегда предвкушаю, как вы встретите меня после работы. У вас это так хорошо выходит.

Мальчик и девочка замолчали, хихикнули и вскочили на ноги. Они повисли на Палмере, что

называется, на двух уровнях. Том — у него на животе и на коленях. Джерри — на груди и на руках. В течение нескольких секунд Палмера толкали, тискали, пинали, крепко обнимали, ставили на колени, щекотали, наступали ему на ноги, щипали, бодали и даже царапали.

— Хватит!

Пока он с некоторым трудом выпутывался, Джерри критически осмотрела его:

— Опять эти темные штуки у тебя под глазами.

— Что значит «опять»? — спросил Палмер.

— Они у него всегда, — вставил Том.

— Только иногда, — возразила Джерри. — Иногда в конце дня.

— Длинный, тяжелый, изнурительный день, — объяснил Палмер, — за жарким, изнурительным столом.

— Умираю от голода, — заявил Том.

— Здравствуйте, мистер Умирающий, — начала Джерри. — Я рада...

— Хватит, — прервал ее Палмер. — Ты истрепала эту бедную несчастную шутку до ниточки. Выдай что-нибудь новенькое.

— Что одна стена говорит другой? — спросил Том.

— Встретимся на углу! — взвизгнула Джерри.

Палмер зажал ладонями уши.

— Джерри, — взмолился он, — потише!

— Что похоже на кокс, — спросила Джерри, — пахнет, как локс, и летает?

— Вымазанная коксом коробка с локсом в кабине самолета! — выкрикнул Том.

Палмер страдальчески закрыл глаза. Когда шум утих, он открыл глаза и спросил:

— Что такое локс?

Джерри пожала плечами:

— Какая-то рыба. Копченая.

— Нет, — заявил Том. — Локс — жидкий кислород. Его используют для ракетного топлива.

— Девочка в школе, — объяснила его сестра, — которая задала мне эту загадку, сказала, что локс — копченая рыба. Копченая семга.

— Она дура, — определил Том.

— В любом случае, — спросил Палмер, — что смешного в этой загадке?

Дети помолчали.

— Ты не понимаешь, — сказала наконец Джерри.

Палмер кивнул:

— Обед через десять минут.

Он спустился в холл, чтобы пройти в комнату Вуди. Остановившись у закрытой двери, он услышал резкую высокую нервную дробь барабана в сочетании с витиеватыми арабесками кларнета. Музыкальный вкус Вуди был отчетливо выражен. Оркестр, звуками которого он заполнял дом, по истинно новоорлеанской традиции использовал трубу вместо контрабаса. Палмер почувствовал, как у него где-то над левым глазом, внутри черепной коробки, начинается боль. Он постучал в дверь, подождал, постучал еще раз громче. Немного

подождав, открыл дверь и увидел своего старшего сына склонившимся над письменным столом с логарифмической линейкой. Палмер подошел к проигрывателю и резким поворотом ручки убрал громкость. — Во имя всех святых, как ты можешь сосредоточиться на чем-либо? — спросил он. Вуди посмотрел на него отсутствующим взглядом:

— А, привет!

— Обед через десять минут. Уже через пять.

Вуди кивнул:

— Пап, что ты знаешь о процентах?

— Все.

Вуди недоверчиво смотрел на него:

— Ты понимаешь, о чем я говорю... проценты на займы и всякое такое.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — терпеливо уверил его Палмер. — Что ты хочешь знать?

— Я должен сделать сообщение на тему: «Продажа в рассрочку».

— Это по математике?

— Нет, общественные науки.

Палмер отодвинул с полдюжины пластинок и сел на кровать Вуди.

— Какой пример они тебе привели?

— Он не приводил, — пожаловался Вуди. — Я должен придумать сам.

— Давай.

Мальчик тяжело вздохнул, и на его лице появилось угрюмое выражение.

— Человек покупает машину, стоящую 3000 долларов, — начал он монотонно, нараспев, стараясь показать, как надоело ему все это. — Продает свою старую машину за 1000 долларов. Выплачивает оставшиеся две тысячи в два года. Этот заем — семипроцентный. Семь процентов от 2000-140 долларов. На два года. Значит, кроме 3000, машина будет стоить ему еще 280 долларов в процентах. Правильно?

— Да.

— Ладно, спасибо, пап.

— Какое отношение имеют цифры к общественным наукам?

Угрюмая мина на лице Вуди уступила выражению крайней скуки.

— Убей меня, не знаю!

— Зачем тебе надо было решать эту задачу? Чтобы доказать, что ты знаешь простую арифметику?

Мальчик пожал плечами:

— Удовлетворить старого Филмера, я думаю. Это его идея, а не моя.

Палмер хотел было ответить резко, но сдержался.

— Хорошо. Убери со своего лица эту скучающую мину и слушай.

— Ну.

— Когда ты занимаешь деньги и выплачиваешь их по месяцам, — продолжал Палмер, — что делается с основной суммой?

— С чем?

— С основной, первоначальной суммой, которую ты взял в долг. Она становится больше?

— Меньше. — Вуди нахмурился, и тут же его лицо просветлело. — Конечно, меньше.

— Правильно. Если ты пошел в банк за двухгодовым займом в 2000 долларов на покупку машины, ты подпишешь бумагу на 2280 долларов. Иными словами, они дадут тебе 2000 наличными, которые ты обязан выплатить, приплюсовав к ним полные два года процентов. Понимаешь?

— Конечно. Это ведь естественно.

— Разве? — резко спросил Палмер. — Подумай об этом. Ты будешь платить более 10 долларов каждый месяц в течение двух лет. С каждой выплатой ты сокращаешь основную сумму займа. Но проценты ты платишь по-прежнему с 2000, так, как было установлено с самого начала.

— И что же?

— Тебе не кажется это странным?

Мальчик опять пожал плечами:

— Такой порядок. Что же тут странного?

Палмер почувствовал, что головная боль усилилась. Он потер висок и продолжал:

— Давай предположим, что ты получаешь другой вид займа, подобно закладной, по которой ты платишь

проценты за то, что в действительности должен. Первый месяц ты выплатишь с 2000 долларов. Но после года ежемесячных выплат ты останешься должен только 1000. Предположим, что каждый месяц, по мере того как сумма твоего долга уменьшается, ты платишь проценты только с оставшейся суммы. Как ты думаешь, сколько ты заплатишь за 2000 долларов при семипроцентном займе?

— 280. Я же сказал тебе.

— Нет. Ты заплатил бы около 70 долларов.

— Ты шутишь.

— Я серьезно.

Вуди долго смотрел на отца:

— Ты уверен, что прав?

Палмер встал.

— Да, — сказал он с ледяным спокойствием, — я уверен.

— Но тогда... в том, первом, случае ты платишь процентов в четыре раза больше.

— Ох! — Палмер с облегчением вздохнул. — Проблески.

— Думаешь, старый Филмер поверит всему этому?

— Проверь его. — Палмер пошел к двери. — Обед через одну минуту.

— Будь покоен, — пробормотал Вуди, снова занявшись логарифмической линейкой.

Палмер отправился вниз и заглянул на кухню к миссис Кейдж. Запах жареного бекона здесь был сильнее. Около 14 лет назад, когда родился Вуди, мать

Эдис предложила «отдать» миссис Кейдж Палмерам. Миссис Кейдж была худой, костлявой вдовой с длинным лицом, на котором рот с опущенными углами, близко посаженные глаза и острый нос, казалось, постоянно издавали молчаливый болезненный стон. Ее рот и подбородок были как бы взяты в скобки глубоких вертикальных морщин, и, когда миссис Кейдж разговаривала, нижняя часть ее лица двигалась вверх и вниз, как подвешенная челюсть у куклы-чревовещательницы. Несмотря на все это — плюс ревматические суставы, приступы астмы и шишки на больших пальцах ног, — миссис Кейдж показала себя за эти долгие годы умелой и заслуживающей доверия экономкой, способной в случае необходимости, как, например, сейчас, выполнять и дополнительные обязанности — на кухне, по крайней мере до тех пор, пока Эдис не найдет кухарку.

— Десять минут назад, — сказал Палмер, — я должен был передать вам, что обед через десять минут.

— Все в порядке, — отозвалась миссис Кейдж, — пошлите сюда Джерри помочь мне, и мы готовы, мистер Палмер.

— Хорошо.

Палмер вернулся в комнату Джерри еще раз взглянуть на своих младших детей.

— Давай, давай, — говорила Джерри, — но я никогда больше, за всю мою жизнь, не заговорю с тобой.

— Испугался, — отпарировал Том. — Смотри, я весь дрожу от страха.

— Еще испугаешься! Так испугаешься, если я...

— Все еще ссоритесь? — прервал Палмер. — Джерри, помоги миссис Кейдж. Том, покажи руки.

Мальчик протянул их ладонями вниз. — Они чистые.

— Поверни ладони вверх.

— Они чистые, — настаивал он.

— Настоящая Вшивая Мери, — пробормотала Джерри.

После долгого молчания Том тяжело вздохнул и пошел в ванную комнату в дальнем конце холла. Палмер мгновение наблюдал за ним, отметив, что для сына худощавых родителей ягодицы у него толстоваты.

Палмер отправился на второй этаж в семейную столовую. Включив свет, он увидел, что стол уже накрыт. Безуспешно попытался зажечь свечи карманной зажигалкой, потом сделал это спичками, найдя их в ящике буфета. Окинув взглядом стол, Палмер решил уменьшить верхний свет и перевел движок настенного реостата на несколько делений вниз. Стоя в полутьме, он некоторое время наблюдал удивительную игру красок на картине Шана на противоположной стене комнаты. Потом снова перевел движок реостата вверх и в резкой вспышке света увидел картину так, как привык ее видеть: двое мужчин сидят за скудным столом, крепко зажав в руках ложки и с какой-то тупой беспомощностью уставившись в тарелки перед собой. Рассматривая картину теперь уже более пристально, Палмер снова убавил свет. Беспомощность на лицах людей, казалось, сменилась яростным озлоблением. Странно. Он взглянул на противоположную стену, над небольшим камином из нестандартных старых кирпичей, и стал рассматривать лицо мужчины на картине Буфэ. Этот тоже сидел за

деревянным непокрытым столом, и перед ним, прямо на столе, лежала полуобглоданная рыба. В полутьме на его лице не было ничего, кроме глубоких, мрачных, голодных глаз. Палмер включил свет и увидел, что в лице человека ничего не изменилось. Никто так и не узнает, съел ли он рыбу сам или же смотрит на остатки чужого обеда.

Рядом с камином висел маленький ранний Брак — натюрморт из сыра, двух яблок, ножа и бутылки вина. Палмер немедленно убавил свет и заметил, что из всех предметов остался виден только нож. Удивительно. Может быть, ему удалось раскрыть какое-то новое свойство картин, размышлял он. Знали ли об этом сами художники? Он услышал, как Джерри и миссис Кейдж гремят посудой в соседней комнате.

Оставив верхний свет приглушенным, он вышел на лестничную площадку и посмотрел вниз, на два изгибающихся пролета лестницы, ведущей к входному вестибюлю. Ступеньки 180 на 25 сантиметров каждая, были сделаны из некрашенных дубовых досок более 7 сантиметров толщиной. Дерево матово просвечивало сквозь пластик, сплошь затягивающий ступеньки. Они были с пустыми подъемами, то есть как бы висели в воздухе, и Палмер попытался представить себе, как будет себя чувствовать пьяный человек, поднимаясь по этим с виду ненадежным ступенькам поздно ночью в темноте.

Думая об этом, он начал спускаться по лестнице, держась одной рукой за перила. У него появилось именно то чувство, которое он предвидел. Осторожно ставя одну ногу и нащупывая другой ступеньку, прежде чем доверить ей свой вес, Палмер испытывал такое ощущение, будто он идет по воздуху. Он добрался до

низа и повернулся туда, где, как он помнил, должен был находиться главный рубильник. Прищурившись, он стал разглядывать выключатели и обнаружил наконец один под названием «Лестничная клетка». Нажал кнопку. Свет скрытых на потолке второго этажа ламп превратил лестницу в скульптуру модерн. Палмер улыбнулся, разглядывая ее. Драматическая. Эффектная. Поразительная. Да.

Он повернулся к контрольному щиту и передвинул указатель диска на главную гостиную. Мягкий отраженный свет заполнил пространство. Это была единственная комната, которая сначала не понравилась ему, правда лишь потому, что она была чересчур велика. Весь нижний этаж дома, около 7,5 метра на 18, был в основном отдан под гостиную и маленькие подсобные помещения. Сравнительно небольшое фойе отнимало один угол гостиной. Лестница также занимала часть ее площади, но по плану лестница и была задумана как архитектурная деталь самой комнаты. В дальнем конце нижнего этажа, по всей ширине дома было расположено несколько маленьких помещений: винный чуланчик, ванная, подсобная кухня, соединенная лифтом для подачи блюд с основной кухней наверху. Под собственно гостиную оставалось около 7,5 метра на 15 с потолком высотой 7,5 метра и дубовым полом, выложенным нестандартным паркетом, передняя сплошь стеклянная стена была не занавешена. Алюминиевый переплет разделял ее на прямоугольники, сквозь которые был виден бетонно-ажурный фасад. Вечером прохожие имели возможность — и, кстати, использовали ее — заглядывать в гостиную через просветы фасада. Когда фасад задрапируется плющом и будет посажен кустарник, решил Палмер, тогда уменьшится впечатление

аквариума с золотой рыбкой. Но до этого, подумал он, прохожие могут научиться влезать по фасаду. Или может быть, не пользоваться комнатой по вечерам? На задней длинной стене, как ему казалось сейчас, когда он стоял у лестницы, главной деталью был камин — современное усовершенствование колониального очага, но такой огромный, что в нем могли поместиться во весь рост несколько человек. В самом центре камина помещалась простая черная чугунная подставка для дров и решетка шириной около двух метров. На решетке лежало несколько поленьев, рядом с ними каминные принадлежности и черная железная зажигалка экзотического вида.

— Эта черная штука опасна, — говорил он Эдис.

— Ею пользуются больше ста лет.

— Этой, что у нас?

— Да.

— Разве ничего поновее не изобретено?

Теперь, изучая комнату, Палмер опять чуть не забыл обратить внимание на ее краски. Пол красивый, решил он, разделяя склонность Эдис к нелакированному дубу. Стены и камин были белые. Двери в маленькие задние комнаты были черные, так же как каминные принадлежности. И действительно, заметил он, еще раз изучив комнату, картины несколько спасали положение. Каждая из них была расположена под своей собственной лампой, что смягчало белизну стен и усиливало яркость масляных красок. Но все остальное никак не улучшало вид комнаты. Низкие стулья и диваны были обиты тканью, похожей на черно-белую древесную кору.

Несколько зеленых растений стояло в белых и черных деревянных передвижных кадках на колесиках.

Когда как бы невзначай и очень спокойно он сказал Эдис о невыразительности красок, она приняла его замечание за комплимент. — Конечно, — ответила она, — так и было задумано, чтобы находящиеся в комнате люди украшали ее.

— Ты имеешь в виду женщин?

— Возможно, — сказала она, — я смогу достать несколько небольших одноцветных ковров.

Палмер слышал, как семья собирается наверху за обеденным столом. Он вернулся к контрольному щиту, выключил свет и поднялся теперь уже по невидимым ступенькам.

То же самое чувство обособленности, какое он испытал в машине по дороге домой, охватило его и теперь, когда он на секунду задержался посреди длинного, изгибающегося пролета лестницы. Он прислушался к коротким репликам, которыми обменивалась Эдис с миссис Кейдж, слыша, собственно, только голоса, а не слова. И в это время Палмер неожиданно отметил в душе другое ощущение, почти такое же сильное, как и чувство обособленности.

Сначала он не мог подыскать ему названия. Оно было как-то связано с обособленностью, и все же это было нечто иное. Довольно-таки сильное чувство, делающее уединение приятным, даже волнующим.

Потом он понял. В течение всех этих месяцев в Нью-Йорке он вел, так сказать, беспочвенное гостиничное существование. Все изменилось и стало прочным после их переезда в этот дом. Теперь он опять

играл свою обычную роль — отца семейства в своем собственном доме; хозяин дома, даже если только в юридическом смысле этого слова, мужчина, обремененный ответственностью и собственностью.

Эта роль — по крайней мере так, как он исполнял ее в Чикаго, — предполагала и кое-что другое: помощь по дому, постоянный, пусть даже неосознанный контроль за ведением домашних дел, указания миссис Кейдж и детям.

Иными словами, решил Палмер, теперь он полностью восстановлен в качестве *pater familias* [Отец семейства (лат.)]. Но существование Вирджинии Клэри придавало всему этому как бы дополнительный аспект.

Впервые Палмер увидел, какова была, в сущности, эта роль. И он понял теперь, что это были две роли. Он, как актер, вел двойную жизнь. И пока есть два Палмера, которых надо играть, ни один из них не настоящий. Вся жизнь целиком стала вымыслом.

Палмер криво улыбнулся в темноте. Теперь он разобрался в обоих ощущениях. Обособленность была, как у актера. И тесно связанным с обособленностью было сознание того, что на тебя смотрят.

Отец семейства. Любовник. Не всякий может одновременно справиться с такими ролями, подумал он. Не всякий мог бы играть и мужчину и юношу. Неожиданно ему пришло в голову: а вообще ктонибудь когда-нибудь мог?

— Вудс, дорогой.

— Иду.

Он стал подниматься вверх, сначала медленно, неуверенно, по невидимым в темноте ступенькам, там,

где стало светлее, ускорил шаги. Остановился у входа в столовую. Эдис включила полный свет. Комната выглядела ослепительной, а лица детей симпатичными и почти чистыми.

— Занавес поднят!

Глава тридцать седьмая

К тому времени, когда поезд отошел от Сто двадцать пятой улицы Манхэттена и загромыхал к северу, направляясь в Олбани, все места в салон-вагоне уже были заняты. Но Палмер был одним из немногих пассажиров, кто заранее заказал себе место. Остальные постепенно заполняли вагон с той нарочитой незаинтересованностью, которую Палмер очень часто замечал у людей в поездах или на океанских лайнерах, особенно в первый день путешествия. С таким подчеркнутым безразличием входили они в салон-вагон, по-видимому надеясь, что подлинная причина их появления вполне замаскирована демонстративно небрежной манерой: «Раз уж мы оказались здесь, почему бы нам не пропустить по рюмочке».

Палмер маленькими глотками тянул виски и поверх стакана наблюдал за своими попутчиками. Совершенно очевидно, решил он, что, в сущности, мало кому из них была так уж необходима выпивка. В самолетах другое дело: алкоголь — хорошее успокоительное средство для нервных путешественников. Но салонвагон, отметил Палмер, привлекал пассажиров возможностью побеседовать друг с другом и хотя бы относительной свободой передвижения, которой они были лишены на своих сидячих местах в купе. Имея в перспективе четыре часа ничегонеделания, подумал Палмер, американцы предпочтут почти любое занятие сидению на одном месте.

Потому что, продолжал он рассуждать про себя, когда неподвижно сидишь на одном месте, невольно

отключаешься от окружающего и остаешься наедине с самим собой. То есть обнаруживаешь, что начал думать.

Продолжая потягивать виски, Палмер усмехнулся. Чего-чего, а размышлений американцы привыкли избегать. Это громогласно подтверждали киоски железнодорожных станций и аэродромов. Тонны бумаги и яркой типографской краски были израсходованы на журналы и книги в мягких обложках — все эти расхитители времени, которые гарантировали заполнение утомительных часов бездействия, смертельно долгих часов, когда в дверь твоего сознания стучатся непрошенные мысли.

Палмер повернулся в кресле, чтобы взглянуть в окно. Быстро угасали последние лучи зимнего солнца. Еще мгновение ландшафт оставался отчетливо броским — ярко-желтые, резко черные краски и слабая розовая дымка. Потом небо на западе стало таким же темным, как и над головой. Контрасты исчезли. Ночь выровняла холмистый пейзаж, и там, где только что были тени домов и перекрестки, вспыхнули яркие искры огней.

Палмер легонько вздохнул — он рассчитывал еще на несколько минут заката. Кто-то ему рассказывал — Вирджиния? — о красоте дороги в долине Гудзона. А сейчас выходило, что до Олбани эта дорога не покажет ему ничего, кроме отдельных кусочков сельского ночного ландшафта. Он закрыл глаза и в конце концов задремал.

На древней станции города Олбани негр-шофер в темно-синей форме дотронулся до околыша фуражки:

— Мистер Палмер, сэр?

Палмер отдал ему свой единственный чемодан и прошел за шофером вдоль окутанной дымом открытой

платформы и потом один пролет вниз по бетонным ступенькам, провонявшим мочой. У обочины тротуара стоял длинный серый «флитвуд». Шофер открыл Палмеру дверцу машины. Внутри было неприятно жарко.

— Мистер Бернс предложил ехать прямо к клубу «Форт Орандж», сэр, — сказал шофер, включая скорость.

Пока «флитвуд» катил вдоль широкой авеню, Палмер делал все возможное, чтобы не поддаться снова раздражению, которое выбило его сегодня днем из колеи после международного звонка Бернса. У Палмера уже был куплен билет на завтрашний самолет в Сиракузы и обратно. Вместо этого Бернс настоятельно посоветовал ему выехать на день раньше и провести какое-то время вместе с ним в Олбани. Он сказал, что на следующий день отвезет Палмера в Сиракузы на своей машине, а потом привезет назад в Олбани еще на несколько совещаний.

Поскольку, решил сейчас Палмер, он не имеет никакого понятия, почему Бернс предложил изменение в программе, то и не ему склонять эту идею. Впрочем, у него было некоторое нежелание уезжать из Нью-Йорка на день раньше. Было ли это, спросил себя сейчас Палмер, нежеланием потерять вечер с Вирджинией?

Или же он был недоволен тем, что теперь вернется в Нью-Йорк лишь накануне рождества и ему едва хватит времени сыграть свою роль в семейных торжествах.

А может быть, раздумывал он, пока большая машина разворачивалась и подъезжала к противоположной стороне улицы, просто я терпеть не могу говорить Бернсу «да»,

Клуб «Форт Орандж» — несколько этажей асимметричной темной массы в стиле старой готической архитектуры — светился в ночной тьме всеми своими окнами. Палмер вслед за шофером вошел в здание и остановился в просторном фойе, не зная, что делать дальше. Навстречу ему из-за конторки в углу поднялся пожилой клерк.

— Вас ожидают, мистер Палмер, — произнес он высоким надтреснутым голосом.

Палмер дал шоферу на чай и отпустил его.

— Я полагаю, мистер Бернс заказал комнату?

— Да, мистер Палмер, 26, — ответил портье. — Я отнесу ваш чемодан наверх, если желаете. Мистер Бернс ожидает вас в комнате отдыха.

Палмер повернулся и стал подниматься по лестнице. — Передайте ему, что я приехал, — сказал он, сдерживая улыбку.

— Сейчас, сэ. — Служащий побежал за чемоданом, но вдруг остановился. Переминаясь с ноги на ногу, он никак не мог решить, что надо сделать в первую очередь: взять чемодан или сообщить Бернсу. — Сию минуту, сэ, — повторял он. — Сию минуту.

Пройдя примерно полпути наверх по широкой лестнице, Палмер обернулся и придал лицу максимально недовольное выражение, дабы портье смог снизу увидеть его хмурюю мину. Тот заметил ее и бросился вверх по лестнице, чтобы проводить в номер.

— Могу я передать мистеру Бернсу, что вы сейчас спуститесь? — спросил портье, открыв комнату и поставив чемодан Палмера на место.

— Просто сообщите ему, что я приехал.

Портье ушел. Палмер постоял посреди комнаты, с недоумением спрашивая себя, почему бы ему не иметь номер, меблированный в современном стиле в «Де Витт Клинтон», в «Тен Эйк» или вообще в любом из отелей деловой части города. Конечно, было очень похоже на Бернса поселиться здесь в клубе, потому что сюда часто наведываются политические деятели и останавливаются лица, занимающие высокие посты. Но почему, спросил себя Палмер, лица, занимающие высокие посты, должны испытывать те же неудобства, что и политиканы?

Хотя комната была довольно большая, она казалась тесной от избытка громоздкой мебели, в большинстве своем мореного дуба с темной кожаной обивкой. Между широкими медными спинками кровати лежал пухлый матрас. По всей вероятности, настоящая перина, с отвращением подумал Палмер. Спать в такой постели — все равно что в чреве гигантского ископаемого.

Палмер осмотрел ванную комнату и обнаружил, что она почти такая же большая, как и спальня. Ее оборудование было массивным, но обладало некой слоновой элегантностью, делавшей почти незаметными и треснувший фарфор, и потускневшие водопроводные краны. Палмер отметил, что здесь можно принять ванну, но не душ. Вернувшись в спальню, он снял пальто, пиджак, рубашку. Он умывался, когда услышал стук в дверь номера.

— Войдите.

— Вуди, деточка?

Палмер вытер лицо и вышел поздороваться с Бернсом. Мужчины постояли, не говоря ни слова. Палмер

— в брюках и нижней рубашке с растрепанными волосами, Бернс — в одном из своих итальянских костюмов узкого покроя, в белоснежной рубашке на подкладке и галстукe с серебряной вышивкой; его желтые волосы были расчесаны щеткой до матового блеска. В обеих руках он держал по полному стакану. Когда он протягивал один из них Палмеру, блеснула запонка на рукаве его рубашки.

— Привет, старик!

Палмер взял стакан, молча поднял его и начал пить маленькими глотками. — Посиди, пока я буду одеваться. — Отставил стакан и стал рыться в чемодане в поисках чистой рубашки. Найдя ее, заметил, что миссис Кейдж — в который уж раз — загладила складку на одном из уголков воротничка.

— Ву-у-ди! — с чувством протянул Бернс, дав слову несколько секунд повисеть в воздухе. — Вуди, лапочка! У тебя ужасно огорченный вид, дорогой. Хорошо доехал?

Палмер покачал головой:

— Я предпочел бы полететь в Сиракузы завтра днем и вечером вернуться домой. Что тут за пожар?

Бернс вздохнул и сел в огромное кожаное кресло, которое немедленно поглотило его.

Надевая рубашку и разглядывая Бернса, Палмер заметил, что он выглядит очень утомленным.

— Неважнецкий вид, а? — спросил тот, по-актерски мгновенно уловив реакцию зрителя. — Я тут вращался и изощрялся ради тебя, Вуди, дорогой. Я царапался и цапался за ЮБТК. Последние восемь дней я спал в

среднем по три-четыре часа. То есть, если вообще ложился.

— Сожалею, — сказал Палмер, заправляя рубашку в брюки. — Но повторяю, почему мне нужно было так спешить сюда?

Бернс посмотрел на него прищурясь:

— Ты чем-то недоволен, дорогуша?

— Нет, просто любопытствую.

— У тебя такой тон, будто ты на меня злишься.

— Нет, — соврал Палмер. — После поезда я не отличаюсь обаянием. Особенно когда мне не совсем ясно, зачем я ехал.

— По многим причинам, — ответил Бернс. — Твое физическое присутствие здесь почти так же важно, как и любая из остальных причин.

— Показать в обществе нужных людей. Эта причина?

— Лишь отчасти, Вуди. Мы спустимся в комнату отдыха и поболтаем с некоторыми руководителями демократической партии. Это произведет хорошее впечатление. Потом мы поедem на сборище, которое организует в «Тен Эйк» одна из шишек республиканской партии. Но это только часть дела. Ты нужен мне здесь, чтобы подкрепить то, что я всю неделю продавал этим деятелям.

— Не думаю, чтобы этих деятелей оказалось тут много накануне рождества.

— Они разъезжаются завтра. Поэтому я и настаивал на твоem срочном приезде. Сегодня последний вечер для

подобных мероприятий. А после окончания каникул, тошно подумать, начнется сессия. Так что сегодня или никогда.

Палмер вытащил из чемодана новый галстук и посмотрел на себя в длинное тусклое гардеробное зеркало.

— Чем же ты забавлялся здесь?

— Мечтаниями. Чем еще я могу заниматься?

— Что за мечтания?

Бернс пожал плечами. Палмер поймал это движение в зеркале и мгновение смотрел не на свое отражение, а на Бернса.

— Что-нибудь конкретное?

— Некоторые местные ребята могут быть нам полезны — юристы в основном. Я разъяснил им, что для их клиентов, которым нужны займы, сберегательные банки не могут сделать ни черта. Только коммерческие банки могут им помочь.

— Ты давал какие-нибудь обязательства?

— Насчет голосования? Слишком рано.

— Я имею в виду займы.

— Насчет займов? Я? — Бернс повернул руки ладонями вверх. Сложил их и прижал к груди. — За кого ты меня принимаешь — за дурака какого-нибудь, что ли?

— Просто спросил.

— Вуди!.. — И опять слово, казалось, повисло над их головами. — Вуди, деточка, — продолжал Бернс, — ты, ей-богу, злишься на меня. Признайся.

Палмер скорчил зеркалу гримасу, сердясь на себя за то, что не сдержался и продемонстрировал Бернсу свое недоверие. Прежде чем ответить, он старательно завязал галстук. — Мак, — начал он, — я полностью доверяю твоему благоразумию. Я доверяю твоим суждениям, твоей политической проницательности, твоей преданности, твоей энергии. Единственная вещь, которой я не доверяю, — это твоей способности быть банкиром. Как банкир ты никуда не годился бы. Вот почему, когда ты сказал, что ведешь переговоры о деловых займах, я действительно удивился. Улыбка расколола узкое лицо Бернса, его тонкая нижняя губа оттопырилась от удовольствия.

— Я не банкир, нет. Верь мне, деточка, я это знаю. Но я и не дурак. Финансовые детали я оставляю тебе.

Палмер повернулся и посмотрел на него в упор.

— Поэтому я здесь? Чтобы говорить о займах?

Длинные худые руки Бернса рванулись к Палмеру ладонями вверх в красноречивом жесте отрицания.

— Никогда, Вуди, дорогой, я не поставлю тебя в такое положение. Подумай, кто поверил бы намекам Мака Бернса на займы? Но когда Мак Бернс и Вуди Палмер толкаются по Олбани вдвоем, тогда уже верят. Намеки могут так и не стать делом никогда, даже через миллионы лет, но им верят. Так я и сказал тебе, Вуди, я занимался мечтаниями.

— Как я и сказал тебе, Мак, именно поэтому ты никогда не станешь банкиром.

Бернс некоторое время молчал.

— Спасибо, — произнес он наконец.

— Ты не должен считать это комплиментом.

— Не за это. За исправление моей грамматической ошибки.

— Какой ошибки?

— Не притворяйся, Вуди. Я сказал: «Так я и сказал», ты поправил: «Как я и сказал». Как я и сказал, Вуди, я не дурак. И спасибо за намек.

— У меня этого и в мыслях не было. А теперь, кто на кого сердится?

Желтовато-карие глаза Бернса глядели невозмутимо, почти равнодушно. Потом в них появилась усмешка.

— Прости, старик, — сказал он, — Когда я буду знать тебя лучше, я объясню, что происходит со мной от подобных вещей, — он постучал себя в грудь. — Внутри.

Палмер разгладил галстук вдоль пуговиц рубашки и, придерживая его рукой, приколот изнутри булавкой с белым шариком на конце. Неожиданно ему пришло в голову: что, если бы не Вирджиния, а Бернс нашел булавку, которую он уронил тогда в его квартире? Он потрянул головой, как бы переводя свои мысли на главный путь.

— Тем не менее у меня есть кое-какие сведения для тебя, — сказал он.

Выражение полного безразличия снова появилось на лице Бернса.

— Да? — Слово прозвучало плоско, без малейшей окраски.

— Биржевые сведения. Хочешь?

Бернс усмехнулся:

— В любое время, лапочка.

— Они, наверно, покажутся тебе забавными, — начал Палмер. — Может быть, «забавными» не то слово. Банальными. Я говорю об акциях ЮБТК.

Бернс рассмеялся:

— Вот это новость. Они поднимаются уже в течение месяцев.

— Но медленно.

— Ты предсказываешь большой скачок?

— Когда он начнется, акции ЮБТК за два дня поднимутся на 10 пунктов.

Брови Бернса медленно сдвинулись:

— Почему?

— Никаких комментариев. Просто сведения.

— Хорошо. Когда?

— Это — единственное, чего я не могу сказать определенно.

— Забавно, что ты не знаешь.

— Если бы я сам каким-то образом готовил этот скачок, — объяснил Палмер, — тогда я мог бы сообщить тебе «когда». Но от меня это не зависит. И ни от кого в ЮБТК.

Бернс подался в кресле вперед.

— Тогда от кого же?

Палмер пожал плечами. Он взял свой стакан, сел в кресло, через кровать от Бернса.

— За неизвестного благодетеля. Бернс автоматически поднял свой стакан, но выпить забыл. — Вуди, деточка, не разыгрывай меня. Откуда ты взял все это?

Палмер медленно выпил и, открыв чемодан, вытащил оттуда несколько папок.

— Списки сделок, — сказал он. — Начиная с 30 октября. Кто продавал. Кто покупал. Все здесь.

Бернс встал и медленно, широко обошел кровать. Палмер следил за ним. Бернс избрал самый длинный путь, видимо, стараясь не выдать своего неожиданного интереса к спискам. — Что же там такое? — спросил он.

— Кто продавал, кто покупал.

— Ну-ну. Но что это тебе говорит?

— Ничего.

— Совсем?

— Абсолютно ничего.

Бернс склонил голову набок.

— Ты разыгрываешь меня, Вуди?

— Он вернулся к своему креслу и опустился в него. Палмер заметил, что списки перестали его интересовать.

— У нас есть время для разговора? — спросил Палмер.

— Пять-десять минут.

— Ты помнишь большую битву, когда Роберт Р. Янг захватил контроль над «Нью-Йорк сентрал?»

— Конечно. Кто не помнит?

— Мой отец был довольно-таки крупным акционером, частным, а не как представитель банка. Будучи преданным администрации Уайта, он был абсолютно уверен, что Янг не сможет забрать у них «Сентрал». Когда началась большая открытая баталия, он следил за каждым ударом, и, даже когда она закончилась победой Янга, мой отец все еще не мог этому поверить.

— Но это было, в самом деле, удивительно.

— Несмотря на весь свой опыт, отец не имел представления, как в наши дни достигается победа в битве на высшем уровне, за руководство. Он думал, что шум и драка свидетельствовали лишь о крупной заявке Янга на покупку акций.

— А разве было не так? — спросил Бернс.

Палмер улыбнулся, потягивая напиток.

— Мы никогда не узнаем наверняка. Видишь ли, в наши дни к тому времени, когда начинается открытая битва, остается только шум — все остальное уже позади. До того как битва становится гласной, она ведется в глубине, во тьме и в тайне. Те, кому принадлежит власть в компании, спокойно занимаются своим делом, совершенно не замечая назревающей битвы. Время от времени до них доносится какой-то шум. Это, конечно, инакомыслящие держатели акций. Вечно они шумят. Но руководство не замечает действительного положения вещей. Очень осторожно, небольшими порциями акции скупаются везде, где только возможно. Сто здесь, пятьсот там. Тысячу — сегодня и тысячу — завтра. Все это представляется нормальной активностью. То есть выглядит так, как задумано.

Бернс покачал головой:

— При таком темпе у кого-то вся жизнь уйдет на захват контроля.

— Иногда скрытые маневры длятся годами. Их нельзя ускорять. Слишком большая активность вызвала бы подозрения.

— Ясно. — Бернс взглянул на часы.

— Если мы должны бежать, — сказал Палмер, — я могу закончить свой рассказ когда-нибудь в другое время.

— Нет, нет. Продолжай.

— Я тебе не надоедаю?

— Я постигаю высший класс интриганства, Вуди.

— Могу держать пари, что постигаешь. — Палмер отпил немного виски. — Ну, ладно. Терпеливую скупку акций нельзя ускорять и по другой причине: это может вызвать резкий скачок цен на бирже. Он нежелателен. Приведет к тому, что вся операция станет слишком дорогой раньше срока. Залог успеха в том, чтобы цена держалась более или менее на своем обычном уровне, опускаясь или поднимаясь лишь на несколько пунктов. Тогда, откинув забрало, вы предлагаете десять пунктов премии любому, кто продаст вам крупный пакет акций. Вы уже скупили все, что смогли, по рыночной цене. Теперь подготовительный период окончен, и вы начинаете скупать по 5000 акций. Насколько я помню, такая техника уже срабатывала несколько раз. Но бывало, она и проваливалась, если кто-нибудь проявлял неосторожность. Или если цена поднималась слишком быстро. Или администрация банка догадывалась о том,

что происходит. Или у стремящейся к власти группы иссякали деньги.

Бернс, на его узком лице полное безразличие, смотрел куда-то в пространство. Палмер молчал уже почти целую минуту, когда Бернс неожиданно сообразил, что рассказ окончен. Он быстро поднял глаза, взял свой стакан и сосредоточенно и деловито начал пить виски маленькими глотками. Потом встал и подошел к зеркалу шкафа. Постоял там, разглядывая себя, и потрогал один из темных мешков под глазами. Хмурясь, он взглянул на свои светлые волосы и пригладил их ладонью. Секунду спустя пошел в ванную комнату. Палмер услышал шум струи, льющейся из крана. Потом все стихло. Бернс вернулся с полным стаканом воды. Остановился и стал неторопливо пить. Его желтые глаза медленно двигались вдоль ряда гравюр на стене. Он вздохнул.

— Давай посмотрим, правильно ли я тебя понял, — наконец произнес он.

— Пожалуйста.

— Ты говоришь, что кто-то намеревается вытеснить администрацию Бэркхардта? Поэтому цена на акции растет? И именно поэтому она подскочит на 10 пунктов в один из ближайших дней?

— Правильно. Если все пойдет хорошо у нашего тайного претендента.

Бернс показал на списки, лежащие на коленях Палмера.

— Ты не можешь догадаться, кто он?

— Ну, разве это не было бы проявлением глупости с его стороны, если бы я мог? Здесь имена, о которых

никто никогда не слышал. Эти люди разбросаны почти по всем Соединенным Штатам. И ты можешь быть уверен, что все это доверенные неизвестных корпораций, вкладчики-пенсионеры, небольшие частные фонды и страховые компании, двоюродные братья, племянники, незамужние тетки, секретари и бог знает кто еще.

— Как они заставили этих людей покупать?

— Это самое легкое. Стремящаяся к власти группа гарантирует, что акции поднимутся в цене. Так и должно быть по самому характеру операции. Эта группа не будет выкупать назад акции у разрозненных держателей. Просто ей надо иметь молчаливых вкладчиков, поддерживающих ее стремление к власти.

— Я это понимаю, — уверил его Бернс. — Что я пока еще не усек, Вуди, это почему кто-то хочет захватить контроль над ЮБТК? Кому это нужно? И главное, у кого найдется столько денег, чтобы завладеть контрольным пакетом?

— Имея шанс на победу, деньги всегда можно найти.

Бернс медленно покачал головой. — Плохо дело, — пробормотал он. — Плохо.

— Какая его часть. Мак? Что кто-то пытается это сделать... или же то, что я слишком скоро докопался до сути?

Бернс уставился на него:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я и сам не уверен. Может быть, ничего. Может быть, просто выстрел наугад.

Бернс долго не отрывал от Палмера взгляда, настороженного, в упор. Наконец он отвел глаза в сторону. — Ну, ладно, я думаю, для денежных парней, вроде тебя, это все чепуха.

— Это никогда не чепуха, если случается с твоей собственной компанией.

— Да, пожалуй. Что же ты собираешься делать?

Палмер допил стакан и встал.

— Так случилось, что у меня нет акций ЮБТК. Я просто служащий. Это забота Бэркхардта.

— А он знает?

— О манипуляциях? Должен знать. Я сказал ему.

— А? — Бернс задумчиво наморщил лоб. — Ладно, старина, это не вносит изменений в нашу миссию здесь, сегодня вечером, не так ли? Мы все-таки должны ободрать еще несколько сберегательных банков.

— Что мы и сделаем. — Палмер надел пиджак и направился к двери.

— Конечно, если это не меняет положения, — осторожно добавил Бернс.

— А почему это должно менять? — Палмер остановился, чтобы взглянуть на него. — Одно к другому не имеет отношения. Он увидел, что Бернс медлит. Попытался прочесть что-нибудь на его замкнутом лице. Ведь он нарочно представил Бернсу положение на бирже как самостоятельный маневр. И ясно подчеркнул, что борьба за контроль над ЮБТК не имеет ничего общего с борьбой со сберегательными банками. В действительности, размышлял Палмер, оба маневра били в одну цель. Ведь простой скупкой акций нельзя добиться

контроля над такой большой корпорацией, как ЮБТК. Бернс был прав в одном: не у каждого есть такие деньги.

Но в такой борьбе деньги не единственное оружие, подумал Палмер. Дискредитируя дирекцию банка, можно переменить большинство акционеров в свой лагерь. В конечном счете количество приобретенных акций не имело значения. Главное — на чью сторону встанут крупные акционеры. Если удастся изобразить Лэйна Бэркхардта шизофреником, лихорадочно сводящим счета со сберегательными банками и обреченным в конечном счете на позорное поражение, тогда у тебя появится оружие более ценное, чем деньги.

— Пошли вниз заниматься политикой, — предложил наконец Палмер.

— Пошли. — Бернс усиленно разыскивал что-то в комнате. Он зашел в ванную, спустя мгновение вышел оттуда с недоумением на лице. — У тебя есть «клинексы», старина?

— Вряд ли.

— Я подхватил небольшой насморк, а у меня они кончились.

— В сигаретном ларьке должны продаваться маленькие пачки.

— Верно. — Бернс подошел к Палмеру, стоящему у двери.

Мягко улыбнулся ему. Какое-то мгновение его тигриные глаза смотрели ласково.

— Я был уверен, что у тебя-то есть «клинексы», Вуди, деточка.

— Почему у меня?

— Не знаю. — Улыбка медленно расширилась. — Просто у меня создалось впечатление, что ты ими часто пользуешься.

Бернс открыл дверь и вышел из комнаты.

Глава тридцать восьмая

Хотя Палмер и просил, чтобы на следующее утро его разбудили в 10 часов, он был еще в постели в одиннадцать. Дежурный позвонил ему в десять, и Палмер попросил задерживать все дальнейшие звонки. Еще час он спал урывками: что-то вроде нервного забытья с короткими, напряженными сновидениями, почти не отличающимися от реальности.

В одном из таких снов Палмер завтракал с Бэркхардтом. В середине их разговора Палмер поднял свою салфетку и обнаружил, что это тонкий листок «клинекса». Палмер проснулся, перевернулся на спину и лежал не двигаясь, пока сон опять не овладел им. Последний сон был самым длинным. В нем он пробирался сквозь обычную для обеденного времени толпу на Пятой авеню, все двигались в одном направлении, а он — в противоположном. Он очутился где-то южнее собора святого Патрика и севернее Публичной библиотеки, около бюро путешествий или конторы авиакомпании. В окне он увидел отражение женщины, остановившейся рядом с ним на улице. Он повернулся и радостно приветствовал ее. Они обнялись. У нее не было рук.

Палмер сразу же проснулся и попытался решить, к чему был сон о «клинексах». Воспоминание о безрукой женщине ему легко удалось подавить в себе. Думая о сне про «клинексы», в общем-то не нуждавшемся ни в каком объяснении, он в конце концов забыл другое сновидение.

На этот раз уже совершенно проснувшись, он сел в кровати и с удивлением подумал о своей странной сонливости. Бернс привез его назад в «Форт Орандж» в два часа ночи после скучного вечера в одном из отелей в

деловой части города. Потом, уже в салоне клуба, собралась небольшая компания. Здесь Палмер немного выпил. Он вспомнил, что лег спать не позже трех часов ночи. Может быть, даже раньше.

Из всех событий прошедшего вечера лучше всего Палмер помнил вечеринку в отеле. Присутствовали почти одни мужчины — лишь немногие из них с женами — и еще несколько женщин. Палмер не слышал, чтобы эти женщины много говорили. Беседу вели преимущественно мужчины: старые, пожилые, худые, полные; мужчины с носовым произношением западных округов штата НьюЙорк, почти таким же, как и у жителей Среднего Запада; ньюйоркцы с гортанными взрывными согласными и мягкими шипящими; тут были люди важные, влиятельные, люди, ищущие чем бы поживиться, и просто партийные политиканы.

Это публика не моего круга, подумал Палмер.

Обеспокоенный снобизмом этой мысли, он снова лег и попытался оправдать себя. Разве политиканы — настоящие люди? Не противоестественно ли уже само по себе то, что они берут деньги у соседей с целью представлять их пожелания в органах государственной власти? Или же ощущение фальши исходит от многочисленных хитроумных способов, посредством которых им удастся предотвратить осуществление этих пожеланий? Не был ли это, спросил себя Палмер, особый род людей, решивших зарабатывать на жизнь, будучи избранными на те или иные должности в государственные учреждения. Он точно знал, что лишь человек определенного типа может стать классическим банковским служащим. Посвящение своей жизни банку было трусливым бегством от суровых испытаний

действительности. Банковский служащий стоит всего на одну ступень выше обычного чиновника, который в свою очередь лишь чуть выше рядового военнослужащего мирного времени. Все купили постоянную обеспеченность, пожертвовав собственным достоинством. Все променяли рискованную погоню за мечтой на прочный комфорт жизни без неожиданностей.

Как бы ни объяснял политикан причину выбора своей карьеры, он был, в сущности, самым пустым из всех Luftmenschen [Прожектёры (нем)]. Он имел дело с верой, доверием — самым хрупким товаром. Купля и продажа начинались с того, что он обещаниями покупал доверие своих избирателей. Его карьера строилась на вере в людей, с которыми он совершал свои сделки, на вере в их способность доверять, а также на их вере в его аналогичные способности. Не сделки, поправил себя Палмер. Как там их называл Мак Бернс? Контракты? Да. Слово, заимствованное из коммерции, дававшее плоть и кровь этому сомнительному обмену доверием. И над всей рыночной площадью, где производился этот товарообмен, довлела атмосфера общей веры в демократию. Эта вера, единственное определение которой было «слепая», заставляла людей снова и снова приходить на избирательные участки, несмотря на предательства, несмотря на разочарования. Усталые, но все еще не потерявшие надежд, они преодолевали мучительный путь возвращения к избирательным урнам мимо гниющих трупов старых обещаний, Палмер сел в постели и опустил ноги на пол. Полые медные трубки кровати приглушенно зазвенели, как тарелки. Ливанец? Палмер задумчиво посмотрел на глубокое кожаное кресло: интересно, свидетелем скольких предательств оно было? Палмер встал и подошел к окну. Почему он

позволил Бэркхардту вытолкнуть его на одну арену с этими политиканствующими животными? Разве увлекательная работа — такой она ему была обещана — значила для него столько, чтобы переварить даже это? Почему он не отказался от должности, узнав, чего ждет от него Бэркхардт? Вместо этого он обрек себя на вечера вроде вчерашнего, среди типов, чуждых не только ему, но и всему роду человеческому, с их болтовней о контрактах, с их вечной торговлей верой, похожих на обезьян в клетке, обменивающихся блохами.

Конечно, сказал себе Палмер, глядя в окно, некоторые деятели очень заняты. Люди типа Калхэйна, например, с их необъятной властью привлекали к себе внимание, и с ними можно было вести дела. Но крохоборствующие ничтожества, с которыми он провел вчерашний вечер, защищая какие-то проданные им Бернсом вопросы доверия, эти ничтожества были скучные, в чем-то неуловимо нечистоплотные, не злонамеренные, не развращенные, и тем не менее именно они были могильщиками демократии, тупыми, ленивыми могильщиками.

Случайно ли это, с интересом подумал Палмер, что в течение последних лет многие ведущие политические фигуры не были профессиональными политиками. Правда, им был Трумэн. Но его в Белый дом поставила смерть. Рокфеллер и Кеннеди, несомненно, были охотниками за голосами. Но само их богатство — если ничто другое — не позволяло назвать их профессионалами, ведь профессиональные политические деятели зарабатывали этим себе на жизнь. Здесь уже был слабый проблеск надежды, что некоторые

избиратели не хотят больше терпеть профессиональных политиканов в высших выборных органах.

Палмер резко повернулся и подошел к телефону.

— Мистера Бернса, пожалуйста. Где бы он ни был.

Дежурному администратору понадобилось почти пять минут, чтобы разыскать Бернса, который, вероятно, был где-то в городе.

— Вуди, деточка, уже проснулся?

— Мак, не надо везти меня в Сиракузы. Я возьму здесь машину напрокат и после сегодняшней речи полечу из Сиракуз прямо в Нью-Йорк.

— Дорогуша, для меня же это одно удовольствие. Мне будет приятно отвезти тебя.

— Нет необходимости. Здесь, в Олбани, я выполнил то, что ты от меня хотел.

— Зачем ты так говоришь?

— Я говорю искренне. Ты сможешь вернуться в Нью-Йорк сегодня, и я тоже. Иначе сегодня вечером нам придется ехать на машине обратно в Олбани и мы попадем в Нью-Йорк только завтра.

— Гм. Разумно. Но я хотел еще кое о чем поговорить с тобой.

— У нас будет сколько угодно времени после рождества.

— Не так много, как нам нужно. Множество болтающихся концов, которые надо связать. А ты будешь разъезжать по штату со своими речами.

— Мы найдем время встретиться.

Бернс помолчал.

— Послушай, дорогой, просто не представляю, как это выглядит: вице-президент ЮБТК ведет взятую напрокат развалину.

— Не болтай чепухи.

— Нет, правда, Вуди. По крайней мере разреши мне одолжить тебе мою машину и шофера. Он отвезет тебя в Сиракузы и вернется за мной в Олбани. Хочешь?

Палмер подумал. На номере машины Бернса он видел знак «8Z», показывающий, что и машина и шофер взяты напрокат. Может ли он спустить Бернсу этот обман?

— Мак, — наконец сказал он, — нанимать лимузин на эти лишние часы тебе будет стоить дороже, чем мне, если я сам поведу машину. — Палмер взвесил свои слова и решил, что нашел правильный тон в этом разговоре мужчины с женщиной.

— А? — Бернс молчал всего лишь мгновение, потом беззаботно заметил: -Вуди, когда банкир советует мне экономить, я всегда слушаюсь.

— Вот и хорошо. Я поймаю тебя в Нью-Йорке в конце недели.

— Ладно, поддай им жару в Сиракузах.

Палмер позвонил в местную контору по прокату автомобилей, сообщил номер своей кредитной карточки и свой нью-йоркский адрес.

— Вы не хотели бы забронировать гостиницу в Сиракузах?

— В этом не будет необходимости, — заверил клерка Палмер. — Сегодня же вечером я лечу домой.

— В таком случае я могу забронировать для вас место в самолете.

— Да? Прекрасно. Что-нибудь около полуночи.

— Это будет рейс 53-й, без посадок до Нью-Йорка.

— Сколько потребуется времени, чтобы доехать до Сиракуз?

— Два часа.

— Гм. Лучше все-таки закажите комнату в отеле. У меня останется уйма времени.

— Машину сдадите в нашу контору при отеле. Они к тому времени приготовят вам билет на самолет.

Палмер повесил трубку. Он начал раздеваться, чтобы помыться и сменить костюм. При мысли, что в этой поездке он больше не увидит Мака Бернса, он даже слегка насвистывал, принимая ванну. Бернса всегда было трудно принимать в больших дозах. Но сейчас, когда Палмер подозревал, что он замешан в планах по захвату контроля над ЮБТК, Бернс стал почти невыносим.

Он довольно-таки хладнокровно отнесся к сообщению Палмера. За весь вечер ни разу не вспомнил о нем. Хотя, конечно, Палмер не пропустил мимо ушей его замечание о «клинексах». Перестав вытираться, Палмер задумчиво стоял на коврике в ванной. Что же все-таки означал этот намек о «клинексах»? В худшем случае он означал, что Бернс подозревает Палмера — в чем?

Так ли уж Бернс проницателен, чтобы задуматься над исчезновением большого количества «клинексов» и

перебирать в уме все возможности, все ситуации, могущие вызвать повышенную потребность в бумажных салфетках.

Палмер уселся на край ванны и постарался поставить себя на место Бернса. Какие факты были у него о той ночи, когда Палмер и Вирджиния в первый раз пользовались его квартирой? Бернс знал, конечно, что оба они там были, по крайней мере какое-то время. Придя домой, он мог, в конце концов, заметить исчезновение «клинексов». Он мог также вспомнить, что ни у Палмера, ни у Вирджинии не было насморка. Почему тогда кто-нибудь из них или они оба потратили так много салфеток? Что-нибудь разлили? Тогда почему не воспользовались кухонным полотенцем, между прочим тоже бумажным?

Возможно ли, размышлял Палмер, даже для такого умного человека, как Бернс, мысленно вернуться назад во времени и предположить, что кто-то один или они оба приняли душ и, считая этот поступок предосудительным, вытирались поэтому бумажными салфетками, а не полотенцем?

Палмер решил, что это просто невозможно. Слишком много прорывов в цепи дедуктивного мышления. Он оделся и встал перед зеркалом платяного шкафа, завязывая галстук.

Конечно, думал он, если Бернс что-то заподозрил, он мог начать поиски других улик в своей квартире. Он обнаружил бы ничего не значащую улику выпивки. Он мог посмотреть на кровать и увидел бы ее гладко прибранной. Он, в конце концов, снял бы покрывало. Но если он был усталым и хотел спать, он, вероятнее всего, ничего бы не заметил.

Палмер взглянул на себя в зеркало. Человек в нем выглядел хмурым и обеспокоенным.

Палмер попытался улыбнуться. Удачно. Довел улыбку до ухмылки. Что бы там Бернс ни подозревал, доказательств у него нет. И как он не прореагировал на намеки Палмера насчет акций ЮБТК, так же и Палмер не прореагировал на намек о «клинексах». Атака была отбита.

Все еще ухмыляясь, Палмер уложил остатки вещей в маленький чемодан, быстро оглядел комнату и вышел.

Глава тридцать девятая

— Я хочу внести полную ясность, — говорил Палмер. Его голос, усиленный системой микрофонов и акустикой банкетного зала отеля, стал от этого более глубоким. — Сберегательные банки являются положительной силой в жизни семьи и общества. Никто не ставит это под сомнение. Но... и вы знаете, что я не для того проделал весь этот путь до Сиракуз, чтобы не привезти с собой своего «но». — Он помолчал в ожидании смешков. Но вместо смешков раздался дружный хохот, это было здорово! Ухмыляясь, он подождал, пока смех стихнет.

— Но, — продолжал он, — как ответственные граждане, бизнесмены нации, каковыми являются все собравшиеся здесь, вы смотрите на экономику Соединенных Штатов как на единое целое. Я уверен, мы все одинаково считаем, что любое явление, способствующее длительному ослаблению этой экономики — даже несмотря на небольшой радиус действия или сугубо местное значение, — является опасностью для всей нации в целом.

— Именно такую опасность, я беру на себя смелость это утверждать, сберегательные банки представляли, представляют и будут представлять во всевозрастающем масштабе для экономики страны. Разрешите мне более четко обрисовать свою позицию. Есть множество способов, с помощью которых американцы осуществляют свою бережливость. Сберегательные банки — один из этих способов. Я выступаю не против сбережения денег, а, скорее, против попыток сберегательных банков собрать все деньги в свои погреба.

— Подумайте, что происходит с долларом, положенным в сберегательные банки. Закон запрещает этим банкам делать вклады во что-либо, кроме государственных облигаций, очень ограниченного числа ценных бумаг и закладных. Между прочим, это и заставляет сберегательные банки держать значительное количество своих ресурсов в виде наличных. Разрешите мне подчеркнуть еще раз, что в подобном хранении нет ничего предосудительного. Если бы число сберегательных банков, держащих скромные суммы денег, было ограничено, тогда их влияние на экономику было бы незаметно. Но...

Несколько минут спустя после начала речи Палмер сделал паузу и воспользовался возможностью посмотреть по сторонам. Банкетный зал был полон. Хороший признак.

После довольно веселого обеда слушатели были настроены благожелательно. Палмер продолжал расписывать их потенциальные доходы до тех пор, пока не почувствовал, что эти люди теперь на его стороне. Оставалось только убедить их, что, выступая против билля об отделениях сберегательных банков, ни ЮБТК, ни другие коммерческие банки не преследуют — избави бог! — никаких эгоистических целей.

— Будь я одним из карнавальных уличных торговцев, — продолжал Палмер, — я бы использовал эту трибуну, держа в руках бутылку со змеиным ядом и гарантируя, что он выращивает волосы на бильярдном шаре. — Немного смеха, совсем немного.

— К сожалению, джентльмены, мне нечего продавать. В Сиракузах мой банк не занимается бизнесом, если не считать косвенных операций через

ваши прекрасные местные банки. Мы и мечтать не смеем о том, чтобы переманить кого-нибудь из ваших ребят в Нью-Йорк. — Снова смех. Немного больше.

— Я не могу говорить от имени ваших местных коммерческих банков, — продолжал он, — но я абсолютно уверен, что они держат в своих руках все дела, которыми могут заниматься. Сиракузы — это процветающая, растущая община. Здесь широкое поле деятельности для многих банков. Вы предоставляете свои собственные деловые займы, кредитуете кого-то, собираете кредитные информации, управляете фондами, предоставляете займы на покупку машин, а равным образом и все прочие услуги, какие только могут предложить коммерческие банки.

— Но я прошу вас посмотреть не только на экономику Сиракуз. Я прошу вас рассмотреть...

Закончив речь, Палмер сошел с трибуны и прислушался к аплодисментам. Он еще не так много выступал с речами, чтобы обладать способностью разбираться в аплодисментах. Но они звучали достаточно громко и длились почти целую минуту. Он повернулся к председателю, чтобы принять формальное рукопожатие. Дальше был эпилог.

Позже, покинув сцену через боковую дверь, Палмер посмотрел на часы. Последние 15 минут ему очень хотелось проверить время, но он знал, что на аудиторию это произведет плохое впечатление. Теперь он увидел, что было 11 часов. До самолета оставался один час. В фойе отеля он принял поздравления еще нескольких членов комитета, двух местных коммерческих банкиров и пожилого человека, который заявил, что знал отца Палмера. Потом Палмер поднялся в свою комнату,

которую взял для того, чтобы поспать днем. Он поднял телефонную трубку.

— Не можете ли вы сказать, когда уходит машина на аэропорт?

— В 11.15. Одну минутку, пожалуйста.

Трубка замолчала. Палмер нетерпеливо ждал.

— Мистер Палмер, — снова заговорила телефонистка, — вам кто-то звонил, пока вы были в банкетном зале. — Она дала ему местный номер телефона, но не знала имени звонившего. Палмер повесил трубку, нахмурился, потом застегнул молнию чемодана, взял пальто и вышел из комнаты. Кто бы ни звонил ему, подождет, когда он в следующий раз приедет в Сиракузы.

Палмер сошел вниз и направился к боковой двери, где голубой неоновый знак указывал стоянку машин авиакомпании. Несколько человек, выглядевших такими же усталыми, как, вероятно, и он сам, стояли и сидели около двери. Мимо прошел посыльный, бормоча на ходу:

— Мистер Мармер, мистер Мармер.

Палмер остановился:

— Палмер?

Посыльный медленно кивнул.

— Пожалуйста, возьмите вон ту телефонную трубку.

— Он немного подождал. — Спасибо, мистер Мармер.

Палмер удивленно моргнул, потом нашел в кармане 25 центов, отдал их рассыльному и поднял трубку.

— Говорит мистер Марм... Палмер.

— Одну минуту, пожалуйста.

В трубке что-то щелкнуло.

— Добрый вечер, мистер Палмер, — сказала Вирджиния Клэри. — Говорит Коммерческое банкирское братство по вязанию и плетению кружев, Сиракузское отделение.

— И это ты звонила раньше?

— Правильно, я думала, что ты...

— Что ты делаешь в?..

— ...возможно, захочешь посмотреть какие-нибудь сиракузские зрелища, раз уж ты...

— Черт возьми, — сказал он.

— Я рада, что ты не в аэропорту, — продолжала она, — было бы ужасно вызывать тебя там по радио.

— Это верно. А может быть, и нет.

— Вместо машины авиакомпании, — предложила она, — лучше взять такси.

— Потому что это дороже? Способ держать деньги в постоянном обращении?

— Потому что, — сказала она, — такси может довезти тебя до перекрестка Хилл-авеню и Вестерн-хайвей. Это, гм, номер семь.

— Номер семь чего?

— Увидишь.

— У меня такое чувство, что из-за этого я могу опоздать на самолет.

— Ты можешь сделать еще множество других вещей, включая и эту.

— М-м. Мы, рабы привычек, терпеть не можем, когда меняются наши планы. — Связь прервалась. — Алло? Алло? — Палмер оглянулся и посмотрел, не наблюдает ли кто за ним. Увидя себя в безопасности, он мягко положил трубку, поднял чемодан и пересек фойе, направляясь к главному выходу.

— Такси, пожалуйста, — сказал он швейцару.

Перекресток Хилл и Вестерн был в нескольких километрах от Сиракуз, окруженный небольшими группами деревьев и одинокими домиками. Когда такси остановилось, Палмер увидел длинное низкое главное здание роскошного отеля. Оно выглядело как очень шикарный пансионат для лыжников — красноватого дерева двери, гранит и кирпич.

— Номер семь, — сказал он шоферу.

Такси повернуло на изогнутую внутреннюю дорогу, идущую вдоль полукруга обособленных коттеджей. Каждый — маленькая копия главного здания. Теперь Палмер заметил, что коттеджи построены вокруг небольшого искусственного, еще не замерзшего озера. Некоторые сосны, посаженные по берегу озера, были украшены рождественскими огнями. Хотя номер семь, как и все другие, выходил на озеро большими окнами-дверями, света внутри не было видно.

— Номер семь, — объявил шофер. Он принял пятидолларовую бумажку и протянул доллар мелочью сдачи. Палмер кивнул, чтобы тот оставил сдачу себе.

— Не надо. Желаю хорошо повеселиться.

Шофер включил скорость, дал газ, и машина помчалась в город.

Палмер подошел к двери седьмого номера и постучал два раза.

— Открыто.

Палмер вошел в темную комнату.

— Привет, кто бы вы ни были.

— Послушай. — Он увидел ее. Она стояла посреди комнаты, слабо освещенная падающим снаружи светом. — Я, кажется, передумала.

Палмер шагнул к ней:

— Самое время.

— Сначала это показалось мне грандиозной идеей. Там еще, в Нью-Йорке. И я вскочила в самолет. Но с тех пор я все время думала. — Палмер сделал еще шаг к ней. — Нет, стой там. Слушай, мы всего лишь в километре от аэропорта. Ты еще можешь успеть на самолет.

— И оставить тебя здесь?

— Ты не просил меня приезжать. Я это сделала сама.

— Это верно. — Он сделал еще шаг. Теперь она была не более чем в полуметре от него. В темноте ее глаза казались громадными.

— Что на тебе надето?

— Дурацкий, проклятый пеньюар. Возвращайся в Нью-Йорк.

— Кажется, я еще никогда не видел тебя в нем. Можно опустить занавески и включить нижний свет?

— Ну, пожалуйста, Вудс, мне, честно, не следовало делать этого, и со мной ничего не случится, если ты улетишь. Ты еще можешь успеть на самолет.

— Ты повторяешься. — Он поставил чемодан.

— Не надо. Ты был прав — нехорошо так неожиданно менять планы. Это опасно.

— Здесь? Никто, кроме шофера такси, не знает.

— Любой может узнать, если захочет.

Он потянулся к ее руке. Ее пальцы были холодными,

— Меня не ждут в Нью-Йорке до середины завтрашнего дня. К этому времени Бернс собирался привезти меня на своей машине.

— Где он?

— Вероятно, полетел в Нью-Йорк сегодня днем.

— Он может позвонить тебе завтра?

— Завтра суббота. Ему придется звонить мне домой.

— Это плохо. Отправляйся на аэродром.

— Бернс не будет звонить мне домой.

— Почему?

— Когда-нибудь потом объясню.

Палмер притянул ее к себе. Она сопротивлялась. Он отпустил ее руки и нежно обнял за талию. Мягкий слой ткани придавал ее коже какую-то особую податливость, чувственно скользившую под его пальцами и ладонями. Ее лицо медленно поднялось. Сжав пальцами ее теплые бедра, он притянул ее к себе. Они быстро поцеловались.

Ее руки, вместо того чтобы обвитья вокруг него, оказались между ними и стали расстегивать его пальто.

— Я такая идиотка, — сказала она, больше для себя. Она стянула пальто с его рук на пол и начала расстегивать пиджак. — В самолете по дороге сюда у меня был просто жуткий приступ страха. — Она бросила его пиджак на пальто и начала развязывать галстук. — Приехав сюда, я снова пришла в нормальное состояние. Я позвонила к тебе в отель. Когда ты не позвонил мне, я подумала, что прозевала тебя и ты уже на пути домой. На какой-то момент это было таким облегчением.

— Вот. — Он снял галстук.

— Здесь очень тепло, — сказала она. — У тебя в чемодане есть что-нибудь вроде халата? — Когда он кивнул, она начала расстегивать ему рубашку. — Но я сказала себе, что должна позвонить еще раз, еще только один раз. И они нашли тебя. Так что все было в порядке. Я повесила трубку и снова испугалась. Такая идиотка.

— Я рад, что ты поймала меня.

— Правда? Мне кажется, ты просто идешь на поводу.

— Да. Совершенно верно.

— Не надо так. Надо быть честным.

— Я честно следую на поводу, — сказал он. — Не так уж это для меня неприятно.

— Я думала об этом в Нью-Йорке. На аэродроме Ла Гардиа я продолжала спрашивать себя, что я за человек, если так бросаюсь на тебя. Как легко может женщина превратиться просто в самку. И все такое. Но потом я решила, что эти вопросы уже позади, Нет такой вещи,

как полулегальная любовная связь, не так ли? Я хочу сказать, что раз она началась, она уже существует и не имеет значения, где это происходит и кто к кому едет. Размышляя так, я дошла до вопроса: насколько мне это необходимо? Вот каким было общее направление мыслей на аэродроме в ожидании посадки на самолет. Нужно ли мне это? То ли это, чего я хочу? И все такое. Наступила небольшая пауза. Палмер улыбнулся:

— Скажи мне, в чем дело?

— Знаешь, что я решила? — сказала она. — Ты не поверишь. Я решила: ничего хорошего мне это не сулит, но мне это необходимо. Именно так! Плохо, но нужно. Никакой логики, правда?

— Никакой логики и не должно быть.

— Конечно. Сделай так еще раз, пожалуйста.

— Так?

— Да.

— Ты перестала рассказывать, — заметил он через некоторое время.

— Посмотри на озеро. — Она отстранилась от него и, взяв его за руку, подвела к окну. Рождественские лампочки на соснах были выключены. В слабом лунном свете силуэты деревьев вырисовывались на фоне блестящей воды. — Удивительно, насколько лучше вид без этих дешевых огней.

Палмер развязал поясok ее пеньюара и начал поглаживать ее прелестный упругий живот. Теплый воздух поднимался из чего-то вроде заслонки у основания окна. Стекло было холодное. Казалось, оно покрыто тонким слоем холодного воздуха. Это было так

странно по сравнению с идущим снизу теплом. Палмер отвлек Вирджинию на шаг от окна. Прикрыл ладонями ее обнаженные груди и почувствовал, как соски неожиданно стали твердыми и выпуклыми. Она что-то пробормотала и потянулась в сторону к висящему шнуру. Светонепроницаемые шторы медленно опустились и закрыли озеро, деревья, окно вместе с его хрупкой оболочкой прохлады. Тепло окутало их обоих. Палмер поднял Вирджинию с пола — одной рукой под плечи, другой под колени — и уткнул лицо в ложбинку между грудями. Вирджиния показалась ему очень легкой.

— Самая большая постель из всех, какие я когда-либо видела, — прошептала она ему в ухо. — Прямо позади нас через эту открытую дверь.

Палмер понес ее в другую комнату и положил на постель. Она обвилась руками вокруг его шеи, прижавшись к нему лицом. Когда полуночный самолет, разрывая мрак, промчался над ними, ни он, ни она не услышали ничего.

Глава сороковая

По причинам, которые сначала были Палмеру не понятны, контора Вика Калхэйна помещалась в беспорядочной квартире в маленьком отеле в центре города. Его юридические конторы, куда он наезжал не более раза в неделю, находились в деловой части Нью-Йорка на Брод-стрит. Его политический штаб располагался в жилых кварталах, в том же здании на Восточной Сто шестнадцатой улице, где почти с начала века подвизался его отец, партийный босс района. Но чаще всего, как узнал Палмер, Калхэйна можно было найти в номере указанного отеля. Деятельность Калхэйна в этом номере не имела никакого отношения ни к его политической деятельности, ни к его юридической практике.

Бернс однажды попытался объяснить ситуацию, правда без особого успеха.

— Это все продумано, — говорил Бернс. — В деловой части Калхэйн доступен своим клиентам как юрист. В жилых кварталах — своим избирателям. Он ведь не станет смешивать эти две категории, вы понимаете? А контора в отеле в центре города, ну, в общем, она дает ему возможность маневрировать, не путая разные вещи. Немного поразмыслив, Палмер догадался, что Бернс имел в виду: Калхэйн, вероятно, занимался в этом отеле политическим бизнесом. Иначе говоря, куплей-продажей благосклонности, в корне отличной от показной механики политической деятельности, которую Калхэйн демонстрировал своим избирателям в жилых кварталах города.

В это утро, через два дня после рождества, поднимаясь по лестнице в номер Калхэйна, Палмер убедился, что его подозрения достаточно обоснованны. Даже коридор, ведущий в контору Калхэйна, был заполнен людьми, облик которых — терпеливое ожидание, соединенное с трогательной попыткой выглядеть непринужденно и незаинтересованно, — сразу же отличал их как искателей благосклонности. Они направляли свои тревожные взгляды на Палмера, когда тот проходил мимо. И настолько явным было это внимание, что Палмеру казалось, будто он слышит их мысли: «Кто такой? Политический деятель? Не узнаем его. Кого он знает? Для чего он здесь?» Палмер задержался у открытой, никак не обозначенной двери и заглянул внутрь приемной, где более двенадцати человек сидели и стояли в ожидании своей очереди. За столом он увидел привлекательную девушку, изо всех сил старавшуюся избежать взглядов людей из очереди. Девушка подняла на Палмера глаза и едва заметно отрицательно покачала головой.

— Следующая дверь направо, — сказала она.

Палмер прошел дальше. Позади он услышал чей-то голос:

— Милочка, он собирается принять меня или нет? Я был назначен на...

Палмер постучал в следующую дверь, подождал, потом повернул ручку. Дверь была заперта. Он отступил назад. Раздался слабый скрежет. Он опять повернул ручку, на этот раз дверь открылась. Палмер оказался на пороге комнаты, прямо перед Калхэйном.

— Входите и поскорей закройте дверь, друг, — сказал тот, вставая. — Иначе сюда ворвется пол-отеля.

Мужчины обменялись рукопожатием. Рядом с Калхэйном Палмер всегда чувствовал себя карликом. Тот был ненамного выше, самое большее сантиметров на пять, но вся его фигура, совершенно лишенная жира, была огромна. Политический деятель снова сел за большой письменный стол, заваленный бумагами, откинулся назад в своем кресле и улыбнулся:

— Где Мак?

— Должен быть здесь. — Палмер посмотрел на часы. — Мне нужно скоро идти на собрание. Сообщите мне, что у вас там есть, и, если необходимо, я потом передам это Маку. Калхэйн повернул руки ладонями вверх, как бы показывая, что он весь тут как на ладони.

— Ничего, кроме хороших новостей. Мой человек в Сиракузах позвонил мне в пятницу ночью и сообщил, что вы сумели себя подать. Понравилась речь, понравились мысли. Значит, на следующей неделе в Буффало будет еще лучше. Такие вещи подобны цепной реакции. Из уст в уста и так далее,

— Это хорошо. Но думаю, вашему человеку вряд ли удалось прощупать их насчет билля об отделениях сберегательных банков.

— Совершенно верно, но, если они за вас, они против билля.

— Не всегда. В моей речи не было просьбы о поддержке. Помоему, мы вообще не должны этого делать. И особенно не должно этого делать лицо, им неизвестное.

Калхэйн кивнул:

— Через несколько дней мой человек соберет кое-какие сведения. Ну, скажем, через неделю. И мы узнаем о наших шансах в Сиракузах. Опять-таки — цепная реакция. Сиракузы могут воздержаться от принятия решения, пока не услышат мнения Бингамтона, Утики и Рочестера.

Палмер закурил сигарету.

— Я не подозревал, что у бизнесменов с периферии существует система тайного обмена информацией.

— Вряд ли это можно назвать системой. Но все же осуществляется довольно широкий обмен информацией. В распоряжении бизнесменов клубы «Киванис», «Ротари», «Лайонз», различные торговые палаты, церковные группы, телеграфные агентства, деловые общества. Осенью и зимой развивают активность политические деятели, которые снуют по округам и прощупывают настроения перед тем, как отправиться в Олбани. Летом эта деятельность прекращается. Люди разъезжаются на каникулы и прочее. Но зимой, в праздничный сезон, непосредственно перед возобновлением заседаний, беспроволочный телеграф работает вовсю.

— Ладно, — сказал Палмер, — теперь расскажите мне о вашем собственном округе.

Калхэйн уставился на свои ладони и пожал плечами. Этот жест заставил его стул протестующе заскрипеть. Он почесал коротко стриженную голову и криво усмехнулся.

— Вы же знаете, насчет периферии штата никогда не было сомнений. Они там твердо стоят за

коммерческие банки. Центр — другое дело. Но и здесь мы делаем успехи. Мак рассказывал, что вы с ним немного занимались политикой в Олбани.

— Правда. И главным образом с представителями центра штата.

— Тогда вы можете рассказать мне больше, чем я вам. Палмер хотел было ответить, но передумал. Его обычно раздражали деятели типа Калхэйна, которые притворяются, что не в курсе дела относительно положения в районе, находящемся под их контролем. Они делают вид, что сомневаются, что считаются с общественным мнением, что не хотят оказывать давления на своих избирателей, — и это обычно означает одно из двух: или они просто на просто еще не начали действовать, или же, чаще, что они ждут больших уступок. В случае с Калхэйном, решил Палмер, дело осложнялось его вероятным участием, вместе с Бернсом, в заговоре Джет-Тех.

— Я настолько закрутился с другими делами, — ответил Палмер, — что, честно говоря, не уделял этому достаточно внимания.

Калхэйн казался удивленным.

— Я думал, ваша единственная задача — это сберегательные банки.

— У нас события внутри банка, — сказал Палмер, — что-то происходит с нашими акциями.

Калхэйн подался вперед.

— Что-нибудь хорошее?

— Для посторонних — да. Между прочим, вы могли бы взять это себе на заметку. По-моему, в скором времени наши акции сильно подскочат.

Калхэйн пододвинул к себе блокнот и взял карандаш.

— Что за скачок? Как скоро?

Палмер подождал с ответом, пытаясь определить реакцию собеседника. Было ли это игрой?

— Десять пунктов не удивят меня, — сказал он наконец. — Что касается времени, то я не имею понятия. В пределах месяца. Впрочем, не знаю.

— А когда узнаете? — спросил Калхэйн, делая заметки в своем блокноте.

— Не могу сказать. Хотя вы можете спросить Мака.

— Мака? Откуда, черт возьми, он может знать о ваших акциях?

— Он знает больше, чем я.

Калхэйн положил карандаш медленным, задумчивым движением. Потом наклонился вперед над столом и подпер руками голову.

— Не понимаю.

— Я тоже, — заверил его Палмер, — но я почему-то абсолютно уверен, что он замешан в этом деле в союзе с какой-то внешней группой.

— Это же чепуха. У кого хватит пороху играть банковскими акциями? Кишка тонка.

— Согласен. Но так будет.

Калхэйн задумчиво покачал головой.

— Я уже очень давно перестал доверять биржевым советам Мака. Не хочу сказать, что он всегда ошибается. Просто необходимо допросить его с пристрастием, с глазу на глаз, прежде чем сделать свои собственные выводы. Я никогда не забуду совет, который он дал мне по поводу одного своего клиента. Предприятие, производящее оборудование, собиралось объявить о сдаче своей продукции в аренду вместо продажи ее. Большой сдвиг в их политике, хотя остальная промышленность давно уже перешла на это. Мак рассчитывал, что акции этого предприятия сдвинутся на пять пунктов. Он был прав. Они упали на пять пунктов. Объявление о сдаче оборудования внаем было признанием, что предыдущая политика этого предприятия ни к черту не годилась. Таким образом, вместо того чтобы способствовать повышению акций, этот шаг привел к их понижению. — Калхэйн негромко рассмеялся. — Бедный Мак попался на собственную удочку.

— Меня удивляет, что он не рассказал вам о ЮБТК.

— А меня не удивляет. В прошлом году я попросил его распродавать свои советы где-нибудь в другом месте. Я человек не богатый. Но я был бы намного беднее, следуя всем его предсказаниям. Если он дал вам совет насчет ваших собственных акций, на вашем месте я бы пропустил его мимо ушей.

— Совет пришел из другого источника. — Палмер потушил сигарету. — Мак рассказывал вам в последнее время еще о каких-нибудь биржевых новостях?

— Я не поощряю его в этом. Биржа не моя стихия. Прежде всего надо отчитываться, сколько ты выиграл или проиграл. Чиновникам, собирающим подходящий

налог, это очень удобно. Если вы хотите, чтобы налог уменьшался в соответствии с убытками, вы должны отчитываться в своих доходах. Я же ненавижу отчеты.

— Калхэйн откинулся назад и подмигнул.

Палмер усмехнулся:

— Вы ведете операции исключительно с наличными?

— Не всегда. Я возьму и акции, если придется. Но, ей-богу, я уже истощил свой запас фиктивных имен для расписок.

Оба рассмеялись. Палмер был удивлен, почему открытое признание этого человека в своей продажности его нисколько не раздражало в отличие от завуалированного, смутного разврата, окружавшего политиканов, с которыми он встречался в Олбани. Может быть, просто потому, что Вик не был выборным слугой народа. Правда, его пост лидера района был выборный. Но результаты голосования всегда были ясны заранее. Даже если какая-нибудь радикальная группа выступала против Калхэйна, ему всегда удавалось быть переизбранным огромным большинством голосов. Он заправлял в районе бедняков. И даже небольшая помощь приносила огромные плоды. Работа тому или другому безработному, ежегодные пикники, корзинки с подарками на рождество и в День благодарения [Праздник в память первых колонистов Массачусетса], стипендии для одаренных детей...— плата была низкая, а отдача — полная.

В конце концов, решил Палмер, чего еще ждут избиратели от своего политического босса? Он следил за тем, чтобы пособия в его районе были достаточно

высокими. Он принимал три вечера в неделю. Говорил на испанском, итальянском и довольно сносно на гэльском, чтобы польстить ирландским жителям своего района. Палмер узнал, что он с непревзойденным мастерством управлял своим крупным негритянским кварталом. Его правой рукой вот уже многие годы был негр. Калхэйн предоставил ему абсолютную власть в ведении дел и распределении работы. Многие утверждали, что помощник-негр даже более ценен, так сказать, в валютном выражении, чем сам Калхэйн. И не без оснований. Во всяком случае, этому верили. По рассказам Бернса, несколько лет назад одна компания пострадала от бойкота негритянских покупателей в результате того, что нанимала на работу только белых продавцов. Через Бернса компания установила контакт с помощником Калхэйна. И уже через несколько недель весь город севернее Сто десятой улицы, включая и белые кварталы, имел дело только с негритянскими продавцами. Торговля вновь пошла нормально и даже лучше. Это был своеобразный пример, размышлял Палмер, каких быстрых результатов может достичь гражданская коррупция, в то время как НАСПЦН [Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения] тащится далеко позади. Существует множество путей к социальному прогрессу, но в районе Калхэйна обходные пути оказывались короче.

Вошла секретарша Калхэйна с сумкой из оберточной бумаги и положила ее на стол.

— Они давно уже потеряли терпение, — сообщила она. — Теперь они еще и проголодались. Некоторые пришли еще до завтрака.

— Я недолго, — ответил Калхэйн, открывая бумажную сумку и доставая два сэндвича, завернутых в фольгу. — Хотите? — спросил он Палмера.

— Спасибо. Я уже ел. — Он посмотрел на часы. — Два часа? У меня совещание в два тридцать. Как видно, нам придется обойтись без Мака.

Калхэйн принялся энергично жевать.

— Я не знаю, почему эти люди там, в коридоре, приходят так рано. Они знают, что я даже не просыпаюсь до девяти утра и, значит, уж никак не могу быть здесь раньше десяти. Сумасшедшие какие-то.

— И голодные. — Секретарша оставила их одних.

— Что касается Мака, — говорил Калхэйн, не переставая жевать сэндвич с беконом, салатом и помидорами, — он не был нам с вами нужен вот уже много недель. Его задача выполнена, правда?

— Он свел нас вместе, вы это имеете в виду?

Калхэйн в два приема закончил сэндвич и принялся за второй. — Это был его контракт с вами, — объяснил он, когда его рот освободился. — Мы с вами имеем другой контракт. Я никогда не давал вам оснований считать, не так ли, что могу гарантировать результаты?

— Прямо так вы не говорили.

— Тогда считайте, что эти слова сказаны. Кое-что я могу гарантировать. Но не это. У нас тут есть кучка примадонн в центре штата. Я могу обеспечить вам работяг, но мы имеем группу жаждущих реформ и целую группу выжидающих. За миллион лет я не смогу убедить их в том, что выгодное для заживевших коммерческих банков выгодно и для их избирателей, — если, конечно,

я не сделаю так, чтобы это было выгодно и для них лично. Улавливаете мысль?

— В ней нет ничего нового. Нам всегда нужны стряпчие, страховые агенты, агенты по продаже недвижимости.

— Все это мелкие подачки, — сказал Калхэйн, доедая второй сандвич, — и вы это знаете.

— Конечно, каждый такой агент в отдельности — величина небольшая, но в нашем распоряжении множество таких агентов. Больше, чем могут предложить сберегательные банки.

— Вы думаете, сенаторы из центра заинтересованы в таком дерьме?

— Может быть, для вас это дерьмо, — ответил Палмер, перефразируя старую шутку, — но для них это хлеб и масло.

Лицо Калхэйна покраснело от смеха, но тут же снова стало серьезным.

— Я не шучу. Пока вы не протянете достаточно аппетитную морковку, осел не шевельнется.

Палмер озадаченно взглянул на собеседника.

— Я не знаю, что и сказать, — произнес он. — Если уж на то пошло, в чем тут ваш интерес?

— Это другой контракт, между Маком и мной.

— Который вы не намерены открыть?

— Я бы сказал вам тут же, если бы знал. — Калхэйн полез на дно сумки и вытащил термос с кофе и булочку. — Но честное слово, я пока не знаю.

— Разве это возможно? Я думал...

— Что обе стороны контракта должны быть точно определены, — закончил за него Калхэйн. — Нет. Мы вместе с Маком прошли через многое. Если он говорит, что дело стоящее, я берусь за него. Другому я, может быть, не поверил бы. Но Маку я верю целиком и полностью.

— Только не его биржевым советам.

— Кроме биржевых советов. — Калхэйн откусил булочку и запил ее кофе. — Мы прошли большой путь, мы оба. Почти все, что могло случиться с двумя парнями в политике, с нами случилось. Неожиданностей осталось не так уж много: Мак — единственный друг, которого я имею в своей политической деятельности. Это о чем-то говорит.

Наступило длительное молчание. Палмер с интересом подумал, будет ли Калхэйн так откровенен, если речь пойдет о верности Мака Бернса вообще. Вероятно, нет. Однако попробуем.

— Я буду откровенен с вами, — начал Палмер, — я держался настороженно с Маком, когда впервые встретил его.

— Он не похож на вас. Вы с ним совершенно разные люди.

— Насколько разные? Ведь люди, в сущности, ненамного отличаются друг от друга, достигнув определенного положения в жизни. Разве вы и я сильно отличаемся друг от друга?

— Отличаемся ли? — Калхэйн закончил свою булочку. — Еще как отличаемся.

— А по-моему, нет, — настаивал Палмер.

— Видите ли, — Калхэйн снова залез в сумку и вытащил мороженое, — все дело в происхождении. В деньгах. Мой старик жил неплохо, преуспевал. У него было несколько детей, и все они окончили колледжи. Может быть, поэтому вы и не видите разницы между вами и мной. А вот отец Мака, насколько я могу судить, был торговцем курами в Бейруте. Вы не представляете, что это такое. Всю жизнь вы потрошите кур и торгуетесь с покупателями, такими же бедняками, как и вы. А рядом с вами ваш сын, засунув руки в еще теплые потроха, очищает и моет их. Пока ему не исполнится пять лет, он здесь вместе с вами убивает, режет и потрошит, и все вокруг пропитано запахом крови и нищеты. Наконец вся семья перебирается в Штаты. Мак никогда не кончал колледжа. Вы можете услышать его разговоры о Гарварде. Под этим кроется два года вечерних занятий в Калифорнийском университете. Он вынужден был бросить учебу, чтобы, кроме дневной работы, наняться ночным сторожем в одну из студий. Потом, когда он уже выкрасил волосы и стал знатоком своего дела, Мак, представляя свою компанию, посещал трехдневный летний семинар в Гарварде. Ну, а теперь сложите все вместе. Вот почему я говорю, что Мак и вы относитесь к совершенно разным категориям людей. И вот почему вы не доверяете ему.

— Я этого не говорил.

— Правильно, вы не говорили, это я говорю. — Калхэйн ел мороженое плоской деревянной ложечкой. — И между прочим, может быть, вы и правы, что не доверяете.

— Теперь я окончательно сбит с толку.

— Я гораздо ближе к Маку, хотя рос не так, как он. Я родился здесь, но множество ребят, которых я знаю, пришли сюда со старого континента. Я представляю, что происходит у него внутри. Я знаю, как может ненавидеть такой человек, как он.

— Ненавидеть меня?

Калхэйн помолчал, хотел что-то сказать, потом беспомощно посмотрел на Палмера.

— Вы умный человек; когда-нибудь вы задумывались над тем, почему вас наняли?

Палмер кивнул:

— Было несколько причин. Раз уж речь идет о Маке, то одна из причин та, что Бэркхардт его не выносит.

— Умница! Теперь поставьте себя на место Мака, Как, повашему, он относится к Бэркхардту или к любому другому бэркхардту в этой великой, огромной стране, куда изо всех сил стремился его старик?

— Понимаю.

— Вы понимаете потому, что я обрисовал картину. — Калхэйн наклонился вперед. — Но вы не чувствуете. И не можете чувствовать, так как вы ближе к бэркхардтам мира сего, чем я или Мак.

— Значит, все к тому же! — задумчиво произнес Палмер.

— Я его лучший друг, — ответил Калхэйн, — но я не могу отвечать за все темные, маленькие уголки его души. Черт побери, у меня есть свои собственные маленькие уголки. Мне на голову тоже нагадило множество бэркхардтов. Знаете, сочетание двух рас всегда сложное дело. Но когда сочетаются эти две — ирландская и

итальянская — осторожней, дружище! Такой человек почти равен одному ливанцу.

— Гм, — Палмер кивнул и взглянул на часы, — наш выпускник Гарварда не собирается показываться.

Калхэйн громко рассмеялся:

— Смотрите не выдайте, что я рассказал вам эту историю с Гарвардом. — Он встал.

— Будьте спокойны, — Палмер тоже поднялся. — Смотрите не выдайте, что я рассказал вам об акциях ЮБТК. Но купите несколько.

— Заметано. — Они обменялись рукопожатием.

Когда Палмер пошел к двери, Калхэйн уселся за стол, засунул руку в бумажную сумку и вытащил оттуда конфету.

Глава сорок первая

Палмер приехал в банк всего за минуту до заседания. Поскольку он приглашен не был, то решил войти после начала. Поэтому он постоял в фойе, рассматривая рекламные брошюры на маленьких подставках, разглядывая клиентов и наблюдая за кассирами, пока те его не видят. От каждого служащего ЮБТК требовался определенный стандарт поведения. Но к тем, кто был избран для этой своего рода банковской витрины, подходили с более высокими требованиями. Прежде всего они должны были обладать внешней привлекательностью. Во-вторых, их голоса должны были иметь приятный тембр и быть настолько интеллигентными, насколько это возможно для женщин за восемьдесят долларов в неделю и для мужчин за сто десять долларов. Наконец, они должны были представлять новый банк, общество свободного предпринимательства, послевоенную революцию в отношениях с клиентами, свергнувшую бронзовые задвижные окна-барьеры и придвинувшую банк на шаг ближе к дружеской атмосфере магазина самообслуживания.

В 2.40 Палмер поднялся на лифте и направился в кабинет Гарри Элдера. Сегодняшнее заседание, он знал, имело в повестке дня дополнительный пункт — обсуждение тактики в отношении к просьбе Джет-Тех, о которой Гарри в частной беседе упомянул, как об «этом Великом Космическом Займе».

Поскольку предполагалось, что Палмер готовится к своей речи в Буффало или же обговаривает дела с Маком Бернсом, или же еще чем-то занят, Бэркхардт

предложил: «Пропусти это заседание, Вуди. Не трать время».

Именно по этой причине, отметил Палмер, как только он вошел в комнату, кивнул сидящим за столом и сел, Бэркхардт замолчал на полуслове и несколько секунд не мог поймать нить своей мысли. Когда же ему это удалось, Палмер понял, что просьба Джет-Тех стояла первой на повестке дня, и это, по всей вероятности, означало, что другие пункты могут быть отложены.

— Как я уже сказал...— продолжал Бэркхардт. — Привет, Вуди! Отряд особого назначения Джет-Тех завтра обрушит удар на город. Мы даем им обед в нашем большом зале — Ирма, записывать пока ничего не надо, — и он, очевидно, будет весьма неприятным от супа до десерта.

Секретарша положила карандаш и сидела с безразличным видом — не глядя ни на что в частности, уставившись пустым взглядом в стол где-то между пепельницей Палмера и портфелем Мергендала, хотя, конечно, там не могло быть ничего интересного. Клифтон Мергендал, вице-президент и секретарь банка, имел ряд обязанностей, из которых самой важной было искусное толкование биржевых тенденций. С помощью своего исследовательского отдела он должен был следить за тем, чтобы ни один из находящихся под управлением ЮБТК фондов не делал непоправимо ошибочных вложений. Клифф Мергендал был ненамного моложе Палмера, и в ЮБТК пришел вскоре после войны с места партнера одной из маклерских контор Уолл-стрита. Бэркхардт, он и Элдер были директорами банка, и Мергендал, очевидно, имел больше акций ЮБТК, чем любой другой из администрации, за исключением

Бэркхардта. И теперь, наблюдая за ним, Палмер сразу же увидел, в чем главная сила Клиффа и причина его успеха. Его маленькое, довольно узкое лицо, обрамленное мягкими светлыми бакенбардами, создавало самую внушающую доверие физиономию по эту сторону от Гибралтара. Глаза Клиффа, широко расставленные, темно-серые, были круглыми, немигающими и спокойными. Если кто-нибудь в мире когда-то и имел честное лицо, так это Клифф. Ему вы доверите, решил Палмер, и ваши деньги и вашу жизнь. Короче, он был слишком хорош, чтобы в это можно было поверить.

— Ему вовсе и не обязательно быть таким неприятным, — говорил Клифф своим спокойным мягким голосом. — Все происходит в атмосфере взаимного доверия. Мы можем сказать, что рассмотрели просьбу довольно тщательно и, к сожалению, из-за коекаких неопределенностей экономического положения и в особенности в воздушно-космическом секторе и т. д. и т. п...

— Барни Кинч и Джо Лумис вежливо кивнут, — фыркнул Бэркхардт, — поклонятся вам в пояс и молча испарятся.

— Только не Барни, — сказал Гарри Элдер. — Этот человек затеет с вами принципиальный спор. А для этого он явится полностью оснащенным. Клифф, ты видел, как он это делает. Джо Лумис будет сидеть спокойно. А Барни принесет карты, графики, моментальные фото и показания своих экспертов. Он притащит своего консультанта, этого немецкого ученого, и полдюжины хитродействующих электронных моделей, которые совершат переворот в цивилизации. И эти маленькие

штучки будут гудеть, жужжать, выключать свет и делать все, разве что не танцевать рокн-ролл. Стоит лишь посмотреть на это одну-две минуты, и вы загипнотизированы и голова пошла кругом. «Да, Барни. Кто мы такие, чтобы не пускать Америку на Луну? Мы же не хотим отдавать космическое пространство русским. Полмиллиарда, Барни? Распишитесь вот здесь».

— Я помню, — засмеялся Бэркхардт, — однажды, когда Барни и, как его там зовут, технический директор, немец, во всяком случае, они принесли этот, как бишь его, посылавший луч зеленого света из одного конца комнаты в другой. Барни разговаривал в одном конце комнаты, а я мог слышать его в какие-то наушники в другом конце. Его голос передавался с пучком света. Эта чертовщина чуть не ослепила меня.

— Лазер, — сказал Палмер.

Бэркхардт покосился на него.

— Да, кажется, так, — ответил он, помедлив. — Во всяком случае, дальнейшая работа над этим маленьким зеленым лучиком стоила семь миллионов. Там была еще эта игрушка, которая двигалась по столу. Помнишь, Гарри? Похожая на стального краба. Она наткнулась на пепельницу и, прежде чем мы сообразили, съела два окурка и выдала их детальный химический состав. Пять миллионов долларов, как я помню, чтобы выяснить, из чего сделаны сигареты.

— Эта штука предназначалась для работы на поверхности Луны, — сказал Палмер. — Очевидно, так оно и есть или будет. — Он глубоко вздохнул. — Вы знаете, о чем я думаю? — продолжал он. — Почему, собственно, мы должны отказывать им в их просьбе? Они платежеспособны, и, видит бог, они делают важную

работу. Некоторое время все молчали. Потом Бэркхардт сказал:

— Вуди, вы предлагаете положить полмиллиарда яиц в одну корзину? На двадцать лет? По пять с половиной процентов. Знаете, это же просто сумасшествие.

Палмер пожал плечами:

— Заставьте их разложить эти полмиллиарда яиц в несколько корзинок. Ответьте в принципе положительно, но потребуйте, чтобы они делали это постепенно, распределив работу по группам и компаниям и таким образом финансируя каждую группу в отдельности, мы тем самым уменьшим свой риск, а они получат нужные им деньги.

Гарри Элдер покачал головой:

— Год назад мы предлагали это Барни Кинчу. Он не согласился. Джет-Тех — компания, в которую вложены государственные средства. Детали займов необходимо оглашать. Но тогда конкуренты Джет-Тех смогут тут же определить, как много было занято для какой группы и каковы планы по расширению торгового оборота. Они узнают, какие линии развития будут сокращаться, на что делается главный упор, в общем все.

— И даже хуже, — добавил Мергендал. — Те же самые вещи смогут узнать и русские, если будет целая куча займов. Нет. ДжетТех нужна крупная денежная сумма без целевого назначения.

— Вот видишь, — обратился Бэркхардт к Палмеру.

— Боюсь, что да.

— Ладно, — продолжал Бэркхардт, — давайте поговорим о тактике. — Он повернулся к Мергендалу: — Клифтон, обрисуйте нынешнее настроение Арчи Никоса.

Пока Мергендал готовился ответить, Палмер повторил про себя слова шефа. Никто в банке не называл Мергендала Клифтоном.

Бэркхардт тоже не употреблял его полное имя. Не было ли здесь слабого оттенка иронии? И только ли оттенка? И если это ирония, не является ли она сигналом Палмеру, знаком того, что Бэркхардт больше не доверяет Мергендалу? Может быть, таким способом Бэркхардт показывает Палмеру свое согласие с его выводом о назревающей борьбе за власть? Если так, считал ли стреляный воробей Палмера своим союзником? Если да, почему он не пригласил Палмера на это заседание?

— ...насколько я могу судить, — говорил Мергендал, — он остается вполне нейтральным, очень дружественным с обеими сторонами, полным надежд на положительное решение о займе, готовым понять, если заём не будет предоставлен.

— Что значит «если»? — спросил Бэркхардт. — Арчи точно знает, что ответ отрицательный. Ему уже говорили об этом.

Мергендал кивнул:

— Он не был бы Арчи Никосом, если бы не пытался держать дверь приоткрытой.

Голос Гарри Элдера, трескучий, высокий, прозвучал еще громче, чем всегда.

— Арчи больше жизни нужно положительное решение о займе. Он может быть каким угодно, но только

не нейтральным. И не говорите мне, что он не заявлял, что, видя наше упорное нежелание, как он обычно выражается, он будет искать другие источники финансирования.

— Ну, он бормотал что-то в этом роде, — согласился Мергендал.

— А какие другие источники? — спросил Палмер. — Кто еще имеет такие деньги?

Смех Бэркхардта гроыхал довольно долго.

— Я точно знаю, что европейские источники Арчи всегда готовы прислушаться к деловым предложениям.

— Где в Европе вы найдете так много свободного капитала? — поинтересовался Палмер.

— Можно найти, — заверил его Бэркхардт. — Арчи может сколотить синдикат стран Общего рынка. У них просто руки чешутся любым способом урвать кусочек нашего бизнеса. Представьте себе Джет-Тех, контролируемый Европой. — Он опять засмеялся. — Представьте себе Джо Лумиса и Барни Кинча, вынужденных это проглотить.

— Точно, — сказал Палмер. — Они хотят денег Соединенных Штатов. наших денег.

— Ну, у нас для них денег нет, — возразил Бэркхардт. — Вот и все. Вы только подумайте, насколько больше мы получим с полмиллиарда, разделив его на сотни тысяч маленьких потребительских займов. Вся идея просто нелепа.

— Не для Кинча, — сказал Мергендал. — Ему нужны эти деньги. Очень нужны.

— До зарезу нужны? — спросил Гарри Элдер. — Что у него за беда?

— По моим данным, никакой, — быстро ответил Мергендал.

— Так нужны, — спросил Палмер, — что он согласен на повышение процентной ставки?

— На сколько? — взорвался Бэркхардт. — До шести процентов? До семи? Чтобы оправдать наш риск, мы должны были бы поднять ее до двенадцати. Вы можете представить, чтобы Лумис или Кинч платили двенадцать процентов? Ростовщичество!

Мергендал взял карандаш и постучал по ногтю большого пальца. — Если вас интересует тактика, — сказал он, — то самое главное — это дать Кинчу выход, убежище, место, куда он мог бы отступить и все же продолжать переговоры.

— Барни не ведет переговоров, вы... — Бэркхардт замолчал, чтобы не выругаться в присутствии секретарши. — Переговоры ведет Лумис. Барни служит приманкой с картами и диаграммами и всякими механическими штучками. И почему, черт возьми, я должен беспокоиться о предоставлении Лумису дыры для отступления?

— Кажется, — заметил Гарри Элдер, — мы так и не двинулись с места. Ваша тактика — выкрикнуть «нет!» и уйти? Так?

— Может быть, — задумчиво произнес Бэркхардт, — может быть. И, если я так поступлю, значит, у меня есть причины.

— Это не совсем правильно, — сказал Мергендал своим низким, приятным голосом. — Я вас знаю. Вы хотите включиться и, так сказать, играть вслепую. Очень скоро вы рассердитесь на Джо Лумиса, и вообще вся история смахивает на футбольный матч.

— Футбольный матч, — сказал Бэркхардт, его зубы сжимались после каждого медленно произносимого слова, — окончен. Дополнительных таймов нет. Зарубите себе на носу, Клифтон!

— Послушайте, — взмолился Мергендал, — это же неразумно, это противоречит всякой форме, всякому нормальному ведению дела. У нас есть возможность получить с помощью Джет-Тех кругленькую сумму. Зачем захлопывать дверь у них перед носом?

— Если я это сделаю, — сказал Бэркхардт так же медленно и твердо, — можете быть уверены, они будут стоять под дверью и ждать. Мы держим тонны их деловых бумаг, Клифтон. Они охотятся за огромной суммой. Так что, закрою ли я дверь мягко или же захлопну ее, они будут стоять как миленькие и ждать, пока я не открою ее снова. Что я и сделаю. Когда буду к этому готов и когда захочу, черт подери!

Мергендал уронил карандаш на стол.

— Безнадежно, — сказал он тихо.

— Совершенно правильное замечание, — согласился Бэркхардт.

Мергендал взял карандаш и бросил его в разинутый рот портфеля. Он хотел что-то сказать, но передумал и вытащил сигарету. Пока он закуривал, Палмер увидел, что этот человек колеблется на грани какого-то решения. Он слишком долго раскуривает, рот слишком напряжен,

глаза слишком спокойны, движения слишком сдержанны. Мягкие светлые волосы над его лбом растрепались. Одна прядь свесилась.

— Ну, послушайте же, — рассудительно произнес наконец Мергендал, выдохнув дым, — поставьте себя на место Кинча. Или, если хотите, Лумиса. Как вы поступили бы, получив такой отказ? Неловкая тишина повисла в воздухе. Ирма, секретарша, слегка шевельнулась в своем кресле и подтолкнула к Мергендалу пепельницу. Ее стенографический блокнот все еще оставался чистым. Бэркхардт коротко фыркнул:

— Боролся бы.

— Как? — спокойно спросил Мергендал.

— Грязно.

— А именно?

Бэркхардт махнул своей крупной рукой, как бы отметая вопрос.

— Мое дело, — ответил он. — Давайте перейдем — Ирма, начинайте записывать — к следующим вопросам повестки дня. Мергендал хотел было сказать что-то еще и опять передумал. Он пожал плечами, открыл свой портфель и вытащил пачку бумаг.

— Я начну с обзора поступлений за неделю, — начал он.

— Секундочку, Клифф, — прервал его Палмер. Он увидел, как все они повернулись к нему, даже Ирма. — Прежде чем мы оставим этот пункт, дайте мне еще одну минуту.

— Одну минуту, — хмуро разрешил Бэркхардт.

— Несмотря на все сказанное здесь, я по-прежнему за предоставление им займа. Я за то, чтобы сказать «да», а после разработать детали получения наибольшей выгоды, даже если поднять процентную ставку только до семи или же сократить срок до пятнадцати лет. Что-нибудь. Любое. Но я считаю, что мы должны предоставить им этот заем.

— Это, позвольте сказать, — промычал Бэркхардт, — это хороший выход для труса.

Глаза Гарри Элдера широко открылись:

— О чем это вы?

— Вуди знает о чем, — уверил его Бэркхардт. — Не так ли, Вуди?

— Думаю, да. И вы не правы. Я имею в виду кое-что другое, совершенно другое, когда предлагаю дать им их деньги.

— Вы обратили внимание, джентльмены, — предоставьте этому человеку всего одну минуту, и это уже «их» деньги.

— Вопрос гораздо серьезнее, чем мы все думаем, — продолжал Палмер. — Вы только что говорили о прибыли, которую мы могли бы получить от мелких потребительских займов. Прибыль есть прибыль. Но некоторые виды потребительских займов мне почемуто кажутся недостойным путем получения доходов. Вы ловите на крючок этих маленьких людей, получающих по пять тысяч в год, ловите каждый заработанный ими цент. Я не имею в виду лично вас. Я имею в виду каждого, кто что-нибудь продает. Потребители в большинстве своем необразованные люди, просто овцы.

Психологически они дети. Увидят что-нибудь яркое, блестящее, новое и тут же хотят это иметь. Ни черта не смыслят в своих торговых контрактах. Не имеют понятия о начисляемых процентах. Они даже не уверены, смогут ли заплатить очередной взнос. Им известно лишь то, что они хотят эту блестящую новую штучку. Их соблазняет и обманывает любой кредитный агент, за спиной которого стоят кредитные предприятия, крупные банки вроде нас. Это недостойный способ делать деньги. И...— Он сделал паузу, чувствуя что завладел вниманием всех присутствующих. — Совсем другое дело предоставлять займы бизнесу вроде Джет-Тех, фабрикантам, конструкторам, создателям материальных ценностей. Такие займы помогают держать заработную плату на высоком уровне. Это в свою очередь способствует денежному обращению. Это способствует продвижению страны вперед, это...

— Это позволит им производить больше крупных блестящих новых вещей для продажи слабоумным, — прервал его Бэркхардт. — Вуди, хватит болтовни, черт возьми. У нас еще много дела.

— Вы не хотите понять мою мысль, — сказал Палмер. — Если у нас есть деньги, давайте вложим их во что-нибудь стоящее.

— Кто мы такие, — вспыхнул Бэркхардт, — кто ты такой, чтобы вмешиваться в это, — Ирма, ради бога не записывайте эту чепуху, — чтобы стоять здесь и выступать против всего курса национальной экономики? Кто уполномочил тебя охранять бюджет потребителей? Если эти глупцы хотят глубже и глубже залезать в долги, туда им и дорога, сынок! Не наше дело наставлять их. Совсем наоборот. Мы делаем деньги, давая им то, что

они хотят. Если они хотят неограниченного личного кредита, они его получают.

— Именно такое ваше отношение, — ответил Палмер, — и поощряет их с каждым днем все глубже рыть себе яму. Каков сейчас долг мелких потребителей? Двести пятьдесят миллиардов? Где эти несчастные идиоты найдут такие деньги для выплаты, черт побери?

— Э, чепуха, — сказал Бэркхардт. — Вуди, если бы я не знал тебя — простите, Ирма, — я бы удивился, как ты вообще попал в банк.

— Банковское дело — такая же уважаемая профессия, как любая другая, — возразил Палмер. — Очень старинная профессия, кстати. Только одна — еще старше.

Гарри Элдер невесело рассмеялся.

— Регламент. Вернемся к нашим заботам, джентльмены. И между прочим, Вуди в известной степени прав. Если бы мы нашли способ уменьшить риск этого займа, я бы выступил за него.

— Вот как? — Бэркхардт вскочил. — И ты тоже, Гарри? Вы пользуетесь любой возможностью увернуться от борьбы.

— Спокойнее, — пробормотал Элдер, — сядьте, Лэйн.

Лицо Бэркхардта покраснело. Его молочно-голубые глаза сузились.

— Зарубите себе на носу, вы оба, — выговорил он хриплым голосом; казалось, ему трудно дышать. — Если миллионы человеческих существ в нашей славной демократической стране достаточно глупы и достаточно

жадны, чтобы потворствовать своим желанием, и стремятся заложить свои души, — он сделал глубокий вдох, — то я не намерен сидеть сложа руки и ждать, пока кто-нибудь другой выдоит их досуха. Я намерен получить долю ЮБТК. Львиную долю, черт побери! — Он потерял самообладание и почти кричал. — И какое бы давление на меня ни организовал Джо Лумис, он не заставит меня рисковать своими деньгами ради его дурацких схем, когда столько миллионов моих соотечественников-американцев взывают о кредите. Нет, сэр!

— И это, — услышал Палмер свой голос, — достойный выход из положения не для труса.

Кожа вокруг глаз Бэркхардта собралась какими-то узелками. Глубокие морщины перерезали лоб. На шее под выступающим подбородком вздулись вены. Он наполнил легкие воздухом. Палмер чувствовал, как все замерли в нервном ожидании.

Бэркхардт отвернулся и пошел к окну. Некоторое время он стоял там, бессмысленно уставившись вниз, на улицу, потом повернулся к ним. Его лицо казалось довольно спокойным. Он пошел назад к своему креслу и сел, махнув рукой своей секретарше.

— Извините, Ирма. Начинайте записывать. Клифф, цифры депозита.

Заседание продолжалось.

Глава сорок вторая

В полночь Палмер проводил до дверей последнюю пару — Джейн, тетку Эдис, и Тима Карви, ее третьего мужа. Она была лишь немного старше Эдис и такая же высокая. Они жили в Рокленд Каунти, около пятидесяти километров от Нью-Йорка, и, чтобы не ехать домой поздно ночью, сняли номер в отеле «Св. Рейджис». Вот почти и все, что Палмер смог вспомнить о них, когда он пожелал им спокойной ночи и закрыл дверь. Он немного постоял в вестибюле, неожиданно почувствовав, что ворвавшийся с улицы поток холодного воздуха, освежив помещение, освежил и его. Затем он вернулся в гостиную, занимающую два этажа, и устроился на огонь в огромном камине.

— Результат не очень ясен, — сказала Эдис из дальнего конца комнаты, там, где винный чуланчик и бар.

— Да?

— Это был своего рода эксперимент, дорогой. Может ли группа из восьми человек заполнить помещение. Вывод: нет.

— Очень жаль, — пробормотал Палмер.

— Это не твоя вина, — ответила Эдис, смеиваясь. — Теперь я знаю. Хотя думаю, что восьмерым более веселым людям это удалось бы несколько лучше.

— Если шесть из них банкиры и их жены, — задумчиво сказал Палмер, глядя в огонь, — едва ли можно ожидать большого оживления.

— В следующий раз мы пригласим двенадцать человек. Мне кажется, тогда все будет прелестно.

Палмер поднял глаза и увидел, что Эдис деловито устанавливает маленький стаканчик для вина в измельченном льду. Сейчас она наполнит стакан драмбуи или бенедиктином, охладит его и выпьет.

— Сделай еще один, — попросил он.

— Сейчас.

— Как я понял из твоих слов, — продолжал он, — сегодня им было скучно.

— Скучно? Не знаю. Очень может быть, что это из-за комнаты.

Палмер покачал головой:

— Виноваты люди. И прежде всего я сам. Ты не знала никого, кроме Джейн и ее мужа. А я знал. За обедом все было в порядке, но потом, когда я позволил Бэркхардту припереть меня к стенке разговорами о служебных делах, наступил холодок.

— А о чем вы толковали? — спросила она, погружая в лед еще один стаканчик. — Это было похоже не на служебные разговоры, а скорее на философский спор.

— Я думаю, — сказал Палмер, наблюдая, как она наполняет до половины стаканчики, — именно это и рассердило старого сыча. Он не подкован для философских споров или же считает себя неподкованным.

— Он, кажется, обвиняет тебя в реакционных наклонностях.

— Он считает, что я не иду в ногу со временем.

Некоторое время они молчали. С улицы на каком-то расстоянии от их дома раздался звон церковного колокола, пробившего двенадцать раз.

— Еще не охладилась? — спросил Палмер.

Эдис покачала головой.

— Из всех банкиров, которых я знаю, — сказала она, — тебя я меньше всех подозревала бы в реакционности. С каким временем ты не идешь в ногу?

— О, это один из сложнейших, запутанных вопросов, ответы на которые мы узнаем, как я подозреваю, лишь лет через пятьдесят. Между прочим, вся эта история представляет чисто академический интерес, потому что мои возражения абсолютно не принимаются во внимание.

— Борьба с ветряными мельницами?

Он сел на высокий табурет перед баром.

— Все, с кем я уже говорил об этом, считают, что я не прав. — Он уставился в ведро с измельченным льдом. Два стаканчика казались глазами в снегу. Они в свою очередь уставились на него.

— Но ты и сам не убежден.

— Я совершенно убежден в своей правоте. — Он криво улыбнулся. — Возможно, я не прав с точки зрения узко практической. В крайнем случае я ошибаюсь в отношении этого года и, может быть, следующего.

— Тебе просто хочется поговорить? — спросила она. — Или же в конце концов ты введешь меня в курс дела?

— Я думал, ты слышала старого Бэркхардта. Его голос разносился по всем углам.

— Я честно вела разговоры с остальными.

— Ладно. Дело идет о неограниченном потребительском кредите. — Он вздохнул. — Наверное, они уже холодные. Эдис вынула один стаканчик и протянула его Палмеру:— Если ты любишь теплый драмбуи...

Палмер отпил немного и нашел, что ликер достаточно холодный. — Видишь ли, — начал он, — придет день расплаты, когда все должники или выплатят деньги — что невозможно, — или же экономика съежится, как проколотый воздушный шар. Сроки выплаты кредитов так сильно растянуты, а сумма выданных кредитов настолько оторвалась от наличности, что фабриканты в один прекрасный момент будут вынуждены потребовать выплаты у оптовых торговых фирм, которые требуют выплаты у мелких торговцев, а те в свою очередь у потребителей.

— Но разве потребители не могут заплатить, дорогой?

— Они работают на предприятиях у фабрикантов, чьи кредиты так просрочены, что здравый смысл больше не позволяет им производить товары. Они свертывают производство, увольняют рабочих. А безработный не может заплатить свои долги. Понимаешь?

Эдис покачала головой и медленно вынула изо льда свой стаканчик с ликером. — Я думала, автоматика позаботится обо всем этом.

Палмер рассмеялся коротким злым смехом, так похожим на смех Бэркхардта, что на мгновение замолчал, соображая, когда это он успел подцепить эту манеру.

— Способ производства товаров не может изменить кредитного цикла, — объяснил он наконец.

— Тогда мы обречены.

— Я настолько закрутился во всей этой чепухе, что начал выдавать догмы, — вздохнул Палмер и отпил немного ликера. — Две вещи способны спасти положение. Федеральная резервная система может прижать банки. Банки сократят кредит торговцам, которые в свою очередь урежут потребительский кредит. Или же потребители будут следить за собой и вести себя как взрослые люди, а не как жадные дети.

— Значит, — промолвила Эдис, держа свой стакан против света и внимательно изучая его, — все зависит от потребителей?

— Очевидно.

— А они не будут вести себя как взрослые, — продолжала Эдис, — пока живут в страхе, что сегодня вечером или в какойнибудь особенно солнечный день на следующей неделе все это разлетится на кусочки.

Они тянули свой ликер в тишине. Какое-то полено в камине надломилось, выбросив в дымоход целый сноп искр. — Я думаю, это не тема, в которую человек может, так сказать, погрузиться с ходу, без подготовки.

— Она была предметом обсуждения на сегодняшнем заседании в банке. Теперь мои коллеги, должно быть, считают меня помешанным на этом вопросе.

— А каково их мнение?

— Честно говоря, я раньше не обсуждал это с ними.

— Тогда с кем же?

— Ну, я не знаю. Я разговаривал с нашими работниками из отдела рекламы и информации.

— Маком Бернсом? — спросила она.

— Да, кажется. Он и мисс Клэри совершенно ничего не понимают в банковском деле. — Палмер посмотрел на ликер у себя в стакане и понял, что поздний час и, вероятно, весь алкоголь, поглощенный им за вечер, слишком развязали ему язык. Не то чтобы он не мог вести беседу, касающуюся Вирджинии, сказал он себе. Скорее, он просто был глупцом, упомянув ее имя.

— Она занимается рекламой и информацией?

«Видишь, — сказал про себя Палмер, — видишь?» И вслух:

— Она, по существу, мой посредник в отношениях с Бернсом. — Он сделал короткий сдержанный вдох и попытался провести отвлекающий маневр. — Ни один из них не понимает банковского дела. Просто удивительно, как в наши дни люди становятся экспертами. В Олбани я встретил одного так называемого специалиста по атомной энергии. Он член комитета по размещению электростанций. После пятиминутного разговора я увидел, что он знает об атомной энергии столько, сколько может знать человек, прочитавший об этом статью в приложении к воскресной газете. И он эксперт в Олбани.

— Кто же нанял мисс Клэри? — спросила Эдис, возвращаясь к прерванной мысли.

Палмер пожал плечами:

— Она уже работала, когда я пришел.

— Она привлекательна?

Палмер негромко рассмеялся. Он вспомнил правильный ответ на этот вопрос первых лет своей супружеской жизни.

— Честно говоря, я не заметил, — сказал он.

— Сколько ей лет?

— Ну, твоих лет.

— А как она выглядит?

— Брюнетка. Невысокого роста. — Он на секунду замолчал. — А что?

Эдис глотнула ликеру.

— Простое любопытство. Я встречала Мака Бернса, но никогда не встречала мисс Клэри. Мисс?

— Так ее называют. На самом деле, я думаю, она вдова.

— Правда?

Палмер кивнул, не желая углубляться в эту тему. Впрочем, его тоже удивляло, почему Вирджиния пользовалась своим девичьим именем, но он считал дурным тоном спрашивать ее.

— Звучит очень драматично, — сказала затем Эдис. — Загадочная черная вдова. Что она делает в твоей конторе?

— Составляет всякие документы и прочее.

— Речи?

— Иногда, первые наброски.

— Я потрясена, — сказала Эдис, — теперь я знаю, откуда идут все эти достойные цитирования атаки на сберегательные банки.

— Не совсем так. — Палмер встал и налил себе еще немного ликера. — Окончательный вариант я делаю сам.

Эдис мягко рассмеялась:

— Бэркхардт прав, дорогой. Ты безнадежно старомоден.

— Вовсе нет. К банкирам прислушиваются. Их слово не должно быть необдуманно и несерьезно. Если он несдержан, то, атакуя других банкиров, он уничтожает не только своего оппонента, но и бросает подозрение на себя. Я стараюсь, чтобы мои речи были умеренными.

— Очень хорошо сказано. — Эдис иронически посмотрела на него. — Я была не права, Вуди, ты тоже. В конце концов, ты сын своего отца.

Палмер встал, выиграв в физической высоте, если ни в чем другом.

— Совсем нет. Я скажу тебе кое-что о моем отце. Будь он сейчас жив, он был бы на стороне Бэркхардта. Я знаю, потому что у нас с ним были такие же споры.

— Прости.

— И я скажу тебе что-то еще, — продолжал Палмер, стараясь держать свой голос на разумно низком уровне. — Если бы я относился к банковскому делу иначе, я давно бросил бы его. Ты думаешь, что удерживало меня? Что удерживает меня сейчас?

— Ты хорошо в нем разбираешься. И, Вудс, чем бы еще ты занимался?

Палмер грустно покачал головой. Он отодвинул от себя стакан и подошел к камину. Мгновение он смотрел на огонь, потянулся к кочерге и поправил поленья. Затем повернулся к жене.

— Каждый строит свою жизнь из того, что у него под рукой, — сказал он. Его голос странным эхом отдавался в огромной комнате. — Даже сыновья хорошо обеспеченных людей. Даже, — добавил он, указывая на нее, — их дочери. У меня под рукой было банковское дело. И я занялся им. Я говорю себе: это почетная профессия. Я верю, что она осуществляет необходимые общественные функции. И когда она перестает это делать, она для меня перестает существовать. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Это очень грустно.

— Да, грустно, — согласился он, — потому что банковское дело освобождается от этих необходимых функций, подобно тому как змея сбрасывает тугую, сковывающую ее кожу. Банк должен придавать силу, поддерживать, защищать. Главная функция банковского дела — сберегать.

— Это было, — сказала Эдис, — функции меняются.

— Легкие дышат. Сердце гонит кровь. Некоторые функции не меняются. Если же это происходит, результат — смерть.

— Боже мой, Вудс, я и не представляла, что ты...

— Я тоже не представлял, — прервал он ее. — Я всегда знал, как относиться к этому. Я просто не знал, что могу так сильно переживать. Но сегодняшнее заседание

снова разбередило все во мне. Я мог бы, пожалуй, рассказать тебе, что происходит.

— Что же?

— «Джет-Тех интернешнл». Им нужен беспримерно огромный заем по беспримерно низкой процентной ставке. Мы отказываем им, потому что можем получить от тех же денег гораздо больше прибыли, давая маленьким должникам еще глубже залезать в долги. Если Джет-Тех не получит от нас заем, они попытаются завладеть банком.

— Ты серьезно?

— Они серьезно. Борьба со сберегательными банками? Это законная борьба. Но Джет-Тех нарочно подогревает ее до лихорадочного напряжения. Втягивая Бэркхардта, ведя его к проигрышу, они дискредитируют его в глазах акционеров. Сами же между тем спокойно скупают все акции, какие только могут найти.

— Прекрасно. Бэркхардт знает?

— Да.

Эдис помолчала.

— Акции поднимутся?

— Они уже поднимаются.

— Тебе никогда не приходило в голову, — медленно и задумчиво сказала она, — что Бэркхардт может получить хорошенькую прибыль от своих ценных бумаг?

— Да. Я думал об этом. Отбросил эту мысль. Кто-нибудь другой, только не Бэркхардт.

— Кто-нибудь вроде тебя?

Палмер уставился на нее. Она встретила его взгляд. Ее светлокарие глаза под белесыми бровями были совершенно спокойны и неподвижны.

— Мадам, — сказал он наконец, — вы меня удивляете.

— Ты бы так не поступил? — спросила она.

— Нет. Но не по этой причине. Смотри. — Он пододвинул табуретку ближе к бару. — Если я куплю акции ЮБТК ради быстрой наживы, я окажусь в одном лагере с Джет-Тех. Мои руки будут связаны.

— Но, Вудс, что, если они победят? Могут они?

— У них отличные возможности.

Она хлопнула в ладони.

— Дорогой, разве ты не видишь?

— Чего не вижу?

— Что если ты должен что-нибудь покупать, то это акции Джет-Тех. Немедленно.

Палмер рассматривал свой наполовину наполненный стакан. Завтра, когда известие об отказе Джет-Тех в займе распространится, их акции упадут на три пункта или больше. Послезавтра как раз настанет время покупать их.

— Эдис, где последний воскресный номер «Таймс»?

— Не знаю... Может быть, в корзине с дровами.

Палмер разобрал руками поленья и обнаружил газету, положенную туда для растопки.

— Здесь. Двухнедельной давности. Не имеет значения. — Он нашел финансовый раздел и стал

изучать большую таблицу — обзор за неделю. — Акции Джет-Тех открыли неделю при сорока четырех. Наивысшая точка за неделю — сорок шесть и одна восьмая. Закрыли неделю на сорока трех с тремя четвертями. — Он встал и подошел с газетой к бару. — Послезавтра они должны упасть до сорока или что-то около этого. Потом, если Джет-Тех захватит контроль над ЮБТК, акции могут стремительно подскочить. Десять пунктов — это весьма умеренное предположение.

— Так сделай это.

Некоторое время он сидел молча.

— Я знаю, — продолжала Эдис, — у тебя угрызения совести. — Она изучающе посмотрела в свой пустой стакан, потом снова поставила его в лед и еще раз наполнила ликером. — Я знаю.

— Тут много всякого, Эдис.

Она покачала головой:

— Просто угрызения совести.

— Угрызения совести здесь ни при чем. Здесь вот что. Как бы Бэркхардт ни относился в Джо Лумису, я знаю, что Джет-Тех делает стоящее дело. Без организаций вроде этой, где бы мы были в так называемой борьбе за космическое пространство?

— Но если Джет-Тех кооперируется даже с ангелами, это тем не менее не дает ей права украсть банк.

Палмер встал и направился к окну. Его шаги гулко отдавались в этой огромной комнате. Он прошел мимо огня, хотел было еще раз помешать дрова, но передумал и пошел дальше к окну. Подойдя к нему, он прислонился

лбом к холодному стеклу. Снаружи, сквозь бетонный фасад с его резкими изгибами и извилистыми просветами, были видны отдельные куски улицы, фары автомобиля, лампа в окне, железный шпиль забора. Нельзя, сказал он себе, подходить к бизнесу с этическими нормами. Это просто путает все дело. Нереально считать один путь правильным, а другой нет. Единственно правильный путь бизнеса — это делать прибыль, не попадая в тюрьму.

Он повернулся лицом к жене.

— Я не прав, — произнес он.

— Что, дорогой? — Ее голос слабо донесся до него через всю комнату.

— Я не прав, — повторил он, повышая голос. — Они имеют полное право пытаться перехватить у нас банк.

— Да? И что же?

— И я имею полное право попытаться помешать им.

— И это ты собираешься сделать?

— Да, — пробормотал он.

— Я не слышу тебя.

— Да, — сказал Палмер. И снова так громко, что слово уже прозвучало криком:

— Да!

Он повернулся к окну и вдруг обнаружил, что смотрит в глаза мужчины и женщины, уставившихся на него сквозь кружевной фасад. Явно смущенные тем, что они замечены, оба тут же исчезли.

— Тебе совсем не нужно кричать, — сказала Эдис.

Глава сорок третья

Совместное заседание с Джет-Тех было назначено в деловом квартале, в зеленом с тиковыми панелями зале правления в главной конторе банка. Палмера опять не пригласили, но на этот раз он не пошел. Вместо этого он потратил почти половину дня, сочиняя речь для Буффало. Черновик, который Вирджиния дала ему, был, по ее признанию, сделанному весьма непринужденно, просто списан с речи в Сиракузах. Теперь без десяти минут пять, Палмер закончил новый набросок и отдал его Вирджинии. Она стояла перед ним и, слегка нахмурившись, читала первую страницу, стараясь разобрать его почерк на разлинованном желтом листе бумаги.

— Что это за слово? Обороты?

— Думаю, да.

— Скорее выглядит, как аборт. Они в Буффало знают, что такое оборот? — Она нежно улыбнулась ему:— Думаю, они лучше знают, что такое аборт.

— Пойди освежись.

— Сейчас пойду, — кивнула она. — Мне надо редактировать это, когда буду перепечатывать?

— Мисс Клэри, — начал Палмер, — вы журналистка, а не машинистка.

— А вы вице-президент, исполнитель, а не сочинитель речей.

Он открыл рот, чтобы возразить. В это время тихо прожужжал внутренний телефон.

— Да? — ответил он.

— Какой-то мистер Гаусс хочет вас видеть.

— Кто?

— Какой-то мистер Гейнц Гаусс. Ему не была назначена встреча.

— Боже мой, пригласите его ко мне. — Палмер встал и устремился к двери. — Кто бы мог подумать!

— Ученый Гейнц Гаусс? — спросила Вирджиния.

— Тот, которого я взял в Пенемюнде. — Палмер открыл дверь в то время, как Гаусс подходил к кабинету. — Гаусс! — воскликнул он, протягивая тому руку.

Гейнц Гаусс задержался у двери, позволив потрясти свою руку. Он был на целую голову ниже Палмера, худой, маленький человек, немного старше 60 лет, с редующими черными волосами, у висков грязно-серыми.

Когда он смотрел на Палмера большими черными глазами, казалось, его узкий, похожий на клюв нос слегка подергивается. Его большой, тонкогубый рот зашевелился, как у заики, затем остановился, потом снова задвигался. Из-под зачесанных назад прядей волос просвечивал серо-желтый череп.

— Вы не очень изменились, — сказал Палмер.

— О нет, я изменился.

Палмер отпустил его руку, но Гаусс продолжал стоять на месте. Теперь он всматривался в огромную комнату. Его взгляд остановился на Вирджинии.

— Это мисс Клэри, наш сотрудник из отдела рекламы.

Гаусс выпрямился, но его каблуки не щелкнули. Он слегка поклонился:

— Очень приятно, мисс Клэри.

Вирджиния подошла к двери. Палмер видел, что, если бы не ее совершенно очевидное намерение покинуть комнату, Гаусс не изменил бы своей позиции в дверях. Теперь же ему пришлось сделать это, боком войдя в комнату.

— Исправленный экземпляр будет позже.

— Вы сейчас не идете домой?

— Нет, я собираюсь немного поработать над ним.

— Я зайду к вам попозже.

— Прекрасно.

Палмер закрыл дверь и повел Гаусса к стоящему у письменного стола креслу. Маленький человек осторожно сел, как будто стараясь занять по возможности меньше места. Палмер сел в свое кресло.

— Сигарету?

Гаусс потянулся было за сигаретой, но остановился на полдороге. — *Deja vu* [Уже виденное (франц.)], — пробормотал он.

— Что именно?

— Вы предлагали мне сигарету, когда мы виделись в последний раз.

— Предлагал, конечно. И после всех этих лет снова это делаю, — слегка улыбнулся Палмер, — Что привело вас в город?

Нахмурившись, Гаусс взял сигарету и закурил.

— Вы должны знать, — сказал он. — Эта история с Джет-Тех. Я руковожу научноисследовательскими работами.

У Палмера было такое ощущение, будто кто-то провел ему по сердцу холодной тряпкой. Ни одного слова от Гаусса за пятнадцать лет. Это было в порядке вещей. Но его неожиданное появление именно теперь было слишком многозначительно.

— Вы в городе с Барни Кинчем, я полагаю?

— Я прямо с заседания. Результат которого вы, вероятно, знаете?

— Да. — Палмер подвинулся ближе к столу. — Если это вас как-нибудь утешит, я возражал против такого решения. Глаза немца просветлели. — Да? А почему?

— Думаю, мы могли бы прийти к какому-то соглашению. Может, это было бы не то, чего вы хотели, но по крайней мере вы получили бы кое-какие деньги.

— Кое-какие деньги. — Уголки тонкого рта Гаусса опустились. — Сказать вам кое-что ради старого знакомства?

— Если вы считаете нужным.

— Половина бюджета следующего года на мои экспериментальные работы уже израсходована на эту проклятую богом ракету-носитель «Уотан».

— Ту, что продолжает взрываться? Это ваше?

— *Mea culpa* [Моя вина (лат.)]. — Маленький человек поудобнее уселся на стуле, как будто неудача давала ему определенные привилегии. — Начать с того, что все это — глупая авантюра. Двигатели на жидком топливе устареют прежде, чем сойдут с чертежных

досок. Вы не думаете, что другие ученые продолжают возиться с этой детской игрушкой, не правда ли?

Палмер пожал плечами.

— Я, честно говоря, не успеваю следить за работами в этой области, — признался он.

— Но имя Джет-Тех связано с этой проклятой богом ракетой «Уотан», — сказал Гаусс. — И вот ради поддержания нашего реноме я выбрасываю в мусоропровод миллионы научно-исследовательских денег. Поэтому я так надеялся на одобрение займа.

Палмер приготовился встретить неизбежную просьбу, которая должна была последовать.

— Я также очень сожалею.

Немец кивнул:

— Есть и другие причины. Я надеялся, что вы будете на заседании вместе со мной. Я принес некоторые из наших новых игрушек. Безобидные вещички. Очень увлекательно.

— Да?

— Там никто не понял их значения. Вы, я думаю, поняли бы. У вас есть научное образование, нет?

Палмер покачал головой:

— Очень элементарное.

— Тем не менее, — продолжал маленький человек, — вы понимаете принцип ионного двигателя? Он создает ускорение, используя не энергию выхлопных газов, а излучение потока ионов, заряженных частиц. Все компании уже имеют эти двигатели. Но лишь мой способен создать именно то ускорение, которое

необходимо. Действенное, неизменное, осязаемое, активное ускорение. Не здесь на земле. Воздух очень плотный. А в космосе, где нет воздуха. Очень увлекательно.

— Ваше собственное изобретение?

Гаусс дотронулся до своей груди.

— Моей группы. Я слишком стар для потрясающих открытий в науке. Открытия совершаются тридцатилетними. Но я еще могу показать, где вбивать первый клин. И они слушают.

— Это тоже приносит удовлетворение.

— Только что, — сказал немец, как будто его визит был заранее тщательно разработан, — я говорил, что двигатели на жидком топливе устарели. Вы понимаете преимущества твердого топлива?

— Для снарядов. С ним они выстреливают быстрее.

— Для космических ракет то же самое. Твердое топливо требует меньше всяких электронных схем, меньше всех хрупких маленьких устройств, так легко выходящих из строя. В твердом топливе мы имеем нечто совершенно новое, способное унести нас дальше Марса... и обратно.

— Строжайшая тайна?

— Правительство, конечно, знает. — Маленький человек поднял руку к голове. — Они не могут понять, по-настоящему понять все возможности этого топлива. Оно спечено. Вы знакомы с этим термином?

— Спечено? Вы спекаете его маленькими кусочками?

— Размер не больше аптечной пилюли. Каждая пилюля горит ровно 10 секунд. Ни больше, ни меньше. Она имеет твердую оболочку, которая ограничивает горение и усиливает его эффективность. При равном количестве жидкого и твердого топлива от твердого мы получаем сильнее толчок. Эти пилюли компактны. Хранить их так же легко, как жевательную резинку, что продается в автоматах для штучных товаров. Они поступают в камеру сгорания так медленно или так быстро, как вам это требуется. Фантастический контроль!

— Из ваших слов может создаться впечатление, что вы уже на полпути к звездам.

— Не только к звездам. Мы одна из этих проклятых богом разветвленных компаний, чьи деньги вложены в различные предприятия. — Немец произнес слово «разветвленных» подчеркнуто пренебрежительно. — У нас ведется несколько многообещающих работ по электронике. Микроминиатюризация. Это не моя область, но я стараюсь следить и за этим. У нас есть коротковолновый передатчик размером в десятицентовую монету. И приемник размером в спичечную головку. Сегодня днем я показывал эти игрушки. Никто не понял. Я попытался объяснить. Я сказал, что мы можем построить настолько мощный усилитель, что он, работая на энергии маленькой солнечной батареи, может быть использован для посылки радиосигналов с Марса на Землю в течение многих и многих лет. И все это — усилители, батареи, передатчик, приемник — может поместиться в наперстке.

— Что на это ответил Бэркхардт?

— Его рот не сказал ничего. Его глаза сказали мне, что я лжец. Я принес с собой фильм о работе нашего

нового турбинного двигателя на керосине. Объем его, грубо говоря, с футляр телевизора. Вес 80 фунтов. Мощность 85 лошадиных сил. Вы понимаете, что означает эта фантастическая пропорция веса и мощности? Вы понимаете, что автомобиль с таким легким и таким мощным двигателем может быть сделан таким же легким, а значит, и быстрым и, значит, дешевым? В фильме показано, как мы устанавливаем этот двигатель на «фольксвагене». В машину садятся четыре человека. Она берет сразу со старта огромную скорость. Молния! И на дешевом керосине, а не на бензине.

— Это, должно быть, произвело огромное впечатление на наших людей.

— Да. Они спросили, как скоро мы можем дать это в производство, — вздохнул Гаусс. — Года два? Три? Даже имея заем, так долго?

— Тогда они потеряли к этому всякий интерес, — предположил Палмер.

— Один из наших планов зажег немного огня. У нас есть миниатюрная счетная машина. Полный комплект аппаратуры с запоминающим устройством на миллион знаков. Частота съема информации больше, чем у любой подобной машины. Она может быть использована для учета инвентаря. С дополнительно заложенными в нее данными она ведет бухгалтерию любой розничной торговли. Мы продаем такую машину за 50 тысяч долларов. Конечно, правительство не разрешает нам сдавать ее в аренду. Но будь у нас деньги, мы бы сами финансировали. Магазины розничной продажи могли бы купить у нас счетные машины в кредит.

— А это понравилось Бэркхардту?

— Пока мы не объяснили, что первые несколько лет не будет дохода. Мы должны будем научить персонал каждого магазина обращаться с нею.

— Вы принесли с собой пакетик этих штучек? — Палмер удобнее уселся в кресле. Если задачей Гаусса было просить деньги, он был по крайней мере очаровательным просителем. — Быть инициатором множества передовых идей — это, наверное, дает огромное удовлетворение.

Немец с гордостью откинулся на спинку кресла. Он положил ногу на ногу и заговорил, экспансивно жестикулируя сигаретой, держа ее за фильтр, как карандаш. Теперь трудно было узнать в нем осторожного скромного человека, каким он вошел в комнату.

— Полагаю, — заявил он, — мы могли бы показать конкурентам несколько вещей. — Его лицо неожиданно стало таинственным. — Кое-что из не обсуждавшегося сегодня. Но вы это оцените. У нас есть топливный элемент ненамного больше куска хлеба. Он работает на любом углеводороде: бутане, бензине, даже на высокооктановом горючем. И мощность его больше 100 ватт. Его можно объединить, — продолжал Гаусс, водя указательным пальцем по ладони, — с электромотором весом в один фунт, мощностью в 8 лошадиных сил. Вы можете в это поверить? — Он энергично покачал головой.

— Похоже, — сказал Палмер, — что вы отказываетесь от обычного двигателя. Приделываете к каждому колесу машины по такому моторчику и заставляете их работать от этого элемента?

— Точно. Я знал, что вы поймете. — Немец широко улыбнулся:— Так что, видите, мы не тратим время зря. Если не считать этой проклятой богом ракеты.

— Да, могу вас понять.

— Но вы догадываетесь, к чему в конечном счете все это идет? — спросил Гаусс. — Ракета-носитель на твердом топливе? Ионный двигатель? Микроминиатюризованная связь? Топливный элемент? Супермотор? Это начало снаряжения комплекта «сделай сам» для исследования космоса. Самая его сущность в том, что оно маленькое, легкое, позволяющее занять большую часть полезной емкости продуктами для поселенцев. После осуществления посадки вы передвигаетесь при помощи этого топливного элемента и двигателя. Луна, например, станет знакомой территорией в течение каких-нибудь нескольких дней. А с Луны, с ее меньшей силой тяготения, мы отправимся на другие планеты. — Он потряс руками в воздухе. — Все это действительно в пределах досягаемости, все! Зачем тратить время на искусственную космическую стартовую площадку? У нас уже есть естественная площадка — Луна. А ДжетТех имеет все данные, чтобы превратить Луну в самую большую космическую платформу, какая нам когда-нибудь понадобится. Это будет нашим трамплином на пути к звездам.

Некоторое время оба молчали. Палмер медленно улыбнулся:

— Поэтично. И очень впечатляюще.

— Не правда ли? — Немец закивал головой, его черные глаза блестели. Потом замолчал. А еще минуту спустя его лицо утратило всякое выражение. Он вздохнул. Казалось, он даже сократился в объеме, как

будто под большим давлением. Он убрал руку, снял ногу с ноги и крепко сжал колени. — Все это, — сказал он упавшим голосом, из которого ушла всякая радость, — требует денег.

— Вы, конечно, можете рассчитывать на правительственные фонды.

— Мы двигаемся слишком быстро для такой струйки денег. — Ноздри Гаусса презрительно раздулись. — Полмиллиона оттуда, полмиллиона отсюда. До солнечной системы рукой подать, а мы точно нищие вымаливаем подачки.

Палмер усмехнулся:

— Мне нравится, как вы бросаетесь деньгами. «Полмиллиона оттуда, полмиллиона отсюда». Это звучит прелестно.

— О, вы шутите. — Немец смущенно улыбнулся. — Я понимаю, меня заносит. Частично это оттого, что знаю наши возможности. И частично из-за того, что я самый проклятый богом нетерпеливый человек во вселенной. Как вам известно, я старше всех из пенемюндской группы. Иногда я чувствую себя старше самого бога. Я уже вижу себя лежащим в гробу, мертвым, а наша работа продвигается вперед сантиметрами, существуя на скудные гроши, в то время как она могла бы идти вперед широкими шагами, лететь ввысь.

— И частично потому, — сказал Палмер, все еще улыбаясь, чтобы смягчить остроту своих слов, — что вы проклятый богом эгоист. Вы хотите это все для себя, не правда ли?

Гаусс слушал его молча, открыв рот. Глаза его ничего не выражали. Затем он попытался возвратить Палмеру улыбку.

— Незачем это, гм, скрывать. Еще двадцатилетними парнями, только что выпущенными из института кайзера Вильгельма, все мы стремились к звездам. Мы, конечно, читали работу Годдара. Ракета на жидком топливе. Двухступенчатая ракета. Никто в Америке не последовал его экспериментам, а мы это сделали.

— Да. — Палмер сухо кашлянул. — Ваш «Фау-2» это показал.

Гаусс сделал рукой странный жест перед грудью. Что-то вроде взбалтывающего движения.

— Это пришло позже, мой друг. Много позже. Приказы. Весь этот Schrecklichkeit [Ужас (нем.)] — по приказам. И я знаю, много людей погибло. Но когда русские обогнали вас с первым спутником Земли, что понесло в космос ваш собственный спутник? В чем существенная разница между вашим старым «Редстоуном» и нашим старым «Фау-2»?

Палмер не отвечал, вспоминая рейд на Пенемюнде, взятие в плен таких людей, как Гаусс, которые смогли стать изобретателями первой американской ракеты-носителя. Он с интересом подумал, как много чести принадлежит в этом деле ему самому? Он никогда серьезно не задумывался над этим, даже во время неудач первых запусков. В те дни его преследовала единственная мысль — может быть, он помог захватить в плен не тех людей.

— Гаусс, — сказал наконец Палмер, — рабочее время уже кончается. Не хотите ли выпить где-нибудь

поблизости? Немец встал даже прежде, чем Палмер закончил свой вопрос.

— Превосходное предложение, — ответил он, поворачиваясь к двери.

По пути к выходу Палмер неожиданно остановился.

— Подождите меня, пожалуйста, у лифта. Мне нужно еще кое-что посмотреть.

Он оставил Гаусса в длинном коридоре, ведущем к лифту. Маленький человек шел медленно от картины к картине, рассматривая их при свете расположенных над ними ламп, которые автоматически включались при заходе солнца.

Палмер сделал крюк у комнаты Вирджинии и обнаружил, что она деловито стучит на машинке.

— Ты должна была только отредактировать, а не печатать.

— Было столько поправок, что страница стала совершенно неразборчивой. — Она подняла глаза и неожиданно улыбнулась ему:— Тебя ждет герр Гаусс.

— Мы с ним немножко выпьем. Это единственный способ утешить его. — Он украдкой оглядел пустой кабинет. — У тебя есть... имеешь ли ты какой-нибудь... ну, в общем...

— Никаких планов на этот вечер, — прервала она. — А у тебя?

— Твой телефон вечером соединяется с городом? Я позвоню тебе, когда отделаюсь от Гаусса.

— Я не знаю, к какому номеру они меня подключили. Давай лучше встретимся где-нибудь, ладно?

— А где?

Она подумала.

— Там тебя, вероятнее всего, никто не знает. И наоборот. Бар на Третьей авеню. — Она дала ему адрес.

— Наверное, это займет час, — сказал он. — Ничего?

— Нет.

— Прости, почему?

— Слишком долго. Постарайся управиться за пять минут.

Он улыбнулся:

— За сорок пять, ладно?

— Иди. Быстреей.

Он наклонился над ней. Слабый, дымный запах духов в ее волосах вызвал дрожь в бедрах. Он начал целовать ее щеку.

— Нет, нет, — сказала она. — Сумасшедший.

— До свидания. Сорок пять минут.

Когда Палмер подошел к лифту. Гаусс выглядел — если вообще как-то выглядел — меньше и смиреннее. Может, это из-за коридора, подумал Палмер. Высоченный потолок любого превращает в карлика. Глаза у немца были огромные и печальные. Казалось, его длинный остроконечный нос дрожит.

— Я совсем не гожусь для такого дела, — сказал он тихим голосом, чуть громче шепота.

— Какого дела?

— Просить.

Палмер нажал на кнопку лифта.

— Чепуха. Вы им не для этого нужны.

Гаусс быстро и несколько раз кивнул:

— Но им это необходимо.

— Не ко мне надо было обращаться. Я высказал свое мнение, и его провалили. Теперь я должен присоединиться к решению моих коллег. Лумис и Кинч понимают это.

Немец неожиданно безнадежно рассмеялся. Его смех прозвучал как кудахтанье.

— Они послали не того, кого надо, не к тому, к кому надо. Симптоматично.

В этот момент двери лифта открылись. Палмер и Гаусс вошли внутрь.

— Во всяком случае, — сказал Палмер, — мы можем выпить.

— Да, — согласился маленький человек. — Это будет единственно правильный коэффициент в уравнении.

Глава сорок четвертая

Палмер выбрал бар не слишком далеко от того, где он должен был встретиться с Вирджинией. В первые пятнадцать минут Гаусс покончил с одной порцией виски и принялся за вторую. Хмель несколько не поднял его настроения, заметил Палмер. Он лишь снял оковы, державшие под контролем его жалость к себе. Палмер сидел через стол от немца и удивлялся, как этот человек, который мог гордиться столькими важными начинаниями, умудрялся выглядеть таким несчастным.

— На, — говорил Гаусс, — На, на [Здесь: вот так (нем.)]. Все прошло мимо меня, alter Freund [Старый друг (нем.)]. Мне уже за шестьдесят. Далеко за шестьдесят. И та капелька удачи, которая выпала на мою долю, давно исчерпана. Она, du kennst [Знаешь (нем.)], ausgespielt [Исчерпана (нем.)], иссякла, и я вместе с ней.

— Что общего имеет удача с наукой?

— Все. Спросите, что общего имеет удача со всем, что делает человек? Рисует картины? Сочиняет музыку? Строит ракеты? Сделать вовремя — это все, а чтобы успеть сделать вовремя, нужна удача.

— У вас были успехи. — Палмер увидел, что стакан Гаусса пуст, и помахал официанту.

— А кто знает о них? — спросил немец. — Весь мир знает нескольких моих коллег. Кто в мире знает имя Гаусс? Я скажу вам. — Он как-то скрипуче засмеялся. Этот звук резанул Палмеру ухо. — Мое имя очень знаменито в физике. О да, мое имя. Вы слышали о Карле

Фридрихе Гауссе? Математике? Основоположнике магнетизма?

— Не уверен, что слышал. Это ваш родственник?

— Все спрашивают меня об этом, — фыркнул Гаусс. — В физике есть единицы, как ом, ватт или ампер. А есть гаусс, мера магнитной силы. Вы, конечно, слышали о гауссе. Это был Карл Фридрих.

— Ваш дед?

— Мой gar nicht [Вовсе нет (нем.)].-Он поднял глаза, так как официант принес третью порцию виски. Гаусс ошетинился. — Вы принесли балантин? — резко спросил он. — Я не могу пить никакого другого виски.

— Это балантин, сэр.

— Ваше счастье. — Гаусс уставился тяжелым взглядом на официанта, поднял свой стакан и сделал глоток.-Sehr gut [Очень хорошо (нем.)],-рявкнул он. Официант удалился. Немец продолжал потягивать виски. Его напряженная поза сменилась расслабленной. — Карл Фридрих Гаусс. Не родственник, вообще никто. Боже мой, как я пытался найти семейные связи с ним. Gar nicht. Можете ли вы представить, что значит для физика быть обремененным подобным именем? То же самое, как для поэта родиться с именем Гёте. — Он нахмурился, и его тонкий нос задрожал.

— Похоже, вам трудно пришлось, — сказал Палмер, взглянув на часы над стойкой. Через двадцать минут он должен отделаться от этого изнывающего от жалости к себе старика.

— Ничто не легко в жизни, — пробормотал Гаусс. Глубокий вздох вырвался из его груди. — С самого

начала я неправильно рассчитал время. И удачи не было. И теперь снова я допустил просчёт. Очень большой. Даже больше, чем всегда.

— Понимаю, — сказал Палмер, — вы чувствуете, что на грани открытия, а денег нет.

— Почему? — воскликнул Гаусс. — Почему для фон Брауна всегда есть деньги? Почему для Гаусса никогда?

— Может быть, если бы вы работали непосредственно для правительства...

— Narrischkeit [Глупости (нем.)]. Когда я впервые приехал сюда, правительство взяло меня под свое крыло, огромное, мохнатое крыло, под которым находит убежище так много всякого dreck [Дерьмо (нем.)]. Это было все равно, что жить в канализационной трубе. Нечем дышать. Никаких идей. Никаких дерзаний. Никакого желания двигаться в новых направлениях. Боже мой, я отчаялся. Отчаявшийся, стареющий человек. В физике после тридцати — тридцати пяти вы кончены как новатор. Вдохновенные прозрения больше не посещают вас. Вы заменяете гений опытом и хитростью. Вы подбираете осколки мыслей, собираете по кусочкам частички чужих идей, объедки молодых и делаете что-то свое собственное, очень маленькое. Вас гладят по головке. Ну-ну, alter Hund [Старый пес (нем.)]. Чтобы расстаться с правительственной работой, я ухватился за первое, мало-мальски подходящее предложение и снова допустил просчет. Удача не пришла.

— Я думал, именно ваша группа в Джет-Тех создала все эти новые вещи.

— Игрушки, о которых я говорил? — Немец глотнул виски. — Они неплохие. Но через год их или даже

лучшие будут иметь «Дженерал дайнемикс», и «Бэлл», и «Дженерал электрик», и «Юнион карбайд», и «Вестингауз», и все остальные, если они уже сейчас их не имеют. А я сижу здесь с пустыми карманами и не могу написать свое имя пламенем на небесах. В мои годы это унижительно. Это значит деградировать. Я ученый, а не попрошайка. Этот Джет-Тех... Эта штука... приносящая несчастье. Невезение. Никакой удачи.

— Вы честолобивый человек, — медленно сказал Палмер, — в ваши годы это хороший признак.

— Признак болезни. Она гложет меня изнутри. Почему этот? Почему тот? Почему не Гаусс?

— Может случиться, — предположил Палмер, — вы, гм, создадите что-либо, не требующее крупных денежных сумм. Или же вы можете перейти в другую организацию, уйти из Джет-Тех.

— Чтобы стать старым лакеем? Danke, nein [Спасибо, нет (нем.)]. В Джет-Тех по крайней мере я занимаю большую должность. Король навозной кучи. — Он рассмеялся каким-то дрожащим смехом, его глаза потемнели и на мгновение совсем скрылись под мохнатыми бровями, когда он уставился в стол.-Der König von Scheiss [Король навозной кучи (нем.)],-пробормотал он. Его большой тонкогубый рот, до этого перекошенный насмешливой улыбкой, стал ровным и ничего не выражающим.

Палмер помахал официанту, беззвучно выводя губами слово «счет». Маленький немец дотронулся до кольца воды, оставленного стаканом на деревянном столе, и медленно отвел от него линию, похожую на стрелу.

— Некоторые вещи становятся насмешкой, как только они произнесены, — сказал он все еще скучным, тихим голосом, словно обращаясь только к себе и ни к кому больше. — Morgen, die ganze Welt [Завтра, целый мир (нем.)]. Morgen придет для одних, для других никогда. Тут опять надо успеть вовремя. А в наши дни время тоже ausgespielt [Исчерпано (нем.)]. Все ушло. Остался только призрак. Der König von Scheiss.

Официант подошел к столу, сложил счет и положил его перед Палмером. Гаусс резко поднял голову.

— Что? Кто вас просил?

— Этот джентльмен, — объяснил официант.

— Я уже должен быть дома, — сказал Палмер. — Уже опаздываю.

— Да. — Гаусс медленно сжался. — Да, конечно. Извините, что задержал вас.

— Не стоит извиняться. Это была моя идея выпить.

— А деньги? Займ?

— Гаусс, вы должны понять... — начал Палмер, но, увидев, что официант все еще стоит рядом, замолчал. Он открыл бумажник и положил двадцатидолларовую бумажку на неразвернутый счет. Он заметил, как глаза Гаусса жадно следили за его движениями. Невероятно, думал Палмер. Абсолютно вне пределов всякого понимания. Этот человек совершенно точно зарабатывал не менее тридцати тысяч долларов в год, если не намного больше. Он был вдовец, детей не имел; вероятно, несет в банк каждый заработанный цент. И все же довел себя до такого состояния воображаемой

бедности, что не мог даже контролировать выражение своего лица.

— Все знают, — продолжал Палмер, — что я не против займа, но я не за такой, какой просите вы, а такой, который, я уверен, мог бы быть использован с хорошими результатами. Теперь это дело прошлое, несмотря на то что произошло оно два дня назад; официальное решение было сообщено Джет-Тех сегодня днем, и на этом пока все остановилось. Лумис мог бы вернуться с новым предложением и возобновить переговоры. Я искренне надеюсь, что он это сделает. Вы понимаете? Я хочу, чтобы у вас были деньги. Когда у меня появится хоть какая-нибудь возможность что-то сделать в этом отношении, я сделаю. В настоящее же время ничего больше не может быть сделано... мной.

Гаусс кивнул медленно, устало.

— Я знаю. Лумис говорит мне почти то же самое. Я должен ждать. Со временем деньги будут.

— Он сказал это? Когда?

— Сегодня. И много раз до этого.

— Насколько определенно это звучало? — спросил Палмер.

— Бесконечно определенно. Вы знаете этих финансовых дельцов. — Гаусс заморгал. — Дельцов типа Лумиса, вы понимаете. Вы совершенно другой человек, мой старый друг.

— Лумис уверен, что деньги будут в конце концов?

— В конце концов. — Тонкий рот немца скривился, будто у этих слов был неприятный привкус. Он замолчал.

Палмер встал.

— Гаусс, боюсь, я уже должен двигаться. Было очень приятно поговорить с вами, хотя я и не смог вам помочь. — Он стоял, ожидая, когда старый человек тоже поднимется. Вместо этого Гаусс сидел, навалившись грудью на стол, глаза устремлены на кольцо и стрелу из воды. — Где вы остановились в городе? — продолжал Палмер, надеясь как-то встряхнуть его и вывести из транса.

Гаусс продолжал молчать. Палмер откашлялся. Положение, сообразил он, может скоро выйти из-под его контроля. Теперь он пожалел, что дал Гауссу три порции виски... или же вообще позволил ему пить.

— Гаусс, — спросил он, — вам нехорошо?

Маленький человек заморгал. Взгляд его медленно переместился вверх, на лицо Палмера.

— Я хочу кое-что сказать вам, — произнес он тихим хриплым голосом. — Они меня не посылали. Я притворился, что это они послали. Но они даже не знают об этом. Они и не представляют, что мы знаем друг друга.

— Это была целиком ваша идея?

Гаусс кивнул:

— Пожалуйста.

— Что?

— Сядьте, пожалуйста.

Палмер посмотрел на настенные часы. Через десять минут у него встреча с Вирджинией.

— Только на одну-две минуты, — сказал он, усаживаясь за стол напротив Гаусса. — А потом я действительно должен уйти.

— Конечно, — медленно улыбнулся Гаусс, но не Палмеру, а нарисованному на столе знаку. — Это знак мужчины, — сказал он, дотрагиваясь до него пальцем. — Это также знак железа. А кроме того, планеты Марс. Странно. — Он еще очень долго сидел, улыбаясь и ничего не говоря.

— Гаусс, я спешу.

— Да. Да. Да. — Старый человек, казалось, взял себя в руки. — В моих возможностях, — сказал он гораздо громче, — сделать имя Гаусса более знаменитым, чем когда-либо мог это сделать Карл Фридрих. Они назовут его «тот, другой Гаусс». И когда будут упоминать Гаусса, то это буду я, Гейнц Вальтер Гаусс, du kennst [Знаешь (нем.)].

— Надеюсь, так и будет.

Гаусс покачал головой:

— На. На. Вы не очень любите меня, mein alter Freund [Мой старый друг (нем.)]. Ваши слова лишены чувства, потому что вы торопитесь, а я вас задерживаю, nicht wahr? [Не так ли? (нем.)] И вас раздражает мой проклятый эгоизм. Но я знаю. Я знаю, что прав. Это в моей власти.

— О чем вы? — спросил Палмер, жалея, что он вообще пригласил сюда этого болтливого старика.

— Я говорил, что другой Гаусс изучал магнетизм, да? — начал немец. — Я тоже еще в молодости занимался некоторыми опытами по магнетизму. Вы

знакомы с поздними гипотезами Эйнштейна? Магнитное происхождение гравитационного поля Земли? [Здесь и далее рассуждения Гаусса не вполне достоверны и научно обоснованы. — Прим. ред.]

— Совершенно не знаком, — признался Палмер.

— В Германии я не имел к ним доступа, — продолжал Гаусс. — Этот человек был еврей. Но когда после войны я наткнулся на его работу, это опять было déjà vu. В своем воображении я уже видел это. Избранный ариец и опальный еврей. Вы знаете, как много времени я потерял — мир потерял, — потому что не имел понятия о работе Эйнштейна.

Гаусс водил указательным пальцем по знаку, изображенному на поверхности стола. — Очевидная, простая, элементарная истина. По крайней мере, как только Эйнштейн объяснил это, стало очевидно, насколько это все просто. И если гравитация является магнитной силой, теоретически ей может противодействовать равная противоположная магнитная сила. Вам понятно?

Палмер кивнул:

— На практике, конечно, это не может быть осуществлено.

— В науке нет «конечно». — Гаусс бросил на Палмера быстрый взгляд. — Теперь следите внимательно. Магниты, необходимые для противодействия силе тяготения, были бы слишком тяжелы, чтобы поднять самих себя с земли. Проблема ясна. Добавьте больше магнитной силы, добавится больше веса, добавится больше неудач. Это можно

доказать на бумаге, так что никто не терял на это времени. Ясно?

— Ясно.

— За последние несколько лет, — продолжал Гаусс, — возникла новая область — физика низких температур. Мы охлаждаем тело, приближая, насколько возможно, его температуру к абсолютному нулю, и изучаем, что с ним происходит. Имеете представление об этом?

— Очень смутное. Кажется, четыреста градусов ниже нуля?

Гаусс нетерпеливо махнул рукой.

— Не важно. Между тем в «Бэлл» и в «Вестингауз» сконструировали электромагнит и сократили до минимума потери. Таким образом были созданы сверхмагниты. Но каждый электромагнит имеет ферромагнитный сердечник. Железо. Никель. Кобальт. Любое из группы железа. Так?

— Раз вы так говорите...

Немец пожал плечами:

— Это факт. Был. До недавнего времени. Но...— Он снял со стола свой палец и указал им в потолок:— Сверхохлаждение показывает, что другие металлы, некоторые неметаллы и определенные сплавы могут стать высокомагнитными.

— Понимаю, — сказал Палмер. — Более магнитными, чем группа железа.

— Правильнее сказать, — поправил Гаусс, его голос стал очень спокойным, — феноменально более магнитными. Я взял на время одну из наших

джет-теховских охлаждающих установок. Ни один человек не знал, зачем она мне нужна. Кроме того, я взял на время описание различных экспериментов, проводимых в «Белл» и в «Вестингауз». Произошла очень странная вещь. О ней знает только один человек, один из моих ассистентов, Кармер, человек, почти лишенный воображения. Он помогал мне и видел то же, что видел я. Но он не имеет понятия о том, что это означает. — Старик замолчал и на мгновение задумался.

— Продолжайте, — сказал Палмер.

Гаусс кивнул:

— Попробуйте представить это. В охлаждающей камере имеется прозрачное кварцевое окошко. Вы можете наблюдать, что происходит с охлаждаемым веществом. Сплав берется в форме бруска, около четырех дюймов в длину и полутора дюймов в ширину. Конечно, он имеет электромагнитную обмотку. Я снижаю его температуру до 10° Кельвина или же минус 263°C . Затем я пропускаю через обмотку сфазированный пульсирующий ток. Я увеличиваю силу тока и регулирую фазу. И вот что я вижу — что Кармер и я видим — через кварцевое окошко. Магнит — сердечник и обмотка, — весящий около двух фунтов, медленно поднимается со дна камеры и парит в воздухе.

— Несмотря на гравитацию?

— Точно. Первый раз я настолько разволновался, что слишком быстро повернул регулятор напряжения. Магнит взлетел и ударился о потолок охлаждающей камеры. В последующих экспериментах я регулировал это более успешно.

— Позвольте, если я вас правильно понял, вы заявляете, что победили силу земного притяжения?

Гаусс медленно кивнул:

— Вы поняли правильно.

— Но...— Палмер на мгновение остановился. — Но какая практическая польза вытекает из этого, Гаусс? Давайте предположим, что вы решили построить по этому принципу космический корабль. Вы не могли бы держать его магниты сверхохлажденными. На открытом воздухе.

— Правильно.

— Так какой же практический результат?

— То, что вы называете кораблем, космическим кораблем.

Палмер наморщил лоб.

— Не понимаю.

— Да вы поймете. — Старый человек ликующе улыбнулся. — Вы поймете, когда я скажу, что холод в космическом пространстве близок к абсолютному нулю.

— Э... это правда?

— Конечно, правда. Пусть магниты моего космического корабля продержатся в сверхохлажденном состоянии всего несколько секунд, как раз столько, сколько надо для взлета и прохождения через атмосферу до сверххолодных областей космоса; и все проблемы будут решены.

— Но может ли корабль взлететь так быстро?

— Знаете ли вы, что гравитационное поле Земли в одних местах сильнее, чем в других?

— Нет, но это можно себе представить.

— Существуют определенные линии, где притяжение намного мощнее, чем между ними, — сказал Гаусс. — Садитесь точно между этими линиями и включайте полную мощность. Корабль отрывается от Земли мгновенно, со скоростью, близкой к скорости света. Как будто вы кончиком пальца щелкаете горошину. Щелк! Со скоростью света.

— Но...— Палмер замолчал.

— Продолжайте. Но что?

— Люди внутри корабля. Они не смогут выдержать такое ускорение.

— Ха! — В первый раз за весь вечер лицо немца понастоящему осветилось. Он хлопнул ладонью по столу, стирая нарисованный на нем знак. — Я поймал вас, мой друг! Вы верите мне.

— До этого момента, да. У меня недостаточно знаний, чтобы не верить.

— Вы знаете достаточно, чтобы видеть в этом смысл?

— Да, — признался Палмер.

— Вы принимаете это, — настаивал Гаусс. — Вы принимаете это. Вы должны. Иначе вы не беспокоились бы о людях внутри корабля.

— Очевидно, это так.

— Теперь слушайте, — сказал немец. — Не поймите ошибочно мои слова, когда я говорю, что мне плевать на

этих людей. Мне нет дела до их благополучия. Не то что я бесчеловечен. Но моя проблема — найти физическое решение, такое решение, которое я тотчас же могу доказать на практике. Я это сделал, И я показал, как абсолютный холод космоса делает решение возможным вне лабораторной охлаждающей камеры. Я физик, а не биолог. Пусть биологи решают проблему этих людей. Согласны?

Палмер криво усмехнулся:

— Не обманывайте себя, Гаусс. Просто вы бездушный старый человек. — Он наклонился вперед. — Никто не догадывается о значении этого эксперимента? О том, какие он открывает возможности для изучения космоса?

— Даже Кармер не догадывается. Я думаю, он просто потакает мне. Ничего практического в моей игрушке он не видит.

— Не объясняя существа, — сказал Палмер, — можно, я скажу моим коллегам, что у вас есть по-настоящему серьезная вещь? Сколько будет стоить довести ее до конца?

— Двадцать миллионов. Тридцать. — Гаусс сложил свои тонкие губы в недовольную гримасу. — Они не купят ее без определенной информации, а может быть, демонстрации. Сделать этого я не могу. Риск был бы огромен.

— Это достойные доверия люди. Они могут хранить секреты.

— От русских? Меня волнуют не русские, — объяснил старый немец. — Меня волнуют мои выдающиеся друзья, ученые свободного мира. Им не

украсть этого у меня. — Его печальные глаза стали маленькими и свирепыми. — Я не допущу, чтобы это случилось. Я не могу. Мне осталось всего лишь несколько лет. Они не могут мошеннически лишить меня моей собственности.

— Но со временем об этом узнает весь мир.

— Bravo! Когда Гаусс объявит об этом, Гаусс захочет, чтобы весь мир знал. И знал, что это именно Гаусс дал им чудо. Палмер подумал. — Таким образом, вы просите у меня от 20 до 30 миллионов на лошадку, настолько темную, что никто не в состоянии разглядеть, на что она похожа.

— Поскольку я рассказал вам так много, вы можете посетить мою лабораторию и сами наблюдать эксперимент. Тогда они поверят вашему слову.

— Так банкиры не поступают, Гаусс, и вы это хорошо знаете. — Палмер посмотрел на старого ученого и увидел, что тот опять стал сжиматься в своей сверхжалости к себе. — Вы имеете простую лабораторную игрушку. Я уверен, что она работает. Мне достаточно вашего слова. Но чтобы перевести эту игрушку во что-либо стоящее, быть может прототип космического корабля, который докажет свою полезность, на это потребуются очень много денег и еще больше на решение проблемы защиты людей, тех, кто полетит в нем. И тогда...

— Автоматическое управление, — прервал Гаусс тихим голосом. — Прототип не будет нуждаться в человеке.

— Вы не поняли, о чем я говорю.

— Может быть, — медленно произнес немец, — потому что я не хочу понять. Или потому, что я слишком хорошо все понимаю и поэтому не хочу насилловать свои уши, выслушивая это еще раз. Палмер посмотрел на часы. Он уже на десять минут опаздывал на свидание. Он встал.

— Можете ли вы продолжать свою работу без дополнительного финансирования?

— Вопрос не в «можете». — Гаусс натянул пальто, глаза смотрели в сторону. — Я должен продолжать эту работу. Я буду подписывать фальшивые заявки на сырье, врать, воровать оборудование.

— Что, если вы получите правительственный контракт? Что, если вы уйдете из Джет-Тех? Начнете всю работу под наблюдением правительства?

Гаусс сардонически кивнул.

— Для меня, кто уже сжег миллионы их долларов на verfluchte [Проклятый (нем.)] ракету «Уотан», правительство больше не даст миллионов. — Он нахлобучил шляпу. — Сегодня, после того как мне сообщили об отказе, я представил себя, как я обращаюсь к вам. Я был умен. Уверен в себе. Я наполнил вас этой верой в меня. Теперь я вижу себя, как вы меня видите: сумасшедший старик, у которого нет на уме ничего, кроме денег. Старый неудачник. Der König von Scheiss. Ладно, пусть будет так. — Он слепо повернулся к двери, ведущей на улицу.

— Гаусс, — надевая пальто, Палмер вышел за немцем на Третью авеню, — Гаусс, подождите секунду.

— Вы уже достаточно опоздали, мой друг. Время — важная вещь. Правильный расчет времени — это все. —

Холодный северный ветер, дующий вдоль улицы, заколыхал поля шляпы Гаусса. — Вы разговариваете со специалистом по опозданиям. Я потерял десять лет, потому что Эйнштейн был евреем. Ничего. У меня впереди еще десять лет. — Его улыбка казалась какой-то неестественной в освещенной неоновым светом темноте. — Тогда придет удача, — добавил он насмешливым тоном. Он повернулся и пошел через дорогу. Вскоре исчез в боковой улице.

Щеки Палмера защищало от ветра. Он повернулся к нему спиной. Игольчатые пальцы холода пронизывали ткань его пальто и костюма, добираясь до тела. Спустя момент ветер стих. Но Палмер так и остался продрогшим, замерзшим до самых внутренностей, пока он медленно шел на второе свидание этого вечера.

Глава сорок пятая

Она сидела одна за отгороженным столиком в конце бара. Поискав глазами, Палмер увидел ее и направился прямо к ней. — Прости меня, — начал он, садясь напротив, — но Гауссу надо было о многом рассказать мне.

Она подняла глаза, когда он входил в бар. Увидя его, она снова уставилась в стакан, который держала обеими руками, и теперь, вероятно, была не в состоянии взглянуть на него еще раз.

— Все в порядке, — сказала она глуховатым голосом.

— Похоже, что нет.

— Все в порядке, — настаивала она, все еще не глядя на него.

— Любопытнейший тип, — сказал Палмер. — Не будь у меня более важного дела, я все еще сидел бы там и слушал. Медленно она подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Если Гаусс настолько важен, — сказала она ровным голосом, — тебе не следовало уходить.

— Но ты еще важнее.

Уголок ее рта быстро поднялся, затем снова опустился. Теперь, когда она нашла в себе силы посмотреть на него, она, казалось, уже не могла отвести глаза в сторону. С легким удивлением он увидел, что ее огромные темные глаза очень похожи на глаза немца, по крайней мере в данный момент. Затем он понял, что они похожи не по величине и не по цвету. Общей была жалость к себе в этих влажных глазах человека, занятого

только самим собой. Взгляд Гаусса как бы демонстрировал эту жалость, а Вирджиния, наоборот, старалась ее спрятать.

— Да, — заявила она, — мне было очень жаль себя.

— Откуда ты знаешь, о чем я думал?

— Забудь это, — прервала она. — Просто помни, как трудно спрятать свои мысли от кельта. — Она скорчила гримасу отвращения и откинулась в глубь кабины. Ее темные неуложенные локоны разметались по сторонам на обивке из синтетики, когда она оперлась головой о перегородку. — Я пересматривала наши отношения почти целый час. Такие размышления не особенно хорошо оплачиваются. Когда я увидела, что ты опаздываешь, стало еще хуже. Наконец, — добавила она как бы в раздумье, — когда я решила, что ты не придешь, вся наша связь умерла, не мгновенно, одним ударом, а как бы хныкая. Прямо здесь передо мной на столе. Я уже собирала останки для погребения, когда ты появился.

— Боже мой, я же опоздал всего на несколько минут.

— Пятнадцать.

— Ну, послушай...

— Знаешь, — снова прервала она, — в художественной литературе можно время от времени встретить подобную сцену. Появляется герой, и мрачные думы исчезают как дурной сон и все вокруг вновь сверкает и смеется. Это результат его бесценной близости. Простой факт, что он в конце концов вообще появляется, приводит в восторг молодую идиотку.

— Но не тебя.

— Не меня, — согласилась она. — Старая мозговая коробка стала хрупковата для такой гимнастики. И все же, — она дотянулась до его руки и похлопала по ней, — и все же я рада, что ты здесь.

— Я рад, что ты рада. — Он взял ее руку.

— Черт возьми, — продолжала она, — чем ты был так очарован в недобитом нацисте, что заставило тебя опоздать на любовное свидание с самой восхитительной женщиной Нью-Йорка?

— Если я скажу, ты не поверишь.

— Попробуй.

— Когда-нибудь я скажу. — Он сжал ее руку. — Почему ты назвала его нацистом?

— Nein? [А разве нет? (нем.)] — спросила она, переходя на так называемый акцент sauerkraut [Кислая капуста (нем.)]. — Он не был никаким членом пахтии, ja? Никто из нас, натсистоф, не был натсисом. Унт мы не снаем, што происходило, jawohl? [Да (нем.)]

Он ухмыльнулся:

— Вы, ирландцы, действительно ненавидите блюстителей чистоты расы, не правда ли?

— Рассказывают одну историю о молодом ирландском священнике, получившем свой первый приход в Бруклине, — сказала она. — Язык у него был подвешен неплохо. Просто прирожденный оратор. Но настроен ужасно антибритански. Каждое воскресенье он кончал проповедь критикой дурных, презренных англичан. Чтобы послушать его проповеди, люди шли из других приходов. Наконец на него обратило внимание

одно влиятельное лицо. Это был, если хочешь знать, кардинал Спеллман. И вот, говорят, Спеллман вызвал его к себе и сказал: «Мой мальчик, мы наметили тебя для более высоких дел. Но ты никогда ничего не достигнешь, пока не выбросишь из головы всю эту антибританскую чепуху. Дружище, да ведь уже сорок лет прошло после тех волнений. Если ты сможешь проповедовать целый месяц, не упоминая англичан, я приглашу тебя помогать служить обедню у св. Пэта. Начиная с этого дня четыре воскресенья подряд ты не будешь поносить англичан». Ну, конечно же, у молодого священника разгорелись глаза. Он поклялся священной клятвой, что забудет англичан. И он сдержал клятву. Это было нелегко. Соблазны во время проповеди то и дело лягали со всех сторон. Но он вовремя прикусывал язык, и три воскресенья подряд преобладало сладкоречие. А на четвертое, кажется за неделю до страстной пятницы, святой отец читал проповедь о Тайной вечере. «Там они сидели все, — говорил он своим прихожанам. — Сын божий и его апостолы. Это была торжественная трапеза, такой она была для всех, а для Иисуса особенно. Он знал, что один из них предаст его. И вот тут Иуда Искариот улыбается нашему Господу, да отсохнет его лживый язык, и, передавая какие-то сладости Сыну божию, говорит ему на чистейшем лондонском кокни: „Кушайте, мистер, сдобную пышечку с патокой!“»

Смех Палмера так напугал проходящего мимо официанта, что тот остановился и повернулся к ним в ожидании заказа. Палмер не сразу заметил его.

— Мне то же самое, — сказал он, указывая на пустой стакан Вирджинии, — и еще один для дамы.

— Так что не говори о ненависти, — заключила Вирджиния, когда официант отошел.

Палмер некоторое время молчал, покачивая головой, потом сказал:

— Недавно я выслушал проповедь Виктора Калхэйна на тему, очень близкую к этой.

— Вик — великий ненавистник, — заметила Вирджиния, продолжая говорить с ирландским акцентом. — Вслед за ирландцами самые ярые ненавистники — итальянцы, а в жилах Вика текут обе эти крови.

— Между прочим, он предостерегал меня в отношении Мака Бернса.

— Ох, в наши дни во всех нас есть немножко ливанского, включая и выходцев из Ирландии.

— Сколько тебе пришлось выпить до того, как я появился?

— Лица ливанского происхождения, — продолжала она, — в Департаменте Ненависти равны лицам, именуемым кельтами.

— Сознайся, ты перепила.

— Напилась, накачалась, надрызгалась, — вздохнула она. — Вовсе нет. Я возилась с одним стаканом все эти долгие часы в ожидании тебя. Видишь? — Она пододвинула к нему пустой стакан. — Видишь, какими маленькими стали кубики льда. Просто горошинки.

— Сегодня вечером с тобой творится что-то неладное.

— Просто последствия длительного безжалостного изучения себя со стороны.

— Боже, — мрачно сказал Палмер. — Я больше никогда не буду опаздывать на свидания.

— Нет, изучение началось задолго до того, как ты должен был прийти. Честно говоря, оно началось еще на работе, когда я оставила тебя с твоим бухенвальдским дружкой. Я села за свой стол и почувствовала ревность. Ты слышишь? Я ревновала тебя к этому грустному маленькому нахалу, завладевшему твоим временем. Никто из нас до этого не упоминал о возможности встретиться сегодня вечером. Понимаешь? Но я оптимистично надеялась, потому что, когда ты занят вечером какими-нибудь официальными или семейными делами, ты говоришь мне об этом днем, а сегодня ты не сказал ничего. И я надеялась, что вечером мы, может быть, м-м... увидимся. Но появление твоего капустного дружка сделало все в наивысшей степени спорным.

— Я даже не буду притворяться, что понимаю твои рассуждения.

— Не надо. Я бы сразу увидела, что ты врешь.

— Но тем не менее продолжай. Меня захватывает работа неразумного мышления.

— Спасибо. — Она взглянула на официанта, принесшего напитки.-Prosit! [Твое здоровье! (нем.)] -резко сказала она, чокаясь с Палмером.-Следущий рас мы попетим.

— О, прекрати.

— Во всяком случае, я начала анализировать это чувство ревности или не знаю, что это было. И с этого

момента, постепенно, маленькими штришками я нарисовала, насколько позволил мне мой слабый мозг, довольно печальную картину игры, в которую мы с тобой играем, начала рассматривать, какие у нас на руках карты и кто может победить. Я обнаружила, что у меня нет ничего старше пятерки. Все, что я могу сделать с огромным апломбом и бодрой усмешкой, так это проиграть.

— Вирджиния, я начинаю понимать тебя, и это меня беспокоит.

— Даже прожив сто лет, ты бы никогда меня не понял. Честно, Вудс. Разговор не банкиров... разговор людей. Я пытаюсь объяснить, что тебе нечего терять. Самое худшее, что может случиться с тобой, — это то, что я тебя брошу.

— Прекрасный способ выражать свои мысли.

Ее лицо стало печальным.

— Когда разговариваешь сам с собой, то обычно опускаешь удовольствия и берешь только грубые факты. Мы оба совершеннолетние, взрослые, Вудс. Так что извини мою резкость. И слушай, что я говорю.

— Продолжай.

— Долгое время, — сказала она, — я была совершенно уверена, что никогда больше не выйду замуж. Ты оставишь слишком много заложников в этом случае (жену, троих детей). У меня же оба отняты. Это очень тяжело; насколько тяжело, можно догадаться из следующего. После почти двадцати лет я в первый раз способна говорить об этом.

— В первый раз?

— Кому-нибудь, кроме моей матери, да. — Некоторое время она пристально смотрела на него. — То, что я говорю об этом, к тебе лично не имеет отношения. Мне легко с тобой. Просто я считаю тебя другом, союзником, одним из немногих людей, на которых, я чувствую, можно положиться. Но главная причина, почему я заговорила, в том, что я наконец пережила это. И готова думать о новом замужестве. Эта мысль уже довольно долго владеет мною.

— Хорошо.

— Ты не представляешь, как хорошо. Но здесь есть и более мрачные стороны. — Она подняла стакан и долго смотрела в него, прежде чем сделать глоток. — Мне сейчас сорок один. В мои лучшие дни, при мягком свете, я могу сойти за тридцатипятилетнюю?

Иногда. А число мужчин старше меня или же почти моего возраста — потенциально пригодных для замужества — очень невелико, даже если включить в него каждого подходящего лишь по той простой причине, что он одинокий. Исключив совсем уж больных типов, всяких там гомосексуалистов, явных психов и тех, которые без всякой особой причины просто мне не подходят, мы сокращаем выбор почти до нуля.

— Уж очень быстро ты расправилась. Может быть, твои требования слишком высоки.

— Может быть. Я ведь совсем новичок в охоте за мужьями, чтобы считать высокие требования негодными.

Палмер кивнул:

— Есть признаки, что позже твои требования могут стать менее строгими.

— Они уже стали. Посмотри на себя.

— Ах да!

— Ты должен быть польщен в какой-то мере. У меня высокие требования, и ты всем им соответствуешь. Ты даже превосходишь многие. Ты самое ужасное, — посмотрите, как он краснеет! — что может случиться с женщиной. О, есть только одна маленькая неувязка. Ты немножечко женат.

— Я не краснею, — упрямо сказал Палмер. — Женщины всегда говорят мне об этом.

— Так оно и есть. — Она медленно улыбнулась. — Но ты создаешь для меня ужасные проблемы, мой женатый друг. Если я намерена найти мужа, мне придется оставить тебя позади. Иначе я никогда не выйду замуж.

— Я был позади тебя, — ответил Палмер, — чрезвычайно приятное местечко.

— Я становлюсь слишком серьезной для тебя? — сказала она. — Поэтому ты остришь.

— Поэтому.

— Не надо. Хоть одну минуту побудь серьезным со мной.

— Постараюсь, — пообещал он, — хотя в этом случае мне придется выйти из этой кабинки и уйти из твоей жизни. Потому что каждая женщина должна быть замужем.

Некоторое время оба молчали.

— Не смотри так на меня, — попросила она.

— Как?

— Ты знаешь как, Вудс, пожалуйста, будь честен со мной. Что ты во мне находишь?

Палмер немного подумал, понимая, что должен дать серьезный ответ. — Я нахожу красивую девушку... женщину...— начал он.

— Пожалуйста!

— Начать я должен с этого. Ты не хорошенькая, ты красивая. Для меня это очень много значит. Кроме того, я вижу очень умную женщину, слишком умную женщину, чтобы легко проводить время с мужчинами. В разряд неподходящих одиноких мужчин ты забыла отнести глупых, которые тебя боятся. Затем я нахожу... что следующее? Женщину с положением и способную, признанную в своей профессии, с заработной платой, которая ставит ее, по-моему, в разряд самых высокооплачиваемых женщин. И, между прочим, уж если мы заговорили начистоту, в ЮБТК тебе платят слишком мало. Ну ладно. Я нахожу в тебе еще очень много. Я плохой судья чувствам. Надо разбираться в своих собственных, чтобы понимать чужие. Но ты очень теплый человек, готовый отдать другому все, что имеешь. Ты почти не способна держать перед собой щит. Ты бросаешь его прежде, чем он как следует защитит тебя. Это плохо для тебя, но очень хорошо для мужчины, которому ты отдаешь эту эмоциональную теплоту. Ты... я думаю, я... что я...— Он замолчал.

Она взяла его руку.

— Если это хорошо для тебя, то не может быть плохо для меня. — Ее теплые пальцы легли поверх его руки.

Палмер повернул руку и сжал ее ладонь.

— Ты не поймешь. Я сам с трудом понимаю. У меня очень холодные, рыбы голова и сердце. Настоящее сердце банкира. Но ты согреваешь и растопляешь его. Я страдаю, когда это происходит. Я не хочу этого. Я хочу, чтобы наша связь оставалась чисто физической. В этом случае самая худшая вещь, как ты очень правильно отметила, которая может случиться со мной, — это та, что я буду брошен. Но ведь дело тут гораздо сложнее. Сначала ты просто была единственной, кому я доверял. Это и сейчас так. Но все становится серьезнее. Такие вещи коварны, особенно для человека вроде меня, у которого нет в этом опыта. И теперь, судя по сегодняшнему маленькому разговору по душам, вся эта штука вообще вышла из повиновения.

Он чувствовал, как ее рука медленно сжимает его руку. Она смотрела на него, подняв одну бровь, как будто не совсем веря тому, что он говорил, или же просто не желая верить. Потом медленно покачала головой. — Ты и вправду очень мрачного о себе мнения, да? — сказала она.

— Н-нет. Разве?

— В отношении чувств. Ты считаешь себя чуть ли не вором.

— Нет.

— Да. Ты говоришь, что я отдаю тебе все, ничего не получая взамен. Это похоже на грабеж. Но это не так.

— Я? — спросил Палмер. — Что я дал тебе?

— Ту же теплоту, которую получаешь от меня. — Ее рука, лежащая в его руке, разжалась и начала

поглаживать его ладонь медленно, но настойчиво. Он почувствовал, что его ладонь стала теплой.

— Прекрасная иллюстрация, — сказал он. — Но таким образом люди высекают огонь.

— Один бойскаут когда-то высекал для меня огонь палочками.

— Вирджиния, — произнес Палмер, сжимая ее руку. — Послушай. Только что ты жаловалась, что я создаю для тебя ужасные проблемы. Даже не зная твоих мыслей о новом замужестве, я понимал, что осложняю тебе жизнь. Как осложняю ее и себе.

Она скорчила гримасу.

— Я напрасно начала разговор. Жалость к себе — очень сильное чувство. Я ругаю себя, что поддалась ему. А теперь, — она ударила суставами его пальцев по столу, — давай опустим наши отношения до физического уровня. Ладно?

— И оставим все остальное висящим в воздухе?

— Почему бы и нет? Почему мы должны быть единственными людьми в мире, что-то улаживающими? Пусть эта несчастная штука так и висит там.

— До твоего следующего приступа?

— Правильно. — Она отпила большой глоток виски. — У тебя есть машина?

— Собственная? Нет.

— У меня тоже. А сейчас единственное, что надо сделать, — это сесть в машину и ехать долго-долго.

— «Забудь свои беды, будь счастлива»?

— Замечательные стихи для песни.

— «Когда ты в плохом настроении, подними голову и крикни: „Грядет прекрасный день!“» — закончил Палмер.

— Я и не подозревала, что ты так талантлив.

— Это еще что! — сказал Палмер, вставая. — Вот сейчас я покажу тебе свой талант. — Он снял ее черное пальто с крючка и протянул ей. — Я достану машину, не имея ничего, кроме кредитной карточки Герца.

Глава сорок шестая

На широкой автостраде Нью-Ингленд ярко-красный «корвет» с предательской легкостью делал 90 миль в час. И не успели они оглянуться, как оказались за Стамфордом, где свернули, полагаясь скорее на интуицию, и через несколько минут обнаружили нечто вроде гостиницы-мотеля. В огромной кровати из двух сдвинутых вместе они провели время до полуночи. И теперь Вирджиния настояла, чтобы назад в Нью-Йорк они ехали по более старому шоссе Меррит Паркуэй. Имеющее много светофоров, узкое и с более строгими ограничениями скорости, оно удлинило обратную поездку.

— Я тебе когда-нибудь говорила, что ненавижу спортивные машины? — спросила Вирджиния.

Палмер взглянул на стрелку спидометра и увидел, что она колеблется на 70 [Цифры на спидометре показывают мили, 1 миля равна 1603 м.]. Он отпустил акселератор. — Почему?

— Мужчину, ведущего спортивную машину, совершенно не интересуют женщины.

— Это факт?

— У него интимная близость с машиной, а не с сидящей рядом девушкой.

— Особый вид педерастии, так, что ли?

— А из-за этих чертовых сидений-люлек нельзя обниматься.

— Вот здесь ты права. — Палмер посмотрел на спидометр, скорость была пятьдесят пять. — Спортивные

машины так послушны каждому движению водителя, что он должен концентрировать на них все свое внимание.

— А не на мне.

— Думаю, ты еще в состоянии вспомнить, что последние несколько часов на тебе концентрировалась вся моя энергия, если не сказать свирепость.

— Гм. Там ты был довольно-таки свирепым. Для такого пожилого человека, как ты.

— Спокойно. Не забывай, что я веду машину.

— Ты не дашь мне забыть это.

— Для пожилого человека я все-таки слишком молод, чтобы погибнуть в автомобильной катастрофе.

— Я просто пошутила.

— У меня и так сколько угодно больных мест.

Она начала поглаживать его бедро.

— Если хочешь, мы можем вернуться назад и побыть еще несколько часов в отеле, я бы сделала массаж.

— Перестань.

— Я неплохая массажистка.

— Не надо, черт побери.

— Это одно из больных мест?

— Ох, да.

— Именно здесь?

— Ну, пожалуйста!

— Оно, похоже, не больное, а просто безжизненное.

— Ты напоминаешь мне, — сказал Палмер, обнаружив, что ему трудно говорить нормальным

тоном, — человека, который убил родителей, а затем потребовал особого обращения с ним, потому что он сирота. Прекрати.

— Я ошиблась. Это не умерло. Видишь?

— Через секунду я вывалюсь в траву.

— Не надо. Ты привлечешь полицейских.

Он вздрогнул.

— Боже мой, у тебя холодные руки. Прекрати.

Посмотри на спидометр, стрелка опять показывает 70. Я серьезно говорю, прекрати.

— Хорошо. — Она как можно дальше отодвинулась от него в своем сиденье-люльке. — Знаешь, что говорят о холодных руках?

— Я знаю, что говорят о подобных вещах в движущейся машине.

— Ты просто не можешь понять. — Она мягко рассмеялась и плотнее запахнула пальто. — Я пытаюсь наверстать двадцать лет за несколько недель.

— Ты хочешь сказать, что за двадцать лет ты не...

— Не совсем так, — прервала она. — Потому что были какие-то моменты, без особой охоты. Все было настолько плохо, что после я целыми месяцами избегала интимных отношений. Мог пройти даже целый год, и я решала, что я не просто холодная, а целиком замороженная. Но потом я брала себя в руки. Встречала кого-нибудь. Поразительно, насколько все это шаблонно — свидание днем за ленчем. Обеденное свидание. Свидание в ночном клубе или театре. Обед в его квартире. Попытка ухаживать. Какое-то «да». Какое-то

«нет». Что-нибудь. Не имеет значения. Потому что иначе это плохо кончается. Или кончалось для меня. Теперь ты... Она долго молчала. — Можно включить радио? — наконец спросила она.

— Нет. Это не поможет. Лучше продолжай говорить.

— Как хочешь. — Она хотела поджать под себя ноги, но сиденье не позволило. — Ну, ладно, во всяком случае, теперь появился ты. Я как сейчас помню первый вечер в квартире Мака.

Это было первое импульсивное действие, которое я когда-либо совершала. Я правильно сказала? Какую-то минуту я лихорадочно размышляла; старый мозг Вирджинии Клэри, как всегда, настраивал меня против мужчины. В следующую минуту я перестала думать и мы уже обнимались, и ты знаешь, какие «русские горы» начались с того дня. И позже, когда щелкнув, мой мозг вновь включился, первой моей мыслью было — как здорово, когда не думаешь.

— Короче, ты ссылаешься на временное безумие.

— О, ты совершенно ничего не понял. Раньше, в баре, ты это понял. Ты сказал, что я слишком умна, чтобы легко проводить время с мужчинами. Не знаю, как насчет ума. Но я знаю, что множество вечеров я испортила тем, что сидела и думала. Это не принято делать в обществе представителя противоположного пола, разве что на работе и в тому подобных местах. Но когда вас только двое, тогда от вас ждут эмоциональной реакции: принимать его сигналы, передавать какие-то свои собственные. Пусть жизнь идет своим чередом.

— Ты так и поступаешь.

— Так тебе кажется.

— Очень даже кажется.

— Потому что я способна отвечать таким образом тебе. Ты первый за...— меня уже тошнит повторять — двадцать лет. Все очень странно. — Она достала из сумки две сигареты, закурила обе и протянула одну ему.

Палмер приоткрыл окно со своей стороны, чтобы дым выходил из их маленькой машины. Холодный ветер дунул ему в левое ухо.

— Почему странно? — спросил он.

— Потому что обычно так не бывает. Ведь можно подумать, что только эмоционально свободный человек способен разморозить меня. А ты совершенно не такой человек. Ты — мой двойник. Только ты был заморожен еще больше.

— В течение сорока пяти лет.

— Приятно, что ты так решительно в этом признаешься.

— Это правда. Я уже говорил тебе, помнишь?

— Я не поверила, — сказала она, — мне и сейчас трудно в это поверить. Почему именно ты должен был растопить меня? А вообще-то все очень просто. Мы ценим друг друга, потому что никто из нас не делает из нашей связи проблемы. Мы не доигрываем потому, что не умеем целиком отдаваться чувству. И это даже лучше для нас обоих, спокойнее.

— Ты говоришь об этом, как о театральной постановке.

Она энергично кивнула:

— Так оно и есть. Мы оба играли всю нашу жизнь, лгали себе, играли фальшивые роли в обществе.

— По-твоему, я играю фальшивую роль в обществе?

— Три, о которых я знаю.

— Да ну?

— Одна — роль банкира, другая — мужа и отца, третья — любовника. Они все разные. И ни в одной из них ты не играешь самого себя.

— Мы сегодня забрались довольно далеко, а?

— Небольшое выяснение отношений? — спросила она. — Мы с тобой так редко бываем серьезны друг с другом. Проще, конечно, делать вид, что ничего особенного не происходит.

Стрелка спидометра опять поползла вверх, Палмер снял ногу с акселератора, и машина сбавила скорость до 55 миль. — Ладно, — сказал он, — значит, у меня три лица, из которых ни одно не настоящее. Скажи, кто же я на самом деле?

— Гм. — Изогнувшись в своем сиденье-люльке, она посмотрела на Палмера. — Ты считаешь себя очень вероломным, просто злодеем, правда?

— Я? Ну уж только не я.

— Ты именно так и думаешь о себе. Очень хладнокровный, очень расчетливый.

— Ты не права. Я считаю себя наблюдателем, человеком слушающим и ожидающим, заговорщиком.

— Вот ты и начал, — заметила она, — превращать все в легкий разговор. Настоящий Макиавелли. Улыбающийся, праздный мастер светской беседы и все

же осторожный, небрежный и всякий раз полностью вооруженный.

— Я не обладаю ни одним из этих качеств.

— Этими и еще несколькими. Ты вынашиваешь в уме сложнейшие планы. Я тебя знаю. Сейчас, например, ты планируешь... завладеть банком.

— Уже имел один. Не понравилось.

— Ты не хотел брать тот банк, его тебе всучили. Всю жизнь ты мечтал получить что-нибудь с помощью интриги, перехитрив весь мир.

— Абсолютная чепуха.

— Нет, — сказала она. — Где-то внутри ты веришь этому. Ты видишь себя крадучись, по-кошачьи пробирающимся по опасному пути — настороженный, дерзновенный человек, с которым вынуждены считаться.

— Разве не все люди так?

— Только ты так и не перешагнул через это. Ну скажи, что я права. Пожалуйста. — Она надавила на его бедро. — Скажи.

— Да! Ты права! Отпусти!

— Я знала, что ты в конце концов сознаешься. — Она повернулась и стала смотреть вперед. — Но правда, Вудс, пожалуйста, скажи честно, какой ты. Я не имею в виду, какой ты в действительности. Никто не знает этого о себе. И пожалуй, я не смогла бы выдержать такого открытия. Просто... ну, что ты хочешь, к чему стремишься.

Палмер сбавил скорость, порылся в кармане, ища мелочь.

— Я знаю, чего я хочу, — пробормотал он. — Просто не могу никого найти, кто бы это понял. — Он остановил машину, заплатил за проезд по шоссе и снова повел машину через границу штата в НьюЙорк.

— Нарушил закон Манна, — бодро заявил он.

— Федеральное обвинение, — сказала Вирджиния. — Но кроме того, ты совершил несколько уголовных преступлений.

— Ха!

— Прелюбодеяние и многословие.

Теперь Палмер вел машину по автостраде Хатчинсон Ривер, следя за знаками, указывающими, как проехать через Уэстчестер в Манхэттен.

— Я не стараюсь говорить много, — заявил он, — но все же буду говорить.

— Ты совершенно спокойно отнесся к другому обвинению.

— Ну, знаешь, закон чести джентльмена и все прочее.

— Мне хотелось бы иметь друга, которому я могла бы рассказать обо всем, — задумчиво произнесла она. — Кому-то, кто не будет осуждать и не будет шокирован. — Кому-то, кто получит удовольствие от деталей. Можно, я расскажу тебе? В этом мотеле была такая замечательная, большая, просто громадная постель. Две кровати, сдвинутые вместе. И он...

— С точки зрения постели в Сиракузах была лучше.

— Ковер Мака Бернса побивает любую из них.

— Да. Ты права. — Он коротко вздохнул. — Кто теперь превращает все в легкий разговор?

— Но ведь над такими отношениями только и можно что смеяться. Ничто не испортит их, если они хорошие. По-моему, единственный способ испортить их — это относиться к ним серьезно. Ты думаешь, Мак подозревает? Прости. Я перебиваю тебя, ты хотел говорить.

— Может быть, и подозревает, — ответил Палмер, вспоминая намеки Бернса в Олбани. — По правде говоря, мне это совершенно безразлично.

— Ух! Это и есть часть твоей игры. Конечно же, тебе не безразлично.

— Ты не поняла. Если бы он смог доказать что-нибудь, мне было бы не безразлично. Очень даже не безразлично. Но он может зачихнуть от подозрений, и меня это несколько не будет волновать. Некоторое время она молчала, глядя вперед на дорогу. — Почему тебе не безразлично, если он сможет что-нибудь доказать? Я знаю почему, но хочу услышать это от тебя.

— Потому что в этом случае он получит огромную власть надо мной.

— Почему это тебя волнует? — спросила она. — Разве другие не имеют над тобой власти?

— Власть, которую я разрешаю им иметь. Бэркхардт может сказать мне, что делать, и я делаю, если захочу. Если же не захочу, я могу лишить его такой власти, просто уйдя из ЮБТК.

— А-а. Кому еще ты дал власть над собой?

— Многим. Бернсу. Моей семье. Калхэйну. Тебе.

— Но ты можешь забрать этот подарок, просто уйдя от них, — сказала она.

— Да.

— Ты собираешься уйти от меня?

— Мне не хотелось бы.

— Ушел бы ты от семьи?

— Нет.

Она потушила сигарету в расположенной в приборной доске пепельнице. Очень долго ее глубоко посаженные темные глаза смотрели прямо перед собой. По обеим сторонам над автострадой неясно вырисовывались огромные многоквартирные дома. Впереди с левой стороны блеск люминесцентных ламп крупного торгового центра освещал ночь. Набирая скорость, машина понеслась вниз по длинному уклону.

— Спасибо, — сказала она наконец.

— Ты ведь говорила, что знаешь.

— Я знала. Но спасибо за то, что ты достаточно честен, чтобы подтвердить это. — Она дотянулась до пепельницы и придавила более тщательно слегка дымившийся окурок.

— При этом, — заметила она, — ты не оставляешь мне никакого выхода.

— Это неправда. Знаешь старый анекдот? Выход всегда есть.

— Только не в этом случае. У меня нет абсолютно никаких оснований, чтобы видеть тебя где-нибудь еще, кроме работы, и у меня есть все основания просить тебя забыть нашу связь, будто она никогда не существовала.

— Правильно, — согласился он. — Но ведь это основания, а не выход. Позволь мне объяснить тебе, что я имею в виду.

— Пожалуйста, не надо.

— Ты понимаешь, не так ли, что, если бы ты решила бросить меня, перед тобой встала бы цепь выходов.

— Да. Пожалуйста, давай кончим этот разговор, — попросила она.

— Еще одну минуту. — Он повел машину по широкой дуге выезда с автострады на юг, на шоссе к Манхэттену.

— Людей смущает неопределенность жизни. Чем человек логичнее, тем шире у него возможность выбора. Чем беднее интеллект, тем более положительный выбор можно сделать. Твоя беда, как я уже, по-моему, говорил, в том, что ты слишком умна.

— Нет. — Ее дыхание стало прерывистым. Он искоса посмотрел на нее и увидел, что она отвернулась.

— Правду говорят, — произнес он, — что глупые люди всегда могут быть положительными. Они настолько неспособны сделать выбор, что никогда не узнают того, что потеряли. И поэтому они счастливы.

— Но это не... моя беда, — ответила она. Слова вырывались с трудом. Спустя момент он увидел, что она выпрямилась на своем сиденье.

— Тогда что же?

— Ох, ничего грустного.

— Скажи.

— Моя беда, — проговорила она очень быстро, — в том, что я тебя люблю.

Шоссе, перешедшее теперь в Мейджер Диген Экспрессуэй, вело на юг через Бронкс к мосту Трайборо. Они проехали стадион «Янки», на темном неосвещенном корпусе слева от них электрические цифры показали сначала время — 12.27, затем температуру воздуха — 28° [По Фаренгейту, ок. -2°C]. Палмер обогнал какую-то машину и помчался вперед. Вскоре он увидел, что спидометр опять показывает 70. Тяжело откинувшись на спинку сиденья, он снизил скорость.

— Боже, — сказал он наконец.

— Дьявол. Это его штучки.

— Его цена довольно-таки высока.

— Грех велик, — ответила она. — Протестанты когда-нибудь влюбляются в людей, в которых им нельзя влюбляться?

— Ответа не будет.

— Я всегда могу спросить какого-нибудь другого протестанта.

— В Нью-Йорке их больше нет.

— Я забыла, — ответила она. — Ну, я просто должна буду... — Она резко махнула рукой. — Я жалею, что сказала тебе. Это потворствование своим желаниям эгоистично. Обычно считают, что влюбленные должны давать, давать, давать. Это не так. Они хватают и тайно накапливают.

Палмер еще раз заплатил за проезд по мосту. И вскоре они ехали по автостраде Ист Ривер.

— Я могу отвезти тебя домой, а потом вернуть машину. Или наоборот.

— Наоборот. Я хочу хватать и хранить еще несколько минут. — Она опять закурила. — Видишь, каким альтруистом делает человека любовь? А, ты поморщился. Это слово заставляет тебя морщиться. Любовь. Боже мой. Мне кажется, я терплю аварию. — Она потушила сигарету. — Я смущена, расстроена и совершенно разбита. Почему ты поморщился при слове «любовь»? Почему я подстрекаю тебя? Ты ведь, без сомнения, так же как и я, ужасно смущен. Я верю, я... мой ум расстроился. Но ты не должен морщиться при слове из шести букв. Может быть, я пьяна? Я придираюсь. Молчу. — Она сложила руки и уставилась в боковое окно.

Выбитый из равновесия, Палмер поехал не по той дороге и вскоре понял, что очутился на Шестидесятых улицах, в стороне от станции проката, где он брал машину. Он свернул налево по Лексингтон-авеню, затем еще раз налево и поехал по старому кварталу довольно запущенных домов из коричневого камня; то там, то здесь однообразие улицы нарушали более высокие и более фешенебельные новые здания. Остановившись перед светофором на Второй авеню, он услышал позади машины быстрые шаги. В боковое зеркало он увидел молодую женщину, в длинном светлом пальто, бегущую посередине мостовой, за ней бежал маленький ребенок с собачкой на поводке.

— Что там случилось, черт побери? — спросил он, поворачиваясь, чтобы как следует разглядеть их. Вирджиния тоже повернулась узнать, что случилось.

Женщина в распахнутом холодным ветром пальто добежала до машины и постучала в окно. Собака радостно залаяла, а ребенок, держащий ее, с трудом переводил дух. Палмер опустил стекло.

— Вы не могли бы подтолкнуть меня? — тяжело дыша, спросила женщина.

— Я? Гм. Это ведь легкая машина.

— У меня «фольксваген». Пожалуйста. То есть я думала, вы могли бы...— Ее голос сделался тише, и она замолчала, тяжело дыша. Собака встала на задние лапы и оперлась передними о ее пальто. — Это всего полквартила отсюда. Видите?

Палмер обернулся и увидел маленькую машину во втором ряду от тротуара.

— Ладно, — ответил он. Переключив скорость, он повел машину задним ходом. Молодая женщина, собака и ребенок — кажется, девочка лет семи — следовали за его «корветом». Женщина держала руку на крыле машины, как бы направляя ее.

— Никто не хотел остановиться, — произнесла она. — С вашей стороны это очень любезно.

— Что случилось с вашей машиной? — спросил Палмер, сделав вид, что не слышал ее слов; ведь на самом деле он остановился не для нее.

— Аккумулятор.

— Вы знаете, что надо делать? Поставить на вторую скорость, включить зажигание и выжать сцепление.

— О да, я знаю.

— И после того, как я наберу скорость, вы медленно отпустите сцепление, — продолжал он. — Медленно.

— Я знаю. Аккумулятор уже выходил из строя.

Палмер осторожно объехал «фольксваген». Женщина все еще следовала за ним.

— Садитесь в машину, вы оба, — велела она ребенку и собаке.

— Еще раз спасибо, — обратилась она к Палмеру. — Вы не знаете, что делать с этим аккумулятором?

— Здесь в районе есть ночные гаражи. Там его зарядят за доллар или два.

— А какой-нибудь другой способ?

— Ехать довольно долго, чтобы он зарядился от генератора. Но это может не выйти. Вы рискуете получить короткое замыкание. Лучше обратиться в гараж.

— Слишком дорого. Я на мели. Осталось 30 центов до конца недели.

— Что?

Она улыбнулась и кивнула головой. Потом села в машину. Палмер уткнул «корвет» носом в «фольксваген» и включил малую скорость. Он медленно повел машину вперед, постепенно набирая скорость. Раздался слабый лязг амортизаторов, и «фольксваген» рванулся с места. Женщина резко просигналила четыре раза и на красный свет завернула за угол на Вторую авеню. Когда Палмер доехал до угла, «фольксваген» уже скрылся.

— Ты слышала? — спросил он.

Вирджиния кивнула.

— Они с ребенком, очевидно, собираются спать в машине, если найдут место на стоянке.

— Но сейчас холодно.

— Может быть, чек придет в понедельник утром.

— Какой чек?

— Алименты или помощь.

— Откуда ты зн...

— Хватит об этом, — прервала она, ее голос звучал скучно и ровно. — У нее кризис. Она молода. В худшем случае она может продать машину, конечно, если она ее собственная.

— Но она производит очень приятное впечатление.

— О боже, Вудс, замолчи.

Палмер повернул на восток по Сорок восьмой улице, сдал машину, отказался от предложения служащего отвезти их домой и пошел с Вирджинией к Первой авеню.

— Почему ты отказался? Мы можем не найти такси,-сказала она.

— Он знает мое имя. Он отвезет нас в два разных места. Здравый смысл подсказывает мне, что этого нельзя делать. — Палмер окликнул проезжавшее такси, которое не остановилось, хотя и было свободно.

— Понимаю. Извини.

— Вирджиния, послушай, — начал Палмер, пытаюсь не выдать раздражения. — Не думай, что я какой-нибудь тупица. Я понимаю, что было сказано и чего это тебе стоило. Но я надеюсь, ты понимаешь, почему я сейчас не отвечаю.

— Если вообще когда-либо ответишь.

— Звучит трафаретно и фальшиво.

— Вудс, — некоторое время она молчала, не в силах продолжать, — мои слова не были фальшивыми. Так иногда звучит грубый реализм. Я подразумевала, что ты можешь не отвечать. Я уже слышала достаточно таких ответов.

— Ладно. Просто я ненавижу, когда меня считают неотзывчивым. Это слишком близко к истине, чтобы к этому можно было отнестись спокойно.

— О боже! — Она отошла от него на несколько шагов и выдохнула струю пара в холодный воздух. — Некоторые люди тупы. Ты нет. Некоторые люди слепы. Ты видишь. Просто у тебя замечательная способность все видеть и понимать, но ничего не делать. Эта женщина...

Он ждал, когда она закончит свою мысль. Потом сказал:

— Какая женщина?

— Молодая женщина с ребенком, собакой и «фольксвагеном», с севшим аккумулятором и с тридцатью центами до конца недели. Разве не странно, что машина завелась так быстро?

— Я не...

— Конечно, ты понял. Аккумулятор был в полном порядке. А если бы что-то и случилось и если она сказала правду, что это уже не в первый раз, то вопрос «что делать?» просто подводил разговор к тому, что у нее нет денег. Вудс, пожалуйста, не говори, что не понял. Она слишком горда, чтобы просить деньги. По крайней мере при своем ребенке.

— Но она не...

— Конечно, нет. Она не получила ответной реакции и моментально прекратила разговор.

— Я уверен, что ты...

— Нет. Она высказалась довольно ясно. Вон такси.

Палмер машинально поднял руку и помахал. Такси остановилось, и они сели. Вирджиния дала шоферу свой адрес, добавив:

— Этот джентльмен поедет дальше.

Машина постояла в ожидании зеленого света. Они молчали. Когда машина тронулась, Вирджиния, повернувшись к Палмеру, сказала:

— Пожалуйста, прими мои извинения за все.

Он посмотрел на нее, пытаясь ее понять. Тон, каким она просила прощения, ничего не выражал — торопливый, почти грубый тон человека, выполняющего неприятную обязанность. Но глаза ее, заметил он, говорили больше. В них он прочел что-то вроде стыда и что-то похожее на страх. Он взял ее руку.

— Понимаю, — сказал он, — пожалуйста, прими мои.

— Сегодня вечером всего слишком много, — сказала она так же быстро и невыразительно. — И этой женщины с ребенком — тоже слишком много. Она играла...— Вирджиния пожала плечами, не в состоянии закончить мысль.

— Говори.

— Кошмар. Это случается с каждой одинокой женщиной. Я не хочу говорить об этом. — Она выглянула из такси. — Мы наконец приехали, кажется.

— Да.

— Мне нельзя пригласить тебя наверх. Ты понимаешь?

— Да.

— Ты понимаешь, что я хочу это сделать?

— Да.

Она глубоко вздохнула и тряхнула головой:

— Я прижимаю тебя к себе. Змею к своей груди. Зная, что должна бы отбросить ее.

— Вирджиния...

— Боже, как бы я хотела прекратить эту болтовню. — Она прикусила нижнюю губу и уставилась в переднее стекло машины. — У этого угла, водитель. Не поворачивайте. Отсюда я пойду пешком. Спокойной ночи.

— Позволь мне...

— Спокойной ночи, — повторила Вирджиния, открывая дверцу не со стороны тротуара.

— Леди, — начал шофер, — разве вы не знаете...

— Иди ты, Джек, — ответила она уже на улице. — Спокойной ночи. — Она захлопнула дверцу и перебежала перед машиной на тротуар, высокие черные каблуки ее туфель отражали блики света от уличных фонарей над головой. Добежав до угла, она пошла медленнее. Палмер наблюдал, как движутся ее бедра, пока она не скрылась

из виду. Шофер такси издал короткий влажный звук, высасывая что-то из зубов.

— Куда теперь? — холодно спросил он.

Палмер вздохнул и немного подумал. Потом:

— У моего друга стала машина. Это «фольксваген», он во втором ряду где-то между Первой и Третьей авеню, в районе Шестидесятых улиц. Давайте его поищем?

— Давайте поищем. — Шофер включил скорость, и такси устремилось вперед, едва успев проскочить мимо светофора. — Эта молодая леди, — сказал он, — должна бы знать, с какой стороны положено выходить.

Палмер молчал, ошибочно предполагая, что этим прекратит беседу.

— Ведь вот что удивительно, — заговорил шофер через некоторое время. — Люди как будто и не думают, что делают. А ведь образованные.

Палмер закурил сигарету и начал высматривать «фольксваген».

— Да и чего другого можно ждать нынче от образованных. Плата растет, растет и растет. А какое образование вы получаете за эту плату?

Палмер наклонился вперед.

— Сверните здесь и поезжайте зигзагами.

— Хорошо. У меня сын. Ему 15 лет. Через два года ему надо будет идти в колледж. Вы грязь, пока не получите эту степень. Называется: «Бакалавр искусств». Без нее вы не имеете ничего. Ну, он способный мальчик. Не гений. Просто обыкновенный способный парень. Мог бы получить среднюю оценку. Вы знаете, среднюю

оценку, которую им нужно получить для поступления в колледж города Нью-Йорка. Обычно было вполне достаточно средней. Теперь совершенно неожиданно стало нужно 87 [100-балльная система.]. Для моего парня это гроб. Для любого нормального парня. Ну мой-то достаточно умен, чтобы порыскать вокруг себя. Никто не хочет быть аптекарем. Человек, имеющий склонность к медицине, считает, что должен быть доктором. Но мой парень умен. Он рассчитывает устроиться в фармакологии, пока там хорошо платят. Такси выехало на Третью авеню, а затем снова повернуло на восток, в боковую улицу. Палмер посмотрел вдоль улицы, но «фольксвагена» не увидел.

— Беда, — продолжал шофер, — заключается в школах, в школьном преподавании. Они не дают ребятам то, что им нужно. Боже мой, они начинают с идиотского пещерного человека, греков, египтян и еще черт знает кого. Разве ребятам это нужно, я вас спрашиваю? Что это такое в конце концов? А книги, которые они читают! Разве им нужны эти книги? Поэзия? Шекспир? Книги, о которых вы никогда не слышали, написанные людьми, о которых вы тоже никогда не слышали? Разве это помогает парню научиться делать деньги? Разве это готовит его к жизни?

Такси пересекло Вторую авеню и поехало по направлению к реке.

— Выбросьте, ради Христа, все это, — говорил шофер, — дайте ребятам вздохнуть. Зачем, черт возьми, они ходят в школу? Как отец я говорю. Ребята имеют право на хорошее преподавание. Они имеют право на...

— Езжайте медленнее, — перебил его Палмер, он увидел «фольксваген» на стоянке в конце Первой

авеню. — Очень медленно. — Он вытащил бумажник и вырвал из записной книжки листок. Положил на него все свои десятидолларовые бумажки — всего три — и свернул маленький пакетик.

— Теперь подъезжайте к «фольку», — приказал он. Женщина и ребенок сидели в машине, когда такси остановилось, Ребенок спал, держа на коленях спящую собаку, но женщина смотрела на такси. Когда Палмер открыл ближнюю к ней дверцу такси, она вышла из своей машины.

— Мне кажется, это уронили вы, — обратился к ней Палмер.

— Я, нет, не... Ах, мужчина с «корвета».

— Мне кажется, это уронили вы, — повторил он, протягивая ей сверток.

Она взяла.

— Это не похоже на...

Палмер захлопнул дверцу.

— Поезжайте, водитель.

Шофер включил мотор и поехал на зеленый свет к Первой авеню. Он повернул на север и замедлил скорость. — Что это было?

— Теперь отвезите меня, гм... к «Плаза».

— Обязательно. — Такси повернуло на запад. — Вы живете там, шеф?

— Нет.

— Хотите выпить что-нибудь, да?

— Нет.

— Встречаете кого-нибудь?

— Нет. — Палмер замолчал, и по какой-то причине всю дорогу до отеля «Плаза» молчал и шофер. Заплатив ему, Палмер сказал: — Просто в это время ночи здесь легче найти такси.

Глава сорок седьмая

Дом с бетонно-ажурным фасадом был темен. Палмер заплатил шоферу и вошел в дом. В полной темноте он повесил пальто, шляпу и шарф, ощупью находя толстые дубовые вешалки.

Немного постоял не двигаясь, прислушался. Где-то в глубине дважды щелкнул газовый нагреватель, и его сильно заглушенный вентилятор начал вертеться с едва слышным жужжанием. Палмер наклонился и расшнуровал туфли. Он шагнул из них и пошел в носках к лестнице, раздумывая, не слишком ли рискованно попытаться подняться по ней без света.

Проходя мимо двери в гостиную, он услышал негромкий треск. Он быстро повернулся и уставился в два огромных красных глаза, злобно горящих в темноте. Его сердце сильно стукнуло о ребра. Кожа шеи и плеч поползла в разные стороны, как бы стремясь отделиться от тела. Что-то треснуло еще раз, и один глаз сломался на два красных куска. Палмер облегченно вздохнул, напряжение исчезло.

Он бесшумно подошел к камину, нащупал кочергу и небрежно постучал по двум напугавшим его кускам угля, разбивая их на более мелкие. Вдруг Палмер остановился, отложил кочергу и выбрал тоненькое короткое полено. Он положил его на угли, встал перед ним на колени и начал дуть. Угли замерцали оранжевым светом, будто содрогание страсти пробежало по изборожденным лицам. Полено потрескивало, и этот звук напоминал негромкий отрывистый лай. Палмер продолжал осторожно дуть.

И вдруг как-то сразу, легонько фыркнув, полено вспыхнуло обильным желтым пламенем. Палмер поднялся с колен, сел на корточки и, прищурившись, уставился в неожиданно ослепительный свет. Он сидел так долгое время, затем поднялся и, мягко двигаясь в мерцающем свете камина, пошел через всю огромную комнату к бару. Он был в одних носках, и голый пол охлаждал ноги. Палмер налил немного виски в большой четырехгранный бокал и вернулся к огню.

Он уселся на натертом дубовом полу перед огнем, поджав ноги по-турецки. Виски казалось чуть прохладным на губах и языке. Но уже в горле оно слегка обжигало. А достигнув желудка, огонь побежал радостным теплом во все стороны. Он сделал второй глоток и был разочарован, обнаружив, что на этот раз виски не смогло создать то первое ощущение согревающего тепла.

Полено теперь жарко горело, смола, вытекая из него, разбрызгивалась и, немного пошипев маленькими пенистыми пузырьками, вспыхивала большим дымным пламенем. Палмер уставился на полено, разглядывая изменчивые языки пламени.

Могут ли они повториться? — заинтересовался он. Было ли математически возможно их повторение? Надо будет когда-нибудь спросить об этом Гаусса. Если, размышлял он, Гаусс вообще будет с ним еще говорить.

Он сидел, потягивая виски и припоминая шаг за шагом беспорядочную и странно захватывающую беседу с Гауссом. Некоторые из его идей кажутся здоровыми. Коммерчески разумными. И даже если сейчас, в их настоящем виде, по крайней мере, они не совсем такие, разве не долг любого банка, имеющего хоть пол-унции

общественного сознания, финансировать разработку подобных идей?

Он знал, что разочаровал Гаусса довольно сильно. Но он и не давал ему повода ожидать большего.

Вирджиния, конечно, другое дело. Ей-то он, безусловно, дал такой повод.

Сидя здесь и наблюдая за игрой огня, он чувствовал абсолютную уверенность, что никогда не говорил ей ничего такого, не делал никаких намеков на то, что когда-нибудь он может серьезно, полностью связать с ней свою жизнь. Вирджиния, к сожалению, придавала мало значения словам. Она была слишком восприимчива к немим сигналам.

Любой нормальный человек может читать эти сигналы, имея побудительные мотивы и немного практики. Это нетрудно. Опытные игроки в покер широко пользуются этим. Собственно говоря, это же делают и управляющие в магазинах, чиновники в банках. Люди, занимающиеся подбором кадров.

Каким-то образом, без слов, он дал ей понять, что открыт для нее, эмоционально открыт. По-видимому, это было нечестно с его стороны. Так как он ни для кого не был эмоционально открыт, разве не так?

Он почувствовал, что у него онемела нога, и медленно выпрямил ее, затем выпрямил другую и оказался сидящим с вытянутыми ногами, как ребенок. Огонь поджаривал подошвы его ног. Слабый аммиачный запах горящей шерсти заставил его отодвинуть ноги от огня. В его взрослой жизни был, вероятно, какой-то период, когда он был открыт для кого-то еще. Теперь, сидя перед огнем, он решил, что так было у него с Эдис,

когда они впервые встретились. Во всяком случае, предложение руки и сердца подтверждало какую-то степень эмоциональной заинтересованности.

Он слегка улыбнулся иронии этой мысли, но улыбка тут же умерла на его лице, потому что он вдруг подумал, может быть впервые в жизни, был ли он вообще когда-нибудь влюблен в Эдис. Чудовищная мысль. Он почувствовал, как она устроилась перед ним с идиотской улыбкой циркового уродца. Он видел, как она наблюдает за ним из пламени — не очень пристально, поскольку не так уж это важно — верит ли он в это или нет? Конечно, ты любил свою жену. По крайней мере когда женился на ней. Не правда ли?

Казалось, уродец вышел из огня и похлопал его по колену с отвратительной фамильярностью. Кретинская копия Мака Бернса! И хоть и рожденное из огня, «его» прикосновение было холодным. Палмер моргнул. Он поднял стакан к губам и начал медленно пить виски. Почему Вирджиния так сказала? Что все это игра? Почему она увидела все в таком же свете, как он видел сам? И если она чувствовала, что он играл — всегда, всегда, — почему она поверила его бессознательным сигналам, его «пробным передачам» и решила, что он любит ее?

Палмер допил стакан и сидел, уставившись полуостекленевшими глазами на неровную линию пламени. Казалось, он загипнотизирован им. Несмотря на жар, несмотря на резь в глазах, он больше не мигал.

Он отклонился назад и оперся на локоть, его глаза продолжали замороженно следить за огнем. Он и его брат Хэнли часами разыгрывали целые спектакли. Одни в комнате Хэнли в те дни, когда Хэнли учился в средней

школе, а отец еще жил дома. Они играли множество ролей: Тома Свифта, Бульдога Драммонда, Петри и Нейланда Смита; они воевали с коварным Фу Ман-чу; играли героев дюжины рыцарских романов Е. Филиппса Оппенгейма, Файло Ванса с его монопольными сигаретами с золотыми концами; худых, мрачных, молчаливых мужчин, открывающих рот лишь для того, чтобы поразить мир. Хэнли был великолепен. Он не умел придумывать сюжеты, это было обязанностью Палмера. Но как только сюжет был готов, Хэнли оказывался на высоте положения, импровизируя, гордо прохаживался вдоль длинной узкой комнаты, холодно улыбаясь, поднимая брови, смелый, хитрый, с плотно сжатыми губами, непобедимый.

Уставившись в огонь, он как бы снова видел перед собой эти давние сцены в комнате Хэнли. Палмер теперь подумал, что он единственный во всем мире точно знал, почему Хэнли пошел служить в морскую авиацию почти за год до Пирл-Харбора. Конечно, на Хэнли это было очень похоже, но причины никто, кроме Палмера, не знал.

Внешне оба они были совершенно разные люди, но внутренне очень похожие. Хэнли был выше, более крепкого сложения, более похож на отца. Как старший сын, неся тошнотворное бремя первенца семьи, он получил полную, не облегченную обработку характера отеческой рукой. Хэнли, понял теперь Палмер, сначала был сбит с толку. Только позже, когда стал взрослым сам Палмер и начал свой упрямый, часто глупый бунт против отца, Хэнли понял, что можно сказать «нет», можно сопротивляться. Открытие ошеломило его. В двадцать пять лет, имея за спиной колледж, а впереди работу в отцовском банке, Хэнли в первый раз сказал «нет». Это

был также и его последний раз. Для новичка акт сопротивления может оказаться роковым. И если бы Хэнли не погиб в катастрофе патрульного бомбардировщика, его прикончило бы что-нибудь другое, пилот-самоубийца, может быть, или торпеда германской подводной лодки. Своего рода самоубийство. Не такое уж необычное преступление.

Он пошевелился и мигнул. Пламя умирало. Маленькое, тонкое поленце почти полностью сгорело. Оно лежало тремя головешками среди более старых и более темных углей.

Если бы Хэнли мог только знать, размышлял он, глядя на угли, какой вред причинил он своему младшему брату, вырвавшись из банка и бросившись в железные объятия войны. А может быть, и не вред. *De mortuis nil nisi bonum* [О мертвых говорят только хорошее (лат.)].

Палмер тихо застонал, вставая на ноги. Он отнес свой пустой стакан к бару и немного постоял около него, пытаясь понять, хочет он еще выпить или нет. Да? Нет? Разве невозможно узнать о самом себе хотя бы это.

Он повернулся и изучающе оглядел громадную комнату, ее дальние углы стали теперь темными, и только середина слабо освещена умирающим огнем. Это трусость, сказал он себе, прятаться за спину мертвого брата и мертвого отца. Трусливо, и простодушно, и по-детски.

И если ты предаешь все и всех, подумал он, жену, любовницу, даже случайного знакомого, вроде Гаусса, тебе все равно не скрыться от ответственности, свалив ее на головы призраков.

Он вернулся к камину и разбил кочергой головешки покрупнее. Свет быстро угасал. Мгновение он смотрел, как угли становятся тускло-красными и вскоре один за другим потухают. Он положил кочергу и как был в одних носках пошел из комнаты в вестибюль. Он нашел лестницу и начал медленно подниматься в темноте, нащупывая впереди себя ногой ступеньку за ступенькой, а рукой держась для опоры за перила.

Он продвигался медленно. Если бы в непрерывном подъеме лестницы были площадки, можно было отдохнуть, а затем снова подниматься. Но, имея перед собой каждую ступеньку, точно похожую на предыдущую, он был вынужден очень часто останавливаться. Что-то явно испортилось в его органах равновесия. Он чувствовал, как его тело резко клонится вправо, к перилам. Казалось, что, не видя точек опоры, он не может держаться прямо. Немного погодя, через десять-двенадцать шагов, он остановился и постоял в темноте с закрытыми глазами — правая рука крепко сжимала перила, ноги слегка расставлены для устойчивости.

Рука сжала перила еще крепче. Он почувствовал, что ладонь стала влажной от пота. Осторожно он перенес вперед левую руку и тоже ухватился ею за перила. Это движение вывело его из равновесия. На лбу выступил пот. Единственное решение, думал он, его мозг лихорадочно работал, мысли металась взад и вперед, мелькали образы прошлого, единственный раз, когда я вообще принял решение, — это когда я бросил банк и приехал в Нью-Йорк.

И даже это, понял он с ошеломляющей ясностью, было противодействием кому-то другому, кто был так же

точно мертв в своем склепе в Роз-хилле, как жив за своим столом в банке. Палмер покачивался. Он знал, что надо сделать прежде всего — спокойно, разумно снова найти устойчивое положение, разогнуться, собраться с силами и продолжать подниматься. Чистый, лишенный теней белый свет вылился на него сверху, как целая ванна молока.

— Вудс?

Свет помог ему прийти в норму, уменьшилось ужасное головокружение. Он выпрямился и отнял от перил обе руки.

— Тебе нехорошо?

— Выпил немного лишнего, наверное, — сказал он, ухватившись за первое пришедшее ему на ум, самое простое объяснение и сразу же поняв, что отдает себя на ее милость.

— По голосу не слышно. Ладно, иди наверх.

Эдис стояла у щита, сине-зеленый халат из шотландки наброшен на плечи. Ее волосы были закручены в маленькие желтые локоны. Лицо казалось белым как мел и невыразительным, краска на глазах смыта, губы бело-розовые. Слабые зеленоватые тени лежали под скулами.

— Прости, что разбудил тебя.

— Ты не разбудил. Я читала. Я слышала, как ты пришел и занялся чем-то у камина. И тогда, зная, что ты дома, я заснула.

— Не надо было ждать. Я говорил, что не представляю, на сколько могу задержаться.

— Да. — Ее рука опустилась с выключателя. — Но я никогда не знаю, что может... — она сделала неопределенный, непонятный жест, — в этом городе. Я никогда не знаю, что может случиться с тобой поздно ночью.

— Ничего. Я езжу на такси.

— И потом, — продолжала она, — заснув, я неожиданно проснулась, потому что ты как-то замычал, что ли, или застонал. Это был ужасный звук, Вудс. Я не знаю, но это прозвучало... — Она покачала головой.

— Как что?

— Это глупо, — продолжала она, — но у мужчин твоего возраста бывают сердечные приступы.

— Ну, ну! Пожалуйста.

Она вздохнула с каким-то странным присвистом.

— А оказалось, что ты нагрузился и мучаешься в темноте, потому что боишься включить свет.

— Я боюсь?

— Иди спать, Вудс. Иначе мы разбудим детей.

— Я не включал свет, потому что боялся тебя разбудить. Она пошла в спальню. — По какой-то причине ты пытался подняться в темноте и скрыть от меня, как поздно ты возвращаешься.

— Какая же это причина?

Она присела на край кровати.

— Ей-богу, Вудс, это смешно. Если кто-нибудь и знает причину, так это ты. А теперь ложись спать.

— Не сказав тебе причины?

Некоторое время она холодно смотрела на него. — Предупреждаю тебя, не начинай ничего сейчас.

Он скорчил негодующую гримасу, снял пиджак и бросил его на стул. Рывком расслабил галстук. — Ладно, — сказал он, расстегивая рубашку, — тогда у меня к тебе вопрос.

— Ну давай хоть вопрос.

— Ты можешь вспомнить какой-нибудь из моих поступков, который был полностью моим решением?

Что?

— Сдаюсь, — объявил он, снимая рубашку. — Все линии связи порваны. Между мной и тобой. Между мной и мной. Центральная не отвечает. Дежурного нет у пульта. — От облегчения его охватило какое-то легкомысленное веселье. Она не подозревала, больше того, ее даже не интересовало, как он провел вечер.

— Ты пытаешься изображать пьяного? Да?

Он начал мурлыкать мелодию какой-то старой песни, которую едва помнил. Снимая брюки, небрежно бросая их на пиджак, он наполовину пел, наполовину шептал:

Алло, центральная, соедините меня,

Мне нужен Брайант — 7— 09. Алло, это кто?

Это, гм, там-там. Ну, там-там, там-там,

Там-там, там. И что-то, что-то, что-то, так-так...

Здесь Эни больше не живет.

Он надел пижаму, все еще тихо напевая. — Что случилось, — неожиданно спросил он, — со Скини Эннисом? Обычно я очень хорошо имитировал его.

— Не имею представления, — сказала Эдис. — Ты выключил свет наверху?

— Нет. До утра еще какая-нибудь бедная душа, может, захочет пройти по ней. Какой-нибудь пьяный взломщик.

— Пожалуйста, выключи, Вудс.

— Ты помнишь оркестр Хэл Кэмп, группу трубачей? Унисон. Очень эффектно. «У меня свидание с ангелом», — тихо пропел он.

Она отвернулась от него, уткнув голову в подушку. Он нахмурился. Спустя момент сел на край своей кровати и выключил лампу на ночном столике.

— Да. Хорошо. Спокойной ночи, — сказал он.

Он сидел в темноте, прислушиваясь к ее дыханию, пока оно не стало ровным и глубоким. Потом встал и подошел к окну. Через бетонно-ажурный фасад он видел холодно светящийся уличный фонарь; какое-то время он думал о Вирджинии, потом о Гауссе. Закурив сигарету, он сел у окна и начал думать о том, на сколько может хватить тридцати долларов женщине, ее дочери и их собаке.

Глава сорок восьмая

В Бруклине было ужасно холодно. Ночной январский ветер дул вдоль Ист Ривер, по реке плыли куски льда. В районе Хейтс ветер стонал среди маленьких, но элегантных многоквартирных домов и выл на открытом месте вокруг Бороу Холла. К десяти часам вечера даже деловой квартал окутала тишина, изредка нарушаемая одиночными машинами. Если не считать паутины Бруклинского моста в отдалении, решил Палмер, этот район мог бы сойти за деловую часть любого маленького городка. Настолько основательно резкий ветер вымел улицы.

Шофер Палмера, уроженец Бруклина, искусно провел машину через несколько переулков и остановил перед внушительным старым зданием, которое одно время было масонским храмом, если судить по эмблемам, вырезанным на гранитном фасаде. Оно не могло им больше быть, подумал Палмер, выходя из машины, поскольку здесь было назначено сегодняшнее собрание.

Он постоял некоторое время на морозном ветре и неторопливо осмотрелся. Это было его первое знакомство с Бруклином. Старый город, подумал он. Он выглядит теперь намного старше Манхэттена, который вынужден постоянно молодеть, понемногу съедая куски самого себя, когда-то бывшие его юностью.

— Джимми, вы мне не понадобится до полуночи, — обратился он к шоферу. — Вы бы подыскали теплое местечко погреться.

— В это время здесь уже все закрыто, мистер Палмер.

— Тогда закройте машину и пошли со мной.

Они поднялись по широкой каменной лестнице. Шофер толчком открыл массивную с богатой резьбой деревянную дверь. В вестибюле, отделанном ореховым деревом, никого не было. Палмер прислушался и услышал смех. Он пошел на звук и, пройдя по коридору, остановился у огромной двустворчатой двери из орехового дерева с резными медными ручками. Нажав на одну из них, он приоткрыл дверь и обнаружил, что смотрит прямо в желтый глаз. В глубине комнаты продолжали смеяться.

— Вуди! — Бернс настезь открыл дверь, и показались его оба глаза и ухмыляющаяся физиономия. — Деточка, ты опоздал. Я уже волновался и отгрыз несколько ногтей.

— Где может подождать мой шофер?

— Внизу, в холле, — ответил Бернс, показывая рукой. — Первая лестница направо.

— Увидимся позже, мистер Палмер, — сказал Джимми.

— Заходи, Вуди, лапочка. — Бернс ввел Палмера в комнату и захлопнул дверь. Смех оборвался.

Палмер огляделся. Почти всю длину комнаты (метров пятнадцать) занимал стол. На белой скатерти остатки обеда. Вокруг стола сидела группа мужчин в вечерних костюмах.

Насколько Палмер знал, он никогда не встречал ни одного из них, но их лица не были для него совершенно незнакомыми. Такие лица можно было встретить и в Олбани, и в коридоре отеля в центре города, где

находилась контора Вика Калхэйна. Такие же лица или же очень похожие неизменно появлялись на обедах, которые Палмер посещал последние три месяца.

Несмотря на разнообразие некоторых деталей, эти лица делились на определенные типы.

Толстые лица обычно имели тенденцию быть толстыми на определенный манер: жир концентрировался под носом, вокруг рта, в тяжелых челюстях и толстых, мощных складках под подбородком, как будто однажды очень высокая температура растопила весь жир и заставила его стечь в низ лица. Худые лица почти всегда были сильно загорелые — декабрь и январь на берегу Майами, — резкие морщины, как глубокие скобки, вокруг рта, фиолетово-серые пятна под глазами и стрелообразные морщины, расходящиеся веером от ноздрей.

У толстых лиц были сальные, неопределенной формы носы и желтоватые плешинки. Худые лица имели острые, угрожающие носы под седеющими, коротко подстриженными волосами. На обладателях всех этих лиц, как униформа, были надеты синие, светлее, чем темно-синие, смокинги, сшитые по последней моде, туго обтягивающие, с узкими воротниками шалькой. У всех, как униформа, на рубашках был сложный белый на белом узор. Изредка встречались прекрасные кружева, но это ничего не меняло. Все это были рубашки, которые люди такого сорта обычно надевают к деловым костюмам.

Бернс медленно провел Палмера вокруг стола, представив его каждому из почти пятидесяти присутствующих мужчин. Теперь они снова оказались на том месте, откуда начинали обход. Палмер не запомнил

ни одного имени. Они, как всегда, были примерно на одну треть ирландскими, одну треть итальянскими, одну треть еврейскими. Когда он сел рядом с Бернсом, появились официанты, чтобы убрать остатки обеда. Два официанта катили по комнате передвижной бар, раздавая ликеры, бренди, виски и кофе.

— Два королевских кофе, — заказал Бернс.

Палмер наблюдал, как один из официантов налил две неполные чашки кофе, а его напарник долил в каждую из них до края бренди и затем поставил их перед Бернсом и Палмером. — Мне не надо, — произнес Палмер вполголоса. Беседа вокруг стола возобновилась. — Просто немного виски со льдом.

Из середины противоположной стороны стола поднялся один из обладателей толстых лиц и слегка постучал ложкой по стакану.

— Джентльмены, — сказал он, — от имени нашего маленького обеденного клуба я бы хотел приветствовать мистера Палмера, с которым вы все только что познакомились лично. Нам было очень жаль, что он не смог присоединиться к нашему обеду, но виноват самолет, прибывший из Буффало с опозданием. Мы не настаиваем на соблюдении ритуала, поэтому без лишних церемоний разрешите мне предоставить ему слово. Вудс Палмер, «Юнайтед бэнк энд траст компани».

Его приветствовали вежливыми аплодисментами, пока он вставал, кланялся и старательно улыбался. Прежде ему было нелегко улыбаться незнакомым людям, но теперь это стало почти привычкой.

— Джентльмены, — начал он, — Поверьте мне, когда я говорю, что действительно очень сожалею,

пропустив, по-видимому, замечательный обед. Я говорю так потому, что искренне хотел бы потратить это время на более близкое знакомство со всеми вами, а не потому, как вы можете подумать, что обеды в самолетах оставляют желать лучшего.

Он переждал смех, затем пустился в длинную неостроумную шутку, которую Бернс рассказал ему несколько дней назад. Хотя он не считал ее ни с какой стороны смешной, аудитория в Буффало просто умирала со смеху.

— Вы знаете, полет в одном из современных реактивных самолетов напоминает мне историю из тех времен, когда «Боинг» разрабатывала свой сверхскоростной самолет. Он с легкостью делал 2000 миль в час. Но при 2100 миль его крылья начисто отваливались. Миллионы долларов были потрачены на попытки исправить дефект. Наконец пригласили ведущих специалистов по авиации из всех стран мира. Приехали русские, попытались, потерпели неудачу. То же самое случилось с англичанами, французами и немцами. И вот не осталось ни одного из приехавших инженеров, кроме маленького человечка из Израиля. — Он сделал паузу, чтобы дать время евреям из числа слушателей перестроить свой мозговой аппарат и приготовиться к антисемитской шутке. Бернс тщательно разъяснил ему, что сущность шутки именно в том, чтобы остановиться в этом месте так, чтобы евреи забеспокоились наряду с наиболее чувствительными последователями других религий.

— Ну, они спросили, какое оборудование и сколько помощников ему нужно. «Просто лестница, — ответил он, — и электродрель». Всех несколько удивила

скромность его просьбы, но она была выполнена. Тогда израильский инженер взобрался по лестнице и начал сверлить маленькие дырочки на расстоянии дюйма друг от друга, по передней кромке каждого крыла. После чего он сказал: «Теперь пусть поднимется». Так как израильский инженер выразил желание полететь в этом самолете, два смелых пилота увеличили вдвое свою сумму страхования жизни, пристегнули вторые парашюты и поднялись в кабину вслед за ним. Пока самолет везли к взлетной площадке, его крылья угрожающе покачивались. Палмер опять, как учил его Бернс, сделал паузу. Логика шутки теперь должна казаться ясной для слушателей. Они должны усвоить, что шутка антисемитская. Было важно дать им время на подобное заключение.

— Каким-то чудом самолет поднялся, — продолжал Палмер, — пилот набрал скорость до 600 миль в час, 1000, 2000. Критическая точка была рядом. 2100! Крылья держались. Пилот посадил самолет, начался настоящий бедлам. Представители «Боинга» засыпали маленького израильского инженера щедрыми похвалами и деньгами. В этот вечер на банкете в честь победы его спросили, как к нему пришло вдохновение для этого научного чуда. «Ну, — скромно ответил он, — тут не было ничего особенного». — Палмер в последний раз сделал паузу. Напряжение слушателей достигло предела. Антисемиты приготовились хохотать. Евреи были готовы смеяться вежливо и немного.

— Он сказал: «Меня навела на эту мысль еще дома туалетная бумага. Она имеет такие же дырки и тоже не отрывается». На мгновение наступила полная тишина. Затем смех возник в дальнем конце стола, где двое мужчин первыми поняли бессмысленную суть рассказа.

Смех быстро распространился по всему столу, сначала смех облегчения — шутка не совсем антисемитская, а во-вторых, от ее безумной нелогичности.

— Я думаю, — продолжал Палмер спустя некоторое время, — вы назовете это шершаво-туалетно-бумажной шуткой. — Он опять помолчал, ожидая смеха, который Бернс называл отдачей. Небольшое замечание имело целью вернуть слушателей от шутки к неизбежной действительности.

— Вы знаете, — продолжал он, — у нас, банкиров, есть поговорка о туалетной бумаге. Если мы вдруг захотим сменить ее сорт в наших общественных уборных, мы должны получить разрешение на это из Олбани... или Вашингтона. Настолько централизовано управление банками.

Палмер дал своим слушателям возможность успокоиться и расплатиться за развлечение примерно так, как это делают с телезрителями, вынуждая их сидеть и смотреть рекламные передачи.

— Вот эту централизацию управления я и хотел бы обсудить с вами сегодня, — сказал он. Он отпил глоток воды и приступил к главной части своей речи, очень похожей на ту, с какой он выступал в Буффало и Рочестере. Материал был тот же, что в его первоначальной речи в Сиракузах, он переписал свои доводы, чтобы избежать по возможности критики сберегательных банков. И сегодня вечером он понял, как был прав, внося эти поправки. Бруклин в известном отношении является бастионом сберегательных банков. Некоторые из присутствующих здесь сегодня бизнесменов были, несомненно, членами правлений сберегательных банков. И сберегательные банки

Бруклина наиболее упорно требовали расширения привилегий для своих отделений. Еще с войны они предоставили большие суммы по закладным на постройку тысяч многоквартирных домов на Лонг-Айленде, вне сферы их действия. Вкладчики в дома переехали. Но сберегательным банкам было запрещено открывать свои отделения на Лонг-Айленде, чтобы обслуживать своих старых вкладчиков.

— ...кажется возвышенно прекрасным и справедливым, — сказал Палмер, переходя к заключительной части своей речи, — что сберегательные банки должны иметь право следовать за своими вкладчиками. Никто не отрицает этого принципа. Смысл существующего ныне закона не в том, чтобы лишить их навсегда этого права, а в том, чтобы провести изменение последовательно, ни в какой мере не нарушая экономику государства.

— Предлагаемые сберегательными банками изменения вполне разумны. Лишь срок, за который они хотят провести их в жизнь, удивляет меня, невольно задумываешься, какое влияние это окажет на бизнес, финансирование которого целиком зависит теперь от коммерческих банков.

— Джентльмены, когда имеешь дело с деньгами, привыкаешь действовать очень осторожно. Исправление ошибки стоит слишком дорого. Такая же, по-моему, благоразумная осторожность должна руководить и нашим решением проблемы сберегательных банков.-

Палмер помолчал.

— А теперь, какие будут вопросы? В дальнем конце стола поднял руку мужчина с худым лицом и начал говорить прежде, чем Палмер смог узнать его имя.

— Мистер Палмер, — начал он громким, хриплым голосом. — Благоразумие и осторожность — замечательная вещь. Но этот билль об отделениях, или как он там называется, стоит на обсуждении в Олбани вот уже в течение пяти или шести лет. Не кажется ли вам, что мы достаточно долго были благоразумны и осторожны?

Слушатели засмеялись. Их рассмешил не остроумный вопрос, понял Палмер, а то, что направлен он был против него. Два месяца назад, когда Бернс предложил это более узкое, но более влиятельное собрание, Палмер сразу же увидел всю сложность такой затеи. Сравнительная интимность группы ставила выступающего в невыгодное положение. Слушатели были друзьями или по крайней мере товарищами по бизнесу или политике. Он был посторонний, несмотря на то что прибыл сюда под защитой Мака Бернса. Малейшее колебание, первая же попытка уклониться от ответа была бы немедленно замечена. И любая попытка срезать критически настроенного спрашивающего сразу настроит их против него.

— Разве? — спросил Палмер в свою очередь. — Мы живем в век больших скоростей. Реактивный самолет доставил меня сюда из Буффало меньше чем за час. Несчастья также совершаются очень быстро. Даже в сравнительно неторопливое время конца 20-х годов понадобилась всего неделя для уничтожения половины состояний Америки, на банкротство сотен тысяч мелких

вкладчиков, что скомпрометировало биржу почти на целое поколение.

— Если вы зададитесь целью разрушить нашу экономику и будете намеренно вводить ее в штопор, вам понадобятся на это годы. Но все может рухнуть неожиданно, за одну ночь. Мы с вами привыкли мыслить циклами, диаграммами, где кривые плавно изгибаются то вверх, то вниз. Но в действительности все происходит не так. Прочность экономики сходна с добродетелью женщины. Она может казаться совершенной в течение многих лет. И вдруг одно лишь слово ее разрушает.

Он стоял, открыто наблюдая за ними, переводя взгляд с лица на лицо.

Худые выглядели угрожающе, как им и положено. Но теперь даже толстые лица выражали угрозу. А ведь правда, подумал Палмер, какой-то мощный жар растопил сало, и оно стекло в нижнюю часть лица. Это был жар трения, огромный жар, выделяемый человеком, который, толкаясь и царапаясь, прокладывает себе путь через множество тел к полному успеху.

— Насколько я могу понять, — сказала затем одно из толстых лиц, — вклады в сберегательные банки нужны нам так же, как и деньги коммерческих банков нужны для финансирования бизнеса. Не могли бы вы прокомментировать это?

— С радостью. — Палмер поднял свой стакан и слишком поздно увидел, что это виски, а не вода. Он сделал маленький глоток и поставил его на место.

— Я знаю, что некоторые из вас связаны со строительством многоквартирных домов, — продолжал он, — то, что я хочу сказать, не будет для вас

неприятной неожиданностью. Впервые за последний период подобное строительство отстает от строительства многоквартирных домов. Это неслыханно. Но это факт. Думается, что в следующем году разрыв увеличится. И еще через год он будет еще больше. Я считаю, что во всей нашей экономике происходят неувлимые изменения. С того дня, когда сюда пришли первые колонисты, и до недавнего времени (два-три года назад) наша экономика была основана на собственности. Теперь это положение быстрее и быстрее начинает меняться. Люди хотят пользоваться огромным количеством вещей. Но они все менее заинтересованы в том, чтобы владеть ими. Эта перемена прежде всего заметна в их манере обращения с деньгами. Весь послевоенный бум в сфере личного кредита только подтверждает факт: люди хотят тратить деньги и больше не заботятся о накоплениях. Слишком долго надо ждать, прежде чем сможешь собрать деньги и купить машину или цветной телевизор. Теперь это им не подходит. Сегодня люди стремятся получить немедленно то, что им хочется. Они хотят пользоваться этим немедленно. Принадлежит ли это банку, или финансовой компании, или землевладельцу, им все равно.

— Таким образом, — заключил Палмер, — если кредит — хороший способ немедленно получить желаемую вещь, то прокат — еще лучше. Черт знает, что только не берется напрокат в наши дни! Машины, мелкие товары, меховые пальто, картины, квартиры, стулья и столы, летние коттеджи, приходящая прислуга, электроинструменты, ложки — только назовите вещь... и сразу же кто-то даст вам ее напрокат. Не удивительно, что многоквартирные, сдаваемые в аренду дома строятся быстрее многоквартирных. Вот в чем заложено будущее

экономики — в обслуживающих отраслях промышленности, которые предоставляют внаем кров, средства передвижения и предметы потребления. И никто, кроме коммерческих банков, не может финансировать все эти отрасли.

Наступила пауза. Палмер понял, что поколебал их. Он не собирался так далеко вдаваться в объяснения, но теперь увидел, что поступил правильно. Он даже подумал, что мог бы объяснить еще более подробно. Задумчивое, несколько угрюмое выражение на их лицах легко могло смениться недоверчивым, скажи он им, как сам в действительности относится ко всему этому.

— Вы хотите нас убедить, — спросил один из присутствующих, — что в экономике нет места бережливости?

— Нет, сэр, совсем нет. — Палмер глубоко вздохнул. — Если до вас доходят подобные сведения, то они поступают от народа, а не от меня. Проверьте статистику. Вы обнаружите, что, несмотря на ежегодный рост заработной платы, средний уровень сбережений сейчас не больше, чем он был 15 лет назад. На самом деле он даже начинает сокращаться.

— Это все правда. Но ведь наравне с заработной платой растет стоимость жизни, — настаивал спрашивающий.

— Верно, — согласился Палмер, — именно это и обескураживает среднего человека, живущего на зарплату. Это одна из причин, почему он хочет роскоши теперь, а не потом. Этот человек знает, что доллар, сохраненный им сегодня, не будет иметь той же покупательной способности через пять лет, когда он

накопит их достаточно для приобретения, ну, скажем, машины.

И снова внезапно наступившая тишина сказала Палмеру, что он поколебал их. Главное теперь, подумал он, не дать им впасть в такое уныние, чтобы они почувствовали себя беспомощными что-нибудь предпринять в данной ситуации.

— Мне кажется, — заговорил маленький худой человек, сидевший через несколько стульев от Палмера, — что вы довольно таки пессимистично относитесь к здравому смыслу среднего человека, живущего на зарплату. Мы знаем, что он начинает забастовки покупателей, если с ним плохо обращаться. Не такой уж он слабоумный.

— Правильно, — ответил Палмер. — Он не слабоумный. Но что, что такое забастовка покупателей, если хорошенько подумать? Это категорический отказ покупать. Потребитель говорит: «Я подожду, пока цены не станут ниже». А тем временем... что? Может он обходиться без товаров? У него остаются те же три проблемы, что и всегда, — пища, кров и одежда. Потребитель не может бастовать постоянно, не так ли? Он человек умный, но, как бы он ни был настроен, у него нет выбора.

Палмер сообразил, что может зайти слишком далеко. В другом настроении и имея больше времени на размышления, он сам мог бы поспорить со своими собственными доказательствами.

— Я не хотел отклоняться от темы. Единственное, что я хочу сказать: чтобы оставаться процветающей, наша экономика вынуждена меняться. И пока эти перемены помогают ее процветанию, все в порядке. Но

они уводят нашу экономику дальше от простой бережливости и ближе к неограниченному кредиту.

— Поскольку это так, кажется разумным — и даже совершенно необходимым — предоставить какую-то защиту финансовым учреждениям, с помощью которых могут свободно вращаться колеса нашей меняющейся экономики. Я не предлагаю защиту коммерческих банков за счет сберегательных банков. Я говорю только следующее: не надо осложнять еще больше отношения между этими двумя видами банков.

Палмер стоял, ожидая новых вопросов. Он почувствовал какую-то перемену в настроении слушателей, но пока ему не было ясно, что она означает. В начале его речи они были настроены довольно дружелюбно. Когда он кончил, они стали вежливо скептическими. Потом была попытка перейти в атаку. Теперь они, казалось, пережидали, пока их настроение определится. Кое у кого на лице было отсутствующее выражение, как будто их мысли витали где-то в другом месте. Палмер надеялся, что следующий вопрос объяснит ему, что произошло.

— Мистер Палмер! — Маленький мужчина, ни худой, ни толстый, с растрепанными сидящими светлыми волосами, подстриженный под Макартура, беспокойно заерзал на своем стуле. — Каково, по-вашему, непосредственное будущее этих обслуживающих отраслей промышленности, ну, скажем, предприятий, действующих по лицензиям?

Палмер кивнул и постарался удержать улыбку облегчения. Он понял перемену в их настроении. Теперь они были заинтересованы, не абстрактно заинтересованы. Будучи бизнесменами, они

заинтересовались конкретными деловыми возможностями.

Он кратко обрисовал эти возможности, и после еще нескольких подобных вопросов председатель собрания поднялся и поблагодарил его.

— Думаю, я выражу мнение большинства, — произнес он, — если скажу, что, хотя вопрос о сберегательных банках все же не совсем ясен для нас, тем не менее ваш доклад был очень увлекательным. Как я понимаю, вы в вашем банке сторонник более конкретного обсуждения, чем разговоры вокруг да около. Палмер поклонился. — Всегда, — уверил он их, — как и...

— ...всякий другой коммерческий банкир, — закончил за него председательствующий.

Палмер подождал, пока кончится смех.

— Да будет так, — добавил он.

В машине, мчащейся сквозь холодную ночь в Манхэттен, Палмер молча сидел рядом с Бернсом и думал, что лучше бы тот не предлагал ему ехать с ним вместе. Бернс говорил и говорил, выливая почти энциклопедическую информацию о большинстве слушателей. Но когда они пересекли Бруклинский мост и повернули на север по автостраде Ист Ривер, его красноречие впервые за время поездки начало иссякать.

— ...владеет сетью магазинов электротоваров в Куинсе и Нассау, — говорил он. — Человек, сидевший слева от него, от нас тоже слева, — Хайми Хвастенштейн, один из сенаторов штата от Бруклина. Он имеет долю в каждой значительной сделке синдикатов по торговле недвижимостью, но он... ты даже не слушаешь.

— П-правильно, — подтвердил Палмер.

— Слушай, эти людишки нужны тебе. Ты им не нужен.

— После сегодняшнего вечера нужен.

— Да? Я представляю твою речь как политическую, а ты используешь ее для новых деловых сделок? Что здесь, биржа? — спросил Бернс.

— Давай говорить так: я дал им пищу для размышлений.

Бернс покачал головой.

— И когда только я привыкну, что от этой чисто арийской протестантской породы нипочем не добьешься настоящей деловой хватки.

— Ради бога, без сарказма.

Бернс скорчил гримасу и откинулся назад на своем сиденье. — Почему ты не достанешь себе настоящую машину, Вуди, деточка? Это самый дешевый из всех выпускаемых «кэдди», черт побери!

— Я получил ее бесплатно. Эту цену тебе не побить.

— О, сегодня мы настроены очень воинственно, не так ли?

— Будешь тут воинственным, — ответил Палмер. — Несколько минут назад эти молодчики были готовы содрать с меня шкуру живьем.

Бернс тяжело вздохнул:

— Вуди, лапа. Я не учу тебя, как играть банкира. Не учи меня, как играть политика. Ты думаешь, что перетащил этих типов на нашу сторону?

— Не знаю, но я заставил их призадуматься.

— О бизнесе, но не о политике. — Бернс закурил сигарету. В темной машине огонек зажигалки высветил крошечные желтые искорки в его глазах. — Бизнес — это логика, и ты выступал очень логично. Политика — это обязательства, которые не всегда строятся на логической основе. Если бы это было так, если бы кандидатами и избирателями соблюдались правила логики, результат любых выборов был бы заранее известен.

— Речь идет не об общественном положении этих политических деятелей, Мак. Это же их бизнес, частный бизнес обогащения.

— Ты новичок, — ответил Бернс, — и, как всякий новичок, уверен, что понимаешь всю игру. Я стреляный воробей в политике, дорогой, но и я всех правил не знаю.

— Тогда как же ты действуешь?

— Возьмем сегодняшний вечер, — объяснил Бернс. — Очень характерный пример. Что бы ты там ни говорил, что бы они тебе ни говорили, мой нос чует, что ты свалял дурака.

Палмер нетерпеливо заерзал:

— Почему?

— Потому, что был слишком умным, — объяснил Бернс, — потому, что читал им лекцию, потому, что ловко находил ответы, потому, что знал еще кое-что, чего они не знают. Ты понял ситуацию, Вуди? Продуманная скромность, придуривание.

Палмер рассмеялся:

— Ах, вот как!

Ответный смех Бернса прозвучал натянуто.

— Ты не считался с их мнением. Ты не был прост. Ты не падал на колени каждые две минуты, чтобы лизать им пятки за оказание тебе высокой чести разговаривать с ними. Ты не представляешь, какого мнения о себе эти шмендрики. В своих собственных маленьких кругах они оловянные божки. Это не тот тип деловых руководителей высшего общества, с которыми ты привык иметь дело, Вуди. Это дети трущоб, тяжелым трудом добившиеся положения. И лучше тебе низко поклониться их самомнению, в противном случае ты погиб в их глазах.

Челюсть Палмера напряглась. Черт побери, подумал он, конечно, Бернс прав: он-то знает этих людей. Ведь он был одним из них.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — произнес он невыразительным сдержанным тоном. — Тебе следовало бы проинформировать меня перед моим выступлением, но я понимаю, что не было времени.

— Вуди, ты все еще не понял главного. Способность кланяться — это ходовой товар всякого оратора. Ты высокомерен с людьми своего круга, потому что это способ побить их высокомерие. Но как много людей твоего круга ты можешь найти в средней нью-йоркской аудитории? Вообще в политике? Так что послушай меня: не рискуй, научись кланяться и кланяйся.

— Мак, — мягко спросил Палмер спустя некоторое время, — каких людей ты относишь к моему кругу?

— О боже, уже поздно, и мы почти дома.

— Как-то ты их назвал? Чисто арийская протестантская порода?

— С деньгами, — угрюмо добавил Бернс, — наследственными деньгами.

Палмер минуту молчал.

— Знаешь, — продолжал он, — это довольно-таки смешно. Меня поставили связным между Бэркхардтом и тобой, потому что он тебя недолюбливает. Теперь я обнаруживаю, что ты недолюбливаешь меня.

— Вуди! Деточка! Ты-то уж понимаешь.

— Понимаю?

— Конечно, — уверил его Бернс. Он положил руку на колено Палмера и сильно надавил. — Мы прекрасно ладим друг с другом, и ты это понимаешь.

Машина свернула с автострады у Сорок второй улицы и на полной скорости помчалась по Первой авеню к дому Бернса. Справа промелькнуло и скрылось здание Объединенных Наций.

— У меня такое чувство, — продолжал Палмер, глядя на улицу, — что ты иногда обманываешь самого себя. Пять минут назад ты говорил, что политика не бывает вполне логична. По-моему, ты тоже не вполне логичен.

Бернс пожал плечами:

— Виноват.

Палмер увидел, что они теперь уже в районе Пятидесятых улиц. Сейчас они повернут направо и остановятся около восемнадцатипятиэтажного дома, где жил Бернс. — Ты даешь обязательства, — медленно

продолжал Палмер, — как ты выразился, политика не всегда строится на логической основе. Я не могу обсуждать твои обязательства в отношении ЮБТК. Я слишком близок к нему, чтобы быть объективным. Но кое-какие из твоих обязательств, о которых я могу только догадываться, по-моему, не совсем целесообразны.

— Какие именно? — спросил Бернс.

Машина свернула и поехала в направлении реки.

— Мне кажется, что время от времени тебе приходится иметь дело с людьми вроде Бэркхардта. — Он крайне осторожно выбирал слова, так как не мог позволить Бернсу догадаться, что уверен в его связи с Джет-Тех. Но он должен был посеять в его душе сомнение.

— Люди того круга — моего круга, как ты, кажется, считаешь, — иногда производят довольно-таки сильное впечатление, — сказал Палмер. Машина повернула направо и въехала в изогнутый подъезд к дому Бернса. — Такие люди, как Джо Лумис, например, — осторожно добавил он, — очень импонируют. Когда-нибудь встречал его?

Машина остановилась, и швейцар выскочил навстречу. Бернс наморщил лоб.

— Лумис? — спросил он. — Может, и встречал. Я встречаюсь со множеством людей.

Швейцар открыл дверцу и вытянулся перед Бернсом, держась за ручку.

— Добрый вечер, мистер Бернс, сэр.

Бернс вышел из машины и постоял минуту у ворот. — Я вспомнил его. Он христианский Барни Барух, не так ли?

— Чисто арийская протестантская порода, — ответил Палмер.

— Да-а? — Бернс стоял, погрузившись в размышления. — Даа, — повторил он. Его лицо приняло замкнутое выражение какого-то мрачного спокойствия. Так как он, казалось, смотрел на кончики своих туфель, Палмер не мог видеть его взгляда. Через некоторое время Бернс взглянул на Палмера, и один угол его рта вытянулся в напряженную линию. — Старик, — сказал он, — напомни мне какнибудь, я расскажу тебе о твоих собственных обязательствах, наиболее безумных.

Они посмотрели друг другу в глаза. И тут Палмер понял, что был прав в отношении Бернса даже больше, чем предполагал. Этот человек под влиянием эмоций мог отбросить логику, мог действовать вопреки своим собственным интересам — Самсон, обваливающий храм на свою голову.

— Спокойной ночи, дружище, — сказал Бернс. Улыбка слегка искривила его губы и сошла.

— Спокойной ночи. Мак.

— Будь скромным, лапочка.

— Ты также.

Швейцар захлопнул дверцу машины. Шофер отпустил тормоз, и машина урча помчалась в ночь. Но что бы ни делали вокруг служащие, рутинной обыденности бессознательно наводя глянец на действительность,

ничто не могло заставить Палмера чувствовать себя менее тревожно.

Глава сорок девятая

Около десяти часов утра Палмер направлялся к себе в кабинет. Пышногрудая секретарша разговаривала по телефону. Он услышал: «Поехал? Хорошо». — И она повесила трубку. — О, мистер Палмер! Он замедлил шаги.

— Да?

— Мистер Бэркхардт в лифте поднимается к себе.

— Спасибо.

Палмер вошел в кабинет, сел за стол и продолжил редактирование речи, с которой должен был выступить в Утике в эту субботу. Вирджиния набросала черновик по образцу его позавчерашней речи в Бруклине. Несколько дней подряд пессимистически размышляя по утрам о разговоре с Бернсом, Палмер понял, что тот был если и не полностью, то больше чем наполовину прав. Его выступление не было, конечно, высокомерным, но он говорил слишком гладко, слишком компетентно и без всякого почтения к слушателям. И вот сейчас он вписывал карандашом почтительные слова в самом начале: «Я хочу поблагодарить вас всех за то, что вы уделите мне частицу вашего заполненного до отказа времени и предоставили мне честь этим приглашением обратиться к вам...» — когда в его кабинет вошел большими шагами Бэркхардт и резко закрыл за собой дверь.

Палмер поднял глаза. Босс мгновение постоял у двери, как бы борясь с чем-то внутри себя — то ли злостью, то ли всего-навсего нехваткой воздуха. Его всегда красноватое лицо выглядело краснее обычного,

отчего зубы, когда он обнажил их в беглой улыбке, показались поразительно белыми и искусственными.

— Доброе утро, Лэйн, — сказал Палмер, вставая.

Бэркхардт промычал что-то и махнул рукой, чтобы тот сел.

— Всякие осложнения, — проворчал он.

Палмер указал на стул напротив себя и наблюдал, как Бэркхардт усаживается.

— Какого рода?

— Смотрел утренние газеты? Сообщения из Олбани?

— «Таймс» и «Триб», — ответил Палмер, — там нет ничего особенного.

— Тебе следовало почитать «Бюллетень», сынок, — сказал Бэркхардт низким хриплым голосом. Он расстегнул пальто и долго шарил во внутреннем кармане, пока не вытащил во много раз сложенный экземпляр бульварной газеты. Палмер догадался, что Бэркхардт старался скрыть от окружающих тот факт, что читает или вообще интересуется сообщениями «Бюллетеня».

— Страница 4, — сказал босс, с шумом кладя газету на стол. — Ты когда-нибудь читаешь «Бюллетень»? — спросил он почти раздраженно.

— Почти никогда. А должен?

— Политический раздел всегда, каждый день. — Теперь Бэркхардт дышал несколько спокойнее. — Ты новичок, Вуди, так что у тебя есть какое-то оправдание. Но ты должен знать, что «Бюллетень» всегда имеет секретную информацию на день раньше других газет. Запомни это.

Палмер кивнул и начал читать заметку, на которую указал Бэркхардт.

«В Олбани удивляются, — гласила она, — сколь долго благодушие и покой будут витать над биллем об отделениях сберегательных банков. В настоящий момент периферийные законодатели твердо стоят против него, но и ни один из высокопоставленных демократов центра не высказывался за эту меру. Имея меньше месяца до закрытия сессии, общественность желает знать, когда же начнется фейерверк. А может быть, вернее спросить: „Начнется ли?“. Кажется, что проповедники коммерческих банков убедили нескольких ведущих лидеров в том, что Таммани Нью-Йорка обязательно задашит новое предложение сберегательных банков. Основной вопрос в том, сможет ли „Тигр“ заставить городских избирателей, по обычаю стоящих за большое число отделений сберегательных банков, проглотить эту горькую пилюлю. Следите за событиями. Фитиль подожжен».

Палмер отложил газету и посмотрел на босса.

— Пробный шар? — предположил он.

Бэркхардт медленно покачал головой.

— Они что-то пронюхали.

— Но это не мешает ему запускать пробные шары. А насчет городских избирателей, по обычаю выступающих за сберегательные банки? Чепуха, правда ведь?

— Черт меня побери, если я знаю. А разве они не за?

— По-моему, нет никаких доказательств, что их вообще сколько-нибудь заботит этот вопрос, — ответил Палмер.

Бэркхардт встал, бросил на стул пальто и подошел к окну.

— Что-то затевается, — проворчал он. — Такая статья обязательно чемто вызвана или кем-то состряпана. Пошли Бернса по следу. Пусть выяснит, что за этим кроется.

Палмер потянулся к телефону.

— Найдите мне Мака Бернса, — сказал он и повесил трубку. Потом обратился к Бэркхардту: — Акции ЮБТК поднялись вчера почти на целый пункт.

— Ничего не значит.

— Средний промышленный индекс Доу-Джонса упал больше, чем на три пункта. Но обычно менее активные банковские акции, вроде ЮБТК, поднялись.

— Абсолютно ничего не значит.

— Вы слышали что-нибудь о Лумисе после вашего совместного собрания с Джет-Тех? — спросил Палмер.

— Нет. А я должен был?

— Я полагал, что он сделает новый запрос о займе, более разумном.

— Он не сделал. И я от него этого не ждал.

— Я бы ждал, — сказал Палмер, — если бы, конечно, он чувствовал, что ему не удалось зажать нас в угол. Но поскольку запроса не было, я могу лишь предположить, что... — зазвонил телефон, — он считает, что контрольный пакет почти у него в кармане.

— Сними трубку.

— Алло.

— Вудс, дорогой. Wie geht's? [Как дела? (нем.)]

— Статья в «Бюллетене» сегодня утром.

— Да-а? — Сегодня голос Бернса звучал в высшей степени спокойно и непринужденно.

— Как ты расцениваешь это?

— Я? Что я могу тебе сказать, лапочка? Разве я должен копаться во всяком навозе? Ты хочешь, чтобы я это сделал? Палмер хотел было сказать ему, что, по мнению Бэркхардта, статья требует особого внимания, но вовремя сообразил, что этим только укрепит позиции Бернса. — Конечно, хочу, — сказал он вместо этого. — Статья появилась не с потолка, Макс.

— Кто-то ее написал.

— Посмотри, что ты сможешь обнаружить.

— Это же чепуха, Вуди. Зачем терять время?

— Потому что мы оба знаем, что у «Бюллетеня» хорошие источники.

— Да-а? А сколько ты дашь, если «Бюллетень» завтра утром на том же месте напечатает, что беспартийная оппозиция биллю об отделениях сберегательных банков собирается провалить его, даже не вспотев?

— Ты можешь сделать, чтоб они напечатали это?

— Если ты меня попросишь.

— Только не я, — возразил Палмер.

— Я просто обрисовываю ситуацию, дорогой. Газетчики печатают всякое любопытное известие в пределах разумного, конечно, если ты сообщаешь его достаточно авторитетно. Какой-то сторонник сберегательных банков снабдил его своей несбыточной мечтой, заставив в нее поверить. Я в свою очередь могу снабдить его другой сказкой и тоже заставлю поверить. Ну и что?

— Кто бы ни дал ему эту утреннюю статью, — медленно и отчетливо произнес Палмер, — он должен быть так же авторитетен, как, гм, скажем, и ты.

На другом конце провода наступило молчание. Потом:

— Ты хочешь мне что-то сказать, Вуди? — спросил Бернс невыразительным голосом.

— Тебе кажется, что тут кроется какой-то намек?

— Тот же, что я получил от тебя в последний вечер. Если у тебя есть что сказать мне, почему ты просто не приедешь и не скажешь?

Палмер рассмеялся:

— Лучше я преподнесу тебе это как политик. Мак, ты становишься чрезмерно чувствительным. Никакого намека нет.

— Что ты делаешь в обеденный перерыв, Вуди?

— У меня свидание.

— Нарушь его.

— Не могу.

— Выпьем после обеда?

— Другое свидание, которое нельзя нарушить.

— Господи. Кем должен я быть, чтобы добиться с тобой свидания? Девочкой?

— Теперь я получаю какие-то намеки, Мак.

— Намеки? — наивно переспросил Бернс. — Какие намеки? Нет никаких намеков.

— Touche.

— Как насчет обеда?

— Тебе совершенно необходимо меня увидеть, да?

— Точно.

— Что-то, чего нельзя сказать по телефону?

— Зачем? — лениво спросил Бернс. — Что, твоя линия прослушивается? — Он тихо рассмеялся. — Когда твое послеобеденное свидание, старик?

Палмер подумал.

Бернс был всегда довольно настойчив, когда хотел встретиться, но так, как сегодня, впервые.

— Куда позвонить тебе в районе восьми часов? — спросил Палмер.

— Домой. Но в девять я уезжаю в Олбани.

— Хорошо, — ответил Палмер, — я позвоню тебе и дам знать, где мы сможем увидеться.

— С ума сойти, — сказал Бернс с притворно насмешливым восхищением. — Ну пока, лапа, — добавил он, заканчивая беседу.

— До свидания. — Палмер повесил трубку и сделал гримасу Бэркхардту. — Он весьма пренебрежительно отнесся к статье.

Предложил поместить другую, прямо противоположную этой.

— Пусть так и сделает. — Бэркхардт пошел назад к креслу и шлепнулся в него с глухим стуком, отчего последнее слово он произнес на резком выдохе.

— Это не годится. Я плохо выношу Бернса как политического наставника. Но одному он меня научил; никогда не выглядеть победителем. Уметь кланяться.

— Гм... О чем вы спорили? — поинтересовался Бэркхардт. — Почему ты не можешь встретиться с человеком, если он этого просит?

— Я встречаюсь, — ответил Палмер, заимствуя у Бернса его наивный тон.

— Но ты заставил его умолять тебя.

— Мне кажется, я раньше не говорил это прямыми словами, но я не верю Маку Бернсу.

— Почему?

— По-моему, он работает на Джет-Тех.

Молочно-голубые глаза Бэркхардта расширились.

— Чушь.

— Это только подозрение. Но пока он не заставит меня переменить мое мнение, я буду с ним предельно осторожным.

— Кончай быть этим чертовым... — босс попытался выбраться из фразы, — этим чертовым шпионом.

— Я ведь согласился на встречу, не так ли?

С обиженным видом Бэркхардт медленно встал. Движения его вдруг стали какими-то скрипучими. Человек, который всегда держался в форме, начал вести себя соответственно своему возрасту, как будто вся энергия враз испарилась. Правда, Палмер не мог сказать, было ли это результатом накопившегося за мною недель напряжения или волнения, вызванного статьей в «Бюллетене».

— На следующей неделе, когда банковский комитет сообщит, что билль вынесен на обсуждение, я собираюсь в Олбани, — сказал Палмер и сообразил, что хочет успокоить старого сыча. — Сначала я буду в Утике, потом в Рочестере, а в Олбани, вероятно, вернусь к четвергу.

Бэркхардт кивнул.

— Мне ужасно не хотелось бы отстать от них, — сказал он вполголоса, как будто боялся, что его услышат. — В прошлом году у меня хорошо получилось. Отняло много сил, но не напрасно. В этом году... — Он повернулся к двери, а затем снова к Палмеру и пристально посмотрел ему в глаза. — Поэтому я и взял тебя в этом году, сынок. — Он сказал это резко, снова становясь настоящим Бэркхардтом. — Не стоит наплевательски относиться к этому. Если уж я, старик, смог остановить их в прошлом году, я жду, что ты вышибешь дух из этих ублюдков, и если ты это не сделаешь, мой друг, то можешь распрощаться с ЮБТК.

Бэркхардт медленно поднялся, Палмер проделал то же самое, но плавно, показывая силу мышц ног, специально растягивая движение, чтобы босс увидел разницу между ними.

— Я могу попрощаться сейчас же, — предложил он.

— Ради бога, не будь высокомерным.

— Я серьезно.

— О, я знаю, черт бы тебя побрал.

Бэркхардт повернулся к двери.

— Господи, — пробормотал он больше для себя, чем для Палмера, — никогда не нанимай людей независимых и богатых. — Он остановился у двери, открыл ее. — С другой стороны, — продолжал он тихо, но со значением, — если бы ты вышиб из них дух, Вуди, то с тобой случилось бы нечто весьма интересное.

— Что?

Бэркхардт закрыл дверь.

— В конце года я добровольно уйду в отставку.

— Ну, уж конечно, — фыркнул Палмер ухмыляясь.

— Совершенно точно. Приказ врача.

— Интересно, что врач может заставить вас делать?

— Для начала снизить темп. — Рука Бэркхардта как бы без его ведома поползла к левой стороне груди. — Снять напряжение, вовторых.

— И почему так вдруг вы решили последовать его совету?

Бэркхардт скривил рот:

— Сам угадай.

Палмер недоверчиво махнул рукой:

— Лэйн, перед вами Палмер. Морковка действует на ослов, а не на меня.

— Я ухожу в отставку, Вуди, и это факт.

— И правление заменит вас мной? — Палмер покачал головой. — Послушайте, я знаю все способы, как заинтересовать служащих так, чтобы они усерднее поворачивались на работе. Не теряйте на меня времени, я и так верчусь.

Усмешка у Бэркхардта вышла кривой.

— Так повернись куда следует, сынок. — Он расправил плечи, открыл дверь и вышел. Палмер долго стоял у двери, стараясь решить, не было ли все это игрой Бэркхардта, включая и его жалкую дряхлость. Вскоре он пришел к заключению, что Бэркхардт все может.

Вернувшись к столу, он позвонил Вирджинии по внутреннему телефону.

— Отдел рекламы. Мисс Клэри. Она там?

— Минуточку, пожалуйста, мистер Палмер, — ответила девушка, делая ударение на его имени, чтобы ее услышала Вирджиния, сидевшая за соседним столом.

— Да, мистер Палмер. — Вирджиния подошла к телефону.

— Вы не зашли бы ко мне через минуточку?

Когда она входила в кабинет, он заметил, что на ней новое платье, по крайней мере он его еще не видел. Он показал рукой, чтобы она закрыла дверь, и наблюдал, когда она повернулась боком, как вырисовывается под мягкой материей ее грудь.

— Мне надо, чтобы вы прочли одну статью и сказали ваше мнение, — обратился он к ней, когда она уселась напротив.

— Напечатанную сегодня в «Бюллетене»?

— Боже, вы слишком проникательны, просто слов нет.

Она разгладила на коленях платье.

— Да ну?

— Прекратите. Что вы думаете об этом сообщении?

Она посмотрела на него. Ее огромные темные глаза медленно переходили с его лица на руки и обратно.

— Вероятно, это правда.

— Мак Бернс этого не считает. Говорит, что это мошенничество оппозиции.

— Я в этом тоже уверена, но одно не мешает другому, и сообщение может быть достоверным. — Взяв газету, она стала похлопывать ею по колену. — Они наняли для связи с прессой Сиднея Бэрона. Он очень сообразительный делец.

— Такой же, как и Мак?

— Вероятно. Но как бы хороши вы ни были в этом деле, вы убьете себя, предоставляя прессе слишком много ложной информации. Несколько раз вам может сойти с рук, но затем вы погибнете. Вот почему мне кажется, что сообщение — ловушка, но оно достоверно.

— Понимаю. Как-нибудь можно это проверить?

— Не без множества хлопот.

Палмер подтолкнул к ней через стол телефон.

— Начинайте. Сделайте все возможное.

Немного подумав, Вирджиния нажала кнопку городского телефона и набрала номер.

— Звоните в «Бюллетень»? — спросил Палмер.

Она покачала головой.

— У меня с ними паршивые отношения. Я звоню в «Стар». Интересно, что они не поместили этого сообщения. Если его давал кто-то, то он сперва пробовал напечатать это в «Стар». Алло? Каткерт в городе или в Олбани? Понятно. Спасибо. — Она повесила трубку на одну секунду. Затем набрала три цифры. — Личный разговор с Артуром Дж. Каткартом в Олбани, из Нью-Йорка. Вы можете найти его в пресс-центре законодательного собрания штата. — Она дала свой номер и стала ждать.

— Теперь я начинаю понимать, — сказал Палмер.

— Можно мне закурить? — Палмер протянул ей пачку. — Закурите ее для меня, пожалуйста.

Улыбнувшись, Палмер закурил и протянул сигарету ей. Она хотела что-то ответить, но не успела, дважды кивнула и сказала в трубку:

— Артур Дж.? Джинни Клэри. Ужасно. Как ты? Это теперь факт? Ты видел, что было у Джимми в разделе сегодня утром? О билле об отделениях сберегательных банков. Я уверена, что ты читаешь «Бюллетень», Артур. Иначе откуда же ты берешь свои статьи в следующий номер. Артур! Слушай. Тебе кто-нибудь не пытался продать эту статью раньше? Ты совершенно уверен? Что? Ладно, давай его.

Она посмотрела на Палмера и подмигнула. Прикрыв трубку рукой, она прошептала:

— Никто не пытался дать это в «Стар». Но там рядом парень из «Бюллетеня» и... — Она открыла

трубку. — Привет, Джим. Прекрасно. Прекрасно, но сбита с толку. Джим, эта статья о сберегательных банках сегодня утром. Да. Нет. Я хотела бы знать источник, если, конечно, ты в состоянии открыть его. Кто? Ты шутишь. Почему? Ох, ох. Спасибо, Джим. Не ввязывайся ни в какие карточные игры с хитрым Артуром. До свидания, дорогой.

Она положила трубку и нахмурилась. Глядя на нее, Палмер предложил:

— Хотите, я сам скажу вам. Статью представил Мак Бернс.

Она резко подняла на него глаза.

— Правильно, — удивленно ответила она.

— Как он объяснил это?

— Он не хотел, чтобы мы заранее выглядели победителями. Он хотел, чтобы исход казался сомнительным.

— И на основании этого «Бюллетень» напечатал сообщение?

— На основании этого и их уверенности, что в сообщении больше правды, чем вымысла. — Она помолчала. — Но в чем самое смешное, Вудс. Мак сообщил ему эти сведения два дня назад по телефону из Нью-Йорка. Поэтому Джим и поверил ему. Он рассчитывал так: Бернс близок к Калхэйну. Он звонит из города потому, что только сейчас получил сообщение о неблагоприятном состоянии дел в организации. Таммани не уверена, что сможет заставить всех своих законодателей выступить за коммерческие банки.

— Он все это сказал вам по телефону?

— Нет. Об остальном я смогла догадаться.

— Джимми не беспокоило, что по идее Бернс должен быть на стороне коммерческих банков?

— Нисколько. Деятели типа Бернса часто так поступают, Вудс. Имея сенсационное сообщение независимо от того, поможет ли оно им или их противникам, они представляют его любому газетчику. Он в долгу перед ними за сенсацию. И как-нибудь в другой раз, когда им нужно будет тиснуть что-нибудь для клиента, газетчик приходит им на помощь.

— Понятно. — Палмер смотрел, как она затянулась и медленно выпустила дым. — Значит, Бэркхардт был прав. В этом городе только шизофреники бывают правы. Вот уж поистине нет дыма без огня.

— Значит, так: Бернсу нужен Джимми не только сейчас, но и на будущие годы. Он не представит ему ложных сведений, дабы не испортить отношения.

Палмер кивнул. Задумался и, повертев кресло налево и направо, поудобнее устроился в нем. Затем: — Нет. Вы не правы. Как и Бэркхардт. Начать с того, что прав был я. Это лишь пробный шар, который Бернс запускает, чтобы посмотреть, что получится. Между тем он прилагает все усилия, чтобы это стало правдой. Сначала он сеет семена недоверия среди законодателей Таммани. Потом делает все возможное с целью убедить их в правдивости сообщения, которое они читают: что их избиратели за увеличение числа отделений сберегательных банков. Так что лучше им самим изменить позицию и бороться за билль.

Вирджиния с отвращением уставилась на кончик своей сигареты.

— Боюсь, что во всем этом есть огромный смысл. Кроме... Почему Мак предает нас?

— Вы знаете мою теорию. Он планировал это с самого начала.

— Да, я знаю вашу теорию. — Она изучающе посмотрела ему в глаза. — Я знаю все ваши теории. Я вас увижу сегодня вечером?

— Я думал...

— Что я хотела все прекратить? Я хочу. Но не сейчас.

— Очень рад.

— Вы холодная рыба, вы ни разу и не вспомнили обо всем с тех пор... с того вечера в прошлую пятницу.

— Вы не правы.

— Скажите, что думали только об этом и ни о чем больше.

— Я думал о многом. И о вас.

— Ну и какой по счету иду я? Пятой сверху? Сразу после «Мулов» Финка?

— Вирджиния, — сказал Палмер, — вы слишком охотно выдаете свой возраст. Вы помните свист Элмо Таннера, Генри Бьюза и его «Шафл ритм»?

— Дорогой, все это модная чепуха. Вы когда-нибудь видели, как я танцую «хот максикс»?

— Если вы сегодня свободны, вы могли бы показать мне.

— Где?

— Не знаю. Мне надо звонить Бернсу в восемь. Он хотел встретиться со мной на минуту-другую.

— В своей конторе?

— Да. К сожалению, он уезжает в Олбани в девять.

— Это ужасно, — ответила она. — Вы задержитесь вроде бы для того, чтобы допить стакан. Я позвоню в 9,15. Если он уедет, мы сможем провести урок «максикса».

— Я не знаю, — задумчиво сказал Палмер. — Я собирался навести порядок у себя в темном районе ниже пояса.

Она встала.

— Иногда ваши замечания граничат с бесстыдством.

— Интересная страна там, на этой границе.

Она направилась к двери.

— Ваши речи увлекательны. Крошечные непристойные намеки прячутся в мягких глубинах, как... гм... трюфель в страсбургском паштете.

Он задумчиво уставился в точку где-то посередине между ними.

— Никто не считает, — спокойно заявил он, — трюфели непристойностью.

Выходя, она несильно хлопнула дверь. Он медленно повернулся в своем вертящемся кресле и отвел глаза от закрытой двери.

Думая о вечере, он уже видел себя с Вирджинией в квартире Бернса. Фрагменты сцен плясали в его мозгу, проектируясь, как плохо смонтированный фильм на пустой двери. Он зажмурился и попытался сменить

катушку. Нельзя ожидать продуктивного спокойного дня, если утро выдает подобные картинки. Наконец ему удалось подавить воспоминания, когда он начал придумывать для Эдис причину своего позднего возвращения домой.

Глава пятидесятая

Палмер пришел к Бернсу после 8.15 вечера. Он нашел его свежевыбритым и одетым; небольшой чемодан на два костюма лежал на столике в передней упакованный, но открытый. — Выпьем чего-нибудь, Вуди, — обратился Бернс к Палмеру, идя за ним в гостиную. — Машина приедет через 15 минут. Я должен быть на Вестчестерском аэродроме к 9.30.

— Ты оттуда полетишь в Олбани?

— Это одна из маленьких авиалиний, — объяснил Бернс, заходя в спальню. — Но мне все равно. Маленькие самолеты гораздо безопаснее, чем новые турбовинтовые.

— Возможно. — Палмер сильно разбавил виски. — А ты хочешь выпить? — крикнул он в спальню.

— До сумасшествия, — ответил Бернс. — Один на дорогу.

Палмер приготовил ему крепкий напиток и поставил стакан на стойку бара.

— Почему ты хотел видеть меня, Мак?

— Ты не считаешь, что нам пора поговорить? — спросил Бернс, возвращаясь в комнату. Он нес небольшую пачку бумаг, которую положил на столик в передней. — По-дружески.

— В любое время, дружище.

— Как раз то, что нужно. — Бернс вернулся, поднял свой стакан и уселся на тахту.

— Будь здоров!

— Будь здоров!

Они выпили и погрузились в молчание. Палмер слышал, как внизу по автостраде Ист Ривер проносятся машины. Он повернулся и посмотрел в окно на мост Куинсборо, холодно мерцающий в поднимающихся вверх теплых отработанных газах.

— Мы расспросили корреспондента из «Бюллетеня», — сказал он наконец.

— Джимми? — голос Бернса звучал беспечно. — Какиенибудь ключи?

— Один. — Палмер, тихо вздохнув, повернулся и сел напротив Бернса. — Имя источника.

— Джимми дал его тебе? — Желтые глаза Бернса смотрели умеренно заинтересованно. — А, понял. Он сообщил Джинни Клэри.

— Но самое смешное, — продолжал Палмер. — Я уже знал.

— Знал. — Вежливое утверждение, не вопрос.

Рука Бернса потянулась в сторону, за стаканом. Свет мерцал на гранях запонок. Бернс сделал удивленную мину. Его тонкая нижняя губа чуть-чуть недовольно выпятилась.

— Ты почти такой же проницательный, как некоторые другие, Вуди.

— Но даже и наполовину не такой проницательный, как ты, Мак.

— Я настолько проницателен, что хочу знать имя, данное тебе Джимми. Просто надо убедиться, что нет никаких фокусов.

— Он дал нам имя Мака Бернса, — ответил Палмер, позволив какой-то части своего раздражения просочиться в его голосе. — Теперь ты знаешь, что это не блеф. И я бы хотел услышать от тебя несколько продуманных слов по этому поводу.

Бернс деловито нахмурил брови.

— Ну начать с того, что Джимми слишком болтлив.

— Дальше.

— Этим ключом можно открывать только консервные банки, — продолжал Бернс. Он некоторое время молчал. — Вуди, почему, ты думаешь, я хотел видеть тебя сегодня вечером? Я знал, что ты докопаешься до сущности этой статьи в «Бюллетене». Или догадаешься. В любом случае я хотел тебе объяснить.

— Достойно похвалы. Что ж, объясняй.

— Когда ты будешь в политике так же долго, как и я, — спокойно продолжал Бернс, — ты узнаешь, что в любой кампании всегда есть определенная точка, когда нужно немного неуверенности. Это заставляет твоих людей работать упорнее и немного успокаивает оппозицию. Более того, это заставляет людей увереннее идти за тобой, потому что ты больше не выглядишь хозяином. И видит бог, они всегда симпатизируют побежденным.

— Интересно, — сухо заметил Палмер. — Ты надеешься убедить их в том, что коммерческие банки, эти надменные титаны капитализма, — побежденные.

— Людей можно убедить во всем, детка.

— Нет.

— О да.

Палмер покачал головой:

— Не отвлекайся, Мак. Ближе к делу. Политический комментатор газеты «Бюллетень» не новичок. Единственный способ, которым ты заставил... Он взял у тебя это сообщение только потому, что подозревал его истинность. — Он медленно отпил немного виски. — Так?

Бернс повернул руки ладонями вверх.

— Черт бы меня побрал, если я знаю.

— Глупый ответ, — резко возразил Палмер. — А ты что угодно, но только не глуп. Давай подойдем к основному, Мак. Если сообщение недостоверно, то самый факт опубликования может сделать так, что оно станет достоверным. С твоей помощью. Таким образом, главный вопрос: почему ты предательски наносишь нам удар?

— Предательски наносишь нам удар? — Желтовато-карие глаза Бернса округлились. — Ради Христа, Вуди, это второй из твоих проклятых косвенных намеков. Я начинаю...

— Ты называешь это намеком? — прервал его Палмер. — Насколько ясно я должен выразить это? Думаю, до тебя добралась Джет-Тех. Меня бы не удивило, если бы я узнал, что ты служил на них еще до того, как тебя наняли в ЮБТК. Ты хочешь еще яснее?

Бернс вскочил и пробежал мимо Палмера к окну. Он театрально повернулся на фоне оконной рамы, как на авансцене. Его узкое лицо еще более обострилось.

— Вуди, у меня, так же как и у всех, есть точка кипения. Ты толкаешь меня слишком далеко, и я...

— Что нужно, чтобы толкнуть тебя еще дальше, Мак?

— Одно опрометчивое обвинение. — Нижняя губа Бернса казалась напрягшимся мускулом.

— У меня их несколько. Дай секунду, чтобы выбрать правильное. — Палмер наблюдал за обычно болезненно-желтым лицом Бернса. За зимние месяцы его загар поблек. И теперь было видно, как горячий румянец заливаает щеки и лоб Бернса.

— Палмер, — начал Бернс малоприятным голосом. — Сразу же, с самого начала, так же как и этот ваш тошнотворный босс, вы никогда не доверяли мне, не правда ли?

— Неправда. Еще несколько недель назад я доверял вам. — Палмер отпил еще немного виски. — Даже настолько доверял, что не был уверен вплоть до сегодняшнего дня. До тех пор, пока я наконец не понял, почему вы поместили это сообщение.

— Но это не причина, — вспыхнул Бернс, — вы догадываетесь и вы предполагаете неправильно. Я сказал вам свою причину. Почему вы не можете этому поверить? — Мне хотелось бы.

— Верь мне, Вуди. — Бернс протянул свои худые руки, отчего запонки на рукавах как-то неистово заблестели. — Мой бог, мы должны верить друг другу.

— Я поверю тебе, когда ты будешь честен со мной.

— Я честен.

— Попробуем, — предложил Палмер, — попробуем небольшой откровенный разговор. Скажи мне, что в

действительности происходит внутри организации центра штата?

Бернс хотел сказать что-то, но так и остался стоять молча, с открытым ртом. Некоторое время он смотрел на Палмера, потом его рот закрылся, руки повисли по бокам и он пошел назад к софе. Усевшись, он снова взял стакан и мягко рассмеялся как бы про себя.

— Возможно ли, чтобы новичок был настолько смышленным? — обратился он к воздуху около софы. — Или это девочка Клэри кормит его сведениями?

— Она представляет мне информацию, — сказал Палмер, — большую, чем я получаю от своего советника с годовым окладом в пятьдесят тысяч долларов.

Бернс поставил стакан, подавшись вперед, облокотился на колени, его пальцы переплелись и висели между ногами, а он уставился на них хмурым взором.

— Ну, ладно, — сказал он более мягко. — Жители центра немного беспокойны. Волнение начинается в Бруклине и Куинсе.

— А... Ты хочешь сказать, что во всем этом виноват я. Их озлобила моя речь?

— Более или менее, — согласился Бернс. — Я не знаю, напортила ли речь так сильно. Они были против тебя еще до того, как ты там появился. Но твое выступление несколько не улучшило положение.

— Если бы я был смиренным и кланялся им, пошли бы они за мной?

— Н-нет, — неохотно согласился Бернс. — Для этого нужно было бы больше.

— Немедленное предложение денег?

— Не это. Но что-то похожее.

Палмер откинулся на спинку стула и посмотрел на пшеничные волосы Бернса. Его подмывало спросить, имело бы какое-нибудь значение для слушателей в Бруклине, если бы он был католиком или иудеем. Но хотя его и подмывало, он понял, что спросить такое можно лишь у друга или союзника, а не у кого-то, занимающего столь сомнительную позицию, как Бернс.

— Тогда позволь мне подвести итог, Мак, — сказал он вместо этого. — В Олбани большинство республиканцев с периферии штата все еще за нас. Но мы постепенно теряем поддержку демократов. Так?

— Я бы так далеко не заходил, вы еще не слишком много потеряли в центре.

— Приятно слышать. Значит, даже в случае потери нами многих демократов мы все же сможем не пропустить билль об отделениях. Его завалит республиканское большинство.

Бернс поднял голову и упрямо уставился на Палмера.

— Я не нарисовал тебе всей картины, Вуди, — тихо сказал он. — До меня дошли беспокойные слухи с периферии штата.

Палмер подался вперед:

— Какие слухи? От кого?

— У Вика Калхэйна есть там свои люди. Мы получили сведения, что некоторые из более мелких коммерческих банков переходят в лагерь сберегательных банков. Им нечего терять, потому что они маленькие. И

они ненавидят крупные центральные коммерческие банки.

— Это же бессмысленно! — почти закричал Палмер. — Они зависят от нас. Мы — их банк-корреспондент. Мы покупаем их закладные. Мы покупаем и продаем для них ценные бумаги. Боже мой, мы достаем им билеты на матчи бейсбольного первенства и билеты на спектакли на Бродвее; и когда они приезжают в город, они торчат в наших роскошных частных конторах, проворачивая свои собственные делишки. Мы делаем для них все...

Бернс очень мягко улыбался.

— Вы их Большой Папа, не так ли? — сказал он. — А что чувствует мальчишка в отношении Большого Папы? — Его глаза засверкали. — Или ты не знаешь? Палмер выпустил длинный сдавленный выдох. Он потер левый висок, чувствуя под рукой напрягшуюся вену или сухожилие. — Скажи мне все, Мак.

Бернс кивнул:

— Я рассказываю. Теперь уже по-настоящему. Такие новости мы получаем. Правда, сейчас еще немного подобных банков. Но есть признаки, что они объединяются между собой. И тогда, старина, будет конец.

Палмер скорчил гримасу. Бернс посмотрел на часы:

— Время поджигает, Вуди. Ты не уходи, допей виски. Я поскакал в Олбани и сделаю несколько выстрелов.

— Держись подальше от этих маленьких периферийных банков.

— Это твой департамент, детка.

— Правильно. На следующей неделе я отправляюсь в Утику и Рочестер. Я найму машину и по пути заеду и поговорю с ними.

— Думаешь, это поможет?

— Почему бы и нет?

— Хорошо, — сказал Бернс, направляясь в переднюю к выходу. — Но чтобы показать, что я на твоей стороне, дорогой, я тебе советую послушаться своего консультанта с годовым окладом в пятьдесят тысяч долларов. Возьми с собой пару спортивных брюк и спортивную рубашку, чем старше, тем лучше, но чистую. Не показывайся в парадном костюме для пресс-конференций с узким галстуком и в рубашке с петличками на воротнике. Усек?

Палмер кивнул.

— Ходячая скромность, — сказал он с отвращением.

— Старые ботинки, старый спортивный пиджак. У тебя есть трубка?

— Нет.

— Достань, — засмеялся Бернс. — Дружище, ты должен видеть сейчас свое лицо. На него стоит посмотреть. — Он закрыл и запер свой чемодан. — Удачно, что я люблю тебя, деточка. Иначе я бы дьявольски на тебя обозлился.

— Почему же ты так сильно любишь меня, Мак?

Бернс открыл дверь.

— Потому что глубоко внутри, старина, я такой же высокомерный, как и ты. — Он улыбнулся, вышел и закрыл за собой дверь.

Палмер вернулся в гостиную, взглянул на часы. До звонка Вирджинии оставалось много времени. Он взял наполовину пустой стакан и налил в него чистого виски, потом подошел к окну и уставился на мост.

Мост вел в Куинс и оттуда на Лонг-Айленд, один из штормовых центров всей баталии сберегательных банков. И все же, спросил себя Палмер, стало бы это баталией, если Джет-Тех не раздувала ее?

Он поднес стакан к губам и обнаружил, что пьет почти чистое виски, слегка охлажденное льдом. Но зачем ограничивать себя в выпивке? Ему ничего не предстояло в этот вечер. Кроме удовольствия, которое будет еще больше, если центры торможения слегка притупятся алкоголем.

На самом деле Палмера не удивило желание Вирджинии опять встретиться с ним. Частично потому, что он по-настоящему не поверил ей в тот вечер, когда она сказала, что порывает их отношения. Вероятно, вспомнил он, это был просто вопрос выбора. У нее не было выбора. Никаких прежних сильных эмоциональных привязанностей. Никакой истинной надежды на их появление. Она начала любовную связь с позиции полной уязвимости. Если они порвут эту связь, понял он теперь, ей некуда будет повернуться, впрочем, ему также. Он имел семью, которая была для него не большим эмоциональным источником, чем мать для Вирджинии. Оба они потянулись друг к другу под влиянием минуты, их толкнуло к действиям сочетание обстоятельств, одинаковый голод, возникшее, еще

слабое ощущение взаимного притяжения. И потому что голод их был так велик, они быстро разделались с вежливыми предварительными формальностями.

Палмер смотрел на маленький буксир, идущий в темноте вниз по реке; огромная шапка пены, кипя, вздымалась вверх к его тупому носу, когда он проталкивался сквозь черную воду. Криво улыбнувшись, Палмер подумал, что в своем нежелании подождать они с Вирджинией похожи на весь мир, на те миллионы людей, которые хотят получить удовольствие немедленно и растрачивают себя, чтобы поскорее удовлетворить свой голод. Все еще стоя у окна, Палмер отвел взгляд от реки и попытался переместить центр внимания внутрь себя и как бы послушать, или потрогать, или понюхать состояние своих чувств. Он спрашивал себя, есть ли способ определить их так же точно, как доктор определяет состояние сердца, выслушивая больного стетоскопом. Чувствовал ли он переутомление? Действительно ли он растрачивал свои чувства? Сократился ли его собственный запас?

Он закрыл глаза и прижался лбом к холодному стеклу. Было бы ужасно, понял он, если после всего, что он натворил — лгал Эдис, изменял ей, ограбил чувства Вирджинии, — он ничего бы не чувствовал.

Раздался короткий тихий стук в дверь. Один раз, затем два. Палмер открыл глаза и повернулся. Его охватил беспричинный гнев. Какой-то идиот, какой-то надоедливый идиот собирался помешать, усложнить его планы, причинить беспокойство. Какой-нибудь рассыльный, швейцар, кто-то... Или это Бернс?

Рот Палмера напрягся. Если это Бернс, как сможет он ответить на телефонный звонок Вирджинии? На

звонок ответит Бернс. Узнает ли она его голос и повесит трубку, ничего не сказав? Позвонит ли позже? Или вечер будет полностью испорчен?

Палмер подошел к двери.

— Кто там?

Какой-то бормочущий звук, очень тихий и бессмысленный. Он раздраженно сморщился, нащупал замок и открыл дверь. Там стояла Вирджиния.

— Я видела, как он уехал. Я как частный сыщик наблюдала за этим домом. А на улице очень холодно.

Палмер почувствовал, что не в состоянии говорить. Он втянул ее внутрь, закрыл дверь и запер на цепочку. Все, что он мог, — это смотреть на Вирджинию, испытывая огромное облегчение.

— Ну, — сказала она. — Здравствуй!

Палмер судорожно глотнул.

— Здравствуй. Я... я думал... Я думал, он вернулся.

— Боже мой, надеюсь этого не случится. — Она приложила холодную от мороза ладонь к его щеке. — Сегодня днем я провела осторожное расследование. У него был куплен билет на самолет в 9.30 до Олбани. С Вестчестерского аэродрома.

— Замечательно.

— Я испугала тебя? Прости.

— Нет. То есть да. Я боялся, что это кто-то еще. И... — Он замолчал. Сначала он решил не продолжать, затем вдруг понял, вероятно впервые в жизни, что ему не принесет никакого вреда, если он скажет правду, — никакого вреда ему, а ей будет приятно.

— И я испугался, — продолжал он более твердо, — что мне могут помешать увидеть тебя сегодня. — Он взял ее за талию. — От этой мысли я почувствовал себя очень несчастным.

Выражение ее лица, несколько настороженное, пока она слушала, смягчилось.

— Холодные рыбы так не чувствуют, — ответила она тихим счастливым голосом.

— А я так чувствовал.

— Как лестно. — Ее руки обвились вокруг его шеи. — Как мило. — Губы у нее были холодные, как бы насыщенные зимним морозным воздухом. Но Палмер почувствовал, как они теплеют от его поцелуев. И казалось, внезапный ток высокого напряжения пронзил его и обжег его тело. В то же самое время он обнаружил, поймал себя на том, что пытается решить — был ли он несчастен минутой раньше или же просто раздражен? Но уже минутой спустя он перестал думать о чем бы то ни было.

Его пальцы начали расстегивать ее пальто, протискиваясь между их телами и двигаясь мучительно медленно. Когда он расстегнул последнюю пуговицу и сдернул пальто с ее плеч, зазвонил телефон. Он отошел от нее. Телефон прозвонил еще два раза.

— Городская связь, — прошептала она. — Не отвечай.

— А если это он? Он знает, что я здесь, — шепнул Палмер.

— К черту его или любого из его друзей, — тихо ответила Вирджиния. Ее дыхание щекотало ему ухо. —

Этот телефон звонит всякий раз, как мы здесь, помнишь?
Черт с ним.

После пятого звонка телефон замолчал. Палмер постоял не двигаясь, как бы ожидая, что он опять зазвонит. Вирджиния стащила с него пиджак и бросила его на пол.

— Иди ко мне, — сказала она, взяв Палмера за руку. — Скорей.

Глава пятьдесят первая

Палмер ненадолго задремал. Вирджиния тихо лежала рядом. Когда она слегка пошевелилась, он сразу же проснулся. Легко, будто и не спал. Он лежал неподвижно, глаза закрыты, дыхание ровное и глубокое. Когда она снова пошевелилась и пошарила рукой вокруг себя, он продолжал лежать не двигаясь. Он и сам не понимал, почему он это делает.

Спустя момент он услышал, как его зажигалка издала короткий чиркающий звук. Затем почувствовал запах сигаретного дыма.

— Ты проснулся? — прошептала она очень тихо.

Палмер дышал медленно и глубоко. Вскоре она осторожно встала с постели. Он слышал, как она выдохнула, по всей вероятности, дым сигареты. Он приоткрыл глаза и стал разглядывать ее обнаженное тело, всего в метре-двух от него. Она отодвинула занавеску и рассматривала что-то на улице. Рассеянный свет, падающий из открытой в гостиную двери, освещал ее тело, не бросая теней, кроме одной глубокой ложбины между ягодицами.

Заглядевшись на что-то, что находилось за пределами комнаты, и не замечая его пристального взгляда, она казалась совершенно другой. Почему бы это?

Может быть, потому, подумал Палмер, что он вообще редко видел ее в покое. Даже когда она сидела — за письменным столом, например, — он не мог бы сказать, что она находится в покое. Что-то в ней, вероятно движение глаз или же голос, говорило ему

совершенно и определенно, что она — в действии. И в отношении ее, решил он, это почти всегда было справедливо. От нее исходило какое-то динамическое напряжение.

В данный момент, понял Палмер, он не видит ее глаз, кроме того, она затихла, боясь разбудить его. Он видел ее сейчас такой, какой она могла быть одна в своей комнате дома, — одним локтем опершись о стену возле окна, тяжесть тела на одной ноге, другая нога свободно согнута в колене. Он видел ее ступню, вогнутую линию подъема, слегка закругленную пятку. Он заметил в первый раз, что ступня очень узкая, даже та, что держала сейчас вес тела. Она тихо вздохнула, и Палмер попытался оценить этот звук. В нем было, решил он, и пережитое удовлетворение и нежелание быть одной и в покое. Если и было между ними что-то общее, так больше всего эта неспособность полностью освободиться от напряжения и отбросить все мысли.

Вероятно, подумал Палмер, это есть несчастливый результат наличия ума. Он лежал — глаза его блуждали вверх и вниз по ее ногам, — лежал в каком-то состоянии почти ничегонедумания, которое обычно наступает после приятного напряжения.

Хотя ему и доставляло удовольствие рассматривать ее тело, он обнаружил, что глаза его закрываются. Он почти ощущал, как его размышления становятся более вялыми и менее связанными с действительностью.

Что бы случилось, женись я на ней, подумал с любопытством Палмер.

Были бы всякие осложнения, связанные с разводом. Но Эдис и он оба вышли из среды, где развод не был событием. Его собственные родители больше не вступили

в брак после развода, но его дядя Хэнли, ему теперь около 70 лет, только недавно женился в третий раз, на женщине 55 лет. Младшая сестра Эдис, теперь одинокая, кое-как прошла через два замужества. Ее тетя Джейн стала героиней скандального развода. Жена ее любовника на бракоразводном процессе назвала ее соответчиком — факт, не способствовавший семейному благополучию Джейн. Она и ее любовник один за другим получили разводы, но по какой-то причине не почувствовали большого желания пожениться. Он ушел к другой женщине. Джейн оставалась некоторое время одна, вскоре вышла замуж за какого-то нью-орлеанца и развелась с ним — все это меньше чем за год. Наконец, с адвокатом из Бостона, которого никто толком и не знает, она, кажется, успокоилась надолго. Сейчас он занимает какой-то государственный пост и...

Палмер вернул свои мысли на едва заметную колею, по которой они шли. Эдис, сонно сказал он себе, не будет устраивать большого шума, не будет она также ставить невозможно строгих условий в отношении его встреч с детьми.

Вирджинии придется, конечно, уйти из банка. По этому случаю, понял он, его также могут попросить уйти. В полусонном состоянии Палмер начал анализировать свои финансовые дела. Предполагая, что половины имущества — целой суммой или же выплатой частями — будет достаточно для Эдис, в придачу к дому и, конечно, различным трестовским фондам для нее и детей, — хватит ли оставшегося ему на жизнь? На что как абсолютный минимум могут комфортабельно жить мужчина и женщина? Он не имел понятия. Десять тысяч? Двадцать? Будут ли они много путешествовать, когда покинут банк? Вероятно. Они могут поселиться за

границей. Испания, может быть, или остров в Средиземном море.

Он попытался представить себя и Вирджинию на диком берегу, среди морских глубин и обнаружил, что зрительно представить это невозможно. Для людей, которые никаким напряжением воображения не могли увидеть себя прозябающими где-нибудь на далекой Ривьере, для таких людей город был единственным возможным местом жительства. А жизнь в городе дорога. Сорок тысяч в год? И поскольку, соображал Палмер, он намерен прожить еще минимум лет тридцать, это означало больше миллиона долларов на расходы. После развода он никогда не сможет рассчитывать на такую сумму. А если умерить свои запросы? Процент с четверти миллиона составит 12 500 долларов в год. К ним он добавит еще 12 500 долларов основного капитала. В то время как проценты с его сокращающегося основного капитала будут уменьшаться, он будет тратить все более крупные суммы основного капитала и за тридцать лет дойдет до полной нищеты. Но, имея 25 000 долларов в год, на которые...

И снова усилием воли он вернул свои мысли на главную колею. Сама идея черпать из основного капитала угнетала его. Вероятно, есть и другой путь.

Конечно, в случае если они с Вирджинией не поженятся после его развода, то его доход от службы в ЮБТК щедро обеспечивал бы их. Они бы терпеливо подождали несколько лет. Потом, когда они поженились бы, на них не лежало бы никакого бремени. Он остался бы в ЮБТК. Ну, конечно, он мог бы попросить Вирджинию подождать несколько лет, в течение которых

их женитьба останется в тайне, как их теперешние отношения.

Что это такое — быть женатым на Вирджинии, с интересом подумал Палмер. Он совершенно определенно чувствовал, что ее сексуальный аппетит останется сильным. Его собственный, он был уверен, будет соответствующим. Правда, есть разница между несколькими часами удовольствия, получаемого время от времени, и перспективой многолетней размеренной супружеской близости. Сообразив, что не имеет достаточно опыта, который помог бы ему предугадать подобную ситуацию, Палмер почувствовал некоторое беспокойство. Жизнь с Эдис никогда, даже в самом начале, не была богата интимными отношениями. Один раз в неделю — таков в основном был ритм их жизни.

Палмер вспомнил, что между ними никогда не было неожиданной, спонтанной близости. Все делалось почти по графику, обычно по пятницам или субботам, поскольку на следующее утро можно было подольше поспать. Ни на один внеочередной случай не было получено согласия. Такой порядок выработался сам собой: он спрашивал, она отказывала, вежливо, с множеством уважительных причин. Только в конце недели. Кроме того, конечно, бывали непредвиденные осложнения. Эдис считала неразумным заниматься этим, когда, например, у кого-нибудь из них был насморк, или же расстройство желудка, или головная боль. Ко всему прочему она была активным членом ряда филантропических обществ; собрания и мероприятия этих групп плюс собрания Ассоциации родителей и преподавателей, пришедшие позднее, вскоре превратили весь процесс супружеской близости во второстепенный

атрибут их жизни наряду с посещениями театра и приглашениями родственников к обеду.

Ко времени их переезда в Нью-Йорк, увидел Палмер, этот режим настолько прочно укоренился, что и без благотворительных обществ и АРП жизнь всегда выставляла различные дела, более важные, чем секс. Руководство Эдис перестройкой дома, например, полностью исключило эти отношения между ними, если не считать одной ночи в октябре. Конечно, его собственное очень частое отсутствие по вечерам, даже до Вирджинии, немало способствовало этому. Но сейчас, лежа в полузабытьи, Палмер поймал себя на том, что с интересом думает — задерживался бы он так часто и так поздно, будь у него дома что-нибудь существенно его интересующее.

Он хотел было вздохнуть, но спохватился, вспомнив, что, по мнению Вирджинии, он спит. Он слегка приоткрыл глаза и увидел ее в той же позе.

Наблюдая за ней, Палмер сравнил ее полные, крутые бедра и большие груди с мальчишеской фигурой Эдис. Ни та, ни другая не имели ненужного, лишнего жира, но у Эдис груди были маленькие с плоскими крохотными оранжево-коричневыми сосками, в то время как у Вирджинии они было довольно полными — удивительно для женщины ростом намного меньше Эдис, — и соски были окружены розовым ореолом. Твердыми они, конечно, были только, когда... Палмер закрыл глаза и попытался привести свои мысли хоть в какой-нибудь порядок. Нельзя, понял он теперь, винить во всем Эдис. Она была очень привлекательна в своем стиле картинок журнала мод. Отсутствие у нее физического влечения к нему явилось частично

результатом всех этих вечеров, когда он возвращался домой поздно, и еще до этого в Чикаго, всех вечеров, когда он разрешал ей оттолкнуть себя нелепыми оправданиями. Поскольку, понял Палмер, он никогда не настаивал, у Эдис не было возможности лучше узнать, на что он способен. И только Вирджиния показала ему, насколько силен его половой аппетит или насколько важным может стать для него удовлетворение этого аппетита.

И что его интересовало больше всего, размышлял Палмер, так это степень силы его влечения к Вирджинии. Было ли оно достаточно сильно, например, чтобы заставить его покинуть Эдис? Было ли оно настолько сильно, чтобы решиться посвятить остаток своей жизни Вирджинии? Он почувствовал, что углы его рта слегка изогнулись в улыбке. Сонный незнакомец в его мозгу был довольнотаки забавен.

Неожиданно Палмер полностью проснулся. Как будто холодная струя влилась в его вены и понеслась, прорываясь сквозь невидимые шлюзы, в ленивую реку наслаждения. Палмер представил самого себя совершенно отчетливо. Он лежал на боку, как голое упавшее дерево, на котором неожиданно пустил корни его же собственный паразитический вариант. Незнакомец — его второе «я», чувственный сексуальный тип, — торжествовал над ним. Но теперь Палмер окончательно проснулся. Даже трудно было держать глаза закрытыми.

Возможно ли это, удивился он, дать своим мыслям так выйти из-под контроля, что над ними одерживали верх эмоции? Все это вздор и чепуха — и деление имущества, и подсчеты основного капитала и процентов. Разве он мог достаточно серьезно представить себя

ликвидирующим свой основной капитал? Он позволил глазам приоткрыться. Как бы с целью убедить себя, что находится вновь среди реальных вещей. Посмотрел на окно. Вирджиния, казалось, так ни разу и не шевельнулась. Пока он предавался этим идиотским размышлениям, ее тело оставалось всего в нескольких футах от него, в той же позе, как он запомнил ее в последний раз, — вес перенесен на одну ногу, свет, падающий из двери и не дающий теней, окрасил два холма ее ягодиц в мягкий розовый цвет, а провал между ними — в темно-красный. Вязкая жаркая волна накатилась на него. Он глотнул, силясь протолкнуть слюну в пересохшее горло. Он снова почувствовал прилив желания и на секунду ужаснулся, но всего лишь на секунду. Какая-то сиропная теплота лениво потекла по его венам. Он медленно то ли скатился, то ли упал с кровати, вытянув вперед руки, чтобы смягчить удар. Она услышала звук падения. Начала поворачиваться. Ее груди, вошедшие в полосу света, на секунду ослепили его, как вспышка пламени. Он поднял голову и медленно поцеловал мягкий, гладкий внутренний изгиб ее бедра.

Глава пятьдесят вторая

Палмер хотел отвезти ее домой на такси. Но было уже 6.30 утра, и поэтому он неохотно разрешил ей уйти из квартиры Бернса раньше него. После 15 минут превращения квартиры в «чистый дом» Палмер спустился на лифте в цокольный этаж и вышел через боковую дверь. Он поймал такси, поворачивавшее с автострады Ист Ривер, с сердитым шофером, который возил пассажира в Айдлуайлд, но обратно никого не нашел. Всю дорогу до своего дома с бетонноажурным фасадом Палмер выслушивал горькие жалобы шофера. Он подождал, пока машина не скрылась из виду, и пошел к дому. Улица была тиха, воздух очень морозный. Небо, хотя и со слабыми признаками восходящего солнца, висело плотным монолитным свинцовым листом.

Тот же сомнительный свет, почти такой же серый, как и небо, с которого он пробивался, уже просачивался в огромную пустую гостиную, когда Палмер вешал пальто, шляпу и шарф. Все вокруг него выглядело застывшим. Теплый натуральный дуб лестницы казался грязным в этом уродливом свете. На втором этаже Палмер на мгновение задержался, чтобы снять ботинки, и подумал, почему это жизнь всегда копирует комические картинки из журналов. Он снял верхнюю одежду в ванной рядом с главной спальней. Сначала он несерьезно отнесся к дикой мысли притвориться только что вставшим. Это было бы не слишком трудно, если Эдис еще спала. В сущности, все, что ему нужно сделать, — это привести постель в беспорядок, вернуться в ванную и пустить душ, который разбудил бы ее.

Он заглянул в спальню. Эдис вроде бы спала. Его постель была разобрана. Ступая на цыпочках босыми ногами, он подошел к ней, на ходу снимая нижнюю рубашку. Потом медленными осторожными движениями взъерошил подушку и простыни.

Вернувшись в ванную, он снял трусы и посмотрел на себя в зеркало в полный рост. Это была идея Эдис поставить здесь такое зеркало. Она была уверена, что оно сыграет большую роль, помогая им обоим следить за своим весом. Сейчас оно представило Палмеру ужасающую информацию: прямо под пупком у него был синеватобагровый укус. Он стал рассматривать его на более близком расстоянии и обнаружил, что по форме невозможно установить его происхождение. Кивнув почти глубокомысленно, он повернул ручку душа и установил ее на шкале посередине между горячим и холодным. Шум воды заполнил комнату. Он встал под душ и начал намыливаться.

Он уже кончил мыться, вытерся и надел банный халат, когда Эдис появилась в дверях — сонная, хмурая, с двумя вертикальными морщинками между почти невидимыми бровями.

— Доброе утро, — мягко сказал Палмер.

— Хм. Когда, во имя Христа, ты явился?

Он изучающе посмотрел в ее светло-карие глаза. Без косметики они казались маленькими, выцветшими. — Интересно, — ответил он вопросом на вопрос, — что случилось? Ты рано заснула?

Риторическая уклончивость сбила с толку невыспавшуюся Эдис.

— В час я еще не ложилась. И ты не приходил.

— Ты не могла не спать в два, — ответил на это Палмер, — ты спала мертвым сном.

Если Эдис и заметила, что он не ответил на ее первоначальный вопрос, то не подала виду. Вместо этого она подошла к умывальнику и протянула руку за зубной щеткой. Она начала чистить зубы, а Палмер, намочив кисточку для бритья, сделал в стаканчике пену. Слабый аромат лаванды, смешанный с мятным запахом пасты, медленно заполнил ванную комнату. Сильно нагретые стеклянные панели с вафельной поверхностью светились в стене слабо-оранжевым светом. Палмер намылил лицо и начал бриться. Время от времени он поглядывал на жену — не собирается ли она возобновить расспросы. Вдруг, сообразив, что довольно давно не видел ее в таком виде, он стал разглядывать ее. Когда они жили в отеле, в ванной комнате мог поместиться только один человек. С тех пор как они переехали в этот дом, она почему-то мылась каждое утро раньше него.

Мягкая пижама из эластика свисала с ее плеч, как блуза у беременной женщины. В падающем сверху мягком бело-розовом свете люминесцентных ламп ее зелено-голубой цвет казался темнее, чем на самом деле. Эдис подняла по возможности выше брючины пижамы. Ее узкие босые ноги и тонкие лодыжки выглядели жалкими и озябшими, несмотря на раскаленные нагревательные панели в стене. Наблюдая, как она, кончив чистить зубы, стала умывать лицо какой-то молочного цвета жидкостью из высокой синей бутылки, Палмер увидел, что от движений ее торса штаны начали медленно соскальзывать с бедер. Брючины складками

ложились вокруг ног, пока не остались видны только пальцы.

— Ты худеешь? — спросил он. Она ничего не ответила, и он молча продолжал бриться.

Наконец:

— Я не заметила. — Она вытерла лицо и встала на весы. Рывком подтянув брюки пижамы, она долго смотрела на шкалу. — Нет, — объявила она. — А что?

— Наверное, это впечатление создает эластик.

— Это 12-й размер, — сказала она, возвращаясь к зеркалу.

— И что же?

— Ради длины, — объяснила она. — Талия всегда бывает слишком широка.

— А-а.

— Неполомки с пижамой происходят у меня вот уже двадцать лет или что-то в этом роде, — добавила она. — Очень интересно, что ты вдруг заметил.

— Не тьявкой.

— Разве это тьяканье? Мне кажется, это прозвучало ровно и разумно.

Еще какое-то время он брился молча, напрягая челюсть, так как заканчивал подбородок. Затем:

— Это прозвучало как тьяканье.

— Почему?

Он сделал неопределенный жест бритвой:

— Просто прозвучало.

— Встал с левой ноги?

— Да нет.

— Плохой вечер?

— Не хуже любого другого, проведенного в обществе Бернса.

— Твой билль об отделениях? — спросила она.

— Не мой. Сберегательных банков. На периферии складывается не очень приятная обстановка.

— Это еще ничего, — сказала она, — по сравнению с тем, что происходит в центре.

— Что?

— В комнате такой величины трудно поверить, что ты не слышал.

— Я слышал. Просто не понял.

— Это означает, что положение вещей еще хуже в городе Нью-Йорке.

Он повернулся и посмотрел на нее:

— Каких вещей?

— Всех. — Она кончила красить лицо.

— Всех?

— Вудс, в этой комнате ужасно надоедливое эхо. — Она выглянула из ванной.

— Гав.

— Я могу обойтись и без намеков.

— Каких намеков?

— Животное женского пола, которое лает, — ответила она, — есть сука. — Она вышла из ванной. Он

слышал, как она швыряет в комнате какие-то вещи. Что-то с ужасным грохотом упало на пол в стенном шкафу. Затем дверца его сильно хлопнула.

— Поосторожней с мебелью,-крикнул он, вытирая с лица мыльную пену.

К тому времени, когда он собрался одеваться, она уже вышла из спальни. Прежде чем снять халат, он натянул трусы, чтобы спрятать укус. Когда он несколько минут спустя вышел в столовую, она была пуста, стол не накрыт. Он пошел на кухню. Миссис Кейдж в своем стеганом халате с пестрыми розами наполняла чайник холодной водой.

— Доброе утро. Где миссис Палмер?

Некоторое время экономка смотрела на него, не отвечая.

— Наверху. Что, мои часы отстают? На моих семь тридцать.

Он проверил свои:

— Правильно.

— Вы сегодня рано встали, — сказала она, — доброе утро. Покидая кухню, Палмер изобразил на лице вежливую улыбку.

Это совершенно ничего не означает, успокоил он себя, что он встал раньше обычного. Он спустился по длинному изогнутому пролету лестницы к главной двери и открыл ее. Сильный мороз безветренного зимнего утра прямо-таки насквозь пронизывал его, пока он искал две газеты, хитро спрятанные в узком пространстве между дверью и фасадом. Найдя их, он поспешил в дом, снова поднялся по лестнице и принялся читать в «Таймс»

сообщения из Олбани. Казалось, в данный момент там слишком много спорных законопроектов, о билле об отделениях не было ни строчки. Палмер стоял на площадке первого этажа, читая отчет «Геральд трибюн». Следуя своему обычаю, газета давала две статьи, делившие между собой события в Олбани. Одна сообщала факты, другая размышляла над движущими пружинами этих событий. Как всегда, Палмер почувствовал слабое раздражение от необходимости штудировать обе статьи, чтобы добраться до сути дела. Тем не менее внизу статьи, толкующей события, он обнаружил *pot pourri* [Попурри (франц.)] коротких сообщений, напечатанных мелким шрифтом. В них излагались различные слухи.

«Источник ни больше, ни меньше, а Виктор С., Большой Вик, говорит союзникам, что нет ни грана правды в слухах о расколе в прочной оппозиции Таммани по поводу билля об отделениях сберегательных банков. Его alter ego, публицист Мак Бернс, кажущийся весьма довольным положением вещей, совершает небольшую поездку по западным округам штата».

Палмер ужаснулся.

Покачнувшись на верхней ступеньке, он едва успел ухватиться за перила, отчего обе газеты с шумом упали на пол. Он поднял их и пошел в спальню.

Бросив «Таймс» на кровать Эдис, он сел на свою, крепко сжав колени, и попытался решить, что же делать с «Геральд трибюн». В растерянности он даже попытался спрятать газету под простыню. Потом взял себя в руки и встал. Двигаясь очень спокойно, он подошел к двери, убедился, что в холле никого нет, и быстро спустился к входной двери. Открыв ее, он вышел на улицу. Двое

мужчин в темных пальто шли ему навстречу. Он подождал, пока они пройдут. Мороз проник сквозь его рубашку и брюки. Он почувствовал слабую дрожь, начинающуюся в животе около диафрагмы. Он быстро наклонился и подпихнул газету под машину, стоящую через два дома вниз по улице. Пospешив домой, он закрыл дверь и постоял немного, чтобы согреться.

Теперь очень спокойно — еще не отдышавшись, но уже взяв себя в руки, — он попытался решить, что в сообщении напугало его сильнее: подтверждение того, что вчера вечером Бернс был в Олбани, хотя Эдис было сказано, что он в Нью-Йорке, или же то, что подлый нахал перехитрил его и беседовал с периферийными банкирами прежде, чем Палмер получил эту возможность.

В третий раз всего за каких-нибудь минут сорок он начал подниматься по лестнице, но теперь уже до него доносились звуки суеты перед завтраком. Похоже, что ему придется решать проблему газетного сообщения в кругу своей семьи. Он задержался на полдороге. От газеты он отделался. Эдис, вероятнее всего, не станет искать себе другой экземпляр. С этой стороны все в порядке. Но что делать с Бернсом?

Он вошел в столовую и увидел, как Джерри раскладывает вилки, ножи и ложки.

— Хэлло, у тебя такой вид, словно кто-то раздавил клопа на твоей руке.

Палмер моргнул.

— Кстати, с добрым утром, — сказал он.

Поправляя галстук, в комнату, волоча ноги, вошел Вуди. Он сел на свое место, одним большим глотком осушил стакан сока так, что даже поперхнулся.

— Здорово, отец, — сказал он немного погодя.

— Привет! — Палмер постарался, чтобы в его голосе не прозвучало раздражение, сел за стол, на свое место хозяина дома, и почувствовал, как повыше затылка начала тяжело пульсировать головная боль. Он стал прихлебывать сок, наблюдая за Вуди, потянувшимся за ломтиком поджаренного хлеба.

— Подожди, — одернул он сына. — Еще не все в сборе.

Вуди пожал плечами и выразительно взглянул на сестру, которая усаживалась за стол. Но каково бы ни было значение его взгляда, сигнал не достиг цели, поскольку Джерри не подняла глаз от своей тарелки.

Из кухни медленно появился Том, согнутый чуть не пополам, так как он пытался, ковыляя к столу, одновременно завязать шнурок на ботинке.

— У тебя ничего не выйдет, — сказал Палмер. — Это просто физически невозможно.

Том рассеянно поднял голову.

— Что? — Справившись наконец со шнурком, он скользнул на свое место за столом и повторил подвиг брата, ловко опорожнив одним глотком стакан апельсинового сока. И даже не поперхнулся.

Палмер налил себе кофе и передал кофейник Джерри.

— Налей в мамину чашку.

— «Ее чаша переполнена, — пробормотала девочка. — Постылая и ненавистная, ненавистная и постылая».

Палмер на миг закрыл глаза. Головная боль распространилась по всей левой стороне черепа до макушки. Он открыл глаза и увидел что миссис Кэйдж внесла и поставила перед ним горячее блюдо. Палмер приподнял крышку и взглянул на омлет. Быстро закрыл крышку и стал прихлебывать кофе. Горькая горячая жидкость огненной нитью прошла по пищеводу, словно впиваясь там в самую чувствительную, пересохшую от жажды плоть. У Палмера было такое ощущение, словно он впервые в жизни вздумал воспользоваться горлом, как аппаратом для глотания. Однако через секунду, глотнув еще немного кофе, он почувствовал себя несколько лучше.

— Тарелки, пожалуйста, — сказал он, беря ложку.

Пока дети передавали отцу свои тарелки, вошла Эдис с деревянным блюдом поджаренного бекона, села на свое место и взяла чашку кофе.

— Спасибо, Джерри, — сказала она.

Палмер автоматически делил омлет. Годы такого рода практики научили его давать каждому ребенку необходимую порцию — большие куски Вуди, очень маленькие Тому, — не думая об этом.

— Эдис?

Она покачала головой:

— Только кофе.

Палмер помедлил секунду. Он не хотел есть ничего, так сказать, существенного, но после безупречной ночи

он обычно завтракал плотно. Ему следует поступить так же и теперь. Он положил себе бекона и, ожидая, чтобы то и другое несколько остыло, попытался допить кофе. Боль распространилась теперь на весь лоб и переходила понемногу в правую половину головы. Секунду он разглядывал еду у себя на тарелке. Потом поднял глаза как раз в тот момент, когда Вуди, покончив с омлетом, молча протягивал тарелку за второй порцией.

— Эдис, — сказал Палмер, опять-таки стараясь, чтобы его голос не звучал раздраженно, — ктонибудь из этих детей помнит такие слова, как «пожалуйста» и «спасибо»?

— Пожалуйста, папа, могу ли я получить еще немного омлета? — монотонно отбарабанил Вуди.

— Спасибо за омлет, папочка, — пропел Том.

Джерри задумчиво жевала. Тщательно перемолов таким образом пищу, она проглотила все, что было у нее во рту, благовоспитанно запила глоточком сока и прикоснулась к губам салфеткой.

— Я хочу выразить мою глубокую благодарность, — начала она, — моим обоим любимым родителям, и особенно одному из них, который так искусно положил мне...

— Я снимаю вопрос, — перебил ее Палмер. Он доверху наполнил омлетом тарелку Вуди и передал ее сыну. Потом ребром вилки разломил омлет на своей тарелке и сумел поднести ко рту один из кусков.

— Я видела «Таймс» на моей постели, — сказала в этот момент Эдис. — Ты взял «Триб»?

Омлет упал с вилки Палмера. Он кротко взглянул на жену. — Мальчик принес только «Таймс».

— Совершенно невозможно полагаться на обслуживание в Нью-Йорке, — сказала Эдис. — Ешь, Том.

Том продолжал задумчиво изучать свое отражение в серебряном кофейнике. Он презрительно приподнял угол верхней губы. Потом сощурился и ловко скосил глаза.

— Том, — сказал Палмер категорически, почти грубо, голосом, который, как ему было известно из опыта, давал очень отчетливый резонанс. — Ешь.

Младший сын начал есть, Палмер также.

Первая порция омлета была на вкус как будто ничего. Он любил нежный, некрутой омлет. Но в это утро его рыхлая влажность внезапно вызвала у Палмера тошноту. Он повернулся к Джерри:

— Как дела в школе?

— Обычная ерунда.

Палмер положил вилку, готовясь углубить отвлекающий маневр, который он только что изобрел. Дети должны быть и бывали поддержкой у старости, подумал он.

— Какого именно классика всемирной известности ты цитировала? — спросил он тоном, напомнившим ему самому некоего г-на экзаменатора.

— «Мадам Бовари», — сказала Джерри. — Нас заставляют читать ее по-французски.

— Это и по-английски муть порядочная, — внезапно вмешался Вуди. Его уже довольно низкий голос прозвучал на фоне звонких реплик Джерри и Тома, как

голос Большого Дэна, окруженного представителями племени чихуа-хуа.

— Насколько я припоминаю, — сказал Палмер, делая вид, что снова принялся за свой омлет, — «Мадам Бовари» — захватывающая книга, краеугольный камень в развитии литературы.

— Именно камень, — заметила Джерри.

— Каменная бомба, — внес свой вклад Вуди.

— Подожди-ка, я имею в виду, — продолжала Джерри, не собираясь уступать брату главенствующую роль в дискуссии, — все эти переживания. Я хочу сказать, что ведь она замужем за старым хрычом. Другое дело, если она была когда-то влюблена в него или что-нибудь в этом роде. Тогда действительно кэль орёр, какой ужас! Но если этого нет, почему надо так себя вести? То есть я хочу сказать, у нее с Леоном получилось хорошо. Он, конечно, моложе, чем она, но ненамного. И у Родольфа как раз подходящий возраст. В общем, по-моему, она сама во всем виновата. Вся эта история с долгами. Такого в жизни просто не бывает. Если она не выносила Шарля, она могла просто бросить его. То есть я хочу сказать, если у нее такое неудачное замужество, почему?..

— Видишь ли, у нее было одно небольшое затруднение, — сказал Палмер, сам удивляясь серьезности своего тона и словно поймав себя на попытке посредством грузовика раздавить муху, — религия запрещала мадам Бовари развод.

— Могла бы найти выход, — возразила Джерри. — Она могла бы просто уйти. Все так делают.

— А на что она стала бы жить? — спросил Палмер. — В те времена не было никаких алиментов. И эти люди...

— Пускай бы она стала работать, — прервала Джерри.

— Ну и что она стала бы делать? Что она умела делать?

— Вышивать.

— Что?

— Вышивать тамбуром. Плести кружево.

Палмер взглянул на Эдис.

— Джерри, — отдельно произнес он, — объясняют ли тебе что-нибудь учителя перед тем, как рекомендовать чтение таких романов? Или это просто упражнение в чтении по-французски?

— Родольф был бы счастлив щедро обеспечить ее, — продолжала Джерри. — Или, может быть, ей было бы лучше перебраться в Руан и найти там работу, чтобы быть поближе к Леону. Все что угодно, но только не жить с Шарлем. То есть, я хочу сказать, зачем кому бы то ни было доходить до такого отчаяния в семейной жизни, что единственный выход — яд? По-моему, в этом нет никакого смысла.

— Вот теперь ты сказала что-то дельное, — пробормотал Вуди.

— Или она могла бы отравить Шарля, — вставил Том.

Палмер положил вилку, резко стукнув ею о стол. Однако каким бы внушительным ни был этот отвлекающий маневр, он не удался.

— Жаль бедного Флобера, — сказал Палмер, — перепутавшего всё без той любезной помощи, которую вы могли бы ему оказать.

— Фло... чего? — спросил Том.

Эта реплика вызвала у его брата и сестры своего рода дуэт хихиканья, в котором, как флейта и фагот, переплелись высокий чистый смех Джерри и юный глуховатый гогот Вуди. Палмер потер висок.

— Извините меня, — сказал он, вставая. — Я через секунду вернусь.

Он разглядывал себя, пока стоял перед зеркалом в ванной комнате, проглатывая две таблетки аспирина. Для человека средних лет, отягощенного неприятностями, он выглядел — обманчиво — в хорошей форме. Правда, скулы выдавались более обычного, но в остальном, решил Палмер, после целой ночи спортивных упражнений в постели любовницы и утра с неприятным сюрпризом он казался удивительно свежим. Через десять минут аспирин должен подействовать на кровеносные сосуды. Он хмуро уставился в зеркало на свое отражение. Значит, она моя любовница? — спросил он себя. Должно быть, это не то слово. И точно так же Палмер не был уверен, что может назвать себя ее любовником. Старые штампы, обозначавшие подобные отношения, больше не годились. И, как выяснилось, в конце концов несчастная Эмма Бовари была жертвой неудачного литературного сюжета.

Рассчитывая на несколько минут относительного спокойствия — пятнадцати минут было бы вполне достаточно, чтобы аспирин помог, — Палмер вернулся к столу, как раз в тот момент, когда Эдис говорила:

— ...свидетельство того, как изменилась жизнь, Джерри. Она не могла голосовать. Она не могла владеть собственностью. Она сама была собственностью своего мужа, как его дом, или его лошадь, или кабриолет. У нее не было иного выхода, как только остаться с мужем.

— Не удивительно, что она убила себя, — сказала Джерри.

— Этот выход у нее был, — согласилась Эдис. — Но в наше время у людей много других возможностей.

— И у нее были другие возможности, — провозгласил Вуди. — Она могла убежать в Америку. Она могла расторгнуть брак. Она...

— Ты просто не можешь понять, что означал брак в те времена, — прервала Эдис. — По-моему, теперь никто этого не понимает. Люди вступали в брак на всю жизнь.

— Так, словно отправлялись в Алкатраз [Маленький остров в Калифорнийском заливе, на котором находится тюрьма для особо опасных преступников.], — задумчиво сказала Джерри.

— Некоторые думают, что браки были гораздо счастливее в те времена, — сказала Эдис, взглянув на Палмера, который садился за стол. — А теперь давайте спокойно закончим завтрак. Похоже, у вашего отца ужасно болит голова.

Палмер удивленно взглянул на жену.

— Конечно, — сказала Джерри. — В те времена браки устраивались. Никто не женился и не выходил замуж по любви. Я считаю, что поэтому-то браки были счастливее. — И она, старательно набрав омлет на вилку, в два приема очистила свою тарелку.

Глава пятьдесят третья

На той же неделе, в пятницу, праздновался день рождения Линкольна. Обычное, почти неуловимое давление, которое ощущается в деловых кругах, когда такого рода праздник падает не на уик-энд, не сказывалось в банковской сфере. Другие конторы могли уступить давлению и не работать сегодня, подумал Палмер, входя в свой кабинет в восемь часов сорок пять минут, но банки не признавали день рождения Линкольна своим праздничным днем. Поскольку на Юге банки не праздновали его, северные банки должны были оставаться открытыми на тот случай, если какая-либо корреспондентская операция поступит в Нью-Йорк из южных штатов.

Хотя Палмер прочел свой «Таймс» в машине по дороге в банк, он захватил газету с собой в кабинет, чтобы еще раз просмотреть сообщения из Олбани. Законодательные учреждения штата в припадке внезапной активности запланировали на сегодняшнее утро короткую предварительную сессию, которая позволила бы сенаторам и членам законодательного собрания отправиться по домам на более длительный уик-энд, чем обычно. Одним из двух пунктов повестки дня, оставленных на сегодняшнее утро, было, как заметил Палмер, заседание Комитета по банкам для обсуждения необычного добавления — поправки к законопроекту о сберегательных банках. Внести такую поправку было идеей Бернса, высказанной им несколькими днями ранее. Сейчас Палмер не был вполне уверен в побудительных мотивах Бернса, но внешне идея казалась хорошей.

Первоначальный вариант законопроекта предполагал предоставление сберегательным банкам неограниченных привилегий открывать филиалы.

Они получили бы право обращаться, когда им только вздумается, к департаменту банков штата, который решал бы, имеются ли среди просьб об открытии филиалов такие, которые следует удовлетворить. Бернс предлагал установить лимит для такого рода просьб, исходя из числа отделений, принадлежащих в данное время данному сберегательному банку.

Перечитывая корреспонденцию «Таймс» из Олбани, Палмер размышлял о прелестной беспринципности поправки, внести которую Бернс убедил члена законодательного собрания от Бруклина.

На первый взгляд поправка казалась довольно логичной: ведь действительно никто не хочет разрешать сберегательным банкам пользоваться неограниченными привилегиями открывать филиалы, не правда ли? Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что поправка имела четкое назначение дать преимущества более крупным сберегательным банкам, имеющим, допустим, пять отделений каждый. Такой сберегательный банк получал, следовательно, право на десятикратное обращение к департаменту банков штата, а сберегательный банк, имеющий одно отделение, — лишь на двукратное. Предоставляемые более крупным сберегательным банкам возможности противопоставляли их мелким банкам и должны были неизбежно вызвать раздоры в лагере сберегательных банков и разбить их — до этого времени — единый фронт.

Палмер подошел к стеклянной стене и стал смотреть на толпы пешеходов, спешащих вдоль Пятой авеню к своим различным конторам.

Дул свежий февральский ветер, заставляя прохожих горбиться.

Палмер подумал, что было бы любопытно узнать, сколько из этих людей, преодолевающих встречный ветер, — вкладчики сберегательных банков. Может быть, один, или два, или три, подумал он. Имеют ли они хотя бы малейшее представление о том, какая хитрая внутренняя борьба идет сейчас в Олбани?

Палмер понимал, что, стараясь разбить солидарность сберегательных банков, Бернс надеялся ослабить любую координированную оппозицию к внесенной поправке. Если бы она прошла, это было бы свидетельством прочности позиций коммерческого банка. А в Олбани, как и вообще в жизни, свидетельства силы заразительны.

Палмер вернулся к своему письменному столу и перебрал листки календаря, открыв сегодняшнюю дату. На листке было что-то нацарапано. С минуту Палмер разглядывал запись, пытаясь разобрать собственный торопливый почерк. Выглядело примерно так: «2 ндл држаци сбр.». Он изучил строчку более тщательно и пришел к выводу, что первые два слова были «Две недели». Тогда он понял всю запись: ежегодное собрание держателей акций ЮБТК состоится через две недели. Чтобы проверить себя, он перелистал календарь дальше и на листке «пятница», через две недели, нашел запись «држаци сбр. сдн.».

Палмер вздохнул и сел за письменный стол. Даже в уединении своего кабинета он ощущал окружающую его

гнетущую атмосферу, напряженно потрескивающую тишину закипающего котла, когда кипятик вот-вот побежит через край.

События сгущались очень быстро. За неделю, в течение которой показатели Доу-Джонса обнаружили тенденцию к понижению, акции ЮБТК повысились еще на один пункт. Вопреки в целом инертному, унылому рынку спрос на акции ЮБТК был чрезвычайно оживленным. По совету Палмера Бэркхардт в этом году запросил обычные доверенности на голосование от держателей акций ранее положенного срока, пытаясь сократить переход акций в новые недружественные руки, но это был маневр типа «я закрываю лавочку», который позволял надеяться нейтрализовать самое большее несколько тысяч акций. В то же время, если бернсовская проверка сил в Олбани потерпит неудачу, это продемонстрирует даже дружественно настроенным держателям акций, что Бэркхардт не способен контролировать ситуацию, созданную сберегательными банками. Является ли в таком случае Бэркхардт именно тем человеком, которому надлежит держать в руках контроль над ЮБТК?

Сложный маневр, подумал Палмер. Ему лично, пожалуй, была бы не по душе работа по координированию фланговых атак, организованных Джо Лумисом. Исключительно хитрый расчет времени, точный выбор момента и достаточный запас сил в каждом звене, дающий хорошие шансы на успех.

Размышляя так, Палмер поднял телефонную трубку и набрал внутренний номер Вирджинии. — Как голова? — спросил он вместо приветствия.

— Гм. С добрым...— Ее голос звучал хрипло и довольно вяло.

— Когда вы могли бы зайти ко мне?

— Как только врачи приведут меня в норму с помощью кислородной палатки.

Он повесил трубку и улыбнулся просто-напросто тому, что, хотя они оба были очень пьяны прошлую ночь, он в конце концов избежал печальных последствий сегодня утром. Он пришел к заключению, что так случилось благодаря его сравнительно своевременному возвращению домой в одиннадцать часов вечера — так что у Эдис не могли возникнуть подозрения.

Конечно, тот факт, что в последние месяцы он ежедневно возвращался домой около одиннадцати часов вечера, мог показаться Эдис довольно странным. Впрочем, рассуждал Палмер, ведь он же объяснил, сколько было дела в связи с подготовкой внесения контрольной поправки. С той ночи, несколько недель тому назад, когда он пришел домой лишь под утро, Палмер сознательно обрывал все свои вечерние встречи с Вирджинией до одиннадцати. У них выработалась привычка заканчивать дела в конторе ежедневно примерно между четырьмя и пятью вечера, заботясь лишь о том, чтобы кто-то из них вышел из банка на полчаса раньше другого во избежание подозрений. Время с пяти вечера и до одиннадцати они неразумно, но к обоюдному удовольствию проводили в квартире Бернса, где в течение всего его длительного пребывания в Олбани они скрывались, как два отшельника, пронося с собой через цокольный этаж дома пакетики с едой и спиртными напитками. Раньше, насколько помнил Палмер, эти часы, с пяти до одиннадцати вечера,

казались очень долгими. По сравнению с лихорадкой делового дня вечера обычно тянулись вяло. Но не теперь, когда Палмер проводил их с Вирджинией. Установившееся расписание казалось несложным, но следовать ему значило жить залпом, жадно глотая время.

Вот она открыла дверь его кабинета, закрыла ее за собой и остановилась на мгновение у порога, полуприкрыв глаза от холодного сверкающего февральского солнца, косо падающего сквозь жалюзи наверху. Палмер смотрел, как она медленно шла через всю комнату, обошла его письменный стол и наклонилась к нему. Чуть пропитанный сигаретным дымом запах ее духов ударил по его чувственным рефлексам, как приглушенный гонг. Она быстро поцеловала его в щеку, посмотрела, не осталось ли следа от помады, снова обошла письменный стол и села на стул напротив. Казалось, она не в состоянии открыть глаза. И казалось, они светятся из огромных темных пещер над высокими скулами. Она сморщила нос.

— Пожалуйста, не будьте таким самодовольным, — сказала она.

— Ладно. Каким я должен быть?

— И не будьте таким красивым, ради бога. Будьте потрепанным, как я.

— Ладно. Потрепанный. Годится?

— Почти такой же потрепанный, как вице-президент большого банка.

— Я делаю успехи.

— Зачем вы меня позвали? — простонала она.

— Здесь больше света. Мы, садисты, не отказываем себе ни в чем.

Ей все-таки удалось открыть глаза.

— Вы не только садист. Как вы сумели заставить меня проделать все, что было этой ночью?

— Не путем выкручивания вам рук.

— Я хотела бы, чтобы в протокол было занесено мое заявление, что никогда раньше и когда-либо еще раньше я ничего подобного этому не делала. Никогда.

— Смутно, но припоминаю, что предложение поступило с вашей стороны.

Она глубоко вздохнула.

— Вы, наверно, правы. Оказалось, что с вами я способна осуществлять свои самые дикие фантазии. Это прямо-таки ошеломляюще.

— Вы не казались особенно ошеломленной.

Она снова полуприкрыла глаза.

— Я не была, — произнесла она жалобно. — И я не ошеломлена. — Она поерзала на стуле, словно пытаясь найти для себя более удобную позу. — Я сказала это просто потому, что так полагается говорить, — пробормотала она. — Хватит. Ведь вы позвали меня не для того, чтобы узнать то, что вам уже известно.

— Я хотел узнать, где мы могли бы быстро получить информацию об этой поправке. Есть у вас какой-нибудь приятель где-нибудь на телетайпе?

— Почему не позвонить Бернсу?

— Его никогда нет там, где я мог бы его найти. Я должен просить, чтобы его разыскали. И тогда он звонит

мне. Я хотел бы иметь кого-то, с кем я мог бы держать связь почти постоянно.

— Я могу позвонить в Олбани в комнату прессы, — предложила она.

— Неужели у вас нет никого здесь в городе? Я не хочу беспокоить их там, в то время когда они сочиняют свои репортажи. Она неохотно открыла глаза. Медленно, почти как в трансе, протянула правую руку открытой ладонью вверх. Рука повисла перед ней в воздухе недвижимая, словно окаменевшая. — Видите эту дрожь? — спросила Вирджиния.

— Нет.

С выражением негодования на лице она хлопнула рукой по письменному столу.

— Ничего не получается. Ну, ладно. Мы заедем в «Стар». Вы сможете посидеть там, где-нибудь в сторонке. Я посмотрю, может быть, Джордж Моллетт или еще кто-нибудь позволит мне скромно поболтать возле телетайпов и последить за телеграммами из Олбани. Неплохо придумано? — Я не могу представить себе вас скромницей. Не будем отрицать истины. Вы всегда заметны.

Она мягко улыбнулась ему.

— Больше всего я люблю в вас, — сказала она, — то, что вы, кажется, никогда не забываете о моей заметности. — Она взглянула на свои часы:— Сейчас еще слишком рано. Мы выйдем около десяти. Корреспондент «Стар» в Олбани начнет передавать около половины одиннадцатого, если, конечно, будет что передавать.

Однако когда они пришли в «Стар», оказалось, что Моллетт появится только после ленча. Они задержались на минуту в приемной, решая, что делать дальше.

— Мы могли бы сунуться в «Таймс», — говорила Вирджиния, — если бы вы...

— Бубби! — громко закричал кто-то. — Буббили!

Палмер оглянулся и увидел человека, показавшегося ему знакомым, который улыбался Вирджинии с порога рабочей комнаты. Ростом он был почти в шесть футов, как заметил Палмер, но казался ниже из-за своей полноты. Именно это круглое лицо под коротко остриженными волосами было знакомо Палмеру, лицо с быстрыми глазами и пухлым подбородком.

— Лапонька, — приветствовала его Вирджиния. — Поздоровайся еще с моим боссом Вудсом Палмером. Это Кесслер, единственный фоторепортер «Стар», который не джентльмен.

— Здорово, Палмер! — Все еще воруете не тех немецких ракетчиков, какие нужны?

Палмер посмотрел в чистосердечные глаза Кесслера. Они настороженно ожидали хоть признака узнавания.

— Вы! — сказал Палмер. Он протянул руку и, как ему показалось, попал прямо-таки в западню, которая смяла и тут же отпустила его пальцы, заставив его поморщиться. Сигарета, свисавшая над самой серединой нижней губы Кесслера, подпрыгивала при каждом его слове, осыпая густой метелью пепла его хорошо сшитый костюм.

— Старина, вы-таки сваяли дурака. Вам надо было украсть тех, кого захватили русские.

— Что, он всегда такой? — спросил Палмер у Вирджинии.

— Нет. Сейчас он ведет себя хорошо.

— Совершенно верно, — согласился Кесслер. — Присутствие женщины сдерживает меня. — Он искоса взглянул на Вирджинию.

— Послушай, лапонька, у тебя в фотоотделе есть телетайп? У него есть связь с Олбани?

Кесслер покачал головой.

— Берем только финансовые и коммерческие сообщения Ассошиэйтед Пресс. А что? — И добавил: — Есть чем поживиться?

— Там сегодня утром голосуется поправка к законопроекту.

— Опять эта банковская мура? — проворчал он. — Бубби, я пятнадцать лет давал фоторепортаж об этом городе и ни разу не получил стоящего снимка из банка.

— Если бы даже ты получил, «Стар» не напечатала бы, — сказала она.

Он кивнул и повернулся к Палмеру:

— Спросите ее. Она вам объяснит, что я отчаявшийся мастер по фотографированию женских ягодиц. Самое большее, чего я за пятнадцать лет добился от «Стар» в отношении бедер распутниц, — это напечатать фото Гусси Морен, когда она стала носить теннисные шорты короче короткого. — Он оглядел Палмера. — Как случилось, что вы бродите по трущобам

с провожатым из числа ваших служащих? — спросил он. — Обычно репортеры приходят к вам, а не наоборот.

— У нас любовная связь, — объяснила Вирджиния.

— Да поможет вам бог, Палмер, — категорически заявил Кесслер. — Девочка похожа на те штучки, которые кладут вам в бокал в баре высшего класса. Кусочек льда с дыркой внутри, кажется, так?

— Судя по вашему тону, — сказал Палмер, — вас однажды бросило от этого в сильный озноб!

— Однажды? — рассмеялся Кесслер. — Расскажи ему, милочка, по скольким редакциям я бегал за тобой.

— Зачем так уничивать себя? — ответила Вирджиния.

Секунду он глядел на нее с плотоядной усмешкой, потом пожал плечами: — Я проведу тебя к телетайпам, Бубби, но твой босс должен остаться здесь.

Палмер сел на длинную кушетку, покрытую потрескавшейся рыжеватой— коричневой искусственной кожей. Оглядел развешанные вокруг в рамках первые полосы «Стар», зажег сигарету и уселся поглубже, приготовившись к длительному ожиданию. Но через секунду Кесслер прошел через приемную, взглянул на Палмера с хорошо разыгранным недоумением, мол, вы еще здесь? Быстро повернулся, подошел и сел рядом с ним.

— Это девочка высокого класса, — сказал Кесслер, зажигая новую сигарету. — Как случилось, что она спуталась с женатым человеком?

Палмер разразился смехом, который, как он надеялся, прозвучал в достаточной степени небрежно. —

Обладаю роковым обаянием. Кажется, не поддающимся контролю.

— Вы думаете, я поверил, что она меня разыгрывает, — сказал мрачно Кесслер.

— Не поверили?

Фоторепортер угрюмо уставился в пол:

— Я знаю эту девочку. Пытался ухаживать за ней. Как, впрочем, и многие. Лучшая журналистка-газетчица из всех, какие у нас есть, хоть она и не работает больше в газете. Но вся ее энергия уходила в работу. Для секса ничего не оставалось. Кроме того, в ней прочно сидел католический запрет ложиться в постель без обручального кольца. Уж поверьте мне, я знаю.

— Вот теперь-то я вижу, что вы ничего не знаете, — заверил его Палмер.

— Потому что я еврей? — Кесслер кисло усмехнулся. — У еврейских девочек такие же предрассудки, Палмер. Этот городишко набит хорошенькими еврейскими, итальянскими и ирландскими девицами, у которых после первых же встреч с парнями появляются все шансы остаться в старых девах. Слишком крепок предрассудок, этот стальной пояс целомудрия. Отпереть его может лишь обручальное кольцо. Но когда ожидание слишком затягивается, не очень-то многое остается для того парня, который отопрет замок. Палмер положил ногу на ногу и стал сосредоточенно тыкать кончиком сигары в подошву ботинка, пока она не превратилась в раскаленную горстку пепла. — Я не хотел бы, чтобы вы думали, будто все это не представляет для меня исключительного интереса, — произнес он наконец, — однако мне кажется, что вы немножко того...

— Неужто? Почему вы так...

— И я также думаю, что у вас нет никаких оснований болтать со мной о Вирджинии. Вы, кажется, принимаете за чистую монету ее эксцентричные шутки. Скажу вам откровенно: я не верю вашим отвратительным басням про нью-йоркских женщин. Вам не приходило в голову, что вы сталкивались только с женщинами спокойного темперамента?

— Это исключено.

— Может быть, они питают роковую склонность именно к вам?

— Я сам виноват, да? — спросил Кесслер. Он издал низкий тихий смешок. — Папаша, для банкира вы слишком темпераментны. Давайте поговорим о долговых обязательствах и долгосрочном кредите.

— А как же секс?

Кесслер несколько раз вопросительно поднял брови, как бы давая понять, что, хотя секс остается сексом, он, Кесслер, предпочитает не касаться больше этой темы.

— Я просто испытывал вас, — признался он. — Мой опыт взаимоотношений с банкирами строго ограничен беседами, которые начинаются с фразы: «У вас сто долларов перерасхода». Неизменно. Объясните, как получается, что эту коротенькую фразу непременно сопровождает ослепительная улыбка?

— Все это очень грустно, — сказал Палмер. — Банковские служащие улыбаются, произнося эту фразу, потому что она дает им чувство превосходства. Чувство превосходства — преимущество их положения. И

банковский служащий получает то маленькое удовольствие, которое может получить.

— Прелестно, старик. А как у них насчет секса?

Палмер невольно рассмеялся, чувствуя, что обезоружен. И тут же увидел Вирджинию. Она вышла из комнаты фоторепортеров и направлялась к нему. При взгляде на ее лицо Палмер перестал смеяться.

— Не может быть? — сказал он.

— Пять против, два за, один воздержался, — объявила она. — Поправка провалена. Окончательно.

Палмер медленно поднялся, держа шляпу обеими руками. — Довольно убедительно для смотра сил, — сказал он ровным голосом.

Она кивнула:

— Это действительно смотр сил. Их сил.

— А также способностей Мака Бернса.

На какую-то долю секунды она отвела глаза, указывая взглядом на Кесслера, все еще сидевшего на кушетке.

— Об этом мы еще поговорим, — сказала она.

— Когда Кесслера не будет рядом, — добавил Кесслер.

Фоторепортер встал.

— Когда-нибудь, — произнес он медленно, — кто-нибудь из клиентов Мака Бернса не поверит ему с самого начала и не наймет его, и Мак не сможет больше откалывать свои номера. Когда это случится, я возьму

вашу шляпу, хорошенько посолю ее и съем всю до последней ленточки.

Палмер хмуро взглянул на Вирджинию:

— Интересно, все ли наши секреты так широко известны?

Кесслер покачал головой.

— Никто мне не говорил ничего, папаша. Просто я знаю Мака Бернса. А теперь знаю и вас. — Его взгляд скользнул от Палмера к Вирджинии, и снова упал на Палмера, и снова на женщину. — Как у него это получается? Похоже, что вы неглупый парень. Как вы смогли поверить всей его чепухе?

Первой реакцией Палмера было ответить этому человеку. В следующую секунду он решил, что лучше промолчать. И наконец с приятным чувством облегчения обнаружил, что вернулся к первоначальной реакции.

— Забавно то, — сказал он Кесслеру, — что я не доверял ему с самого начала. Я предвидел его двойную игру задолго до того, как он сделал свой первый ход. Я даже знаю, почему он ведет эту игру.

Тут Кесслер повернулся к Вирджинии:

— Что за босс у тебя, Бубби? — И снова — к Палмеру: — Так в чем же дело? Гипноз? Почему вы позволили ему это? Или вам было безразлично?

Палмер прищурился. Он чуть-чуть помедлил, не из-за врожденной осторожности, которую он отверг несколькими секундами раньше, а потому что не мог совладать со своим раздражением.

— Ответьте мне прямо, — сказал он, стараясь выиграть время: — Кто либо из нью-йоркских газет благоволит к Маку Бернсу?

— Только те, кому он платит.

Палмер повернулся к Вирджинии:

— И это тоже всем известно?

Она кивнула:

— Вы и не представляете, как быстро подобные пустяки передаются из уст в уста.

— Что же это?.. — Палмер снова помедлил. — И ктонибудь?.. — Он запнулся и облизнул губы. — Что ж, это постоянно практикуется в отделах по связи с общественностью?

Неожиданная кривая усмешка Кесслера столкнула массу пепла с его сигареты прямо к нему в рот.

— Большой город вас приветствует, ребята!

— Нет, не постоянно, — сказала Вирджиния. — От случая к случаю.

В течение нескольких долгих секунд фоторепортер глядел на Палмера, потом заметил:

— Вы меня просто удивляете, папаша. Как же иначе сукин сын, вроде Бернса, может убедить журналистов напечатать то, что ему нужно?

Палмер коротко кивнул. Надел шляпу, взглянул на Вирджинию:

— Поедемте обратно в контору. Мне надо позвонить в Олбани.

Кесслер ткнул пальцем в направлении небольшой приемной.

— Будьте моим гостем.

— Разговор будет не для печати, — предупредил Палмер.

— Я просто хочу послушать, как Мэкки Нож сам окажется под ножом.

Фоторепортер поднял телефонную трубку в приемной и попросил оператора «Стар» связать его с Олбани.

— Это Кесслер, — сказал он через минуту. — Не притаился ли там где-нибудь Мак Бернс? — С блаженной улыбкой он вручил телефонную трубку Палмеру.

— Алло! — Палмер слышал сумятицу звуков на другом конце провода. Потом:

— Дорогуша? Это Мак. Wie geht's?

— Machts nichts gut [Так себе (нем.)], — сказал Палмер.

— Кто это? — Только что звучавшая в голосе Бернса приветливость иссякла, подобно сливной струе в унитазе, когда отпускают цепочку. — Кесслер?

— Это Палмер. Я в редакции «Стар». Мы только что прочли на телетайпе результат голосования по поправке.

— Вуди, деточка? — Пауза. Потом: — Дружище, я в таком же унынии, как и ты. — Голос Бернса явно силился зазвучать в более низком, более подходящем ключе, нежели его первые веселые приветствия. — Свалилось на меня, как тонна кирпича.

— Как тонна кое-чего еще, Мак. Я позвонил, чтобы услышать ваше объяснение. Давайте покороче. Я должен зачитать вам заявление.

— Какое еще?..

— Сначала объяснение.

— Ну что я могу тебе сказать? У меня были все основания ожидать победы, деточка. Ты это знаешь. Но три республиканца с периферийных районов штата вели с нами двойную игру.

— Те самые, которых вы посетили, объезжая эти районы?

— Вуди? Клянусь богом, я не знаю, как...

— Мак, вы закончили ваше объяснение?

— Какого черта можно объяснить в таких случаях? Будь рассудительным, Вуди. Три штрейкбрехера, которые должны были голосовать на стороне коммерческих банков, решили проголосовать со сберегательными банками.

— И доказать всему миру нашу слабость.

— Дорогой мой, от этого мир не развалится. Ты же умеешь смотреть на вещи шире. Эта маленькая поправка — всего лишь куриный помёт.

— Объяснение закончено?

— Да.

— Мак, у меня есть заявление. — Сейчас Палмер держал перед собой свободную руку ладонью вверх так, словно зачитывал документ. — Итак, слушайте: отношения между первой стороной, «Юнайтед бэнк энд траст компани», и второй стороной, Маком Бернсом,

настоящим прекращены. Вторая сторона не является больше советником по общественным связям первой стороны. Подписано двенадцатым числом февраля, Вудсом Палмером-мл., вице-президентом — исполнителем. Вы меня слышали?

— Я не пони...

— Вы уволены, Мак. Рассчитаны. Выгнаны. Вы больше не мой сотрудник. Я больше не ваш клиент. Это ясно?

— Знает ли Бэркх?..

— И я теперь свободен делать все, что в моих силах, чтобы возместить ущерб, нанесенный ЮБТК — за ее же деньги, — вашими фокусами, вашим предательством и отъявленным и полным вероломством.

— Вы сказали об этом Бэрк?..

— Люди, с которыми я едва знаком, — снова прервал Палмер, — спрашивают меня, почему вообще с самого начала я доверял вам. И я вынужден спросить самого себя, почему, понимая вашу игру, я позволил вам нанести ЮБТК такой ущерб.

— Вуди, знает ли Бэр?..

— Возможно, я в обоих случаях так и не найду ответа, Мак, но по крайней мере я не должен буду больше выслушивать вопросы. До свидания.

— Вы будете?..

Палмер с чрезвычайной осторожностью положил телефонную трубку на аппарат.

Повернулся к Кесслеру:

— Совершенно конфиденциально, разумеется.

— Разумеется. — Кесслер зажег новую сигарету, и она снова повисла над самой серединой нижней губы.

— Спасибо за предоставленную возможность использовать вашу приемную.

— Был рад услужить.

Палмер взглянул на Вирджинию, указывая жестом на выход:

— Пойдемте! — Они кивнули фоторепортеру и оставили его в приемной осыпать пеплом свой довольно тучный живот.

Внизу, как только они вышли на свежий ветер Сорок седьмой улицы, Вирджиния взяла Палмера под руку.

— Неважный из тебя актер, — пробормотала она.

— Но ведь я не переиграл, как ты считаешь?

— Уволить ответственное лицо с 50-тысячным окладом по междугородному телефону из «Нью-Йорк стар»! Переиграть — не то слово.

— Разве такой разговор подслушивают?

— Только на обоих концах провода.

Они дошли до Бродвея, где вихрь пыли заставил их на мгновение зажмуриться.

— Смех да и только, — сказал Палмер.

— Истерика.

— Нет, смешно то, что я, в сущности, не был рассержен, когда услышал насчет поправки. И даже тогда, когда начал говорить с Бернсом.

— Но сейчас ты действительно взбешен? — спросила она.

— Да.

Она прижала к себе его руку.

— Тебе надо выпить.

— В одиннадцать утра?

— Я тоже выпью рюмку.

Палмер огляделся. Обычная для позднего утра толчея Таймс Скуэр.

— Не здесь.

— Дома у Мака.

Он хмуро усмехнулся:

— Пожалуй, я не составлю сейчас хорошей компании.

Она посмотрела на него снизу вверх:

— На что и на кого именно ты злишься, Вудс?

— На самого себя.

— За то, что не выкинул Мака раньше?

Он покачал головой:

— Хуже.

— За что же тогда?

— За то, что держался так, как если бы я был посторонним. За то, что делал вид, будто на мне нет никакой ответственности. За то, что подсознательно надеялся на успех его двойной игры с ЮБТК. — Палмер усмехнулся невесело, одними губами. — За то, что в известном смысле желал его победы. За большую ненависть к тому, что делает Бэркхардт, чем к тому, что делает Мак.

Зажегся зеленый свет. Они стали переходить на широком перекрестке, и, как всегда случается, раньше, чем они дошли до середины улицы, снова зажегся красный. Пришлось бежать.

— Какая муха тебя укусила? — спросила Вирджиния.

— Твой приятель Кесслер, спросивший меня, почему я позволял Бернсу все это делать. И предположивший, что мне было, в сущности, безразлично, как все обернется.

— А тебе безразлично?

— Не в этом дело, а в том, что так думает Кесслер. — Палмер широко шагал по Сорок седьмой улице и почти тащил ее за собой.

— Он считает, что человек в моем положении нечто вроде философствующего евнуха, который попросту не способен тревожиться из-за того, что важно для людей, подобных Кесслеру. А самое важное для них — честность.

Они уже пересекли Шестую авеню и стремительно мчались вперед.

— Вудс, — выдохнула она, — куда мы спешим?

Он замедлил шаг.

— По его мнению, — уже спокойнее сказал он, — я нечто вроде кастрата. Помнишь? «Что за босс у тебя?» Помнишь, как он спросил это?

— Но конечно же, он не имел в виду, что ты...

— Я знаю, что он имел в виду.

— Ты хватил через край, Вудс. Тебе чудится то, чего нет.

— Очень возможно. Это было...— Он замолчал на секунду.

Потом вздохнул.

— Я не жду, чтобы ты чувствовала так же, как я. В отличие от меня ты не была все эти годы под началом у такого отца, как мой, чтобы потом добровольно — по иронии судьбы — угодить к Бэркхардту. Здесь мое больное место. Кесслер нашел его без особенного труда.

— Случайно, — сказала она.

— Как бы ни нашел, он сумел дать точный и крепкий тычок.

— А ты подскочил словно ужаленный, схватил телефонную трубку и уволил Мака. А я-то считала, что банкиры двигаются очень неторопливо.

— Просто я вдруг понял, почему я отпустил Маку поводья. Видишь ли, я, в сущности, никогда не чувствовал, что он на моей ответственности.

Палмер направил ее к перекрестку, и они пересекли Пятую авеню. Теперь они стояли на противоположном углу, Вирджиния ждала, куда он поведет ее дальше, а он не сознавал, что они стоят на месте.

— Бэркхардт нанял его, испугался, почувствовав, что схватил тигра за хвост, и нанял меня — держать для него зверя. К тому времени, когда я уяснил себе это в основных чертах, Бэркхардт начал возмущать меня почти так же, как когда-то мой отец. И таким образом, я думаю, что я испытывал тайную радость, наблюдая двойную игру Бернса. Кесслер был прав. Мне, в сущности, было безразлично.

— А сейчас?

— Сейчас я почему-то стал относиться к этому как к личному делу. Я терпеть не могу, когда меня недооценивают. Это оскорбительно. И особенно оскорбительно, когда тебя недооценивает пошлый ливанский Макиавелли вроде Бернса.

— Я отказываюсь поверить, — сказала она, — что случайное замечание болтливого фоторепортера заставило тебя прозреть.

— Но именно так случилось.

— Нет, не совсем так. — Она нахмурилась, шагнула на край тротуара и остановила проезжающее такси. — Садись.

Машина медленно продиралась сквозь густое уличное движение на северо-восток, по направлению к дому Бернса. — На самом деле случилось то, — сказала Вирджиния, — что благодаря некой идиотской склонности к честной игре, которая держит тебя, как собаку цепь, ты решил предоставить Бернсу еще один шанс. Поэтому ты согласился с его предательской выдумкой относительно поправки.

— Какая глупость!

— Согласна, однако ты сделал именно так. Ты отказался поверить тому, что ты, собственно, уже знал. Ты хватался за последнюю соломинку своей наивной веры в порядочность людей.

— Гм.

— Ни один человек, упрямо думал ты, не может быть таким вероломным, каким, судя по всему, оказывался Мак Бернс. Но я говорю тебе, Вудс, в этом

городе полно маков бернсов. И в мире их полно. И сейчас ты наконец тоже осознал это. Вот почему ты злишься.

— Я более или менее успокоился, — сказал он, улыбаясь и беря ее руку.

— Ты забавно выразился там, на улице. — Она сжала его руку. — Ты сказал про тигра, которого держишь за хвост...

— Это комично?

— Трагикомично. Ты держишь за хвост тигра из Таммани — из политиканских джунглей, Вудс. С таким тигром не разделаешься посредством лишь короткого телефонного звонка.

— Бернс уволен. Даже он понимает это.

— Значит, милый, ты не понимаешь, что такое тигры.

Глава пятьдесят четвертая

К часу дня косые лучи зимнего солнца дотянулись до толстого белого ковра, устилавшего пол в гостиной Бернса. И, как бы зажигая белоснежный ворс, на котором лежала Вирджиния, и отражаясь от его острой белизны, солнце теперь уже, казалось, заполняло всю комнату. Палмер встал, полуслепленный, и подошел к бару.

Обнаженное тело его ощущало солнечное тепло. Никогда раньше не отдавался он так физическому наслаждению в ярком блеске дня. Свет, казалось, проникал в каждый изгиб его тела, в каждую впадину, в каждую жилку. Физическое наслаждение приобрело такую потрясающую ясность и плотность, что стало почти совершенно новым ощущением. Он налил понемногу виски в два стакана и принес оба их к Вирджинии.

— Безо льда? — пробормотала она, подняв на него глаза.

— Обленился.

Она лежала навзничь, раскинув руки, и, с неожиданной легкостью перекатившись на бок, укусила его за ногу. Довольно сильно. Он дрогнул. Виски плеснуло ей на грудь.

— Холодно! — взвизгнула она. — Ты старый развратник, вот ты кто!

Он чуть-чуть наклонил стакан, и еще несколько капель виски вылилось ей на живот. — Негодяй, —

пробормотала она. — Впустую расходовать хорошее виски.

Он опустился возле нее на колени.

— Так давай не расходовать виски впустую.

Они оба услышали звук ключа в двери.

Палмер встал. Быстро поднял ее на ноги. Она кинулась к двери в спальню. Успела схватить свою одежду, заметил Палмер. И повернулся к входной двери. Увидел, что она приоткрывается. Бросил взгляд на дверь в спальню — закрыта. Неторопливо подошел к бару и поставил стаканы. Увидел, что она оставила на софе что-то из своих вещей. Но это можно было принять за его одежду. Заметил на ковре маленькое пятно от виски. И снова оглянулся на входную дверь.

— Дорогуша, для банкира ты неплохо устраиваешься.

Тонкая нижняя губа Бернса скривилась в притворном восхищении. Он закрыл за собой дверь. Она захлопнулась с резким металлическим звуком.

Палмер увидел, что Бернс поставил свой дорожный саквояж на столик в передней. Просмотрел конверты, лежащие там. И повернулся к Палмеру, все еще улыбаясь:

— Почему бы тебе не одеться или хотя бы накинуть что-нибудь?

Палмер подошел к бару, взял из двух стаканов тот, что остался нетронутым, и неторопливо отпил из него. Поинтересовался:

— Каким образом тебе удалось вернуться в город так быстро?

— Один из этих самолетов авиалинии Могавк до Ньюарка. Вертолет до Западной Тридцатой улицы. Такси сюда. Два часа.

— В удивительном мире мы живем. — Палмер допил свой стакан. — Виски?

Оглянулся на Бернса, который медленно, изучающе обходил гостиную. Его волосы пшеничной желтизны особенно ярко сияли в лучах солнца. Он наклонился над софой, взял черный бюстгальтер, стал рассматривать фирменную марку с указанием размера.

— Тридцать шесть С, — пробормотал он. — Что называется полный. — Его подвижный рот изобразил милостивую «я в мире со всем миром» улыбку. Он взглянул на Палмера: — Теперь я начинаю понимать, как ты сохраняешь форму, Вуди, деточка. Ни одной унции жира на тебе, угу?

Палмер взял свои трусы, лежащие тут же на софе и надел их.

— Не побудете ли в кухне, чтобы она могла уйти?

— Предполагается моя неосведомленность о том, что это Джинни?

— Раунд первый. — Палмер натянул майку. — Раз так, я лучше отдам ей бюстгальтер.

— Действуй. Это называется, гм, оказать поддержку.

— Ха. — Палмер постучал в спальню. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и он просунул бюстгальтер.

— Он знает, что это ты, — сказал он.

— Понятно. — Она захлопнула дверь.

— Похоже, что она разозлилась, — приветливо заметил Бернс. — Но на кого она злится?

Палмер сел на софу. Неторопливо надел носки, пристегнул резинки. — Если бы я был на ее месте, — сказал он, — я, пожалуй, не знал бы, с кого начинать. — Он встал, влезая в штанины, снова сел и зашнуровал ботинки. Взглянул на Бернса и добавил: — Я тоже не знаю.

— Уж на меня-то не стоит злиться. В конце концов, дорогуша, ты неплохо попользовался моей квартирой.

Дверь спальни открылась, и Вирджиния прошла между двух мужчин, мимо них, к окну. Освещенная солнцем, она открыла пудреницу, внимательно рассмотрела свое лицо и подкрасила губы.

Повернулась к мужчинам:

— Хелло, Мак!

— Очень мило. — Бернс кивнул: — Сожалею, что не рассчитал время.

Она подняла брови:

— Да? — Глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. — Ну, у меня дела в конторе. Джентльмены, до свидания.

Мак поднял руку:

— Здесь у тебя тоже есть дела, Джинни. К чему спешить?

— Какие дела?

Бернс повернулся к бару:

— Нам следует выпить. И одновременно мы должны обсудить парочку вопросов. Палмер, завязывавший галстук, почувствовал, как сжалось его сердце. Смысл слов Бернса был совершенно ясен, иное толкование исключалось. Палмер надел пиджак и смахнул с рукавов белые ворсинки ковра. — Давайте отложим это, — сказал он. — Нам предстоит долгий день и долгий вечер. Мы, так или иначе, увидимся сегодня вечером на свадебном приеме.

— Верно, — согласился Бернс. — Я совершенно забыл о свадебном приеме. Но, Вуди, там вряд ли можно будет поговорить о делах. — Он налил виски в три стакана. Добавил в каждый воды. — Выпьем! — Приказ прозвучал исключительно любезно.

Палмер и Вирджиния молча взяли стаканы. Бернс поднял свой.

— Мой любимый тост, — сказал он. — За любовь! — Он сделал глоток и увидел, что пьет лишь он один. — В чем дело? Ведь вы оба влюблены, не так ли?

Вирджиния сидела в кресле у окна. Яркое солнце тонуло в ее черных волосах, оставляя лишь легкие искорки. Ее тонкое лицо было в тени и казалось неподвижным. Она держала стакан, не глядя на него.

— Мак, интересно, почему, когда ты произносишь это слово, оно становится таким грязным?

— Ох, ради бога, ребята, — неожиданно весело воскликнул Бернс, — давайте не превращать это в поминки! Я знаю толк в таких вещах. Я был женат трижды. Я эксперт.

— Может быть, вы окажете любезность объяснить, какие именно «такие вещи» вы имеете в виду? —

спросил Палмер, не потому, что он интересовался объяснением, а из естественного желания отложить другое неизбежное объяснение.

— Любовные связи, — сразу же откликнулся Бернс. — Пройдите через все то, что я прошел, и вы тоже станете экспертами по сексу, любви и так далее. Было бы у меня время, я мог бы написать книгу. Ради денег, конечно.

— Для меня это новая и отвратительная сторона твоей натуры, Мак, — заметила Вирджиния. — Стремление давать советы брошенным возлюбленным.

— И особенно я специалист по внебрачным связям, — заявил Бернс, неодобрительно глядя на Палмера. Желтовато-коричневатые глаза Мака почти сверкали. — Вы женитесь на девушке, да? Она привлекательна, как Эдис. Стройная, гибкая, высокая. Как хорошо я представляю себе Эдис невестой. Ее походку. Ее манеру говорить. Она выглядит, как пара миллионов долларов в свободных от налогового обложения облигациях муниципалитета. У меня слабость к девушкам такого типа. И ты был когда-то таким, Вуди. Но не буду переходить на личности. Этот, гм, воображаемый парень женится на воображаемой девушке. Оба они считают это огромной удачей, и, кроме того, они испытывают удовольствие, сознавая, что их связь в высшей степени законна, даже патриотична. А потом жизнь идет. Они слишком много видят друг друга. Слишком уж все дозволено. Жена изменяется быстрее в глазах мужа. А когда ее муженек впервые совершит извечный акт Грехопадения, она нокаутирована. Появляется безошибочный симптом: Великое Американское Женское Разочарование. Она понимает,

что она не может стать Амелией Эрхардт, мадам Кюри или Клэр Бут Люс, и приходит к выводу, что единственное, что ей остается, — это рожать. Если она выбралась к этому времени из глубин своей супружеской любви, она прекратит рожать, произведя на свет первенца. Если же она каким-либо образом убедит себя в благополучии своей семейной жизни, она родит второго, третьего и даже четвертого ребенка, испытывая при этом ненависть к себе самой. Но в любом случае она знает, что довело ее до такого состояния. Это та самая дозволенность, которой пользуется ее муженек. И теперь ее отношение к мужу уже никогда не будет таким, как раньше. Она сама сначала еще не осознает этого, а муж уже понял. И может быть, годы пройдут, прежде чем он решит — что же ему в связи с этим делать. А потом он обманывает. И, боже всемогущий, здесь-то и начинается истинное физическое наслаждение. Оно дикое, оно грязное, оно незаконное, и оно такое утоляющее, какого он никогда раньше не мог даже вообразить. Он чувствует себя настолько свободным, что едва верит этому. Абсолютно ничто не ограничивает этого парня. — Бернс снова поднял стакан: — За любовь!

На этот раз Палмер и Вирджиния пригубили свои стаканы.

Бернс тихо рассмеялся:

— Если я понял хоть что-нибудь в сексе, пройдя довольно трудную школу, то должен сказать: любовница это одно, а жена — нечто совершенно другое. Даже если та же самая девушка, которая была любовницей, становится женой, она уже не та. Это совершенно разные вещи, как манная каша и... баклава [Острое восточное блюдо].

Вирджиния кивнула, поставила свой стакан, поднялась.

— В качестве баклавы должна вам сообщить, что меня ожидает работа в конторе. Еще раз до свидания.

— Господи Иисусе, неужели я столь скучен? — воскликнул Бернс. — Ладно. Я становлюсь увлекательным. Вудс Палмермладший. Билль об отделениях сберегательных банков пройдет. Будет принят не подавляющим, но достаточным большинством голосов. С течением времени мысль о том, что билль может пройти, будет казаться все более и более вероятной. К моменту общего собрания ваших акционеров слухи о том, что билль пройдет, настолько распространятся, что там у вас будет твориться полная неразбериха. Уже готовы вопросы, которые будут задавать раздраженные держатели акций, и Бэркхардт будет выглядеть как беспомощный дурак, пытающийся оседлать необъезженного коня. То есть он будет выглядеть таким, каков — мы оба это знаем — он и есть на самом деле. Верно?

— Это ваше толкование, — сказал Палмер, подчеркнув слова жестом, со стаканом в руке.

— Верно. — Бернс добавил виски в свой стакан. — Еще? — Он взглянул на Вирджинию, потом на Палмера. Оба отказались. — Далее, — оживленно продолжал он, — две недели назад мы послали Бэркхардту предложение для включения в повестку дня общего собрания. Ты знаешь, какое предложение я имею в виду?

Палмер нахмурился:

— Я не слышал ни о каком предложении.

— Группа оппозиционно настроенных акционеров предлагает расширить совет с семи до семнадцати человек, назначив десять новых директоров. Поскольку предложение было внесено в положенный срок, оно, согласно установленному порядку, автоматически включается в повестку дня. И ставится на голосование. И надеюсь, Вуди, ты не будешь особенно удивлен, если я тебе скажу, что к моменту собрания мы предполагаем обладать контрольным пакетом акций?

Палмер медленно покачал головой.

— Бэркхардт не упоминал об этом предложении, — сказал он с хмурым недоумением. И добавил, не то кашлянув, не то фыркнув: — Что это, черт возьми, нашло на старого подонка?

— Страх, — подсказал Бернс.

Наступила долгая пауза. Потом Вирджиния подошла к бару и долила виски себе в стакан.

— Я довольно ясно представляю себе, кто будет в числе этих новых десяти директоров. Она повернулась к Палмеру: — Ты ведь знал, что они так и сделают, — сказала она. — Хуже всего, что они могут победить. Это просто идиотство.

Палмер кивнул:

— Да, конечно. — Ему показалось, что его голос звучит виновато, и он как бы оглянулся мысленно на ее слова, пытаясь понять, обвиняла ли она его или ощущение вины было лишь в его собственном сознании.

— Не упрекай его, — сказал Бернс, решив за Палмера эту проблему. — Он вступил в свои права, когда

машина уже мчалась на огромной скорости. Никто в мире уже не смог бы ее остановить.

— А ведет машину чье-то горячее желание, Мак, — заключила Вирджиния. — Ты пока не победил, и ты не очень-то уверен в победе.

Бернс непринужденно усмехнулся:

— Джинни, ты просто гений.

— Знакомство с тобой было хорошей школой.

Острый подбородок Бернса дернулся в сторону Палмера.

— Знакомство с ним, видно, также не нагнало скуки. — Он негромко захихикал. — Ладно. Я не настолько уверен в победе, как мне хотелось бы. Для решения задачи не хватает одного лишь звена. Присядь, милочка. — Он указал на стул. — Начиная с этого момента продвижение вперед становится трудным.

Она села на софу рядом с Палмером. Он почувствовал, как к его бедру прижалась мягкая выпуклость ее бедра.. Но на этот раз близость ее тела не возбудила его. Палмер знал, что на лбу его выступили капли пота, но, не желая обнаруживать внутреннего напряжения, не вытирал их. Вместо этого он постарался изобразить на лице небрежную заинтересованность. Он испытывал ужасную усталость. Этот Бернс, с его фокусами, то мягкий и понимающий, то жесткий и требовательный, начинал приводить его в смятение внезапностью перевоплощений. Палмер беспокойно вздохнул.

— Выкладывай, Мак.

— Новый глава — украшение фирмы, — быстро откликнулся Бернс. — Тот, кто заменил бы Большого Папу Бэрхардта. Испытанный и верный, прошедший огонь и воду, всем банкирам банкир, под современным, более молодым управлением которого было бы обеспечено развитие ЮБТК на здоровой основе. Это и есть недостающее звено, Вуди. Ты.

— Твоей группе не удастся заставить наших директоров купить меня в качестве замены.

— Ты пройдешь. С определенной поддержкой, разумеется. Ты же не будешь единственным нашим человеком там.

— Я терпеливо ждал, когда будет упомянуто имя Клиффа.

— Ты знал? — спросил Бернс.

— Подозревал. Мистер Мергендал вполне хорош.

— Не так хорош, как мы думали, а?

— Достаточно хорош, чтобы стать номинальным главой, который нам нужен. — Теперь Палмер чувствовал, как покрывается потом его лицо, шея и грудь. — Почему не использовать Мергендала таким образом?

Бернс сокрушенно покачал головой:

— Как мало еще ты знаешь об общественных связях, дорогуша. Первая заповедь: соблюдай декорум. Не важно, что происходит за сценой. Люди смотрят спектакль. Какое впечатление произвело бы на общественность, если бы мы, перескочив через нашего вице-президента — исполнителя, посадили на высший пост простого казначея? И когда я говорю

«общественность», я имею в виду не только тысячи наших простодушных акционеров, но также и наших вкладчиков.

— Приятно слышать, как ты произносишь «наших». У тебя это очень хорошо получается.

Улыбка Бернса выразила удовольствие.

— С тобой, Вуди, в качестве замены уход Бэркхардта — просто обычная отставка, сопровождаемая твоим выдвижением. Повседневный случай. Великолепные декорации. Я разрисовывал подобные десятки раз. И ни разу не случилось, чтобы зрителям не понравилось.

— Я был бы слабой заменой.

— Ну, нет. Я уверен, что ты будешь сенсацией.

— Если даже вы сумеете заставить меня пойти на это, — сказал Палмер, — вы в дальнейшем никогда не будете уверены во мне. С чего ты взял, что я буду с вами заодно? С чего ты взял, что я соглашусь на этот дикий заем Джет-Тех?

— Ты ведь за него?

— Я был в принципе за такого рода займы. — Палмер наклонился вперед. — Но сейчас все это не важно, Мак. Ты должен усвоить лишь один-единственный факт: то, что я этого не сделаю. Не позволю использовать себя для того, чтобы свалить Бэркхардта. Не соглашусь его заменить. Не дам своего одобрения на заем.

Узкие руки Бернса раскинулись в обе стороны ладонями вверх, так, словно обладатель их признавал

себя побежденным в схватке с превосходящими силами. С подкупающей прямоотой Бернс заявил:

— Я говорю тебе, ты сделаешь все.

После секундного молчания Палмер, не спуская глаз с Бернса, подмигнул:

— Ты пробуешь шантажировать, используя то, что застал здесь сегодня. — Палмер уселся на софе поглубже. — Не сработает. Твое свидетельство столкнется с моим. Грязная сплетня — вот все, что есть у тебя в запасе. Она может создать напряженные отношения между Эдис и мной. Она может даже повлиять на нескольких директоров. Но я ее опровергну. Я уничтожу твою репутацию, рассказав им, как ты с самого начала вел с нами двойную игру. Они быстро перестанут тебе верить.

— Ты хочешь поставить на карту свою работу и свою семейную жизнь, а?

— И ее работу, — добавил Палмер, указывая на Вирджинию, — и ее репутацию.

— У тебя чертовски широкая натура, Вуди. — Нижняя губа Бернса искривилась в саркастической усмешке. — В смысле денег твоя работа не имеет для тебя никакого значения. Свою семью ты уже готов был поломать, так или иначе. Стало быть, чьими же фишками ты сейчас играешь?

— Я ду... — начала Вирджиния, но слово жестко застряло где-то в горле. Она откашлялась. — Я думаю, это хорошая ставка. Не важно, чьи фишки он использует, но он еще может тебя обыграть.

— Не так это легко, — заявил Бернс.

— Не так уж трудно, — парировал Палмер, — поскольку мне надо лишь опровергнуть голословное утверждение.

Бернс щелкнул пальцами.

— Ребятки, я так взволнован и расстроен и все такое, что забыл самое главное. — Он подошел к радиоле и, наклонившись, стал доставать что-то из ее глубины. И внезапно Палмер догадался, что это. Инстинктивно, подсознательно следуя направлению мысли Бернса, а может быть, помог опыт бывшего разведчика, только Палмер со свинцовой убежденностью человека, оказавшегося на пути снежного обвала, твердо знал, что достает Бернс из своего тайника.

Бернс осторожно поставил на крышку радиолы черный ящичек — меньше коробки для обуви, — за которым тянулась тонкая проволока, и легким щелчком откинул крышку маленького магнитофона.

— Двадцать два с половиной? — услышал Палмер свой вопрос.

Желтые брови Бернса вопросительно поднялись. Он медленно повернулся, чтобы взглянуть в лицо Палмеру:

— Ты догадываешься, да?

— Просто вычисляю кое-что, — объяснил Палмер. Секунду он помолчал. — У тебя запас ленты примерно на пять часов. Как же ты его включал... — Палмер запнулся. — Телефон! — Он повернулся к Вирджинии: — Помнишь телефонные звонки, на которые мы не отвечали?

Она кивнула.

— Но как?..

— Другой телефонный звонок выключал его после нашего ухода. Мы не слышали, поскольку нас уже не было здесь. — Палмер заметил, что он съехал на край софы и снова уселся глубже. — Остроумно. Но случайный звонок сюда нарушил бы всю комбинацию.

— Случалось пару раз, — подтвердил Бернс. — Я прослушал запись два дня назад. Некоторые сеансы пропали из-за случайных телефонных звонков. Но не все пропало, — добавил он с тонкой усмешкой.

Он нажал кнопку, и катушки магнитофона начали медленно вращаться. Бернс, расстегивая воротник рубашки, отошел от магнитофона. — Переменю-ка я рубашку, — пробормотал он. — Это дубликат, ребятки, с полным отредактированным текстом. Оригинал у меня в конторе. Счастливо слушать!

Он ушел к себе в спальню, оставив магнитофон включенным. Секунду спустя лента воспроизвела негромкий шелест. Палмер смог услышать звуки шагов, потом стук в дверь.

— Ты в приличном виде? — услышал Палмер свой голос. Он звучал безжизненно. Но невозможно было не узнать глуховатый тембр его среднезападного говора.

— Всегда, — воспроизвел маленький микрофон голос Вирджинии. Точнее, оловянную копию ее голоса. — Я бы хотела запрянуть твой взгляд в бутылку. Мне хотелось бы закупорить эту бутылку и открывать ее только в тех случаях, когда мне будет нужна моральная поддержка.

— В моей поддержке нет ничего морального.

— Вот именно. Немного поздно спрашивать, но, кажется, я тебе нравлюсь?

— Да.

— Ты сказал это без запинки.

— Не надо язвить. Сегодня ты сделала для меня достаточно много без этого.

— А я все время думала, что ты делаешь это для меня.

— Ну, видишь ли, в твоей жизни, вероятно, есть целая дюжина мужчин, готовых наброситься на тебя при первом же удобном случае.

— Откуда ты знаешь столько обо мне и о дюжине мужчин в моей жизни?

— Я не знаю. Но ты очень привлекательна.

— Спасибо. Я собираюсь удивить тебя.

— Опять?

— Видишь ли, я... Как мне тебя называть? На работе я знаю. А здесь как?

— Очень долго меня называли Младшим. Никогда не пытайся делать этого.

— Видишь ли... Вудс... Вуди?

— Давай, давай. Мучайся.

— Вудс, я хочу сделать удивительное признание. По крайней мере для меня оно удивительно. Я подсчитала, пока принимала душ. Уже почти два года, как со мной не случилось ничего подобного.

— Ты права. Это удивительно.

— Не правда ли? И это не потому, что я сама не хотела — несколько раз.

Слушая запись, Палмер беспокойно поерзал на софе и мельком взглянул на Вирджинию. Она наблюдала за ним, но быстро отвела взгляд.

— Мне жаль нью-йоркских мужчин, — задрезжал голос Палмера из крошечного магнитофона.

— Я расскажу тебе о нью-йоркских мужчинах, с которыми встречалась. Но не сейчас. Я чувствую, что нам пора освободить помещение.

— По очереди.

— Строго по очереди. Я выйду первая. Но прежде чем уйти, я немного приберу здесь.

— Нет, я это сделаю сам.

— Мне нетрудно.

— Я сам это сделаю, — настаивал его голос. — Я гораздо лучше знаю, как это делать.

— Я знаю это настолько хорошо, — прервал Палмер свой голос на ленте, — что я не смог даже представить себе наличие такой маленькой симпатичной штучки.

— Один поцелуй вот в таком виде, — попросил голос Вирджинии с ленты. — Когда я оденусь, будет не то.

На секунду лента умолкла. Ее шелест внезапно стал резче: непрофессионально выполненное соединение стерло начало другого куска записи. Палмер снова взглянул на Вирджинию, и на этот раз они долго, выжидательно наблюдали друг друга.

— Вот тут есть прелестная вещица.

— Да.

— Как она себя чувствовала все эти дни?

— Так же, как в прошлый раз.

— Ты довольно-таки волосатый для блондина.

Сейчас, услышав это ее замечание, Палмер скривился. Запись продолжала дребезжать. Вирджиния смотрела в сторону.

— Подложи себе под голову, — предложил ее голос с ленты. — Ковер не такой уж мягкий.

Палмер поднялся и медленно подошел к магнитофону, на некоторое время перестав прислушиваться к записи и вместо этого пытаюсь определить ее важность. Голоса можно было узнать. Его имя точно устанавливалось из диалога. Обстоятельства — то, что оба они были голые, — также подтверждались. И...

— Мне до смерти хочется, — пожаловался голос Вирджинии из кудахтающего магнитофона, — чтобы мы могли быть обыкновенными тайными любовниками. Женщина засыпает. Мужчина, одеваясь, ходит по спальне на цыпочках. Утром она просыпается, чтобы обнаружить его уход и деньги на туалетном столике. Вместо этого ты спишь, а мне остается изучать свои собственные внутренности.

Палмер нажал кнопку, выключая магнитофон, и секунду-две взирал на неподвижные катушки. Потом нажал кнопку сматывания ленты и послушал, как два их голоса, быстро прокручиваемые в обратном направлении, превращали их любовь в бессмысленную визгливую мешанину — две карликовые мартышки в период течки.

— Хочешь взять этот дубликат? — спросил Бернс, входя в комнату. Он остановился, застегивая запонки, резко сверкавшие в ярком солнечном свете. — Тут есть избранные места, которые ты, может быть, захочешь восстановить в памяти потом, на досуге.

— Я чувствую, — мрачно сказала Вирджиния, — что в течение по крайней мере месяца или двух ни у кого из нас не будет большого досуга.

— Тогда, стало быть, все согласовано, — сказал Бернс. Он раздернул молнию на брюках, заправил рубашку, снова затянул молнию и пояс.

Палмер следил, как сматывается последняя лента. Услышал, как тихо щелкнул ее свободный конец. Выключил магнитофон. Хотел было взять катушку. Не взял.

— Кто помог тебе с этой штукой, Мак?

— Никто.

— Я имею в виду переключатель на телефоне.

Дополнительная проводка, все такое.

— Но правда же, никто, дорогуша, — заверил Бернс. — Эта штука здесь не первый год. Под рукой, на всякий пожарный случай.

Палмер помолчал, собираясь с мыслями. Без особенных затруднений он мог положить в карман эту катушку. Но мог ли он, например, принудить Бернса позвонить в его контору, чтобы подлинник был доставлен сюда?

— Бери эту катушку, старик, — сказал Бернс. — Подлинник заперт в стенном сейфе у меня в конторе. — И, проявляя свою поразительную способность

предугадывать ходы противника, добавил: — Никто, кроме меня, не знает комбинации сейфа.

Палмер подошел к застекленной стене. Послеполуденная автострада не отличалась густым движением. Косые лучи солнца сверкали на кузовах проходящих машин и отражались в ветровых стеклах других автомобилей, пересекающих мост Куинсборо. Полицейский вертолет взбалтывал небо над крышами домов. Альтернатива ясна, сказал себе Палмер: подчиниться Бернсу или быть опозоренным перед лицом общественности. Но вот куда было не легко проникнуть интеллекту Бернса, — это в спутанную поросль чувств Палмера по отношению к возможности общественного скандала. Действительно, теперь, рассуждал Палмер, Эдис по закону штата Нью-Йорк получила бы основания для развода, что означало бы выплату им, Палмером, в качестве виновной стороны фантастически высоких алиментов на содержание семьи. У него осталось бы меньше половины всего его денежного имущества, возможно одна треть. Его служба в ЮБТК, конечно, немедленно прекратилась бы, точно так же, как и служба Вирджинии. Развод был бы сенсационный, с магнитофонной записью, проигрываемой в зале суда, с газетными «шапками» в течение нескольких недель; фигурировали бы сальные намеки на политический скандал, тайное любовное гнездышко, словом, газеты выжали бы из этого дела все, что возможно для максимального эффекта.

И это было бы нелегко выдержать, сказал себе Палмер, но, как все на свете, это в конце концов прекратилось бы. И после этого он все равно сохранил бы положение, которое большинство людей назвали бы приличным. Остались бы деньги, которых могло хватить

надолго, если их правильно распределить. Возможно, ему пришлось бы переехать в другую страну, но это лишь способствовало бы ограничению его расходов рамками скромного образа жизни. Ему было бы отказано в праве свободно видеться с его детьми, но они скоро станут достаточно взрослыми и самостоятельными. И они смогут восстановить нити родственной связи со своим отцом. Возможность такого развития событий казалась, чем больше Палмер думал о ней, если не приятной, то, во всяком случае, приемлемой. Он отвернулся от окна и подождал секунду, пока его глаза не приспособились к менее яркому в комнате освещению. Бернс и Вирджиния наблюдали за ним. Что ж, в последующие месяцы он окажется под взглядами многих людей, если выберет то, что труднее. О нем будут говорить и думать далеко не лестно. И тем не менее постыдна ли такая перспектива?

Палмер медленно отошел от окна. Он сознавал, что должен тщательно взвесить свои мотивы. Например, должен быть совершенно уверен, что не ощущение пойманности на месте преступления заставит его для искупления грехов пойти на публичный скандал. Он видел теперь, как плохо, что он так мало знает самого себя. Было бы самой большой ошибкой принять неверное решение, руководствуясь эмоциональными — и тем самым необоснованными — причинами.

— Могу ли я суммировать? — спросил он Бернса.

— Если тебе это необходимо, миленький.

— Быть пешкой Джет-Тех в задуманных интригах. Или же ты отнесешь магнитофонную запись моим нанимателям и моей жене.

— Не только запись, Вуди. У меня есть свидетели приходов и уходов. Швейцары, уборщики на первом

этаже. И в конце концов, ведь должен был кто-то звонить по телефону, чтобы магнитофон переключался. Понимаешь.

— То есть все сложенное вместе — это своего рода узел с документами для безотлагательного развода.

— Прекрасно, дорогуша. Очень хорошо сказано. — Бернс шагнул к зеркалу, висевшему над баром, и приладил галстук. — Но ты не обращаешь внимания на парочку обстоятельств в узле ДжетТех. Ты должен понять, что мы не можем поднять тебя, имея в виду твои годы, до председателя совета. Мы столкнем Бэркхардта под какой-нибудь, гм, бессмысленный титул, например председателя исполнительного комитета или что-нибудь в этом роде. Ты же будешь президентом и главным должностным лицом. И твой заработок, старина, поднимется до... примерно, ну, до такого, как ты пожелаешь сверх ста тысяч в год. Скажешь двести тысяч — получишь. Хочешь долю в контрольном пакете акций — она твоя. Этого оригинала Лумиса можно считать кем угодно, но он джентльмен.

— Можно было бы сказать почти то же самое и о тебе, дорогой Мак, — добавила Вирджиния.

Палмер вышел в переднюю и надел пальто. Вернулся в комнату, держа ярко-красный жакет Вирджинии. — Как далеко простирается безграничная щедрость Лумиса? — спросил он. — У меня имеется эта соучастница, которая должна бы получить кое-что для себя.

— Назови сколько, дорогуша, — сказал Бернс.

— Назови сколько, дорогуша, — обратился Палмер к Вирджинии.

Ярко-красный цвет жакета Вирджинии, еще более интенсивный в лучах солнца, отразился на щеках всех троих какимто лихорадочным румянцем. Палмер помог Вирджинии надеть жакет.

— Я потрясена, — пробормотала она.

— Итак, ваше слово, ребятки? — спросил Бернс.

Палмер надел шляпу.

— Ты нажимаешь, Мак.

— Имею все основания.

— Верно. Но в таком случае зачем нажимать? Или может быть, не так все гладко и отработано, как кажется?

— Ты-то знаешь, что все в полной готовности, — заверил Бернс. — Я нажимаю, потому что мне дан крайний срок.

— Предположим, я дам тебе ответ сегодня вечером, на свадебном приеме.

Бернс недовольно поджал свои тонкие губы.

— Деточка, — начал он. Секунду-другую слово висело в воздухе. — Деточка, ты знаешь, что, если бы я захотел заставить тебя принять решение сию же секунду, у меня нашлось бы средство сделать это.

— Но ты предпочитаешь получить решение, принятое без нажима и в порядке доброй воли.

На лице Бернса выразилось огорчение.

— Увидимся на приеме, Вуди. Но больше уклоняться ты уже не сможешь. Понятно?

Палмер кивнул. Взял Вирджинию под руку.

— Выйдем вместе и спустимся на главном лифте.

— Мистер Палмер! От ваших слов у девушки захватывает дыхание.

Палмер беспечно и элегантно провел Вирджинию к лифту.

Глава пятьдесят пятая

— В сущности, мне совсем не хочется идти, — говорила Эдис, сидя перед зеркалом туалетного столика и равнодушно нанося на лицо тон. Мелкая сетка почти незаметных морщин уже скрылась под гладкой девичьей маской.

Закончив бриться во второй раз за этот день, Палмер вышел из ванной комнаты. Он знал, что, даже когда он не свежевыбрит, это у него, как у блондина, не заметно, но вечером, проведя рукой по щеке, он ощутил шершавость, и именно она, а не какой-либо внешний признак заставила его побриться еще раз.

— Это может оказаться даже любопытным, — ободряюще сказал он. — Там будут знаменитости, кроме нас с тобой. И будет изысканный стол.

— Если любишь еврейскую кухню, — добавила Эдис почти *sotto voce* [Вполголоса (ит.)], не открывая рта, занятая подкрашиванием губ.

— Я слышу недоброжелательную нотку.

Эдис вздохнула:

— Можно хорошо относиться к евреям и не любить их кухни. Еда всегда переварена, и в ней недостает приправ. Многие мои друзья просто терпеть не могут еврейской кухни. Палмер изобразил смешок, ему очень хотелось привести Эдис в лучшее расположение духа: — Это напоминает мне шутку, рассказанную Бернсом.

Эдис подняла брови:

— Вы так проводите с ним время?

— В Бруклине открылся китайский ресторан, — торопливо продолжал Палмер. — Первый же посетитель, просмотрев меню, воскликнул: «Помилуйте, у вас тут pizza, lasagna, manicotti, parmigiana [Названия итальянских блюд.] из баклажанов! И вы называете это китайской кухней?» Официант ответил, пожав плечами: «Что поделаешь? Мы же находимся в еврейском районе».

Эдис кончила подкрашивать губы и принялась за глаза.

— Эта шутка, — произнесла она тихо, каким-то отсутствующим голосом, явно сосредоточив все внимание на глазах, а не на своих словах, — смешна только для ньюйоркца. Если ты хочешь привести меня в хорошее настроение, напрасно стараешься.

— Зачем, черт побери, мне нужно твое хорошее настроение? — спросил Палмер, достаточно уязвленный для того, чтобы выбирать слова. — Ты мне нравишься, какая ты есть.

— Вот именно, дорогой, — пробормотала она, осторожно проводя вдоль века темно-коричневую линию. — Скажи мне только одно, и я поеду в «Плаза» если не с радостью, то по крайней мере без особой злости.

— Спрашивай.

— Скажи, что мы можем приехать в девять и уехать в десять.

— Мы можем приехать в девять, но я не могу уехать оттуда в десять.

— А я? — настаивала она.

— Как хочешь.

— Договорились. — Теперь она занималась ресницами, нанося черную тушь резкими движениями снизу вверх. На глазах у Палмера лицо Эдис приобретало краски и становилось интересным. Из женщины с бледным, каким-то застиранным, почти монашеским обликом Эдис превращалась в красавицу. Он прислонился к стене рядом с зеркалом и продолжал наблюдение.

Поскольку был запланирован довольно обильный стол а-ля фуршет, гости были приглашены в «Плаза» к 7.30 вечера. Тем не менее, прибыв к 9 часам, Палмеры обнаружили полупустой зал. На столах благодаря огромному опыту обслуживающего персонала только начинали расставлять блюда с закуской.

Палмер вручил отпечатанный пригласительный билет одетому в униформу метрдотелю, который, сделав шага два в комнату, объявил негромким, но хорошо поставленным голосом:

— Мистер и миссис Вудс Палмер-младший, — читая каллиграфическую надпись на плотной зеленоватой карточке.

Несколько человек, стоящих недалеко от двери, сразу же прервали беседу и широкими улыбками приветствовали чету Палмер. Как бы по команде, джаз из семи человек разразился замысловатым ча-ча с похожими на пистолетные выстрелы ударами барабана-бонго и шипящей трясучкой маракаса.

От группы отделился мужчина с приятным лицом. Хотя до этого они встречались только однажды в Олбани, Палмер слышал о нем довольно много. Под редкими, подстриженными ежиком волосами помощника губернатора штата виднелась лысина, настолько розовая,

насколько вообще может стать таковой человеческая кожа без какого-либо искусственного вмешательства. Будучи по профессии инженером, он, прежде чем заняться политикой, несколько лет преподавал в одном из местных колледжей. Что-то и сейчас осталось в нем от профессора, решил Палмер. Хотя бы, например, его стремление к систематизации, которое проявлялось и при обсуждении политических дел. Он был также одним из немногих знакомых Палмеру профессиональных политических деятелей, чье лицо с годами избороздили морщины, устремленные вверх, а не складки и морщины, бегущие вниз, характерные для людей, одержимых постоянным беспокойством. Глаза у помощника губернатора были почти такие же голубые, как у Бэркхардта. Над ними возвышался лоб, изрезанный горизонтальными линиями, что показалось Палмеру признаком веселого цинизма.

— Вудс, — произнес он низким, невозмутимо размеренным голосом, — очень любезно с вашей стороны, что вы пришли.

— Губернатор, это моя жена, Эдис.

— Очень рад, миссис Палмер. Позвольте представить вас моей жене, Сайме. Дорогая, мистер и миссис Палмер из «Юнайтед бэнк». — На лице маленькой женщины появилась какая-то смятенная улыбка, обычная для матерей, чьи дочери выходят замуж.

— Здравствуйте, миссис Адлер, — сказала Эдис. — Для вас это, конечно, большое событие. Столько всяких забот.

Миссис Адлер пожала своими узенькими плечами — жест самоуничижения в какой-то мере.

— У меня ведь не так много дочерей, которых надо выдавать, — сказала она и повернулась к стоящей рядом с ней девушке. — Вот — невеста. Мим, познакомься, мистер и миссис Палмер. Моя дочь Миранда, а это ее жених.

О девушке вряд ли можно было сказать, что она достигла брачного возраста. Палмер улыбнулся ей и в ответ получил странную, усталую улыбку. Он почувствовал, как Адлер прикоснулся к его руке и ловко отвел его от этой группы, встречающей гостей.

— Дитя моей старости, — пробормотал он вполголоса.

— Сколько их еще у вас? — спросил Палмер.

Они направлялись к бару.

— Два сына. Обоим больше тридцати, и у каждого по двое детей. Мим еще учится в колледже. У нее с мальчиками большая разница в возрасте.

— Миранда, — сказал Палмер, — дочь Просперо. Вы, значит, чародей.

Рот Адлера слегка искривился, как бы проглатывая эту реплику. — Старый волшебник предлагает вам шампанское, — сказал он, делая знак буфетчику.

— Моей дочери одиннадцать, — сказал Палмер, беря два стакана. — А сыновья — один старше, а другой — моложе ее.

— К моменту ее свадьбы, мой друг, — произнес Адлер, — вы благословите тот день, когда стали банкиром. — Он пробежал глазами по комнате. В дверях стояли только что прибывшие гости. — Я не понимаю, почему она просто не убежала со своим возлюбленным,

чтобы у меня осталось хоть несколько долларов в сберегательном банке.

Палмер засмеялся:

— Вы, как вкладчик, очень интересуетесь биллем об отделениях сберегательных банков.

— С тем, что стоит весь этот прием, у меня не осталось денег, чтобы интересоваться. — Адлер грустно усмехнулся: — Я должен пойти поздороваться. Будьте как дома. — Он направился к двери, а Палмер подошел к Эдис и протянул ей шампанское. Они подняли бокалы в честь молодоженов.

— Желаю много счастья, — сказала Эдис.

У девушки были совершенно белые щеки и голубые тени под глазами. Она кивнула:

— Спасибо, миссис Палмер. — Когда были представлены вновь прибывшие, Палмер с женой отошли.

— Только подумай, — сказала Эдис, — она в таком напряжении, что кажется, в ней не осталось ни кровинки, и все же она запомнила нашу фамилию.

— Дочь политического деятеля не забывает таких вещей.

— Расскажи мне немножко об этих людях, дорогой.

— Адлер? Он уникален. У него репутация честного человека.

Возможно, так оно и есть. Сейчас он, кажется, основательно потрясен стоимостью этого сборища.

— Мак Бернс уже здесь? Я не вижу его.

— Мак приедет поздно, — предсказал Палмер, — в компании великолепной женщины. Это фирменная марка. А вон, как там его зовут, сенатор Соединенных Штатов.

— Откуда он?

— То ли с периферии, то ли из центра, забыл. Женщина, с которой он разговаривает, — жена губернатора. Это означает, что его превосходительство тоже здесь, но уединился с кем-нибудь, делая политику.

— А та пара, которая только что вошла?

— Боже мой, Эдис, ты должна бы знать, как выглядит наш мэр.

— А этот огромный мужчина рядом с ними? До чего странное лицо. Можно даже назвать его умным.

— Виктор Калхэйн. Я рассказывал тебе о нем, дорогая.

— Большой Вик. Потрясающе.

— Хочешь познакомиться с ним?

— Нет, пожалуй.

— Ты уже проголодалась?

— Нет.

— Еще вина?

— Я еще это не допила.

— Тогда давай танцевать.

— Никто не танцует, дорогой.

— Хочешь, чтобы я развлекал тебя карточными фокусами? — спросил Палмер.

— А ты умеешь?

Он кисло улыбнулся:

— Зрители всегда увидят фокус, если захотят.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать, что нельзя развлечь того, кто не хочет развлекаться.

— Ох, посмотри.

Палмер проследил за ее взглядом и увидел мужчину и женщину, каждому лет под семьдесят, начавших танцевать ча-ча.

Вначале Палмер даже не мог определить, что у них там не так. Все казалось совершенно правильным, но вместе с тем было в их танце что-то ужасно нелепое. Глаза женщины решительно уставились в какую-то точку сантиметрах в тридцати от ее лица, а губы едва заметно шевелились. Потом Палмер сообразил, что она считает и, кроме того, как бы смотрит крутящийся перед ее глазами учебный фильм и пытается мысленно представить, как бы сделал то или другое па учитель танцев. Ее партнер, отбросив всякую гордость, уставился на свои ноги с таким ошеломленным видом, будто не он сам, а какой-то волшебник вытаскивал их поочередно из груды мусора. То и дело кто-нибудь из них так сильно отставал от такта, что они, видимо, начинали чувствовать что-то неладное.

Решительным усилием они перескакивали тогда к следующему па, чтобы наверстать потерянный ритм. Но гораздо чаще оба они то отставали, то спешили примерно на полтакта и вовсе не замечали этого.

— Не думаю, что мы сможем превзойти их, — негромко сказал он Эдис.

— А кто-нибудь вообще смог бы? — спросила она. Потом тихо: — Вот и Бэркхардты.

Палмер следил, как те довольно быстро поздоровались с хозяевами, взяли шампанское, чокнулись с помощником губернатора и оглянулись, ища знакомых. Бэркхардт почти сразу же заметил Палмеров и повел к ним свою жену.

— Добрый вечер, Эдис, Вуди.

И прежде чем обе супружеские пары закончили приветствия, Бэркхардт взял Палмера за локоть и повернул на девяносто градусов в сторону, образовав таким образом еще одну беседующую группу.

— Где ты сегодня пропадал, черт возьми! — проворчал он.

— С Бернсом.

— В Олбани?

— Здесь. Он приехал около часа дня, весь набитый извинениями.

— Никогда не верь греку. — Бэркхардт сделал глубокий прерывистый вдох, однако не успокоивший его. — А что ты сам можешь сказать в свое оправдание?

— Только то, что, по-моему, мы на шаг дальше, чем нужно, зашли в своем доверии к Бернсу.

— Именно такой полуидиотской чепухи я от тебя и ждал, — сказал Бэркхардт, придвинувшись, насколько смог, ближе к уху Палмера и превратив свой голос в какое-то злобное урчание. — Что же ты собираешься предпринять? Или так и будешь стоять здесь, лакая дешевое шампанское.

— А вы что, получили «Болингер?» — спросил Палмер, глядя на босса широко открытыми глазами.

— Послушай, мальчик. — Голос Бэркхардта прозвучал так близко от уха Палмера, что ему показалось, будто он прислонился к какой-то тяжелой детали машины, вызвавшей неистовую вибрацию всей его черепной коробки. — Этот ублюдок надул нас, — сообщил Бэркхардт. — Я доверил тебе руководить им. До сих пор не могу понять, дурак ты или обманщик. Который из двух?

— Что бы вы предпочли?

Бэркхардт сделал шаг назад и уставился на Палмера своими жесткими голубыми глазами:

— Ради тебя, глупость.

— Вы знаете, что это не так. — Палмер изо всех сил старался ответить как можно шутливее. — Более месяца назад я уже предупреждал вас. Вы не обратили внимания.

— Меня не предупреждали, что будет выпущена эта его идея о поправке. Или это была и твоя идея?

— Его. Но я ее пропагандировал. Не имея от вас иных распоряжений, я продолжал поддерживать вашего человека, Бернса.

Глаза Бэркхардта превратились в щелочки.

— А что, если я вообще не прикажу тебе дышать, Вуди? Ты просто посинеешь и умрешь?

Палмер дружелюбно улыбнулся.

— Обычная болезнь одинокого вояки, Лэйн. Вы не попали бы в этот тупик, если бы могли заставить себя

передавать полномочия власти. Но сейчас, боюсь, уже слишком поздно.

— Вот именно, черт побери, — огрызнулся Бэркхардт.

— Надеюсь, вы правы.

— Я собираюсь поступить так, как должен был сделать с самого начала. Я битком набью хрустящими зелеными бумажками маленький черный чемодан, отправлюсь в Олбани и куплю все, что вы, чудачки, пытались купить для меня хитростью. К черту хитрость! Пора платить наличными.

— Пора сменить тему разговора, — ответил Палмер. — К нам направляется Мадиган.

Они разом подняли глаза на подходившего к ним коренастого мужчину лет пятидесяти пяти. Это был Джим Мадиган, должностное лицо сберегательного банка «Меррей Хилл». Зал теперь быстро заполнялся, и Мадиган с некоторым трудом прокладывал себе дорогу. Он широко улыбался.

— Я не знал, что вы уже здесь, — сказал он, пожимая им руки. — Я болтал с губернатором и думал, что вы тоже, несомненно, должны засвидетельствовать ему свое почтение.

— Позже, — рявкнул Бэркхардт. — Черт возьми, Джим, ты паршиво выглядишь. Толстеешь?

Мадиган улыбнулся еще шире и похлопал по плоскому животу Бэркхардта.

— Старое Железное Брюхо. Когда вы пойдете в отставку и будете наслаждаться жизнью?

— Когда вы, нахалы, прекратите, как нищие, трясти пустой жестяной и просить новых отделений.

Палмер, ответив на улыбку Мадигана, повернулся к нему боком, чтобы отделиться от этой группы. Под предлогом необходимости побеседовать с Эдис и миссис Бэркхардт он отошел от мужчин.

Престарелая пара теперь танцевала мамбо в том же стиле заводных кукол. К ним присоединились несколько более молодых пар. Оркестр, ободренный этим, казалось, приготовился растянуть покурри на всю ночь. Осторожно обходя многочисленные группы гостей, Палмер сосредоточил свое внимание на обрывках доносящихся до него фраз.

— ...просто отвратительный. Я слышал его у «Гроссингера» три вечера подряд. Одни и те же шутки.

— Тем не менее в Фонтенбло он всех уморил. Они были...

— ...просто мелкий налогоплательщик, Чарли. Магазин на первом этаже, квартиры с балконами наверху.

— Сколько тебе осталось еще сделать? Я бы мог войти в десятипроцентный пай, если ты...

— ...она все еще здесь и выступает с тем же номером. Должно быть, теперь она моих лет, но все еще собирает толпы зрителей.

— Она еще по-прежнему сногшибательна? Я помню...

— ... заслуживает этого, если вообще кто-нибудь заслуживает. За последние двадцать лет он довольно много сделал для организации.

— Но апелляция, Гарри. Можешь ли ты на самом деле представить его в...?

— ...совершенно не представляла, что он и вправду имел это в виду. Потом, позже, он пришел в мою комнату...

— Ты шутишь, дорогая. Он был не в состоянии удовлетворить женщину...

— ...место за 12 тысяч в год, если...

— ...пятитысячное большинство...

— ...выпьете вместо этого немного виски?

Палмер повернулся и увидел, что с этим вопросом к нему обратился Вик Калхэйн.

— Вы пьете виски, Вик?

— Шампанское для меня чересчур хитро.

Палмер кивнул:

— Вот бы не подумал, что для такого дельца, как вы, что-то может быть чересчур хитро.

Калхэйн медленно улыбнулся. Он втянул живот и выпрямился во весь свой более чем двухметровый рост.

— Мак говорит, что вы, вероятно, будете помогать ему выбраться из затруднительного положения. Это тоже довольно хитрое заявление.

— Это предостережение?

— Комплимент, если хотите. Мак недооценивает весь мир. Я говорил ему, что относительно вас он ошибается.

Палмер покачал головой:

— С теми картами, что у него на руках, он не должен пропустить взятку.

— С одной взяткой нельзя сделать роббера.

— Но одна взятка может тем не менее привести к выигрышу.

Калхэйн покосился на него:

— Скажите, о чем, черт побери, мы говорим?

— О бридже? — спросил Палмер. Потом повернулся к буфетчику: — Виски со льдом.

— «Роксвил», — пробормотал буфетчик. — Пожалуйста.

— ...познакомь меня с ним, Эл. Как бы непреднамеренно.

Палмер обернулся и увидел какого-то человека, прошептавшего эти слова почти ему в ухо, и тут же заметил, что двое мужчин начали протискиваться к мэру. Палмер снова повернулся к Калхэйну и криво улыбнулся:

— Неужели свадебные приемы всегда такие?

— А разве все на свете не такое же? — спросил Калхэйн. Они стояли спиной к бару и смотрели, как с каждой минутой толпа все растет. Один из руководителей «Чейз Манхэттен бэнк» оживленно разговаривал с представителем И П Д П [Интернациональный профсоюз дамских портных.]. Позади них на краю танцевальной площадки все еще беседовали Бэркхардт и Мадиган. Слева от них Эдис что-то обсуждала с высокопоставленным лицом из Ньюйоркского университета. Палмер вздохнул и начал

пить виски. Оркестр, проиграв длинную витиеватую фразу, замолк.

— Во всяком случае, я рад видеть Мим замужем, — заметил Калхэйн.

— Она производит впечатление очень молчаливой девушки.

— Я помню ее еще ребенком, вскоре после войны. В компании двух братьев и отца у нее не было возможности по-настоящему разговаривать.

Палмер помолчал.

— Вот что меня поражает в этом городе, — сказал он. — По крайней мере политическая подоплека таких сборищ. Ведь это сугубо семейное дело. Но каждый знает жену и детей каждого.

— ...ему, чтобы перестал валять дурака и начал собирать подписи. Петиции должны быть представлены к...

Трое мужчин прошли мимо Палмера, и конца фразы он не услышал... Он медленно тянул виски. Группа, встречающая гостей, начала постепенно распадаться. Жених, имя которого Палмер так и не узнал, а также помощник губернатора исчезли, предоставив миссис Адлер с дочерью встречать опоздавших. Пока не было музыки, Палмер услышал какое-то шиканье — попытку восстановить тишину. Ни один из разговоров не прекратился, но тон их стал потише. Без музыки подслушивать обрывки фраз стало гораздо легче.

— Ну ладно, — со вздохом произнес Палмер, — пойду отнесу дамам шампанское. — Он попросил у буфетчика два бокала.

— Две порции игристого, — повторил тот. — Пожалуйста. Палмер допил виски и взял наполненные бокалы. — Приятно беседовать с вами, Вик.

— Так же и с вами. Когда в честь вашей дочери будет такое же сборище?

— Еще годы и годы.

— Может быть, к тому времени вы привыкнете.

— Если продержусь так долго.

Губы Калхэйна покривились.

— Вуди, уж я-то вас не недооцениваю.

Палмер очень медленно пробирался сквозь толпу по направлению к Эдис, осторожно неся бокалы.

— ...заканчивает только в следующем месяце и уже по уши в долгах. Прежде чем сдавать в аренду, ему придется отдать большую часть за наличные.

— Какова сейчас арендная плата? Восемнадцать процентов? Он в таком трудном положении, что я...

— ...«Ти-Бэрд» [Марка машины] с установкой для кондиционирования воздуха и компактным баром. Я сказал, что...

— ...разменные акции по четыре с половиной...

— ...дурак, набитый дурак...

— Вот возьми, дорогая. — Палмер протянул Эдис бокал шампанского. — А где миссис Бэркхардт?

— Где-то здесь. У меня была на редкость приятная беседа с...

— ...сорок три кредитных билета, и ни один из них не будет...

— Тогда я, пожалуй, выпью ее вино, — сказал Палмер.

— После виски?

— Это последнее, что я пью за сегодняшний вечер, — объявил Палмер.

— Во всяком случае, это будет последний раз, когда ты сможешь отнести стакан к бару и вернуться. Ты когда-нибудь видел подобную толкотню? Эти люди...

Кто-то натолкнулся на басовый барабан, задел ударные тарелки. С эстрады раздался ужасающий грохот и звон. Разговоры разом смолкли. Все повернулись к эстраде, и в зале наступила почти полная тишина. В это мгновение у двери произошло движение.

Палмер перевел туда взгляд и увидел входившего в зал Мака Бернса. Рядом с ним в красном шелковом платье шла Вирджиния Клэри. Она держала Мака под руку.

— Понимаю, что ты имел в виду, — шепнула Эдис, — своевременный приход. Что это за коротышка с ним?

— Коротышка?

— Я не могу найти лучшего определения. Он взял ее, потому что она ниже его ростом?

— Это мой сотрудник из отдела рекламы.

— Та... что пишет твои речи?

— Обычно писала.

— Только представить такое в банке. — Эдис следила, как вновь прибывшие здоровались с новобрачной и ее матерью. — Времена меняются.

— На работе у нее не такой вид, — заверил Палмер.

— Это мисс Клэр? — спросила Эдис.

Бернс и Вирджиния медленно двигались в их направлении, хотя, кажется, не замечали Палмера.

— Клэри. Вирджиния Клэри. Раньше работала в «Таймс» и «Стар».

— В обеих? Неужели такая молодая женщина...— Эдис замолчала. — Впрочем, она не так уж молода, не правда ли?

— Прости, что ты сказала?

— На расстоянии она выглядела совсем молодой.

— Я не знаю.

— Лет сорок с небольшим, — сказала Эдис. — Кажется, они направляются к нам.

— Не будь слишком любезна с Бернсом, я на него зол.

— А как ты относишься к мисс Клэри?

— С любопытством наблюдаю за ее выбором спутников для себя.

— Разве она не свободна в выборе?

— Немного странно, что она выбрала именно Бернса.

— Может быть, между ними связь? — предположила Эдис, пока те подходили все ближе.

— Господи, конечно, нет! — воскликнул Палмер.

— Ты так уверен?

— Я не уверен, — нашелся Палмер. — Просто это маловероятно. — В этот момент Вирджиния заметила его. Ее рука напряглась, надавив на локоть Бернса.

— Я видела еще менее вероятные, — тихо сказала Эдис.

Теперь Бернс их тоже заметил и изобразил огромное очаровательное удивление. Он подвел к ним Вирджинию.

— Вуди... и моя любимая блондинка. Как поживаете, дорогая? — обратился он к Эдис. И, не дожидаясь ответа: — Эдис Палмер, Вирджиния Клэри, наша стойкая леди — специалист по общественным связям.

Помедлив не больше секунды, Эдис протянула руку.

— Не могу сказать, что знаю о вас все, — обратилась она к Вирджинии, — но вы, конечно, тот самый гений, который пишет речи для Вуди.

Вирджиния пожала ее руку.

— Обычно писала, — тихо ответила она.

— Простите?

— Обычно писала, — громче повторила Вирджиния. — Меня освободили от этой обязанности.

— Вудс не очень любит людей, не уступающих ему в интеллекте.

— А кто любит? — мягко спросил Бернс.

— О, это напомнило мне, — сказала Эдис, — что я не должна быть слишком разговорчивой с вами, мистер Бернс. Мой муж на вас зол. В чем дело?

— Вы хотите сказать, что он вам не рассказывал? — спросил Бернс с той же дружеской улыбкой. — Его острый нос повернулся в сторону Палмера.

— ...сказал мне, что контракт был почти у меня в руках, — произнес рядом с Палмером какой-то мужчина.

— Думал, ей это неинтересно, — ответил Палмер.

— Небольшое политическое дельце. Вам это не интересно.

— Напротив. Я всегда интересуюсь.

Вирджиния теснее придвинулась к Бернсу. Она похлопала Бернса по руке.

— У тебя больше выдержки, чем у меня, — сказала она.

— Я сказала бы, что у вас ее больше, чем вообще требуется, — произнесла Эдис, — если вы работаете с этими двумя. — Она помолчала, потом огляделась вокруг.

— У вас нет шампанского...

— Сейчас я достану, — ответил Бернс и тут же оставил их втроем.

— ...имел бы «кэдди», если бы ты дал его мне, Моррис. С тех пор, как я заимел свой «роллс», я...

— Ох-ох, все еще «роллс». Потом ты сменишь свое имя на Кейн или...

Палмер вдруг заметил, что и он, и обе женщины уже довольно долго молчат. Он поспешно оглянулся.

— Кажется, Мак не очень далеко ушел, — сказал он. — Кто эти двое, с кем он разговаривает?

Вирджиния проследила за его взглядом.

— Республиканцы с периферии.

— Я не подозревала, что Мак может разговаривать с кемнибудь, кроме демократов, — сказала Эдис.

— Каждый говорит с каждым, — ответила Вирджиния. — Это основное правило политики. Разговаривать, быть дружески расположенным. Держать линии коммуникаций открытыми.

— Чудесное правило, — задумчиво сказала Эдис. — Не только в политике.

— ...осталось еще с 56-го года, и я получаю с этого в месяц, как с пары концертов.

— Но ведь театр уже закрыт. Или вы имеете в виду отчисления за записи?

— Мы, кажется, не придерживаемся этого правила, — продолжала Эдис. — Скажите, мисс Клэри, вы давно работаете в этом банке?

— Нет... вот уже почти два года. — Вирджиния взглянула на Палмера: — Неужели так долго?

— Я ведь и сам недавно пришел. Неужели два года?

Она немного подумала:

— Очевидно, так. Этого я и не заметила, но, очевидно, это так.

Они опять замолчали. Палмер поискал глазами Бернса и увидел, что тот беседует с бывшим губернатором штата.

— Надеюсь, вы не очень хотите пить, — сказал Палмер. — Мак снова остановился.

— Почему бы тебе не поймать его, мы тебя подождем.

— Я...

— Иди, дорогой... Мы с мисс Клэри найдем о чем поговорить.

— Я уверен, что он вернется через...

— Посмотри, теперь его перехватил сенатор. — Она сунула ему в руку свой пустой бокал. — Мы будем или здесь, или... — она оглянулась, — или за первым столиком.

Палмер взглянул на Вирджинию и не смог понять какого-то особенного выражения ее глаз. — Я сейчас же вернусь. — И, чувствуя просто тошнотворную слабость в животе, он отошел.

— ...стоила мне двадцать тысяч в год на содержание, но это было...

— ...назвать эту больницу в честь моих родителей, если я помру через...

— ...можно выставить пуэрториканца в списках на голосование. Голоса спиксов [Американское прозвище для людей латиноамериканского происхождения.] не...

Он нашел Бернса у бара, поглощенного разговором с Виком Калхэйном.

— Мак, — обратился к нему Палмер, — большое спасибо. Бернс повернулся к нему с медленной, наглой улыбкой. — Интересно, о чем, черт побери, они будут говорить, Вуди, детка? Твоя жена довольно проницательна, не правда ли?

Палмер заказал три бокала шампанского.

— Как ты уговорил Вирджинию прийти с тобой?

— Личное обаяние. Ты должен быть рад, что я служу громоотводом, радость моя.

Палмер хотел было сам взять бокалы шампанского, но передумал и обратился к буфетчику:

— Пошлите официанта с этими бокалами и бутылкой. Первый столик справа. — Он еще раз посмотрел на Бернса, потом отошел.

Зал был так набит, что некоторым гостям пришлось стоять у двери в надежде на появление свободного места. Среди них Палмер заметил двух терпеливо ожидающих мужчин, в которых он узнал делегатов Объединенных Наций, правда не от какой-нибудь большой страны. Он начал медленно пробираться сквозь эту ужасную толкучку.

— ...открылись на десяти и одной восьмой, а к закрытию упали до шести. Это?..

— ...платья у Сакса слишком безвкусные. Есть магазин в Майами у...

— ...я сказала бы, очаровывает женщин. — Палмер удивился, узнав голос Эдис. Он увидел ее недалеко от себя около пустого столика.

— ...совершенно верно, — говорила Вирджиния, — это его любимая поза: как будто он совсем потерял самообладание и вот-вот потерпит крах. Я думаю, это и привлекает женщин.

— Но во всем этом, несомненно, очень много наигрыша, — ответила Эдис.

— Да, но на определенный тип женщин даже наигрыш производит глубокое впечатление.

— Не похоже, чтобы вы принадлежали к этому типу.

— Я убеждаю себя, что я не такой тип.

— Более того, — сказала Эдис почти торжественно, — я тоже говорю вам это.

Некоторое время обе женщины молчали. Они, казалось, не видели Палмера. Даже отделенный от них несколькими метрами расстояния и людьми, Палмер чувствовал их безмолвное напряжение.

— С моим мужем трудно работать? — неожиданно спросила Эдис.

— Ну... я бы не сказала.

— А что бы вы сказали о нем?

Вирджиния помолчала.

— Как его подчиненная, разговаривающая с его женой, — продолжала она каким-то тонким резковатым голосом, — я думаю, я вообще бы... ничего не сказала.

— О, — приятно улыбнулась Эдис и, повернувшись, увидела Палмера. — Вот и он. Но без вина. Что такое, дорогой?

— Я велел официанту принести его.

Она посмотрела на свои крошечные часики — маленькую плотную гроздь бриллиантов на запястье.

— Он не успеет. Уже десять часов.

— Вы уходите? — спросила Вирджиния.

— Во всяком случае, я да, — объяснила Эдис. Она посмотрела на Палмера: — Думаю, тебе следует остаться.

— Боюсь, что да.

— Ну хорошо, — Эдис выпрямилась.

— Я провожу тебя до машины, — сказал Палмер, беря ее за руку. — Держись поближе ко мне в этой толчее.

— До свидания, мисс Клэри, ужасно довольна, что познакомилась с вами.

— Спасибо, миссис Палмер. Это доставило мне огромное удовольствие.

Эдис смотрела на нее какое-то мгновение.

— По-моему, — задумчиво произнесла она, — у нас обоих все очень хорошо получилось.

Глава пятьдесят шестая

Палмер не возвращался почти полчаса. Несколько минут у него ушло на то, чтобы вызвать такси, но, даже посадив Эдис в машину и пожелав ей спокойной ночи, он не вернулся сразу на прием, а вместо этого задержался на необъятно широких ступеньках восточной лестницы «Плаза», так глубоко вдыхая холодный воздух, что на глазах выступили слезы. Он посмотрел в направлении парка и увидел целый ряд двухколесных экипажей; из лошадиных ноздрей выбивались тонкие струйки пара. И только когда холод пробрался сквозь одежду, Палмер возвратился в помещение. Сначала от тепла было приятно, но вскоре стало почти невыносимо жарко. В фойе он опустился в кресло и почувствовал, что комната с высоким потолком начала покачиваться. Смесь шампанского и виски, казалось, сломила его. Но тут же Палмер вздохнул и медленно поднялся. В старомодном зеркале он увидел себя — высокого, худощавого мужчину с замкнутым лицом. Он остановился, расправил плечи и, нахмурившись, уставился на свое отражение. Сразу же вид у него стал более внушительным. Коридорный наблюдал за ним.

Палмер перевел хмурый взгляд с зеркала на коридорного, который тут же опустил глаза. Палмер мотнул головой, пошел назад и сел в маленькой комнате рядом с залом, где проходил прием. Беспорядочное гудение голосов доносилось до него почти так же ясно, как если бы он находился в самом зале.

Отрывистым аккомпанементом раздавались более низкие — цок-цок-цок — удары барабанов бонго.

Палмер постарался, как мог в своем теперешнем состоянии, разобраться в поведении Эдис. Ни одно слово из сказанных ею, решил он, не означало чего-нибудь особенного. Но тогда откуда же, спросил он себя, такое беспокойство? Он наклонился вперед на обитой красным бархатом скамейке и, облокотившись на колени, попробовал заново перебрать в уме все замечания Эдис, обращенные к Вирджинии и сказанные о ней. Вместо этого мысли его тихонько разбрелись под звуки незаметно подкравшейся из другой комнаты музыки. Труба разразилась целым каскадом тонких, нудных, звуков — какие-то зазубренные копья жалоб, приглушенные отрывистым ритмом ударных. Выдав этот поток пронзительных минорных звуков, труба, казалось, утонула в них. Пианино прогрохотало над ее телом бессмысленные арпеджио.

Палмер выпрямился и полез за сигаретами. В боковом кармане смокинга он нашел тонкий серебряный портсигар для десяти сигарет. Спичек не было. Держа незажженную сигарету между пальцами, он долго сидел, уставившись на нее, пытаясь связать вместе все сказанное Эдис.

Эта попытка напомнила ему об огромном превосходстве электронных приспособлений над человеческим мозгом. Небольшая комбинация транзисторов и электромагнитов уже одержала над ним победу сегодня в квартире Бернса. Возможно, несколько туманно размышлял он, что со временем магнитофоны завоюют всю планету, создавая обширные электронные предприятия сверхчеловеческой памяти и сообразительности. Если верить Гейнцу Гауссу, громадные электромагниты могут даже одолеть изначальное земное притяжение, привязывающее людей

к их собственному клочку земли. Что замышлял этот ненормальный старик...

Перед его глазами вспыхнула спичка. Он поднял голову, увидел официанта, протягивающего спичку, и прикурил. — Спасибо.

— Пожалуйста, сэр. Какого-нибудь вина, сэр?

Палмер болезненно поморщился:

— Виски со льдом, пожалуйста.

— Хорошо, сэр. Со льдом.

Палмер затаился. Возможно ли, чтобы Эдис знала не только о его связи, но и то, что его любовница — Вирджиния? Если Эдис обо всем догадалась, что она собирается предпринять дальше? Будет ли искать доказательства? Сколько времени ей потребуется, чтобы понять роль Бернса в этом деле и узнать о находящейся в его распоряжении информации?

Перед ним появилось виски. Он поблагодарил официанта и начал пить маленькими глотками. Прохладный вяжущий вкус, казалось, несколько прояснил его мысли. И хотя он понял, что это всего лишь опасная иллюзия, он приветствовал ее.

Нет, сказал он себе, Эдис может что-то подозревать, но, по всей вероятности, не может угадать всего. Но когда она увидит — а это неизбежно должно случиться — ту роль, которую он скоро, очевидно, будет играть в захвате Джет-Тех контроля над ЮБТК, она поймет, что на него было оказано мощное давление. И она без труда определит, что это такое.

В течение часа, самое большее двух, он должен дать Бернсу ответ. Палмер встал, держа в руке стакан, и

пошел к двери зала, где проходил прием. Все столы вокруг танцевальной площадки были окружены людьми, энергично опустошавшими тарелки с едой. На площадке под карибский ритм джаза извивались несколько пар. Престарелая пара, обливаясь потом, продолжала с полным отсутствием технического навыка перескакивать через искусную путаницу фигур.

Палмер с удивлением подумал, почему он тянет с ответом Бернсу. Им обоим было совершенно ясно, каким должен быть этот ответ.

Палмер стал разглядывать одного из периферийных банкиров — представителя мощной цепи коммерческих банков. Тот рассказывал какую-то длинную историю или шутку нью-йоркскому предпринимателю, которого недавно подозревали в том, что он замешан в первостатейном скандале, конгрессмену-демократу из Бруклина и Джиму Мадигану из «Меррей Хилл». На этом расстоянии, в нескольких метрах от Палмера, они казались прямотаки братьями. Когда рассказ закончился, предприниматель взял пустые тарелки и пошел с ними к столу, чтобы вновь наполнить их. Палмер поймал себя на мысли: поймет ли он вообще когданибудь эту особую вассальную зависимость. Как и любой разумно осведомленный человек, он знал, что, где бы ни встречались политики — в законодательных органах штата или в палатах конгресса в Вашингтоне, — их личные чувства друг к другу были, так сказать, одно, а их политическая вассальная зависимость, которая могла даже сделать их врагами, совершенно другое. На сессии учредительного органа демократ мог с удовольствием топтать республиканца. Но если они были друзьями, как это и наблюдалось в большинстве случаев, после заседаний всякие признаки враждебности исчезали.

Разумно ли это, спросил себя Палмер. Может быть, в этом необязывающем дружелюбии и решительном отказе сохранять серьезность было что-то типично американское. Как кодекс Omerta обязывал молчать даже враждующих членов мафии, так и кодекс несерьезности защищал политиканов от нанесения друг другу большого урона. Разыгрывались скандалы. Обнаруживалось казнокрадство. Но обычно обнаруживалось оно не самими политиками, а теми, кто был не у власти. Все это, решил Палмер, смахивает на частный клуб. Каждый имел право создавать такие замкнутые частные объединения, которые, конечно, плохо вписываются в картину демократии. Впрочем, вообще в современной политике мало что походило на этот образец, напомнил себе Палмер. Канули в вечность детские годы республики, когда политическое соперничество подогревалось личной враждой, резкими полемическими обвинениями и своего рода партийным фанатизмом, который пронизывал всю, до последнего уголка, жизнь любого политического деятеля.

— ...50 тысяч задатка до погашения закладной, потом...

— ...район никогда не был хорошим. Слишком много неотесанных избирателей, старающихся...

— ...зайди ко мне домой около полуночи, — прошептал Бернс Палмеру на ухо.

Палмер заморгал и искоса взглянул на него.

— А это надо? — спросил он.

— Совершенно необходимо, Вуди, детка.

— Я могу дать тебе ответ здесь.

— Но я не могу дать инструкции здесь, не так ли, лапа?

Палмер ничего не ответил, пытаясь, что называется, переварить идею «инструктажа».

— Я не вижу Вирджинии.

— Она где-то здесь. Хочешь, я найду ее для тебя?

Палмер покачал головой:

— Я справлюсь с этим самостоятельно.

— Ну, конечно, дорогой. — Бернс дружелюбно рассмеялся и отошел.

— ...лучше поставьте негра на это место. Список для кандидатов будет лучше выглядеть, если он...

— ...что можно дать женщине, у которой есть все, Пэдди? Так вот, я выровнял бульдозером задний двор и разбил японский садик, похожий, как все ему подобные, на охапку прутьев...

Потягивая виски, Палмер медленно двигался вдоль стены, ища глазами красное шелковое платье.

Возможно ли, размышлял он, чтобы никто на свете не был свободен от «инструкций», о которых говорил Бернс. Разве каждый человек кому-то подчиняется? Разве нельзя предположить, спрашивал он себя, что богатый человек мог бы сам решить для себя проблему независимых действий. Или это заложено в самой идее действия — в тот момент, когда он, Палмер, сделал свой выбор, согласясь прошлым летом на предложенную Бэркхардтом работу, — не отдал ли он, Палмер, себя во власть «инструкций»?

Разве, в сущности, невозможно, находясь на данной ступени постепенного раскрытия тайн бытия, действовать только в соответствии с велением собственной совести?

Казавшееся бесконечным по пурри латиноамериканских мелодий неожиданно оборвалось на дикой, глухой барабанной дробе. Мгновение спустя музыка заиграла снова — медленно плывущий вальс. Палмер заметил красное платье в другом конце зала, у буфета.

Он направлялся к Вирджинии, разговаривающей с незнакомым ему мужчиной. Собеседники довольно серьезно рассуждали о чем-то, двигаясь вдоль стола и наполняя едой свои тарелки. Вирджиния обернулась, когда Палмер тронул ее за плечо.

— Мистер П.! — Ее голос прозвучал немного резко. — Я думала, вы уехали домой. — Познакомьтесь с Сидом Бэроном — гением общественных связей у сберегательных банков.

Палмер пожал тому руку и сказал:

— Старая народная мелодия, мисс Клэри. Разрешите пригласить вас?

Вирджиния приподняла чуть повыше свою наполовину наполненную тарелку.

— Вообще-то я собиралась...

Палмер взял у нее тарелку, поставил на стол и повел Вирджинию на танцевальную площадку. Они включились в неторопливый, как бы отсчитывающий петли вязанья ритм вальса, долго и медленно кружась на одном месте.

— Что он тебе говорил?

Вирджиния покачала головой:

— Ничего особенного. — Ее глаза, всего в нескольких сантиметрах от его лица, пытливо глянули на него. — Неважно себя чувствуешь?

— А по-твоему, я должен хорошо себя чувствовать?

— Гм. Ты, пожалуй, прав.

— Кроме того, у меня в полночь свидание с Бернсом, на котором я должен сообщить о своем решении, а он, по его недавнему тонкому замечанию, будет давать мне инструкции.

— Он предполагает, что ты скажешь «да»?

— А что другое я могу сказать? — ответил Палмер.

Она кивнула:

— Я надеялась, что ты так решишь.

Палмер отстранил ее от себя, чтобы видеть все ее лицо, а не только глаза или рот крупным планом.

— Ты надеялась?

— Иначе он бы уничтожил тебя.

— Это невозможно.

— Ты неуничтожаемый?

— В этом роде.

Догадывалась ли она хоть немного, подумал Палмер, какие фантастические решения принимал он в уме.

— Я представил себе, что дал ему возможность сделать самое худшее, — наконец произнес он,

притягивая ее к себе, чтобы говорить это тихо ей на ухо. — Я увидел себя после того, как все было окончено: лишенный работы и семьи, но с более чем достаточной суммой денег для комфортабельной жизни где-нибудь в другом месте.

— На каком-нибудь солнечном острове?

— Что-то в этом роде, — признался он. — С тобой.

— Великолепная идея. Безнадежно непрактичная.

— Большинство великолепных идей всегда таковы. — Некоторое время они медленно кружились молча. — А почему так? — спросил он. — Почему эта идея безнадежна?

— Ну, чтобы не терять времени на долгие объяснения, потому что ты никогда бы этого не сделал.

— Я думал о том, чтобы это сделать. Я довольно много над этим думал.

— Ты слишком много об этом думал, — сказала она.

— Ты говоришь очень уверенно.

— Ты думал о нас двоих в постели — до конца наших дней, — прошептала она ему на ухо. — Ты думал, как изумительно это будет в течение какого-то времени. Потом тебя заинтересовало дальнейшее. Мы двое, Робинзон Крузо и Пятница, все другие связи порваны — с друзьями, с семьей, — осталась только небольшая пуговина физического влечения. И ты подумал: сколько нужно времени, чтобы и это кончилось?

— У тебя неприлично наглядный склад ума.

— Я знаю, как ты мыслишь. К сожалению, это очень похоже на мое собственное мышление, когда я бываю настроена хладнокровно и расчетливо.

— Как сейчас, например, — отметил Палмер. — Меня начинает замораживать твое прикосновение.

— Так что ты будешь умником и ответишь Маку «да», — сказала она.

— Ты оказываешь давление.

— Признаю это.

— Почему?

— Поскольку я думаю, что знаю, какой вариант лучший.

— Для кого?

Музыка прекратилась. Они стояли неподвижно посреди танцевальной площадки. Оркестр снова заиграл. На этот раз медленный фокстрот, и Палмер с ужасом узнал ту же мелодию Гершвина, под которую они с Вирджинией уже однажды танцевали.

— Ты помнишь?

— Ах, замолчи, — сказала она, прижимаясь к нему в танце. — Вудс, — наконец заговорила она; ее дыхание щекотало ему ухо. — Что плохого, если ты заменишь Бэркхардта? Разве ты не обладаешь для этого самой превосходной квалификацией? Разве это не шанс сделать то, что ты хотел, для ЮБТК? Разве ты все время не был за заем?

— «Будь смелым со мной и не бойся», — процитировал Палмер, он немного покачнулся и понял, что не так уж крепко держится на ногах.

— Вудс!

— «Ведь я не дитя, мой любимый. Будь же страстным со мной...» — Он как-то странно рассмеялся. Комната заходила ходуном. — Я могу себе представить такую картину. Слабый лысеющий Вудс Палмер-младший во главе жирного разбухающего ЮБТК, пригретый своим Отделом рекламы, связанный с ним пуповиной недозволенного греха и потому покорный и уступчивый.

А за Палмером во всем самодовольном великолепии возвышается фигура Мака Бернса, или Лумиса, или еще кого-нибудь, такого же типа, сложенного из разных частей — частью интригана, частью устроителя, частью сводника.

Она остановилась. Он замолчал.

— Продолжай, — сказала она безжизненным голосом.

— Ничего личного, лапа-детка, — добавил он, улыбаясь и имитируя отвратительное дружелюбие Бернса. — Или есть личное?

Вирджиния повернулась и ушла с площадки.

Глава пятьдесят седьмая

Палмер обнаружил, что идет на восток по Пятьдесят девятой улице. Он не имел ясного представления о том, как туда попал. Хотя было уже начало апреля, ночной ветер пронизывал насквозь. С каким-то ледяным неистовством он продувал даже сквозь пальто Палмера, в сущности больше похожее на плащ. Перейдя Мэдисонавению, Палмер остановился у витрины магазина игрушек. Он рассматривал по очереди маленькую модель ружья фирмы «Стен», игрушечную зенитную пушку фирмы «Борфорс», пулемет Томпсона, полуавтоматическую винтовку «М-1», последнюю модель Люгера, пистолет-автомат Шмейссера, «стреляющую масленку», как его называли парашютисты, легкий автомат с магазином, скрытым в ложе.

Кучности никакой, вспомнил Палмер. Лбом и носом он почувствовал жесткость витринного стекла. Он уставился на стреляющую масленку. Кучность почти равна нулю, но какая огневая мощь! С одной бы из этих штук да на правление — будь там его отец, или Лумис, или Бэрхардт, или любой другой тошнотворный старый ублюдок, считающий себя хозяином этого правления. Огневая мощь говорит громче.

Палмер смутно сознавал, что чувства и мысли его текут в каком-то странном направлении. Он постарался выпрямиться, освободившись от прохладной поддержки стеклянной витрины. Над выставкой он заметил надпись: «Точные копии оружия времен второй мировой войны». Третья мировая война, подумал он, будет вестись роковыми лучами лазеров, или ультразвуком, или антигравитационными магнитами Гейнца Гаусса. Зачем

взрывать противника водородными бомбами? Смести их с огромной силой с лица земли при помощи каких-нибудь гауссовских «Анти-Джи». Он споткнулся, выпрямился и быстро зашагал в восточном направлении, навстречу ветру.

Конечно, размышлял он, переходя Парк-авеню, Вирджиния была абсолютно права. У него не только не было выбора, но единственная, открытая для него возможность была в то же время вполне приемлемой для него. Но почему Вирджиния должна быть непременно права? Почему, спросил он себя, она не может быть отчаянно неправой?

«Пошли его к черту, Вудс». Палмер представил себе, как Вирджиния произносит эти слова. «Скажи ему, что ты не тряпка и не подставное лицо, не игрушка в чужих руках. Пусть он делает, что хочет, Вудс. Что бы ни случилось, у меня есть ты, а у тебя есть я. В любом другом случае...»

Отныне я объявляю вас тюфяком и бабой.

Он постоял на углу Лексингтон-авеню и постарался сориентироваться. «Блумингдейл» был темен, за исключением весело светящихся витрин. Он направился было к ним, к этому оазису дружелюбия, и не успел дойти до первой, как свет во всех витринах выключился на ночь. Вот тебе к номер!

Палмер снова повернулся и пошел к Третьей авеню. Его цель была на востоке: это он точно помнил. Там была оставшаяся на этот вечер работа. Квартира Бернса: обязательное представление. Но как много все-таки знает Эдис?

— ...обчищен в Вегасе, поставив прямо на красные. Может, я не заметил...

— ...жалкий щенок, вонючий балбес с пятьюдесятью собранными голосами...

Обрывки фраз будто эхом отдавались в его голове. Он добрался до Третей авеню и снова двинулся в восточном направлении. Холодный ветер донес слабый запах речной воды, лишь недавно сбросившей зимний лед.

— ...вовсю развлекаясь с этой... в своем кабинете, в то время как его жена...

— ...прими свою отставку в интересах...

Палмер заморгал и остановился как вкопанный. Голоса были вполне реальны, хотя он знал, что это галлюцинация. В самом деле, он не мог слышать их, догадался он, потому что это были не слова, но удивительно яркие картины его душевного состояния. Палмер глубоко вдохнул в себя ветер, так что легким стало больно. Потом продолжил свой путь на восток.

— ...заканчивает подписывать документы, мистер Лумис, и теперь...

— ...не думаю, что мистер Бернс по своему калибру подходит для совета директоров, но, если вы...

Палмер дошел до Второй авеню и долго смотрел на подъем к мосту Куинсборо. На какой-то момент его охватило желание перейти через реку вместо встречи с Бернсом.

— Правда, на другой стороне тоже ничего хорошего нет, — заметил один из голосов.

Палмер открыл дверь кафе «Недик» и сел у стойки.

— Черный кофе.

— Счашку скоффа, без муу, — повторил бармен с каким-то невероятным акцентом.

Палмер поморщился. Весь вечер, скорее почувствовал, чем подумал он, напитки он заказывал на более или менее элементарном английском, видимо, лишь для того, чтобы буфетчик, официант или бармен немедленно превращали этот английский в некую разновидность языка чоктау [Индейское племя, известное на юге Миссисипи и на западе Алабамы]. — А что я должен сказать, если хочу молока? — спросил он. — Мне му-у!

Бармен и единственный посетитель в кабачке вежливо засмеялись. Палмер взял кофе, обхватил чашку пальцами, пытаясь согреть их. Потом начал пить горький напиток.

— ...видел нашу старую приятельницу около часа назад, — рассказывал бармен своему клиенту.

— Она навевалась к тебе выпить кофе...

— Не-е. Она нашла себе занятие получше. Роеется в мусорной корзине, вытаскивает газеты.

Клиент засмеялся:

— Старая кикимора не умеет читать.

— Не для чтения, — объяснил бармен. — Чтобы завернуться. Ведь на улице холодно.

— Ну и умора, черт возьми!

Бармен захихикал:

— Только с ней небольшая оказия вышла, можно сказать, ее штука одна укусила, когда она запустила свою воронью лапу в мусорный ящик. Я наблюдал из окна. И все видел. Она засунула руку в ящик и, наверно, напоролась на консервную банку. Боже! Можно было подумать, что ее укусила змея. Она завопила, завизжала, заплясала вокруг ящика, пытаясь освободить руку. Но банка зажала ее крепко. Наконец она вытащила руку и помчалась по улице.

Собеседники весело загоготали, представив себе эту картину.

— В другой раз не полезет по мусорным ящикам, — сказал посетитель.

— Кровь хлестала, как из заколотого поросенка.

— И в самом деле наткнулась на что-то, а?

— Порезалась, дай бог.

Слушая их веселый разговор, Палмер допил кофе и положил на прилавок десятицентовую монету. Потом встал и вышел на улицу. Ветер ударил в него. Но теперь, когда в желудке был горячий кофе, ветер показался Палмеру гораздо слабее. Он пошел на восток, немного под гору, пока не добрался до Саттон Плейс. Оттуда повернул на юг. Ну и город, подумал он. Ну и люди. Хладнокровные, ожесточившиеся люди.

На Пятьдесят седьмой улице он остановился и прижался к светофору, чтобы восстановить равновесие. Голова, несмотря на выпитый кофе, все еще кружилась. Неожиданно он услышал вдалеке сирену. Она стала громче, потом как бы нехотя постепенно замерла. Ну и город. Неистовый город.

Палмер заставил себя выпрямиться и пошел дальше.

Квартира Бернса была пуста. Палмер вошел и, слегка спотыкаясь, обошел комнаты. Потом запер дверь и снял пальто. В квартире было слишком жарко. Он дернул за ручку и, раздвинув обе секции застекленной стены, пустил холодный поток воздуха гулять по гостиной.

Потом сел на край софы и снял тесные вечерние туфли. Пройдя в одних носках по комнате, он исследовал внутренности радиолы и, несколько неустойчиво передвигаясь, осмотрел всю гостиную в поисках микрофонов и других записывающих устройств. Когда в замке повернулся ключ Бернса, Палмер снова сидел на софе, улыбаясь в пустоту. Благодаря холодному ветру, дующему в лицо, он чувствовал себя уже гораздо лучше.

— Привет! А вот и сюрприз для тебя, дорогуша, — сказал Бернс.

Палмер лениво поднял глаза и увидел Вирджинию. — Это хорошо, — очень медленно ответил он.

— ...установил холодильник в заднем баре, и его... Палмер зажмурил глаза. Он должен заставить эти голоса замолчать.

— Ты что, Вуди? — спросил Бернс.

— Ничего. — Палмер открыл глаза и стал разглядывать Вирджинию. — Прекрасная мисс Клэри.

— Успокоившийся мистер Палмер, — ответила она. — По крайней мере вы кажетесь более спокойным.

— Вы бросили меня.

— Вы меня оскорбили.

— Не вас. Мака Бернса.

— Как ты это сделал, Вуди? — спросил Бернс, разливая виски в три стакана.

— Сказал, что ты сводник. — Палмер так старательно улыбнулся, что у него заняла челюсть.

Бернс перестал разливать виски и стоял не двигаясь. Потом продолжил свое занятие.

— Не объяснишь ли ты свой вывод, старина?

— Если ты готовишь виски и мне, то не надо.

— Хорошо. А теперь о твоём замечании.

— Небольшой обмен репликами между мной и моей, гм, возлюбленной.

— Обо мне?

— Косвенно, — вздохнул Палмер. — Ты захватил с собой пергамент и булавку?

— Что?

— Разве мне не надо уколоть палец и расписаться кровью?

— Вудс, — сказала Вирджиния, — ты действительно настолько пьян?

— Сир, я не ранен, я убит. — Палмер встал и в одних носках начал расхаживать по комнате. — Вы оба... — сказал он через некоторое время.

— Как тебя понять? — спросил Бернс.

— Не обращай внимания. Что с возу упало, то пропало. — Палмер остановился. — Давайте пейте. Пейте.

Бернс протянул Вирджинии стакан и поднял свой.

— За взаимовыгодные отношения и все прочие радости. — Они начали пить. — Смею ли я получить твое решение, детка? — спросил Бернс у Палмера.

— Ты можешь.

— Исправляешь мне грамматику?

— Дурная привычка.

— Ты ведь освободишься от нее, а?

Палмер пожал плечами. Комната начала слегка клониться вместе с Бернсом.

— Стой прямо, Мак!

Вирджиния нахмурилась.

— Вудс, ты правда...

— ...хорошо себя чувствуешь? — закончил за нее Палмер. — Я в ладу со всем миром, мисс Клэри Прекрасная, то есть я абсолютно ничего не чувствую.

Она повернулась к Бернсу:

— Давай-ка лучше отправь его домой.

— У вас это прекрасно получается, — прервал ее Палмер, — чуточку сострадания. Скажите, как много вам приходилось репетировать за последние несколько месяцев.

— Вудс, ты хочешь сказать...

Палмер прервал ее, с шумом выдохнув воздух. Мгновение в комнате стояла тишина. Он тихо рассмеялся.

— Если вы думаете, — начал он, — что я провел все эти годы в Чикаго, наблюдая, как умирает мой отец,

только для того, чтобы закончить здесь как некое Позолоченное Совершенство, помогая вам грабить ЮБТК, придавая грабежу видимость законности, то вы досадно ошиблись, составив себе неправильное суждение обо мне и моих мотивах.

— ...пошел работать у Бэркхардта, двойника его отца...

Палмер отвернулся от них. Усилием воли он снова заставил голоса замолчать. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть улыбку Бернса.

— Вы улыбаетесь, сэр? — спросил Палмер.

— Успокойся, Вуди. Возьми себя в руки. Мне нужно лишь твое слово. Если ты так остро это переживаешь, то я не буду на тебя давить. Все, чего я хочу, — это... гм, как бы ты назвал... молчаливое сотрудничество. Иными словами, не мешай событиям идти своим чередом. Дай себе стать президентом ЮБТК. Разве это трудно?

— Вы и правда спелись, — сказал Палмер, — мисс Клэри выразила это почти такими же словами.

— Ничего не могу поделать, если она тоже говорит разумные вещи, — возразил Бернс.

— На твоих жарких губах все та же улыбочка, — подчеркнул Палмер, делая шаг к Бернсу. Левая часть комнаты немного приподнялась и снова встала на место.

— Ладно, Вуди, давай пожмем руки, дружище!

— Что, я смешон? — поинтересовался Палмер. Теперь он был меньше чем в полуметре от Бернса. Он даже чувствовал запах его лосьона.

— Никто ничего не говорит...

— Я говорю, — заявил Палмер. — Иначе ты перестал бы улыбаться.

Бернс сделал к нему шаг и протянул руку:

— Вуди, будь паинькой, давай пожмем друг другу руки.

Палмер заметил зловещий блеск драгоценных запонок Бернса. Его глаза пробежали по мертвенно-бледному лицу Мака, потом скозились на Вирджинию. Она следила за ним, чувствуя что-то неладное, потом отошла от него на шаг. Ее взгляд осторожно переходил с Бернса на Палмера.

— Вудс, — сказала она, — почему ты...

— Почему все начинают предложения с моего имени? — спросил Палмер.

— Вуди, — сказал Бернс, — успокойся, старина. Давай снова будем друзьями.

— С тобой? — Палмер поморщился от громкого звука своего голоса. Вопрос прозвучал почти криком. Он глубоко вдохнул и почувствовал дрожь где-то в диафрагме. — С тобой, грязным интриганом? — спросил он.

— ...использовал тебя, как тряпку, с самого начала...

— ...сунул эту девку тебе под нос, как лакомый кусочек...

Палмер услышал, что издает какие-то нечленораздельные звуки, не то мычание, не то стон.

— Заткнитесь! — рявкнул он.

Мнимые голоса умолкли.

— Мак Бернс! — закричал он. — Третьесортный мозг в протухшей сточной канаве. Краса и гордость своей профессии. Шизофреник последней стадии. Король сводников. Рыцарь предательства. — Он поднял левую руку и ткнул пальцем в грудь Бернса.

Тот отступил и поднял руку, как бы защищаясь.

— Нет! — выкрикнул Палмер. Движение времени резко замедлилось. Рука Бернса, казалось, начала сжиматься в кулак. Палмер почувствовал, как напрягается его правая рука. Локоть двинулся назад. Потом рука пошла вверх, пальцы сжались, мускулы напряглись. Его рука сделала петлю в сторону. Его тело двинулось вслед за рукой. Глаза Бернса расширились. Кулак ударил Бернса между острым подбородком и ухом.

Палмер почувствовал, как челюсть лязгнула под костяшками его пальцев. Он увидел зелено-белое лицо Бернса. Потом оно скрылось из виду...

Палмер посмотрел вниз. Бернс лежал скорчившись, как плод в утробе, на чувственно-толстом белом ковре. Его ресницы какой-то момент вздрагивали. Потом перестали.

Густо-красная кровь струйкой потекла из угла его рта на подбородок и начала стекать на ковер.

Палмер отступил. Атмосфера стала какой-то разреженной. Легкие с трудом набирали достаточное количество кислорода. Он начал хватать ртом воздух.

Очень нескоро он наконец почувствовал, что неистовство в его легких начало стихать. Во рту было сухо с каким-то горьким привкусом. Пальцы правой руки онемели.

Он прислушался. В комнате стояла тишина. Даже мнимые голоса молчали. Он взглянул на Вирджинию. Ее огромные глаза казались такими большими, что совершенно скрыли выражение ее лица.

Он встал на колени рядом с Бернсом, подсунул руку ему под щеку и приподнял его с ковра. Круглое пятно крови на ковре было ярким, как свежая краска. Он ощутил потную шею Бернса. Слабый пульс трепетал под его пальцами. Он встал и еще раз оглядел комнату.

Его взгляд прошелся по лицу Вирджинии, потом мимо и потом вновь вернулся. Она перевела глаза с Бернса на Палмера.

— С ним все в порядке? — спросила она. Ее голос напоминал звук лопаты, врезающейся в песок.

Палмер кивнул.

— Ты бы... — Голос, преломившись, смолк. Палмер попытался проглотить слюну. Не получилось.

— Я посмотрю, — сказала она, медленно двигаясь к ванной комнате. Палмер наблюдал, как узкий носок ее черной замшевой туфли прошелся по ковру рядом с пятном крови. Он услышал, как она роется в аптечке Бернса. Она вернулась, неся в руках медицинскую коробку, и молча передала ее Палмеру. Он снял картонную крышку и увидел четыре ампулы, обернутые в тонкую марлю. Его рука сильно дрожала. Он попытался прочесть надпись на маленьких этикетках ампул: «Сломайте пальцами стекло»... Взяв Бернса под мышки, Палмер с трудом перетащил его на софу, хватая ртом воздух. Тяжело дыша, он нащупал воротник рубашки Бернса и попытался развязать галстук. Его пальцы неудержимо дрожали. Очень нескоро он сообразил, что

галстук пристегивающийся. Он снял его, потом ему удалось вытащить верхние запонки рубашки. Он сломал одну из ампул. Резкий запах аммиака наполнил комнату. Палмер помахал тампоном перед носом Бернса.

Бернс пробормотал что-то и попытался отвернуть свое тусклобелое лицо от разбитой ампулы. Его глаза приоткрылись.

— Перестань, — промычал он. — Прекрати.

Палмер убрал ампулу и бросил ее в пепельницу. Но промахнулся, и она упала на пол. Какой-то сильный аромат, предназначенный для того, чтобы перебить резкий запах аммиака, медленно распространился по комнате. Палмер уселся в кресло напротив софы и стал ждать.

К нему подошла Вирджиния. Она подняла его правую руку и осмотрела пальцы. Даже в ее руке пальцы Палмера заметно дрожали.

— Как они? — спросила Вирджиния.

Он покачал головой:

— Онемели.

— Попробуй подвигать ими.

Он попробовал. Каждое движение причиняло боль, но вполне терпимую. Его не так занимала боль, как сильная дрожь, сотрясавшая его руку.

— Кажется, не сломаны, — сказала Вирджиния. — Я дам тебе выпить.

Палмер сначала отказался, потом взял стакан левой рукой. Пристально посмотрел на виски и осилил несколько глотков. Это его не успокоило. Он хотел

поставить стакан на край стола, но промахнулся. Стакан упал на белый ковер и встал на дно, не пролив ни одной капли.

Нереальность этого явления окончательно сбила Палмера с толку. Ведь жидкости положено проливаться, не так ли? Он оперся локтями на колени и закрыл лицо руками, пытаясь унять дрожь в диафрагме, от которой, казалось, содрогалось все его тело.

— ...одно ты никогда не забывай, никогда. Как бы они ни улыбались и как бы дружески ни были расположены, ты никогда... Челюсть Палмера напряглась при звуке этого голоса, гораздо более реального, чем все слышанные им до сих пор. Потом он понял, что это был голос Бернса. Он отнял руки от лица и уставился на болезненно двигающиеся губы Бернса.

— ...не должен никогда забывать это — ни на одну секунду. Царапни протестанта, и сразу же обнаружится убийца. — Бернс потрогал челюсть. Его губы были очень бледны. Потом, лежа на софе, он приподнялся на локте и посмотрел мимо Палмера, как будто там его и не было. — И католиконенавистник, — обратился он к Вирджинии. — Для протестанта мы тараканы. Можешь не сомневаться.

Пытаясь успокоиться, Палмер сделал глубокий вдох.

— Мак, — сказал он очень медленно, — я никогда в моем...

— Ты знаешь это так же хорошо, как и я, — говорил Бернс Вирджинии. — Они правили и правят этой страной на крови и костях людей, которых ненавидят. Их вина заставляет их нас ненавидеть. Любой психиатр скажет тебе это. Спроси любого из них. Спроси протестантского психиатра, если найдешь такого.

— Мак, — сказала Вирджиния, — лежи спокойно.

— И так было 200 лет, — продолжал Бернс более громко, но оставаясь спокойным; видно было, что в нем говорят давно заглушаемые чувства, а не новые мысли. — В нашем районе в ЛосАнджелесе мы воевали с мексиканцами и итальянцами, потому что без этого нельзя было, но мы все боролись с протестантами. Мы все ненавидели их. Они все ненавидели нас. Для них мы были сбродом. Они были господствующей расой. Протестантские правители мира. Правители...

— Ложись и перестань болтать, — прервала его Вирджиния, — у тебя разбита челюсть, сумасшедший тип.

— И так 200 лет, — не унимался Бернс, — с их Дженерал моторсами, с их Джет-Техами, с их Вестингаузами, с их банками. Да, черт возьми, с их банками. Сплошная белая протестантская стена. Все эти протестантские деньги... Миллиарды! Они владеют ими, они дают их вам в долг, а вы выплачиваете назад с процентами. В течение 200 лет перед нашим носом маячит их вонючий каблук.

— Ты будешь вести себя как человек с разбитой челюстью? — спросила Вирджиния. — Как насчет того, чтобы выпить?

— У меня разбита челюсть, — согласился Бернс. Находясь в состоянии мрачной сосредоточенности, он произнес эти слова с акцентом, забыв многие годы самообучения. — У меня болит живот от их первоклассных загородных клубов, гостиниц только для белых, курортов, их школ и колледжей «Айви лиг» с

ограничениями для евреев и католиков, от их проклятых арендных соглашений, их обеденных и игорных клубов.

— Слушай меня, — продолжал Бернс. — Тебе еще надо этому учиться, даже такой умной девочке, как ты. Вик считает меня сумасшедшим. Он думает, что мы можем иметь с ними дело. Черта с два мы можем иметь с ними дело. Есть только один способ заставить их уважать нас, только один способ держать их в подчинении. Это нашим сапогом им в морду! — неожиданно закричал он. — И, сестричка, это время чертовски близко, если ты...

— Мак, Мак, Мак! — Она положила руку ему на плечо и толкнула его назад на софу. — Замолчи, пожалуйста.

Бернс почти тут же вскочил, сбросив ноги на пол. Он осторожно пощупал свою челюсть.

— Ты ненормальная, если думаешь, — обратился он к Вирджинии, — что все принадлежащее нам в Нью-Йорке пришло за одну ночь. Мы истекали за это кровью. За каждый сантиметр. И не думай, что они не натравливали нас друг на друга, итальянцев на ирландцев, на евреев, на негров, на пуэрториканцев. Но теперь мы получили его. — Его рука дернулась. Палмер увидел, что Бернс вытянул ее ладонью вверх и энергично сжал пальцы в кулак.

— Мы получили его, детка. Протестанты не получат этот город обратно от людей, живущих в нем. Не получат даже со всеми их шестидесятитысячными особняками в Вестчестере, и со всеми их шикарными дачами в Фэрфилде, и со всеми их дорогими подобиями крепостей на Северном берегу. Мы владеем нашим собственным городом, дорогуша. И мы владеем некоторыми другими

городами также. Спроси любого поляка в Чикаго. Спроси любого мичмана в порту Сан-Франциско. Черт подери, там, в Калифорнии, мы даже владеем банком. — Бернс покосился на Палмера, будто только сейчас заметив его. — Хелло, Палмер, — произнес он, — привет проигравшему.

Секунду Палмер молча смотрел на него. Потом рассмеялся, но смех его оборвался слишком быстро для того, чтобы сойти за проявление хорошего настроения. Палмер вскинул правую руку, прямую, ладонью вниз.

— Хайль Бернс! — произнес он.

Лицо Мака, белое от недавнего шока, внезапно побагровело. Он попытался встать, но снова свалился на софу. Grimасничая, он пощупал лоб.

— Подонок, — промямлил он.

Палмер вышел в кухню. Нашел полотенце, завернул в него четыре кубика льда и вернулся к Бернсу.

— Приложи холод, — сказал он, протягивая импровизированный пузырь со льдом. — Сожалею, что ударил тебя. Впервые за долгие годы потерял самообладание.

— Ты слышишь? — спросил Бернс, обращаясь к Вирджинии.

Он положил полотенце со льдом на лоб и поморщился.

— Ты слышишь, о чем именно он сожалеет? О том, что потерял свое проклятое протестантское самообладание. О том, что показал нам, каков он на самом деле.

— Рука у него будет ныть еще долго после того, как твоя челюсть заживет, — отметила Вирджиния. — Почему бы тебе не успокоиться и не попытаться забыть всю историю?

Бернс помрачнел.

— У меня шишка величиной с... — Глаза его расширились. — У меня огромный синяк. — Он застонал и сдвинул полотенце со льдом на щеку.

— Просто чтобы поднять себе настроение, — добавил Палмер, — посмотри, целы ли у тебя зубы. Из рта шла кровь.

— Где? Где?

Палмер показал на ковер:

— Пощупай языком. Бернс поспешно сделал глотательное движение. Палмер мог заметить, как язык Мака двигается под одной щекой, потом под другой, осторожно ощупывая зубы. — Ты никогда не забудешь сегодняшнего вечера, — заявил Бернс, покончив с обследованием. Ты конченный человек в этом городе. Теперь я не согласился бы иметь с тобой дело, даже если бы ты встал на колени и лизал мои ботинки.

— Мак, пожалуйста, — попросила Вирджиния. — Постарайся взять себя в руки.

Бернс засопел.

— Я взял себя в руки. — Он встал и побрел к застекленной стене, медленно, как старик. Долго глядел в окно. Потом его рука, придерживающая полотенце со льдом, опустилась. Спина выпрямилась. Он отвернулся от окна, почти проворно подошел к бару и бросил

полотенце со льдом в деревянный резервуар. Повернулся к Палмеру: — Тебе лучше уйти.

Палмер встал.

— Я сожалею лишь о том, что потерял самообладание. Но я получил удовлетворение, ударив тебя.

— Давай ударь еще раз.

Палмер кивнул:

— Удовлетворение было и кое в чем другом.

— В том, что разбил в кровь?

— Получил возможность — уникальную возможность — услышать от тебя правду. И наконец-то узнал, как ты в действительности относишься к некоторым вещам.

Бернс повернулся к Вирджинии:

— Слыхала? Разве это не chutzbah? [Наглость, нахальство (идиш).]

— Правда, немного грустно осознавать, что нужно, чтобы извлечь из тебя правду, — сказал Палмер. — Ты только и делал, что лгал мне и ломал комедию с первой же минуты нашей встречи. Коечто из твоего вранья я разгадал. О каких-то вещах я, наверно, никогда не узнаю правды. Лишь один раз, один-единственный раз, именно сейчас, я наконец открыл настоящего Мака Бернса. И взгляни, что потребовалось для этого открытия.

— Тебя ждет еще немало открытий, — пообещал Бернс. — Хотел бы я, чтобы завтра был рабочий день, Палмер. Но в понедельник утром ты увидишь настоящего Мака Бернса, во всей красе.

Палмер сел на софу и надел туфли. Вышел в переднюю, взял из ниши свое пальто, надел и снова заглянул в гостиную.

— На твоём месте, — сказал он Бернсу, — я поинтересовался бы, насколько обязывающим может быть соглашение между такими протестантами, как Джет-Тех, и такой личностью, как ты.

— Коварным Мстителем из Бейрута, — вставила Вирджиния. — Мак, все это так глупо! Он сейчас уйдет, и заваренная вами каша начнет разлагаться. Так не надо.

— Очевидно, надо, — сказал ей Палмер. — Этот человек уже не способен действовать разумно.

— Ты слышишь? — обратился Бернс к Вирджинии. — Разве я не сказал chutzbah? Есть ли более сильное слово? Сначала они доводят нас до белого каления, потом сами же обвиняют нас в неразумности.

— Мак, — сказал Палмер, — я не могу стереть последние двести лет. Но меня нельзя будет обвинить в сообщничестве. И я не позволю тебе оправдывать свои козни воплями о том, что протестанты осуществляют дискриминацию. Ты заслужил пощечину. Я лишь недоволен собой: не сдержался и ударил тебя.

— Уходи. Убирайся.

— Вирджиния, разрешите подвести вас?

— Кого, меня? Блудницу Марию Магдалину? Вклад отдела рекламы в организованную проституцию?

Секунду Палмер взирал на нее. Потом повернулся к двери.

— Обращаюсь к вам как американский гражданин к двум своим соотечественникам, — заявил он, — катитесь вы оба к черту!

— Вудс!

Он еще раз оглянулся.

— Хотите, чтобы я вас подвез или нет?

— Я немного задержусь и попытаюсь успокоить этого парня.

Он снова повернулся к двери и остановился в нерешительности.

Какие-то образы и обрывки мыслей расплывались в его сознании на грани реальности и фантазии. Действительно ли он подозревал ее? Как мог он ее подозревать? На чьей стороне она была? Были ли вообще какие-либо стороны? Или все это было обычное, движущееся по кругу месиво, которое снова и снова выплескивалось к его ногам.

— Я сожалею также и еще кое о чем, — сказал он наконец, не глядя на Вирджинию. — О высказанных мной умозаключениях. По крайней мере мне кажется, что я сожалею.

— Кажется и не можешь отважиться, — поддразнила она. — Штрейкбрехер. Иди домой.

— Я поговорю с тобой в понедельник. Или еще когда-нибудь.

— Или еще когда-нибудь. — Она взяла его под руку и провела к входной двери. — Мне придется утихомирить этого идиота, — прошелестела она Палмеру в ухо. — Он

избит вполне достаточно для того, чтобы обрушить весь храм на голову себе, всем врагам и всем вообще.

— Предупреди его, — сказал Палмер, повысив голос, чтобы Бернс услышал, — что ему следует беспокоиться в отношении его предполагаемых друзей не меньше, чем в отношении его предполагаемых врагов. — И шепотом: — Если ты удержишься ненадолго, я подожду тебя где-нибудь.

Она покачала головой.

— Разве ты не заметил, за какой угол мы свернули сегодня? — спросила она тихо. — Отныне и впредь мы просто друзья.

— Что-о?

— Спокойной ночи. Иди домой. Спокойной ночи.

— Подожди, я...

Она прикоснулась кончиками пальцев к его губам.

— Спокойной ночи, Вудс.

— Что я сделал...

— Не ты, — прошептала она. — Ничего ты не сделал, хотя сделал более чем достаточно.

— Тогда почему же?

— Просто потому...— Она замолчала. Потом открыла ему дверь и легонько вытолкнула его на лестничную площадку. — Не передавай Эдис от меня приветов, — пробормотала она. — Спокойной ночи.

Глава пятьдесят восьмая

Водитель такси гнал машину во всю мочь вверх по Третьей авеню. Он не придерживался двадцати двух миль в час, той скорости, с которой было согласовано переключение светофоров, а вырывался вперед и резко тормозил на каждом перекрестке, чтобы несколько секунд ждать зеленого света.

Палмер был буквально зачарован удивительной неспособностью водителя извлечь хоть какой-нибудь вывод из того факта, что он регулярно попадал на красный свет, который лишь чуть погодя сменялся зеленым. Палмер уже собрался было объяснить водителю это явление, но решил промолчать. И как бы отплатив Палмеру за его нерешительность, водитель рванул на ужасной скорости, передачи протестующе взвыли. В результате машина примчалась к очередному красному свету, настолько опередив цикл переключения, что прошло целых пятнадцать секунд, прежде чем зажегся зеленый сигнал.

Пока они ждали, внимание Палмера привлек человек, который стоял возле почтового ящика, размеренно и тяжело ударяя по его крышке. Под сероватой, наверно уже трехдневной, щетиной был рот — беззубый, благодаря чему нос нависал над подбородком. Палмер высунулся из окна машины, пытаясь разобраться, что бормочет этот житель Нью-Йорка.

— ...гнилой, паршивый и вонючий... — Он выдерживал ямб, подчеркивая размер четкими сильными ударами, от которых почтовый ящик приглушенно гудел.

— ...и я вовек не захочу увидеть их, во... век о...пять. — Точный ритм завораживал.

Хотя красный свет уже сменился зеленым, оба — и Палмер, и водитель такси — этого не заметили, целиком захваченные зрелищем.

— А людям не узнать вовек, где верный, верный, верный, верный путь. — Бум, бум.

Житель Нью-Йорка оторвал взгляд от почтового ящика и заметил Палмера и водителя такси, наблюдавших за ним. Он широко улыбнулся, сопроводив улыбку жестом человека, полностью смирившегося со всем на свете. Палмер увидел розовые десны, усеянные коричневыми язвами.

— Другими словами, — заявил житель Нью-Йорка, — они больше ничего не могут мне сделать.

Шофер дернулся, включил скорость, и машина с ревом ринулась вперед по Третьей авеню — Они действительно не могут, — подтвердил водитель.

— Не так уж много осталось сделать, — сказал Палмер.

— Несчастный ублюдок. — Водитель внезапно крутанул влево и помчался к западу по боковой улице. — И мне осталось не так уж много лет, — задумчиво произнес он, — до того как я начну разговаривать сам с собой на улицах.

— Господи!

— Ни у кого не будет иначе, — угрюмо добавил водитель. — Ни у кого.

До конца пути он молчал. Палмер вышел из такси и отпер дверь дома с бетонно-ажурным фасадом. Он нажал

на дверную ручку так слабо, что дверь приоткрылась, наверно, не более чем на несколько сантиметров. Проклятый старый клоун, мысленно выругался Палмер, под замок бы его куда-нибудь. На обществе лежит обязанность скрывать свои наиболее очевидные изъяны. Напряжением воли, гораздо большим, чем того требовала задача, Палмер собрал силы и, нажав рукой на дверь, распахнул ее. От нажима суставы пальцев заныли. Он вошел в дом и тихо закрыл за собой дверь, радуясь теплу, особенно ощутимому после холодной улицы. Постоял в темноте, поглаживая руку. Потом повесил пальто и шляпу, снял туфли и, бесшумно двигаясь, отыскал на стене выключатель. Осветил лестницу и медленно поднялся по висящим в воздухе дубовым ступенькам на второй этаж. Добравшись туда, он выключил свет над лестницей и, осторожно продвигаясь в темноте, прошел в кухню.

Закрыв за собой дверь кухни, он включил свет и опустился на какую-то табуретку, обессиленный так, что секунду-другую не мог пошевелиться. Впервые, насколько он мог припомнить, подъем по лестнице вызвал у него головокружение.

Наконец он смог открыть холодильник и налить себе стакан молока. Стал пить и услышал какое-то движение за дверью. С замирающим сердцем он понял, что Эдис проснулась и, очень возможно, надевает халат. И тут же дверь в кухню распахнулась. Эдис уже была без всякой косметики. Широкая яркая бирюзовая лента придерживала ее тусклые, зачесанные со лба назад волосы, чтобы они не падали на лицо, покрытое тонким слоем какого-то увлажняющего крема, который, как Палмер знал по опыту, действительно оставался всю ночь странно влажным на ощупь. Какое-то время Эдис

смотрела на него ничего не выражающим взглядом, лишь немного прищурив свои светло-карие глаза, что, впрочем, могло быть вызвано ее внезапным переходом из темной комнаты в светлую. Потом она подошла к столу и, взяв туфли Палмера, которые он умудрился поместить рядом со стаканом молока, наклонилась и поставила их на пол.

— Понадобилось всего десять лет, чтобы выбить из Вуди эту привычку, — заметила она. — Думаю, ты тоже не безнадежен. — Она помолчала. — Ты ужасно выглядишь.

— Ужасно себя чувствую.

— Виски и шампанское?

— И предательство.

Она прищурилась:

— Предательство?.. Мак Бернс?

— Ты очень проницательна. — Не могу даже сказать, чтобы оно меня особенно удивило. — Палмер взял стакан с молоком. — Он с самого начала работал на Джет-Тех, задолго до того, как я вообще здесь появился.

— Что у тебя с рукой? — спросила она.

Палмер нахмурился. — Что такое?

— Вудс, ты знаешь о чем речь. Что с твоей правой рукой? Ты то и дело потираешь ее. Суставы распухли и красные. Палмер устало пожал плечами: — Я его ударил.

— Бэркхардта?

— Бэркхардта? — уставился на нее Палмер. — Откуда, черт побери, ты взяла?

— Именно он запихнул тебя в это змеиное гнездо, — сказала она. — А-а, понимаю. Ты неправильно выбрал мишень. Бернса.

Он немного помолчал, не в силах шевельнуть языком. Потом:

— Может быть.

— Значит, вся эта полная патриотического духа борьба со сберегательными банками с самого начала была липой.

— Вовсе нет. Просто Джет-Тех подбросил им подкрепление.

— Но твоя работа! Все эти совещания до поздней ночи, твои увеселительные прогулки почти по всей периферии штата, все те вечера, и ночи, и дни, когда тебя не было дома... Все это собаке под хвост?

Он медленно кивнул и почувствовал, что от усталости голова начинает клониться вперед.

— Колесо вертится.

— Вудс, я считала тебя достаточно умным, чтобы не попасть в такой оборот.

Он поднял голову и взглянул на нее.

— Эдис. — Он замолчал. — Послушай. — Его рука сделала какой-то бесцельный жест и снова упала на колени. — Когда я приехал в Нью-Йорк, игра уже началась, карты были сданы.

— Понимаю. — Она взяла у него из рук пустой стакан и поставила на стол. — Ты подразумеваешь игру сберегательных банков? Их карты?

Он молча кивнул.

— Но по-видимому, велась еще одна игра, — продолжала Эдис. — Тебе не кажется, что...— Ее голос замер, она замолчала.

— Да?

— Ничего. — Она села за стол напротив него. — Но все-таки, как насчет этой...— Она резко прервала фразу.

— О чем ты?

Эдис тряхнула головой.

— Неважно. Как-нибудь в другой раз...

Палмер заметил, что она изучающе разглядывает его. Он постарался выпрямиться, как будто это сколько-нибудь могло помочь ему выдержать осмотр. И все же у него не хватило энергии на такое усилие. Хотя он чувствовал, что не в состоянии пошевелиться, спать ему не хотелось. Если бы нашелся какой-то способ продлить это бездействие на неопределенное время, он бы с удовольствием сидел здесь и ждал. Но чего он ждет, Палмер не имел понятия.

— Все неважно, — медленно и задумчиво сказала Эдис, как бы обращаясь к самой себе. — Кроме одного. Что ты собираешься делать?

Палмер попытался пожать плечами. Неодолимая апатия сковала его движения. — Поклониться и уйти? — предположил он. — Признать, что большой город загнал меня в угол? Лицо Эдис было абсолютно спокойно.

— Что бы ты сделал, если бы мог?

Брови Палмера изогнулись, потом устало опустились.

— Побил их.

— Ради Бэркхардта?

Палмер издал губами какой-то тихий звук:

— Ему конец, что бы я ни сделал. Он уже не нуждается в помощи. И я не собираюсь помогать ему, даже если бы мог.

— Тогда почему ты хочешь одержать над ними победу?

Он сделал медленный вдох.

— Это принесло бы мне огромную радость. — Он бессмысленно улыбнулся. — Огромную юношескую радость, должен признаться. — Он лениво выдохнул воздух, который задерживал в легких. — Это все мечты. Так кончаются только сказки.

— Тогда что же мы будем делать?

— Мы?

— Если ты уйдешь из банка? Что будет делать вся семья? Покинем Нью-Йорк? Покинем этот дом?

Палмер закрыл глаза.

— Я пока не думал.

— Но это же совершенно ясно.

Ее резкий тон заставил его открыть глаза.

— Да?

— Но просто так сдаться... — Она сидела очень спокойно, разглядывая свои руки, в которых держала стакан из-под молока. Потом: — Вудс, если тебе не нравились твои карты, зачем ты вступил в игру?

— Не знал, что они крапленые. — Он глуповато ухмыльнулся.

— Может быть, это вообще были не те карты.

— Учитывая, что сдавал Джо Лумис... да.

— Кто-о?...

— Джет-Тех, — Палмер поморщился. — Семидесятилетний идейный вождь. — Он тихо засмеялся: — Главный шулер.

— А это...— Она замолчала.

— Что это?

— Ничего.

— Черт возьми, Эдис. Ты все время начинаешь вопросы и не заканчиваешь их.

— Мне интересно. Возможно ли, не слишком ли поздно... просто, — она сделала руками какой-то вращательный жест, — просто начать новую игру. Со своими картами?

— Как?

— Ну я не знаю...

— Ты переборщила с этой метафорой, — сказал Палмер. — Это ведь все-таки не карточная игра. Правда?

— Но она на нее похожа. И когда твой противник подтасовывает карты, ты требуешь новой игры с новой колодой.

— Но я не могу ни от кого ничего требовать в моем положении. — Он почувствовал в себе искры раздражения. Оно казалось направленным на жену, но совершенно очевидно, это было раздражение на самого себя, на свою беспомощность. Странно, но эта злость согрела его. Огромная, давящая, какая-то мертвая

апатия неожиданно прошла. Он почувствовал почти невесомость.

— Ты что? Тебе нехорошо? — спросила она.

— Просто... я неожиданно почувствовал невесомость...— Он смущенно рассмеялся и в это же мгновение вспомнил Гейнца Гаусса. — Послушай, — начал он.

— Да?

— Дело в том...— Он снова замолчал.

— В чем?

— Это напомнило мне о моем антигравитационном друге.

— Вудс, о чем, черт побери, ты говоришь?

— О Гауссе, который открыл новейший закон.

Эдис поднялась и поставила стакан из-под молока на сушилку над раковиной.

— Уже страшно поздно, дорогой. Думаю, нам лучше отправиться спать.

Палмер щелкнул пальцами.

— Нет еще.

Повернувшись, она посмотрела на него:

— Что с тобой случилось?

— Черт возьми вот это здорово.

— Вудс!

— Да-да. Я объясню. Всего два хода. — С неожиданным приливом энергии он вскочил и зашагал в

одних носках по кухне. — Первый не слишком сложный. Второй — похитрее.

Он рванул галстук-бабочку и отстегнул верхнюю запонку.

— Боже милостивый! — Он опять засмеялся. — Это, может быть, даже сработает.

— Вудс, уже глубокая ночь.

Он посмотрел на часы:

— До утра ни черта не удастся сделать.

— Тогда, может быть, мы пойдем спать?

Он энергично мотнул головой.

— Мне нужно много часов на составление плана...— Он замолчал и повернулся к ней: — Эдис, ты не могла бы сварить кофе?

— Если бы ты хоть намекнул мне...

— Ладно, — выпалил он. — Обязательно. Начинай варить. Я объясню.

Не спуская с него внимательного взгляда, Эдис машинально вытащила кофеварку и стала наливать в нее воду.

— Я слушаю.

— Ладно. — Палмер дошел до двери и повернул обратно.-

Мы возьмем кофе в рабочую комнату, или кабинет, словом в мою комнату, как там она называется. Там весь справочный материал, правильно?

— Что за справочный материал?

— «Справочник директоров», «Руководство по снабжению вооруженных сил». Вашингтон в том же поясе времени, что и... Ну, конечно. Хорошо. Прекрасно. Как там насчет кофе?

— Не думаю, чтобы он тебе был очень нужен.

— Нужен. Все детали должны быть пригнаны, как в швейцарских часах.

— Детали?

— Я все время забываю, — сказал он, на секунду остановившись. Он так энергично стал потирать руки, что суставы больно стукнулись друг о друга. Но он не почувствовал этого. Он крепко сжал руки и помахал ими в воздухе.

— Ты увидишь такую подтасовку, что ничего подобного ты никогда...— Он оборвал это невероятное предложение и снова заходил по комнате. — Абсолютно новая колода карт. Совершенно другая игра.

— Как называется эта игра?

Он повертел пальцами у нее перед носом:

— Карты на стол!

Глава пятьдесят девятая

Первые лучи позднего зимнего рассвета проникли сквозь бетонно-ажурный фасад около 8 утра. И только еще через час, оторвавшись от кипы книг и бумаг, разбросанных по всему письменному столу, Палмер заметил, что наступил день. Эдис легла спать в три часа ночи, приготовив мужу еще кофе. Палмер выпил все до остатка, хотя кофе был невкусным от долгого стояния, провел пальцами руки по волосам и откинулся от стола. Где-то в глубине дома уже были слышны голоса детей. Собрав со стола листы бумаги, он уставился на них.

В холодном дневном свете весь план казался обреченным на провал. Палмер попытался нацедить из пустого кофейника еще чашку кофе. Потом он перечитал листы, на которых наметил каждый шаг своего двухступенчатого плана. Обуреваемый сомнениями, он встал и обошел вокруг стула, разминая затекшие ноги и мышцы спины. Та же усталость, что одолевала его вчера, когда он вернулся домой, снова начала сковывать его шаги. Рубашка прилипла к телу, края манжет запачкались. Палмер попробовал потянуться и почувствовал, что быстро теряет всю энергию. Он взглянул на руку — проверить время — и увидел, что может начать телефонные переговоры только через час. Усевшись за стол, он подпер щеки ладонями. Раздался голос Джерри, прокричавший что-то вроде:

— Завязывай свои собственные ботинки! —
Мгновением позже он уже спал.

Когда Эдис разбудила его, первое, что он ощутил, — это ужасную тяжесть во всем теле.

— ...разденься и ляг в постель, — услышал Палмер ее голос.

Он тихо застонал. Ему показалось, что его завалили песком, который набился в глаза и за воротник. Он с трудом открыл глаза. И пробормотал:

— Который час?

— Десять часов, Вудс. Пожалуйста, не...

Он выпрямился, теперь уже окончательно проснувшись.

— Потерял полчаса, — пробормотал он. — Боже милостивый. Пусть миссис Кейдж сварит еще кофе.

— Вудс.

Он повернулся и взглянул на нее. Хотя она спала всего несколько часов, вид у нее был какой-то укориженно свежий. Она уже оделась и накружилась. Все это заставило его почувствовать еще большую тяжесть во всем теле.

— Скажешь? — спросил он.

— Дорогой, сегодня суббота. Ты не сможешь...

— Не беда. Бернс может ждать до понедельника, а я не могу. Пожалуйста, свежего кофе.

— Ты немного поспишь позже?

— Позже. И пожалуйста, не пускай сюда детей.

— Кто-нибудь из них надоедал тебе?

— Нет. Ладно. Пожалуйста. Кофе.

— Сию минуту. — Она взяла кофеварку и вышла.

Палмер закурил сигарету. Дым на секунду-другую вызвал слабость и тошноту. Но тут же он почувствовал

прилив энергии: никотин сработал. Поскольку действие никотина длится очень недолго, Палмер сразу же приступил к работе. Он заказал личный разговор с городом на Среднем Западе, где размещался научноисследовательский центр Джет-Тех. В лаборатории никого не было. Местная справочная не смогла сразу найти домашний телефон Гейнца Гаусса. Но потом телефонистка обнаружила его номер среди пригородных, и вскоре сам Гейнц Гаусс поднял трубку.

— Беда в том, — начал после обмена приветствиями Палмер, — что вы не выходите у меня из головы.

— Даже так? А я-то подумал, что вы давно про меня забыли, мой друг.

— Может быть, и забыл бы, — признался Палмер, — если бы не почувствовал ответственность за всю эту проклятую заваруху.

— В какой-то степени вы, конечно, ответственны. Во-первых, это вы привезли меня сюда, не так ли?

— В том-то и дело. — Палмер помолчал. Он напомнил себе, что имеет дело не с неотесанным мужланом и что, продемонстрировав известную порцию альтруизма, можно добиться гораздо большего эффекта. В то же время Гаусс не должен догадаться об его подлинных побуждениях.

— Кое-что выплыло, — продолжал Палмер. — Не в банке. У человека вне банковских кругов. Он... ну, ладно, сейчас не время вдаваться в подробности. Я взял на себя смелость рассказать ему немного о ваших неприятностях и тому подобное. Я не называл имен. Но поскольку в его возможностях сделать кое-что для вас, он, вероятно, догадался, кого я имею в виду.

— Вы не рискуете?..

— Я был очень осторожен. И он будет еще более осторожен. Это в его интересах. Если бы я сказал вам его имя, вы бы сразу поняли. Главное в следующем: если вы хотите уйти, он может гарантировать... я хочу сказать гарантировать... пост, равный или даже более ответственный, с гораздо большей свободой и почти неограниченным бюджетом.

— Вы говорите о Вестинг...?

— На данном этапе я ни о чем не говорю. Он сказал только то, что я сейчас вам передал. Ну? Какое впечатление это на вас производит?

— Но, не зная имени другой компании, как я могу что-либо ответить?

Доведенный, что называется, до белого каления, Палмер вздохнул. Разговор оказался слишком долгим, а телефон мог прослушиваться. К тому же Палмер должен был сделать еще несколько звонков, прежде чем...— Гаусс, никто не просит вас слепо связывать себя. Меня интересует ваше отношение к идее в целом. Положительно ли вы относитесь к ней?

— Ну, конечно, положительно.

— Прекрасно.

— Как скоро, по-вашему, я?..

— Не имею понятия, — прервал его Палмер. Едва услышав в голосе Гаусса заинтересованность, он стремился теперь закончить беседу и оставить немца в мучительном беспокойном ожидании. — Я очень доволен вашей реакцией. Немного усилий, и мы сможем

освободить вас. — Палмер засмеялся: — Так сказать, еще раз.

— Это вопрос дней? Недель? Месяцев? Я должен знать...

— Как только я узнаю, узнаете и вы, — пообещал Палмер. — А сейчас я должен попрощаться, Гаусс. А вернее, *auf Wiedersehen*. — Он быстро повесил трубку и затащился сигаретой.

Теперь было немного больше 10.15. Палмер заказал следующий личный разговор. На этот раз — с городом в Новой Англии. И снова та же проблема — поиски пригородного домашнего номера. К телефону подошла женщина.

— Междугородная вызывает генерала Хейгена, — объявила телефонистка.

— Он... кто его просит, извините?

— Вудс Палмер, — ответил Палмер.

— Секундочку, я посмотрю...

Женщина, очевидно, отошла от телефона.

Палмер решил, что, даже если Хейген и спит, пора ему просыпаться. Сколько ему сейчас, 58 или 59? Еще не слишком стар, чтобы так долго валяться в постели.

— Алло? — произнес сонный голос.

— Генерал Хейген? — спросила телефонистка.

— Я.

— Говорите, сэр.

Палмер открыл было рот.

— Это который Вудс Палмер? — первым начал Хейген.

— А скольких ты знаешь, Эдди?

— Боже, я забыл о смерти твоего отца. Мне очень жаль, Вуди.

— Это было давно. Теперь я в Нью-Йорке.

— Я знаю. Я был несколько раз в городе, все собирался зайти, да мне все казалось, что ты чертовски занят грабежом честных граждан, чтобы уделить время старому неудачнику. Как они там с тобой обращаются?

— Эдди, тебе когда-нибудь вот так, как гром среди ясного неба, звонил какой-нибудь старый армейский приятель, чтобы предложить кое-что просто из любезности.

— Н-нет, — осторожно ответил Хейген. — И ты также.

— Ошибаешься. Ты еще никем не заменил Ааронсона?

— Ты же знаешь, что нет.

— Трудно найти человека с такими знаниями?

— Не растравляй рану. Кто у тебя в кармане?

— Человек с фантастическими идеями. У него лабораторно подтвержденные данные. Нечто очень новое.

— У него есть имя? Или ты боишься, что я его не знаю?

— Я боюсь, ты не сможешь заплатить ему того, что он стоит.

— У нас не такая уж маленькая компания.

— Если ты не можешь начать с 70 тысяч плюс акции, тогда давай поговорим о твоей семье или о гольфе. Забываешь ли ты восемнадцать?

— Черт побери, это слишком дорого.

— Но не за то, что у него есть.

— Сможет ли он взять это с собой в случае своего ухода оттуда?

— До сих пор это было частное исследование, — объяснил Палмер.

— Без шумихи и все прочее, нам не нужны судебные процессы.

— Твоя осторожность достойна похвалы. Забудем про наш разговор. Как поживает Маргарет?

— Оставь Маргарет в покое. Как там его чертово имя?

— Это наш старый друг, Эдди. Я однажды привез его к тебе на «джипе».

— Ты шутишь. Который из трех?

— Самый старший.

Хейген помолчал.

— Понимаю. — Еще одна пауза. — Кто-то продает тебе воз протухшего утильсырья, Вуди. Он не стоит даже тридцати тысяч, и, уж конечно, без акций.

Палмер усмехнулся: контрпредложение было ниже, чем он ожидал.

— Ладно, Эдди, — весело сказал он. — В следующий раз, когда будешь в городе, позвони. Хотелось бы тебя увидеть. Передай мой привет Мар...

— Чепуха. Сорок тысяч. Никаких акций.

Десять минут спустя разговор закончился на пятидесяти тысячах. Палмер сверился со своим планом и набрал прямой номер.

— Джейн, это Вудс Палмер.

— Дорогой, у вас все в порядке? — спросила тетка Эдис.

— Все прекрасно. Все здоровы. Эдис передает привет. Тим дома?

— Боже мой, нет. Он в Паско.

— Паско, штат Вашингтон?

— Да, в каком-то отеле. Он всегда там останавливается, когда приезжает в Паско. Я понятия не имею, как он называется, но это...

— Сейчас там семь утра, не так ли?

— Дорогой, откуда я знаю. Я никогда не звонила ему.

— Может случиться, чтобы он встал так рано?

— Может быть. А ты?.. Ты собираешься ему звонить?

— Да.

— Зачем, дорогой?

— По делу, Джейн.

— Странно.

— Очень. Ну, спасибо, дорогая. Эдис тебе позвонит. А сейчас, до свидания.

— До свидания, дорогой. Вудс! Вудс!

Палмер нажал на рычаг и тут же отпустил его, чтобы Джейн не смогла перезвонить. Секунду спустя он набрал номер междугородной и сообщил телефонистке все известные ему данные о пребывании Тима Карви в Паско.

Во втором отеле дежурный администратор сонно признал наличие такого субъекта. Вскоре муж Джейн поднял трубку. Палмер заговорил, опережая телефонистку.

— Это Вудс Палмер, Тим.

— Черт возьми, что ты делаешь в Паско?

— Я в Нью-Йорке. Я...

— Ты звонишь из Нью-Йорка? — удивился Тим.

Телефонистка отключилась.

— Прости, если разбудил.

— Я проснулся уже несколько часов назад, — прервал Тим. — Ну, во всяком случае, несколько минут. Слушай. Что-нибудь с Джейн? Что случилось?

— Совсем нет. Я только что разговаривал с ней. Она объяснила, где тебя найти. У нее все в порядке. Понимаешь, мне нужна кое-какая информация, и ты единственный из всех моих знакомых в курсе дела. Это... С чего бы начать? Мужчина, ученый. Бывший подданный вражеской страны, ныне гражданин США. Нанят в частном порядке фирмой с крупными и правительственными контрактами. Он хочет принять

предложение другой фирмы, тоже имеющей правительственные контракты. Может ли что-нибудь воспрепятствовать ему, кроме его собственных обязательств по контракту?

Молчание на другом конце провода. Потом:

— Какое отношение это имеет к тебе?

— Обе фирмы имеют дело с нами.

— Это не причина, старина.

— Тим, разве то, о чем я спрашиваю, — секретная информация? — нетерпеливо спросил Палмер.

— Вовсе нет. Просто меня всякий раз настораживает, когда руководитель исследовательских работ вдруг перескакивает с одного места работы на другое.

— Перескакивает? Он сидит на одном и том же месте уже почти пятнадцать лет.

— Причина перехода?

— Больше денег, больше свободы.

— Я не думаю, что он...

— Тим, меня больше всего интересует следующее: обладает он теми же правами, что и всякий гражданин США? Или для такого случая найдется какая-нибудь двусмысленная статья закона, привязывающая его к данному месту работы?

— У нас свободная страна, старик. Даже для него. Но я должен сказать, что любое движение на высшем уровне немедленно возбуждает интерес Пентагона и правительства. Он ведь не какойнибудь машинист или сварщик.

Палмер чуть улыбнулся.

— Я вовсе не хочу подставить комунибудь ножку, — соврал он, — но я не думаю, что он столь уж важная фигура.

— Что ты знаешь о таких вещах, — возразил Карви, и Палмер почти увидел, какое самодовольное выражение появилось на лице Тима при этих словах. — Большинство гражданских не могут знать, понимаешь. Часто сам ученый понятия не имеет, какой частью общего дела является его работа. Эта информация доступна очень небольшому кругу людей, и, конечно, они не станут ее разглашать.

— Ты один из них?

— Зачем спрашивать то, что и сам прекрасно знаешь.

Твердый, почти британский акцент послышался в произношении Тима. Палмер узнал все, что хотел, но не мог отказать себе в удовольствии поддразнить Тима.

— Значит, ты мог бы... встать на пути в подобном случае? — спросил он.

— Ну, конечно, мог бы. Я не хотел бы думать, — добавил Тим, переходя на характерную для англичан насыщенность речи сослагательными наклонениями, — что один из моих родственников мог бы предположить что-нибудь иное.

— Кажется, я твой племянник, троюродный, — вставил Палмер. Он помолчал. — Во всяком случае, дядя Тим, спасибо за уделенное мне время.

— Нет необходимости становиться... м-м... — Подхалимом, — подсказал Палмер. — Правильно. И еще раз спасибо. Что-нибудь передать Джейн?

— Скажи ей, что племянник у нее нахал. — Тим перешел на чисто американскую речь.

— Ха! До свидания. — Палмер повесил трубку и снова перечитал свой план. Значит, так: в принципе он получил согласие Гаусса и совершенно конкретное предложение Хейгена.

Правительство может или поднять, или не поднять шум. Если не вмешается департамент Тима, то Вторая Фаза плана усложнится. А если бы Тим попытался воспрепятствовать переходу Гаусса, Вторая Фаза оказалась бы проще простого.

Он взглянул на часы. Из-за задержек, вызванных поисками телефонных номеров, разговоры затянулись почти до одиннадцати часов. Он поднял трубку и набрал номер Гейнца Гаусса.

— Алло?

— Гаусс, снова Палмер.

— Рад, что вы позвонили. Так много осталось висящим в воздухе.

— Ничего больше не висит. Как только вы разделаетесь с вашим контрактом с Джет-Тех, вы получите новый на пять лет, начиная с пятидесяти тысяч, и акции.

— Но вы... Акции? Пятьдесят тысяч? — Немец помолчал. — А с какой фирмой?

— Я расскажу вам обо всем в понедельник за ленчем.

— Вы хотите приехать сюда?

— Этого я не могу сделать, — объяснил Палмер. — Это было бы в высшей степени неблагоприятно. Кроме того, с нами будет еще один человек. Тот, кто вас нанимает. Как насчет ленча в «Клубе» в деловом квартале Нью-Йорка? Вы можете вылететь в понедельник утром и сесть на вертолет в Айдл-уайлд до станции на Уолл-стрит. Там я вас встречу.

— Пожалуйста. Все происходит так быстро... Я должен знать больше.

— Вы и узнаете. На ленче в понедельник.

— Но как я объясню свое...

— Послушайте, — резко прервал его Палмер. — Вы ведь не должны отчитываться перед ними за каждую секунду вашего времени, не правда ли?

— Ну, конечно, нет. — Неожиданно ответной резкостью Гаусс попытался искупить свою прежнюю неуверенность. — Совсем нет, — уверил он Палмера.

— Есть все же одна вещь, которую я хотел бы обсудить с вами заранее, — продолжал Палмер. — Эти, гм, эксперименты, о которых вы рассказывали. Раз это ваша собственная работа, вы свободно можете перевести их в другое место, не так ли?

— Но, Палмер, вы не обсуждали их с новой компанией?

— Ну, конечно, нет. Все же эти эксперименты являются решающим фактором сделки.

— Я вел записи, — сказал Гаусс. — Это мои личные журналы.

Даже если бы они остались там, посторонние ничего в них не поймут. Но в любом случае я помню все нужные данные.

— Вы знаете расписание утренних самолетов до Нью-Йорка?

— В девять, по-моему, и в одиннадцать.

— Возьмите на девятичасовой. Это десять по нью-йоркскому времени. В Айдл-уайлд вы прибудете в 11.30, а на Уолл-стрит— к полудню. Найдете меня там.

— Разве это должно происходить в таком ускоренном темпе, мой друг?

— Я думаю, что, — начал Палмер тоном, который, он надеялся, прозвучал не слишком уж торжественно, — я думаю, что каждый день, в течение которого вашей работе мешают, препятствуют, является одновременно и днем, в который, возможно, другие ученые опережают вас.

— Очень хорошо сказано, — сухо произнес Гаусс. — Но у меня огромное, страстное желание узнать, почему вас вдруг так заинтересовали мои дела?

— По многим причинам. Я уже объяснил, что чувствую ответственность за некоторые ваши неприятности. Но я не отрицаю и корыстный мотив.

— Так. И что же это за корыстный мотив?

— Человек, который встретит нас в понедельник за ленчем, — мой старый друг. Его фирма потерпела несколько неудач. Поскольку мы являемся их банком, я знаю, что компания хочет пойти по новому пути. Техника

космического века так быстро развивается, что сегодняшний успех может стать завтрашней головной болью. Им ужасно нужен хороший рывок. Я думаю, что вы-то им и нужны. Я нашел, как одним выстрелом убить двух зайцев. Вот в чем дело.

— М-м. Кажется, я начинаю догадываться о личности нашего компаньона за ленчем.

— Давайте на этом остановимся. Вы слишком проницательны для меня.

— Только одно, — настаивал Гаусс. — Он недавно потерял хорошего человека?

— Это — лишь последнее звено в цепи неудач.

— Так. Тогда он также и мой старый друг, *nicht wahr* [Не так ли? (нем.)]?

— *Bis Montag, mein alter Freund. Bis Montag* [До понедельника, мой старый друг, до понедельника (нем.)], — парировал Палмер.

— Понимаю. — Несколько секунд Гаусс молчал. Потом: — Очень интересно. Я начинаю думать, что, вполне вероятно, мне это очень понравится.

— Мы должны выработать тактику освобождения вас от контракта с Джет-Тех.

— Последний из пятилетних контрактов истек в прошлом году. С тех пор из-за неудач ракеты «Уотан» на мысе Канаверал [Ныне мыс Кеннеди] я сижу на 90-дневных... э-э, как там они называются?

— Гаусс, я должен сейчас попрощаться.

Немец довольно рассмеялся: — Разве не *auf Wiedersehen*? [До свидания (нем.)]

— Natürlich. Auf Wiedersehen. [Конечно. До свидания (нем.)]

— Bis Montag. [До понедельника (нем.)]

Палмер повесил трубку и скорчил гримасу телефонному диску. Можно было бы предположить, мысленно сказал он себе, что Гауссу так же, как и мне, разговор по-немецки не должен доставлять удовольствия, хотя бы как некое возвращение к прошлому, к началу наших взаимоотношений. Но, по-видимому, ни один немец никогда не сможет преодолеть внутреннего убеждения, что его родной язык — самый лучший. Ведь, в конце концов, это язык расы господ. Палмер еще раз внимательно изучил свой рабочий план и перечеркнул пункт, обозначенный: «второй звонок Гауссу... корыстный мотив. § 1... компании нужен один хороший рывок». Он также перечеркнул пункт «первый звонок Хейгену... упомянуть Ааронсона... все время стараться уводить разговор от сделки». Потом он опять снял трубку и набрал номер Хейгена. Генерал ответил сам.

— Эдди, снова Палмер. Можешь ли ты пообедать со мной в Нью-Йорке в понедельник?

— Ты чудак, Вуди. Ты же знаешь, у меня тут полно дел.

— Чтобы встретиться с человеком, о котором я говорил.

— Я его встречал.

— Ему нужно подтверждение некоторых моментов, таких, как возможность проводить эксперименты по его собственной инициативе, и прочее.

— Подтверди все, я тебя поддержу.

— Ну, ты знаешь людей такого сорта. Уважающих ранги.

Один взгляд на тебя, и он будет щелкать каблуками.

— Старый армейский дружище, ты считаешь, что оказываешь мне одолжение. Допустим, одолжение. Но не кажется ли тебе, что ты становишься довольно-таки надоедливым.

— Ладно, Эдди. Просто мне не хотелось, чтобы сделка сорвалась.

— Есть такая опасность?

— Ты ведь не считаешь себя единственным покупателем на аукционе?

Хейген помолчал.

— Что это, пожар?

— Точно. — Палмер постарался, чтобы в голосе прозвучал сарказм. — А когда ты вскрыешь конверт с деньгами, там окажутся обыкновенные клочки бумаги. Эдди, если ты хочешь отказаться, так и скажи. Но пожалуйста, сделай это сейчас.

— Боже. В котором часу и где?

— Двенадцать тридцать. «Клуб» в деловом квартале.

— Может быть, еще более уединенное место — возле витрины Мейси. [Мейси — крупнейший магазин-небоскреб в Нью-Йорке.]

— Да или нет?

— Пошел к черту. До свидания.

— Пока. — Не успел Палмер повесить трубку, как вошла Эдис с чашкой кофе.

— Целый час, чтобы приготовить кофе?

— Я не хочу, чтобы ты пил даже эту чашку, Вудс. Тебе следует скорее выспаться.

— Скоро лягу. — Палмер тяжело вздохнул и начал маленькими глотками пить кофе. Потом со стуком поставил чашку на стол. — Не можешь ли ты сделать один телефонный звонок?

— Кому?

Палмер пододвинул к себе справочник по Манхэттену и начал его листать.

— Ты позвонишь от имени генерала Хейгена и закажешь хороший столик возле окна к двенадцати тридцати в понедельник.

— Я должна быть секретаршей Эдди?

— Ты просто звонишь от его имени.

— Он член этого клуба?

— В том-то и дело. Я — нет, он — да. Понятно?

Эдис прищурила свои светло-карие глаза.

— Я не совсем уверена, что ты осознаешь все свои действия. И у меня ужасное чувство, что и ты тоже не уверен в себе.

— Позвони.

— Сейчас?

— Первая Фаза закончилась. Чем скорее ты позвонишь, тем скорее начнется Вторая Фаза.

— А после моего звонка ты пойдешь спать?

— Почему ты так заботишься о моем здоровье?

— Разве каждая преданная, верная своему долгу жена не делает этого?

Он поднял глаза, стараясь прочесть на ее лице, что она хотела этим сказать. Долго они молча смотрели друг на друга. Наконец она сняла трубку.

— Давай, — сказала она.

Глава шестидесятая

Палмеру показалось, что последующие сорок восемь часов тянулись намного дольше обычного. Но и в эти долгие часы он не мог взглянуть на себя со стороны. Вторая Фаза состояла из стольких частей, что почти не оставалось времени для размышлений. Вместо этого Палмер кидался вперед, сознательно увеличивал скорость, спал урывками, стараясь обмануть время, подгонял его под свой рабочий план. Позже, когда у него появилась возможность анализировать, он обнаружил лишь одно-единственное реальное свидетельство этого взрыва активности: счет за телефонные переговоры — главным образом междугородные — на сумму свыше 300 долларов.

По настоянию Эдис в субботу после ленча он в конце концов лег спать, поставив будильник на семь часов вечера. И, проснувшись в это время — шесть часов на Среднем Западе, — он начал звонить в Чикаго.

Большинство тех, с кем он говорил, готовились к обеду дома или где-нибудь в другом месте. Они проявляли заинтересованность, но им было некогда, то есть они находились именно в таком душевном состоянии, на какое и рассчитывал Палмер. Куда-то спеша, они не имели времени на детальное обсуждение проблемы. Все это были те, кого отец Палмера называл «мальчики», различные партнеры по бизнесу, представители компаний — клиентов банка старого Палмера, банкиры из других банков, маклеры, услугами которых в течение многих лет пользовался Палмер, а до этого и его отец, — услугами в сделках; закадычные друзья старшего Палмера по покеру или по охоте и

многие друзья самого Палмера. В целом он сделал больше тридцати таких звонков, и каждый из них, если отшелушить приветствия, расспросы о здоровье и делах, легкие двусмысленности, приветы семье и прочие украшения деловой беседы, сводился к главным тезисам, написанным Палмером в нескольких вариантах.

— Билл (или Джек, или Фил, или, в одном случае, Джиббзи),-в конце концов говорил Палмер,-я помню, ты здорово скупал акции Джет-Тех на распродаже в июне прошлого года. Много их у тебя?

Здесь в зависимости от полученного ответа начинались варианты. Если человек больше не имел существенных запасов акций Джет-Тех, то Палмер, облегченно вздыхая, поздравлял его и по возможности быстрее заканчивал беседу намеком на «крупные неприятности» завтра, после открытия биржи, или самое позднее во вторник. Если же его собеседник имел большое количество этих акций, Палмер выражал свои мысли несколько определеннее. Взволнованным тоном он высказывал беспокойство, заявляя, что, несмотря на связывающее его обязательство хранить тайну, он высоко ценит право дружбы, ну, хотя бы на незначительный и, разумеется, очень неопределенный намек. «Я буду продавать свои собственные в понедельник, когда откроется биржа», так заканчивался этот вариант ключевой части беседы, «потому что во вторник после полудня продать их, даже по дешевке, будет мечтой».

К десяти часам вечера в субботу Палмер завершил свои телефонные переговоры с поясом времени Чикаго и Скалистых гор и перешел на Западное побережье, где уже наступило семь часов вечера.

До половины двенадцатого ночи обзванивал он этот район, после чего снова позвонил в отель в Паско, штата Вашингтон, где муж Джейн, по всей вероятности, уже отдыхал за чтением какойнибудь интересной книги. Однако портье ответил, что в номере никого нет, и Палмер попросил оставить заказ.

Около часа ночи Эдис уговорила его снова лечь спать, но, когда в четыре часа зазвонил телефон, Палмер тут же вскочил с постели к отводной телефонной трубке.

— Нет, нет, ничего не случилось, Тим. Прости, что оставил заказ. Это моя оплошность. Который там час у тебя? Час ночи?

— Я помогал бригадным генералам надрызгаться. Так что я не в состоянии постичь твои тонкости, Вудс. Имеет это отношение к немецкому прыгуну с места на место?

— Боюсь, что да. Он твердо намерен перейти. Но трудность в том, что я даже не знаю, на чьей стороне я сам. Мы финансируем обе компании. Старой он нужен, но и новой тоже. И боюсь, что старая виновата в дикой халатности в отношении заключения с ним контрактов. Он сейчас на 90-дневных контрактах, и это, конечно, не дает ему чувства уверенности.

— Черт знает, что ты говоришь. — Тим помолчал. — Может быть, он не стоит долгосрочных контрактов? Они бы не рисковали, если бы боялись потерять действительно первосортного специалиста.

— Та, другая компания, кажется, довольно-таки сильно хочет заполучить его.

— Вуди, скажи, почему ты надоедаешь мне со всем этим в час ночи? Почему вообще ты надоедаешь мне со

всем этим делом? В свое время это привлечет внимание соответствующих властей. Я не вижу причины, почему ты стараешься ускорить естественный ход вещей.

— И не думал ничего ускорять. Просто мне нужна информация.

Муж Джейн тихо застонал.

— Какая информация, Вудс? И старайся покороче.

— Если хочешь, я могу позвонить завтра. Или ты позвони мне...— Палмер сделал паузу.-...за мой счет, — добавил он улыбаясь.

— Послушай, — взорвался Тим, — будь так любезен, изложи свою...

— Хорошо, — прервал его Палмер успокаивающим тоном, — хорошо. Но имей в виду, если это секретная информация, о которой не должна знать широкая публика, зачем...

— Давай начинай, дружище.

— Сию минуту, — заверил его Палмер и торопливо перешел к самому непозволительному вопросу, какой только смог придумать. — Я бы хотел знать, насколько большое значение придается запуску «Уотан». Они так регулярно терпят неудачи, можно предположить, что весь проект уже устарел, если он вообще не перечеркнут. Так что я хотел бы зн...

— Вудс. — Голос Тима звучал глухо, деревянно. — Ты пьян?

— Между прочим, я спал, когда раздался твой звонок.

— «Твой звонок!» — взревел Тим.

— Да, конечно, совершенно верно. Прости.

— Вудс, иди спать или иди к черту, но в любом случае повесь трубку.

— Тим, я сказал какую-то глупость? — наивно спросил Палмер.

— Спокойной ночи. — Резкий щелчок, и линия замолчала.

Улыбаясь в темноте, Палмер вернулся в постель.

— Что это было? — сонно спросила Эдис.

— Просто немного подразнил гусей.

Полежав до пяти, так и не заснув, Палмер встал. Следующие несколько часов он потратил на вычеркивание выполненных пунктов плана и на краткую перепись оставшихся дел. В первую очередь предстояло несколько междугородных звонков, которые он не смог завершить прошлым вечером. Во что бы то ни стало надо было предотвратить любые обратные звонки. Так, например, ни в коем случае не дать Тиму Карви дозвониться до него. К полудню до мужа Джейн, несомненно, дойдет, что готовится какое-то важное событие. Поддразнивания Палмера пока достаточно сбили его с толку, и он был не в состоянии задать ни одного действительно убийственного вопроса. Но заветное слово «Уотан» в конце концов породит целый рой вопросов, и Палмер не хотел бы оказаться вынужденным отвечать ни на один из них.

Однако самое важное оставалось на конец воскресенья — звонок к Бернсу, и Палмер должен был его сделать как можно позднее вечером. После полудня он потратил некоторое время на разработку различных

путей, по которым может пойти беседа. Когда же Палмер наконец позвонил, он был очень доволен, встретив в этом разговоре так мало из предусмотренных им препятствий.

— ...звоню узнать, как чувствует себя ваша челюсть.

— Прекрасно. И это все?

— Не совсем.

— Конечно, вы звоните не для извинения, — ровным тоном отметил Бернс. — Люди вашего типа никогда этого не делают.

— Вы довольно-таки хорошо изучили «мой тип», не правда ли?

— Да, конечно, — согласился Бернс. — У нас есть особое имя для вас. Вы — БАП.

— Кто?

— Белый. Англосакс. Протестант.

— Как и Джо Лумис?

— Ладно, Палмер. Это все?

— Совершенно очевидно, что есть БАПы и БАПы. Некоторым БАПам вы верите.

— Давайте закончим разговор.

— Я позвонил главным образом потому, что беспокоюсь из-за вас.

— Вам и следует беспокоиться: завтра утром я взорву вас на кусочки.

— Меня беспокоила ваша собственная неосторожность, Мак. Мне не дает покоя одна мысль. Вы поставили все на одну лошадь.

— Что?

— Разве нужно объяснять, Мак? Вы же умный человек. У вас тайная сделка с одной группой БАПов и открытая — с другой. Но вы поставили все на Джет-Тех, поставили все на эту тайную сделку, с которой никто не обязан считаться.

— Позвольте мне самому за себя волноваться, Палмер.

— Вы делаете это не в достаточной степени. Поставьте себя на минуту на место Лумиса. Что он видит в вас? Ловкого дельца, способного принести ему кое-какую пользу. Что вы будете значить, когда ваша миссия закончится? Какие официальные соглашения связывают его с вами? А ЮБТК нанимает вас открыто. Это общеизвестный факт. Если нам не нравится ваша работа, если мы хотим отделаться от вас, мы должны оплатить вам оставшийся по контракту срок. А разве Лумис должен? Разве он, в сущности, должен сделать что-либо больше, чем просто сказать «до свидания»?

Бернс молчал. Потом:

— Не беспокойтесь. Я достаточно умен, чтобы быть на шаг впереди игры.

— Если кто-нибудь умен, так это действительно вы. Но, Мак, надеюсь, для вас не будет ужасной неожиданностью то, что я скажу. Условия игры изменились.

— Говорите понятнее.

— Изменилась игра. Та, в которую мы все играли. Я изменил ее.

— Что?

— Я сказал вам сколько мог, Мак. Могу позволить себе еще один совет: позвоните Лумису завтра днем, около трех тридцати.

— Зачем?

— К тому времени все прояснится. Звоните мне без всяких колебаний, как только поймете новую игру. Если вы будете впредь пай-мальчиком, я всегда смогу использовать игрока с вашими мозгами.

— Палмер, вы что?..

— Именно так, — настаивал Палмер, — вы слишком большая ценность, чтобы иметь вас в качестве врага. Завтра после полудня, когда вы увидите, что произошло, взгляните на свою лошадку. Потом позвоните мне.

— Что случится в три тридцать?

— Не «в», — поправил его Палмер, — а около трех тридцати. У вас еще будет время взорвать меня, если к указанному сроку у вас останется такое желание.

Палмер повесил трубку и снова начал звонить, на этот раз ньюйоркцам, тем, кому доверял, с кем имел дело, еще будучи в Чикаго, главным образом банкирам и маклерам, но также и одному двум бизнесменам. В Чикаго и на Западном побережье слух должен был уже распространиться на субботних вечерних встречах в обществе. Сейчас, разговаривая с ньюйоркцами, автоматически прокладывая путь к своим главным тезисам, Палмер обнаружил, что заново пересматривает в уме беседу с Бернсом, выискивая в ней ошибки. В целом он счел беседу удовлетворительной. Он не был абсолютно уверен, но чувствовал, что любопытство Бернса достаточно подогрето и пока удержит его от разглашения шантажирующей информации. А к тому

времени, когда Бернс увидит явные признаки происходящего и сообразит, что загадочный срок тридцать — время закрытия биржи, будет уже поздно. В воскресенье Палмер лег спать около полуночи и на следующее утро встал в пять часов. Недосыпание, непрерывные беседы, сомнения, косвенные намеки, бесконечное перечитывание рабочего плана, тщательная оценка и переоценка каждого разговора, исследование интонаций и отдельных фраз — все начало вращаться у него в голове, как детский волчок. Он встал с постели и, спотыкаясь, побрел в кабинет, где составил окончательный план оставшихся дел, записав его на маленькой (7,5 см x 12,5 см) карточке, которую положил в бумажник. Около шести часов утра он набрал теплой воды в ванну и лег, надеясь, что эта теплота снимет напряжение шеи и плеч.

В семь часов Эдис нашла его там спящим. Ее испуганный вскрик разбудил Палмера, и от неожиданности он беспомощно забарахтался в спокойной теплой воде.

— Что, черт побери?

— Вудс, ты сошел с ума. Ты спал.

Он недоуменно моргал:

— Который час?

— Семь. — Она стояла, рассматривая его. — Ты похудел за последнее время.

— Да?

— Я могу свободно пересчитать твои ребра.

— Гм.

— Что это за штука у тебя?

Палмер посмотрел на свой живот и растерялся.

— Какая штука?

— Это пятно. Вон там.

Он живо вспомнил, как Вирджиния укусила его около пупка. Очень медленно, как и следовало ожидать от чрезвычайно удивленного человека, он рассмотрел свой живот и увидел, что пятно стало какого-то грязного амебно-коричневого цвета и не было похоже на укус. Палмер сделал вид, что не заметил его.

— Какое пятно?

— Вон. — Она потянулась и надавила на него. — Больно?

— Это? — Он с глупым видом уставился на него. — Черт знает, что это может быть?.. Клоп или что-то еще?

— Очень странно. Будь ты толстым, это могло быть отпечатком пряжки от ремня. — Она прислонилась к дальней от него стене ванной комнаты. — Где, черт возьми, ты нашел клопа, о котором говоришь? Только не здесь.

Палмер пожал плечами. Теплая вода сильно заплескалась.

— В каком-нибудь из этих периферийных отелей.

— Это было много недель назад. Ты давно заметил бы это пятно.

— Я не тратил много времени на созерцание своего пупка.

Эдис хотела сказать что-то еще, но, передумав, только спросила:

— Как ты считаешь, ты уже достаточно чистый?

— Да, да. Вполне. — Он с усилием начал подниматься из воды.

Неожиданная разница между настоящим весом тела и тем, что было под водой, заставила его покачнуться. Он быстро вытянул руку, ища опоры. Эдис схватила его руку и поддержала его.

— Плохо себя чувствуешь?

— Прекрасно. — Он вылез из ванны и включил сушилку.

— Ты здорово потрудился.

Он кивнул, вытирая тело полотенцем, кожа была очень мягкой и морщилась. Прохлада воздуха после теплой воды вызывала дрожь.

— Уже завтра я буду чувствовать себя замечательно, — сказал Палмер.

Он взглянул на жену и обнаружил, что она очень пристально рассматривает его. Он поднял брови, как бы спрашивая: «На что ты так загляделась?» Эдис медленно покачала головой.

— Я полагаю, — тихо произнесла она больше для себя, чем для него, — сам-то ты знаешь, что это укусы.

Глава шестьдесят первая

Бэттери-парк вдавался тупым полуостровом в бухту у основания Манхэттена и, окутанный дымкой, казался каким-то грязноватым, даже под прямыми лучами полуденного солнца. Прохладный ветер непрерывно дул с Бедлоуз Айленд, где Палмер едва смог различить серо-зеленую опору статуи Свободы, исчезавшей как призрак под слоистым покровом выхлопных газов и дыма. Секунду спустя машина Палмера влилась в общий поток.

Площадка ожидания на вертолетной станции продувалась со всех сторон. Палмер вышел из машины и хотел закурить сигарету, но на сильном ветру его зажигалка «зиппо» горела, как паяльная лампа, и огонь обжег руку. Он сунул зажигалку в карман и выбросил сигарету в беспокойные волны, плескавшиеся о стенку вертолетной станции. Пока он наблюдал, как гонимые ветром волны бьются о стенку, одна особенно высокая волна послала целый веер брызг ему в лицо. Она выбросила к его ногам презерватив и лохматый кусок апельсиновой кожуры. Палмер посмотрел на эти «памятные подарки» города Нью-Йорка, повернулся и перешел на другую сторону станции.

В целом, решил он, стоя на сильном ветру, все идет не так плохо. Акции Джет-Тех при открытии биржи держались на 45. Сведения с биржи поступали медленно, но в 11.30, остановившись у одного из городских маклерских пунктов, чтобы проверить таблицу, он увидел, что количество сделок было несколько большим, чем в обычные дни. Было продано уже 10 000 акций, а цена спустилась до 38.

Еще одна высокая волна обдала соленым душем его лицо. Он повернулся и посмотрел в сторону города, противоположную направлению, откуда должен был прилететь вертолет Гаусса. Конечно, подумал Палмер, если КБЦБ [Комиссия по бирже и ценным бумагам] докопается до всего, что он сделал, может быть неприятнейший скандал. Тем не менее с самого начала он рассчитывал на две вещи, способные защитить его от огня КБЦБ. Первая, и вероятно наиболее важная, заключалась в следующем: он звонил людям, которым доверял, людям, которых знал лично и кто в свою очередь понимал важность своего молчания. Большинство из них, так или иначе, должны были предстать перед КБЦБ. Они отлично понимали, какими ответами удовлетворят комиссию, не впуская никого другого и, конечно, не подвергая опасности самих себя.

Но точно в такой же мере важным, понял Палмер, был тот факт, что в случае успеха его плана, КБЦБ будет слишком занята возней вокруг капитала Джет-Тех, выискивая слабые места, нащупывая, так сказать, доски, готовые провалиться, которые имеются у каждой крупной корпорации, — так что никто не задумается, чем вызвана распродажа. А в том, что имелаась какая-то огромная слабина, Палмер никогда не сомневался. Упорное стремление Джет-Тех получить полумиллиардный заем свидетельствовало о чем-то более серьезном, нежели простом желании увеличить денежное обращение. Под этим, вероятнее всего, скрывалась железная необходимость возместить задолженность, которую от них требовали.

Прислонившись к высокой бетонно-блочной стене, Палмер устремил взгляд вверх грубой некрашеной поверхности стены на скопление зданий финансового

района, прорезающихся сквозь туман. В одном из них, главном управлении ЮБТК, сидел Бэркхардт, все еще не имевший понятия о надвигающихся событиях. В другом — бирже, по всей вероятности, уже начали получать требования на продажу акций Джет-Тех из западных городов страны. В третьем — ряде контор, в которых помещалось ньюйоркское главное управление Джет-Тех, несколько человек, вероятно, начали с некоторым беспокойством реагировать на поступающие с биржи сведения.

Скорее всего, это служащие второго ранга, получавшие премии в акциях компании, когда акции продавались по 44-45. Эти люди следили за малейшим движением акций вниз, точно это был острый как бритва маятник Эдгара По, приближавшийся к их горлу. Любое сколько-нибудь существенное и постоянное понижение могло в один прекрасный день превратить их накопления в кучу бумажек.

Если они еще не реализовали свои акции, понижение может стоить им денег. Еще хуже. Палмер ухмыльнулся: если после покупки акций не истек шестимесячный период, в течение которого КБЦБ запрещала продавать эти акции, то тогда они не только теряют деньги, но и не имеют возможности восполнить иным путем свою потерю. Таким образом, второй эшелон служащих Джет-Тех утратит свои стимулы, как это происходит в последнее время повсюду со множеством людей.

Ухмылка Палмера стала шире. В целом, насколько можно судить, он вполне прилично справился со своей задачей. Теперь, даже если дело не дойдет до полной сумятицы, на которую он рассчитывал, даже если

невозможно будет заставить Джо Лумиса отказаться от дерзкой мысли захватить контроль над ЮБТК, во всяком случае, у Лумиса возникает множество проблем.

Палмер уставился на башни финансового района и почувствовал, что никаким усилием воли не может сдержать необыкновенного удовлетворения: такое удовлетворение испытывает деревенский парень, перехитривший городского щеголя. Даже осознав это чувство и борясь с ним, чтобы не выдать его своим видом, он знал: пусть в известной степени, но он прав. Он показал себя равным со всеми в этих джунглях и, быть может, к концу нынешнего дня или завтра докажет, что превзошел всех.

За своей спиной Палмер услышал приглушенный гул вертолета. Он повернулся и увидел, что тот пролетел мимо и, сделав круг над краем острова, направился севернее к Гудзону, вероятно, к станции на Тридцатой улице. Скоро прилетит следующий, решил Палмер. По расписанию оставалось еще минуты две до его прибытия.

Вскоре до него донесся характерный гул другого вертолета, вызываемый вибрацией его огромных лопастей, разрубаящих воздух и посылающих его вниз сильными взрывами шума. Палмер устремил взгляд через реку в направлении Бруклина.

Теперь он увидел и вертолет, разворачивающийся по широкой наклонной дуге на посадку. Одетый в опрятную спецовку регулировщик прошел на маленькую бетонную посадочную дорожку и начал широко размахивать правой рукой. Несущийся вниз поток воздуха заколебал поля шляпы Палмера. Он придерживал ее, пока вертолет садился на дорожку. Вскоре мотор заглох, и винт, медленно повернувшись

несколько раз, замер. Третьим из выходящих пассажиров был Гейнц Гаусс. Маленький человек оглядывался вокруг себя бегающими глазами. Палмер никогда не видел Гаусса таким возбужденным и таким виноватым, даже в тот день, в Пенемюнде, когда тот впервые был захвачен в плен. Палмер помахал немцу рукой и пошел ему навстречу. Стоя на холодном ветру, они молча пожали друг другу руки. Гаусс захватил с собой только потрепанный коричневый кожаный портфель с позеленевшими медными застёжками.

Банковский «кадиллак» ждал за оградой станции. Палмер сел вместе с Гауссом и дал шоферу адрес «Клуба» — всего несколько кварталов от вертолетной станции. Когда машина тронулась, Палмер медленно кивнул Гауссу.

— Я рад, что вы смогли выбраться, Гарри, — сказал он, — как дела с теми тиккерами?

Гаусс страдальчески нахмурился и беспомощно развел руками. — Неплохо, — ответил он наконец, явно стараясь выбрать слово, не выдававшее его немецкого акцента.

Сообразив, что нельзя доверять актерским способностям Гаусса скрыть от шофера свою личность и национальное происхождение, Палмер пустился в длинное путаное описание положения со строительством легких односемейных домов на ЛонгАйленде, средних цифр капитала, процентов, условий, особенностей различных видов бессрочных закладных и финансирования земельных участков. Так как было время ленча, они ехали до «Клуба» более десяти минут по забитой машинами улице.

— ...и освобождает его капитал для расширения торговли, — болтал Палмер. — Но как только он достигнет... О, вот мы и приехали. Здесь, Джимми, — обратился он к шоферу. Они вышли из машины ровно в 12.30 и, торопливо пройдя через старинное фойе, молча вошли в массивный дряхлый лифт. В комнате ожидания «Клуба» Палмер кивнул служащему.

— Столик генерала Хейгена, — сказал он.

Служащий улыбнулся и повел их в ресторан. В это время Палмер услышал позади себя бормотание Гаусса:

— Ага, я был прав.

Выполняя роль секретарши Хейгена, Эдис заказала столик возле углового окна. Когда Палмер и Гаусс вошли в большую комнату, за их столиком сидел один человек — маленький худощавый, почти совершенно лысый мужчина, который, встав им навстречу, оказался больше похожим на преуспевающего жокея в отставке.

На самом деле Эдди Хейген был одним из протеже Билли Митчела в двадцатых годах. Армейская карьера Хейгена сильно пострадала из-за его верности неудачливому генералу. Замороженный в чине капитана с 1934 г. вплоть до Пирл-Харбора, Хейген в конце концов был переведен из авиации в разведку, где с начала второй мировой войны быстро заработал генеральскую звезду. После ухода в отставку Хейген стал почетным председателем правления небольшой компании, производящей прицелы для бомбометания. Хотя его наняли только для получения большего числа правительственных контрактов, Хейген отнесся к делу серьезно и начал набирать молодежь из близлежащего МТИ [Массачусетский технологический институт]. Теперь продукция компании включала автоматику, различные

электронные «черные ящики», всевозможные роботы и телеметрическую аппаратуру. Фирма перешла на восьмое или девятое место в списке частных контрактных организаций, связанных с космическими исследованиями, то есть на место, которое как будто не имела права занимать, если судить по ее довольно малым размерам, но которое досталось ей благодаря качеству ее продукции и умению Хейгена продавать ее своим друзьям в Вашингтоне.

Хейген кивнул Палмеру и приосанился, обращаясь к Гауссу.

— Доктор, - важно произнес он, - приятно видеть вас снова. Они сели за стол. Палмер в душе был очень доволен совершенно верным курсом Хейгена. Ничто не могло доставить Гауссу большего удовольствия, чем обращение к нему по званию.

— Генерал, — ответил Гаусс, — я очень рад.

Они пустились в воспоминания: Хейген демонстрировал удивительную осведомленность послевоенной деятельностью Гаусса. Внимание Палмера отвлеклось в сторону. Он взглянул на ближайшие столики. Два маклера наблюдали за ним с неприкрытым интересом. Притворившись, что разыскивает официанта, Палмер повернулся кругом. Его взгляд пробежал по всей комнате. Угловой столик Лумиса был пуст, но за соседним Арчи Никос потягивал с задумчивой медлительностью какой-то напиток, в то время как два его соседа, банкиры, имеющие дело с капиталовложениями, вели какую-то показную беседу.

Ближе к двери Палмер увидел одного из вице-президентов «Чейз Манхэттен» по департаменту трестов и еще через несколько столиков — двух

представителей «Манюфекчерерз Ганновер», обедающих с двумя чиновниками из Федерального резервного управления. Палмер очень удивился, заметив у противоположной стены Джорджа Моллета из «Стар», погруженного в беседу с тремя партнерами «Меррил линч». Рядом со столиком Палмера сидели несколько человек, которых он не узнал. Он бросил на них еще один взгляд.

— ...«Лимен бразерс», — тихо подсказал Хейген и продолжал свою беседу с Гауссом.

Палмер улыбнулся. Хейген всегда отличался способностью мыслить по меньшей мере в двух направлениях. Палмер увидел идущего к их столику официанта. Он повернулся к меню.

— Жареную меч-рыбу? — спросил он своих спутников.

Они прервали свои воспоминания и посмотрели на него.

— Сегодня только понедельник, Вуди, — сухо ответил Хейген. — Я думаю, сегодняшняя встреча достойна филе миньон. Как вы считаете, доктор?

— Да. Прекрасно.

— Средне прожаренное? — спросил Палмер.

— Прекрасно. Очень хорошо. — Гаусс повернулся к Хейгену. — Ракеты-носители сначала были ключом проблемы, вы понимаете. При низких температурах конструкция шаровых клапанов функционировала не полностью по расчетам. Первый измененный вариант, который мы испробовали, был...

— Бифштексы для всех, — сказал Палмер официанту. — Вам как, генерал?

— Недожаренный.

— Два средне прожаренных, один недожаренный. И три двойных виски со льдом для начала. Доктор? — спросил Палмер.

— Да, bitte.

Палмер следил, как официант удаляется, и в это время заметил вошедших в комнату двух партнеров «Лазар фрер» в компании с представителем «Кемикл бэнк». Палмер откинулся на спинку стула. Он испытывал удовлетворение. Братия слеталась. На сегодняшнем маленьком спектакле присутствовали все звезды.

К десерту техническая беседа между Хейгеном и Гауссом несколько поутихла. Хейген поднял глаза от своего камамбера [Деликатесный сыр] и ухмыльнулся Палмеру:

— Кажется, мы говорим с ним на одном языке, Вуди. — Потом к Гауссу:

— Как скоро вы можете начать?

К этому времени зал ресторана заполнился до отказа. Несколько человек, успевших поесть раньше, ушли, их места заняли другие маклеры и банкиры. Новость о том, что Эдди Хейген и руководитель научно-исследовательских работ Джет-Тех имеют продолжительный и дружеский ленч, скоро начнет сочиться из топкой почвы Уолл-стрита. Теперь настало время продемонстрировать твердое, счастливое рукопожатие и опустить занавес.

Палмеру удалось это сделать, взглянув на часы и воскликнув:

— Черт возьми, генерал, я обещал этому человеку привезти его обратно на вертолетную станцию через 15 минут. Нам это удастся?

Хейген подавил улыбку и поднялся. Он таким нарочито широким жестом протянул руку, что Палмер на секунду испугался.

— Доктор, — сказал Хейген, тряся руку немца. — Меня не волнует стоимость, но первое, что вы должны сделать, — это построить вашу антигравитационную штуковину. Ее я должен видеть.

— Вы увидите, — пообещал Гаусс, весь сияя.

— Тогда мы заключаем сделку?

— О да! — Гаусс почти кричал. — Да, конечно.

— Danke, mein Freund [Спасибо, мой друг (нем.)].

— Bitte, bitte schon [Пожалуйста, пожалуйста (нем.)].

По дороге к лифту Хейген, взяв Палмера за руку, задержал его. — Не знаю, что ты на самом деле задумал, нахальный хитрец, — прошептал он, — но думаю, ты и впрямь оказал мне услугу.

— Natürlich [Конечно (нем.)], — прошептал в ответ Палмер.

— Тебе это тоже кое-что дало, — проворчал Хейген. — Ну, ладно, я пойду назад и с видом довольного собой, и жизнью, и всей прочей чепухой выпью чашечку кофе.

— И если тебя о чем-нибудь спросят, — тихо сказал Палмер, — молчи.

— Яйца курицу не учат, — ответил Хейген. — И слушай, старый армейский дружище, вспомни про меня, когда мне понадобится небольшой заем на расширение производства. Или два займа. Или три.

— Ладно, курочка.

— Еще раз до свидания, доктор, — громко обратился Хейген к Гауссу, — получил огромное удовольствие.

На этот раз Гаусс, в самом деле, сдвинул каблуки. Палмер подумал, что щелчок мог быть просто оглушающим, не помешай обшлага брюк.

Они спустились в лифте так же молча, как и поднимались. Молчание продолжалось и в машине по дороге на вертолетную станцию. И, только постояв с Гауссом в очереди и купив ему посадочный билет, а потом проведя его на площадку ожидания, Палмер нарушил молчание:

— Дома вы будете в три тридцать по нью-йоркскому времени, два тридцать по вашему.

Гаусс нервно кивнул.

— Послушайте, — произнес он и замолчал, облизывая губы. Его глаза были влажными. — Мы действительно заключили соглашение, генерал и я?

— Его рукопожатие — столь же обязывающе, как и контракт. Тем не менее, насколько я знаю генерала, вы получите экземпляр контракта с завтрашней почтой.

Гаусс мгновенно просветлел. Потом снова стал удрученным.

— Я должен сообщить им, в Джет-Тех, — пробормотал он.

— Если вас так это волнует, просто подпишите ваши экземпляры контракта и отправьте их назад генералу. Через день-два он вернет вам ваш зарегистрированный экземпляр с подписью его компании. Все станет законным и официальным. Тогда сообщите Джет-Тех.

— А-а. — Гаусс, казалось, успокоился. Он деловито посмотрел на небо, потом повернулся и какое-то время разглядывал линию горизонта. Нахмурился. — Беспорядочно, — сказал он. — Никакого чувства формы.

Палмер пожал плечами:

— В этом частица нью-йоркского обаяния.

— Для меня нет. — Гаусс выпрямился во все свои 162 сантиметра и с важным видом сделал несколько шагов к реке. — Исследовательский штаб генерала в Нью-Ингленд, nicht wahr? [Не так ли? (нем.)] — Вы правы, — согласился Палмер.

Они стояли молча, пока вертолет приземлялся и высаживал пассажиров. Один из регулировщиков махнул рукой одетому в униформу контролеру, который, открыв проход, повел к вертолету новых пассажиров.

Гаусс обернулся и еще раз взглянул на линию горизонта. Покачал головой и сказал:

— Не понимаю, как люди могут здесь жить. — Высокая волна стукнулась о стенку позади него и послала целый душ брызг на его ботинки вместе с промасленным куском коричневатой бумаги. Гаусс довольно чопорно протянул руку. — Получил огромное удовольствие.

Палмер пожал ему руку.

— Желаю счастья.

Гаусс тонко улыбнулся.

— Каждый сам кузнец своего счастья, — сказал он и, повернувшись, поднялся в вертолет.

Хайль Гитлер! — подумал Палмер. Не ожидая взлета, он повернулся и пошел с бетонной дорожки, мимо билетной кассы к «кадиллаку». Теперь ему было совершенно безразлично: вертолет мог опрокинуться, перевернуться набок и утонуть, как огромный жук в грязных коричнево-зеленых водах нью-йоркской гавани. Занавес опущен. Спектакль окончен. Самоуверенный, хныкающий маленький немец — главный герой спектакля — теперь мог исчезнуть с лица земли.

Глава шестьдесят вторая

В два тридцать Палмер вошел в свой кабинет на Пятой авеню. Он сел за стол в конце огромной комнаты и уже собирался поднять трубку, когда заметил целую кучу записок. В это утро, начиная с 8.55 и далее, через каждый час звонил Бэркхардт. Один раз, в одиннадцать, позвонил муж Джейн, Тим, и вскоре после него — Эдис. В 12.15 звонил Джордж Моллетт из «Стар», который, по всей вероятности, выскочил к телефону, едва увидев Палмера за ленчем. В час были зарегистрированы два звонка Бернса, с интервалом в пять минут. И в это же время начал звонить личный маклер Палмера.

Палмер нажал кнопку, соединяющую телефон с городом, и набрал номер маклера, таким образом исключая возможное подслушивание телефонистками.

— Это я, Пит, — сказал Палмер.

— Очень кстати, — приглушенным голосом ответил маклер. — Тридцать девять.

— То есть шесть пунктов вниз. Что, по-твоему, будет к концу дня?

— Большой активности не будет. Ни один из крупных пакетов еще не поступил в продажу.

— И не поступит, пока тенденция не станет твердой, — догадался Палмер. — Может быть, завтра к полудню.

— Не удивлюсь, если к закрытию они поднимутся на несколько пунктов.

— Биржевые спекулянты?

— Да. Необходим очень сильный нажим, чтобы удержать понижение.

— Нажим уже сделан, — сообщил Палмер.

— Когда?

— Около часа назад.

— На бирже не появилось никаких признаков.

— Новость еще не разошлась по Стрит, но скоро ты это почувешь.

— А что это такое? — спросил маклер.

— Мне лучше молчать. Говори уж ты.

— Стало быть, мы сделали ловкий ход?

— Дай мне знать, когда услышишь, — сказал Палмер. — И тут же дай мне знать, когда увидишь признаки поступления в продажу крупных пакетов акций.

— Как ты думаешь, насколько они еще упадут, Вуди?

— Что я, маклер?

— Ха! — Линия замолчала.

Палмер сидел улыбаясь. Потом нажал кнопку «Бэркхардт» и стал ждать. Спустя момент она загорелась зеленым светом.

— Да?

— Лэйн, вы мне звонили?

— Кто?.. Ты, проклятый дурак! Где, черт побери, ты шлялся?

— В деловом квартале. Я чуть было не наскочил на вас там.

— Я знаю, что ты был в деловом квартале. Все знают. Четыре человека позвонили мне, когда увидели тебя за ленчем. Что, черт возьми, ты там затеваешь?

— Ничего, в чем мне нужна была бы помощь.

— Послушай, ты, сопливый нахал, когда я задаю вопрос, я...

— Если бы я считал вас способным помочь, я обратился бы к вам, — прервал его Палмер. — Честно говоря, я не могу доверять вам, так как боюсь, что вы все провалите. Вы слишком несдержанны.

— Ты соображаешь, что говоришь?

Кнопка внешней связи загорелась зеленым светом, и интерком тихо загудел. Свет начал мерцать в медленном настойчивом ритме.

— Кто-то еще звонит мне, — добродушно сообщил Палмер.

— Мне наплевать.

— Я же сказал, вы слишком несдержанны, — прервал его Палмер. — И это еще очень мягкое определение. Успокойтесь! Я разбужу вас, когда все кончится.

— Палмер, ты маленький...

— Позвоню вам позже, Лэйн. — И, прерывая разговор с Бэркхардтом, Палмер нажал на другую кнопку. — Да?

— Мистер Моллетт, сэр.

— Соедините. Джордж?

— Вы избегаете меня? — спросил Моллетт.

— Только что вошел. Мой босс жевал мне ухо.

— Как прошел ленч?

— Прекрасно, — ответил Палмер. — А как ваш?

— Очень остро. У вас горели уши?

— А должны были гореть?

— Скажите, это обычная встреча старых армейских друзей?

— В какой-то мере да.

— Что? Гаусс собирается работать на Хейгена?

— Лучше спросите кого-нибудь из них.

— Я спрашивал. Хейген не отвечает. Гаусса нет в городе.

— Почему бы вам не попробовать узнать в соответствующем правительственном департаменте?

— У кого-нибудь, в частности? — спросил репортер.

— Есть такой мистер Карви. Тим Карви. Он может кое-что знать.

— Для печати? — спросил Моллетт. — Он не будет говорить, не так ли?

— Побеспокойте его тем не менее.

— Я бы лучше побеспокоил вас.

— Если вы побеспокоите Тима, — пообещал Палмер, — я выложу вам все неофициально, с достаточным количеством деталей, так, чтобы вы знали, какие вопросы задавать Хейгену, Лумису и Гауссу.

— Иными словами, вы хотите, чтобы этого Карви побеспокоили. И вы хотите сделать это чужими руками.

— Не такого разговора обычно ждешь от корреспондента «Стар».

— Сейчас я все заверчу, — ответил Моллетт.

— Хорошо. До свидания.

Палмер снова нажал кнопку прямого соединения с городом и набрал номер Мака Бернса. Теперь было без четверти три.

— Отвечаю на твой звонок, Мак.

— Дорогой, почему ты не сказал мне, что в тебе течет ливанская кровь?

— Это ты считаешь комплиментом?

Бернс хмыкнул:

— Не мог дожждаться закрытия биржи. Когда все началось, я довольно быстро сообразил. Я хочу лишь узнать, как тебе это удалось?

— Что удалось?

— С ума можно сойти. Слушай, я сейчас послал тебе кое-что с рассылным. Это должно быть у тебя с минуты на минуту.

— Что это?

— Магнитофонная лента. Она твоя.

— Я тронут. Мак.

— А я изумлен. У меня тут со всех сторон трезвонят телефоны, дорогой. Позволь мне позвонить тебе сегодня вечером. А еще лучше: давай пообедаем вместе.

— Мак, если ты меняешь предмет своей преданности, лучше не теряй времени. Я все еще БАП.

— Не разыгрывай меня, дорогуша! С таким умом?

— Ум тот же, что и раньше. Просто работает над другой идеей. Я не знаю, как насчет обеда. Позвони мне около пяти.

— Чудесно. Должен бежать. Пока.

Палмер повесил трубку и смотрел, как темнеет кнопка. Он проверил время первого звонка Бернса и понял, что тот звонил, еще не зная о встрече в «Клубе». Другими словами, решил Палмер, Бернс отреагировал на неожиданное падение курса акций Джет-Тех. Он, вероятно, еще не слышал о Гауссе. Один из многочисленных звонков, которые, по его словам, начинают поступать к нему, вероятно, принесет новость о ленче.

Палмер закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Нетрудно разгадать Бернса, сказал он себе. Экспансивное приветствие, попытка теплого сближения были вызваны всего лишь распродажей акций на бирже. Бернс проанализировал положение и решил, что это был ответ Палмера на угрозу быть разоблаченным. Таким образом, Бернс, вероятнее всего, решил нейтрализовать Палмера, послав ему магнитофонную ленту, о которой шла речь. Это бы ослабило нажим Палмера на биржу и дало бы Бернсу время изобрести способ переманить Палмера в лагерь Джет-Тех, может быть, через... Как говорится в старой поговорке? Легче поймать муху на мед, чем на уксус?

Снова загудел интерком.

— Да?

— Только что доставили сверток, сэр.

— Принесите его, пожалуйста.

Палмер нажал черную кнопку телефона, соединяющегося с кабинетом Вирджинии Клэри.

— У вас где-нибудь здесь есть магнитофон? — спросил он без предисловий.

— Я... Да, думаю, есть.

— Пусть его принесут ко мне, и приходите сами.

— Вы у себя в кабинете?

— Как можно скорее, пожалуйста.

В 3.10 Палмер поставил кассету Бернса на магнитофон. Они с Вирджинией стояли и следили, как она разматывается. Тихий, скрипучий звук слышался из динамика.

— Сделай погромче, — предложила Вирджиния.

— Может быть, мне нужно просто послать это в одну из радиокompаний в целях широкого оглашения?

— Гм.

Вскоре они услышали свои голоса. Палмер послушал, вдруг нахмурился и включил перемотку, внимательно рассматривая крутящуюся ленту. Через несколько минут она была смотана на основную бобину. — Странно, — сказал Палмер, — ни единого соединения.

— А должны быть?

— Оригинальная лента охватывает много дней и вечеров записи. Магнитофон в квартире Бернса имел маленькие семисантиметровые бобины. А эта лента заполняет 17-сантиметровую бобину. Это означает, что она составлена из трех-четырёх более маленьких. Чтобы

они были вместе, их надо склеить. А на этой ленте соединений нет. Значит...

— Значит, это переписанный вариант, а не оригинал.

— И опять блестящий ум Клэри.

— Мак выдал это за оригинал? Как ты заставил его расстаться с ним?

— Секрет. Главное, он не расстался с оригиналом. Он думал, я поверю, что он отдал оригинал.

— А это...

— Значит, я был прав в отношении Мака. Он не подозревает, в какой серьезный переплет он попал. Если бы он знал о моем ленче, он понял бы, что теперь у него безвыходное положение и даже ложная взятка, вроде этой, ничего не может спасти.

— Вудс, я совершенно не представляю, о чем ты говоришь.

— Знаю. — Он поднял глаза от магнитофона. — Прости. Я даже не разговаривал с тобой с того вечера в пятницу. Это все китайская грамота для тебя, не так ли?

— Я провела очень спокойный уик-энд дома у телефона.

— Прости меня.

Она избегала его взгляда.

— Дошло до того, что моя мама решительно сказала: «Вирджиния, кто бы он ни был, он не хочет с тобой разговаривать». Иногда она бывает удивительно проницательна.

— Причина не в том, что я не хотел говорить с тобой. Просто я...

— Не говорил, — сказала за него Вирджиния.

— Когда все закончится, я расскажу тебе подробно о всех своих делах в этот уик-энд. Тогда ты...

— Когда что будет закончено?

— То, что я расхлебал только наполовину. — Палмер снял обе бобины и переставил их. Потом вставил ленту и нажал на кнопку «Запись». — Я стираю эту ленту, — сказал он. — Она не единственная, но тем не менее нет смысла оставлять ее в таком виде.

— А теперь наши голоса записываются.

— Мы же говорим тихо. Просто стирается та запись.

— Тогда могу я сделать небольшое заявление?

Он искоса взглянул на нее.

— Пожалуйста, не надо. К этому времени завтра или самое позднее в среду утром я смогу объяснить все.

— Раз ты собираешься рассказать Джорджу Моллетту, с тем же успехом можешь рассказать и мне.

— Откуда ты знаешь?

— Он звонил и спрашивал меня, нет ли у тебя привычки не выполнять обещаний.

— Несколько минут назад?

Она кивнула:

— Я ответила, что всегда считала тебя образцом пунктуальности. — Наступило длительное молчание. — Но очевидно, обо мне ты этого не думаешь, —

продолжала она. — Мне нельзя доверить информацию, которую ты намерен сообщить «Стар».

— Только не официально, — торопливо объяснил Палмер.

— Прекрасно. — Она следила за ржаво-коричневой лентой.

Потом, казалось пересилив себя, она отвела глаза от крутящейся ленты и уставилась на него с тем же пристальным вниманием, с каким только что изучала магнитофон. В послеполуденном, идущем сквозь верхние жалюзи свете глаза Вирджинии оказались как бы в глубоких пещерах темно-фиолетового цвета. В ее зрачках Палмер увидел свое отражение.

— Ты и в самом деле думаешь?.. — нарушила она молчание. — Ну, конечно же.

— Что я думаю?

— Ничего. — На секунду ее полная нижняя губа стала тонкой и напряженной. Потом уголок рта дернулся вниз. — Я все же скажу. Ты все еще думаешь, что я в сговоре с Маком, не так ли?

— Я никогда не думал, что ты...

— Нет, думал. Ты почти так и сказал в пятницу вечером.

— Я говорил и делал кошмарное количество диких вещей. Я был пьян.

— *In vino veritas* [Истина в вине (лат.)] и так далее, — сказала Вирджиния. — Ты не знал, что я учила и латинский и греческий? Хорошо иметь всестороннее

образование. Конечно, это было до того, как блуд стал моей основной профессией.

Он резко вздохнул.

— Я прошу прощения за то, что наговорил. За то, что я думал в тот вечер. Я знаю, что это не так. Пьяные галлюцинации.

Она снова кивнула:

— Я могу понять, как это было. Но это не объясняет, почему ты не позвонил мне за целый уик-энд и не рассказал. Я сидела дома, и только один шаг отделял меня от принятия большой дозы снотворного. Ты даже не можешь представить, как я себя чувствовала. И самое глупое в том, что один несчастный телефонный звонок мог бы меня излечить. Вот в какое идиотское положение я себя поставила, Вудс. Женщине моих лет следовало бы быть умнее.

— Я действительно прошу прощения. Я...

— И, конечно, это не объясняет, почему ты не должен доверять мне, — продолжала она. Он хотел что-то сказать, но она, протянув руку, закрыла ладонью его рот. — Тем не менее я не хочу больше об этом слышать, — сказала она. — Это вопрос принципа, а не денег. Если тебе больше не нужен магнитофон, я скажу, чтобы его отнесли назад.

— Послушай, может быть, ты хочешь посидеть здесь во время моего разговора с Моллеттом? Тогда ты будешь знать то же, что и он.

Она покачала головой:

— У меня тысяча разных дел.

— Тогда давай выпьем что-нибудь после обеда.

— Нет.

— Я верю тебе, ты знаешь. Ты именно тот человек, кому я действительно верю.

— Да. — Она следила, как конец магнитофонной ленты хлопал на вертящейся кассете. — Я скажу, чтобы его забрали. — Она направилась к двери.

— Вирджиния!

Она обернулась.

— Может быть, у меня это пройдет к завтрашнему дню или к среде. Видит бог, у меня ничего не осталось от моей былой гордости.

— Не уходи, пожалуйста!

Она снова двинулась к двери.

— Правда, Вудс, я совершенно уверена, что тебе лучше поговорить со мной завтра. И я буду очень ждать.

— Ну, конечно, черт побери!

Она распахнула дверь.

— Я скажу, чтобы унесли эту машину, — громко сказала она. Потом вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

В тот же момент загудел интерком. Палмер увидел, что загорелась кнопка Бэркхардта. Он не обратил на нее внимания, снял кассету с магнитофона и сунул ее в карман. Через минуту замигала другая кнопка, указывая на звонок по прямому личному телефону. Он ответил.

— Поднялись на полпункта, — сообщил маклер Палмера. — Но с 39,5 вдруг началось резкое падение.

Биржа закрылась. Но падение акций Джет-Тех, судя по последним сведениям, продолжается. Сейчас сообщают, что курс их акций упал до 34. В чем дело?

— Ты все еще не слышал?

— Почему ты такой скрытный. Дело в немецком ученом, да?

— Значит, ты все-таки слышал, — настаивал Палмер.

— По всей Стрит только об этом и говорят. Но разве это могло дать такой эффект?

— Пит, эффект только начинает ощущаться.

— Но почему?

— Ох, Пит, — вздохнул Палмер, — я думал, что маклер — это ты. — Он прервал разговор и, все еще не обращая внимания на звонок Бэркхардта, ответил на другой городской звонок.

— Мистер Моллетт, сэр.

— Соедините. — Палмер полез в карман за карточкой с планом. — Джордж, вы дозвонились?

— Да, хоть это было не легко. Бедный парень в конце концов бросил трубку.

— Почему «бедный парень»?

— Он так нервничал, что мне его даже жаль стало.

— Тим Карви нервничал? Из-за Гаусса?

— Из-за чего же еще? Ему нечего было сообщить для печати.

Он сказал, что через несколько часов наше вашингтонское бюро получит документы для печати,

касающиеся этого события. И потом он бросил трубку, не дослушав следующего вопроса.

— Ужасно!

— По-вашему, будучи крупным налогоплательщиком, вы имеете право затевать ссоры с государственными служащими?

— Тиму платят за то, чтобы он нервничал. И я ужасно доволен, что его агентство сделает официальное заявление по этому вопросу. Вот тогда вы и получите вашу статью, преподнесенную вам на блюдечке.

— Прекрасно, — сказал Моллетт без особого энтузиазма. — Вы хоть начните с чего-нибудь. Только начните.

— Не...

— ...официально, — устало закончил репортер. — Говорите.

— Я думаю, все дело в неудаче ракеты-носителя «Уотан», — начал Палмер, расшифровывая свои короткие записи на карточке размером 7,5 x 12,5 см. — Гаусс все время чувствовал, что бюджет на его исследовательские работы урезывается, а вся программа этих работ задерживается. В то же время неудачи с «Уотан» стоили Джет-Тех престижа. Они реализовали довольно много своих ценных бумаг, но это не помогало. Они просили у нас заем такого масштаба, что я даже не могу назвать сумму. Просто назовите ее беспримерной. Мы отказали им. Гаусс потерял всякую надежду. Он пришел ко мне за помощью. Он сказал, что я у него в долгу прежде всего потому, что именно я притащил его в Соединенные Штаты. Мне показалось, что он прав. Я пораскинул мозгами и наткнулся на Хейгена, который

только что потерял Ааронсона и сильно нуждался в руководителе широкого размаха для своих исследований. Об остальном вы уже догадались.

— И это все?

— Все.

Мгновение Палмер слышал только дыхание Моллетта. Затем он сообразил, что репортер тихо смеется.

— В чем дело, Джордж?

— Не обращайтесь внимания, — объяснил Моллетт. — Просто я тоже умею наслаждаться хорошей шуткой.

— Разве это смешно?

— Та часть, о которой мы не говорили, просто ужасно смешная. Часть об отделениях сберегательных банков.

— Не вижу связи. А вы? — вежливо спросил Палмер.

Наступила пауза. Потом:

— Я не знаю, — задумчиво произнес Моллетт, — может быть, мой отдел и купит эту сказку в том виде, как вы ее рассказали. Если, конечно, я получу подтверждения от вовлеченных в это дело директоров или от департамента Карви. Если материал пройдет в таком виде, то не в политическом отделе газеты. Но...— Репортер опять тихо рассмеялся: — Некоторые из наших ребят в Олбани довольно проницательны.

— Кажется, это не их область, не так ли?

— Я думаю, на это вы и рассчитывали с самого начала, — фыркнул Моллетт. — О'кей, я изложу вашу версию. Если вам повезет, ее напечатают. Одно я хотел

бы узнать, ну конечно же, неофициально: чьи же серые клеточки все это придумали? Для Джинни Клэри — слишком хитро, для Мака Бернса — слишком сложно.

— Я не имею понятия, о чем вы говорите, Джордж, но это звучит несколько странно.

Моллетт причмокнул губами.

— Я думаю, может быть, вы пригласите меня на ленч, когда все кончится. Я бы хотел получше узнать вас, а?

— Конечно.

Теперь загорелась еще одна кнопка.

— До встречи, — попрощался репортер.

Палмер ответил на следующий звонок.

— На проводе мистер Лумис, сэр, — сообщила телефонистка ЮБТК.

— Передайте ему, что меня нет, — сказал Палмер.

Он медленно порвал карточку с планом на мелкие кусочки. Бросил их в пепельницу и поджег. Они почернели, свернулись, потом рассыпались в пепел. Палмер все сидел не двигаясь, уставившись на кнопки интеркома. Ни одна из них не светилась. Палмер кивнул и откинулся на спинку стула. Через минуту он закрыл глаза и постарался расслабить все мышцы.

Глава шестьдесят третья

В пять часов коммутатор банка закрылся на ночь. Вечерние звонки по просьбе Палмера были переключены на номер Вирджинии Клэри. Ни один не соединялся с его кабинетом. И все же в 5.30 кнопка его частного телефона засветилась зеленым светом. Думая, что звонит его маклер, Палмер нажал на кнопку и сказал:

— Да, Пит?

— Я похож на Пита? — спросил Мак Бернс.

Палмер нахмурился. Кроме его нью-йоркского и чикагского маклеров, никто в Нью-Йорке не знал этот номер. Сегодня днем он дал его Эдис, чтобы она смогла соединить его с Тимом Карви, если Тим, не найдя его, позвонит ему домой.

И когда раздался голос Мака Бернса, Палмер, рассеянно пробежав взглядом по письменному столу, уставился на дюжину записок — неотвеченных телефонных звонков. Знала ли Вирджиния этот номер? Может быть. Вероятно, знал его и Бэркхардт. Почти любой в ЮБТК, заходивший в кабинет Палмера, мог прочесть номер. Значит, Бернс тоже мог это сделать. Неожиданно до Палмера дошло, что пауза слишком затянулась.

— А на кого похож Пит? — спросил он наконец.

— Послушай, дорогой, мы с тобой встретимся?

— Смотря о чем пойдет речь.

— О, mucho [Много (исп.)] вещей, дорогой, — ответил Бернс.

— Боже, вот это полиглот. Скажи: почему у тебя такой ликующий голос?

— Разве он не должен быть таким? — возразил Бернс. — Есть какие-нибудь причины?

— Могу перечислить целую дюжину.

— Потому что мои кишки развешаны по всему полю сражения? — спросил Бернс. — Потому что ты разбил меня вдребезги, детка? Потому что я не видел такой хирургии с тех пор, как мне вырезали аппендикс.

— Пожалуйста, без лести.

— Без всякой анестезии к тому же, — добавил Бернс. — Дружище, когда ты режешь, ты режешь по-настоящему. Только в четыре часа дня я получил новости об этом немецком перебежчике. Чудесные у тебя друзья!

— Это не друг.

— Больше не друг? Подожди, когда он узнает, как ты его использовал.

— Зачем, Мак. В Джет-Тех ему было плохо. Любой, предложивший ему другую работу, оказал бы ему огромную услугу.

— А Эдди Хейген? Он понимает, куда ты его засунул?

— Генерал Хейген получил нового руководителя исследовательских работ. Кто бы ни сделал это, он помог бы генералу выйти из затруднительного положения.

— И поставил бы его перед сенатской комиссией, — добавил Бернс.

Палмер выпрямился.

— Не понимаю.

— Хейген поймет. И Гаусс. И высшие чины Джет-Тех также.

— Ты хочешь сказать, что они предстанут перед комиссией?

— Мой человек из Вашингтона только что звонил мне, дружище. Он говорит, что департамент, ведающий подобными вещами, просто в бешенстве. Через полчаса состоится прессконференция; они намерены воспрепятствовать этому переходу и потребовать расследования.

— У них есть на это право, — ответил Палмер.

— Что может удержать их от упоминания твоего имени при разборе дела?

— Думаю, ничего.

— Ну и как же? — спросил Бернс.

— Ну и что? У нас свободная страна, Мак. Если они захотят сказать сенаторам, что именно я свел их вместе в интересах помощи человеку, способному принести большую пользу нашей национальной безопасности, — человеку, деятельность которого зажимали, я не могу остановить их. Да и не буду стараться.

— Сенаторы могут увидеть все иначе, дорогой. Они могут увидеть, что ты отрываешь человека от важнейшего проекта «Уотан», именно когда этот человек крайне необходим.

— Если ты имеешь в виду Гаусса, — сказал Палмер, — то я думаю, он совершенно иначе расскажет всю историю. Он, вероятно, объяснит, что неудачи «Уотан» происходят из-за скаредности ДжетТех, из-за

неспособности этой компании солидно поддержать его. В мире не найдется и десяти человек, могущих доказать его неправоту. И между прочим, он, вероятно, прав.

Бернс очень долго молчал. Потом легко хмыкнул.

— Снимаю перед тобой шляпу, Вуди, — сказал он. — Я снимаю свою старую *chapeau* [Шляпа (франц.)]. Ты любишь играть в шахматы, не так ли?

— Ты забываешь про пат, — заметил Палмер. — Тот случай, когда Джет-Тех сообщает сенаторам, что, по их мнению, все это подстроил я, преследуя какие-то свои личные цели. Как, по-твоему, могут они сделать такой ход?

— Это не пат, лапа, для них это чистое самоубийство.

— Совершенно верно. Теперь, если хочешь, можешь перемотать пленку и посмотреть, не сделал ли я каких-либо порочащих себя признаний. Начинай, я подожду.

На этот раз Бернс расхохотался в полном восторге.

— Боже, ты просто прелесть! Мне нечего прослушивать. Едва услышав твое «по их мнению, я...», я тут же выключил микрофон. Так я сказал, дорогой, снимаю перед тобой *chapeau*.

Палмер с трудом удержал себя от исправления «так» на «как».

Хотя он, по всей вероятности, и поразил Бернса, и завоевал его как союзника, все же основательно потрясти его невозможно: слишком изменчива и непостоянна его натура.

— Тогда мы можем продолжить эту беседу, когда встретимся сегодня вечером?

— Не могу ждать. Нам нужно многое обсудить.

— Ты сейчас дома?

— Да. Как скоро ты можешь приехать? — спросил Бернс.

— Сколько будет длиться наше свидание?

— Может быть, много часов.

— Тогда я заеду домой пообедать. Увидимся в... э-э, восемь.

— Давай пообедаем вместе, дорогой.

— Не стоит себя беспокоить, Мак.

— Да что ты! Мне приносят горячую еду из «Шамбора». Сегодня я закажу всего по две порции.

Палмер скорчил гримасу.

— Что в меню?

— Ты сам назови. «Медальон биф», «триу амандин». Знаменитый «канеллопи» [Мясные и рыбные блюда]. Я закажу.

Палмер улыбнулся:

— Буду у тебя через час. — Он повесил трубку и посидел некоторое время, анализируя беседу. Что ж, может быть, он достаточно сильно поколебал Бернса и его реакция вполне естественна.

Палмер уже успел постичь, что для Бернса весь мир состоит из двух типов людей: идиотов и таких, как он сам. Бернс относился ко всем со смесью вкрадчивого снисхождения, завуалированной жалости и явного

недоверия. Но Палмер рассчитывал, что, если его план сработает, это произведет на Бернса достаточное впечатление, чтобы завоевать его уважение. А Бернс уважал только тех, кто не уступал ему в коварстве. По этой причине также Бернс плохо срабатывался с теми, кого он считал ниже себя по умственным способностям, то есть почти со всеми. Теперь Палмер чувствовал, положение изменилось.

Он встал, вышел из комнаты, широкими шагами пересек огромный, с высокими потолками холл и подошел к кабинету Вирджинии. Он услышал звук пишущей машинки. Заглянул в комнату и увидел Вирджинию, склонившуюся над машинкой, — она быстро печатала тремя или четырьмя пальцами. Ее обычно аккуратно уложенные в небрежной манере волосы казались сегодня скорее небрежно уложенными. Палмер даже решил, что она по рассеянности запускала в них пальцы, пока работала.

— Что за сенсацию ты печатаешь?

Машинка замолкла. Вирджиния сидела спиной к нему, совершенно неподвижно. Потом напряжение в ее спине ослабло. Она выпрямилась и, не поворачиваясь, произнесла:

— Газетчики никогда не употребляют термин «сенсация». Только любители и дилетанты. И банкиры.

— Смогу я хоть украдкой взглянуть на твое лицо?

— Нет. У меня высыпали огромные красные фурункулы.

— Старая болезнь?

— Если ты имеешь в виду глупость, да.

Он обогнул ее стол и повернулся, чтобы смотреть ей в лицо. Она выглядела утомленной. Тени под глазами из фиолетовых стали черно-синими.

— Черт побери. Никаких фурункулов.

Она пожала плечами.

Он рассматривал ее, а она избегала его взгляда. Он старался найти в ее лице ту огромную, согревающую живость, почти осязаемый жар любопытства, или сострадания, или страсти, или нежности, или гнева, или другого чувства, которые она так часто раньше делила с ним. Неожиданно ему пришло в голову, что ее лицо сегодня было всего лишь маской, умно выбранной, и фраза: «Маска смерти» — пронеслась в его мыслях, но не слишком быстро, чтобы он не обратил на нее внимания.

Он присел на угол ее стола.

— У тебя есть время выслушать меня?

Она ненадолго прикрыла глаза, потом открыла.

— Конечно.

— О последнем уик-энде, и о нынешнем дне, и обо всем прочем.

Она кивнула:

— Я могу сэкономить тебе много времени. Около пяти часов мне позвонил Джордж Моллетт и прочитал первые несколько абзацев только что написанной им статьи.

Палмер подался вперед.

— Ты запомнила их подробно?

— Боюсь, что да.

— Не можешь ли ты пересказать мне?

Она впервые повернулась и посмотрела на него. Ее взгляд казался несколько укоризненным и каким-то смущенным, как будто ей было стыдно за него, но она пыталась это скрыть.

— Ты доверяешь моей памяти?

— М-м, да.

Она сделала какое-то непонятное движение обеими руками, словно отталкивая что-то.

— Прошу прощения. Я вспомнила. Ты сказал, что в конечном счете доверяешь мне. Ведь так? Ну, конечно, так. Ладно, начнем. — Она намеренно, как решил Палмер, начала говорить монотонным голосом. — Речь шла о Гауссе, Хейгене и Джет-Тех. И твое имя ни разу не упоминалось, как, впрочем, и ЮБТК. И ты можешь теперь с облегчением вздохнуть. Джордж — друг. Он порядочный человек. Он еще один, кому ты можешь доверять. Короче, он побежденный, вроде меня. А ты победитель. Я забыла купить какой-нибудь трофей, чтобы преподнести тебе. Я собиралась сделать это, но совершенно забыла. Вот отчего человек проигрывает: никакой предусмотрительности! Это одна черта. Другая — это доверчивость. В ту минуту, когда ты ласково и доверчиво отдаешь себя в чьи-либо руки, ты кладешь начало своему проигрышу. Особенно когда ты не имеешь никаких оснований отдавать себя в его руки и особенно в том случае, когда тебя об этом и не просят.

Она наконец замолчала и посмотрела на него.

— У тебя есть время купить мне что-нибудь выпить?

Он кивнул:

— Где твоё пальто?

— Я сама возьму его. Я ещё не трясусь от старости.

— Я не...

— Если бы я только могла заставить себя не говорить подобных вещей...

Молча пройдя несколько кварталов, они зашли в бар, оказавшийся тем самым, где не так давно Палмер беседовал с Гауссом. Вирджиния оглядела зал, потом заказала официанту двойное виски.

— Ты должен простить меня, — сказала она, когда виски принесли. — В твоём присутствии я неизменно теряю над собой власть. Так уж получается. Тебе приходится выслушивать от меня такие вещи, которых я даже самой себе никогда не говорю.

— Мне хочется, чтобы ты простила меня за все, что я причинил тебе.

— Я простила. — Она сделала первый пробный маленький глоток, потом выпила сразу полстакана. — Твоя вина в том, что ты женился до нашей встречи. Ты прощён. Ты знаешь, что случается с одинокими женщинами моего возраста? Их охватывает желание иметь ребенка, пока климактерический период ещё не наступил. Кто-нибудь до этого выкладывал тебе подобные вещи хоть наполовину так же очаровательно?

— Нет, но у тебя не совсем такое положение.

— Ты хочешь сказать, что у меня уже был ребенок. — Она очень широко улыбнулась, и губы как будто на мгновение приклеились и не сразу смогли занять обычное положение. Потом они расслабились по частям, каждая в отдельности. — Но мне кажется, что

Дженни никогда и не рождалась. Это было почти двадцать лет назад. Я могла бы сейчас быть уже бабушкой. Если бы... И все это приводит к одному четкому выводу: в таких катастрофах, как та, лучше, когда никого не остается в живых.

— Не думаю, чтобы ты...

— Конечно, нет. Ты прав. Я в самом деле лучше чувствую себя живой. Я верю в это. Совершенно искренне верю. В конце концов, это единственное, что мне остается. Новый ребенок будет таким же красивым, как и Дженни. Я могу родить еще одну красавицу. Некоторые женщины так сильно хотят этого, что говорят — но только говорят, — что даже не будут настаивать на замужестве. Конечно, я бы настаивала. Понимаешь? Вот чем объясняется моя теория о том, что лучше, чтобы никого не осталось в живых.

— С тех пор тебе кто-нибудь предлагал замужество?

— А как ты думаешь?

Палмер кивнул:

— Я уверен, что предлагали.

— Ну, ладно, значит, предлагали. Ты очень проницателен.

Предлагали огромными табунами. Тачками-пачками. По меньшей мере целых трое.

— Почему ты не вышла замуж ни за одного?

— Ни один из них не был тобой. — Она быстро допила виски. — Я не желаю слушать свои слова. Я должна замолчать. Давай поговорим о, м-м, о, м-м... о сексе. — Она оглянулась и махнула официанту, — Еще один мне. На этот раз не двойной. О сексе, —

продолжала она, — неисчерпаемая тема! Я была такой хорошей с тобой? Была я хорошей? Скажи да, ведь иначе я ничто. Соври, если нужно. Давай.

— Вирджиния, прекрати.

— Скажи: «Вирджиния, ты была великолепна в постели». Попробуй.

— Будь добра...

— Не достаточно прямо для тебя? Тогда скажи: «Вирджиния, ты прекрасная подстилка». А?

— Вирджиния, ты величайшая дуреха. Замолчи и пей.

— Да, конечно, мистер Палмер, сэр, — сказала она, делая паузу на каждой запятой.

— Давай начнем, — произнес Палмер, медленно и глубоко вдыхая, — с предположения, что первые беззаботные радости прошли.

— И начались радости, отягченные большими заботами.

— Замолчи. — Он нахмурился. — Люди, которые болтают слишком много и слишком легко, очень часто попадают в беду. Ты не представляешь, как меня раздражает то, что в конце концов мой отец был прав. Черт побери, о чем я говорил?

— Ты собирался сообщить мне, — подсказала она, — что раз уж ты больше не вынашиваешь в себе безумных идей о разводе и женитьбе на мне, нет абсолютно никаких причин, почему бы нам с тобой не пуститься в длительную связь, которая завершится в

конечном счете седыми волосами, искусственными зубами, старческим маразмом и смертью. Да?

— У меня не было таких мыслей.

— Пожалуйста, пусть будут. Пожалуйста, попроси меня. Может быть, я даже соглашусь на это.

— Вирджиния, ты не могла бы немного помолчать?

— Ты в состоянии представить такое? Себя у огня, истощенного, полуглухого, полуслепого, дрожащего, с этими красновато-коричневыми пятнами на старческой коже. Меня, вставшую на распухшие от артрита колени, у твоих ног; седые до желтизны волосы, ввалившиеся щеки, отвисшие груди и гнилые зубы. Сумерки Грешников. Финал Страсти. Вознаграждение Измены. Трудно назвать это плотским грехом, когда и плоти-то почти не осталось. Боже, Вудс, интересно, как ведут себя старые люди. Освобождаются ли они в конце концов от этого? Скажи.

— Если ты не против, я скажу тебе, что мне хочется, а не то, что хочешь ты от меня услышать.

— Прекрасно сформулировано. Просто мастерски. — Она протянула руку и погладила его по щеке. — Я должна помнить, что на тебя надо смотреть в новом свете: Мальчик-финансист. Чудо Уолл-стрита. Юный Макиавелли Делового Мира. Иди дальше. Властвуй. Действуй.

— Я хотел сказать только одно, — продолжал Палмер после паузы. — Что бы там ни выбило нас из колеи за эти несколько дней, этого не должно было произойти. И если бы мы могли...

— Почему ты должен путаться в сетях сомнений? — спросила она и подняла вновь наполненный виски стакан. — Я случайно знаю, что выбило нас из колеи. — Она поставила стакан и, казалось, забыла о нем. — Очная ставка. Любовница встречается с Матерью семейства. Добродетель, побеждающая Порок. Все, что мне надо было сделать, дорогой Вудс, — это встретить твою жену и провести в ее обществе час, показавшийся мне целым днем. Мистер Палмер, хотите я расскажу вам о миссис Палмер? Изобретательной женщине. Внутренне сильной. Необыкновенно хитрой. Коварно проницательной. Современной Матери и Друге. Подробности на третьей странице. Скажи, почему я пытаюсь своей болтовней привести тебя в замешательство? О, послушай. Все так просто. Я не знаю, любит ли она тебя, или ненавидит, или еще что-нибудь, но ты не можешь стряхнуть ее с себя. Она не из тех, кого бросают. Я с ней солидарна. Мы получили сигналы друг от друга, она и я. Между тобой и мной нет ничего, кроме непрочной опасной связи. Между тобой и твоей женой существуют фантастически крепкие, трижды скованные, ванадиево-стальные узы. Вы скроены из одного и того же куска первоклассной материи. Одним и тем же портным. Боже мой, Вудс, вы даже похожи друг на друга. Вот. — Она подтолкнула свой стакан виски к нему. — Возьми.

— Я закажу себе еще.

— Я не буду пить. Пей.

— Я думал...

— Ты думал, я хочу напиться, — нежно улыбнулась она. — Позволь мне направить твои мысли. Дело слишком серьезно, чтобы решить его с помощью виски.

Палмер поднял ее стакан и начал пить.

— Иными словами, — сказал он, — ты хочешь порвать.

— Я хочу зарегистрировать смерть, которая имела место в последнюю пятницу вечером и в субботу утром. Ты подпишешь справку?

— А если я не поверю написанному?

— Продолжай, — ворчливо сказала она. — Ты ведь задохнулся от облегчения. Только представьте. Как легко я это делаю для тебя. Разве возможно, чтобы женщина была более джентльменом?

— Единственная беда в том, что я тебе не верю.

Она насмешливо кивнула:

— Прекрасно сказано. Лесть в форме отрицания.

— Прекрати, пожалуйста, играть, — сказал он злым шепотом.

— Все, что прикажешь. Я сегодня очень покладиста. Сегодня нет ничего, что бы я для тебя ни сделала, Вудс. Я бы даже легла с тобой в постель. Хотя это было бы ужасно. Квартира Мака свободна? Я покажу тебе, что я имею в виду.

— Он ждет меня там. Мы должны кое-что обсудить.

— Это плохо. Как насчет машины напрокат? Мы могли бы поехать в тот мотель в Коннектикут. — Неожиданно она встала. Мужчина за соседним столиком взглянул на нее и отвел глаза. — Пожалуйста, Вудс. Подпиши мне справку. Пожалуйста. Он взял ее за руку и попытался усадить. — Пожалуйста, старайся сдерживать себя, — попросил он.

— Я абсолютно сдержанна. — Тот же мужчина снова посмотрел на нее, и на этот раз его соседи по столику тоже подняли глаза. Вирджиния взглянула на него. — Совершенно сдержанна, уверяю вас, — обратилась она к мужчине.

— Вполне, — ответил он понимающе.

Она повернулась к Палмеру:

— Вот видишь?

— У меня...

— ...нет выбора, — закончила она за него. — Сейчас я скажу тебе самое главное. Вечером в пятницу, — продолжала она, — сберегательные банки предложили мне работу. Я ответила «нет». Но к понедельнику субботние и воскресные переживания доконали меня, и я позвонила человеку, сделавшему мне это предложение, и сказала «да». Я приступлю к работе, как только захочу. Они готовят трехлетний контракт. Заработная плата выше, чем в ЮБТК. Между прочим, я не поверила этой цифре, пока не увидела первый чек. Но деньги — самый меньший побуждающий мотив. — Она потянулась и дотронулась до его руки. Ее собственная была холодной. Вирджиния крепко сжала его руку. — Есть и другие. Я решила, например, что в сердце я не служащий коммерческого банка. Раннее развитие. Бедная девочка из восточного Гарлема. ЮБТК... Мир, который она так и не завоевала. Я надеюсь быть более счастливой с оппозицией. Я гораздо ближе к этому типу людей. Они не владеют страной и миром. ЮБТК всегда отпугивал меня. Но и это — не самое большое побуждение. — Она взяла другую руку Палмера и очень крепко сжала обе. — Самое важное, дорогой, я буду далеко от тебя. — Она

осторожно положила его руки на стол, встала и вышла в проход. — Теперь ты видишь, как обстоят дела.

— У тебя нет контракта с ЮБТК?

— Никакого. Думаю, меня никогда не считали достойной этого.

— Сберегательные банки не могут выиграть, ты же знаешь.

— Уж вы с Маком постараетесь, чтобы этого не случилось. Он опять твой союзник, не так ли? Его всегда притягивает сила. Но мне безразлично, выиграем мы или проиграем. Заметь, «мы». Я меняю место работы — или, если хочешь, перелицовываю одежду — не по каким-нибудь из этих соображений. Просто я хочу уйти от тебя. Потому что, если я останусь в ЮБТК, мы так и будем дрейфовать с тобой из постели в постель. В какие-то вечера ты будешь спешить домой. Другие — проводить со мной. Ты будешь рано уходить, еще до одиннадцати, как делал это в последние недели. Ха! Поймала тебя. — Она снова села.

— Я и не надеялся, что ты не заметишь.

— Довольно-таки оскорбительно, если бы не заметила, а?

Он попытался улыбнуться ей:

— Ты еще ничего не подписала со сберегательными банками. Давай поговорим об этом хоть минуту.

Она покачала головой.

— Давай вместо этого поговорим о браке. — Она внимательно посмотрела ему в лицо: — Видишь, как много во мне джентльменского, Вудс? Как я увела разговор от твоих попыток отговорить меня от моего

решения? Предположим, тебе это удалось. Предположим, ты оказал на меня весьма значительное давление — и я открыто признаю, что в мире нет ничего слишком унижительного, или самоуничижительного, или даже непристойного, чего бы я не сделала по твоей просьбе. Представляю, как бы ты рассердился, если бы тебе удалось уговорить меня остаться в ЮБТК.

— У меня на это, кажется, очень мало надежды, — ответил Палмер. — Давай сменим тему.

— Нет. У Джинни Клэри есть мысли, которые она хочет высказать. И ради бога, не дуйся. У тебя так мало оснований дуться, неблагодарный ты тип. — Она опять взяла его руку, поднесла ее ко рту и медленно провела по ней губами.

— Не надо. — Палмер отдернул руку и посмотрел на едва видную двойную полоску помады. — Будь или невозможной, пли любящей. Не надо быть и тем и другим одновременно.

— Я могу быть только сама собой, — ответила она. Некоторое время они настороженно разглядывали друг друга. Потом уголок ее рта насмешливо приподнялся. — Для человека, так давно женатого, — произнесла она, — ты на редкость не сведущ в супружеской жизни.

— А ты?

— К сожалению, да. Эта штука изменчива. Двух одинаковых пар не найти. И у каждой пары она меняется из года в год. Но кончается все всегда одинаково. Как бы супружеская жизнь ни начиналась — как узаконенная страсть, или взаимное согласие, или обоюдное желание размножиться и растить детей, — она всегда кончается одинаково: соглашением между двумя умирающими

стариками, у которых нет сил встретить смерть в одиночестве.

Палмер скорчил гримасу:

— До чего же увлекательные мысли высказывает Джинни Клэри.

— Ты бы перенес этот разговор гораздо легче, если бы время от времени сталкивался с некоторыми из этих полуденных мыслей с зазубренными краями.

— С зазубренными краями! Эта последняя была усыпана битым стеклом.

Она негромко рассмеялась:

— Может быть. Но ты сам знаешь, насколько это правда. Все мы, кому уже за сорок, понимаем это. Страна Увядание, город Закат. Но одинокие люди, вроде меня, сталкиваются с этим еще более резко, лицом к лицу.

— Чтобы столкнуться с чем-нибудь подобным лицом к лицу, — проворчал он, — тебе нужно очень сильно вытянуть шею.

— Да, но таким путем обычно узнаешь очень много полезных вещей. Ну, например, кто ты есть на самом деле. Испытываешь ли ты действительное влечение к тому, чем ты занят.

— О, — тихо произнес он. — Влечение?

Она посмотрела на него, лицо ее было абсолютно безжизненным.

— Я имею в виду к работе, Вудс. Я имею в виду к ЮБТК. Я не имею в виду...— Она сделала легкий взмах рукой. — Я бедное дитя трущобы. Нас множество, локтями пробивающих себе дорогу наверх. Сначала мы

выясняем правила и кто их устанавливает. Потом придерживаемся этих правил. Вик Калхэйн сделал это в значительной степени по-своему. Он чувствует себя очень свободно в своем настоящем виде. Мак Бернс сделал это, по его мнению, на условиях, предоставленных ему теми, кто создает эти правила. Он бесится от того, что вынужден им подчиняться, и вот почему ему вообще это не удалось. Несмотря на его крашенные волосы. Я... я думала, что мне неплохо удался рывок из-за спин гонщиков, удалось пройти, так сказать, дуриком, как случается с негритянскими чемпионами-боксерами, и еврейскими учеными, и итальянскими певцами. Ты знаешь, существуют определенные дозволенные категории. У евреев более широкий выбор. Им не обязательно быть учеными. Они могут быть музыкантами, или комиками, или судьями. И вот какой я стала — вся для ЮБТК. Если не считать того, что, как оказалось, я не понимаю, не люблю этого занятия и не дорожу им. Может кончиться тем, что я брошу и сберегательные банки также. Но в настоящее время благодаря тебе я, кажется, стала банковским экспертом, и это дает большие деньги.

— Что это за правила, — спросил Палмер. — Кто их устанавливает?

— Детка-лапочка, — ответила Вирджиния, подражая голосу Бернса. — Неужели ты не знаешь? Ты устанавливаешь правила.

— Я?

— Ты и тебе подобные.

Он медленно кивнул:

— В общем, БАПы.

— Я не знала, что ты слышал этот термин.

Он криво усмехнулся:

— Подпольная организация утратила бдительность. Шифры попали в руки врага.

— Ладно. — Мгновение она казалась смущенной. Потом несильно тряхнула головой. — Тем не менее все совершенно ясно. Ничто не держит меня в ЮБТК. И поэтому я ухожу.

— Чепуха.

— Нет. Это правда.

— Просто вежливая, уклончивая чепуха.

— Нет. Это еще не вся правда. Но это правильно.

— Тогда давай зафиксируем оставшееся, — предложил Палмер.

— В этом нет нужды.

— Думаю, что есть.

— Тебе будет противно слушать, а мне противно говорить.

Палмер на секунду поднял руки.

— Ладно. Давай как можно быстрее пройдем через трудную часть. Ты хочешь выйти замуж. Я не могу жениться на тебе. Следующая ступень.

— Последняя остановка. — Она похлопала по его руке. — До свидания.

— Это же невозможно! — взорвался он. — Просто бессмысленно.

Она встала и посмотрела на него сверху вниз. Ее рука потянулась к волосам Палмера. Прикосновение ее

пальцев к его виску напоминало дыхание холодного ветра. — Я должна быть очень прямой и жестокой, — сказала она вполголоса. — Я бы сказала, что твое чувство — оскорбленный эгоизм. Но тебе это все равно не помогло бы. Так что слушай: я связалась с тобой на слишком низком уровне, чтобы выносить близость дальнейшей работы с тобой в одном учреждении. Необходимость видеть тебя каждый день, даже минуту-другую слушать или нечаянно слышать твой голос, необходимость видеть твое имя, напечатанное на бумаге... Все это убивает меня. Прощай, дорогой.

Он встал.

— Мы можем?..

— Нет, мы не можем. Я не знаю, насколько сильной ты меня считаешь. — Ее голос сорвался, и она быстро отвернулась.

— Послушай, если бы я мог...

— Ты не можешь. — Она старалась говорить ровным голосом. — И в конце концов, Вудс, ведь это... очень л-ловкий ход. Все гениально просто. Понимаешь? Ты должен понять. Если я работаю на сберегательные банки... — На мгновение ее голос стал тише. Она с трудом глотнула. — Если я там, а ты в ЮБТК... я имею в виду магнитофонные записи, — добавила она сдавленным голосом.

— Что-о?

— И-их нельзя будет использовать. Они бы скомпрометировали представителя сберегательных банков. Меня. Ты идиот, для Бернса они теперь бесполезны. — Огромное рыдание, казалось, вот-вот вырвется из ее горла. Ее глаза в ужасе расширились. И

прежде чем Палмер дотронулся до ее руки, Вирджиния побежала к двери и выскочила на улицу. Стараясь идти как можно быстрее, Палмер последовал за ней. Когда он оказался на улице, она уже садилась в такси. Он смотрел на ее стройные, гладкие ноги, на узкие лодыжки, плавно переходящие в красивые полные икры. Потом дверца такси захлопнулась, и она уехала. Он стоял без пальто на холодном вечернем воздухе. Было ли лучше, рассуждал Палмер, пробежать через бар? Помогли бы выигранные за счет этого несколько секунд остановить Вирджинию?

Глава шестьдесят четвертая

Повернув за угол к воротам дома Бернса, Палмер вдруг остановился и прислонился к блестящим белым кирпичам, ощущая щекой их колючую поверхность и с удивлением раздумывая, сможет ли он сделать следующий шаг.

Впереди него, на расстоянии с полсотни метров, за оградой слышен был шум уличного движения по автостраде Ист Ривер, а за ним частые всплески реки. Он чувствовал ее слегка мускусный запах — смесь морской и речной воды со всевозможными загрязнениями.

Он вспомнил, что уже когда-то был почти в такой же растерянности. Но в тот раз это случилось не тогда, когда ему до крайности был необходим ясный, холодный разум. Он чувствовал, что вовек не сможет сравниться с мастерской изворотливостью Бернса. Этот человек был экспертом-заговорщиком. И не только имел к этому способности, но и получал от интриганства совершенно очевидное удовольствие. Палмер понял, что сам он был не только дилетантом, но не имел даже любительского влечения к этому. Он мог довольно хорошо, кропотливым и упорным трудом плести интриги, но только если его толкала на это крайняя степень раздражения. Но ничто не смогло научить его относиться к интриганству как к естественному явлению общественной жизни. Вот так, стоя у стены и собираясь с мыслями, Палмер неожиданно подумал о других планетах, на которых, по мнению ученых, была совершенно отличная от земной атмосфера. Метан мог быть «воздухом», которым дышат

существа других планет и вдыхают его так же легко, как земные существа — кислород. Но эти удушающие газы будут опасны для путешественников с Земли: вот так и нью-йоркская атмосфера интриг оказывается опасной для человека из другого города.

Но большинство из нас выучиваются дышать здесь, подумал Палмер. И процветать.

С этими мыслями он вошел в дом Бернса. Поднимаясь в лифте, он с опаской подумал о разговоре с Вирджинией. С опаской потому, что это могло нарушить ясность его мысли. Тем не менее, когда он доехал до этажа Бернса, он успел убедить себя, что завтра Вирджиния будет в другом настроении и что в любом случае ее решение не может быть окончательным.

Он поговорит с ней завтра утром. Все изменится. Дверь в квартиру Бернса была открыта, и когда Палмер позвонил, он услышал, как тот прокричал изнутри что-то нечленораздельное. Палмер вошел и закрыл за собой дверь.

— Вот это точность, детка! — воскликнул Бернс. — Только что принесли еду.

Палмер снял шляпу и пальто, принялся — пахнет вкусно. Он прошел через гостиную в маленькую кухню, где Бернс расставлял блюда на столике в нише. — Ты любишь холодный laban? [Ливанское блюдо]

— Никогда не пробовал, — ответил Палмер. — На что это похоже?

— На ту единственную вещь, которая помогает переваривать настоящую ливанскую пищу.

— Что-что?

— Я решил не заказывать в «Шамборе». — Бернс выпрямился и ухмыльнулся Палмеру как-то многозначительно. — Я заказал все в маленьком ресторанчике на одной из Тридцатых улиц. Лучшие ливанские блюда западного района Бейрута. — Он указал на ассортимент белых картонных коробочек. — Шедевры кулинарного искусства, Вуди. Мы начнем с пробы салата из мозгов, очень питательно. Если это тебе не понравится, у меня есть babaganpuji [Ливанское блюдо]... что-то вроде резаных баклажанов, рядом стоит houqus bitahini [Ливанское блюдо] — турецкий горошек, заправленный кунжутовым маслом, язык можно проглотить! Kebabs — это kibbi с urohomas. Я попросил, чтобы их запекли в духовке. На десерт, лапа, у нас будет tubalbiah [Ливанские блюда], сорт драчены. И конечно, laban. Это что-то вроде простокваши, но заправленное оливковым маслом и сухой мятой.

Палмер долго стоял не двигаясь. Потом сел за стол.

— Если мне не понравится laban, — сухо произнес он, — у тебя есть пиво?

Они начали есть.

— Я приберег для тебя банкирский анекдот, — заявил Бернс, размахивая длинным куском соленого огурца.

— Коммерческий или сберегательный?

— Ты знаешь ирландские банки, — продолжал Бернс. — Большинство из них все еще принадлежит англичанам. Так вот английский банкир, как всегда в сюртуке, котелке и с тросточкой, приезжает в Дублин на ежегодную инспекцию. Он идет прямо в банк, понимаешь? 12 часов дня. Никого нет. Двери открыты,

ящики касс выдвинуты, даже подвальный сейф и тот распахнут настежь. Кругом деньги. Никого нет, ни единой души. Он не на шутку рассердился. Шагает к ручке сигнала тревоги и дергает ее. Поднимается адский шум. Звонки! Сирены! Оглушающе! Он выбегает на улицу. Никто не останавливается. Люди проходят мимо, не глядя на него. Вдруг на другой стороне улицы открывается дверь кабачка и к банку направляется официант с четырьмя пинтами пива на подносе. — Бернс замолчал.

— Ну?

— Что ну? Смейся, ты нахал!

Палмер нахмурился, затем понял.

— Они... они использовали сигнал тревоги?..

— Для вызова официанта, — закончил Бернс и разразился оглушительным хохотом.

Палмер улыбнулся несколько болезненно:

— У тебя есть еще этот gannouji?

— Боже. Вот и рассказывай тебе анекдоты.

— Попробуй на Вике Калхэйне.

— Это он мне его рассказал, — признался Бернс. — Господи, Вуди, кончай дуться. Предполагалось, что эта встреча будет праздником любви.

— Чем-то вроде заключения мира?

— Я стараюсь компенсировать магнитофонную запись, лапа. Палмер скорчил гримасу и продолжал с аппетитом есть. Он проглотил немного острого кислого йогурта. — Что касается простокваши, ты прав. Она

единственная вещь, которая помогает переварить все эти блюда.

— Тебе не нравится эта еда?

— Я объелся как поросенок. Она великолепна.

— Ладно. Хорошо. — Бернс закурил и выпустил большой клуб дыма, искоса поглядывая сквозь него на Палмера. — Послушай, Вуди. Я изо всех сил стараюсь разрядить напряжение. Обычно мне это прекрасно удается. Несколько дней назад я поклялся повесить тебя за твои зубные коронки. Но ты выбил подставку из-под меня, Джо Лумиса и всего этого идиотского плана. Теперь наша обязанность найти пути встречи умов. В конце концов, я так долго не пускал в ход эти магнитофонные записи, что дал тебе возможность проделать свой фокус с немцем. Так что прими меня. Поговори со мной. Скажи, как ты меня любишь.

Палмер покачал головой.

— Мы гораздо лучше сработаемся, если не будем друг другу лгать. Мне с тобой трудно, потому что я не верю тебе. А тебе трудно со мной, потому что ты не любишь людей, способных перехитрить тебя, хотя бы раз.

— Нет, не так. Я ненавижу проигравших, старина. И я охотнее всего работаю на победителей.

— Это, по-моему, похоже на правду. — Палмер принялся за следующий шарик жареного рубленого мяса. — До этих пор я могу верить тебе... и разрешить занять сторону победителя.

Улыбка Бернса вышла кривой.

— О какой битве мы говорим? Билль об отделениях в Олбани, или же борьба за контроль над ЮБТК?

— Разве она еще продолжается? — спросил Палмер с насмешливой наивностью.

— О ней вообще никто еще не объявлял.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Палмер, — что у Лумиса к завтрашнему дню руки будут связаны своими собственными недовольными акционерами. Как только Вашингтон начнет задавать вопросы, какой-нибудь комитетик постарается выпихнуть Лумиса из Джет-Тех.

Бернс кивнул:

— Об этом я тоже думал.

— И в этом причина нашего праздника любви.

Бернс повернул руки ладонями вверх.

— Если ты столько знаешь о том, как работает мой мозг, почему же ты все еще не можешь мне доверять?

— Потому что я человек, Мак. В одно прекрасное время я могу поскользнуться. И тогда ты предашь меня. Снова. — Желтовато-карие глаза Бернса широко открылись.

— Чудесный друг. Как я узнаю, что ты не предал меня?

— Ты не предавай.

Бернс подумал, потом поднялся и пошел в гостиную. Вскоре он возвратился с пятью плоскими коробочками магнитофонной ленты.

— Здесь все, — сказал он. — Я хочу сказать, что это — оригинальная лента, а не переписанная. У меня

больше не осталось ни одного сантиметра записей. Ты веришь мне?

Палмер взял коробку и подержал, как бы взвешивая их.

— Очень трогательный жест, Мак.

— Я так и рассчитал. Теперь ты веришь мне?

— Считая, что Вирджиния Клэри переходит на другую сторону и эти ленты в конечном счете не стоят ломаного гроша, — сказал Палмер, — то да, верю.

Бернс медленно опустился на стул и уставился на Палмера:

— Это уж слишком, детка. Когда она сказала тебе об этом? Сегодня вечером?

— Да.

— И обесценила мой широкий жест.

— Очень грустно. — Палмер принялся за драчену. — Таким образом, Мак, теперь мы оба знаем степень нашего обоюдного доверия. Это холодный нью-йоркский стиль. Если хочешь на этом остановиться, давай работать.

Глава шестьдесят пятая

Нерешенные вопросы. Палмер скривил губы и зажмурился: от яркого света люминесцентных ламп перед глазами пошли темные круги.

Вскоре он открыл глаза и перечитал лежащие на письменном столе заметки, проверяя, не осталось ли нерешенных вопросов в планах, которые они с Бернсом составили сегодня вечером.

Взглянув на часы, он увидел, что уже около четырех ночи. Надо немного поспать, понял он, чтобы чувствовать уверенность, что к концу наступающего дня на все нерешенные вопросы будут найдены правильные ответы.

Вздохнув, Палмер потянулся к телефону и набрал номер конторы Бернса. Ответила женщина, неохотно растягивая слова: Атертон, Крэги энд Мун.

— Мак Бернс там?

Ее голос стал более отчетливым:

— Чем могу быть полезна?

— Это мистер Палмер. Дайте мне мистера Бернса.

— Сию минуту, мистер Палмер. — Она сделала такое ударение на его имени, что Палмер почти увидел Бернса в той же комнате, стремительно ринувшегося к телефону.

— Ты еще не ложишься, дорогой?

— Очевидно, ты тоже держишь свой штат на ногах. Или же это сверхпрограммное развлечение?

— Исключительно деловые отношения. Карикатура закончена. Копия закончена. У нас нет времени...— Бернс резко закашлялся.-

...Нет времени сделать линотип, поэтому мы размножаем на печатающем устройстве счетной машины. Один парень из отдела искусств оформляет экземпляр для распространения.

— Давай послушаем копию, Мак.

— Угу. — Раздалось смущенное бормотание на заднем плане. — Не это дерьмо, — фыркнул Бернс. — Исправленный вариант, который... Джимми. О'кей. Вуди?

— Начинай.

— Л а д н о , заголовки, м-м, где он... «Социалистические банки высасывают из вас последние капли крови». Просто великолепно, а?

— Господи, — пробормотал Палмер. — Не обращай внимания, продолжай.

— О'кей, Потом под этим — большая карикатура. Огромный, жирный, грязный банк, надпись: «Сберегательный банк», на крыше флаг с серпом и молотом. От насоса отходит шланг. Человек, похожий на сенатора — сюртук и галстук-шнурок, — качает насос. Человек обозначен: «Государственное законодательство». От насоса шланг идет к огромной медицинской игле, воткнутой в руку маленького высохшего Джона К. В общем, шмендрик из народа. Несколько капель крови упало с иглы. Он выглядит побитым. Карманы вывернуты наизнанку. Обычная кукурузная дешевка. А вокруг банка штриховка,

показывающая, что с каждой секундой он становится все толще. Тебе нравится?

— Это ужасно.

— Детка!

— Да, да, — настаивал Палмер. — Смени в заголовке слово «социалистический» на «социалистский». Так меньше ответственности. Сними флаг с серпом и молотом. И ради бога, посмотри, нельзя ли обойтись без капель крови. Все равно будет плохо, но у нас нет выбора.

— Точно. Теперь копия статьи.

— Давай.

— Гм... Она начинается так: «Будьте бдительны! Ползучий социализм не призрак, не бред сумасшедшего. Социалистические тенденции начинают проявляться в самом сердце нашего государства, как раз в самом больном месте — вашем бумажнике». Абзац. Далее мы вставляем на один абзац краткое содержание твоей речи в Сиракузах, той, которая тебе очень нравится. Тра-та-та-та. Далее: «Не давайте социалистическим банкам пить вашу кровь. Не позволяйте изнеженным привилегированным сберегательным банкам жиреть за счет вашей бережливости». Абзац. «Вы платите налоги. Почему же тогда сберегательным банкам не платить налоги?» Абзац. «Вы помещаете деньги в Америке. Почему бы и сберегательным банкам не помещать свои деньги в Америке?» Абзац. «Вы верите в частное предпринимательство. Почему сберегательные банки не должны верить?» Абзац. «Не позволяйте плесени сберегательных банков, завезенной к нам из других стран, пожирать сердце вашего государства и вашего

народа». Абзац. Довольно грязная штука, Вуди? Ну, вот заключительный абзац. «Проснитесь и посмотрите, что делается вокруг. Велите вашему сенатору и члену законодательного собрания голосовать за частное предпринимательство, а не за ползучий социализм». Абзац. «Велите им сказать НЕТ биллю об отделениях сберегательных банков». Под этим идет подпись: «Независимый комитет граждан за частное предпринимательство» и номер комнаты в отеле.

— Ты заказал комнату? — спросил Палмер.

— Два часа назад.

Палмер зачеркнул один пункт в своем плане.

— На чье имя?

— Джимми Фогел.

Палмер записал.

— Он заслуживает доверия?

— Нет. Но он жадный. К восьми часам утра эта заметка будет доставлена к нему. Он отнесет ее в газету к 8.30. Они появятся на прилавках не позже трех часов дня.

— Этот Фогел ничего не подозревает?

— Я плачу ему 5000 долларов за работу. Это в десять раз превышает ту сумму, которую я плачу ему каждый месяц. Иными словами, когда эта бомба взорвется, он может грациозно убраться и сидеть в укрытии целых десять месяцев.

Палмер сделал еще одну отметку в своем плане.

— Сколько стоит объявление?

— Две тысячи. Это целая полоса, и сверх того мы платим за помещение его на последней полосе.

Палмер исправил у себя в плане цифру.

— Что заставляет тебя думать, что периферийная газета примет это заявление?

— Фогел. У него есть материалчик на одного из редакторов. Фотографии бедного сукина сына с двумя нахалками из Нью-Йорка.

— Что за фотография?

Бернс рассмеялся:

— Со мной тут дамы, лапочка. Давай просто назовем эти позы вполне пригодными для включения их в учебник.

Палмер опять закрыл глаза.

— Ты сам отвезешь заявление? Ты собираешься побывать у Фогела, чтобы выяснить, все ли у него идет как надо?

— Не я, дружище. Я остаюсь здесь, в Нью-Йорке. Едет один из моих людей, передает заявление, поворачивается и, как воришка, несется, задрав хвост, назад домой. Вот как это делается.

— Спокойной ночи, Мак, — сказал Палмер. — Позвони мне на работу, когда что-нибудь узнаешь.

Он повесил трубку, выключил люминесцентную лампу и открыл в полутьме глаза.

Подходя к спальне, он услышал медленное ровное дыхание Эдис. Казалось, она видит спокойный, приятный сон. Он постоял минуту, рассматривая ее лицо, оно было тихо и безмятежно. Потом усевшись на край постели, он

потер глаза, прежде чем вытянуться во всю длину.
Мелькнула мысль, какие интересно сны увидит он в эту
ночь?

Глава шестьдесят шестая

На открывшейся во вторник бирже наблюдалось небольшое, но общее повышение курса. К десяти часам телеграфные сообщения об акциях Джет-Тех стали приходить с большим отставанием. К одиннадцати часам маклер Палмера смог узнать из наиболее надежного источника, что акции упали до 35, то есть на 10 пунктов ниже своей допалмеровской стоимости.

В одиннадцать часов, когда Палмер еще говорил с маклером, девушка из отдела Вирджинии Клэри принесла первые выпуски дневных газет. Как «Джорнэл америкэн», так и «Уорлд телеграм» печатали сообщения ЮПИ из Вашингтона о пресс-конференции, созванной департаментом Тима Карви. Хотя заявление и не было таким грозным, как ожидал Палмер, оно все-таки было исчерпывающим. Заголовок в «Джорнэл» не давал всей сути дела:

ПРИЗЫВ К РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛА УЧЕНОГО, ЗАНЯТОГО ПРОБЛЕМОЙ «УОТАН».

А «Телеграм» это удалось:

АГЕНТСТВО ПО КОСМОСУ КРИТИКУЕТ ПЕРЕХОД УЧЕНОГО:

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕУДАЧИ ДЖЕТ-ТЕХ С РАКЕТОЙ «УОТАН».

Хотя телефон начиная с девяти утра звонил почти не переставая, Палмер велел телефонисткам соединять его только с газетчиками. Бернс звонил по личному телефону три раза: первый — сообщить установление контакта с Фогелом, второй — сообщить, что их

заявление доставлено в газету, и еще один раз — сказать, что уже сделано клише и сейчас размножается для первого сегодняшнего выпуска.

Вскоре после одиннадцати секретарша Палмера принесла ему записи всех телефонных звонков, среди которых пять было от Бэркхардта из его дома в Коннектикуте.

Нахмурившись, Палмер нажал на интеркоме кнопку «Бэркхардт». Когда никто не ответил, Палмер позвонил по коннектикутскому номеру. К телефону подошла одна из служанок.

— Нет, сэр, мистер Палмер, он уехал с полчаса назад. — Не успел он положить трубку, как телефон снова зазвонил. Он опять поднял трубку. — Палмер.

— Джордж Моллетт. Я прошу у вас услуги.

— Ответ положительный, — сказал Палмер.

Репортер засмеялся.

— Только что я разговаривал с одним из моих коллег в Олбани. Просьба вот в чем: скажите, чтобы я смог ответить ему, что вы знаете о человеке по имени Джимми Фогел?

Палмер откинулся на спинку стула. Чтобы ложь звучала убедительно, необходимо по возможности расслабить мышцы, так как напряжение отражается на голосе.

— Джимми Фогел? — повторил он. — Это очень легко, Джордж. Ничего.

— Никогда о нем не слышали?

— Никогда. Он банкир?

— Может быть. Он известен тем, что время от времени метал банк краплеными картами.

— Этот джентльмен из Олбани?

Моллетт опять засмеялся.

— Вы ужасны! — сказал он. — Вы настолько естественно все это произносите, как будто просто икаете. Неужели у вас совсем нет нервов?

Палмер быстро подсчитал свои шансы в случае, если расскажет репортеру хоть часть правды, конечно неофициально. И решил, что это тот единственный случай, когда нельзя доверять никому. Слишком велик соблазн, даже для «Стар», чтобы ему противостоять.

— А я должен знать этого парня, Джордж? — спросил он.

— Не знаю. На этот раз я всего лишь посредник. Может быть, Мак Бернс знает? Вы снова вместе, в одной постели?

— Мы никогда не покидали, как вы очень мило заметили, эту постель. Один раз я собирался его уволить, но передумал, — ответил Палмер. — Насколько мне известно, мистер Бернс все еще работает в ЮБТК специальным советником по общественным отношениям. — Палмер сделал небольшую паузу. — Что случилось с этим Фогелом?

— Ничего такого, чего нельзя исправить при помощи денег. Если вы и вправду не знаете, мне кажется, я не имею права говорить вам об этом. Но к концу дня все станет известно.

— Что-нибудь политическое?

— Ага. — Репортер на мгновение замолчал. — Мне только что передали записку. Акции Джет-Тех упали до 32. Так низко они ни разу не падали за последние четыре года.

— Ужасно. Надеюсь, у вас их нет, Джордж?

— У меня? — Моллетт тихо хмыкнул. — Я вскочил из-за стола вчера в «Клубе» — вы помните этот памятный ленч? — и продал все, что имел. Когда, по-вашему, я должен снова скупать их?

— Покупайте надежные акции, Джордж. Покупайте ЮБТК.

Дверь в кабинет открылась, и появившийся на пороге Бэркхардт уставился на Палмера.

Палмер кивнул и сказал в трубку:

— Только что вошел босс, Джордж. Что-нибудь еще?

— Кончаю и даю вам возможность с ним побеседовать, — ответил репортер. — Бедный старый тупица не имеет ни малейшего понятия о том, что на самом деле происходит.

— Весьма возможно, Джордж. Пока.

Палмер повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Бэркхардт.

— Моллетт из «Стар». Простите, что вас не соединяли со мной. Линии связи были открыты только для газетчиков.

— Линии? — Молочно-голубые глаза Бэркхардта разъяренно сощурились. Его обычно красное лицо стало почти бордовым. Огромным усилием воли он закрыл за собой дверь и дошел до середины просторного кабинета

Палмера. — Проклятье! — заявил он ужасающе спокойно. — Главное исполнительное лицо банка не может поговорить со своим наемным лакеем. А любой мелкий идиот, сующий нос не в свои дела, сразу же к тебе дозванивается.-

Он медленно повернулся и посмотрел на Палмера:

— Ладно. Рассказывай.

— О чем? — кротко спросил Палмер. — Вы заметили, что активность акций ЮБТК сошла почти на нет? Совершенно неожиданно их перестали покупать.

— Все, кто их покупал, — проворчал Бэркхардт, — слишком заняты находящимися в их распоряжении акциями Джет-Тех. В какую заваруху ты нас втянул?

— Не мы в заварухе, а Джет-Тех.

Бэркхардт сделал длинный, неровный вдох.

— Это же обязательно отразится на ЮБТК, ты, мерзкий идиот! — заорал он.

Его глаза стали почти круглыми.

— Ты хоть соображаешь, что может случиться с нами?

Палмер смотрел на редкие реснички Бэркхардта, переплетающиеся в углах глаз. Желтоватый оттенок белков совсем не гармонировал с ярко-голубой радужной оболочкой глаза.

— Сядьте, Лэйн, — произнес Палмер. — Пожалуйста.

— Не опекай меня, ты, несчастный сопляк! — Бэркхардт энергично прошел к огромному окну в дальнем конце комнаты. — Я хочу знать, что, по-твоему, ты

делаешь. Какое колоссальное нахальство дало тебе право подвергать риску репутацию заведения, в которое я вложил свою жизнь.

Палмер вытащил сигареты и подтолкнул их через стол к Бэркхардту.

— Не сердитесь, — сказал он медленно и рассудительно. — У меня просто не было времени объяснить все вам. В любом случае нам обоим известна ваша вероятная реакция, узнай вы об этом заранее.

— Такая же, как и сейчас, ты маленький...

— Успокойтесь и сядьте! — отрезал Палмер. — Я больше не намерен выслушивать оскорбления.

Мужчины посмотрели друг на друга с какой-то усталой настороженностью, после чего Бэркхардт сел и закурил сигарету.

— Поскольку ты не собираешься задерживаться в ЮБТК надолго, — сказал он намеренно невыразительным голосом, — я думаю, не стоит понижать тебя в должности.

Палмер приятно улыбнулся:

— Ничего вообще этого не стоит. Вы предстали перед *fait accompli* [Свершившийся факт (франц.)]. Вот вы и сердитесь. На прошлой неделе вас поставили спиной к стенке. Из-под вас чуть было не выдернули этот банк. У Джет-Тех были козыри против меня. Они требовали, чтобы я присоединился к их борьбе за контроль над ЮБТК.

— Что за?..

— Не важно, — прервал Палмер. — Весьма сильные козыри. У меня было бы много неприятностей, если бы я

просто отклонил их требования. А если бы я поддержал их, они бы провели в правление своих директоров, выбросили бы вас на пост какого-нибудь почетного председателя и получили бы свой фантастический заем или же какой-нибудь еще более невероятный. Сейчас же у Лумиса настолько заняты руки своими собственными проблемами, что он не в состоянии сделать ни одного хода на заседании наших акционеров. Какое-то время Бэркхардт молчал, делая короткие затяжки, но не глотая, а просто заполняя воздух вокруг себя тучей дыма.

— А сберегательные банки? — рявкнул наконец он.

Не имея возможности определить, как много знает Бэркхардт, Палмер ответил уклончиво:

— Вы, конечно, понимаете, что у ДжетТех не осталось сил для битвы в Олбани.

— А этот грек, которого они приставили ко мне?

Палмер поморщился:

— Ливанец. Легко понять, почему вы с ним так и не сработались. Вы ненавидите всех инородцев или только Бернса?

— У меня полно таких знакомых, — сухо ответил Бэркхардт. — Имел деловые отношения с целой дюжиной из них. Но в ту же секунду, как я взглянул на Бернса, я понял, с чем столкнулся. Послушай. — Он наклонился ближе к столу. — Разве белый человек смог бы сделать такое?

Рот Палмера растянулся в какой-то болезненной гримасе.

— Меня поражает, — произнес он секунду спустя, — как вы умудряетесь уживаться в этом городе с такими настроениями.

— Не твое дело. У всяких там ирландцев и жидов свой город, а у меня — свой.

— Это один и тот же город.

— Нет! — Бэркхардт почти кричал. — Я разрешаю им вести их глупые политические игры с уопсами и спиксами [Американские прозвища для иммигрантов из Европы, особенно часто употребляемые по отношению к итальянцам] и негритосами. Это меня не касается. Когда же им нужны деньги, тем не менее... — Он жестко ухмыльнулся. — Когда им нужны деньги, они идут туда, где эти деньги имеются.

— «Могущественная крепость есть наш бог», — процитировал Палмер. — «Никогда не сдающийся бастион».

Бэркхардт уставился на него:

— Что-о?

— Когда вы последний раз были в церкви? — спросил Палмер. — Так же давно, как и я?

— Прекрати...

— Вспомнил! — радостно воскликнул Палмер. Он мгновение мурлыкал про себя, потом снова процитировал: — «И хотя этот наполненный дьяволами мир будет угрожать уничтожить нас, мы не будем бояться, потому что бог желал, чтобы его правда восторжествовала через нас».

Бэркхардт потушил сигарету резкими движениями своих сильных пальцев.

— Ну вот что, — сказал он с омерзением. — Ты не можешь стоять на задних ногах, не можешь высказывать свои взгляды, как человек. Ты трусливо подкрадываешься из-за угла и цитируешь Библию и делаешь жалкие выпады. Черт побери, Вуди, что за бабу сделал твой отец?

Палмер почувствовал, что поднимается. Он вроде бы не хотел вставать. Но как только он оказался на ногах, то услышал свой собственный голос, такой же громкий, как и у Бэркхардта.

— Хотите поговорить честно?

— Хоть раз в твоей жизни.

Палмер наклонился к столу. Приблизил лицо на 30 сантиметров к лицу Бэркхардта.

— Когда вы вообще слышали правду? — спросил он. — Вы слишком заняты тем, чтобы производить впечатление, вы, старый мошенник. Какой из вас банкир? Что, черт побери, вы понимаете в этом деле? Вы один из этих болтливых безмозглых шарлатанов, которыми набита наша страна. Вы только и умеете, что сильно толкаться. И когда вы сталкиваетесь с более или менее умным человеком, вам крышка. Джо Лумис разрезал вас на вонючие кусочки и оставил для приманки, вы, несчастный старый жулик. Я склеил вас, придав вам снова человеческий вид. И все, на что вы способны, — это орать, как сопливый младенец. Если вы посидите спокойно и дадите мне закончить ремонт, хорошо. Но если вы еще хоть один раз позволите себе распустить язык, я оставлю вас на съедение мухам.

Палмер почувствовал, что пол как-то тревожно заходил у него под ногами. Он сел и постарался успокоиться. Тихо загудел интерком. Он не обратил на него внимания.

Через некоторое время, когда оба отдышались, Бэркхардт взял еще одну сигарету из пачки Палмера, медленно подошел к огромному окну из цельного стекла и долго смотрел вниз на Пятую авеню. Потом он обернулся, и Палмер против света не смог разглядеть выражение его лица.

Бэркхардт заговорил приглушенным голосом:

— Что ты собираешься делать со сберегательными банками?

Палмер пожал плечами.

— Дело движется, — нетерпеливо ответил он. — Нет нужды вдаваться в подробности. Мы так напугаем Банковский комитет, что они отложат решение до следующего года.

— Это поможет?

Палмер, прищурившись, поглядел на старика. С контурами человека без всякого выражения или хотя бы жестов говорить было очень трудно. Палмер встал и подошел к окну в надежде, что это заставит Бэркхардта повернуться и свет упадет на его лицо.

— Это сработает. Правда, стоит довольно дорого.

— Сколько? — Слово вырвалось без всякого веса и силы.

— Уже сейчас около семи тысяч. Может быть, будет стоить десять тысяч, прежде чем мы закончим. Не считая карманных расходов Бернса.

— Бернса?

— Какие-нибудь возражения?

Бэркхардт немного повернулся, и Палмер разглядел абсолютно пустое выражение его лица.

— Не знаю, — ответил старик.

— Что вы не знаете?

Бэркхардт слабо махнул рукой.

— Ничего.

Теперь Палмер более внимательно рассмотрел его: движения замедленные, губы едва двигаются, глаза тупо смотрят прямо перед собой.

— Это не похоже на вас, — заметил Палмер.

Нижняя губа Бэркхардта медленно опустилась, как бы выражая: «Вот такие дела».

— О'кей.

— Что о'кей? — настаивал Палмер.

— Ничего. — Бэркхардт отвернулся и сделал шаг по направлению к двери. Потом остановился и медленно, непривычно тяжело повернулся к Палмеру. — Ты делаешь больно, — произнес он, — думаю, что я сам виноват, но, сынок, ты делаешь больно. Какое-то странное чувство зашевелилось внутри Палмера. Он с испугом подумал, что это угрызения совести. Но потом понял: это жалость. Он попытался придать своему лицу более дружелюбное выражение и почувствовал, что мышцы лица слушаются с трудом. — Это еще что! Я

свалил Бернса. Стукнул его довольно-таки сильно вчера вечером. Теперь он мой друг до тех пор, пока я этого захочу. А как насчет вас?

Бэркхардт стоял не двигаясь, как бы ожидая какого-то чувства, которое должно было прийти к нему. Наконец он сказал:

— Ты когда-нибудь встречал человека, дружившего со своим могильщиком?

Палмер покачал головой:

— Я хирург, делающий вам пластическую операцию, а не могильщик.

Старик тихо рассмеялся каким-то бесплотным смехом, вроде легкого шуршания.

— Классная операция, Вуди.

Зазвонил личный телефон Палмера. Он подошел к столу и снял трубку.

— Спасибо, Пит. — И повесил трубку. Он посмотрел на Бэркхардта. — Курс акций Джет-Тех упал до 29. Самый низкий за последние двенадцать лет.

Губы Бэркхардта вяло задвигались. Казалось, он не мог решить, как ему реагировать. Наконец он сказал:

— Поздравляю.

— У вас есть их акции, Лэйн?

— Нет.

— Вас не соблазнит купить немного по дешевке?

— Нет.

— Это хорошо. Мы не можем допустить, чтобы они поймали представителя ЮБТК за покупкой акций Джет-Тех.

Бэркхардт кивнул и пошел к двери, как-то тяжело и вяло ступая, как будто за последние тридцать минут он прибавил килограммов пятнадцать. У двери он остановился. — Будут какие-нибудь еще инструкции?

— Попробуйте изменить настроение.

— Недостаточно счастлив, ты считаешь?

— Послушайте, — сказал Палмер, — я вас знаю. Вы никогда никому не передавали полномочий, потому что, кроме себя, никому не доверяете. Только так вы были счастливы. Учитесь же быть счастливым по-другому. Это очень просто.

— Слишком стар переучиваться.

— Не хитрите, Лэйн.

Какой-то момент губы Бэркхардта двигались беззвучно.

— Смешно, насколько я мог ошибиться. Я думал, что знаю тебя вдоль и поперек. Я видел в тебе всего лишь сына своего отца. — Бэркхардт недоуменно сощурил глаза. — Чей ты сын, в конце концов?

— Свой собственный, — ответил Палмер так тихо, что казалось, он обращается к самому себе.

— Чей?

Палмер кашлянул.

— Свой собственный, — более отчетливо произнес он.

Бэркхардт некоторое время стоял у двери, как бы переваривая ответ Палмера. Потом открыл дверь.

— Надеюсь, тебе нравится быть самим собой, — сказал он. — Мне обычно нравилось.

Глава шестьдесят седьмая

Палмер проснулся в 6.30, выключил будильник и побрел в кабинет. Опустившись в кресло около письменного стола, он начал изучать листок бумаги, на котором записывал события прошедшего дня.

Собрание акционеров должно было начаться сегодня в десять и закончиться к полудню. Если все пойдет хорошо, его изберут директором, проводя в жизнь решение, принятое несколько месяцев назад. Но у него не было никакой уверенности, что все пойдет хорошо.

В течение последних нескольких дней он не слышал ни единого звука от сподвижников Лумиса, зажатых между своими собственными раскольническими акционерами и расследованием, проводимым сенатской комиссией. Есть шансы, сонно размышлял он, еще раз просматривая записи, что сегодняшнее собрание пройдет гладко. Но он был настолько близок к победе, что его не удовлетворяла случайность. Несомненно, можно было найти путь превращения случайности в определенность. Очень долго он сидел и думал, пока его семья понемногу просыпалась и начинала день. В восемь часов телефонный звонок оторвал его от завтрака.

— Я только что потратил еще пять тысяч, — сообщил ему Мак Бернс. Палмер прожевал и проглотил кусок тоста. — На Фогела?

— Послал его в Европу на два месяца. Достаточный срок?

— Я думал, что в Олбани все прошло гладко.

— Как шелк. Но разве ты не чувствуешь себя гораздо счастливее, зная, что в данный момент Фогел сидит в самолете «Пан. Ам.» [Американская авиакомпания].

— М-м. — Палмер вытер с губ крошки. — Есть какие-нибудь известия от Банковского комитета?

— К полудню я буду знать.

— Как это выглядит?

— Похоже, они боятся этого билля об отделениях и хотят выбросить его на свалку.

— Чудесно. Поговорим позже, Мак.

Палмер вернулся к столу и услышал, как Эдис говорит Джерри:

— ...совершенно не твое дело.

— Почему не мое? — поинтересовалась девочка.

Палмер посмотрел в серые глаза дочери, когда она на мгновение подняла их, чтобы взглянуть на него. Но потом она снова уставилась в тарелку с омлетом.

— Что не ее дело? — спросил он.

Эдис предостерегающе взглянула на него:

— Твое дело.

— Гм?

— Я просто поинтересовалась вслух, — объяснила Джерри, — почему мистер Бернс звонит тебе в такое странное время, и мама сказала...

— Мама права, — прервал ее Палмер. — Мое дело — это не твое дело. — Он намазал еще один кусочек

тоста. — И с другой стороны, твое дело — это мое дело. Разве не справедливо?

— Еще как, — сердито буркнул Вуди. Видно, в нем еще жило воспоминание о каком-то прошлом вмешательстве в его личные дела.

Снова зазвонил телефон. Они спокойно сидели и ждали, когда миссис Кейдж ответит. После четвертого звонка она подошла к телефону.

— Опять вас, мистер Палмер.

— Вуди. — Обычно жесткий, сильный голос Бэркхардта на этот раз звучал до странности осторожно. Но Палмер не мог определить, спросонок ли это или было тут что-то еще. — Я должен увидеть тебя до собрания.

— Почему бы не встретиться в вашем кабинете в 9.30? — предложил Палмер.

— Не годится. Туда могут прийти кое-какие директора поболтать со мной. Как насчет девяти в твоём кабинете? После я отвезу тебя в деловой квартал на собрание. По дороге мы поговорим.

Палмер подумал над этим предложением и решил, что не хочет, чтобы кто-нибудь из директоров увидел его все еще в таких близких отношениях с Бэркхардтом.

— Не получится, — наконец ответил он. — Я не буду там. Мне надо кое-что закончить, — соврал он, — а потом я поеду прямо на собрание.

— Тогда, черт возьми, давай поговорим сейчас, — предложил Бэркхардт.

— Сейчас я завтракаю. Могу я позвонить вам попозже?

— Через 15 минут я уезжаю.

Бэркхардт молчал очень долго, должно быть сообразив, что сам себя посадил в мышеловку.

— Ну ладно, — сказал он наконец и повесил трубку.

Палмер возвратился к столу и услышал, как жалуется Вуди.

— ...считают, что ты обязан ходить на каждый танцевальный вечер, но почему? Достаточно и того, что каждую неделю урок танцев. Почему я должен тратить деньги на какую-нибудь паршивую девчонку только ради того, чтобы меня не считали зубрилой?

Палмер попытался подвести жалобу Вуди под какую-нибудь известную ему категорию. С Вуди это было не очень трудно.

— С мая ты будешь получать больше карманных денег, — сказал он. — Думаю, твоя репутация в школе не слишком пострадает, если ты немного подождешь.

— Это ты так думаешь. — Вуди угрюмо тыкал вилкой в омлет. — Я не возражал бы получить аванс в счет будущей прибавки. Понимаешь...

— Если ты сейчас получишь аванс, — прервал его Палмер, — что будет потом? Как ты сможешь его вернуть?

Вуди заметно просветлел.

— Я все продумал, — ответил он. — После июня кончается этот идиотский светский сезон. Не будет

больше оскудения казны. У меня появятся лишние деньги, из которых я выплачу аванс.

Лицо Палмера ничего не выражало. Он зацепил на вилку кусок омлета и тщательно пережевал его. Потом повернулся к Эдис:

— Думаешь, он будет помнить об этой своей идее до лета?

— Мы ему напомним.

Палмер кивнул:

— Тогда давай попробуем. Но...— Он вытянул руку, заранее предотвращая просьбы Джерри и Тома. — Это относится только к Палмерам старше четырнадцати лет.

— Чудесно, — сказал Вуди. — Спасибо.

Я думаю, — продолжал Палмер, встретив взгляд Эдис, — мы обязаны выяснить, чем будет заниматься Вуди этим летом, откуда он возьмет эти огромные денежные излишки. Работать?

Эдис задумчиво посмотрела на апельсиновый сок.

— Я надеялась, что, может быть, мы проведем лето в нашем доме на Мичигане.

— Вы четверо. Мне будет довольно-таки сложно ездить туда и обратно.

— Я думала, — сказала она, — что, может быть, ты захочешь взять месячный отпуск.

— Не знаю, как я...— Палмер замолчал, посмотрел себе в тарелку и немного подумал. — Думаю, нам лучше поговорить об этом сегодня вечером. После совещания.

— Чудесно, — быстро и с облегчением согласилась Эдис.

Палмер взглянул на часы: 8.20. Он встал.

— Я ненадолго. — Он прошел в кабинет, сверился со своими записками, нашел номер телефона и набрал его.

— Да? — ответил тихий, усталый старческий голос.

— Мистер Лумис? Это Вудс Палмер.

— Одну минуту. Я посмотрю, дома ли мистер Лумис.

Палмер сел в кресло за письменным столом и потянулся к полупустой пачке сигарет. Первая мысль об этом звонке пришла к нему среди ночи, когда он проснулся от неприятного сновидения. Его настолько захватила эта идея, что он встал, сделал заметку на листе бумаги и, поднявшись утром, снова начал над ней думать. Теперь он уже не гордился ей, как это было с ним ночью, но в данный момент стоило попробовать любое, любой способ подхода к Лумису. Самое главное было в том, чтобы предложить что-нибудь, а не просить. И что самое важное: выдать это в последний момент, когда остается считанное время до собрания, у Лумиса уже не будет времени раздумывать над предложением.

— Доброе утро, мистер Палмер, — ответил еще один старческий, но энергичный голос.

— Благодарю вас, что подошли к телефону, мистер Лумис, — начал Палмер. — У меня для вас есть идея, по-моему полезная.

— Это что-то новенькое. — Голос Лумиса стал тонким из-за прозвучавшего в нем сарказма. — Но

сначала скажите, увижу ли я вас сегодня утром на собрании акционеров?

— Увидите.

— И еще, прежде чем я услышу вашу идею, сколько она будет мне стоить?

Палмер засмеялся, надеясь, что его смех звучит естественно.

— Почему бы сначала не выслушать идею? Тогда, может быть, у вас появится своя собственная, которая мне тоже понравится.

— Говорите.

Палмер чиркнул спичкой и закурил сигарету.

— Ваши люди еще не придумали какого-либо реального способа прекратить расследование сенатской комиссии?

— Нет. А вы придумали?

— Может быть.

— И я получу эту идею без всяких условий?

Палмер выдохнул дым в люминесцентную лампу.

— Конечно.

— Просто подарок одного джентльмена другому? — настаивал Лумис.

— Во многом именно так.

— Но я, сэр, не джентльмен. А вы, сэр, банкир.

На этот раз Палмер рассмеялся более естественно.

— Идея весьма проста. Почему бы не поговорить с генералом Хейгеном?

— О чем?

— О слиянии.

На другом конце провода наступила тишина. Потом:

— Вы обсуждали это с Эдди Хейгеном?

— Нет.

— Просто вы, так сказать, по доброте душевной пришли ко мне со своей идеей? — спросил Лумис.

— Не совсем так, — признался Палмер. — Вот уже несколько дней я размышляю, как бы я сам выпутался из этого положения, будь я на вашем месте. Этот путь кажется мне вполне реальным.

— Хейген ваш друг. Какова, по-вашему, будет его реакция?

— Не имею понятия. Мы с вами можем обсудить это за ленчем, после собрания.

— Д-да. — Потом больше для себя, чем для Палмера, Лумис сказал: — Очень интересно. Если мы сольемся, Гаусс будет работать на Джет-Тех, и подкомитету, ведущему расследование, нечего будет расследовать. — Лумис долго молчал. — Не могу сказать, чтобы я всегда одобрял ход вашей мысли, мистер Палмер, но иногда я восхищаюсь результатами.

— Почти то же я чувствую в отношении вас, мистер Лумис, — ответил Палмер. — Скажите, сэр, как вы считаете, есть ли у вас возможность выбора линии поведения на сегодняшнем собрании акционеров?

— Д-да. Я могу начать колебаться и поднять общий шум. У меня есть поддержка.

— Моя идея успешного поднимания шума, — сказал Палмер, — заключается в следующем: необходимо иметь очень прочную базу дома для того, чтобы позволить себе поднять шум вне его. Вы тоже так считаете, мистер Лумис?

— Давайте не морочить друг другу голову, — ответил тот. — Я обещаю вам мирное собрание, если вы обещаете серьезное отношение Хейгена к слиянию.

— Что ж, услуга за услугу. Давайте на этом и порешим.

— С одной поправкой, — добавил Лумис. — ЮБТК должна возвратиться к просьбе Джет-Тех о займе.

— Та же сумма и те же условия?

— Я оставляю это на ваше усмотрение.

— Тогда сумма и условия будут другими.

— Мистер Палмер, все в ваших руках.

— Спасибо, мистер Лумис.

— Пожалуйста, мистер Палмер.

— Мы поговорим об этом попозже сегодня, мистер Лумис.

— С нетерпением жду этого, мистер Палмер.

— До свидания, сэр.

— До свидания.

Палмер потушил сигарету и вскочил с кресла. Ухмыляясь, он направился в столовую.

— ...Дурацкие лекции по половой гигиене и все такое, — жаловался Вуди.

— Если кому-нибудь это и нужно, — возразила Джерри, — так это тебе, нахал.

— Посмотрите, кто заговорил, — загудел ее брат.

— Что такое половая гигиена? — спросил Том.

— Прекратите, — сказал Палмер. Он повернулся к старшему сыну. — Вуди, это еще один тонкий подход к вопросу о деньгах? Потому что, если ты и какая-нибудь девочка...

— Вудс! — прервала его Эдис.

Лицо Вуди стало ярко-красным. Он постарался скрыть это, опустив голову и внимательно изучая содержимое своей тарелки. — Перестань, пап, — пробормотал он. — Я просто рассказывал, как глупо ведут себя девчонки в классе. В городе есть еще какая-нибудь школа, куда можно перейти на следующий год?

— Какое-нибудь высшее ремесленное училище, — доброжелательно предложила Джерри.

— Кто-нибудь может заставить ее заткнуться? — спросил Вуди.

— Я считаю, что лекции о половой гигиене — сплошная потеря времени, — заявила Джерри. — У нас они только что начались. После занятий одна из девочек закончила оставшийся курс за какие-нибудь пять минут. Даже включая детали, вроде оберточной пленки и прочей чепухи.

Палмер нахмурился:

— Каких деталей?

— Прозрачная пленка, в которую заворачиваются завтраки, — объяснила Джерри. — Повальное увлечение всех подростков. Правда, Вуди?

Лицо ее брата приняло темно-красный оттенок.

— Замолчи! — прорычал он.

— Повальное увлечение? Чем? — спросил Палмер.

Эдис встала и начала собирать тарелки.

— Кончил, Том? — быстро спросила она.

Младший сын покачал головой.

— Повальное увлечение чем? — как эхо повторил он.

— Противозачаточное средство для бедняков, — объяснила ему Джерри, — ничего не стоит, легко входит и...

— Стоп! — Палмер переводил взгляд с одного ребенка на другого и наконец посмотрел на жену. — Интересно, в других семьях тоже говорят об этом за завтраком? — спросил он. — Она твоя дочь. Эдис широко и как-то плутовски улыбнулась ему: — Как же иначе, по-твоему, быть на уровне последних достижений современной техники?

Глаза Палмера расширились от удивления.

— Химические компании тратят много миллионов на развитие... — Он замолчал и беспомощно уставился на свою вилку. — А эти интеллектуальные дети просто... — Он снова замолчал. Потом повернулся к Джерри: — Где ты раздобыла эту прелестную информацию?

Девочка беззаботно махнула рукой:

— После урока о половой гигиене.

— Ладно. Держи это при себе... Нет. Ничего. — Палмер крепко потер щеку. — Думаю, что нам лучше иметь представление о твоих знаниях. — Он еще раз посмотрел на часы и тут же встал.

— Если леди и джентльмены, присутствующие здесь в акушерской, разрешат мне, я имею срочный вызов в операционную. — Кивнув каждому, он покинул комнату.

Выглянув в окно, он увидел через ажурно-бетонный фасад, что банковский «кадиллак» уже стоит перед их домом. Шофер приехал на пять минут раньше обычного, отметил Палмер. Между прочим, вспомнил он, это происходило теперь каждое утро начиная со вторника, когда у них с Бэркхардтом произошел открытый обмен мнениями. Банки всегда были довольно тихими изолированными заведениями, но система тайной коммуникации работала в них со скоростью света.

Палмер отдыхал на заднем сиденье «кадиллака», пока тот, повернув на восток, к деловым кварталам, мчался по узким рядам Ист-Ривер-драйв. Развернув «Таймс», Палмер с удовольствием отметил, что сообщение о расследовании дела Джет-Тех перенесено в деловой раздел газеты, где ему отвели небольшое место почти в самом низу страницы. Он перешел к биржевой таблице и увидел, что курс акций Джет-Тех выровнялся на 31, а акции ЮБТК упали на полпункта. Поскольку никто теперь лихорадочно не скупал их, цена, по всей вероятности, в течение нескольких последующих недель будет постепенно падать, пока не дойдет до уровня, на котором была шесть месяцев назад.

В финансовом районе деловых кварталов города Палмер остановил машину, не доезжая двух блоков до

ЮБТК, и отпустил шофера. Он зашел в табачную лавку, купил пачку сигарет и получил два доллара сдачи. Из единственной телефонной будки магазина он позвонил Эдди Хейгену в его контору в Нью-Ингленд.

— Я звоню из автомата, — объяснил он Хейгену. — Меня только что пытались зондировать из Джет-Тех.

— Что такое, дружище? — спросил Хейген. — У тебя больной желудок?

— Слушай внимательно, — сказал Палмер. — Они хотят поговорить с вами о слиянии.

— Ха!

— Точно. В этом случае они освобождаются от сенатского подкомитета. Ты тоже.

— Джет-Тех не смогла проглотить нас, — сказал Хейген. — Вот у них-то уже болит живот от обжорства. А ваша компания не будет платить.

— Мы можем возобновить обсуждение займа.

— Какое слияние они предложили? Передача акций?

— Никаких деталей. Просто заинтересованная готовность.

Хейген некоторое время молчал.

— Мы могли бы использовать их вычислительные машины. В других отношениях мы не подходим друг другу. Смешивать нашу и их продукцию — порочная идея. По ряду пунктов мы конкурируем с ними.

— Не говори со мной о производстве, Эдди. Я просто передаю вам их просьбу. Почему бы не поговорить с ними? Вреда не принесет.

— Как сказала страждущая дева, — добавил Хейген. — Ты помнишь, что с ней случилось? Ее изнасиловали.

— Да или нет, Эдди?

— Как, черт возьми, я могу сказать? — фыркнул Хейген. — У меня есть правление, с которым надо советоваться.

— Могу я передать Джет-Тех, что ты обсудишь их предложение со своим правлением?

— Почему же нет, черт побери. Скажи им это. Но, Вуди?

— Да?

— Из-за твоей последней услуги, мой старый армейский дружок, я попал как кур во щи по самый пупок. На этот раз я прошу защиты.

— Какой?

— Если мы объединимся с Джет-Тех, они должны понимать, что судьба их займа в ЮБТК зависит от их хорошего отношения ко мне.

— Господи, Эдди! Это уж слишком.

— Да или нет? — спросил Хейген.

— С моей стороны да. Но кроме меня, есть правление директоров.

— О'кей. Скажи Джет-Тех, чтобы позвонили мне. Кто там, Лумис?

— По всей вероятности, он.

— Напомни мне надеть для этой встречи железный панцирь. До свидания, старый армейский друг.

— До свидания, старый жмот.

Палмер медленно шел по Брод-стрит.

Небо над головой было холодное и чистое. Между устремленными вверх серыми домами оно казалось маленькими осколками льда. Палмер постоял на углу, слушая хлопанье каких-то гигантских крыльев. Прищурившись, он посмотрел на ясное небо и увидел вибрирующую массу поднимающегося вертолета. Он задержался немного, повисел на своих медленно вращающихся винтах, похожий на ястреба, высмотревшего добычу. Потом плавным толчком он рванулся вверх и исчез. Спустя момент гул огромных лопастей заглушили нетерпеливые автомобильные гудки. Палмер посмотрел на окружающие его здания — старые, дряхлые в своих мантиях из манхэттенской сажи, новые уже местами покрылись струпьями под действием едкого нью-йоркского воздуха. Палмер вздохнул и почувствовал типичные запахи этого города и этого района: слегка солоноватый, чуть-чуть гнилостный запах реки и сладковатое зловоние выхлопных газов. Обыкновенный человек не мог бы дышать таким воздухом, эта атмосфера враждебна большинству земных существ.

Он медленно шел к главному управлению ЮБТК, размышляя, сможет ли он или кто-то другой долго прожить в этой чуждой им атмосфере. Неожиданно, путем каких-то сложных ассоциаций возникла мысль о Вирджинии.

Он вошел в телефонную будку и набрал номер своей конторы, но тут же медленно опустил трубку на рычаг. Он позвонит ей после собрания, решил он, или же, еще лучше, позвонит на обратном пути из банка и пригласит ее куда-нибудь выпить. Он точно не знал, о

чем они будут говорить. Казалось, все уже решено. Но он почувствовал бы себя лучше, если бы пригласил ее. Даже если она откажется, он будет чувствовать себя лучше.

На секунду он прислонился к стене будки. Еще одна машина подъехала к входу в ЮБТК и высадила трех пожилых директоров. Интересно, подумал Палмер, многие ли из этих престарелых джентльменов имеют представление о подоплеке нынешнего собрания, которое, как обычно, пройдет гладко, усыпляюще скучно. Есть ли у кого-нибудь подозрения — кроме горстки посвященных, чуют ли они предательство, ложь, шантаж, подкуп и хитрую паутину давления, контрдавления, маневрирования и контрманеврирования, которую Палмера вынудили сплести? Видели ли они за вежливым молодым лицом своего вицепрезидента — исполнителя что-либо большее, чем благоразумного, хорошо образованного белого протестанта, человека их собственного толка? Видели ли они интригана, лжеца и изменника? Проник ли кто-нибудь из них сквозь гладкий актерский фасад, чтобы увидеть его другие роли?

Стоя в телефонной будке, Палмер понял, что ни один из них при взгляде на него ничего подобного не замечал. Даже Бэркхардт или Лумис не могли осознать каждую мелочь, каждую ложь, каждую ниточку интриги. Они видели того, кого должны были видеть, — человека, созданного по их образу и подобию. Неожиданно Палмер понял, что они правы. Он стал одним из них. Наконец-то.

Он вышел из будки и очень медленно пошел к банку. На перекрестке он неожиданно устремился через улицу. Бешеный автомобильный гудок резко отозвался у

него в ушах. Палмер продолжал шагать, ничего не видя, квартал за кварталом. Зловоние реки забило ему ноздри.

На следующем перекрестке лишь какой-то слабый инстинкт самосохранения заставил его поднять глаза. Прямо перед ним лежал Бэттери-парк. Палмер вынырнул из последнего грязного ущелья и быстро пошел к воде.

В парке без деревьев были только очень старые и совсем юные граждане. Старики, сидя на скамейках, следили за двумя пароходами, медленно отходящими от пристани. Дети толпились вокруг продавца воздушной кукурузы и конфет. Палмер стоял возле замшелого парашута и пристально смотрел на юг в самое сердце гавани.

Он следил за двумя пароходами, которые осторожно разворачивались, ведомые буксирами. Слева Палмер с трудом разглядел светло-зеленый цоколь статуи Свободы. Он напряг зрение, и на мгновение перед ним появилась ее остроконечная корона, а потом ее снова заволокло дымом.

Палмер повернулся спиной к гавани и посмотрел на неровную, рваную линию горизонта, похожую на температурную кривую лихорадящего больного. Палмер проследил взглядом энергичные рывки вверх и темные провалы этой беспокойной души. Все там было, решил он. И ни одной спокойной, ровной линии.

Он спросил себя, как долго он сможет это выносить. Он спросил себя, смогут ли они с Эдис преуспеть в этом ужасном городе. Он вспомнил тихие озера и плавные лесистые холмы Мичигана. А что будет летом? Ни на один вопрос ответа он не получил.

Над вершинами вздыбленных, как утесы, зданий финансового района плоской белой плитой возвышался новый утес, на котором мерцало электрическое табло, сообщающее температуру воздуха и время суток. Мгновение Палмер смотрел на него: 41° 9:45; 41° 9:45; 41° 9:46.

Он бросил взгляд на свои руки и увидел, что маленькие острые кусочки черноватой ржавчины прилипли к ладоням. Он потер их друг о друга, ощущая этот дар города.

Но, господи, ведь в моем возрасте никто в отставку не уходит, подумал он. Я не играю на пианино, не коллекционирую марки и не пишу картины.

Его снова охватило непреодолимое желание позвонить Вирджинии. Оглянувшись, он поискал глазами телефонную будку и, не найдя ни одной, быстро пошел из парка. Оказавшись опять в глубоких ущельях города, он почувствовал почти непередаваемое облегчение. Тесные огороженные пространства успокоили его. Узкие протоки улиц действовали как-то умиротворяюще. Он прошел мимо трех телефонных будок. Когда Палмер вошел в банк, швейцар приветствовал его коротким, сдержанным жестом. Палмер улыбнулся, кивнул и на мгновение задержался под высоким сводом этого золотого и зеленого необъятного пространства. Он услышал, как работает счетная машина ИБМ. Ее четкий ритм подсказал ему, что машина считает и печатает квартальные карточки дивидендов сберегательных счетов. Улыбка медленно сошла с его лица. Он направился к лифту, зная, что большинство служащих откровенно следят за ним, догадываясь о его действительной власти. Он знал также, что вид у него

сейчас вполне внушающий доверие. Он казался сросшимся с банком.

В конце концов это было лучшее, если не единственное, к чему он был способен.